

Дорогие звери и птицы

Предисловие

Люди и звери…

Существует, расхожее мнение, будто бы зверям и птицам никогда не быть похожими в своих действиях на человека. Во-первых, он трудится при помощи орудий, изготавливая их себе сам, а животные действуют только теми органами, какими их снабдила природа. Во-вторых, животные, в отличие от людей, работающих всегда разумно, всё делают инстинктивно, им не зачем учиться, ведь учиться возможно, лишь общаясь со своим учителем, получая от него указания и понимая их, тогда как животные, по утверждению человека, к этому не способны, им, якобы, не присуща сообразительность, а значит, и элементы игрового поведения. И, в-третьих, совместность человеческого труда отличает его от «работы» всех остальных животных: люди работают не только рядом, но и объединено, более опытные при этом поучают начинающих, и если условия труда каждый раз меняются, то люди действуют по-иному, чего, мол, никогда не достичь представителям звериного и пернатого царства… Но так ли это верно? И неужели никто из зверей или птиц не поразит наше воображение своим умением?!

В этой связи вспоминаются знаменитые Дарвиновы вьюрки, которых он обнаружил, путешествуя на корабле «Бигль» по Галапагосским островам, и, изучая их, пришёл к интересному выводу: из-за конкуренции в еде птицы одного и того же вида приобрели разные черты, а среди древесных вьюрков выделился так называемый «дятловый», который с большим умением пользовался «орудием труда»… Сначала птица находит место, где, по её предположению, может оказаться добыча, постукивает клювом по стволу, прислушивается, а услышав то, что её интересует, отдирает кору и обнаруживает ход. Однако достать насекомое оказывается невозможным – клюв у вьюрка короткий, к тому же у него отсутствует липкий, как у дятла, язык, и тогда птица срывает колючку кактуса, засовывает её в отверстие и вытаскивает насекомое из щели. Любопытно, что добыв себе корм, вьюрок не выбрасывает колючку, носит её с собой, пользуясь ею многократно, а когда случается, что рядом не оказывается колючки, птица изготавливает «инструмент» сама – отламывает маленькую веточку, укорачивает до нужного размера и обрывает сучки с листочками.

Но хрестоматийный пример с вьюрком далеко не единственный. Известная голландская исследовательница поведения животных Джейн ванн Лавик-Гудолл наблюдала в Восточной Африке, как пользовались орудием для добывания пищи уже более крупные птицы – стервятники. Птицы собрались у брошенной страусиной кладки, но ни сипы, ни грифы не могли разбить толстую скорлупу, и один стервятник, взяв в клюв камень, направился к яйцу и сильным движением головы вниз бросил его, но яйцо не разбилось, затем он поднял камень и снова швырнул, но опять промахнулся,

и только третий бросок оказался удачным, после чего стервятник стал лакомиться потёкшим на землю желтком. Тотчас к нему бросились три более крупные птицы и оттеснили его в сторону, но стервятник, расколовший яйцо, уже направлялся с камнем к следующему…

А наш журавль-красавка? Птица эта водится в степи и устраивает свои гнёзда прямо на земле, где обычно гуляет сильный ветер, который раскатывает яйца. Для того, чтобы этого не происходило, журавли обкладывают яйца крупными гальками, за которыми летают на речку, километров за пятнадцать-двадцать… Это ли не применение орудия, способствующего сохранению кладки и выведению птенцов?!

Усложняют вопрос об «орудийной деятельности» и обезьяны, которые там, где для добычи плода не хватает палки, приносят откуда-нибудь её, а если таковой по длине оказывается недостаточно, то есть, с её помощью добыть плод не получается, изготавливают из двух палок одну. Обезьяны способны пользоваться за столом ложкой и вилкой, чистить зубы, кататься на велосипеде и автомобиле. Известен случай, когда павиан-бабуин стал отличным пастухом коз на одной из ферм в Южной Африке: он охранял животных, отгоняя вицей от чужих стад, собирал их в гурт, если они слишком разбредались, а вечером пригонял домой. Шимпанзе очень нравится рисовать, и если их останавливают и отбирают рисунок, то они начинают волноваться, по-видимому, представляя, каким должен быть законченный рисунок, а когда им его возвращают, то они рисуют с того места, на котором прервали работу, и доводят её до тех пор, пока не посчитают рисунок завершённым. Японские макаки, прежде, чем употребить в пищу плоды батата, обваленные в грязи, обмывали их в воде, а в дальнейшем передали эту привычку своим детёнышам, и всё это доказывает, что обезьяны имеют конкретное образное мышление и способны к элементарной абстракции и обобщению. Многие звери по развитию собственных инстинктов могли бы наверняка использовать ещё какие-либо орудия труда, как, например, калан, разбивающий камнем известковую оболочку морского ежа, да только они им, чаще всего, просто не нужны: звери прекрасно обходятся и так, с помощью отпущенных им природой органов, которыми владеют мастерски…

Привычкой обучать учёные наделяют только человека, тогда как любому леснику, чья жизнь тесно связана с лесом, доподлинно известно стремление волчицы воспитывать волчат, подготавливая их к суровой жизни в условиях дикой природы. Когда волк приносит к норе добычу, волчица позволяет волчатам немного обнюхать и потрепать её, затем уносит подальше от логова, в глубь чащи, а через какое-товремя щенки бросаются разыскивать спрятанное волчицей, уже заслуженно расправляясь с жертвой. Таковы первые уроки матери по отношению к своим детям, которые благодаря врождённой способности угадывают её след и место, куда она спрятала добычу.

Когда волчата немного подрастут, волчица использует в обучении уже живую добычу, приносимую волком. Например, слегка придавленного зайчонка, которого она на глазах у волчат отпускает, долго не позволяя им преследовать обречённую жертву, и лишь терпеливо выждав необходимую паузу, отпускает волчат в погоню, следуя по их следам и оценивая работу. Так, постепенно, волчата познают таинственный мир природы, в котором им надлежит существовать, и от того, как тщательно они познают его законы, зависит их жизнь.

А совместность труда? Разве отличает она волков от людей, которые работают не только рядом, но и объединённо? При этом, как мы могли убедиться выше, более опытные звери обучают начинающих, а потом, когда малыши подрастают и условия труда каждый раз меняются, волки, соответственно, и действуют по-иному, например, охотятся.

Гуси или утки обычно ночуют на песчаных отмелях какого-либо лесного озерца, и волки обходят их, отрезая путь к отступлению. Сначала один волк или волчица заходит с противоположной стороны и пугает птиц подвыванием, чем даёт сигнал остальным зверям, которые только этого ждут и молниеносно набрасываются с тыла на ничего не подозревающих птиц, с любопытством и страхом вытягивающих головы к доносящемуся до них волчьему вою…

Хорошо известно и умение волчьей стаи загонять сохатого или оленя, а порой, в особо лютые зимы, волки поднимают из берлоги и самого топтыгина…Ни у кого из зверей, наверное, нет больше такого строгого разграничения обязанностей, как в волчьей стае. Каждому в ней – по его способностям, выносливости и силе.

Одни – отыскивают зверя, другие – загоняют его в удобном для стаи направлении, а кто-то мёртвой хваткой останавливает жертву и валит её на землю. Порой волки гонят коз или баранов к краю какого-нибудь скалистого обрыва, где внизу уже ждёт зверей засада и неминуемая расправа, или выжимают лося на лёд реки, где тот, конечно, теряет опору и будет растерзан. Всё в стае подчинено беспощадной борьбе за жизнь, и при этом волки никогда не отступают от жёсткого внутреннего распорядка, совместно добиваясь желаемого для всей стаи результата.

Совместные действия в выполнении своего труда я совсем недавно обнаружил у себя в огороде, у маленьких садовых горихвосток, которые сразу после прилёта начинали устраивать гнёзда, а в качестве материала для них «воровали» паклю из пазов дома, располагающуюся между брёвен. Одна горихвостка, это был самец, прихватывает в клюв выбившиеся за зиму волосинки и, подрабатывая себе в воздухе крылышками, тянет, что было сил, на себя, а самочка, подлетев сбоку, суетливо порхает, стараясь поудобнее подстроиться рядом, и ловко перекусывает волосинку пакли у её основания, после чего обе птички исчезают под карнизом, а через некоторое время вновь появляются, и всё в точности повторяется…

Вот и муравьи-листорезы, которые без остановки перемещаются по лесным тропинкам Южной Америки с обгрызками листьев, передают их затем своим собратьям – муравьям-листорубам, и те, пережёвывая эти листья, смачивают их выделениями, укладывают в особые камеры и готовят удобрение для выращивания … грибов, которыми и питаются. Трудно отыскать более согласованную, даже разумную, деятельность в мире природы. И не у этих ли муравьёв люди когда-то научились выращивать в парниках огурцы и помидоры? Что уж говорить о совместной деятельности бобров, которые возводят такие сооружения, что просто трудно себе представить, как животное способно на такое, а зимой, ко всему прочему, бобры спускают часть воды из запруд, чтобы подо льдом образовались пустые пространства, где они резвятся и кормятся.

Инстинкт многих зверей, достигший в течение своей эволюции удивительных пределов, вызывает у нас истинное восхищение, тогда как разумность человека во многих вещах оставляет желать лучшего. Если мы обратимся к той же способности животных «соображать» или, по крайней мере, находиться в непосредственной близости у границы разумной деятельности, то как тут не вспомнить лисоньку – куму Патрикеевну, в которой русский народ всегда отмечал замечательную способность быть увёртливой и чуткой: благодаря своим умным повадкам она сытее волка живёт, а если приведётся – и человека проведёт… Так, не раз удостоверившись в том, что ёж боится воды, лиса всегда постарается столкнуть его лапой в лужу или ручей, но если воды рядом не оказывается, она … мочится на ежа, и тот разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах умного хищника…

Заботливая тетёрка, когда её потомству угрожает опасность, любыми путями норовит отвести от него беду, и чаще всего изображает себя подраненной, не способной лететь. Всё её существо сосредоточено на этом спасении, в такие минуты она совершенно преображается, и в силу ответственности перед птенцами уводит от них хищника, жертвуя собой. Правда, последний, как правило, остаётся ни с чем, поскольку арсенал изощрённых приёмов у не на шутку обеспокоенной матери поистине безграничен.

В этом доподлинно убеждаешься, если хотя бы раз сам воочию увидел, как тетёрка неловко, скособочившись, перебегает, рискуя вот-вот оказаться в зубах лисы или рыси, но этого не происходит. В последний миг, перед самым носом разохотившегося зверя, птица вдруг находит в себе силы и ускользает, но далеко не отлетает, а опять начинает прихрамывать, то и дело припадая к земле, или приволакивает якобы повреждённое крыло, тем самым увлекая хищника в сторону от птенцов. Не раз наблюдая за подобным поведением тетёрки, меня не покидало ощущение той поразительной изобретательности, с которой птица изображала себя нездоровой, и ещё не покидало ощущение, что тетёрка … импровизирует! Птица всегда умудрялась придумывать что-то

новое, придавая своим действиям удивительную доподлинность, и вот эта вымеренность её ухищрений просто восхищала!

Эволюция обыкновенных дождевых червей снабдила их реакцией удирать от крота, на приближение которого указывают малейшие сотрясения почвы. Так или иначе, червяки боятся её вибраций, и тотчас выбираются на поверхность, но это не всегда оборачивается для них спасением. Догадливые чибисы, маскируясь под крота, выгоняют червей из-под земли, быстро потряхивая по ней вытянутой вперёд ногой, и ловко поддевают их на клюв. А чайки заставляют червей покидать свои норки, топоча ногами, несколько раз в секунду поднимая и опуская лапки. Это ли не свидетельство ещё одной удивительной способности птиц обобщать виденное ими ранее, в конечном итоге, употребляя себе на пользу?!

Ум животных, конечно, проявляется и в игре, в которой хорошо угадываются их возможности и характер. Игра непременно должна нравиться животным, ибо и звериным детёнышам присуще такое поведение, когда они тешатся и резвятся, словом, забавляются, а значит, получают от игры удовольствие и радость. Не зря в народе говорилось: «Игра потеху любит».

Играют без удержу волчата и лисята, бельчата и слётки горихвостки, воронята и барсучки, выражая отношение к окружающей жизни, в которой они оказались. Сама природа снабдила их подобными свойствами: бегать, затаиваться и бороться, показывая свою прыть, в общем, быть удальцом среди всех, развивая, между тем, силу духа, отвагу и цепкость, терпение и настойчивость. Способность не бояться врага тоже вырабатывается в игре, и если мать принесла волчатам медвежью кость, то они обнаруживают в ней достойного соперника и без страха бросаются в свою первую в жизни схватку со «зверем», которого, конечно, побеждают, и радуют этим родителей. Природа берёт своё, но всегда с устремлением на развитие навыков у зверёнышей, которым вскоре придётся добывать пищу, перемогать голод и холод, самим воспитывать подрастающее потомство, не теряя при этом желание играть, тешить себя доступной забавой…

И как тут не вспомнить нашего лесного доброхота, всеми уважаемого в народе Михайло Ивановича Топтыгина, который не даёт себе скучать, когда сыт, и от того нравом не злобив, знай дуги себе в лесу гнёт: гнёт – не парит, переломит – не тужит. А больше всего любит потешить себя игрой на «музыкальном инструменте»… Обнаружив сухостойное гулкое дерево, расщеплённое молнией или поверженное ураганом, медведь, усевшись поудобнее рядом, ударяет по нему лапой, с удовольствием слушает, и эта добродушная черта, очевидно, на какое-то время завладевает диким зверем. В медведе думы много, да вон нейдёт, вот он и пытается вывести своей «игрой» общую для всего живого радость, и ведь, несомненно, сам от своей «игры» переживает истинное удовлетворение! Не дал Бог медведю слуха, а он за то ни на кого не в обиде: как хочет, так и ворочит!

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру… Был ясный мартовский полдень, и выдра на

солнце казалась неугомонным ребёнком. Она неутомимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлёпала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе, и выдра использовала горку неоднократно, потому как от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь…

Горазды до безудержного веселья и зайцы: что только они не выделывают, охваченные приближающейся весенней порой! Зайцы необыкновенно игривы, и весной совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания, и это почему-то не удивляет, а только радует. Игривость – отличительная черта характера этого милого зверька, который даже капусту в огороде у человека считает посаженной собственно для себя.

На протяжении большей части года зайцы ведут себя очень осмотрительно, но весной благоразумие покидает их. Бывает, весь день носятся они по угодьям в поисках пары, и дело в таких случаях не обходится без потасовки. Борьба самцов очень забавна, когда они бесстрашно бросаются друг на друга, привстают на задние лапки и что есть мочи барабанят передними лапками в грудь соперника, а затем разбегаются в стороны и садятся столбиками. Потом с разбегу опять устремляются навстречу друг другу, кувыркаясь по мягкой траве. Кажется, будто зайцы сбегаются со всей округи, так их бывает много. Они громко лопочут, стучат лапами о землю, приподнимаясь и смешно прискакивая.

Ещё зайцы устраивают соревнования по прыжкам, и в своей безудержной весенней беготне вдруг неожиданно замирают и прыгают через межу – кто дальше. Но терпения на прыжки у них не хватает, и они вновь принимаются носиться. Зайцы в эту пору окончательно теряют голову, чаще без толку бегают взад-вперёд, и в народе об этой поре в заячьей жизни судачили так: «Рубль бежит, а десять других догоняют».

Когда стаивает снег и полянки покрываются молоденькой шелковистой травкой, зайцы любят покувыркаться на ней, понежиться на солнышке. Они отупело и восторженно резвятся, а то вдруг заверещат и тут же присядут. Зайцы будто сходят с ума в эту восторженную пору, и часто бывает нелегко разобрать, когда заяц играет, а когда шалеет от весны.

Впрочем, где-нибудь в январе, морозной лунной ночью, косые устраивают дружные хороводы вокруг поваленной лосем осинки. Наследят так, что, разбирая поутру место их кормёжки, поразишься: вытоптаны чуть ли не целые полянки, которые всегда усыпаны серовато-зелёными шариками их помёта, а веточки у деревца обгрызаны до сахарной белизны. На славу погуляли неугомонные зайцы, и, судя по оставленным следам, они не только лакомились сладкой осиновой коркой, но и общались. В зимнюю пору, когда заячье меню не отличается разнообразием, зверьки с удовольствием собираются в таких укромных лесных уголках, и чуть ли не до восхода солнца радуются своему незамысловатому счастью.

Заяц не устаёт играть, ибо в этом его суть. Он не в силах долгое время находится без движения, и потому всегда ищет, чем бы ему поживиться или как себя занять. В радости зайцы друг друга находят, и, разыскав, все горести забывают. Облегчение, которое заяц обретает в игре, выше всякого смысла в его непростой лесной жизни.

Ну, а самопожертвование животных? Уж у кого, как не у них, человеку надлежит без устали учиться той преданности, с какой звери и птицы заботятся о своих детёнышах, вставая на их защиту. Не всякая человеческая мать способна на полное самоотречение, с которым глухарка спасает птенцов от пожирающего всё на своём пути лесного пала, когда сидит на гнезде…

Огонь безжалостно подбирается всё ближе и ближе, и птица, желая хоть как-то оборонить кладку яиц или только что вылупившихся глухарят, всеми способами начинает нагребать вокруг гнезда вал из лесного мусора, а если это не помогает – распластав крылья, ложится на гнездо, укрывая собой своих детей, и погибает вместе с ними… Что может превзойти подобную верность, выражающую полную преданность другому, не себе, стойко и без оглядки отдавая собственную жизнь? И это птичья мать, не человеческая, которая по своему предназначению должна поступать ещё самоотверженней, быть более чистой, но она, как мы знаем, порой отказывается от своего ребёнка и подбрасывает его чужим людям, нередко даже убивает…

Больше всего меня беспокоит то, что сами люди не хотят быть такими, какими они могут быть, какой показывает себя эта преданная глухарка, что хоть и инстинктивно, но удивительно трогательно приносит себя ради детей в жертву. И вот, люди мучают себя и друг друга из-за этой душевной лени, и один Бог ведает, до каких пор это будет продолжаться. И самое главное – не развивают себя. А надо-то всего лишь заглянуть в свою душу и ответить, кто ты, зачем на этой земле живёшь, и что только опираясь на свой земной опыт и опыт дорогих тебе зверей, птиц и растений, ты способен преодолеть животное в инстинктах, обретая, благодаря их развитию, истинную мудрость.

Ведь предназначение души – это достижение истины именно через опыт земной жизни, через те усилия, которые мы затрачиваем в её постижении, и всё это, конечно, невозможно без общения с природой, в которой и животные, и птицы, и растения порой оказываются в своём опыте гораздо выше многих людей. Не будем забывать, что дорогие нам животные и птицы созданы и для того, чтобы человек не забывал о тех возможностях, что открываются перед ним, когда он чтит могущество Бога, неустанно наставляющего: «Того ждёт благо, кто равно любит и людей, и птиц, и зверей».

Вороний суд

Однажды, уже на исходе зимы, мне посчастливилось увидеть, кажется, совершенно неправдоподобную картину – вороний суд. В народе издавна ведётся поговорка, суть которой я долго не мог взять в толк: «Ворон ворону

глаз не выклюет, а хоть и выклюет, да не вытащит, но уж коли выклюет и вытащит, так оба!» Как нужно рассердить птиц, и что такого, по птичьим понятиям, должно произойти, чтобы они, достаточно сплочённые в своём врановом семействе, решились на подобное? По-видимому, нужно очень провиниться, не следуя исконным вороньим законам, чтобы тебя осудили и, мало того, жестоко расправились!

Я и раньше слышал, что у птиц вороньей породы, как и у некоторых других, есть своего рода общественный суд, хотя сам с этим явлением никогда не сталкивался, да и, честно признаться, мало в него верил. А как-то раз, почти уже выходя из леса неподалёку от деревни, вдруг заслышал оглушительное воронье карканье, и стал подкрадываться. По тому, как птицы надсадно и возбуждённо кричали, стало понятно, что среди ворон происходит нечто необычное.

И действительно, вокруг большой поляны, на берёзах, располагалась стая воронья, а внизу по снегу бродили, в раскачку, ещё несколько птиц. Правда, одна из них находилась почти без движения, чуть поодаль от других, и только крутила головой, тогда как остальные оглушительно каркали и даже шипели, вытянув головы в сторону притаившейся вороны. Не покидало ощущение, что эта одинокая птица чувствует себя … виноватой.

Где-то я читал, что перед тем, как «вынести приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, а если подвергнутая суду ворона ведёт себя как-то неправильно или за ней числится большая вина, то все вороны, в конце концов, слетают с дерева и набрасываются на неё, заклёвывая порой до смерти. Но случается это, якобы, крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут столь грозному наказанию кого-нибудь из собратьев.

И, тем не менее, всё происходило именно так, как я когда-то слышал от одного старого и очень опытного охотника. Это было удивительно! Я бы раньше никогда не поверил, что такое, вообще, возможно, если бы не пришлось столкнуться с вороньим судом самому. Причём, прямо рядом с человеческим жилищем!

Птицы дружно облепили нижние сучья деревьев с одной стороны поляны, и чуть ли не сваливались с них от охватившего их возбуждения. «Подсудимая» же ворона, по-видимому, это была именно она, одиноко замерла в недобром предчувствии: что-то сейчас будет? Я притаился за маленькими ёлочками, внимательно наблюдая за происходящим.

Вороны надсадно кричали, перелетали с дерева на дерево, как будто распаляя себя, и вот-вот готовы были броситься всей стаей на несчастного изгоя. Одинокая ворона сиротливо вжимала голову в плечи, и только беспомощно разевала клюв. Ей было страшно, она уже, видимо, смирилась со

своим незавидным положением, но всё последующее произошло так стремительно, что я даже не успел среагировать.

Ближние к вороне птицы, проваливаясь в талый снег, неожиданно ринулись к ней и вмиг накрыли своими телами. За ними тотчас спустились с деревьев остальные, так что вокруг «приговорённой» вороны образовалась целая куча. Крик стоял неимоверный, вороны, казалось, совершенно обезумели, и это уже был не суд, а натуральная бойня. Но, как говорится, всяк судит по своему, по своим понятиям, и это была воронья правда. Я и не думал вмешиваться, поскольку хотел посмотреть – чем всё кончится?

Птицы судили своего собрата, видимо, за дело, хорошо представляя, в чём он провинился. Но поскольку рассуждать не умели, то, громогласно осудив проштрафившегося соплеменника, тотчас надавали ему изрядных тумаков. Мне всё-таки стало жаль бедную ворону, которая в своих вороньих устремлениях вряд ли чем-либо отличалась от своих собратьев, и я вышел из-за кустов на поляну.

Воронья стая всполошилась. Птицы ещё оглушительнее загалдели и начали взлетать. Но две-три, всё же, остались на снегу. Распалившись не на шутку, они не могли вот так сразу оставить свою жертву, несмотря на то, что та уже еле-еле двигала ногами, перевернувшись на спину. Крылья её распластались по снегу и только изредка вздрагивали, тем более, что другая ворона уцепилась клювом за одно из них и неистово тянула на себя, тогда как ещё одна то и дело клевала поверженную беднягу, выдирая клочья перьев. Не в силах сопротивляться, несчастная ворона полностью отдалась на волю судьбы. Взъерошенная, похожая скорее на измочаленную швабру, выглядела она плачевно.

Пока я шёл к растерзанной вороне, то и дело, проваливаясь в сырой снег, её обидчицы, наконец, отступили, причём, с неохотой, но совсем не улетели, а уселись неподалёку на берёзах, видимо, ожидая ещё продолжить свою расправу. Жаль не для того, чтобы расправить для полёта крылья…

Стоял ослепительно солнечный февральский день, с ярко-синим чистым небом, и только что произошедшее на моих глазах никак не укладывалось в голове. Но это была дикая природа, со своими суровыми законами, по которым одними поклонами не отделаешься. Лесной суд приговорил несчастную ворону платить, и ей никак нельзя было отсудиться, кроме как лечь костьми перед безжалостным вороньим племенем за свои неведомые провинности. Нужно ли было мне вмешиваться в это воронье судилище, в котором всё вершится не человеческим умом?!

Когда я подошёл к побитой птице вплотную, ворона ворохнулась, привстала и неловко скакнула боком в измятый и окроплённый её кровью снег. Она сидела, нахохлившись, недобро воззрившись на меня карим глазом.

Пуганая ворона, говорят, куста боится, но эта, несмотря на только что перенесённую взбучку и весьма потрёпанный вид, вовсе не выглядела жалкой. В ней угадывалась, как ни странно, какая-то напористость,

несгибаемая непримиримость со своим незавидным положением, и я, рассмотрев ещё немножко бедную ворону, отступил.

Удалившись от вороньего побоища, я ещё раз оглянулся. Пострадавшая птица, еле приволакивая искалеченное крыло, ровно заслуженно побитый человек, всё-таки добралась до раскидистой ели у края поляны, и забралась под нижние ветви.

«Всякому своя судьба», - подумал я. Меня, вот, она привела на это место, и я оказался свидетелем произошедшего, о чём нисколько не жалею, потому как немало сил затратил в лесу на то, чтобы встретиться с подобным. А ворона, если ей это суждено, может быть, оправится, выживет, и ещё не раз провозгласит своё громогласное «карр-р». Нужно радоваться, что выпадает однажды увидеть в природе такое, ибо премудрые судьбы здравствуют Божьей волей и собственными молитвами!

Косой чёрт

За что только не почитали на Руси самого неприхотливого и любимого в народе серого зайку, но с неизменным уважением примечали и его дьявоьщинку, так никем и не обьяснимую. Люди верили, будто зайца чёрт сотворил, и колдуны с ведьмами после захода солнца превращаются в зайцев, поедающих капусту, припасённую хозяевами в погребах. Поэтому зайчатину не пробовали, и встреча с зайцами в лесу предвещала неминуемое несчастье.

Заслышав людской говор, топот лошадей или шум телеги, перебежит заяц дорогу, пытаясь перебраться в более спокойное место, и в этом уже видели верную неудачу. Непредсказуемые зайцы, по народному поверью, проигранные в карты одним лешим другому и движимые их дьявольской силой, не вызывали у путников восторга и, переметнувшись ошалело из колка в колок, не только умиляли своей сказочной доступностью, но и чем-то необъяснимым пугали.

Зайца изрядно стреляли, ловили петлями и кулёмами, добывали с ловчими птицами, но представление о том, что этот безобидный зверь связан с нечистой силой, тем не менее, не исчезало. Оно до сих пор присутствует в нас и неотступно манит, так что даже отчего-то становится сладко жить с ним, не беря в голову ничего дурного. С нами крёстная сила!

Знающие люди уверяют, что завидя в лесу бегущего зайца, нужно непременно свистнуть, отчего заяц может остановиться на секунду, насторожившись. Этот нехитрый приём усилит меткость выстрела, потому как по сидящему зайцу стрелять заведомо легче.

Но в случае с нашим зайцем представляет особый интерес одна из многочисленных странностей, подсмотренных человеком у животных. Ни желание добыть зверя переполняет человека, а овладение некоей тайной, состоящей в неожиданной для зайца оторопелости от услышанного звука. Будто он грехов когда-то насотворял, да и не поплатитлся за то, и так давно это было, что уж позабыто всё. Только некая настороженность, а более всего

- смиренность в зайце осталась, но если кто строго окликнет его, то заяц, сразу же, всё о себе вспомнит, и замрёт, поджавшись.

Видать, не ангельская то была душа, но и не чёрная. Хватало в ней и лёгкости с добродушием, и милого веселья. Казалось, что зверёк этот слаб памятью только о своём неведомом и полузабытом худом, отчего так обаятельно и выдаётся в нём порой его бесхитростная простота. Её в кладовых леса много!

И всё же, в зайце определённо сидит бесёнок: гуляй-де, знай, баловник, потешайся досыта, коли это судьбою уготовано. Бывает, напугает беляк до смерти, выбросившись из-под самых ног, замрёт где-нибудь у опушки, покосив чёрными маслинами глаз назад, так что сердце тотчас обмирает, и задаст вовсю стрекача через валёжник. Спохватившись, весело заулюлюкаешь ему вслед, но долго не можешь забыть остановившийся выпуклый взгляд косого, отчего всякий крещёный перекрестится, до того на него несвятимой, будто проклятой силой повеет. Бес в зайце, должно быть, его от других зверей обороняет.

Заяц создан таким и, ровно сирота, своего загадочного рождения не постигает, но особо из-за того не тужит. Не замыкаясь на скрытой в себе тёмной силе, он отдаёт волю простодушию и, изрядно напугав, тем же макаром тешит. Отдал заяц когда-то лесному богу душу, вот он его и терпит!

Необьяснимое поведение зверька, заключённое в его поразительной открытости и пристальном внимании к свистящему звуку, трогает человека гораздо сильнее, нежели возможность обыкновенного убийства, и он забывает про выстрел. Заяц, своей незатейливой доступностью, словно околдовывает не перестающего удивляться человека, а сам, между тем, прыгскок в пушистые ёлочки, да и был таков. Леший с ним, с косым чёртом, сладит, говорят при этом, и на мой век ещё зайцев осталось!

Рысь

Трудно увидеть в лесу осторожную рысь. Незаметно ходит и далеко слышит этот зверь. Шаг у рыси мягкий и вкрадчивый, порою - настороженный, а на уме одна корысть: как бы где порысить.

Рыщет рысь по полям, по лесам, что-нибудь да раздобудет себе на пропитание, на то она и рысь. Лиска охотится по мышам, рысь же ищет себе поживу покрупнее: то придавит лапой ночующего в лунке рябчика, то скрадёт краснобрового косача, отбившегося от стаи, на худой конец отобедает яйцами куропатки или поймает зазевавшуюся белку. А бывает, нападёт на рысь спесь, так не хочет и с дерева слезть. Лежит, вольно развалившись в удобной развилке, да щерится в рыжие бакенбарды: кажется, от гордости своей звериной и при виде опасности не вскочит.

Часто рысь затаивается на ветке над звериной тропой или у водопоя. Пробежит мимо заяц – рысь прыгнет с ветки, вцепится ему в шею и загрызёт. Промажет - скоро оставляет преследование: сердце у рыси маленькое в

сравнении с крупным телом, и от долгого бега она быстро задыхается. Но и на её век ещё зайцев осталось!

Добычу рысь обычно закапывает в сухие листья или снег, а потом, с наступлением темноты, приходит и ест. Но случается, падёт в лесу какой-либо зверь от болезни или старости, да так, никем не тронутый, и лежит. Бывает, весь истлеет, рассохнется, и проходит долгое время, пока его останки не разыщет какой-нибудь хищник. Даже вороньё по какой-то непонятной причине минует место верной для себя трапезы.

Вот и я однажды обнаружил умершего лося. Лес большой, и даже для чутких лесных жителей отыскать такого заметного зверя оказалось делом не лёгким. Лось лежал целый и невредимый, только рога были погрызены мышами. А вскоре выпал снег и постепенно завалил лося. Метели надули над его телом громадный сугроб.

Сначала я наткнулся на след рыси. Зимой можно часто встретить её след в лесу: рысь не прочь прогуляться по снегу в поисках добычи. Ни с каким другим зверем не спутаешь её кошачьи разлапистые следы. Вылеплены они природой как-то по-особенному красиво, легко и мощно. Словно дикой лесной кошке нравится ступать вот так, мягко и вольготно, и она любуется собою.

Взволнованно бьётся сердце при мысли о том, какой это необычный и загадочный зверь. Может, оттого, что таится он более других, существуя как-то незаметно. Рысь, кажется, соединяет в себе черты многих зверей, скрывая собственную суть.

По лесу рысь идёт спокойно и размеренно, будто никуда не торопится, и всегда избегает в своей жизни какой-либо суеты. Хищник редко бегает, чаще крадётся, мягко ступая крупными лапами со спрятанными когтями. Судя по следу, чувствуется, как ей это приятно: рысь полна скрытой силы и коварства.

Ещё рысь пестра шкурой, так, что не сразу заметишь посреди заснеженного бурелома её гибкое тело. Слившейся с корой деревьев тенью проскользнёт она мгновенно, и тотчас исчезнет. Будто её и не было. Рысь всегда избегает попадаться на глаза человеку, и оттого поступь её бесшумна, а чутьё неимоверно трепетно и тонко.

След рыси дышит её матёростью, какой-то спокойной хитрецой. Словно зверь наперёд знает всё, что может с ним случиться, и ничего не боится. В этом своём размеренном спокойствии, рысь не похожа ни на какое другое животное: она, одновременно, невероятно обособленная сила и непознанная тайна.

Её овальные мякиши пальцев приятно вырисовываются в недавно выпавшем снегу, выдавая в звере какую-то вкрадчивую кротость. Зверь этот, конечно, ни на кого не похож, и по-особенному красив. Он замечателен своим никому невидимым образом жизни.

Чрезвычайно осмотрительная и хитрая, рысь никогда не теряет присутствия духа. Из всякого, даже не выгодного для неё, положения она

старается очень умело извлечь для себя пользу. И при этом всегда остаётся выдержанной, покойной.

Зоркие глаза и острый слух заранее подсказывают ей, как надо себя вести. Своего врага или верную поживу, рысь встречает бодрой и собранной. Застыв, как изваяние, всматривается она в окружающие предметы, не пропуская ни единой мелочи. Замечательно восприимчива рысь к чужой слабости и силе, и невероятно сложно её саму чем-либо огорошить.

Это происходит потому, что рысь никогда не разрешает себе расслабиться, она постоянно готова к нападению, и беззаботность ей не присуща. Ей, должно быть, очень нравится всякий раз красться, как будто заигрывая с жертвой, и она беспрестанно подогревает в душе азарт охоты. Плохо скрываемой кровожадностью пышут её расплывающиеся в злобном оскале баки, а уши прижимаются к затылку так просто и дико, что начинает неприятно посасывать под ложечкой. Всё в рысином облике будто говорит: держись от меня подальше, я же буду стараться застигнуть тебя врасплох!

Любовь к охоте и прирождённая сметливость не зря снискали ей заслуженную славу: только рысь это ничуть не трогает, и она не устаёт преумножать в себе терпение с упорством. Рысь как будто даже становится не здоровой в этом стремлении, впрочем, бесспорно, восхитительном. Вот уж кто, наверное, не переносит неволи, обнаруживая при этом чувства, ей не свойственные. Только обаяние дикой природы пленяет рысь, и, почуяв впереди поживу, она вся преображается.

Моя рысь, видимо, тоже уловила запах добычи, и след её сразу изменил направление. Из мягкогой поступи, когда рысь покойна, след превратился в твёрдый, стал нацеленным и устремлённым. К тому же, он был свежим, и я осторожно двинулся по нему, желая выяснить причину неожиданного поведения рыси.

Вскоре след привёл меня к заметённым снегом останкам лося. Судя по припорошенным старым следам, рысь давно обнаружила умершее животное, забросала его лесным мусором, а затем уже прорыла к лосю глубокую нору, и время от времени приходила лакомиться. Изредка, по-видимому, она оставалась здесь на ночёвку, подолгу лежала возле туши, будто охраняя, и настороженно засыпала.

Когда я набрёл на рысий след и пошёл по нему, желая выследить зверя, рысь находилась в своём лежбище и, увлечённая трапезой, не услышала моего приближения. Я тоже не сразу распознал, что происходит в норе, и только после того, как заглянул внутрь, от неожиданности отпрянул. Рысь сидела задом к выходу, и из норы доносилось приглушённое урчание.

С трудом развернувшись, рысь выскочила наружу и тут же присела к земле, зашипев на меня, как это и делают все кошки, прижав к голове уши. Густые кисточки на её ушах чуть-чуть лохматились от лёгкого ветерка, глаза злобно щурились, а у меня даже не возникало желания выстрелить в её красивую морду. Я смотрел на неё в упор, и почему-то не верил, что зверь сейчас вскочит мне на грудь.

Вместе с другими зверями, оставившими в душе след, эта рысь потом не раз приходила ко мне в воспоминаниях о ней. Она будила только приятные думы, оживляя в памяти тот незабываемый зимний день, и я опять восхищался неподражаемо красивым зверем. Чего бы мне это ни стоило, я старался отправиться в зимний лес, чтобы ещё раз заглянуть великолепному зверю в глаза и пожелать ему долгой лесной жизни.

Зимняя картинка

В народе говорят, что зима тетереву за обычай, и длится всего лишь ночь. Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, будто стерегут торжественный зимний покой.

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы. Не всегда увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, весело искрится на фоне нежно-голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теребить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка замирают, бросив клевать, и прислушиваются. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Смешно вытянув шеи, тетерева поворачивают головы к розовеющему востоку, настороженно вглядываются в морозную даль. Но нет, всё тихо, и убедившись в нетронутой тишине, птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток, и ничего не мешало их сладкой дрёме под снегом.

Насытившись, тетерева не улетают, а тяжело срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим с края поляны лункам. Из них птицы неожиданно вырвутся однажды поутру, и снова ненадолго рассядутся по берёзам теребить серёжки, слушая зимнюю тишину.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами на заснеженных берёзах - самая красочная картинка зимы: она отражает её короткое пробуждение, предвкушая нескончаемо сладостный сон. А природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись красавцами-тетеревами.

Весёлые кабаны

Обычно принято думать, что кабан - это крепкие клыки, мощная грудная клетка, неуязвимый загривок, называемый охотниками «калканом», и отчаянный напор зверя: перед ним не в силах устоять порой даже волки. Но почти никогда не замечают его остренькие симпатичные глазки и круглый пятачок, уши-лопухи, хвостик пружинкой и очень коротенькие ножки с аккуратными глянцевыми копытцами, когда кабан ими смешно семенит.

Случается, конечно, что в злобе кабан топчет ногами землю, разьярённо трёт о кору клыки и устрашающе пофыркивает, зато, когда зверь спокоен, он то и дело сладко похрюкивает, будто от удовольствия. Не дикий кабан, а милая домашняя свинка!

И, правда, у кабанов всегда такой вид, словно они только проснулись и оттого выглядят несколько взьерошенными. Их дремучие глазки смотрят на тебя, будто недоумевая: что это такое большое, и на двух ногах? Если зверь, тогда почему он так неприятно пахнет? К слову сказать, зрение у кабанов не из лучших, а вот нюх и слух – не имеют себе равных.

Зрение, на самом деле, подводит нашего дремучего зверя, но обоняние у него превосходное, и дано оно ему, по-видимому, только за тем, чтобы учуять пищу. Кабана не зря отличает размеренный и малоподвижный образ жизни: его заботит только желание поесть, и такая черта предполагает у животного непременное добродушие.

Это становится понятным, когда увидишь в заснеженном лесу застывшую среди древесных стволов взлохмаченную физиономию зверя, пристально нацелившего в твою сторону свои маленькие глазки. Одному лесному богу ведомо, чего примечает в этот момет кабанчик, подслеповато вглядываясь в то, что происходит у него под носом. Особой смекалки у него, конечно, нет, но попробуй разгадать: что у кабана на уме?!

Кабан неотступно, не шелохнувшись, буровит тебя своим немигающим взглядом, но от этого становится не страшно, а смешно. Мохнатые уши, похожие на мочалки, торчат в разные стороны и придают грозному зверю такое выражение, что невольно улыбнёшься. Довершает забавную картинку щетинистое рыло, всегда чем-то перепачканное и раздутое, будто кабан набил за щёки желудей или картошки, пережевать не успел, да так и застыл милым изваянием.

На первый взгляд кабан, действительно, представляется более занятным, чем грозным и неповоротливым существом. Но стоит ему заслышать какой-либо посторонний звук или учуять чужой запах, а пуще того - кто-либо попытается напасть на него, и он в мгновение преображается, из безропотного и забавного животного оборачиваясь в разьярённого хищного зверя. К тому же, кабан обладает мощной грудной клеткой, облечённой в непробиваемый даже для пули калкан, и острыми треугольными клыками.

На кабана хомут не наденешь, и по рылу знать, что не простых свиней, но если его не трогать, то он не проявит свирепости. Весь вид кабана обьявляет в нём мирного жителя лесов, что заботится лишь о том, чтобы было цело родное семейство, да все в нём были сыты: ведь мохнатая кабанья рожа одним рылом глядит! Впрочем, зрелище не для слабонервных!

Не зря кабана в старину назвали ещё вепрем, значит, зверем свирепым и неустрашимым. Но не всем лесным обитателям, даже сильным, жизнь в лесу за счастье, особенно в зимнюю пору, когда кто-то весел, а кто и нос повесил. Кабанам бывает худо, если выпадает много снега, и землю сковывает ледяная корка: не одолеть им на коротких ногах гибельные сугробы, не докопаться до желанных корешков, и кабаны нередко забираются в стога сена, где подолгу лежат, наслаждаясь теплом.

Часто животные вынуждены пробивать в глухом снегу глубокие тропы: впереди – самый сильный секач, за ним – сеголетки и самки с детёнышами. И так продвигаются кабаны до мелкоснежья, если хватит сил, и разве вспомнишь при этом, как говаривали когда-то на Руси: на медведя идёшь – соломки бери, на кабана идёшь – гроб теши. Слишком изможлает зверей суровая зима.

Несмотря на короткие ножки, кабаны всегда очень оживлены. Целой стайкой бодро семенят они один за другим, время от времени похрюкивают и повизгивают, порой даже начинают верещать, но это только, когда их побеспокоят. При довольно неказистом виде, кабаны, действительно, проворны и быстры: когда кабанов что-либо неожиданно напугает, они вихрем бросаются в чащу, мелькая среди стволов, как маленькие, чёрно-коричневые молнии. Если ты охотник, то даже не всегда успеваешь вскинуть ружьё, тем более, совершить меткий выстрел, и лучше не пугать забавных животных, а просто наблюдать за тем, как они дружной семейкой отправляются по своим делам, как правило, намереваясь чем-либо подкрепиться.

При этом всегда отметишь присущую им толкотню, когда кабаны, в особенности это касается малышей, норовят обогнать друг друга на узкой тропке, что вызывает неудовольствие со стороны мамаш и тётушек, и они могут хорошенько наподдать молодым отпрыскам, что вознамерились затеять эту бестолковую кутерьму. Правда, беззлобно, только желая поучить уму-разуму.

Кабаны живут дружно, делить им особо нечего, и оттого, когда завидишь в лесу семейку кабанов, то невольно подумается: где потеснее, там и подружнее. Семейственность у кабанов за обычай: только что горох вместе не молотят. Семейный горшок у них всегда кипит!

Кабан только рыло просунет – и уже весь пролез! Видел Бог, что не дал свинье рог, да зато кабана наделил знатными клыками и конскими копытцами. Он ими землю разрывает в поиске вкусных корешков, что ему, как ребёнку апельсины.

Вроде бы, и сыт кабан, а всё жрёт. Оттого кабаны на небо не глядят, им важно рассмотреть, что у них под ногами: на то кабану дано рыло, чтобы оно рыло, ибо оно одно у него в чести!

Если кабанов не злить, и попусту лишний раз не тревожить, то они действительно более забавны, чем сердиты, и, несмотря на свой воинственный вид, обладают добродушным нравом. Как и все свиньи, кабаны очень любят купаться в лужах. Обнаружив в лесу подходящее болото, даже по снегу, они разрывают почву и валяются в ней, пока не вымажутся грязью.

После этого кабаны любят тереться спиной и боками о стволы богатых смолой деревьев. Смола, смешавшись с грязью и высохнув, образует на боках такой твёрдый панцырь, что не по зубам даже волкам и рысям, а густая щетина покрывается смёрзшимися колтунами.

Расторопные и живые кабаны беспрестанно снуют в зимнем лесу в поисках пищи. Тыкаясь мордами в корни и стволы деревьев, задевая жёсткими боками их стволы, они обваливают на себя обильно скопившуюся на ветках кухту. Прилипший снег застывает на их взмокших загривках и этих колтунах ещё больше, и, постепенно обкатываясь, превращается в тугие мутноватые сосульки, некие ледяные подвески, присущие только нашему загадочному лесу.

Словно сказочные бубенцы, гулко позвякивают они в лесу, и если оказался где-то поблизости – нечто необыкновенное чудится в этом звуке, за ним хочется следовать в самую глубь лесной чащи, уходя всё дальше и дальше, пока он окончательно не растает в дремотной тишине, оставив тебя один на один с собственными догадками. Но истинное знание причины странного звучания ничуть не разочаровывает, а только прибавляет обаяния многоликой и удивительной природе.

Взвизгивающий возглас возбуждённых чем-либо кабанов звучит как отрывистое и часто повторяемое «ве! ве! ве!», будто звери силятся произнести нечто весёлое или восторженное, да ничего у них не получается. Но кабаны так забавны, что тебе тоже захочется, позабыв обо всём, заверещать на весь лес от охватившего вдруг веселья.

Если даже кабаны, сами по себе, не веселы, то они возбуждают это чувство, когда гуськом, как маленькие лошадки, семенят друг за другом по грудь в снегу. Сосульки на их обмёрзших боках позвякивают, и своим занятным видом кабаны способны развеселить и потешить всякого, кто, приходя в лес, видит в нём не только серьёзную заботу, но и радость.

Лисичка-сестричка

Лиса – полуночный ловкий вор, и это ремесло составляет её лисью суть. Как и любой другой зверь, она всё время занята собой. Особенно, когда выходит на охоту до лакомых для неё мышей: их писк она угадывает под снежной или земляной толщей.

Не раз приходилось мне находить глубокие ямки по опушкам укромных лесных полян или полей, вырытые почти отвесно, с небольшим наклоном, конечно, подразумевая, что их оставила после себя именно лиса. По самое плечо всунутая в них рука не достигала дна. И всегда при этом думалось: невообразимо, как лисе, имея довольно внушительное тело и короткие лапы, удаваётся проделывать подобное?!

Лиса при этом почти никогда не попадалась мне на глаза. Её оранжевый хвост, возбуждённо вскинутый кверху, озарял лес своей красотой только в моём воображении. Но как приятно было представлять присутствие чудесного зверя, безоглядно охваченного поиском добычи!

В какой-то миг видение исчезало, а ощущение оставалось, и ещё долго тешило разыгравшееся восприятие. Неизъяснимая радость от соприкосновения с таинственной жизнью зверей заполняла тогда душу, и, конечно, хотелось подглядеть когда-нибудь такую завораживающую лесную картинку.

Вернее всего подсмотреть озабоченную охотой лисоньку на белом фоне зимы, мышкующую на открытом пространстве, где её нарядная шуба сразу бросается в глаза. Заприметив лису, первым делом подивишься тому, как такой сторожкий зверь не боится объявить себя в открытую, никого не боясь. Но у лисы на всё свои приметы, и разбирать их – одно удовольствие. Не слезая с печи - в этом деле вряд ли чего добьёшься, ибо лиса в своей хитрости тем наглее, чем невероятнее её проделки: нахитрит так, что не разведёшь концов!

Взять, хотя бы, её ухватку в отношении ежа, свернувшегося в колючий клубок, когда ни одному зверю к нему не подступиться. Но кумушка за то и славится своим сметливым умом, что легко обезоруживает любимого всеми храбреца: она мочится на ежа, и тому ничего не остаётся, как развернуться на собственную погибель… Ум лисы – её верный попутчик!

Во все времена лиса считалась воплощением хитрости, но хитрость, как гласит народная мудрость, ум слепого, хотя лисицу слепой не назовёшь. Скорее, лиса по-настоящему умна и обладает догадливостью, какой бы позавидовал любой человек. Где лисой, где рысью норовит проскользнуть она, а то и семерых волков проведёт.

Весь нрав её – на свою особую стать, из-за которой лису в народе «кумушкой» зовут. «Лисой пройти» - в его устах значит сначала обворожить, а затем вокруг пальца обвести. И льстит, и манит лисье племя, не позволяя никому вовремя опомниться.

Благодаря своей повадке лиса всё равно себе курятинки добудет, как не стереги собака от неё двор. Спит лиса, а во сне кур щиплет. Видит, наверное, как нанялась на птичник беречь их от коршуна да ястреба. Что из того может получиться – всякий знает.

Хитрая, проворная лисица не забывает свой хвост хвалить, потому, как он её следы заметает. В чистом поле – увёртыш, лиса всё хвостом прикроет и

никогда на него не сядет. Оттого она всегда сытей волка и бывает, что держит свои ушки на макушке.

След лисы даёт довольно полную картину жизни зверя. Без особого труда можно судить по нему о возрасте и поле животного, где лиса была и что делала, какое у неё настроение, голодна она, в конце концов, или сыта. Даже не похоже это на изворотливого зверя, казалось бы, постоянно скрывающего свои повадки. Да только бывалый в лесу человек знает, что когда ищешь лису впереди, то она у тебя позади.

Её овальный, чуть удлинённый след знатоки между собой называют «лодочкой». Мягкость ему придаёт пяточная мозоль в форме червонного туза, выраженная не очень ясно. Да и ходить лиса предпочитает там, где мягко, в отличие от собаки, что тупит когти о твёрдый грунт. Следы лисы легки, ажурны, словно бисер на ниточке, стелются они по снежному покрову.

Обычный ход лисы – спокойная трусца, с равным расстоянием между следами, когда она неторопливо передвигается в поисках поживы. Зимой лиса быстро примечает, что ненадёжно ей ловить рябчиков да тетеревов. Куда добычливей разыскивать мышей!

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни проехать, ни пройти, устремляется коротконогая лисичка в открытое поле, где снежный покров, хотя бы отчасти, утрамбован безудержными ветрами. Мышкуя, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу, но почуяв грызуна под снеговой толщей, не приближается вплотную к мышиной норке, замерев в двух-трёх шагах, чтобы не вспугнуть его и давая возможность успокоиться, а затем, сгруппировавшись, совершает прыжок, опускаясь точно в том месте, где находится мышь, зарываясь в снег с головой, так что на поверхности вздрагивает лишь огненный хвост.

Пискнула мышь в зубах хищника – и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой, будто одинокий радостный кустик. Но в следующее мгновение уже опять выгибается над снегом ярко-рыжая спина, лисица отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, сосредоточив всё своё внимание на маленьком зверьке под снегом. Так и стоит, не шелохнувшись, столбиком: мордочка и ушки в возбуждении застыли в одном положении, ничего, кажется, не замечает лисонька вокруг.

Но вот, изогнувшись в воздухе изящной дугой, лисичка вновь ударяет передними лапками в снег, задрав задние кверху, повторяя подобные выкрутасы и раз, и другой, пока не добивается своего. Движения лисы при этом грациозны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, недавно выпавшему снегу, розовому солнцу и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

Когда же мышь не показывается, но лиса слышит её, то она начинает приплясывать на месте, ударяя лапами о землю, чем выгоняет полёвку наружу. Мыши не терпят сотрясания почвы, это их беспокоит, и они покидают свои норки, что Патрикеевне и нужно.

Лиса - ушлый зверь, что призван природой выслеживать и брать то, что по праву считает своим: ей нет равных среди зверей в отыскании добычи. Лиса живёт в лесу припеваючи, никогда не испытывая недостатка в корме. Чьё поле, того и воля!

Даже когда лиса утолит свой голод, она не перестаёт давить мышей, припрятывая их у опушки леса, часто - под поваленными деревьями. Так, бывает, с полдюжины накидает, а потом бродит лунной ночью, отыскивая свои припасы. Лисонька слывёт в лесу заботливой хозяюшкой: днём – припасиха, а ночью – прибериха. Запас пить-есть не просит!

Так и живёт Патрикеевна всю зиму, неспешно передвигаясь по её белой скатерти, и всё время прислушивается – не пискнет ли мышь? Если следы её сближаются, значит, она перешла на шаг, сулящий скорое нападение, и тогда держи ухо востро: вот-вот появится аккуратная ямка в снегу, вокруг неё налёт искрящейся пыли и две капельки крови – всё, что осталось от бедной мышки.

А вот след в гору, что похож на заячий малик, лисица оставляет, когда поднимается галопом. Так стремительно уходит она от преследования или неожиданной опасности. Вся подбирается в огненный шар и бросается в спасительную чащу. За просто так лиса никому в ловушку не дастся: мордочкой снег роет, хвостом след заметает, только её и видели!

Ещё у лисы бывает такой ход, что не встречается у других зверей. Его можно сравнить только с куницей, но отпечатки лап у лисы расположены ближе друг к другу. Как говорят охотники, лисица идёт «намётом», где-то поблизости почуяв ничего не подозревающего зайца. Словно заправская швея, намечает она неукоснительную строчку своих стежков: вот-вот несдобровать незадачливому косому.

Старая лиса, говорят, даже от свирепых собак огрызается, однако и молодой лисице доверять тоже нельзя. Обещает лиса под конец жизни в монахи поступить, да только когда это будет! Столько коварства кума за свою жизнь хвостом наметёт, что проделки её каждому оскомину набьют, а ничему не научат. Лиса всё равно любого обьегорит и на звание не поглядит!

Изворотливость лисы простирается так далеко, что она старается по своему собственному следу передвигаться, чтобы лишних следов за собой не оставлять. Чувствует рыжая, где её меньшая беда ждёт, и старой пяты не гнушается. Облюбует какой-нибудь лесок - и живёт в нём барыней: хитрее её в округе никого не встретишь.

Меньше медведя, волка и рыси, лиса как будто замыкает в себе лесную хищность, но, не в силах сдерживать её, вынуждена маскироваться. Густой рыжий мех, симпатичная мордочка и неподражаемый хвост даны ей для красоты и изящества изощрённой природы, способной позволить себе обман ради постоянного процветания. Лиса не в состоянии быть доброй, она – разрушительница всех устоев!

Столько ухищрённого лукавства может быть заключено лишь в лисьей красоте, её непревзойдённых и тонких повадках. Поступь её, подобно

роковой женщине, грациозна и нетороплива, а поступки чарующи и необьяснимы. Всякого околдует лиса, но при этом куска своего не упустит. Порой даже кажется, что ей самой себя опасаться приходится, до того она противоречива.

И всё же, лесной сторожный дух берёт в ней верх. Возникая в самые крайние моменты, он урезонивает надменность ловкого зверя, будто ограничивая его вседозволенность: умной спеси не бывает! При всей своей разнузданности - лиса порой вынуждена относиться к жизни с должным уважением.

Следы лисы зимой всегда попадутся тебе на глаза. Не в пример волку, лисица не боится часто подходить вплотную к деревне. Близёхонько подкрадётся, рыская лунными ночами по задворкам, накуролесит, наплетёт свою премудрую вязь, так что плюнешь в сердцах: опять связался ты с блудной кумой, позабыв обо всём распутывая её наброды поутру!

А лиса, хоть и в азарте охоты, идёт очень экономно. Так бережно ступает она, стараясь меньше вязнуть в снегу, что не только брюхом, даже хвостом не счертит никогда. След её аккуратен, чист: как не позавидуешь тут звериной выдержке и знанию!

Лисичка довольно-таки коротконога, и по рыхлому снегу ступать ей не сладко. В такую пору следок её тянется от ёлочки к ёлочке, где под навесью густых хвойных лап снег оказывается мельче. Заметив поваленные ветром деревья, лиса устремляется к ним, идёт, насколько возможно, по стволу, а затем прыгает с его конца к подвернувшемуся опять завалу.

Проведя всю ночь, а то и утро на охоте, лиса выбирает место для днёвки где-нибудь на возвышении. Отправляется она туда без особых предосторожностей. Хитроумных смёток и петель, как заяц, лиса не делает, а лишь иногда, сбросившись с тропы, ложится так, чтобы видеть свой след. Свернувшись калачиком, лежит она обычно на боку, подобрав к животу передние и задние лапы, закрыв их пушистым хвостом.

Лисьи лёжки встречаются в лесу редко, и ты с удовольствием рассматриваешь их, представляя, как лиса лежала тут, свернувшись клубочком, изредка поглядывая да послушивая. Для самой же лисы такие днёвки представляются простыми и неприхотливыми: не резон лисе устраивать в зиму меховую лавку, где, застав её, мужик посмеётся. Заботится лиса о своей шкуре, что составляет лучшее, что она имеет. Оттого и ложится открыто, на пригорочке, чтобы при случае успеть, вовремя, ретироваться.

Зимой налёт всех ухищрений и безнаказанности как будто спадает с лисы, и она предстаёт просто одиноким зверем, вынужденным по мере сил перебиваться в уснувшем лесу. Может, оттого она и тянется к деревне, где есть поля и дороги, и какое ни есть пропитание. Неспроста переселилась лисонька и в сказки, она хорошо знакома и близка русскому народу.

Никто не думает смотреть на лису в сказках с ненавистью: её находят приятной и даже красивой. Скорее, радуются в них люди ловкости, что всегда обнаруживает плутовка, чем негодуют, и потешаются над теми, кого

она оставляет в дураках. Лиса своим присутствием и следами возбуждает в народе тонкое понимание леса и неравнодушное отношение к своей жизни.

О многом может рассказать лисий «нарыск» - оставленный ею на снегу мягкий и нацеленный след. Цепко тянется он по зимнему лесу, сворачивая только по надобности. Нелегко человеку угнаться за ловким зверем, которому лес оказывается любимым убежищем. И человек читает следы и восхищается звериным лукавством: ай да лиска-лиса, подбрюшье лазоревое, хребет бобром! И по траве она ползком, и по воде плавком, а умом и вовсе сударыня: век ищи - хитрее зверя в лесу не сыщешь!

Завидев однажды мышкующую в поле лису, я вдруг подумал: более всего заворажиает ни её умение охотиться, та изящная ловкость, с какой она подпрыгтвает, чуть ли не на метр, вонзаясь затем мордой глубоко в снег, ни изощрённый ум и смекалка, а ярко-оранжевый наряд, что невозможно не заметить в широком заснеженном поле. Поразила именно эта яркая открытость, что невозможно было не заметить, так что сразу подумалось: для чего лисе такая бросающаяся в глаза шкура, что, кажется, никак не идёт ей на пользу?!

Лиса видна всем не только в зиму, но и в любое другое время года. И вспомнилось, как совсем недавно поднял поутру рыжую красавицу в молодых овсах, неподалёку от опушки леса, где она, по-видимому, охотилась на мышей. Услышав меня, лиса совершила в хвойную чащу два высоких прыжка, и на фоне густой зелени была хорошо отличима. Так отчего же лисичка не боится красоваться своей роскошной шубой?

Долгое время я никак не мог сообразить – в чём тут дело. Казалось бы, броская одёжка, пусть и красивая, лисице в лесу, действительно, ни к чему. И ещё тогда подумалось: зачем у неё такой красивый и, вроде бы, совсем не нужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы заметать, которые, если кому понадобится, и без того разберут. Да и с красотой не всё так просто: разве не призвана сама природа к тому, чтобы зверь в лесу оставался незаметным и осторожным, не бросаясь в глаза?

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя и подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком. На снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой. И тут я понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы, когда она, оборачиваясь им, утыкает в него нос, а холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Хвост лису бережёт, и она никогда его не замарает!

Но к чему лисе, всё-таки, такое привлекательное обличье? Скажем, зайцу природа предопределила менять зимою серый мех на белый, чтобы не быть заметным. Точно таким же образом она позаботилась о горностае, ласке, полярной сове и белых куропатках. Медведю, барсуку и енотовидной собаке нет надобности переодеваьбся на зиму, меняя шкуру, они проводят её в спячке. Бобры всю зиму обитают в хатке под водой. Ловкие куница, соболь, белка и норка с колонком могут позаботиться о себе благодаря собственной

юркой ухватке, используя, к тому же, дупла и гайно. Кабаны с лосями хорошо различимы на снегу, но в состоянии постоять за себя, имея мощные клыки с рогами. И только лиса в лесу на загляденье привлекательна, и даже не пытается при этом затеряться в чаще, свободно мышкуя по открыто раскинувшимся полям. Почему?!

Неужели природа, на примере лисицы, просто решила покрасоваться своими неограниченными возможностями, будучи уверенной, что на её яркую привлекательность никто не покуситься? Ведь у лисы, по сути, нет врагов, и потому бояться ей некого, она не нужна ни медведю, ни рыси, ни кабану, и даже если лиса подвергнется нападению со стороны волков, то она способна забраться на дерево! Лисе в лесу всё нипочём, и ловкий зверь чувствует себя в нём вольготно, красуясь богатым огненным мехом и пушистым хвостом.

Сама природа красуется лисою, проявляя в ней торжество грации и красок, чем манит и блазнит человека, призывая его к достижению совершенства. Устремляясь к нему, человек воскрешает себя, свой дух. И всё – благодаря лисе!

Утёнок

Так уж сложилось, что у одной лесной мочажины, мимо которой я часто проходил во время охоты, меня всегда поджидало какое-нибудь интересное событие. То застану лося, забрёдшего по грудь в воду, то обнаружу свежие отпечатки косолапого медведя, прохаживающегося через дамбу, отделяющую озерко от глубокого лога. Бывало, залетали сюда и глухари с глухарками, неспешно бродили вдоль заросшей дорожки, выискивая недостающие им камешки, и пугали меня своим внезапным взлётом.

Неподалёку от мочажины, на укромной полянке, нередко подкарауливал я по весне краснобровых тетеревов, устраивающих здесь свои горячие токовища, по берегам озерка, на черёмухе, каждую осень кормились упитанные рябчики, а уж утка держалась постоянно. Попадались и селезень с серой утицей, и грязновато-пепельные гоголи, дружно взрывающие застоявшуюся тишину, и хлопотливые крякуши со своими беспокойными выводками, чирки же – постоянно!

Однажды, прямо передо мной, с мочажины взмыла в воздух небольшая стайка чирков-трескунков. Совершив плавный круг над лесом, чирки готовы были вновь плюхнуться в воду, но, напуганные выстрелом, ринулись в разные стороны, тогда как одну уточку, всё же, зацепило и, очутившись у камышей, она сразу куда-то исчезла. Подбитая птица никогда не тонет, всегда плавает на поверхности, и было ясно, что чирок просто умело схоронился.

Куда же он подевался? Может быть, ловкий чирок ушмыгнул в кусты прямо за болотиной, но травы стоят – не шелохнутся, а утёнка нигде нет.

Ясное дело – не прост, оголец, да и то верно, что всякая птица в лесу на свой покрой: мала птаха, а сходу не взять, есть у неё свой ум!

От этих мыслей всё во мне проникается уважением к чирочку, которого охотники прозывают «трескунком» или «свистунком» в зависимости от того, как тот себя ведёт, но только сейчас ловкая птица так затаилась, что я никак не могу её ни разглядеть, ни услышать. Чего, кажется, проще, а не даётся чирок: слов нет, как уноровист, бродяга!

В лесу мне всегда было и потаённо, и весело: знай, разбирай повадки зверя и птицы, что бывают необыкновенно чудны, удивляя своей необычностью. Взять, хотя бы, этого самого чирка: мала уточка, а соображения в ней - на целую стаю оголделых галок! Зачем, казалось бы, утёнку таким мудрёным быть, но пришла беда, и вот он во всей красе – себя своим природным умом спасает, охотника за нос водит: попробуй, возьми его!

Тихонько подойдя к тому месту, где пропал подбитый чирок, я стал внимательно вглядываться в прибрежную растительность, но ничего не заметил. Чирок словно сквозь землю провалился, хотя было понятно, что оставаться долгое время незамеченным, тем более, подраненным, он не может. А между тем, гладь озерка ничем не нарушалась, вокруг стояла полная тишина, и я уже начал было подумывать, что чирок погиб или задохнулся, застряв в камышах. Ведь не мог же он так долго находиться под водой?!

Я бы, наверное, так никогда и не раскрыл этот секрет, не покажись из-за облаков солнце. Лишь на мгновение озарило оно поверхность озерка с отражающимися в нём соснами и берёзками, и я вдруг сразу всё увидел: чирок прятался под круглым листочком кувшинки, причём, вытянулся под ним вертикально, как бы привстав на цыпочки, а кончиком клюва чуть приподнял его над собой. Так и дышал, оставаясь незаметным, и, конечно, пересидел бы меня, если б не случай. Недаром в народе говорят: уточка только с носка плоска, да умом баска, и черенок листика – тот же утёнок!

Звериная свадьба

От какого-либо пока не встреченного в лесу зрелища порой отделяет совсем несущественная мелочь, несмотря на то, что шёл ты к нему не один год. Кто-нибудь, случайно опередив тебя, к глубокому твоему сожалению, вспугнёт зверей, ты вот-вот должен был застать их за чем-то интересным, и, кажется, ничто уже не в силах помочь. Но, благодаря оставшимся на снегу следам, можно без особого труда прочесть произошедшие недавно события и ясно представить упущенную лесную картинку. Например, о том, как однажды лосиха с лосем вознамерились в потаённом осиновом уединении продлить свой род, и всё у них для этого было: и небольшая укромная полянка, и тихое ноябрьское утро с ласково струящимся над землёй светом, и неизменное по осени желание зверей быть вместе.

Первый мягкий снежок, выпавший за ночь, осел и придавил слежавшуюся листву, отчего идти было легко и приятно. Что-то неясное несло меня сюда, в места, где я давно уже не был, и очень радостно переживалась возможность снова всё увидеть, но уже по-другому, так, как никогда ещё, наверное, не удавалось. Прозрачные крупные капли от растаявшего снега застыли на мокрых ветках, изредка лесную тишину пронизывало тонкое пересвистывание рябчиков, и хотелось верить, что за следующим поворотом просеки обязательно встретится нечто удивительное и неразгаданное.

И вот, впереди залаяла собака - отчаянно, заливисто, явно натолкнувшись на нечто неожиданное для себя и, похоже, сильно взволновавшее её. Лай быстро удалялся, уходил вниз к реке, и это означало, что собака кого-то подняла и гонит. Когда зверь оказывается один, собака обычно держит его на месте, не давая уйти, но вот если она кого-то погнала, тут может быть что угодно.

Судя по расстоянию, откуда поначалу доносилось взлаиванье собаки, я опоздал к месту развернувшихся событий на каких-нибудь семь-восемь минут. Пройдя до этого с десяток километров и, как будто догадываясь, что тебя здесь может ждать ещё невиданное зредище, неприятно было истытать неудачу. А лай всё удалялся, и вскоре вовсе затих.

Через некоторое время я вышел на открытое место. Это было пересечение двух просек, где весь снег оказался изрытым лосиными копытами. Сначала я подумал, что здесь недавно произошло сражение двух быков, тогда как самка держалась где-то рядом, в ожидании победителя. Но тщательно рассмотрев место предполагаемой битвы, следов крови я не разглядел, мало того, после более внимательного обследования обнаружилось, что одни отпечатки следов округлые и широкие, а другие узкие и вытянутые.

Чуть поодаль, там, где снег был почти не тронут, следы расходились в разные стороны. Стало ясно: чья-то собака просто разогнала зверей, не дав продлиться самой поздней в лесу любви, что протекает у лосей осенью. Пришёл незван, и ощущаешь, будто и сам изгнан, но разве за богатством я гнался? Мне хотелось соприкоснуться с чем-то неизведанным!

Долго я стоял, представляя, как здесь всё происходило. Лось, наверное, неспешно подбежал к лосихе и замер рядом, величественно повернув к ней рогатую голову, а она слегка коснулась мордой его щеки, положила свою голову ему на шею, и так они стояли какое-то время, чувствуя, как гулко ударяются их возбуждённые сердца, и ничего не предпринимали. Им, наверное, было радостно оказаться этим утром вместе, вбирая всем своим существом расстилающийся над землёй запах первого снега, а мне стало до боли в душе жаль, что зверей вспугнули, и они, быть может, никогда больше не встретятся.

Кунья мордка

Куница… Довольно длительное время я ставил на этого зверька капканы и разного рода ловушки, пока не отказался от всего, что могло нанести кунице какой-либо вред. Я, вообще, однажды раз и навсегда прекратил охоту на зверей и птиц, больше не находя в этом никакого смысла.

Поначалу мне казалось, что охотой я приближу к себе через добытого зверя его тайну, но, увы, этого так и не произошло. Однажды мне стало совершенно очевидно: для того, чтобы понять и разгадать удивительный мир природы, совсем не требуется убивать. Нужно лишь быть неутомимым и наблюдательным, терпеливо постигая лесные секреты, и лесные тайны рано или поздно обязательно откроются, потому как покой пьёт воду, а беспокой мёд. Тем более, если ты не несёшь угрозы лесному миру, и живёшь с ним в согласии.

На памяти моей немало интересного, что было связано в лесу с куницей. Однажды, в начале ноября, куница перебегала передо мной лесную дорожку. Выйдя тихонько из-за поворота, я увидел, как впереди, на середине глухой просеки, остановилась куница. Привстав на задние лапки, она замерла так на мгновение, а затем ударила передними по снегу, подняв фонтанчики искристых брызг.

Видимо, почуяла мышь, и тотчас среагировала на её присутствие. Запомнилась её настороженная, но не отрешённая стойка, что позволила разглядеть её оранжевую грудку, что представлялась на белоснежном фоне зимы невиданным для неё цветком.

Был случай, когда мне удалось понаблюдать за куницей, что то и дело выглядывала из дупла, видимо, утепляя его перед непогодой. Выбрав место под гнездо где-нибудь в полости старой липы, куница всегда держит его в чистоте и порядке. Строгая и основательная хозяюшка, она бывает так же неуклонна в отыскании добычи. Не зря в старину говаривали про неё: «Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в санях дрожит». Всегда приятно представлять при этом, как ловко передвигается зверь по рыхлому снегу, колесом выгнув спину: всё в облике куницы соответствует её охотничьей сути.

Когда куница устанет от своих вкрадчивых охотничьих дел, то заберётся в такое липовое гнездо или брошенное гайно белки, свернётся тёплым клубком и сладко забудется на время. Метель ей поёт свои заунывные песни, морозко позвякивает волшебным колокольчиком, а куница спит себе спокойно, ни о чём не заботясь, и, наверное, видит какие-то необыкновенные лесные сны.

Как-то раз мне даже довелось напугать спящую куницу. Я проходил мимо неё по густому мху, охотясь на рябков, и куница подпустила меня почти вплотную, а когда пробудилась – с испугу брякнулась наземь с еловой ветви, на миг ощерилась, выпустив из зубастой пасти облачко пара, и исчезла в валёжнике, оставив после себя воспоминание, что живёт во мне до сих пор.

Часто бывая в лесу, я всегда с трепетом наблюдал следы куницы: обычно она печатает парные продолговатые ямки, расположенные наискосок друг от друга. Словно в мягких башмачках ступает куница по снегу, аккуратно ставя задние лапы в лунки, проделанные передними. Но часто она «троит», вынося одну из лап слегка наперёд.

Кунице в начале зимы передвигаться по рыхлому снегу довольно убродно, и потому она использует верхний ярус леса. По деревьям она лазить и скакать мастерица. Идёт «грядой» с одной верхушки на другую - не спастись от неё даже более легковесной белке.

Туловище куницы тонко и изворотливо, широкая голова на короткой шее необыкновенно подвижна. Низкие и крепкие лапы подбиты волнистой шерстью, что и создаёт им волшебную мягкость. Хвост длиной в половину тела, густо пушист и служит великолепным рулём при погоне за белкой. Куница – вкрадчивый и ловкий лесной хищник, призванный лесным богом беспощадно настигать.

Кунья мордочка – хитрая, цепкая, никогда своего не упустит. На любое проявление жизни в зимнем лесу она реагирует мгновенно и хватко, в охоте куница сама безукоризненность. Ни глухарю, ни рябчику от её острых зубов не будет никакого спасения: куница в лесу самочинно и властно верховодит.

Знатным зверем она всегда на Руси почиталась, дорога и богата была с неё пушнина. Куньи, бельи да собольи меха заменяли собой деньги. Товар этот был первее всех иных, и чтобы умилостивить кого-либо, одаривали куницею.

Куницу, лисицу, золотую гривну да стакан вина просили обычно за выкуп невесты. При её сватанье дружки приговаривали так: «Повар, повар-батюшка, повариха-матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки, отдай за куницу - красну девицу!» Слово «куничное» так и считалось исстари откупом за невесту родителям.

Именно от слова «куница» о пушных зверях, при входе их в возраст, принято было говорить - выкуниться. То есть, вступить в зрелость, перебраться в должную шерсть. Соответствовало это и возмужанию, складыванию во что-то целостное и дорогое. «Кунеть» раньше имело ещё одно значение – поправиться, выздороветь.

Сама куница - удивительно живой зверь, вынуждающий своим существованием других обитателей леса быть осмотрительнее в своей жизни. Всякому, желающему продлить свой род, надлежит держать с ней ухо востро, ни на минуту не теряя бдительности. Сохраняя многих птиц и зверей в страхе, куница закаляет в них лесную волю, благодаря которой они, как и человек, выздоравливают и ещё более крепнут духом.

Вот таким безжалостным манером радеет куница из года в год за всё живое, проворство своё драгоценное не исстрачивая. Имеется у неё и не всегда видная примета, что, неожиданно показавшись, может ей вмиг озадачить. Это - именно то самое большое пятно на горле и нижней стороне шеи, имеющее ярко-лимонный или даже оранжевый цвет, что мне привелось

однажды у куницы увидеть. Куница им как будто завлекает и околдовывает, сама, наверное, не зная, для чего ей дарована такая красота.

Имея эту необыкновенную душку, куница, конечно, может собой заслуженно гордиться. Она и неотразима, и восхитительно неповторима, и чарующе коварна. Пустое желание просто нравиться – куницу, наверное, не удовлетворяет. Именно из-за способности в мгновение собраться и довести начатое до конца, не теряя при этом удивительной грациозности, её в народе и уважают.

Лесная куница невероятно сторожка… Всё новое она тотчас берёт себе на ум. Преодолевает открытые пространства только в самых узких местах, и всегда оставляет себе заметку для памяти: мол, можно ходить тут без опаски, коли я уже побывала.

Тянется след куницы через перелески да овражки, в валежинах и завалах западает - и вновь возникает впереди. Меряет им куница чистые снега, километр за километром преодолевая. Редко кому удаётся вживую углядеть её нарыск, что никогда не прекращается, и уж если посчастливилось – радости с восторгом тут не оберёшься!

Но как бы человек ни желал встречи с куницей, она соседства такого не принимает. Ей гораздо вольготнее там, где тишина да глухомань: здесь куница чувствует себя полноправной хозяйкой. Неторопливо прокладывает она цепочку своих следов, ни один отложек не пропустит. Тянет её к таким местам, что можно с удовольствием обследовать и тут же схорониться. Кунице, по её неприхотливости, кажется, очень нравится просто жить, и получается это у неё с большим вкусом.

Это хорошо видно именно по мягкости её следа, какой-то необыкновенно уютной линии, какую куница за собой оставляет. Сразу представляешь, как она передвигается вприпрыжку, пристально вглядываясь вокруг, то и дело внюхиваясь. Вроде бы, даже и сама зима ей нипочём.

Всего не упомнишь за долгие годы хождения по лесу, но всегда, при встречах, зверьки убегали от меня. Происходило это потому, что я постоянно старался их преследовать: каюсь, ставил на куницу разного рода плошки да кулёмки. А нужно было почувствовать себя со зверьми на равных, относясь с достоинством и неподдельным интересом к их лесной судьбе. И только однажды, когда я был без ружья, и уже давно не ставил капканы, куница прибежала ко мне сама.

В тот сентябрьский солнечный день я стоял под лиственницами и слушал, как мягко осыпается на землю порыжевшая игла, ожидая, когда на деревья прилетят кормиться глухари. Мне просто хотелось понаблюдать, как птицы будут подлетать на вечернюю кормёжку, усаживаясь в оранжевых верхушках лиственниц, как неспешно начнут расхаживать по толстым веткам, склёвывая сладкую иглу, и изредка замирать, настороженно вытянув бородатую голову.

Прислонившись плечом к небольшому дереву и впитывая все запахи, что источал чудесный осенний день, я совершенно перестал замечать всё, что

происходило вокруг. Душа моя была полна воспоминаниями о том, как когда-то я разыскивал в здешних местах глухариные и тетеревиные тока, и, только случайно нагнув голову, заметил куницу, что неспешно направлялась прямо к моим ногам.

Зверёк семенил тихонько по узенькой тропке, ловко огибая пеньки и валёжинки, и, похоже, следовал давно известным ему маршрутом, по каким-то своим, не очень важным делам. Нас разделяло три-четыре метра, но куница не замечала и совершенно не чувствовала меня. Мало того, через мгновение она ткнулась мордочкой мне в сапоги, обнюхала их и что-то начала раскапывать рядом, под корнями лиственницы, а я стоял, не шелохнувшись, и не мог поверить в реальность происходящего. Стоило протянуть руку – и я бы прикоснулся к маленькому лесному чуду!

А куница, по-прежнему не обращая на меня никакого внимания, стала взбираться по стволу деревца, растущего возле лиственницы, и через мгновение достигла уровня моего лица. И тут, наконец, заметила человека. Моё присутствие, как ни странно, её нисколько не напугало. Куница лишь насторожилась, цепко вглядываясь прямо в глаза, и продолжала оставаться на одном уровне с моим лицом.

Что-то её во мне здорово заинтересовало. Она чуточку оскалилась, показав острые жёлтые зубки, но по-прежнему не убегала и смотрела, будто стараясь заглянуть в самую душу. В какой-то момент мне вдруг показалось, что это вовсе не куница, а сам лесовик, воплотившийся в обличье хищного зверька. Так он, видимо, пожелал предстать передо мной и проверить, достоин ли этот человек его внимания и стоит ли допускать его к своим тайнам.

Мне стало почему-то не по себе, но я выдержал цепкий взгляд куницы, и даже попытался сказать ей что-то, чувствуя, впрочем, свою растерянность. Присутствие зверька оказалось для меня неожиданным, моя открытая лесу душа была ещё, по-видимому, недостаточно покойной и мудрой, и я не нашёлся – что сказать, и только невольно улыбнулся. Куница хищно вздрогнула всем телом, и чуть отпрянула, опять оскалившись, а глазки остро загорелись двумя неистовыми угольками. И я вдруг понял, что со мной произошло нечто очень важное, лес будто проверял меня на прочность и моё отношение к его обитателям, и я это испытание выдержал.

Глаза куницы не льстили и не бранили, они не пугали и не просили, не насмехались и не заигрывали, а только свидетельствовали о дремучей лесной тайне, выражая жгучую непримиримость ко всему, что может эту тайну нарушить. Своим взглядом куница не выражала, что ты ей враг, в нём лишь светилась глубокая лесная правда, она заключала в себе переживание полной свободы.

Вся правда для куницы состоит в том, что ей самой природой предназначено быть для других обитателей леса неумолимым хищником: стремительно преследовать добычу, настигать её и повергать во имя здоровья

и блага лесной чащи. Эта, никем не обузданная, жажда первенствовать, и отобразилась во взгляде зверя, что никого и ничего не боялся.

Всё в лесу рано или поздно выходит наружу для любознательного человека, подумалось мне тогда, и открывать его удивительную бывальщину - куда лучше любой сказки!

Осенняя песня

Всё самое удивительное случается в лесу только раз, как будто оно именно для тебя и было уготовлено, чтобы ты лишь однажды, благодаря своему везению и трудолюбию, увидел его, насладился и запомнил на всю жизнь, впредь неукоснительно следуя мудрым лесным законам. Так открылась мне страничка из глухариной жизни, по осени, когда птицы с вечера, за два-три часа ло заката, прилетают на высокие осины, объедают лакомый для себя, подвяленный ночным холодком, лист, и в удовлетворении засыпают на деревьях. Бывает, даже попоют немножко, что охотники меж собой называют «осенним током», но случается такой ток редко, и мне довелось подслушать его мельком, давно-давно, когда я ещё только начинал разыскивать глухариные токовища.

Сразу замечу, что для подобного везения должно много всего сложиться: и погожий осенний вечер, и сосредоточие глухарей в одном месте, и удобная полянка с высокими осинами, поднявшимися выше ёлок и берёз по самой её опушке, и ещё какое-то очень удачное стечение обстоятельств, будто предопределённое лесным богом. И всё лишь для того, чтобы ты увидел это таинство и пережил его вместе с птицами, после чего непременно покажется, ровно и сам полакомился подмороженным сладким листом и от удовольствия потом «потоковал», забывшись в коротком сне под могучими осинами. Будто ты тоже глухарь, отчего вдруг приходит на ум, что когда-то, миллионы лет назад, может быть, это так и было, и именно с тех пор несёшь ты в себе любовь к этим древним птицам, и ничего не в силах с собой поделать.

В пору летнего благоденствия и всеобщей разомлелости в природе скрытая сила как никогда мучительно одолевает глухаря: что-то в его организме происходит значительное, превозмогающее прежнее, уже отвоёванное по весне пространство собственной жизни, и он, переживая линьку, забывается на всё оставшееся лето, держась глухих отложков с обилием смородины и малины. Опомниться глухарю суждено только под осень, наверное, с удовольствием узнавая теплоту её красочного довольства.

Незаметно подбираясь из глубины лета и опрятно прихорошиваясь, осень тихо устанавливается в своё время, с такой же незатейливой украдкой превращаясь в чудесное глухариное царство. Что за дело в нём неприступным соснам, мокрым кустам и озимым травам до далёкого мира людей?! Что за дело самим глухарям до любознательного человека, что

непременно усматривает в укромном существовании этих царственных птиц дорогие для себя мечты и желания?!

Наверное, глухари - нечто большее, чем просто мечты. Они – невольные законодатели потаённых лесных настроений, чутко предугадывающие их. Глухари - это ничем незапятнанная история жизни дремучего леса, его неугасающая надежда.

Поначалу глухарь всегда представляется птицей таинственной, и это недалеко от истины. В немалой степени тому причиной его резко снизившаяся в последнее время численность. Но верно в отношении него и то, что глухарь, сохранивший седую древность своего полузабытого прошлого, не изменил дикой природе: он мудро и неторопливо хранит свою верность ей, подпуская к себе только более сильного.

Осенью, в ясный солнечный день, лес, кажется, полон глухарями! Идёшь по просеке – красная бровь птицы то спрячется, то покажется: петух перебегает впереди, словно чёрный чёрт, как-то по-таинственному скособочась. Он – всюду, ему невтерпёж в такую чудесную пору сидеть на одном месте, под ёлкой, как зимой.

А по осинам - радость: лист на вкус стал - ох, как хорош! Не сравнить с сосновой иглой, так опостылившей за долгую зиму. Подправив по весне здоровье подснежником и сон-травой, отьевшись в благодатные летние дни ароматной ягодой земляникой, начал летать глухарь «на осину».

Осень даже ещё не залегла в лесах, только приноравливается – как ей удобнее это сделать, а глухарь уже на осине: любит он на самом склоне лета полакомиться её душистым листом. Лист подвял, слегка пожелтел и завернулся в трубочку – поневоле полюбишь его в эту пору, когда ягоды пропали, нет уже ни малины, ни черники, а брусника с клюквой ещё не поспели. Берёзовый лист стал словно лыко, а хвою ещё не прихватил мороз – ни сладка она для глухаря, ни желанна. Один выход – перебираться на осину.

Сидит глухарь в самой её верхушке и так прижмётся к ветке, что будешь стоять внизу, смотреть вверх, а ни за что его не увидишь. Рано поутру глухарь обычно не прячется и сидит свободно, похрустывая листвой. Сидит, осторожно посматривает вокруг – не видать ли кого? А заметит внизу зайца или лося – озабоченно защёлкает, затэкает, вытянув шею. Ничто его в эту пору особо не беспокоит, и глухарь находится в добром расположении духа.

Но не всегда и не сразу посчастливится это увидеть, зато уж если повезёт, то вволю насладишься незабываемыми живыми картинками из потаённой жизни осторожных и таинственных птиц! Рассаживаясь задолго до захода солнца, глухари выбирают деревья высокие, стройные, с густой шапкой листвы. И обязательно - неподалёку от весенних токовищ.

Бывает, что прямо после вечерней кормёжки глухарь никуда не улетает и тут же засыпает, а поутру, перед тем, как поклевать прихваченного за ночь холодком листа, неспешно пробует горлом осенний воздух. Воздух, как и весной, роится замершим ожиданием, и так же ненавязчиво, но отчётливо

слышатся и незаметно истаивают в настороженной тишине срывающиеся капли его скрипучего пощёлкивания: «Уок-уок-уоок!»

Глухарь не скиркает и не точит: так, роняет в воздух что-то по-осеннему раздумчивое, и не пытается отыскать. У него есть всё, чтобы не чувствовать ущерба от своего существования в преддверии зимы, и он сполна переживает эту упоительную лесную волю.

Мне нравится бывать в гостях у глухарей ранней осенней порой, как и весной, открывать их повадки, слушая редкие горловые поскрипывания, но о превращении в этих птиц, при всей своей любви к ним, я почему-то не думаю. Скорее, что-то из них уже когда-то перевоплотилось в меня самого, и вот теперь живёт покойно в предвкушении новой жизни. Что она, интересно, принесёт?

Часто встречая глухаря по осени, одиноко сидящего на осине, приходит мысль об утвердившемся в нём с веками унылом равнодушии. Но на самом деле глухарь, наверное, просто не ощущает в себе излишнего напряжения, и всем своим диковинным поведением отодвигает усталость однообразного существования. Он - не различимый человеком труженик, верно охраняющий никому непередаваемое терпение, красоту и благо первозданного леса.

Стоит только послеполуденному солнцу ласково озарить осиновые верхушки, как глухари дружно слетаются на них, озабоченно рассаживаясь и издавая хрюкающие звуки. Большей частью - это золотисто-рыжие копалухи, мошники же располагаются тёмными грушами неподалёку, на ёлках, делая это более незаметно и даже скрытно.

Осторожно передвигаясь у самой кромки леса, можно подойти к ним очень близко, замерев, долго стоять, задрав голову, но так и не разглядеть их жаркое в лучах предвечернего солнца оперение. Глухари умеют удивительно ловко маскироваться на толстых ветвях, и только при какой-либо неловкости с твоей стороны обнаруживают себя, тотчас перелетая на соседние деревья. Уже пожелтевшая и порядком поредевшая листва, казалось бы, не может надёжно скрыть их от твоего пристального внимания, и, тем не менее, глухари часто остаются незамеченными.

Но довольно знать, что глухари здесь. Вместе с последними отголосками уходящего лета солнце поспешно ускользает за горизонт, и весь лес окутывают прохладные сумерки. Птицы мгновенно забываются в чутком сне, и я неслышно ухожу в избушку, чтобы под утро, как и весной, подойти к ним в глубокой тишине, и ждать такого же чудесного пробуждения.

Ночью не хочется думать, что осенние звёзды льют тебе свой прощальный свет. Там, в вышине, в своей отрешённой задумчивости, они по-прежнему покойны и чисты. Месяц же, сияя, может быть, не так ярко, как зимой и весной, радостно красуется начищенной желтизной.

Глухари спят, вокру тишина, и, коченея от подбирающегося осеннего холода, я пробираюсь к ним в темноте, почти как весной, только лишь с той разницей, что лес молчит, многие птицы уже отлетели на юг, но я счастлив,

что все глухари с весны остались целы: судьба сберегла их для будущей лесной жизни.

В этой распростёршейся повсюду осенней потаённой тишине тихо и полусонно посещает вдруг мысль, что в природе нет борьбы за свет и постоянного желания любить. Просто у каждого времени года существует своё, дарованное Всевышними Силами, прекрасное мгновение и жизненное пространство. Может быть, это какой-то величественный природный дух или божественное сознание, что не позволяет осени первенствовать в чём-то существенном перед зимой, так же как спокойная и раздумчивая зима, на деле, никогда по-настоящему не противится наступающей в своё время разудалой весне. Всё в природе происходит по какому-то чудесному, заведённому именно Богом порядку каждому явлению быть в своё время и на своём месте, иного предположить невозможно, да и не хочется, если не устаёшь постигать жизнь, и она тебя радует.

К чему это я? А к тому, что только по весне все птицы превозносят эту чудесную пору и заботятся о продлении рода, осенью же – готовятся к долгой зиме, но вот глухари, по неизвестной никому причине, иногда изменяют своей природе: они токуют в непривычное для себя время. Об этом мало кто знает, наверное, только потому, что увидеть и услышать осенний ток суждено настоящему искателю, неутомимому исследователю лесной жизни, когда необходимо затратить ещё больше усилий, чем весной, да и далеко не каждый лесовик решится на это. Стоит ли овчинка выделки, если песню глухаря и его самого можно в полной красе подслушать и подсмотреть весной, в подходящую для этого пору?

Сложность заключена ещё и в том, что осенью глухарь может проявить желание попеть, пусть и не так страстно, вовсе и не на месте расположения весеннего токовища, а там, где ему выпало счастье находиться. Скажем, во время удачной вечерней кормёжки, или поутру, после радостного пробуждения, когда этому способствует доброе осеннее утро, с лёгким морозцем и румяным солнышком, и такое место нужно ещё, к тому же, угадать, то есть, твоему поиску должно сопутствовать обыкновенное везение. Но удача сама не приходит, её работа за руку приводит.

Мне повезло, и вот, я здесь… В душе вдруг воцаряется удивительное ощущение неразделённости с этим обыкновенным лесным покосом, так уютно раскинувшимся прямо по над логом, на южной его стороне, с величественными осинами, оказавшимися даже выше берёз и ёлок. Эти осины, как неведомые стражи, замершие по краю поляны, кажется, были преисполнены присущим только им достоинством, покойно содержа в себе какую-то необыкновенную, но непритязательную силу. Недаром, наверное, глухари выбрали именно эти деревья, и мне тоже захотелось находиться рядом с ними.

Удобнее устроившись в небольшом стожке сена, прямо напротив осин, я имею возможность наблюдать всё, что будет происходить передо мной. Пронизывающий ночной холод предательски закрадывается под телогрейку,

но над головой, в восхищённо посверкивающем зелёными звёздами небе, также восторженно льёт на уснувшую землю свой таинственный свет ясный месяц. Взобравшись выше звёзд, он освещает всю полянку, и становится так, будто ты присутствуешь на каком-то завораживающем воображение театральном представлении, и оно неповторимо.

Всё, что сейчас окружает меня - прекрасно, и я почему-то начинаю думать о тех людях, что спят в эту ночную пору в своих уютных городских постелях, и ничего этого не видят. Недаром в народе пословица ведётся: час терпеть, а век счастливо жить. Мне же приходится терпеть гораздо больше, и оттого счастье моё безмерно!

Да, терпеть не беда, было б чего ждать, и в душе я радуюсь, представляя, как глухари, пробудившись, начнут осторожно пробовать своей отточенной природой гортанью подстывший, чуть вяжущий воздух: тэк-тэк, уоок, тэк-тэк, уоок - уоо-ок. А потом, насытившись пряной лесной сладостью и прочистив горло подстылым утренним воздухом, мягко спланируют с высоких осин, с которых ещё не опал до конца лист, унося на своих мощных крыльях, за дальние синие леса, так и не разгаданную мной древнюю тайну.

Копалухи же, почти невидимые в кронах мощных дерев, будут отчего-то озабоченно кокотать, недоумённо провожая их, и от всего этого сердце затрепещет в груди и перевернётся. Но когда ещё один мошник сорвётся за спиной, то оно и вовсе оборвётся, уносясь вместе с ним в манящие за рекой дали, целиком погрузив в эту сокровенно захватившую тебя осеннюю тревогу…

И так оно всё и случилось, а ещё позже опечаленные звуки осени затихнут где-то под бездонным небом, и уставший в себе за лето лес успокоится. В такую пору и глухари как будто замирают: с ними происходит что-то еле приметное, не поддающееся объяснению. Точно, как и у человека, когда, однажды, всё вдруг, кажется, кончается, но ты чувствуешь: в непроглядной темноте томится неизбывный живой дух, и он выведет тебя к свету.

Слитность с лесом

Чтобы увидеть зверя или редкую птицу, лучше всего ходить по лесу одному, неспешно, терпеливо вслушиваясь и всматриваясь в окружающую чащу. Если ничего не помешает, какое-либо животное обязательно обьявит себя, и тогда нужно, замерев, слиться с лесом. Очень возможно, что зверь даже не почувствует твоего присутствия, приблизится почти вплотную и, может быть, не заметив, пройдёт совсем рядом. Полный радостного открытия, ты будешь стоять, охваченный волнением, с трудом сдерживая свой охотничий пыл.

Так, однажды, отрешённой походкою проследовал мимо меня сильный лось, и я разглядел у него цвет глаз и длинные седые ресницы. Лось, по-видимому, был старый, шёл навстречу мне, понуро опустив голову, и

выглядел очень усталым. Лось, казалось, совершенно отрешён от всего, что его окружает, и, наверное, именно по этой причине он и не обратил внимания на человека, что находился в этот момент рядом.

Стоя на краю просеки, по которой двигался мощный зверь, я оцепенел от его близкого присутствия, не понимая – почему лось меня не замечает. Стоило протянуть руку, и можно было дотронуться до его шеи или величественных рогов, но я не решился на это, замерев истуканом, и только впитывал взглядом происходящее, не в силах поверить такой удаче.

Вскоре лось миновал меня, но я не в силах был пошевелиться, всё произошедшее представлялось каким-то чудом, скорее, игрой воображения, нежели действительностью, и прошло ещё какое-то время, прежде чем я пришёл в себя. До сих пор передо мной стоит его понурая голова, грустные большие глаза с длинными ресницами, и та потаённая отрешённость, с какой лось проследовал мимо.

Где-то сейчас мой дорогой, великан-лосик, жив ли, или, быть может, уже слился навсегда со своим величественным ОТЦОМ-ЛЕСОМ, напитав его своей неизбывной силой?

А один сохатый, не обращая никакого внимания на моё близкое соседство, спокойно обдирал молодые веточки осины, изредка всхрапывал и шумно шевелил толстыми губами. Стоял тихий сентябрьский день, я неспешно продвигался по укромной просеке, подманивая на пищик рябчиков, и никак не проявлял себя при этом, отчего лось меня и не услышал. Заприметив сохатого, я замер чуть позади него, постоял с минуту, наблюдая, как он, задрав голову, сдирает губами с высоких ветвей вкусные листочки, и решил, на свой страх и риск, двинуться дальше, боковым зрением поглядывая на зверя.

Поравнявшись с ним, я вдруг обнаружил, что лось тоже заметил меня, кося в мою сторону своим карим глазом, но никак не проявил своего беспокойства, что показалось мне просто удивительным, и я тихонечко, не чувствуя ног, пошёл дальше, а сохатый, как будто ничего и не происходило, продолжал по-прежнему обдирать листву. Не передать словами, какое это было счастье!

Разве можно назвать такую охоту бесплодной, когда после всего увиденного возвращаешься осенним вечером в натопленный деревенский дом, где по-особому тихо, уютно, и ты, сидя у печки, с какой-то сокровенной радостью вспоминаешь всё, что подарил тебе в этот день лес, переживая с ним удивительную слитность.

Сойка

Когда-то я считал сойку самой скучной и неинтересной из всех птиц. В отличие от сороки или вороны сойка в лесу попадается редко, да и живёт бог весть где. При том, что она старается крутиться возле людей, сойка всё-таки нелюдима. Мне даже в голову не приходило подумать: в чём от неё радость?

Про сойку существует поверье, рисующее её очень глупой птицей, что, впрочем, недалеко от истины. Сойка три раза в год начинает улетать на юг, и всё неудачно: первый раз она летит, когда зацветает греча, второй – когда созревают хлеба, и третий - когда упадёт снег. В первые два раза она принимает белеющий цвет полей за выпавший снег и спешит на юг, но с половины пути возвращается назад, чтобы узнать, много ли она пролетела. В третий раз сойка не долетает до юга из-за недостатка корма.

Словом, по народному мнению, сойка - птица недалёкая. К тому же, вредная: её отличают вороватые наклонности. Часто можно увидеть, как сойка несёт в клюве какой-нибудь предмет, который она, конечно, где-то своровала: всё, что плохо лежит, оказывается её добычей. Правда, в этом она схожа с сорочьим и вороньим семейством.

Как и ворона с сорокой, сойка беспокойна и криклива. Она никогда не сидит на одном месте, а завидя в лесу идущего человека или зверя, постоянно перелетает впереди него, время от времени издавая неприятный отрывистый крик. Кабы на сойку, да не свой язычок, то бы и не погибала!

И, действительно, эта вздорная черта характера птицы нередко её губит: сойка постоянно, более, чем другие пернатые, попадает в расставленные охотниками капканы. Ей не присуща, как, скажем, сороке, умопомрачительная осторожность. Сойка совершенно неприхотлива в своих нехитрых устремлениях, хоть и пуглива, что, впрочем, не мешает ей быть любопытной. Издали завидя охотника, который настораживает ловушку, она, толком ничего не разобрав, в скором времени оказывается её пленницей, оглашая всю округу невообразимо скрипучим криком!

И что ещё интересно: ходишь весь осений или зимний день, и не то, что сойки, а даже рябчика не встретишь, но вот попадается чей-то путик с настороженными капканами, и почти в каждом сидит … сойка! Можно подумать, что капканы – какая-то необъяснимая сойкина радость, утеха, к которой птицы бездумно стремятся. Где же они всё это время прятались, и чем занимались? Их даже не было слышно!

Обычно сойки кричат и бранятся весь божий день, как будто их бьют, или кто-то гоняется за птицами. Но не всяк кричит, кого бьют: сойки кричат просто потому, что не могут иначе реагировать на окружающую их в лесу жизнь. Всякая сойка и за себя-то дело сделать не сможет, а кричит одна за всех! Но ведь без голосу, как говорится, не кричится: есть он, оказывается, и у сойки.

По необъяснимой причине иногда голос сойки отличается удивительной, не схожей с её наклонностями мелодичностью. Чаще всего сойка держится по лесным дорогам и опушкам, и часто мне действительно приводилось слышать такой мелодичный свист, тогда как саму птицу я ещё не видел. Кто-то выделывал в лесу причудливые тонкие колена, а я и помыслить не мог, что это напоминают о себе сойки. Издаваемые кем-то мелодии своей переливчатостью напоминали весенние песни иволги, которой здесь просто не могло быть. Озадаченный, я останавливался и пристально

вслушивался в непонятные лесные звуки, и когда на опушку вылетала стайка пунцовых соек, удивлению моему не было предела!

И всё-таки, даже сквозь музыкальность издаваемой сойками мелодии выдаётся их беспокойная и неопределённая сущность. Прислушиваясь к такой песне, непременно хочется заметить: старайтесь, ребята, старайтесь, помрёте, так с настоящей музыкой! Но откуда сойке быть хорошим певцом – ладно хоть горазда птица на подобные напевы, которыми сама себя тешит. Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть!

Да только сойка и не думает умирать и, держась всегда несколько в укрытии, время от времени даёт о себе знать. Обьединяясь в небольшие стайки, птицы, как и в песне, тоже иногда преображаются, проявляя удивительную независимость. Однажды я наблюдал, как с полдюжины соек собирали по краю жнивья оставшиеся зёрна, сидели на земле в достаточном удалении друг от друга, и именно поэтому, наверное, явились объектом нападения ястреба-тетеревятника.

Ястреб, почуяв, видимо, лёгкую поживу, нацелился на сойку, которая находилась дальше всех в поле, и, сложив крылья, бросился на неё. Но сойка, на удивление, нисколько не испугалась, а бесстрашно зашипела на хищника и, замахав крыльями, зацокала клювом. Ястреб потом долго кружил над сойками, пытаясь подлетать к ним с разных сторон, но так и не решился напасть хотя бы на одну из них, в конце концов, оставив свои безуспешные попытки. Сойки совершенно не боялись его и продолжали спокойно кормиться, как будто не замечая.

Ещё сойка знаменита тем, что, как и кедровка, склонна к частым путешествиям, когда ей не хватает корма. Кедровка в Сибири «расселяет» кедр, а вот сойка сажает дубы. Питаясь желудями, птицы часто уносят их далеко от дерева, теряют их по дороге или прячут «на чёрный день» в какое-нибудь укромное местечко, и жёлуди, попадая в благоприятную почву, прорастают. Сойка может спрятать только в одной своей «кладовой» до нескольких килограммов желудей и ягод, непроизвольно обогащая тем самым наши леса.

Но больше всего среди лесных птиц славится сойкино перо! Тому, кто видит в этой птице только пустое беспокойство и бестолковый крик, остаётся восхищаться её красотой. Дымчато-пунцовое нежное оперение и голубое зеркальце на крыле, как нельзя, кстати, идут птице, которая ничем особенным себя не зарекомендовала. Но зачем природе понадобилось выделять такую обычную птицу, как сойка? Причём, очень ярко даже для нашей средней полосы, лишённой броских красок!

На то сойке голубое зеркальце дано, чтобы она в него, наверное, гляделась. Ей бы перед ним погадать на свою непутёвую судьбу, да она его, скорее всего, не видит. А может, сойка оттого так взаблмошна и криклива, что хочет рассказать - какая она красивая, но все замечают в ней только вздорный характер, отчего сойке становится обидно, и она ещё больше распаляется, пытаясь обратить на себя внимание.

Сведущему человеку хорошо известна её краса, и он никогда не упустит возможности полюбоваться сойкиным оперением. А сойка, знай, красуется: ей есть что показать. Она не сорока, что в одно перо родится, в ней перемешана и бархатная ночь, и пунцовый рассвет, и лазоревое облачко, посеребрённое лёгким утренним инеем: одно загляденье!

Достались сойке по наследству «перья после Лукерьи», но она ими, кажется, и не гордится совсем. Принимает свою птичью одёжку как должное, ей «перо плеча не ломает». Оно дано сойке для чего-то, и, значит, так тому и быть, хотя жить в лесу с таким пером – смелее любого, даже самого острого, язычка.

Но не пером живут, даже красивым, а умом, и он у сойки, несомненно, есть. Сойка, несмотря на свою красоту, хорошо знает, что всех в лесу не перещеголяешь, и даже если ты дюже хороша - не по красивым слава. То она и таится чаще всего, давая о себе знать лишь скрипучим и всегда чем-то недовольным голосом.

Правда, сойкин умок, что весенний ледок: ненадолго схоронившись в лесной чаще, птица опять вскоре показывается. По-видимому, от невоздержанности чувств: не может сойка долго в тени оставаться. Понимает птица, что с умом жить легко, но зато на красоту глядеть больно хорошо, и сойка вовсю красуется, не в силах сдержать свою неугомонную натуру, за что часто и расплачивается. Умна сойка, да не разумна: знать, её участь такая!

Изобретательная сорока

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неутомимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о происходящем. По сорочьему стрёкоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, что увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и, взахлёб, оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась … глухариная песня: вернее, её поразительно точное подобие, с присущими только глухарю переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным точением.

Сорока, охваченная страстью преследования гончей собаки, непроизвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже услышанные в лесу звуки, причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках. И в какой-то миг показалось: это сам глухарь огласил округу своей неподражаемой трелью, холод куда-то незаметно отступил, и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился!

Мой зверь

Сколько лет хожу в лес, а никогда не задумывался: если бы мне суждено было жить в нём зверем, то каким? Долго думал, всех животных перебрал, и понял, что не заяц я, не волк, не медведь, не лось и не рысь, не колонок и не бобёр. Засомневался даже не на шутку: да есть ли, вообще, в лесу такой зверь, что хоть отчасти напоминает меня? И вдруг, неожиданно для себя, остановился на бурсуке.

Так же, как барсук, брожу я, бывало, по ночным чащобам, натыкаюсь на стволы и ветви, запинаюсь о корни с камнями, и что-то, не переставая, ищу. Очень не люблю, когда другие бездельничают и, того хуже, незаслуженно присваивают себе твой труд, подобно лисе и енотовидной собаке, что бессовестно занимают в отсутствие барсука его нору. Основательно и с удовольствием работаю, стараясь обустроить своё жилище как можно более уютно и просто.

Барсук предусмотрителен: в отнорках, прорытых им к выходам из основной камеры, он всегда оставляет земляные перемычки, его враги не в силах преодолеть их, а он сам очень быстро оказывается на свободе. Так и у меня: не продумав тщательно планы на будущее, я не чувствую в полной мере вкуса жизни. А ещё я, как и барсук, достаточно чистоплотен и люблю порядок: в доме моём нет ничего лишнего – только самое необходимое, дорогое сердцу, без чего я действительно не могу обойтись.

Поняв, наконец, кто я в лесу, ещё ближе стал для меня этот симпатичный зверь, а на душе сразу сделалось легко и свободно, будто и в самом деле все животные признали меня своим: трудолюбивым и мудрым затворником родимого леса – барсуком, что обычно в сладком сне пребывает всю зиму. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество отнорков, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха. Толстые земляные стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от холода.

Прочен и долговечен распорядок барсучьей жизни, неспешен в своём замечательном лесном истечении. Это понимаешь, когда стоишь в январе над его засыпанной снегом норой. Ощущая под ногами неприхотливый звериный уют, на душе воцаряется удивительный покой и глубокое удовлетворение.

В какой-то миг даже почудится, что не видит барсук никаких зимних снов: впал до самой весны в сладкое оцепенение, ничто его не беспокоит. Но вспомнится вдруг, каким зверь был неутомимым и работящим в течение всего года, и сразу представляешь его наполненную делами лесную жизнь: он в ней, наверное, ничего не забывает. Лёгкими ненавязчивыми облачками всплывает посреди зимы воспоминания барсука, и так, незамысловатыми картинками, и витают в замысловатых проходах норы, ублажая барсука своим благостным присутствием.

Может быть, видится ему знойный день, когда маленькие барсучата по-смешному переворачиваются у норы, играют и гоняются за мелкими насекомыми, а взрослые внимательно охраняют их покой. Слышится барсуку сквозь крепкий сон вольное щебетание птиц над головой, их бесконечное перепархивание, и как внезапно налетает неведомо откуда августовский ветерок, что приятно ворошит на спине мех. Чудится ему вкус родниковой воды, к ней он пробил за лето приметную тропку, и запах осенних грибов, и сочность лесных кореньев.

Воспоминаний, слагающих сновидения зверя, наверное, больше спокойных, нежели тревожных. Сама размеренность барсучьей жизни и её осёдлость предполагают их.

Барсук - это сокровенная лесная озабоченность и, может быть, даже некоторая отрешённость от жизни остальных зверей. Он всегда сосредоточен на собственной жизни и, наверное, поэтому зимой отдыхает. Ему нет дела до других, до пустого времяпрепровождения: он – маленький трудолюбивый хозяйчик, между тем, обладающий удивительной сметливостью.

Взять хотя бы его бесчисленные отнорки, он их тщательно и без устали прокапывает всё свободное время. Однажды столкнувшись с ними, ты убедишься, что барсук сидит в своей норе не зря. За исключением тех, что зверь постоянно использует, он оставляет во всех остальных земляные перемычки, с внешней стороны их не сможет осилить ни один его враг, но сам барсук преодолевает в считанные минуты. Оттого и спится ему сладко в своей норе зимой, что не пробраться никому под глубокую толщу земли и снега.

Внешний вид барсука хорошо всем известен. У него короткое приземистое туловище с широкой спиной и толстым круглым задом. Именно из-за него воспоминания о звере всегда вызывают улыбку и добродушное настроение. Голова же у барсука узкая, с белыми запоминающимися полосками и слабо выдающимися ушами. Соединяется она с туловищем неожиданно короткой, но весьма подвижной шеей.

Из-за своего ночного образа жизни барсук редко встречается человеку в лесу, и потому о нём существует некое превратное представление: иногда его даже причисляют к медведям из-за неуклюжей приземистой фигуры, лап, напоминающих медвежьи, и густого шерстного покрова. Но только на первый взгляд барсук кажется грузным и неповоротливым. На самом деле он очень подвижен, особенно когда его подстерегает опасность. За зиму барсук

хорошо отдохнул, выспался, и тяжёлые видения не обременяют его движений.

Ещё несведущие люди иногда представляют себе барсука себялюбивым, недоверчивым и угрюмым существом, живущим как будто во вражде со всеми. Мнение это неверно. Барсук, скорее, добродушное существо, быть может, как никто в лесу занятое обустройством собственной жизни. Более безупречного в этом отношении зверя трудно в лесу найти.

Затворник, избегающий людей и других животных, имеет на то свои основания. Не вызывающий ни у кого в лесу симпатии, зверь, между тем, никому не приносит зла. Он удивительно простодушен в своём замкнутом образе жизни и хлопочет только о том, чтобы окружить себя и своих близких полнейшей безопасностью.

Увидишь, бывало, в конце зимы голотяпые следы на снегу и удивишься: что за зверь умудрился выискаться в лесу? Забудешь за долгой зимой о существовании барсука. Внимание твоё одолевали волки, зайцы и лисы. Только им ты отдавал предпочтение, и ещё неуловимым рысям, и скрытным глухарям с рябчиками.

Ранней весной по грязным следам барсука видно, что у него за зиму отросли огромные и острые когти. Самый когтистый след в лесу – у барсука, хоть он и мал. К тому же, отпечаток его задней ступни отчасти напоминает след босой ножки ребёнка, отчего при встрече с ним не пугаешься, а недоумеваешь. Вроде, ходит какой-то зверь по снегу и ищет, что бы выкопать, а уж если найдёт, то и сьест, потому как всеядный.

Если зима к концу пошла, барсуку не лежится: то сходит к ключу водицы испить, размяться, то к чуть дымящейся проталине забредёт. Хочется ему поскорее зимние сны в реальность превратить, и барсук, наверное, боится пропустить лето. Убедившись, что лето ещё не настало, он опять обращается к нему во снах, досыпая остатки зимы. Скоро ему придётся много работать, и последний сон ублажает исстрадавшуюся по лету звериную душу.

Барсук на редкость чистоплотное и опрятное животное. Проснувшись, он сразу же начинает приводить себя в порядок, стараясь стряхнуть остатки зимних сновидений. Зверь за ними даже не ощущает сильного голода, и только осторожно внюхивается в живительный весенний воздух.

Только проснувшись после долгого зимнего сна, барсук не уходит далеко от норы и откапывает где-нибудь поблизости пахучие корешки растений или дождевых червей. Он весь пока находится в плену затянувшейся зимней отрешённости, и пройдёт ещё немало времени, прежде чем мех зверя опять начнёт приятно лосниться, а движения его приобретут плавную неторопливость.

Полная неповторимостей жизнь леса вновь захватит барсука в свой круговорот, и он забудет на целое лето про зиму. Собственно, она для него и так не представляется бесконечной, ведь зверь проживает её незаметно во снах. В них тоже стоит лето, и барсука, наверное, одолевает иногда

недоумение: что это за холодная пора, ежегодно приходящая на землю, и зачем она? Он достойно преодолевает её во снах, за что им, должно быть, очень признателен.

Барсуку, наверное, нравится почти целый год, с апреля по октябрь, чувствовать себя полным сил, и он даже не догадывается о том, как нужна ему зима. Зима убаюкивает душу зверя, а барсук послушно отдаёт себя на её волю: рано или поздно эти сладкие оковы спадут, и долгожданная весна вновь выйдет к нему навстречу. Весна - моё любимое время года!

Сорокопут

Только дважды довелось мне увидеть в лесу синицу и мышь, нанизанных сорокопутом на сучки, и я сразу подумал: отчего он так безжалостен, этот сравнительно небольшой жулан, что своим загадочным поведением, будто на самом деле, плетёт сорок пут?! Ведь если есть хотя бы один глаз, который зорок, тогда не надо и сорок, а сорокопуту зачем-то надо.

Может быть, только за тем, чтобы постоянно устрашать потенциальную жертву, заранее угнетая её этой боязнью жестокой расправы? Но даже сорок пут хоть кого на чистую воду выведут, как бы ты мудрёно их не плёл: они, скорее, для того и предназначены, чтобы запутать и увести от истины, а сколько ни путай, говорят в народе, концы всё равно выйдут наружу.

Когда-то на Руси слово «сорок» означало много. Но как это относится к маленькой птице, вес которой не достигает и ста граммов? Скорее всего, из-за тех ухищрений, к которым она прибегает.

Сорокопут имеет способность подражать голосам многих птиц, чем, видно, вносит достаточно сумятицы в их отношения, и, взбудораженные, они становятся его лёгкой добычей. Затем, схватив птицу, ящерицу или мышь, он не сразу её сьедает, а накалывает на какую-нибудь колючку. Так ему, имеющему небольшие размеры, во-первых, удобнее управиться с жертвой, к тому же, сорокопут очень хищен по натуре, хоть и ростом не вышел, и оттого вовсю свирепствует, наводя страх на мелких обитателей леса. Таким же образом маленький разбойник хранит и свои запасы, и если даже он сыт, то всё равно ловит, накалывает на ветки и, мало того, обрывает у своих жертв головы!

Однажды я наблюдал, как самка сорокопута кормила двух молодых птиц. Какие они были прожорливые и капризные, как горланили, требуя пищи! Уже достаточно взрослые, сорокопуты сидели на проводах, прижавшись друг к другу, и с первого взгляда на них было видно, что им ни до кого нет дела. А ведь была уже предосенняя пора, середина августа, давно покраснела рябина, и птицам надо было скоро улетать, но молодые сорокопуты до сих пор чувствовали себя птенцами. В этой небольшой детали очень точно проявляется характер сорокупута: ему ничего не стоит угнетать, обманывая даже родную птицу, только чтобы удовлетворить свой каприз.

Взрослый сорокопут обычно устраивается на каком-нибудь возвышении – дереве или кусте, часто – на телеграфных столбах, и цепко высматривает добычу. Сидит в выжидающей позе, всегда насупившись, будто со сна, голову поворачивает медленно. Но вся эта сонливость - опять же, только видимая, запутывающая.

На самом деле сорокопут зорко глядит по сторонам и, как только замечает мышь, мгновенно бросается вниз, не присаживаясь, хватает её и, пролетев низко над землёй, крутой дугой взлетает на вершину рядом стоящего дерева. Всё это происходит в считанные мгновения.

Да, у сорокопута не без умысла путается дело. Но зачем природе такая изощрённость? Птице достаточно просто убить, чтобы поддержать свои силы или накормить птенцов, а сорокопут именно изощряется, когда это совсем не нужно.

Напутает так, что никто не распутает, даже, кажется, самого себя вокруг пальца обведёт, оставив всех в полном неведении. Как говорится, сварила бы путаницу да спрягла бы глазунью!

Нет, видимо, птицу эту сам Господь попутал и дал другим в назидание, чтобы не дремали!

Жаворонки

Невозможно представить весну без жаворонков! Из всех весенних звуков самый желанный и радостный – пение жаворонка. Ещё не сошёл с полей снег, редкие тёмно-коричневые проталины дымятся сизым ароматным парком, неуловимо вздымающимся в высоту, а навстречу этому аромату устремляется тонкая трель маленькой чудесной птички – нашего раннего гостя, будто вознамерившегося пронзить всех своим солнечным пением.

Маняще исчезая в сияющей голубизне, удивительная песня жаворонка непроизвольно очаровывает всех и не отпускает, будто удерживая землю на ниточках своих непревзойдённых трелей. Даже те, кто не общается с природой, заслышав звонкое пение под небесами, непремеменно отличают в нём песню жаворонка, не помышляя о какой-либо иной птице. Всем хорошо известен и доступен этот неподражаемый небесный виртуоз.

Испечённые ко дню сорока мучеников из теста в виде птичек булочки на Руси называли жаворонками. Обычно говорили, намекая, что это делается от хорошей жизни: «Ишь ты, жаворонками крошишь!» Жаворонков олицетворяли в народе с хлебом.

Как бы в противоположность тому, что несут с собой нечто приземлённое, родное, жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, а предпочитают им высокое синее небо. Они избегают густых тёмных лесов, выбирая для себя открытое и вольное пространство. Когда жаворонок трепещет крыльями, поднимаясь высоко в воздух, это равносильно тому, что слушаешь его песню: так его движения напоминают её, а вместе – и полёт, и звуки песни, что разливается повсюду всеобъемлющей гармонией.

Жаворонок поёт без передышки: «тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю», когда же ему надо сделать короткую паузу, он складывает крылья, так легко скользит вниз, и уже у самой земли их распускает. Поёт обычно самец, без устали взвиваясь вверх, а самка в это время сидит на земле, и взлетает гораздо реже, как будто теряя терпение в ожидании самца. Впрочем, он и сам находится в полёте не так уж долго. Правда, пребывая на пике своей страсти, он способен подниматься на полторы сотни метров, но иногда поёт и на земле, усевшись на какую-нибудь кочку.

Земля должна достаточно прогреться, чтобы в воздухе появились восходящие тепловые потоки, и когда она просыпается, в ней открываются жёлто-чёрные, серо-зелёные и блёкло-коричневые заросли старых трав. Эта перемена в цвете природы и сулит прилёт жаворонков. Они и сами под цвет апреля - жёлтовато-серенькие восторженные птахи, что и льнут к пёстрой весенней земле, и как её живая частица возносятся с радостью в небо.

Каждый жаворонок больше любит оставаться один, во всеуслышанье провозглашая весну, но иногда жаворонки обьединяются в стайки, подобно дымчато-жёлтому облачку парят в вышине, а потом неожиданно прямо-таки валятся с неба в сухую траву, совершенно растворяясь в ней. Ещё с осени припасены там для них семена васильков, полыни и зверобоя, и потому жаворонки радостно сливаются с родной землёй после долгого перелёта, и не менее восторженно прославляют её.

Точка самого возвышенного и солнечного жизнепроявления весной – это жаворонок, зависший в бездонной небесной высоте. Жаворонок не признаёт середины в своём переполненном радостью поведении: он либо кормится на земле, либо поёт под самым сводом неба. В поющем в поднебесье жаворонке всё сосредоточие весны, её музыка и проникновенность, и воздух будто поддерживает неутомимого певца. Воздух весной – его опора.

Кажется, чем выше жаворонок, тем звонче его песня. Звуки её рассыпаются во все стороны восторженными колокольцами, сливаясь со звучанием колокольцев, рассыпающихся от песен других птиц: овсянок, чибисов, зеленушек и коньков. Песня жаворонка – как небесный ручеёк: течёт откуда-то с неба, переливаясь в ласковых солнечных лучах. Не отыскать ничего чище и трепетней даже на земле!

Жаворонок поёт так, что звуки его переливчатой песни доносятся отовсюду. Не покидает ощущение, что движется и поёт весь воздух, всё окружающее тебя пространство. Пристально вглядываясь в весеннюю вышину, не сразу различишь чуть вздрагивающую тёмно-коричневую точку. Она то зависает, то через некоторое время медленно опускается, как будто кто-то удерживает на невидимой ниточке трепыхающееся маленькое сердечко… Это – жаворонок.

По мере того, как жаворонок опускается, звуки песни усиливаются, проясняются, будто тянутся к тебе тонкими серебристыми нитями: они

невидимы, но ощущаются. Песня не надоедает, сколько бы её ни слушал, разносится по всей округе на разные лады, и ты наслаждаешься этой удивительной птицей, неустанно, не переводя дух, радующей своим присутствием. Кажется, что жаворонок никуда уже не денется, останется навсегда с тобой, такой он для всех простой и доступный. Когда я наблюдаю за поющим жаворонком, меня всегда не покидает ощущение, что он находится в каком-то сладостном забытьи или даже во сне, до того отрешённо и убаюкивающе разносится его песня.

Жаворонок поёт всегда громко и чисто, в издаваемых им звуках никогда нет какой-либо резкости, а только чистота и мягкость. В его песне будто собираются все звуки, что приносит с собой весна, она выбрала в свои глашатаи именно жаворонка, доверив ему всю страсть своего восторженного сердца, и жаворонок, будто зная это, старается изо всех сил. Но получается это у него ненадоедливо и привольно, так что всякий идущий по дороге непременно остановится, задерёт голову и прислушается, позабыв про заботы. Жаворонок окончательно вселит в его душу уверенность, что холода миновали: ведь народная примета неспроста гласит, что если рано утром не слышно жаворонка – это к дождю или плохой погоде, ну, а уж если поёт – жди тепла.

Но вот однажды жаворонки ошиблись, видимо, увлёкшись неудержимо идущей по земле весной. И тепло пришло, и земля от снега оттаяла, и оголились прошлогодние травы с кормовыми семенами, а что-то в природе не улеглось в привычный для весны лад. Ещё с полудня задул ледяной северный ветер, небо сделалось безжизненным, стеклянным, и будто выгнулось от натуги: птицам же просто некуда было деться.

Отогнав машину с дороги в ложбинку, подальше от ветра, мы за всю ночь так ни разу и не сомкнули глаз. Ураган неистово рвал брезентовый тент, было слышно, как в лесу, на самой опушке, с глухим треском ломаются и падают деревья, про жаворонков мы и вовсе забыли. Только под утро, когда буря утихла, я вышел к краю поля и увидел, что оно усеяно мёртвыми птицами. Впервые в жизни я убедился в истинности народного замечания: такой холод, что птица на лету мёрзнет!

Все птицы лежали, опрокинувшись навзничь, с задранными кверху лапками, упругий ветерок слегка ворошил их перышки, но от этого они казались ещё более безжизненными. Среди них попадались и зеленушки, и коньки, и ещё какие-то серовато-бурые птички, но жаворонков было больше всего. Ничто, казалось, не предвещало беды, и было бы птицам скорое летнее счастье, да одолело ненастье.

Как же так, думал я. Во имя чего были нужны природе эти жертвы в обличье маленьких трогательных птичек?! Кому они помешали и что нарушили, всем своим существованием, казалось бы, предполагая только жизнеутверждающую радость?! Отчего мудрая природа их не сохранила и не уберегла от злой напасти как раз в то самое время, когда жаворонки должны были прославлять её нетленную душу?!

К природе нельзя подойти без ничего, она любит цельную натуру, и оттого чувства её оцениваются только силой. Очарованный этой силой природы, я смотрел, остановившись, на бездыханных жёлто-серых птичек в траве, опрокинувшихся на спину, и почему-то мне было так, будто не налетала злая непогода, опять светит ласковое солнце и в голубом высоком небе переливисто разносится радостная песня жаворонков.

Сколько времени я так стоял – не могу сказать. Моя душа летала вместе с воображаемыми жаворонками, возносясь в необозримые небеса, а когда возвращалась, я шёл по полю, приседая, дотрагивался до каждого застывшего тельца, и птички как будто отзывались мне на прощание.

Народная мудрость загадывает: дважды родился, ни разу не крестился, один раз умирает, радости никогда не теряет, и это – птица, наш милый жаворонок, но только жалко, если погибает он вот так рано, когда даже не оставил после себя потомства, но поверил своему сердцу и прилетел в родные края, преодолев тысячи километров. Появившись ещё с середины апреля, жаворонки уже к началу мая полностью отдали себя жизни, и этим ранили моё сердце, а от раны в душе стал глубже свет, которым захотелось поделиться со всеми.

Ёжик

Много раз я слышал истории про ежей, как они жили у кого-то в городской квартире или на даче, и всегда из этих рассказов узнавал что-то интересное о забавных зверьках, но самому никогда не приходилось встречать их в лесу, и уж тем более – ловить. Как это часто бывает, самое приятное и радостное приходит к тебе в жизни неожиданно, когда ты его не ждёшь, а помогает обычно какой-нибудь случай, порой впрямую и не относящийся к лесу.

Вот и в тот раз ёж попал в мои руки в … Областном Краеведческом Музее, вернее, в таксидермической мастерской, куда его привезли из деревни отец с сыном, и оставили «на чучело». Ёж, по их словам, уже давно ничего не ел, вёл себя вяло, и потому они решили, что он «не жилец и нужно употребить его на пользу».

Ёж тихо сидел в картонной коробке и не подавал никаких признаков жизни. Он и в самом деле казался неживым, но когда я осторожно дотронулся до него, вдруг сжался и глухо, отрывисто уркнул: «тук». Затем опять, ещё более сердито: «тук-тук, тук». Ёж был очень толстый, и мне показалось странным, что он больной.

Купив пакет молока и булку, я попробовал покормить ежа, но долгое время он никак не проявлял себя. Отойдя за шкаф, в угол, я стал наблюдать за ним, и скоро ёж пошевелился. Слегка разжавшись и высунув блестящий носик, он сначала робко принюхался, а в следующий момент уже оказался рядом с консервной банкой, в какой я всё ему приготовил, и вдруг жадно накинулся на моё угощение.

Банка прыгала по столу, как лягушка, а ёж озабоченно фыркал, неистово подталкивал её к самому краю и, наконец, сбросил на пол, после чего вновь сжался в колючий комок и возбуждённо затукал. Весь его вид говорил о том, что он вполне здоров, полон сил и самое время отправить его обратно в лес. Ехать за город было некогда, и я отнёс ежа в большой лесной парк неподалёку от своего дома, где выпустил его на укромную полянку.

Знакомые потом осуждали меня и даже посмеивались, убеждая, что ёж непременно погибнет в новом незнакомом месте, и я сам запнусь о его бездыханное тельце, когда отправлюсь туда гулять. Признаюсь, раньше мне не приходилось встречать в этом парке ежей, но я всё-таки не терял веры и очень надеялся, что мой подопечный отыщет себе друзей. Вскоре, за постоянными заботами, я и вовсе забыл о нём думать.

Когда пришла весна, и сошёл грязный снег, мы с сынишкой отправились гулять. Наш парк – остатки былого, когда-то огромного лесного массива, и изредка в нём можно было наткнуться на следы зайца и лося. Самих этих зверей мы там никогда не встречали, но вот белок подкармливали зимой постоянно, сделали для них две кормушки и даже добились того, что симпатичные зверьки брали у нас сухарики с рук. К кормушкам подлетали синицы, поползни, не гнушались угощения и дятлы с сороками, но когда прибегали белки – птицы разлетатлись, усаживаясь на сучках поближе. Драк между ними не случалось, и каждый мог взять столько, сколько способен был унести.

Однажды мы оказались неподалёку от той полянки, где в начале лета я выпустил ежа. Слышим, кто-то шуршит в пожухлой траве. Пригляделись – ёжик бежит, такой маленький, что даже непонятно: как он пережил суровую зиму?!

Носик булавочкой, иголочки серовато-белые, кажется, ещё совсем мягкие, сам раза в три меньше того, что я здесь когда-то оставил. Ёжик, заметив нас, тут же юркнул под корни старой ели, зарылся с головой в сухие листья и замер, а кругленькая попка наружу торчит. Думает, мы его не видим!

Смешно нам стало, но про себя я думаю: откуда бы ему тут взяться? Не иначе, как мой ёж нашёл себе приятельницу или, быть может, то была беременная ежиха? Не случайно, наверное, ёж тогда поначалу выглядел больным, а затем оказался здоровым. Да и с виду он был такой округлый, гладкий, будто мячик. Но голыми руками ежа не ухватишь!

Про ежа в русском народе существует много разных сказок, в них он предстаёт, по большей части, добродушным зверьком. Ёж в них всегда очень смелый, потому, никого не боится и всем помогает. При этом он сохраняет удивительное простодушие, несмотря на то, что обладает обострённым чувством собственного достоинства. Но гордость не мешает ему жить: она только более поднимает его в глазах зверей и человека, и ежу оттого все доверяют.

Ежа не без оснований считают умным зверем, полагая, что никто лучше его не может обустроить свою жизнь. А между тем происходит это у ежа довольно-таки бесхитростно и просто. Кто хоть раз натыкался в лесу на его зимнее убежище, несомненно, поймёт, о чём идёт речь.

Выбрав место для норки, ёж заботливо утепляет её осенней листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Затем он постепенно впадает в беспамятство зимней ночи и уже ничего не желает. Ничто не мешает ежу сладко утихомириться в подступающем к нему покое. За этим ежиным сном куда-то улетает и его душа, как будто несостоявшееся вдохновение отложило до следующего года своё неподражаемое появление. Душа у ежа, несомненно, есть, потому, как зверь без надобности ни с кем не конфликтует, достаточно добродушен, неприхотлив и, главное, живёт в согласии с окружающим миром.

Обнаружив в лесу ежа, всегда хочется его потрогать и подержать в руках, несмотря на острые иголки. Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкает и зарывается с головой ещё глубже. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представишь, как он рассердился.

Принято думать, что ёж очень ловко использует свои иголки, натыкая на них грибы и яблоки. Затем он будто бы несёт их в свою нору и ест там всю зиму. Трудно вообразить такое просторное обиталище, что могло бы вместить все его запасы, в сравнении с обычным закапыванием в листья. Но то, что ёжик спасается иглами от бесконечных врагов, бесспорно. В народе недаром замечали: что ни хват, то ёрш или ёж!

Несмотря на видимую медлительность, зверёк этот очень шустрый. При подступившей опасности ёж быстро убегает, и так же молниеносно принимает решения. Ни от кого не зависящий и смелый, ёжик всё делает, как хочет, и его не обуревают сомнения. Сомнения, кажется, вообще не посещают ежа, и он представляется всем обыкновенным, милым зверьком.

И вот, нам представилась возможность подержать рядом этого зверька хотя бы день и проверить, какой он на самом деле. Сынишка смотрит умоляюще, глаза горят и, стараясь убедить меня, но не в силах ничего произнести от волнения, только теребит низ моей куртки. Я, конечно, быстро соглашаюсь, мне и самому интересно понаблюдать за ежом, почувствовать себя его обладателем.

Несём ежа домой, а я опять думаю: раньше ежи не встречались в нашем лесу, этот ёжик совсем маленький, родившийся, по-видимому, в прошлом году, значит, я тогда спас его мамашу, мамаша благополучно разрешилась ежатами, и они с божьей помощью перезимовали. По крайней мере, один ежонок остался цел и невредим, свернулся в маленький клубок в моей шапке и в ус не дует, а ведь могло этого и не быть. Я смотрю на сына и радуюсь вместе с ним, что всё так удачно сложилось: человек позаботился о лесе, и тот ответил ему своей улыбкой.

Дома мы первым делом покормили ежа: налили ему в тарелку молока и покрошили туда хлеба. Ёжик, нисколько не пугаясь, подбежал к угощению и

начал лакать молочко, да так жадно, что сначала залез в тарелку передними лапками, вскоре у него очутился в ней животик, а затем он и весь там оказался, вызвав неописуемый восторг у сына. Наевшись, ёжик уснул прямо в тарелке и не просыпался до самого вечера.

Когда в доме все улеглись, ёжик принялся обследовать каждый угол, при этом озабоченно фыркал и беспрестанно цокал по линолеуму коготками, никому не давая сомкнуть глаз. Забрался в шкаф, побывал под диваном и кроватями, переворошил в кладовке старые газеты, а под самое утро облюбовал бабушкины тапочки, куда и наделал. Наутро мы обнаружили по всей квартире десятка три его холмиков, причём, помёт у ежа оказался такой едкий, что вся семья полдня оттирала тёмно-зелёные разводы, и было решено избавиться от зверька. Ёж, конечно, выглядел очень мило, но соседство с ним создавало множество хлопот, и луше было отправить его обратно в лес.

Перед тем, как отпустить ежа, мы с сынишкой посадили его на пенёк и ещё раз внимательно рассмотрели. Ёжик озорно поблескивал чёрненькими глазками и на всё, что с ним делали, реагировал спокойно. Сынишка взял его на руки и попросил меня сфотографировать их с ежом на память, а ёжик даже не свернулся в клубочек, как он это всегда делает. Он только туркал, вздрагивал иголочками, наверное, от возбуждения, и выглядел при этом очень забавным. Когда говорят: «Отойди, ёж, на тебе тулуп нехорош», - это, скорее, относится к колючему, неуживчивому человеку, нежели к такому замечательному зверьку, как наш обыкновенный ёжик!

Влюблённая глухарка

Не перечесть всех случаев в лесу, многие из которых кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно ни рассказывал об этом «потерпевший». Но именно глухариные тока с их неведомой ночной жизнью могут подарить порой самые невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу.

Иногда в рассказах бывалых охотников, их сейчас уж почти не осталось, встречаются упоминания о случаях нападения глухарей на людей во время весенних токов. Взрослые глухари не случайно, а именно целенаправленно атакуют человека, пытаясь задеть его крыльями, грудью или ударить клювом. Они налетают совершенно безбоязненно, как будто ясно представляя свои непонятные человеку намерения. Причём, действуют порой с такой решительностью, что охотник в полном недоумении спешит ретироваться.

Чаще всего это происходит в глухих местах, особенно, на севере или в нетронутых сибирских лесах, где человек с ружьём редкий гость, а то и вовсе не появляется. Глухарь, во время токования, когда он наиболее преисполнен любовной страстью, проявляет агрессию по отношению к охотнику. Вероятно, он усматривает в нём соперника, что покушается на его токовой

участок. Для птицы, ни разу не встречавшей в своей жизни человека, тот, вероятно, воспринимается именно как противник, что вознамерился «потоптать» копалуху из его гарема. В нём, кстати, могут оказаться и две, и три, и пять самочек, что ещё с вечера подлетают на место будущего токовища, где произойдёт, наконец, священное таинство, связанное с продлением рода, и глухарки заранее готовятся к нему.

Так вот, петух, находящийся в предвкушении этого любовного священнодействия, когда он наиболее возбуждён, по-видимому, просто не терпит никакой конкуренции, и как хозяин своего токового участка гонит того, кто вторгается на него. Глухарь при этом не проявляет никакой боязни, чего не происходит, если пытаешься подойти к нему в летнюю или осеннюю пору, когда он никого не подпускает к себе, и чаще всего – бежит.

К тому же, зрение у глухаря, как и у любой другой птицы, устроено таким образом, что он не воспринимает человека тем, кем тот на деле является, угадывая в нём появившееся в своих владениях существо, что непременно должно быть изгнано. Глухарь, вообще, ведёт себя во время тока наособинку, обращая внимание на то, чего в обычную пору просто бы не заметил, не проявил бы скрытые в себе качества, и оттого трудно даже предположить: чего от него можно ожидать?

Причём, глухарь может не просто бежать в сторону находящегося рядом человека, возбуждённо цокая и хрюкая, даже - токуя/!/, а именно нападать, подскакивая на уровень роста человека и ударяя его клювом и крыльями, а поскольку и то и другое у него достаточно мощное, то для человека такой наскок раздосадованной птицы может закончиться плачевно.

Но хуже того, когда токующий глухарь сидит на дереве, и, заметив нарушителя границ своего царства, бросается на него сверху. Учитывая, что взрослый глухарь достигает в весе 5-6 киллограм, можно себе представить – какой силы удар последует! С высокой сосны, с разгону, на вас вдруг обрушивается этакое стремительное ядро, и что с вами будет?! Без серьёзной травмы вам не обойтись, если не сказать больше.

Вероятно, подобные случаи происходят ещё и от полового перевозбуждения самцов, когда они переживают неудовлетворённость при малом количестве свободных самок на току, а порой – и их отстуствие. Возбуждённый самец, переполненный страстью, отчаянно бросается на чужака, появившегося на его токовом участке, и часто этим чужаком оказывается именно человек. Глухарь, всеми доступными ему средствами, именно выдворяет человека с тока, даже не предполагая какую-либо угрозу с его стороны, и это указывает в нём на стойкий бойцовский характер, бесстрашие и волю. Как тут не восхититься этой красивой древней птицей, отважно отстаивающей своё право любить и быть любимым?!

Ко всему прочему, подобное поведение можно объяснить ещё и тем, что во многих районах нашей страны популяция глухарей снижается. Причиной тому - фактор постоянного беспокойства птиц, когда при хищнической вырубке лесов токовые участки глухарей не только не сокращаются, но и

уничтожаются, а поскольку глухари в своём лесном отшельничестве достаточно консервативны, то это и вынуждает их вести себя в отдельных случаях агрессивно, оберегая свою, и без того сузившуюся территорию.

Но вот на севере, где леса пока не тронуты, и даже охотники встречаются там редко, мой отец, будучи гелогом, и проводя большую часть своего рабочего времени в тайге, в труднодоступных её местах, наблюдал однажды нападение нескольких глухарей на своего товарища, причём, происходило это осенью. Отец шёл со спиннингом берегом маленькой таёжной речушки, охотясь за хариусом, а приятель его, с ружьём, двигался чуть выше, и когда они вышли к небольшой полянке, товарищ отца решил проверить сосновый борок, поднявшись чуть поодаль от береговой полосы, по-видимому, надеясь встретить там глухаря. Отец в тот момент отвлёкся на очередную поклёвку хорошего хариуса, и уже выводя его, услышал, как позади вдруг поднялся невообразимый шум. Обернувшись, он к удивлению своему увидел, как приятель его, спотыкаясь, бежит к реке, а на него со скрипучим пощёлкиваньем и хрюканьем налетают три глухаря, щиплют одежду клювами, прижимая его взмахами сильных крыльев к земле, совершенно не давая возможности распрямиться.

В конце концов, приятель падает, закрыв голову руками, ружьё его оказывается брошенным, и, подбежав к нему на помощь, отец начинает гибким удилищем отгонять разбушевавшихся птиц. На силу справившись с ними, отец поднял ружьё и выстрелил, но даже после этого глухари никак не могли успокоиться, на некотором отдалении вели себя по-прежнему возбуждённо, и тогда отец подстрелил одного из них, после чего два других мошника, наконец, удалились. По словам отца, лицо приятеля было белым, как мел, он не мог произнести ни слова, наверное, даже не от ударов глухариных крыльев, а от невозможности осознать произошедшее: до того всё это представлялось неожиданным, даже – неправдоподобным.

Что же это было? Объяснить подобное сложно, и утешением товарищам служила только знатная похлёбка из глухаря, что произвёл среди них такой переполох. Вроде бы, несносная кутерьма, катавасия и впридачу сумбур, словом, невероятная сумятица, что никак не умещается в головах бывалых лесовиков, а проходит время, и понимаешь: всякое тесное общение с лесом порой доходит до самого неповторимого, даже очень занятного случая, если относиться к нему с открытой душой!

Но вот что любопытно: дерзко могут вести себя и глухарки, нередко с лёта ударяясь охотнику в бок, спину или под коленки, как это произошло однажды со мной, в рассветных сумерках в начале мая. Две глухарки то и дело перелетали вокруг небольшой полянки, у края которой токовал один петух, беспрестанно квохтали, и, вообще, казались не на шутку чем-то встревоженными, даже - раздосадованными.

Обычно копалухи подлетают к месту токовища ещё с вечера, и ведут себя осторожно, лишь изредка и очень вкрадчиво подавая знать о своём присутствии: «кот-кот-кот, кот-кот». Но в поведении этих глухарок

ощущалась нескрываемая озабоченность, её мог вызвать в свободных птицах, к тому же, в их лесной обители, только человек, а поскольку рассвет над землёй только занимался, и меня невозможно было увидеть и услышать, я решил, что озабоченность птиц объясняется их нетерпением в предвкушении любовного таинства. Вероятно, копалухи чувствовали друг в друге соперниц, претендующих на единоличное внимание мошника, и не в силах были сдержать свою страсть.

Я стоял посередине поляны, не успев ещё подойти к глухарю ближе, как вдруг за спиной у меня просвистело и через мгновение забилось в ногах что-то очень трепетное, живое. Я обмер от липко обволакивающего страха, коленки у меня подкосились, и сосны на опушке поплыли перед глазами. Надо представить моё состояние в глухом лесу, в непробудившейся ещё предрассветной тиши, когда на тебя неожиданно налетает кто-то, и ты боишься предположить: что последует за этим?

Обернувшись, я увидел копалуху. Быстро развернувшись, она с короткого расстояния вновь наскочила на меня, попытавшись клюнуть, тотчас уцепившись клювом за штаны. Злобно распушив хвост, она даже на какой-то миг повисла на них, но тотчас оборвалась и с шипением отлетела. Удивлению моему не было предела, и так, опешивший, я ещё долго не мог прийти в себя, в то время как глухарь по-прежнему, без остановки, токовал, и звуки его песни мягко разносились над пробуждающимся лесом.

Взбалмошная глухарка переполошила сначала меня, затем – себя, вместе со всем весенним светом, и такое нечаянное событие невероятно оживило это мглистое утро, так что невероятная суматоха, случившаяся в лесу, не пошла шиворот-навыворот, как это обычно случается в жизни, а обернулась улыбкой весны, что обычно горазда на занятную кутерьму. Но можно ли было принять подобное поведение копалухи, как выражение агрессии? Ведь во время тока она должна быть преисполнена чувством проникновенного трепета по отношению к переполненному страстью петуху, вплоть, до полного подчинения его власти, и о каком раздражении тут может идти речь?

Я не раз наблюдал, как подобострастно, будто совершенно позабыв себя, глухарка отдаётся на волю сильного мошника: она отрешённо прижимается перед ним к земле, просто вдавливаясь в неё, если кто имел счастье всё это таинство наблюдать. А каким могущественным предстаёт перед ней глухарь, со своим распушившимся хвостом и расправленными крыльями, намного превышая её по размерам?! Гордо вытянув шею и потрясая бородой, он, чинно приблизившись к ней, просто … взбирается ей на спину и начинает топтаться, отчего копалуха, по всему её виду, изнывает от счастья.

И, вот, я вас спрашиваю: как может эта «дама», самозабвенно ловя каждое движение своего «кавалера», быть настолько очумевшей, чтобы бросаться на человека? И ко всему прочему, неоднократно, с каждым разом проявляя всё большую остервенелость?!

Понятное дело, она, конечно, не понимает, что я – человек, но тогда за кого копалуха меня воспринимает, бесстрашно атакуя? Ведь если

предположить, что я – глухарь, только очень большой, она должна стелиться предо мной, ловить каждое моё движение, но она бесстрашно налетает, бьёт меня крылами, уцепившись клювом за штанину, принимается, что есть силы, теребить её, как потом оказалось – прокусив мои замечательные лесные штаны, оставив в районе колена дырку!

Всё это кого угодно может ввергнуть в глубокий шок, и ладно бы подобное происходило в результате действия какого-нибудь зверька, защищающего свою норку или потомство, а то ведь в тебя вцепляется кроткая и любвеобильная по отношению к деткам мамаша, накрывающая их собой во время лесного пала и сгорающая вместе с ними! Не зная, чего предположить, я рискну высказать и такую крамольную догадку, что отчаявшись встретить этой весной своего единственного и неповторимого петуха, копалуха решилась-таки произвести впечатление на какого-то неведомого крупного самца, то есть, на меня, без лишних «объяснений» откровенно потребовав, чтобы я проявил к ней своё внимание. Что я мог ещё думать?!

Но тут, как это обычно бывает, меня неожиданно посетила совершенно простая мысль: ведь сейчас идёт по земле весна, щепка на щепку, можно сказать, лезет, и копалуха, конечно, ничем не была раздражена, а пребывала в любовном опьянении, на этих самых крыльях любви несясь к папаше своих будущих глухарят. Сорвавшись с леса, она просто пикировала на призывный зов взбудораженного весной мошника, изливающего над поляной звуки своей любовной песни, и в чуть зарождающемся, тихо роящемся над землёй мглистом свете, не могла видеть меня, поскольку я уже битый час торчал посреди поляны, как вкопанный. И вот, мне под коленки ударяется нечто, отчего и в голове, и в животе, и, вообще, во всём теле что-то взрывается и уносится куда-то над лесом, как эта самая глухариная песня, разносясь повсюду, и я отрываюсь от земли, и лечу…

Что и говорить: влюблённая глухарка - мастерица по созданию неловких ситуаций! Но ведь необыкновенно счастливых, верно?!

На север

Часто задумываюсь я в последнее время о том, отчего наши птицы, улетая, осенью, на тёплый юг, и благополучно проводя там всю зиму, весной всё же покидают полный корма край, и устремляются на холодный север? Птицы почему-то доверяют своему трепетному сердцу и возвращаются в родные места, преодолевая тысячи километров. Что их сюда влечёт?

Отчего они полностью отдают себя неведомому длительному пути, на волю бесприютной северной стороны, а добираясь до неё - радостно провозглашают совершающееся весеннее торжество, несмотря на неустроенность и разоренные гнёзда? Как объяснить это природное несоответствие, когда птицы покидают тепло, предпочитая ему холод, которого ещё нужно достигнуть?!

И ведь гибнут во множестве в этой своей целеустремлённой дороге, а всё равно летят, несмотря ни на что рвутся на север, потому что там их дом. И хоть раззорены гнёзда, но птиц ждут там люди, без птиц они затосковали за зиму, и птицы, наверное, чуют доброе расположение к ним людей, и готовы преодолевать любые трудности, лишь бы порадовать человеческие сердца, ощутить ещё раз запах родной земли и вывести потомство.

Так велика любовь природы к птицам и человеку, ибо божественна по сути. Оттого она и не может миновать в своём внимании ни одно живое существо, каждому уделяя проникновенное отношение, и это не могут не чувствовать ни люди, ни птицы, когда одни ждут прилёта своих пернатых друзей, а другие устремляются к ним навстречу.

Где кто родится, говорят в народе, там и пригодится, и если все мы тесно связаны с чувством родного дома, и нас сближает единство устремлений, то мы не можем существовать друг без друга. Не можем представить себя без желания любить всё то, что нам по-настоящему дорого: чувство привязанности к родимому крову, оно равносильно только любви ко всему живому, а где любовь, там и Бог.

Сила жизни

Чтобы выразить свои любовные чувства, многие птицы собираются по весне в одно место и принимаются токовать. Турухтаны резко, отрывисто трещат, дупели - будто лучину ломают, бекасы блеют барашком, глухари пощёлкивают, а тетерева бормочут. Редко, когда кто-нибудь из них остаётся один, провозглашая весну как будто в безвестности: птицы в эту пору предпочитают оживлённые сообщества. Им нужно, чтобы кто-то их видел, восхищался, благоговея перед той красотой, что источает всё их существо, и отдавал им своё сердце.

Дупели сосредотачиваются на рёлке, среди болота, бекасы - в воздухе, над какой-нибудь поймой реки, глухари - в чащобе, у старого заброшенного болота или покоса, тетерева - на прогалинке, только что вскрывшейся от снега, вяхири - на укромных еловых опушках. Всем найдётся в лесу пристанище по весне, когда хочется любить и быть любимым. Но вот если ты остался один, то можешь выбрать место самое неожиданное, на первый взгляд, совсем, кажется, не подходящее: одинокому, как говорится, везде дом.

Так, сам по себе, без дружки и подруги, затоковал однажды тетерев-косач прямо у нас на виду, когда мы с приятелем расположились на вытаявшем угоре у старой заброшенной пасеки. От пасеки осталась одна дощатая стена, выходящая на юго-запад, вокруг покоились полуистлевшие замшелые ульи, и только кое-где проклюнулись из неодевшейся земли цветочки мать-и-мачехи, да редкие подснежники робко потянули свои головки в пробуждающееся пространство. В лесу воцарилось то ожидание

всплеска жизни, какое бывает только весной, в середине апреля, когда, по народному поверью, даже одна голова и смеётся, и плачет, и скачет.

А тетерев, действительно, оставался один, и трудно было разобрать: то ли он радуется, то ли горюет. Косач уселся прямо напротив нас, на противоположном склоне глубокого лога, и постепенно так распелся, что трудно было предположить, будто один в поле не воин. В народе говорят, что если один у каши загинет, то только не весной, и наш тетерев, наверное, всё про одно неутомимо токовал: как чудесна весна, как вкусна прошлогодняя клюква, что перезимовала под снегом, как жарок его собственный голосок и неотразима выпяченная грудь, отливающая тёмно-бархатистой синью! Видно было, что тетереву никуда не хочется улетать: один одного весной стоит.

Перед нами стоял покосившийся стол, облупившийся от снегопадов и дождей, хозяева старой пасеки в воображении почему-то никак ни представлялись, и это было хорошо: лес, старая пасека и никому не известная речушка Карабаиха будто замерли, затаившись в преддверии именно их весны, которую разбудили люди. Нам нравилось уходить в лес далеко-далеко, мы как-то угадывали эти глухие места, где нас будто ждали неведомые силы, а придя туда и обустроившись, просто наслаждались покоем и тишиной. Всегда в этих лесных уголках поджидало что-то интересное, что запоминалось на долгие годы, и этот одинокий косач, поначалу не вызвавший особого интереса, постепенно всё более приковывал наше внимание.

Косач не умолкал весь вечер, перелетал с дерева на дерево, и вновь принимался самозабвенно токовать. Тетерев будто догадывался, что мы за ним наблюдаем, никуда далеко не перемещался, и каждый раз норовил выдать ещё более переливчатое колено.

Усевшись на суку, как баба на току, он то дребезжал крыльями, то разводил ими, словно руками, и беззлобно кому-то грозился: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу». Мы же молча любовались его расфуфыренным видом, и постепенно, через эту заброшенную пасеку, безудержно зарождающуюся повсюду весну и забавного косача, совсем, кажется, не переживающего своего одинокого положения, всё отчётливее для себя понимали: одиночеством мир силён!

Забавный случай

Недвижима весенняя ночь перед своим скорым пробуждением. Первый вальдшнеп, утробно хоркнув, вдруг нарушит насторожившуюся тишину, где-то недовольно прогундит воробьиный сыч, и опять воцарится покой. Слух твой обострён в ожидании скирканья скрытного глухаря. Всё, кажется: с минуты на минуту произойдёт нечто удивительное, способное затмить собой и ночь с её скрытыми страхами, и красивых древних птиц, к которым ты, несмотря ни на что отправился, и саму весну. Не зря в народе говорят: весной ждать – не устать, было б чего!

И вот, что-то нарушилось в этом напряжённом ожидании. В воздухе вдруг повеяло неясной переменой, и появилась лёгкая тревога. Только в последний миг почувствовал я какое-то шевеление слева, у виска, и тут же его пронзила тупая боль, а в глазах померкло.

По лицу ещё раз швакрнуло что-то живое, забилось у груди и пропало, внезапно плюхнувшись в светлеющую в колеях просторную лужу. Это были два чирка, один из которых с лёта угодил мне прямо в голову. Чирки, по-видимому, с высоты заметили поблескивающее пятно воды и наметились на него, неслышно планируя вниз над дорогой. На пути одного из них, в темноте, оказался я, и чирок сам, должно быть, порядком перпугался, натолкнувшись на невидимую преграду.

Свалившись в лужу, он долго не мог успокоиться, то и дело, оглашая лес своим трескучим покрякиванием. А я, ещё не в силах оправиться от пережитого страха, стоял, не чувствуя ног, по щиколотку в снеговой воде, и улыбался сквозь непроизвольно выступившие слёзы от комичности произошедшего. Мне вдруг стало жаль маленькую уточку, что, наверное, перепугалась гораздо больше меня, и я рассмеялся, позабыв о глухарях.

Глухариная весна

Тем и хорошо каждое время года, что не бывает точно таким, как предыдущее. В особенности это касается весны, и её невозможно представить без глухарей.

Случилось так, что привелось нам с приятелем провести чуть ли ни весь апрель в лесу, и когда уже, казалось бы, снегу пришло время окончательно сойти, он и не намеревался это делать, сохраняя толщину в метр. Причём, с настом, что выдержал бы лошадь с санями, до того крепкие, после мартовских сильных оттепелей, установились утренники. Не надеясь, что наст к полудню всё-таки не подломится, мы всё утро ходили с охотничьими лыжами на плече, но он, тем не менее, оставался несокрушим и в дневные часы, в то время, как сверкало ослепительное солнце, лазоревый небосвод сиял выгнувшейся от морозца чистотой, и не верилось, что стоит апрель, а не март.

Зернистый наст весело искрился под бодрящими солнечными лучами, был упруг до такой степени, что не поддавался под ударом пятки, и невольно начинало представляться, будто он и вовсе никогда не растает, и продержится в своей крепости до мая. Не верилось, что ему в этом может что-либо помешать. Такой весны невозможно было припомнить!

Вот и глухарь тоже не оставлял никаких следов на снегу, хотя тока были в самом разгаре. Он, наверное, пытался чертить расправленными крыльями, да у него ничего не получалось: наст до того затвердел, что по нему впору было кататься, и именно это обстоятельство, как оказалось позднее, принесло и апрельскому дню, и всей весне непередаваемое обаяние.

И ещё вспомнилось, какие красивые лебяжьи облака плыли тогда по небу, нежно подгоняемые упругим ветерком… Таких облаков не бывает зимой, они появляются только по весне, и каждое из них напоминает красивую белоснежную птицу, подстать ослепительному насту, что вольготно раскинулся под игривым апрельским солнцем.

Там и тут, очень причудливые по форме, облака будто соревновались между собой своей завлекательной неповторимостью, вовлекая и нас в эту занимательную забаву. И мы загадывали друг другу понравившееся облако, прежде обозначая его каким-либо животным, птицей или растением, для чего требовалось указать местоположение облака на пылающем синевой небосклоне, что нам на удивление легко удавалось, и от этого апрельский день воспринимался ещё более восторженным, а жизнь простой и замечательной.

Мы шли в валенках с лыжами на плече по необозримой солнечной белизне, и думали о том, как целый год готовились к глухариным и тетеревиным токам. Нам было так, что наступило, наконец, это счастье, весна уже показала своё задорное обичье, и морозные утренники только добавляли в неё обаяния.

И тетерева, и глухари уже давно, ещё с конца февраля, в оттепели, принялись радовать наше влюблённое в лес сердце, а сейчас, в апреле, ещё более восторженно прославляли весну, отчего спать по ночам не хотелось. Солнечные дни дурманили своей ослепительной ласковостью, будто усыпляя, и мы бродили по лесам, опьянённые раскинувшимся повсюду светоносным пространством, розовым туманом, роящимся над оживающей рекой, и голубыми елями у горизонта.

До чего же хороша весна в апреле, когда бормочут тетерева, непрекращающееся бульканье их доносится отовсюду, а оранжевая заря занимается робко, но с затаенной надеждой разыграться вовсю к полудню, так что и рябчики хороводятся на еловых ветках, смешно распушая хвост, и журавли томно курлычут где-то неподалёку, и барсук поднялся с норы, оставив на снегу грязноватые следки, похожие на ребячьи пятки… Всё вокруг взыграло, забормотало, задвигалось, и обо всём тебе нужно разузнать, на то она и весна, что взбудоражила сердце, и ты незамедлительно отправляешься в дорогу, что непременно приведёт тебя к чудесным открытиям. В этом просто нет сомнений: по земле идёт весна, и вместе с ней счастливо идёшь по жизни и ты, воспринимая её как неописуемое благо, с надеждой и верой, что всё у тебя в ней получится.

И так, мы думали о глухарях, и, конечно, не в силах были выразить всей радости, когда, попав на наш любимый ток, ещё с вечера, на подслухе, высмотрели присадку двух петухов, и оставили их до рассвета, отойдя метров за триста, к костру. Бывает, довольно одного этого костра, чтобы с радостью выпить до капли ожидание скорого токовища, и ты, усталый, забываешься на короткое время, а проснувшись посреди ночи от холода, не ощущаешь в душе ничего, кроме слитности с таинственно замершим лесом.

Хорошо, когда в такие моменты рядом с тобой, у костра, оказывается какой-нибудь добрый человек, и с ним можно обо всём поговорить или помолчать.

Нередко на глухарином току человек находится в той стадии переутомления, когда, действительно, не в состоянии даже спать. Именно эти ночные часы и хороши для неторопливой дружеской беседы. Но иногда просто нет желания о чём-либо говорить, и ты сидишь на ворохе елового лапника, подбрасываешь в костёр перегоревшие ветки и слушаешь предутреннюю весеннюю тишину, когда только один мохноногий сыч насупленно насвистывает себе под нос одному ему понятную мелодию. Сердце так сладко замирает от этой затаенности весенней ночи.

Именно такими ночами, у костра, в ожидании глухариного тока, понимаешь: невозможно изменить тому, что с детства не даёт покоя, и чему искренне поклонялся долгие годы. Эта склонность к лесному бродяжничеству со стремлением во чтобы-то ни стало проникнуть в лесные тайны либо есть, либо нет. Тот, у кого она есть, предать её уже никогда не сможет.

Такому человеку хорошо быть на току и одному, но лучше всё-таки вдвоём. Возвратившись в двенадцатом часу с подслуха, можно спокойно обустроиться на ночлег, расположившись где-нибудь неподалёку от задремавших глухарей. Сладок этот миг, когда уж знаешь наверняка, что птицы здесь, в каких-нибудь двухстах шагах, и остаётся только немного потерпеть за приятной беседой у похрустывающего огня.

Товарищ твой лапника на постель наломает, а ты водицы принесёшь. Если нет поблизости реки - снегу весеннего натопишь: он в эту пору пахучий, со свежим, нежно ударяющим в нос ароматом. Беседа льётся неторопливым ночным ручейком, в котелке ненавязчиво побулькивает каша, и ночь вглядывается в тебя глазами неведомых зверей: то вскрикнет филином, а то провоет волчицей. До самого подъёма на ток не остывает чай в кружках, и всё время рисуешь себе предстоящий подход к глухарям под песню. Ночной костёр в весеннем лесу вселяет в сердце охотника неизгладимые и ни с чем несравнимые ощущения.

Костёр будет жарко потрескивать в весенней тишине, где-то прогугукает заяц и заблестит звезда… В сердце кольнёт пробудившееся чувство восхитительного сопричастия всему тому, что окружает, и тут же угаснет. Но только до раннего утра, когда в роящемся воздухе стремительно прошелестят крыльями озабоченные весной утки и мягко протянет первый вальдшнеп.

Часа в три коснёшься рукой своего приятеля, уютно задремавшего на еловом лапнике, и увидишь, что суконные штаны у него на боку совсем прогорели. Весело вдруг станет обоим: весна до того хороша, что и не жалко их! Столько замечательного можно увидеть в весеннем лесу, а штаны и починить не долго… Лишь бы, не переставая, пели глухари, которых мы всю жизнь ищем, но не всегда находим!

Иногда сидишь на таком ночном привале, после подслуха, смотришь в огонь, и приходят не совсем весёлые мысли о том, что когда-нибудь, если ты, конечно, доживёшь вдруг до старости, захочется тебе с товарищем, тоже уцелевшим в жизненных передрягах, вспомнить молодость, и опять отправиться на глухариный ток. Благо, глухари ещё будут живы, все открытые нами тока не вырубят, и мы сможем забраться в какой-нибудь, оставшийся в живых лесной уголок…

Нелегко нам, наверное, будет переживать свою последнюю весну, с грустью вспоминая самую первую. Ещё с непознанной впереди бесконечной дорогой, переполняющим грудь томлением от её нескончаемых тягот, что воспринимаются с радостью, не найденными глухариными токами… Нет, лучше пока не заглядывать в будущее, и не думать о прошлом, а жить настоящим. Тем, что объединяет нас сейчас, именно этой весной, у незатухающего лесного костра.

Счастье ещё раз увидеть всё то, что тебе дорого! Но всегда в лесу случается так, что он дарит нечто забавное, ранее - невиданное, и часто оно связано с глухарями. Не подвело нас и это глухариное утро.

Бывает, ночью, на току, и филин не ухнет, стоит такая напружиненная весенняя тишина, что даже засомневаешься: не зима ли вернулась? Всё вокруг замирает от подступающего холода, как будто прячется в себе, не веря, что наступит рассвет. Ночь в лесу обескураживает своей морозной нескончаемостью, словно окутывая непроницаемой промозглой шалью.

Оказавшись в такую пору под сияющими звёздами, забываешься на какое-то время, и не веришь, что это происходит с тобой, что ты находишься здесь, совершенно один, или с товарищем, а весь мир людей где-то спит, далеко-далеко, так что в какой-то миг начинаешь переживать свою неустроенность. Всё думаешь, мучаешься и никак не можешь достигнуть чего-то в душе, что бы помогло успокоиться и прийти в себя.

Но продолжается это недолго, до тех пор, пока глухарь не даёт о себе знать. К слову заметить, скученность глухарей на току бывает различной в зависимости от возраста, количества птиц и их желания принять участие в токовании, и вот именно на этом току нам с товарищем привелось увидеть, как молодые глухари и копалухи, всего их было с полдюжины, расположились вокруг небольшой поляны, куда в пик своего возбуждения вышел взрослый петух, основной токовик. Глухарь запел в четыре часа ночи, в трёхстах шагах от этой поляны, и неторопливо двигался к ней до самого рассвета, то перелетая с дерева на дерево, то опускаясь на землю, осторожно ступая по насту, но глухари никак не реагировали на его близкое присутствие.

Сначала мы даже не подозревали об их существовании, так тихо вели себя птицы, терпеливо ожидая появления токовика, и их тесное соседство, похоже, не доставляло им особого беспокойства. Когда старый мошник, горделиво вышагивая по розовому насту, вдруг обнаружил напротив себя другого взрослого петуха, неожиданно появившегося рядом, мы даже не

заметили – откуда этот глухарь взялся, он царственно замер, чуть приподняв бородатую готову, и тихонечко попробовал горлом подмороженный воздух – «тэк-к-к». Как только глухари застыли друг против друга, над поляной воцарилось какое-то неописуемое напряжение, а затем все молодые глухари, вместе с копалухами, сорвались разом в чащу, поднимаясь один за другим, и мы были удивлены обилием их сосредоточения на довольно незначительном пространстве.

Но насторожившиеся напротив друг друга петухи как будто ничего не замечали, степенно замерев посередине полянки, и тот, что был моложе, нетерпеливо зобнул пару раз горлом и настороженно завертел головой. Старик же не шевелился, он был словно изваян из своих долгих лесных лет, и его мощно вылепленный временем силуэт горделиво чернел на розовеющем насте. Казалось бы, неожиданно взорвавшиеся в чаще молодые птицы должны были увлечь за собой этих взрослых мошников, но те невозмутимо оставались на месте.

Представьте себе ночной морозный лес, над заснеженной полянкой высыпали в небе яркие звёзды, всплыла красавица-луна, а прямо перед вами вот-вот готовы столкнуться грудь в грудь два великолепных мошника. И тут вдруг происходит нечто необычное, что не сразу укладывается в нашем восприятии…

Молодой петух, видимо, обуреваемый нескрываемым желанием противостоять более опытному сопернику, весь подобрался, растопырил крылья, и в таком приподнятом настроении ринулся ему навстречу. Но на скользком апрельском насте не удержался и … покатился, как на коньках, мимо грозно замершего токовика, прямо в лог.

Старый глухарь на мгновение опешил, повернувшись в сторону исчезнувшего петуха, от возбуждения затряс шеей, громогласно цокнул своей металлической гортанью, и уже двинулся было по сверкающему склону к тому, кто потревожил его покой, как тоже подскользнулся раз, другой, и, замахав крыльями, поехал, даже не помышляя взлететь! Можете себе подобное вообразить?

Подстывшая глянцевая корочка наста сказочно отливала розовато-перламутровым блеском, по ней вглубь лога катились, неловко подпрыгивая, два мощных токовика, а у края полянки так загадочно чернел волшебный лес, что всё увиденное воспринималось как в театре, когда занавес вдруг не во время раскрывается, и вашему взору предстаёт нечто невообразимое и оттого невероятно покоряющее восприятие… От неожиданно охватившего счастья хочется захлопать в ладоши и, не переставая, удивляться: как порой пленителен лес, когда ты не стремишься его завоевать, и только забываешься в нём от неописуемого восторга!

До чего же хорошо, когда год на год не приходится, и весна случается совершенно необыкновенной, какой, вообще, ещё не бывало. Жить от этого становится так радостно и волнительно, что, кажется, и все последующие времена года ты проживёшь тоже незабываемо, с чем-то непередаваемо

прекрасным и неизведанным, о чём раньше даже и не подозревал, а вот этим летом или осенью оно непременно откроется. Что-то ещё будет?!

Лесной шум

Трудно не запомнить день, что не похож ни на какой другой, тем более, на глухарином току, когда ещё с вечера, на подслухе, всё складывалось как нельзя лучше. Ты благополучно подсмотрел подлёт глухарей, запомнил место их присадки и, скоротав пару часов у костра, до рассвета осторожно подобрался к нему.

Рассвет тоже выдался на славу: величественный, малиново-пунцовый, без малейшего ветерка. Слышно было, как где-то медленно падает на землю сухая сосновая ветка, изредка цепляется, застревает, но всё равно валится вниз. Всё было готово к пробуждению птиц, и лес как-то по-особому замер, на короткий миг настороженно затаился.

Глухарь запел вовремя, впотьмах, когда даже на отдельно растущей ветке его не различить, а можно только услышать сухой стук от падающего помёта и как гремит перо у токующей птицы. Всматриваешься до боли в глазах в настороженную весеннюю темноту, кровь стучит в висках, и всё кажется: глухарь почувствовал тебя или заметил, и вот-вот сорвётся в лесную чащу. Звуки его песни отчётливы, и во тоже время как будто приглушены: от неё невозможно оторваться, и волнение твоё доходит до предела.

Глухарь изредка перелетал с верхушки на верхушку, и я неслышно перемещался за ним, так что к рассвету оказался на краю укромной, заросшей низенькими берёзками полянки, служившей когда-то покосом. В какой-то миг солнце выкатилось из-за леса, щедро брызнуло между стволов, и поляна окрасилась кремово-розовым цветом. Песня глухаря от этого, кажется, ещё более оживилась, глухарь повернулся грудью к востоку и восторженно рассыпал колено за коленом. Я стоял на краю опушки, почти под самой птицей, и был так увлечён глухариным токованием, что забыл про ружьё в руках.

И тут я отчётливо услышал за спиной чьи-то шаги… Кто-то осторожно шёл прямо в моём направлении, и шорох от этих шагов усиливался благодаря кровяным молоточкам, учашённо барабанящим в моих напряжённых руках. Шум шагов ширился, рос, и вскоре, боясь нарушить воцарившуюся таинственность, я уже воспринимал их почти за спиной, но повернуться не решался. Пересилив страх, хотелось дождаться мучающей разгадки, никак не выявив себя. Кем мог оказаться неведомый лесной гость в этот предутренний час?!

А шум всё усиливался, но почему-то воспринимался воздушно, оторвано от земли. Он обтекал окружающие кусты и деревья, наполняя собой настороженную тишину, и был единственным, помимо глухариного пощёлкивания и точения. Шум вобрал, кажется, и меня, и когда он

превратился во внутреннее ощущение, и я уже решил было повернуться, что-то коснулось моей ноги… Стараясь не двигаться, я скосил глаза вниз, и обнаружил … копалуху.

Не обращая на меня внимания, вернее, не замечая, рыженькая курочка, переваливаясь с боку на бок, ловко вышагивала по еле приметной тропинке, а я оказался прямо у неё на пути. Копалуха, наверное, приняла меня за дерево или пень, и не побоялась коснуться оперением, пробегая, почти, вплотную. Она была увлечена присутствием красавца мошника, уже давно заслышав его из своего ночного укрытия, и теперь, в возбуждении, пробиралась на его песню, желая поскорее оказаться рядом с ним. Ничто не могло остановить копалуху в её страстном стремлении к любви.

Я с облегчением перевёл дух, ещё не осознавая, что впервые вижу подобное: как копалуха подбегает к глухарю на его песню, он слетает к ней на землю, какое-то время они милуются, играют, а затем уединяются в лесной чаще для совершения великого природного таинства… Не шелохнувшись, я стоял и любовался этим чудесным тихим утром, увлечёнными друг другом птицами, и невольно думал о том, что в лесу малейший шорох порой сродни неведомому и жуткому шуму, и обыкновенная глухарка в нём принимается за какое-то неведомое лесное существо.

Наверное, должно пройти достаточно времени в лесных скитаниях, прежде чем ты научишься отличать опасность от обворожительной тайны. Будешь спокойно и радостно воспринимать всё так, как есть: и глухариную песню, и поднимающееся солнце, и пронизывающий ветер с холодным дождём, и столкновение со зверем, и самые неожиданные звуки и шорохи, на которые только способен пробуждающийся весенний лес. В лесу, говорят в народе, даже самую радостную думу думают без шуму, а любой лесной шум – это его благо и ум.

Невидимые волки

Как просто быть счастливым!

Пробудившись рано поутру весной, не залёживайся в постели и поскорее собирайся в лес. Не забудь взять с собою нож, бинокль, а ещё прихвати щепотку чая и котелок. Зеленовато-розовая полоска неба таинственно стекленеет над крайними домами, чёрные ели замерли отрешённо, не по-весеннему сурово, и дымки из труб тянутся в вышину такими длинными лисьими хвостами, что по ним, кажется, можно добраться до самых далёких звёзд, что из ярко-жёлтых постепенно превращаются в белые, слегка голубые.

Морозный воздух страстно схватывает щёки своими цепкими пальчиками, и на глазах сразу выступают слёзы. Укатанная санями дорога поскрипывает под валенками, блестит, отражаясь зеленовато-нежным перламутром, и даже если не смотреть на небо, чувствуешь, как оно

наполняется весенним радостным светом. Одно дело – просто ждать весну, готовиться к ней, и другое – встречать её, да не где-нибудь, а в деревне, по соседству с лесом.

Хорошо открывать весну, когда повсюду ещё лежит снег… Только миновавший февраль не сломил до конца рога зиме, и вполне могут взяться крепкие утренники, так что если не знать, какой месяц на календаре, даже засомневаешься в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветры, что ранняя встреча весны и вовсе покажется напрасной.

И всё же ты знаешь – весна уже где-то здесь, рядом, и если её ещё не видно и не слышно, то, несомненно, чувствуешь приход радостной для всех поры. Она вливается в тебя пока не широким потоком, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашёптывает что-то сокровенное, родное, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, задолго до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, что всякий раз представляются по-иному, так же тревожат, навевают сладкие думы и воспоминания. Почему-то все вёсны, какие только у тебя были, никогда не соединяются в одну, торжествующую, но всякая весна по-своему оказывается незабываемой.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: так просто она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце какое-то время, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами и возвратиться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

И вот, отливающая небесными красками дорога увлекает тебя в пробуждающуюся от долгого сна лесную даль. Первые розовые лучи едва проникают в гущу елей, и на снегу вспыхивают радужные огоньки, но чем выше поднимается солнце, тем многоцветнее переливающиеся отсветы: синие, малиновые, фиолетовые, зелёные, жёлтые вспышки – нет им числа и меры. Ближе к полудню вся эта игра снега и солнца начинает напоминать какой-то сказочный калейдоскоп: в световых переливах появляются всё новые сочетания и узоры. Хочется рассмотреть каждую блёстку, но это никак не удаётся: подойдёшь к ней, а она тотчас теряется или гаснет.

Тончайшее зеленовато-розовое стекло, которым выгибались с раннего утра только небо и дорога, теперь полностью перетекло на снежную поверхность, как будто расплавилось и затопило собою всё. Вскоре многочисленные радостные блёстки растают в белотелых сугробах, но зато в них прибавится светосилы, она будто приподнимет тебя от земли и понесёт к твоим любимым укромным полянам, где токуют тетерева.

Всё обещает: быть чудесному весеннему дню с трогательной радостью рождающихся на ветвях сосулек, дружным хороводом отяжелевших за зиму, но по-прежнему стройных берёз, разомлелым послеполуденным солнцем,

розовеющим к вечеру и медленно расплывающимся за высокими елями. Над деревней стоит золотистая, ослепительная дымка, сладко кружит голову неуловимый запах печного дыма. От проснувшихся домов и ограды веет доброй размеренной жизнью, уютным достатком и теплотой. Пока весна продвигается по земле волокушею, но близок тот день, когда прокукует кукушкою, а уж потом и соловьём зальётся: уберётся тогда зима в самые глубокие лога и буераки.

Впереди лежит дорога, порядком наезженная и укатанная до блеска за март бесчисленными полозьями саней, вдрызг избитая копытами лошадей, усыпанная по краям клоками прошлогоднего сена. Она уходит в синеву встающего перед ней леса, и где-то там, вдали, невидимо теряясь среди бесконечных заснеженных полей и островков дурманящей хвои, постепенно сходит на нет, превращаясь сначала в неширокую светлую просеку, поросшую по краям молоденькими стройными осинками, и дальше, всё более плутая и путаясь, в еле приметную глухую тропку, неожиданно завершающуюся небольшой полянкой.

На таких заповедных, открытых весеннему небу полянах, у старых заброшенных дорог, собираются весной на заре со всей округи тетерева. В беспокойстве от каждого постороннего звука вытягивая шеи, готовые в любой момент пуститься наутёк прямо по сверкающему насту, они поклёвывают вытаявшие из-под снега бордово-глянцевые ягодки брусники и клюквы, заметно выделяясь на голубовато-белом фоне своим чёрно-синим оперением.

Идёшь по такой весенней дороге к светлеющему за дальними далями востоку и думаешь о том, как хорошо было бы застать их там прямо сейчас, чтобы, неслышно подкравшись поближе и вдосталь насмотревшись на эту неповторимую красоту, не стреляя, поднять всю стаю на крыло весёлым хлопком в ладоши. А потом, стоя в растерянности, зачарованно глядеть им вслед, словно навсегда прощаясь с чем-то очень дорогим и близким, боясь не увидеть его больше никогда.

Миновав светоносные поляны, спускаешься в неглубокий лог. Здесь ещё стоит полудрёма, длинные синие тени отливают приятной густотой и прохладой, так, что появляется желание на какое-то время задержаться.

У места впадения ручья, текущего по дну лога, в озерцо, открывается небольшая полынья, окутанная лёгким парком. К ней тянется непрерывный след, даже целая тропа, и, только приблизившись вплотную, ты определяешь, что она волчья. Волки шли след в след, но перед небольшим кустом, как это у них водится, разъединились и, огибая его, оставили свои метки. Судя по всему, зверей было пять, может быть, шесть, не более.

Волки двигались по дну лога этой ночью в каких-нибудь двух километрах от деревни, и эта свежая звериная тропа, как и начинающаяся повсюду весна, пьянила. Причём, ни воздух, ни тишина, ни снег, испещрённый набродами зверей, почему-то не вызывали тревоги. Было удивительно хорошо, и хотелось просто идти по следу волчьей стаи и ни о

чём не думать, представляя волков очень близкими тебе существами, даже родными. Страха не ощущалось и в помине, а охватывала только радость от переживания недавнего присутствия зверей, восхитительного весеннего солнца и потаённых теней на дне лога. Синева от них становилась ещё полнее и безраздельнее, окутывая собою всё весеннее пространство.

Но всё же, именно воображаемые волки, как ничто другое, воплощали в себе этот удивительный мартовский день: его несгибаемость, красоту и силу, и душа незаметно наполнялась праздником весны. Завтра день опять возьмёт перевес над ночью, и я точно так же буду ждать его прихода, встречать вместе с птицами и зверями, и пить до последней капли. В этом мне помогли невидимые, но сильно ощущаемые волки, что есть и в нашем колке, и я чувствую их присутствие до сих пор. Так и быть, буду с волками выть!

Визитка глухаря

Только в воздухе чуть повеет весной, а глухарь уже спешит сообщить о ней всему лесному свету: и укромному пригорку над самой рекой, и занесённому снегом моховому болоту, и прихорашивающимся на ласковом солнце соснам. Даже за логом побывает, исчертит там весь южный склон и опушку, а затем взлетит на любимую сосну, и в возбуждении окропит с удобного сука снег под деревом своим токовым помётом. Это - его верная визитка, и по ней можно прочесть о том, где вероятнее всего встретить глухаря на следующее утро, и как он переполнен охватившим всё живое весенним настроем. Вот под таким деревом я однажды и оказался, ещё с вечера находясь на подслухе, и было мне так, что уже не уйти из-под него, желая прожить с глухарём всё утро.

А до утра ещё нужно дотерпеть… Прислонившись спиной к стволу, одеваю ватные штаны, валенки с галошами, шапку-ушанку и суконные рукавицы, всему найдётся место в рюкзаке бывалого «глухарятника», отправляющегося на ток. В термосе горячий чай с лимоном, настоянный на лесных травах, вокруг же всё скворчит, вскрикивает и посвистывает.

То и дело перелетают с места на место певчие дрозды и дрозды-белобровики, воркует где-то неподалёку дикий голубь вяхирь, а то, вприпрыжку, тронет по просеке ошалевший от весны зайчишка. Штаны у него уже повыцветшие, серенькие… Слышится постанывающее котканье подлетающих копалух, что загодя собираются поближе к токовой полянке, в нетерпении предвкушая своё долгожданное утро. Чего только не увидишь и не передумаешь в эти томительные часы ожидания, пока до твоего слуха донесётся редкое глухариное скирканье!

Как хлеба край, говорят в народе, так и под елью рай! Лесовой человек всегда найдёт свою келью под елью, и если не отыскал её - не будет тебе с ёлки иголки. Изба хоть и елова, зато сердце здорово, и для меня нет радостней доли, чем находиться в непосредственной близости от глухарей, а

лучше всего - хорониться вот под такой доброй ёлкой, с густой пахучей кроной, укрывающей от непогоды.

Вскоре и глухарь подлетел - огромный таёжный сторожил, кажется, совсем не обременённый тяжестью своих мышц, перьев и незаметно прожитых лесных лет. Глухарь уселся на ёлку прямо надо мной, громко всхлопнул крыльями, но звука никакого не произвёл. Весь вечер он сидел тихо, как будто его и не было, и я знал, что он меня не увидит, если сидеть неподвижно. Это очень не просто, когда над тобой расположилась такая чуткая птица, как глухарь, и мне всё время хотелось выглянуть и посмотреть – какой он большой и красивый. Но следовало сохранять осторожность, чтобы не вспугнуть птицу раньше времени.

Кстати, никакого храпа у глухаря, как это описывает в своей книге «Корабельная чаща» Пришвин, я не услышал. По словам писателя, птица, уткнувшись клювом в перо, так ощутимо вздыхала во сне, что от потоков воздуха перья её немножко топорщились, издавая звук, похожий на храпление, и этого, якобы, невозможно было не услышать. Изредка до меня и правда доносилось неясное копошение птицы, что, прижавшись к стволу, меняла, должно быть, положение тела, подсовывая голову под другое крыло, но его вряд ли можно было принять за храп. Скорее всего, Михаил Михайлович несколько приувеличил возможности глухаря, и я полагаю, что вышло у него это исключительно из любви и к красивой птице, и из искренней приверженности к лесной чаще, а потому простим ему такую милую вольность, но вот то, что глухарь ни на кого не похожая, загадочная и непознанная до конца птица, абсолютно верно.

Проснувшись задолго до зари, глухарь обычно потаённо сидит в сосновых ветвях, и ждёт, когда что-то неуловимое сдвинется в предрассветном воздухе, и он тотчас проверит горло гулким щелчком, будто кто ударит пальцем по спичечному коробку. А потом, постепенно, заточит, запоёт только с присущими ему свободными росчерками в конце песни, и будет так греметь своей неудержимой влюблённой волей до самого восхода солнца. Глухарь переполнен охватившими его чувствами, и он горд за то доверие, что оказала ему весна. А ты почему-то не можешь не находиться в этот момент рядом с ним.

Бывают минуты у человека, когда природа являет ему самого себя, и он, будто в зеркале, начинает видеть свою жизнь, то, что он на самом деле из себя представляет. И вот, сидя под этой елью, прислонившись к ней плечом и улавливая всем своим существом переливы глухариного точения и скирканья, я вдруг почувствовал, что нахожусь там, где и должен быть. Эта ночь, проводимая на глухарином току, неслучайна, так же, как неслучайно то, что после долгих лет поисков я однажды отыскал этот ток сам, и теперь, благодаря глухарям, узнаю себя не таким, каким воспринимал себя совсем недавно, а таким, какой я есть. Может быть, более вдумчивым, терпеливым и чутким.

Обычно сторожкий, глухарь, охваченный своей страстью, как ни странно, не высматривает сквозь ветви - кто это там притаился под ним, в сумерках, и жадно наблюдает каждый миг его весеннего жизнеустройства, а только всё более распаляет себя всеохватным любовным чувством. Задрав голову, и вздрагивая всем телом, так, что борода его, с началом каждого песенного колена, возбуждённо перебегала от горла куда-то кверху, но, всё же, не оказывалась на небе, глухарь чуть ли не подпрыгивал на ветке, желая унестись, наверное, в своё седое прошлое, когда на земле произрастали только хвойные леса. Где уж ему было заметить притаившегося внизу человека, когда он забывал в своём любовном устремлении самого себя! А миллионы людей на земле жили в эту ночь без него, даже не подозревая о существовании глухаря, и я был счастлив, что нахожусь рядом с ним, с этой великолепной древней птицей, пропевая вместе с ней и свою весну.

Малиновая заря, тем временем, заливала собой всё небо, везде и повсюду начинался новый весенний день, а вместе с ним - и вся наша чудесная жизнь, со скрытым в себе особенным смыслом, что человеку надлежит непременно разгадать, и жить своим разумом, ничего не боясь и не забывая в душе Господа. Но выводит из этого очарованного оцепенения град сухих глухариных рогаликов, сыплющихся на твою голову и плечи как из рога изобилия, и здесь плащ-накидка с капюшоном - тоже твои верные помощники.

Помёт валится сверху непрестанно, ты же - только улыбаешься, будто наслаждаясь этим весенним «дождём», и почему-то вспоминаешь незадачливого профессора, настойчиво вменяющего тебе «незнание» леса, даже надсмехающегося над тобой. По его мнению, я безосновательно, с каким-то непонятным восторгом, восхваляю в своих рассказах обыкновенный глухариный помёт: что в нём, вроде бы, удивительного?! Оказался бы он сейчас здесь, со мной, в этом царстве прекрасных древних птиц, осыпаемый ничего не значащим для него глухариным помётом! Но нет, никого не хочется видеть сейчас кроме глухарей, малиновой зари и просыпающегося ото сна чудесного хвойного леса.

Да, это невероятно, но факт: я всегда с трепетом относился к глухариному помёту… Хвала ему! Правда, не только к глухариному, а и любому другому, что оставляют звери и птицы в лесу - рябчиному, тетеревиному, лосиному, заячьему и волчьему, медвежьему. Каждый из них достоин самого пристального внимания, потому что несёт в себе отгадки из неведомой для человека лесной жизни, учит быть внимательным и терпеливым.

Помёт лесных обитателей, как ни странно, не вызывает такого чувства неприязни или отвращения, когда мы наталкиваемся на фекалии кошек и собак, во вмножестве попадающихся под ногами в наших замусоренных и неустроенных дворах. В лесу нет места нечистотам, если их не принёс с собой человек, и помёт животных лишь дополняет всеобщую картину гармонии, представляющей собой природную суть всего сущего – его

единение, и его поддержание, кстати, возложено небом на того же человека. Не покидает ощущение, что звери и птицы опрощаются не просто по естественной надобности, без всякого смысла, а даже с некоторым художественным вкусом и пользой для своего родного леса.

Так волки, чьи испражнения такие же серые, как сами звери, и напоминают собой скрученные сухие хворостинки, подвешивают их на кусты, чтобы не утащили жуки-навозники. Звери, таким образом, метят свою территорию, заботясь о наиболее длительной сохранности её границ.

Горки тетеревиных и рябчиных сухариков украшают лесные просеки какой-то трогательной укромностью, и завидя их перед собой, всегда почему-то останавливаешься, долго стоишь и смотришь, словно желая разгадать заложенную в них лесом тайну. Вернее, его обаяние. Птицы всего лишь ночевали здесь под снегом, оставив после себя горстки помёта, но тебе это представляется чем-то необыкновенным. Не в силах постичь суть этих коричневато-золотистых холмиков, уютно громоздящихся и непонятно чем завораживающих, продвигаешься тихонько дальше.

И всё же, чем больше попадается таких горок, тем радостней становится на душе: птица не перевелась, её в достатке, но взгляд вновь возвращается к уютно приютившимся друг с другом сухарикам, что неожиданно представляются скорлупками земляного ореха, загадочными ванильными палочками или ярко-жёлтыми стручочками воздушной кукурузы. Поразительно то, что все эти сладостные ассоциации вызывает обычный птичий помёт!

Серовато-зелёные заячьи шарики встречает всякий, кому не безразличен лес. Лежат они легко, воздушно и как-то трепетно. Сила лесной жизни уже не захватывает их в свой оборот, и шарики тихи, милы и ничем не обескуражены.

Неприхотливо утопают заячьи шарики в снегу, напоминая какое-то диковинное драже, и, глядя на их правильную круглую форму, недоумеваешь: зачем уже никому не нужному, конечному продукту такое совершенство? А шарики как будто даже улыбаются, неслышно и весело переговариваясь между собой. Хорошо проходить мимо них на склоне зимы, думая о чём-нибудь простом и замечательном.

Сродни заячьему «драже» - аккуратные «шоколадки» лосиного помёта. Не верится, что из такого неприглядного материала природа смогла вылепить нечто привлекательное, притягивающее взор. Тёмно-коричневые округлые пальчики совершенно не вызывают какие-либо неприятные ощущения, в который раз подтверждая обаяние леса, и до такой степени точно напоминают конфеты, что их хочется попробовать.

А вот Михаил Потапыч, соответственно размерам, славится в лесу своими пирогами… Они, бывают, огромны, пышны, словно выпечены неведомой лесной хозяйкой в русской печи и поданы неизвестно кому прямо на траву. Большей частью пироги малиновые и черничные, но попадаются и с брусникой, и с клюквой, и с ежевикой. Чаще всего они почему-то покоятся

прямо на тропинках, словно зазывая путников присесть и передохнуть. И ты действительно останавливаешься каждый раз, завидев эти мишкины произведения, и улыбаешься неизвестно чему. Крепок дух такой лесной снеди, замешанной на травах, ягодах и потаённой звериной воле!

Любой помёт в лесу своеобразен, но глухариному, в моём восприятии, повезло почему-то больше: это дар птицы нашему лесу, что вскладчину с другими птицами и зверьми слагает его доброе мироустройство. Ничего негодного и пустого в нём нет, лишь сосновая и лиственничная хвоя, впридачу - с брусникой и клюквой, что дают лесу ещё большее здоровье, удобряя его почву, и это здоровье слагает лесное обаяние, облагораживая чудесный чистый воздух. В результате изысканий учёных доказано, что хвоей питался не только глухарь, но и мамонт… Вот уж истинное благо, создаваемое лесными обитателями во имя крепости борового духа, его неиссякаемой силы!

Как сладостно, должно быть, глухарю чувствовать страстное возбуждение, облюбовав только своё, дорогое ему дерево, на котором он будет всю весну превозносить её. Среди лесовиков такое дерево называется «присадочным», именно на него глухарь присаживается, когда токует, и, как правило, не изменяет этому любимому дереву всю весну, если его сильно не потревожить.

Снег, бывало, уже сойдёт, и тогда, вот именно под таким деревом, чаще всего - это сосна, обнаруживается целая полянка накрошенного глухарём помёта, что сыплется из него во время токования в изобилии, и если, замерев, окажешься под птицей, вслушиваясь в её песню, то и тебе изрядно достанется, чему ты, впрочем, очень рад… Это, быть может, покажется странным для несведущего человека, но только не для того, кто всем сердцем предан лесу, хорошо его знает и любит.

Один известный в нашем городе биолог, я уже упоминал чуть выше о нём, знаток хищных птиц, у него даже книга вышла про них, давая свою оценку моей книги о глухарях - «Любовь моя, глухарь», в искреннем недоумении заметил, что автор восхищается глухариным помётом: чуть ли, по его словам, не превозносит его! Как такое возможно? – восклицал он.

И вот сейчас я ему отвечаю: вы, знаток птиц, воображающий себя им, разве не понимаете, что помёт любой птицы, тем более, глухариный, даёт немало знаний об образе жизни этой замечательной птицы. О том - где и чем она питается, каков её возраст, и уже по этим данным можно судить о местах её обитания. Мало того, по скоплению и состоянию помёта знатоки определяют расположение токов, в последующем устанавливая численность птиц. Ведь это так очевидно, и если ты, действительно, любишь лес, предан ему всем сердцем, то тебе не составит труда наклониться над горсткой помёта глухаря, быть может, даже взять его в руки и тщательно рассмотреть. К тому же, в нём нет ничего, кроме сосновых иголочек, подснежников, осиновых листочков и ягодок брусники с клюквой.

Лесной помёт и пахнет по-особенному пряно, как это происходит только весной, а вот какой-то незадачливый учёный искренне этого не понимает. Как же ты, дорогой учёный, собираешься познавать лес, если гнушаешься таким добрым источником, ведь в лесу не может быть ничего неважного, неинтересного, и лесные тайны следует постигать очень вдумчиво, используя любую, даже, кажется, совсем неприметную подсказку. В нашем чудесном лесу не существует чего-либо, что не требует к себе должного внимания, и нужно очень уважительно относиться к лесу, ко всему в природе, чтобы стать ей настоящим другом.

Глухариный помёт, как я уже упоминал выше, зачаровывает формой в виде больших рогаликов толщиной с безымянный палец взрослого человека, напоминая какие-то неведомые лесные хлебцы. Отчего-то он удивляет этой своей загнутой вытянутостью, каким-то неброским изяществом, пригодным только для многообразного и таинственного леса. Светло-коричневые с внутренней желтизной и прозеленью рогалики, устилая под соснами землю, будто улыбаются то там, то здесь, зазывают под сказочный полог леса, но ничего не обещают: всё зависит от твоей собственной любознательности и жажды открытий!

Помёт глухаря действительно может быть красивым. Если по-настоящему любишь лес и не представляешь без него своей жизни, то ничего незначительного в нём для тебя не существует. Любуешься помётом, отчего-то радуясь тому, что он есть, с жадностью охватывая взглядом, пытаешься разобрать - сколько тут было птиц, что они делали и чем питались, молодые или старые. Можно многое прочитать в лесной книге, если не терять неутомимости и терпения.

Глухарь неотступно манит к себе своей тайной, и очень важно в понимании природы птицы разобрать - какой помёт следует считать токовым, а какой обыкновенным, бытовым? Если помёт токовой – сколько его по количеству должно прсутствовать под присадочными деревьями, на которых преимущественно поют по весне птицы, то есть, какова площадь его разлёта во время песни, кучность? Да и вообще, чем отличается прошлогодний помёт, прозимовавший под снегом, от помёта нынешней весны?

Помёт токовой, когда глухарь находится в любовном возбуждении, по большей части, всегда жидкий, светло-жёлтого цвета. Таковым он бывает в самый пик весны, к середине апреля, в пору подлёта к токующему самцу копалухи. Повсюду ещё лежит снег, самка не села на гнездо и токовик наиболее оживлён. Он старается понравиться копалухе, ведёт себя очень активно, и то и дело крутится из стороны в сторону, отчего помёт разлетается довольно обширно. Иной раз границы его падения достигают нескольких метров в окружности.

В самый же расцвет периода гнездования, к началу мая, когда пыл любовной страсти у самцов значительно спадает, и они поют не так азартно, почти вхолостую, помёт птиц вновь обретает обычную для него твёрдость.

Повернувшись головой на розовеющий восток, токовик скиркает и точит уже с большими перерывами, как бы нехотя, и в мох у самого ствола изредка тукаются сосновые колбаски. В них в эту пору можно обнаружить ягодки перезимовавшей под снегом клюквы, берёзовые серёжки и цветочки подснежника.

Прошлогодний помёт - вовсе сухой, волокнистый, в нём хорошо различимы и отделены друг от друга пряди сосны, ели и лиственницы. Они так тщательно перетёрты в желудке птицы мелкими камешками, что даже под воздействием дождевой и снеговой влаги до конца всё же не распадаются, сохраняясь в спрессованном виде год и более. И только достаточно отсырев, постепенно разваливаются на рыхлые кусочки, удобряя собой и без того удобренную лесную почву. Так, незаметно, слагают они будущие великаны-деревья, на которых когда-нибудь возвестят о приходе весны восторженные потомки сегодняшних великолепных птиц.

Думая о потаённой жизни глухаря и находясь в лесу - невозможно не обращать внимания на его помёт. Если ты действительно неравнодушен к этой замечательной птице, ты замечаешь оставшиеся после неё следы повсюду: на пересечении укромных просек, по закраинам полей и опушек, под раскидистыми соснами и притаившимися елями, часто прямо на дороге. Обитая в каком-то одном районе, глухарь оставляет свой помёт в самых непредсказуемых местах, тем самым, постоянно напоминая о себе.

Всегда с удовлетворением отмечаешь про себя эти глухариные пометки и радостно думаешь: он живёт здесь, находится сейчас где-то неподалёку, и даже, может быть, видит тебя, но не улетатет. Тебе приятно сознавать, что глухарь тоже ощущает твоё присутствие и, вероятно, когда-нибудь ты станешь для него частью того, что его постоянно окружает. Хотя бы на одну весну.

А потом он перестанет тебя помнить, и окунётся в своё летнее забытье - в царство ароматных ягод, ручьёв и жарко дышащей хвои, но это ничуть не разочарует. Ты по-прежнему будешь предан ему в своём восхищении и любви, терпеливо переживая ожидание следующей встречи долгожданной весной.

Однажды, в результате своих многолетних хождений по лесу, я поймал себя на мысли, что при виде самого обыкновенного глухариного помёта во мне просыпаются самые необыкновенные мысли и желания. Например, стремление быть неутомимым и вдумчивым, потому как безрадостна жизнь, не желающая постигать. В лесу звери и птицы, на каждом шагу оставленными после себя следами, напоминают человеку о необходимости не быть равнодушным, без устали трудиться душой в отыскании важных ответов и понимании, что жизнь полна смысла.

Что-то интересное во мне самом вынуждает вглядываться в помёт и не проходить мимо. Попробуй-ка, разберись - что это, когда мир и без того полон множества других, более очевидных загадок? Но всё, что касается тебя

самого, твоей привязанности и любви к лесу, необходимо разгадать в первую очередь! Ведь, может быть, это твоё прошлое, к тому же, очень далёкое?!

И ты опускаешься на колени перед горсткой помёта, и с удовольствием разбираешь - какого он цвета, из каких иголочек, веточек или зёрнышек состоит, свежий или уже подсохший от ветра, дождей и снега, толстый или тонкий, что свидетельствует о возрасте птицы? Разглядывая пристально, постепенно проникаясь увиденным, думаешь: а каким образом всё перечисленное и ещё неувиденное относится к тебе? Неужели в какие-нибудь незапамятные времена был ты таёжным жителем - глухарём, и так же питался хвоей, подснежником и брусникой, удобряя остатками перетёртой камешками пищи и без того удобренную лесную почву? Как давно это было, и не плод ли это твоего не в меру разыгравшегося воображения?!

Нет, наверное, не плод, если ты так тонко чувствуешь эту птицу, безошибочно отыскиваешь места её обитания, кормёжки и тока. Значит, близка тебя её жизнь и тайна, что ты стремишься разгадать, а может быть - даже вспомнить? Вполне возможно, что был ты в далёком прошлом великолепной птицей, и если это было наказание - оно пошло только на пользу. Ты стал более чуток к природе и её обитателям.

Только равнодушный человек, не любящий лес, не поинтересуется помётом, не остановится и тщательно не рассмотрит его, чтобы поподробнее разобрать скрытую от него жизнь леса. Отвернуть в такой миг свой нос, значит, допустить бескультурие и ограниченность, и это – непростительно. Обратить же внимание - лишний раз проявить добродушие и любознательность, словом, искреннюю привязанность к этой древней таинственной птице, к нашему чудесному лесу.

Я всегда был счастлив от нахождения на глухарином току, что отыскал сам, понимая глухарей, как близких своему сердцу обитателей леса, даже – товарищей. Я этих загадочных птиц отчего-то очень любил, жертвуя львиную долю своего времени на разыскивание токовищ, и потом – слияние с такой восхитительной древней птицей в её песне, что будто пробуждала и в моей душе нечто давно позабытое, далёкое-далёкое, и от осознания этой неведомой взаимосвязи с глухарём, я чувствовал себя счастливым человеком, способным на многое… Одним своим таинственным пребыванием в нашем лесу, глухари дарили мне необыкновенное счастье, и я был им за это невероятно признателен. Разве мог я после всего этого убивать дорогих моему сердцу птиц, что только радовались жизни, очень любили её, как это могут именно глухари, вестники стародавних времён, когда на земле существовал только хвойный лес?!

Наш хвойный лес – тоже одно из самых загадочных и любимых чудес, и я давно влюблён в него. Постигая его тайны, хочется оставаться именно одному, чтобы всё чувствовать, примечать и понимать, вслушиваясь и всматриваясь в создаваемое лесом пространство, не упуская из виду ни единой мелочи, не утрачивая того прекрасного расположения духа, когда переживаешь трепетное соучастие души во всём происходящем. Сосна в

этом лесном царстве, как никакое из деревьев, дарует человеку удивительный покой. Она создаёт в лесу особое существование, наполненное лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, в него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности - о нём покойно и радостно мечтается.

Можно без конца вглядываться в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. Сосны и зимой не скидывают свой кафтан, и тем оказывают великую услугу глухарям, что зимуют под их пологом в лютую пору, когда в лесу все спят. Сбиваясь среди сосен в укромные и таинственные стаи, птицы будто охраняют вековечный сосновый уют и покой, это - их дом. Сосновая мезга глухарю сладка, и хоть на хвойке, как говорится, да на своей вольке. Таков глухариный хлебушек!

Эта приверженность хвойным породам деревьев невероятно обаятельна в жизни таких загадочных птиц, как глухари. И человек, восхищаясь лесом, не представляет себе лесной чащи без этих великолепных деревьев – сосны, ели или пихты. Он любит их, мечтает о возвращении под их живописный полог, и не позволяет себе быть равнодушным к судьбе родного леса. Человек этот болеет душой за вырубленные сосны, пихты и ели, берёзы с осинами, за весь наш удивительный лес, где мы находим для себя волшебное отдохновение, ту чудодейственную радость, без которой не жить.

Я плачу вместе с глухарями о потерянном для них доме, когда он бездумно искореняется, как будто и сам остаюсь в жизни без крыши над головой. Как же возместить нам всем эту утрату? Как проникнуться божественными лесными чудесами, чтобы быть достойными их великолепия? Как стать настоящими, желая деревьям только доброй участи, когда ты сам веришь в себя, в своё доброе настроение и счастливую судьбу?

Ответ один: нужно самому стать настоящим, оставаясь достойным этих сосен и пихт, осин и берёз, глухарей и незабываемых вечерних зорь, дорогих сердцу избушек, что приютили тебя в непогодье… И даже лесные невидимые существа дороги твоему очарованному сердцу, потому как ты принимаешь весь мир целиком, переживая своё радостное нахождение в нём, как единственное счастье, существующее на этой прекрасной земле.

Я очень счастлив, дорогие мои друзья, от того, что живу, могу отправиться в гости к дорогим сердцу глухарям, переживать любовь к этим древним птицам, живущим ещё при динозаврах. Именно по этой причине их пищу составляют сосновые и лиственничные иголки, ведь миллионы лет назад на земле произрастали только хвойные породы, и глухари по утрам вылетают на отмели таёжных речек или лесные дорожки, чтобы склёвывать там камешки, служащие «жерновами» для перетирания грубой пищи в их желудках. Так уж издавна повелось, что именно хвоя обеспечивает глухарей природной энергией, и она ничем незаменима.

Ну, если только подмороженный осиновый листок, по осени, ублажит глухаря, он для птицы навроде изысканного лакомства. Или, когда уже появляются проталины, глухарь слетает на землю и выискивает

прошлогоднюю клюкву, но первое блюдо - сосновая игла. Для того, чтобы не иссякли по весне его силы, глухарь непременно должен сосновой иглы пощипать, в ней - вся питательная сила, и без присутствия на соснах глухарей деревья эти воспринимаются уже не такими сказочными.

Если ты искренне привержен жизни леса, сонм загадок, таящихся под его хвойным пологом, неминуемо опутает тебя с головой, и ты позабудешь свои маленькие горести, и поймёшь: жизнь человека неотделима от жизни леса, куда он должен вступать восторженным наблюдателем и учеником. Это уважение к лесу поведёт тебя в его таинственные глубины, и ты, навсегда лишившись покоя, станешь его очарованным поклонником. После близкого знакомства с лесной чащей ты непременно переосмыслишь свою жизнь и совершаемые тобой поступки, ты переживёшь замечательное чувство - чувство радостного постижения, а за ним - непременное осознание присутствия в своей жизни созидательного труда во имя создавшей тебя чудесной Природы.

Косач

Каждый год, на одном и том же поле у Новосёловской горы, токует один и тот же косач. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки, кажется, не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день - это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится его знакомое: «бу-бу-буль, бу-бу-буль, бу-бу-буль, чух-фы-ы…» Пение то разгорается, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев порой забывается или отвлекается на что-то более важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись, опять продолжает своё размеренное чуфыканье.

Поле там большое, и петух каждый раз выбирает себе на нём новое место, словно ему наскучивает петь на одном и том же. Не раз наблюдая за ним, я убеждался: тетерев этот какой-то необычный, не похожий ни на кого. Мало того, что он всегда оставался один, он ещё и вёл себя своеобразно: резво бегал по полю, припрыгивал, выбирая при этом самые диковинные позы, будто соревновался с невидимым соперником, и что ещё занятней всего – на время куда-то исчезал. Бывали дни, когда он и вовсе не появлялся, словно уставал от возложенных на него обязанностей - славить весну, радовать всех и радоваться самому.

В такие утра без него чего-то не хватало в природе, и я, когда проходил мимо горы с глухариного тока, всегда прислушивался: не поёт ли косач? Если птицы не было слышно, даже немного расстраивался и подолгу стоял в нерешительности: идти дальше или ещё подождать? Всегда хотелось услышать, как косач токует. Будто песня его была каким-то добрым знаком,

и когда тетерев молчал, душе чего-то не доставало, несмотря на окружающее весеннее раздолье.

И так, каждую весну загадывал я: жив ли петух, уберёгся ли в суровую зиму от когтей коварной рыси или зубов хищной лисицы, будет ли опять, как всегда, токовать на любимой горке? И если косач токовал, весна непременно удавалась, всё вокруг радостно оживало, и не верилось, что когда-нибудь тетерев не прилетит на ток, и восторженно не огласит округу: «бу-бу-буль, бу-бу-буль, чух-фы-ы!»

У изголовья зверя

В лесу никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь, но всегда верно то, что тебя в нём ждёт открытие.

Радостно, легко на душе, когда неспешно идёшь на лыжах вдоль старых деревенских покосов, они будто светятся и плывут над землёй в проникновенном мартовском воздухе. Во всём ощущается какая-то удивительная приподнятость.

Идёшь, впитываешь все запахи и краски, и даже не заметишь, в какую глухомань заведёт тебя эта всепроникающая радость, а встрепенувшись, вдруг подумаешь: где-то тут спит под толщей снега воевода медведь и, не ровен час, может пробудиться от твоего нежданного присутствия. Уже более осторожно выбираешь путь следования, то и дело, поглядывая по сторонам, но тихо вокруг, снега лежат нетронутые, и только следы куницы и белки ныряют в глубокий лог, зачаровывая своей потаённой устремлённостью.

И всё же, почему-то не перестаёшь думать о медведе, его дремучей косматой силе, что в любой момент может нарушить устоявшийся за зиму покой. Не даром говорят: от добра добра не ищут, от хлеба – хлеба, а от покоя – покоя. Медвежьему покою сопутствует особая лесная тишина, и человеку надлежит её не нарушать.

Ну, а уж если потревожил, пренебрёг исконной таёжной заповедью, то делай это так легко, чтобы медведь не заподозрил подвоха, и возмущённое тобой затишье оставалось бы частью нетронутого лесного быта. Стань сам зверем, растворись в лесном мире, дыши в такт его дыханию, и медведь, чутко прислушиваясь к твоим шагам, лишь успокоено вздохнёт, перевернувшись на другой бок.

Безмятежное состояние медведя в берлоге не могут нарушить размеренные шаги лося, однотонное постукивание дятла или вскрикивание филина. И если даже рядом с логовом лесного исполина окажется человек, ему просто не следует совершать резких необдуманных движений, останавливаться, внезапной тишиной настораживая зверя, а спокойно и ровно продолжать свой ход на лыжах: шик-шик, шик-шик, как будто это лесной зверь проходит мимо, и дела ему нет до медведя и его снов. Любой звук в лесу должен звучать по-лесному, под стать шорохам ветра, ветвей и мёрзлой позёмки. Всё слышит ухо медведя, но не пугает его, если оно

знакомо ему, и только чужой для леса звук может насторожить зверя, и он поднимется из берлоги.

Несмотря на умиротворённое мартовское солнце, синие тени от берёз, радостно сбегающие в лог, всю весеннюю восторженность в окружающей природе, ты не представляешь, что это на самом деле может произойти: зверь восстанет чёрной тучей, метнётся к тебе и в два счёта накроет с головой. Что ты тогда сможешь предпринять и как предупредить звериный натиск озлобленного со сна медведя?!

Сердце сжимается от страха при мысли об этом, гонишь её прочь, а глаза цепко вглядываются в сугроб или завал из деревьев. Предупредительно обходишь его стороной, осматриваешься, и то и дело останавливаешься, чтобы успокоить учащённое дыхание: прислушавшись же, осторожно продолжаешь свой путь. Затаенно покоятся лазурные снега, уже покрывшиеся запёкшейся на солнце корочкой, кажется, непробудно спит ручей на дне глухого лога. Но недолго ему осталось ждать: скоро понесёт он свои снеговые воды к лесной реке, она будет становиться шире день ото дня, еле сдерживая подступающее возрождение, и однажды разбудит лесную тишину весёлым грохотом и шумом.

Перейдя лог, неспешно преодолеваешь замершие полянки, уже приблизившись к леску на горке, облегчённо вздыхаешь, будто сбрасывая с себя внутреннее напряжение: ничего не случилось, и ты благополучно миновал глухие места. До деревни рукой подать, стоит только преодолеть старую делянку на краю лога, да пару покосов. Затем – спуск к реке, отдых у родника и через какой-нибудь час неспешной ходьбы по наезженной дороге окажешься в нагретом за день доме, у ещё не успевшей остыть печки.

И вот тут, когда этого совсем не ждёшь, в каких-нибудь шести-семи шагах от просеки, где ты отчего-то замер, внимание твоё приковывает повалившаяся от старости осина. Переломленная почти у самого основания, с наваленными на неё молодыми ёлочками и берёзками, она создаёт впечатление неумело сооружённого кем-то шалаша. А под осиной, в небольшой впадинке, занесённой снегом, чернеет отверстие, с добрую краюху, облепленное оранжевой куржавиной. Это чело - изголовье дремучего лесного зверя, что лежит совсем рядом и, быть может, через мгновение проснётся…

Совкин деверь

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну и уселся неподалёку на кривой сосновый сук. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его тёмно-рыжий окрас с ярко-чёрными красивыми подпалинами. Крылья у филина, казалось, были неестественно вздыблены, потому как предплечья - самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрашающе свисали под брюхом.

Большую круглую голову его украшали мохнатые пучки перьев, напоминающие уши, загнутый же клюв был такой грозный, что не зевай! Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом, а когда филин их прикрывал, то горло надувалось и вздрагивало, издавая утробное «гу-гу». Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в поведении птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух всё же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, движущей и созидающей его полёт. Показалось, будто какой-то непонятный сон на миг обволок сознание, но, даже избавившись вскоре от нахлынувшего забытья, какое-то время не покидала завороженность увиденным, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей.

Филин сидел на суку, нахохлившись, видимо, недовольный тем, что его потревожили, то и дело крутил головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбуждённо раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слывёт самым загадочным хищником, и многие птицы и звери не на шутку его боятся.

«Эко чучело, хоть ворон пугать!» – иной раз можно слышать обронённое кем-либо неудовольствие от увиденного, и это не далеко от истины, когда дело касается филина: его вид, действительно, способен наводить страх. Взьерошенной копной замирает на верхушке дерева филин, кошачья голова его с мохнатыми ушами ходит туда-сюда, поворачиваясь чуть ли не вокруг себя, огромные глазища луп-луп, и вдруг как прогундит на весь лес: «угу-угу, угу-угу, угу-гу, угу-гу, угу!» Так и сидит истуканом, одним своим видом наводя страх на лесных обитателей: грозное чучело, что всем в лесу надокучило! Вроде, спит, когда не подаёт голоса, но всё про всех в лесу знает. Филину под небеса летать не зачем, и его не гнетёт кручина, что соколом ему не быть: родной дом для него - ночной лес. Не попадайся ему под тёмный час!

Филин кричит громко и отрывисто, не в пример другим совам, что подают голос заунывно, будто спросонья. Ухает филин разом, как будто обухом бьёт, обозначая, что именно он в ночном лесу хозяин, не терпящий какого-либо соперничества. Всяк хозяин в своём дому – самый большой, и филин значительно превосходит остальных сов по размерам: сам себе оборона!

По мнению некоторых, особо впечатлительных людей, легко натерпеться страха от одного крика филина. Если не видеть саму птицу – представляется, будто это какой-то басовитый мужик, что рассерженно покрякивает в глубине леса. Он никогда не показывается на глаза, потому как сам себя остерегается, тем более, не желает, что его увидят. Тучный, в

старинной поддёвке, подвязанной плетёным ужищем, на босу ногу, сидит он в самой чаще, вытаращив свои бесовские глаза, и, знай, попугивает православный люд: так озорничает порой, что беда!

Оттого филин представляется какой-то загадочной фигурой, и заслышав его, у всякого сердце сожмётся и затрепещет. Но всё-таки крик филина необыкновенно сказочен, и наш лес без него потерял бы свою волшебную красоту.

Как только бархатная ночь окутает собой лес, будто шалью, так филин в нём сразу всему голова: только и слышно его отрывистое уханье, не перекричать его никому. Филина да ворона в народе всегда воспринимали зловещими птицами, и поблизости от селения крик их приравнивали к большой беде, а то и к пожару. По делам, как говорится, и голос, словно из бочки: «угу-угу, ху, угу-угу, ху, ух!»

Голосом своим филин завывает, будто над покойником, как оглашенный: одно слово - лесное отродье, ровно ничему другому не обучен. А то ещё такую тяжбу заведёт: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу», разглашая по всему лесу одному ему ведомые вести, будто у него в голове одни бубны. Звонок бубен, да страшен игумен!

Облик птицы всегда вызывал в народе ощущение страха. По деревням издавна чтили сказочную лесную глухомань, и вскрикиванья ночной птицы восприняли по-своему, прозвав филина «пугачом». Крестьяне, заслышав в лесу ухающую птицу, всегда крестились и старались быстрее миновать такое «гиблое» место, приговаривая: «Из пустого дупла - либо филин, либо сам сатана!»

В старину, когда люди слышали, как ухает в лесу филин, они думали, что это кричит леший, искренне полагая, будто он наводит на них погибель. Но на самом деле филин опасен только для лесных обитателей, и вылетает на охоту с наступлением темноты. Бьёт по ночам всё живое - зайцев и белок, ворон и тетеревов, сорок и галок, никому не даёт пощады, а при случае может прикончить ястреба и лисицу, тогда как некрупную добычу - жаворонков, мышей и куликов заглатывает целиком, выбрасывая непереваренные кости и шерсть в виде погадок. Эти погадки, особенно - кусочки шерсти, мелкие птицы используют для выстилки гнёзд.

Филин даже не гнушается вылавливать ежей, выедая мясо и оставляя их колючие шкурки, где попало. Случается, что хищная птица заглатывает куски зверьков вместе с иголками, и это сходит ей с рук, до того она кровожадна. Что уж говорить о зайцах, ястребах и лисицах!

За это все птицы сильно не любят филина, и стоит ему только показаться в дневное время, как они поднимают невообразимый гвалт, после чего неутомимо преследуют его, порой забивая до смерти. В таких случаях филина может спасти только тёмная чаща, и он старается быстрее в ней исчезнуть, чтобы с наступлением сумерек вновь приняться за своё чёрное дело. Без помех ориентируясь в темноте, всю ночь бесшумно летает филин между деревьями, выискивая себе добычу.

Плоха вору пожива, где сам хозяин вор, и филин им в полной мере в лесу предстаёт, ибо скрадывать - его природная суть, особенно в темноте, что ему за обычай. Любит филин ночною порой подстерегать спящих глухарей, излюбленную для себя добычу, и, обнаружив местоположение тока, что называется - отводит душу, обычно за короткий срок, изводя птиц под корень. Без особого труда он отыскивает именно токующих глухарей, когда они забываются во время песни и ничего не слышат, вмиг раздирая их когтями и мощным клювом.

Присваивать себе желаемое тайком и нагло - его страсть, и некраденый кусок ему, должно быть, скоро приестся. Филину по нраву именно глухарятина – птица внушительных размеров, во время весенних токов легко для него доступная, и пернатый разбойник не гнушается ничем, разворовывая когда-то богатые тока, так что вскоре они совершенно пустеют. Отчего ему не воровать, коли некому унять!

Один мой знакомый старик-пасечник, несмотря на семидесятилетний возраст, предпочитал охоту на глухариных токах другим охотничьим забавам и, раздосадованный неслыханным коварством филина, решил защитить свой ток от хищника. Причём, долгое время он никак не мог угадать: кто хозяйничает у него на току? Ток этот располагался неподалёку от его лесной пасеки, и он часто находил на нём убитых глухарей: голова и крылья у них были целы, а из ощипанной груди торчали голые кости скелета.

Выбрав наиболее удачное, по его мнению, место, сметливый дед натянул между соснами верёвки. Филин, присаживаясь на одну из них, тотчас терял равновесие и, инстинктивно сжав лапы, переворачивался вниз головой на вихляющейся верёвке, уже не в силах разъединить сцепившиеся когти. Сильные пальцы, видимо, не ощутив достаточной опоры, как если бы это была толстая ветка дерева, впивались сами в себя, а филин, перевернувшись и очутившись в таком незавидном положении, почему-то сразу впадал в странное оцепенение. Совсем недавно грозный и безжалостный, хищник в считанные секунды становился совершенно беспомощным, превращаясь в лёгкую добычу.

Отловив, таким незамысловатым способом, аж пять птиц, старик не без гордости, и как бы по большому секрету, серьёзно меня уверил: «Филин-пугач - совкин деверь, спутник лешего, не всё ему баловать!»

Только однажды

Не раз убеждался: можно годами терпеливо исхаживать бесконечные километры, по крупицам собирая знания о лесе, и только однажды, в какой-то один Богом избранный день, по-настоящему повезёт, и ты увидишь то, о чём мог только мечтать. Причём, увидишь всё от начала и до конца, как это происходит в дикой природе, когда никто зверей и птиц не тревожит, или же они не знают, что за ними подглядывают.

Мы с товарищем в течение нескольких лет наблюдали за одним глухариным током в десяти километрах от деревни, и повидали за это время немало интересного. Мы этот ток очень долго искали, чувствовали, что он где-то рядом, потому как глухари постоянно держались здесь и весной, и осенью, и зимой, но каждый раз нам не удавалось определить эпицентр токовища. И всё же мы его нашли…

Помню, глухарь токовал на нижней ветви старой ели, подпустив нас почти вплотную. Мы обошли его с обеих сторон и долго, почти до самого рассвета, слушали, усевшись на старую колоду. Это был первый глухариный ток, найденный нами, и от такой удачи мы чувствовали себя по-настоящему счастливыми.

После я бывал на этом току не однажды. Мне удалось понаблюдать, как глухари слетаются к токовищу с заходом солнца, тяжело усаживаясь на верхушках елей, и тихонько пробуют голоса - «распеваются» перед долгожданным утром, как копалухи подбегают к поющему глухарю. Как-то глухарка налетела на меня в роящихся утренних сумерках, с лёту ударивши прямо под коленки, и тем изрядно напугала, но, разгорячённая весенним игрищем, не оставила своих попыток и продолжала атаковать меня всё утро, вплоть до наступления рассвета. Наблюдал я здесь и то, как глухарь, слетев в морозное мартовское утро с сосны на наст, проехался по нему, как на лыжах. Видно было, что это ему понравилось, и он даже подпрыгнул, словно бы от удовольствия.

Однажды вокруг меня токовало целых три мошника, и я попеременно подходил то к одному, то к другому, то к третьему, пока они мне не надоели. Был ещё случай: старый глухарь токовал на окраине токового участка, прямо у меня над головой, на самой высокой ели, под которой я стоял, прислонившись к стволу спиной, и я никак не мог определить, откуда доносится песня.

Сталкивался я на этом току и с медведем. Он не хотел уступать дорогу посреди узкой просеки. Мы стояли друг напротив друга, обьятые темнотой весенней ночи, и я умирал от страха. Мне почему-то хорошо запомнились круглые уши медведя, они чётко вырисовывались на фоне взошедшей оранжевой луны…

По той же просеке, где мы не сумели разойтись с медведем, раз крался за мной одинокий волк: с рассветом, по следам, я восстановил картину происходящего. Как-то всё утро перебегали у меня под ногами ошалевшие от своих весенних свадеб зайцы, а за рекой, совсем рядом, призывно курлыкали журавли.

Много занимательного привелось пережить весенними ночами на любимом глухарином току, но долгое время никак не удавалось увидеть, что происходит на нём у глухарей полностью. Хотелось узнать, как же глухариный ток протекает с начала и до конца, чтобы на токовище присутствовали и старый токовик, и взрослые птицы, и обучающаяся молодёжь, и копалухи, и непременно бы ток сопровождался боями петухов.

И вот, только однажды, мне всё же посчастливилось оказаться на знакомом глухарином току именно той апрельской ночью, когда всё в ней предполагало настоящий лесной спектакль - ток загадочных древних птиц. Это была редкая удача, поскольку все глухари, прилетевшие с вечера, рассредоточились по деревьям вокруг маленькой токовой полянки в ожидании главного токовика. Обычно птицы рассаживаются в отдалении друг от друга, и приходится подходить, выбрав какого-нибудь одного петуха, боясь подшуметь остальных.

Ночь выдалась морозной, на небе высыпало несметное количество звёзд. Лыжи гулко ударялись о наст, в такт им выстукивало разгорячённое напряжённой ходьбой сердце. Когда же я останавливался, лес тотчас обнимала настороженная тишина: кажется, в ней было слышно, как шевелятся и шуршат в вышине звёзды. Я шёл к глухарям интуитивно, чутьём угадывая, где птицы нынче будут наверняка.

Не доходя до поляны сотню метров, снял лыжи и пошёл по насту в валенках. Во всём теле ощущалась удивительная приподнятость. С одной стороны просеки чернели ели, с другой - светлели берёзы. Меня не покидало чувство, что я нахожусь в родном доме, где всё давно понятно и известно, но за каждым новым поворотом кроется долгожданное открытие тайны.

К месту я угадал затемно. Встал на краю лога за ёлочками, и замер в ожидании. И тут же услыхал, как где-то внизу по смёрзшемуся насту будто рассыпались алмазные горошины. Глухарь уже лил над заснеженной землёй свою загадочную песню, точил, скиркал, и тоже, как и я, замирал на несколько мгновений, будто прислушиваясь к произведённому им эффекту, а затем вновь продолжал самозабвенно тэкать, охваченный любовной страстью.

Восток начинал алеть, в воздухе что-то сдвинулось, и над землёй, крадучись, начали расползаться и редеть утренние сумерки. На полянке вдруг появился токовик…

Распушив щитом огромный хвост и вытянув шею, он застыл, приподняв ногу. Потом, гордо выпятив грудь, будто поплыл по насту, как парусный корабль. Вздрагивая бородой и величаво поворачиваясь то влево, то вправо, будто красуясь перед копалухами, глухарь явно вызывал на бой невидимого соперника. И тот незамедлительно появился, слетев с ближайшей ели.

Копалухи же давно прибыли к месту токовища, и находились поодаль от самцов, сосредоточившихся у токовой поляны. Более молодые петухи сидели тихо по деревьям, не смея обозначить своё присутствие, молча наблюдая за происходящим.

Два красавца-великана закружили друг подле друга, потом неожиданно ударились грудь о грудь, и загремели мощными крыльями, так что на снег полетели выбитые перья. И лес очнулся… Глухарки коткали возбуждённо, перелетали с места на место, подбираясь ближе к заветной поляне. Розовая мякоть восхода всё более заливала небо, берёзы тоже зарозовели стволами,

розовыми стали казаться снег и воздух, а тёмно-сиреневые тени быстро сползали на дно лога.

И вот победитель определён. Подбитый петух смешно и торопливо убегает вглубь леса, а к нашему герою тотчас сваливаются откуда-то сверху три переполненные чувствами копалухи. Глухарь тут же начинает их обхаживать, причём, топчет всех трёх, и они не улетают, а наоборот, ластятся, квохчут нежно и страстно, и каждая терпеливо ждёт, когда глухарь окажет внимание именно ей.

Копалухи при этом между собою не сталкиваются, будто не замечают друг дружку. Одна уселась на наст, как на гнездо, вся раздулась, нахохлилась; другая в волнении то побежит по полянке, то подпрыгнет, а то перейдёт на крадущийся, выжидательный шаг; третья, распростёрши крылья, лежит перед петухом, так что он не замедлил взгромоздиться ей на спину и бесцеремонно принялся теребить клювом перья на её шее. Голова у самочки болтается из стороны в сторону, но она всё это сносит, видно, даже получая от такого проявления чувств наслаждение!

И что интересно /это выявилось позже/, молодые петухи, находящиеся в непосредственной близости, за всё время не проронили ни звука, и на глаза не показывались. Зато науку обхождения взрослого самца с самочками, видимо, тщательно запоминали. Только когда всё закончилось, и ярко-красное солнце поднялось над горизонтом, они закопошились и стали тоже пробовать несмелыми голосами роящийся морозный воздух.

А глухарь-токовик словно опомнился, оставил крайнюю глухарку и насторожился, гордо повернувшись к востоку. Потом наклонил голову набок, так что я хорошо разглядел его острый коричневый глаз, и, тэкнув пару раз напоследок, мощно сорвался с места, и вскоре шум его крыльев смолк, будто совсем недавно на поляне ничего не происходило. Следом один за другим /всего я насчитал четырёх/, поднялись молодые глухари. Им сегодня так и не удалось поучаствовать в токовище, но они, несомненно, причастились к древнему таинству продолжения рода, и понесли в себе недостающее знание и опыт.

Я подошёл к тому месту, где сидел глухарь, и не обнаружил на твёрдом насте никаких следов. Лишь несколько выбитых во время драки перьев лежали, темнея, на искрящейся поверхности наста, да маленькое перышко копалухи воздушно покоилось на зернистом снегу. Я поднял его, осторожно положил на ладонь и, полюбовавшись нежно-кремовым рисунком, подбросил вверх. Перышко на мгновение зависло в воздухе, и устремилось в морозную вышину, вскоре затерявшись в тёмных верхушках елей…

Ощущение зверя

На прямом участке лесной дороги, протяжённостью в несколько километров, и в течение почти целого часа наблюдал я как-то медведя. Стоял

конец сентября, всю ночь сеялся занудчивый мелкий дождик, и мишка вышел на дорогу, видимо, под самое утро.

Медвежьи следы были свежие и довольно крупные, с сочно отпечатавшимися в сыром грунте мякишами пальцев. Глядя на них - невольно хотелось улыбнуться. И я, действительно, улыбнулся, когда вышел из леса на дорогу, и увидел голотяпые мишкины следы, что почему-то напомнили мне детство.Таким же непутёвым и милым представлялось присутствие сейчас мишки, будто появившегося из сказки.

Так, до самого родника у заброшенной деревни Новосёлы, и тянулись медвежьи следы. Не сворачивая в лес, медведь исправно обходил все лужи, будто боялся замочить лапы, и мне становилось интересно идти вслед зверю, под дождём, что опять монотонно засеялся и обложил своею равнодушной заботою весь лесной мир.

Чуть бы раньше мне поднять голову, и я бы сразу увидел, как не спеша бредёт медведь по своим делам. Увидел бы, как колышется на нём лоснящаяся от жира шкура, и как он время от времени мотает головой, что-то бурча себе под нос.

Но капюшон плаща, низко надвинутый на глаза, закрывал обзор, и я мог разглядеть только почву у себя под ногами, где между луж хорошо просматривались косолапые мишкины отпечатки с чёткими отметинами острых когтей. Я шёл под мерно убаюкивающим дождём, думал о медведе и немножко ругал себя за то, что вышел из дому слишком поздно, даже не обращая внимания на то, что взрыхлённая от когтей земля не успевает намокнуть.

А медведь, между тем, брёл, не торопясь, прямо передо мной, и никуда не сворачивал. Только где-то через пару километров поднял я отчего-то голову, поправив сползший на нос капюшон, и вдруг увидел впереди медведя. Но медведь, не поворачиваясь, и, скорее всего, чувствуя моё присутствие, будто не обращая на меня никакого внимания. Он также степенно вышагивал по мокрой дороге, покачивая из стороны в сторону круглым пушистым задом, и, кажется, его ничего не волновало.

Нас разделяло, может быть, метров сто. Это меня сразу и обрадовало, и поразило: было приятно вот так, просто, идти за зверем, позабыв обо всём, упиваться этой таинственной лесной жизнью, и чувствовать себя счастливым. Медведь был очень близко, брёл совершенно открыто, действительно, как в сказке или волшебном сне, и я мог хорошо его разглядеть. Тот же медведь, только будто в другой шерсти.

Вскоре лес разделил наши пути, одарив меня таким редкостным соседством, но его было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым. Это ощущение зверя было так удивительно и невероятно, что мне даже захотелось прикоснуться к медведю рукой. Зверь при этом не казался страшным и, главное, недостижимым, он выглядел совершенно доступным. И я поблагодарил лес за радостное ощущение близкого присутствия дремучего зверя, что незаметно стал для меня в это осеннее утро родным.

У полыньи

Зимнее утро было неживым, мглистым. Небо, кажется, всей грудью навалилось на землю, не давая ей хоть сколько-нибудь передохнуть, а воздух неприятно копошился, стелясь меж стволов рваными, тягучими слоевищами, отчего всё время чудилось, будто кто-то бросается к тебе, пытаясь напугать, но, мгновенно отпрянув, тотчас исчезает. И только свежий волчий след спокойно и твердо тянулся вдоль пологого берега реки, растворяясь в густом тёмном ельнике.

Желая посмотреть его выход, я обошел лесок верхом и вскоре наткнулся на уже разгорячённый звериный галоп. Волк, видимо, почуявший меня, уходил на махах через открытое поле к дальним березовым колкам, бесприютно замершим по склонам неглубоких отложков.

Через полчаса, возвращаясь по волчьему следу, я вышел к укромной промерзшей заводи. Под самым берегом в зеленовато-мутном вспузырившемся льду обнаружилась прогрызенная, с изодранными краями полынья. Повсюду валялись смерзшиеся волосяные комки, лед был изрыт когтями в глубокие борозды, а снег вокруг воды был плотно утоптан.

Стояли крепкие морозы, и по тому, как тщательно поддерживалась зверем открытая вода, было ясно, что приходит он сюда не случайно. Подойдя к самому краю полыньи и заглянув в неживую тяжелую воду, я вдруг увидел затиснутую между откосым берегом и льдом бесформенную груду тел, постепенно различив в них разбухших овец.

В деревне мне рассказали, что в самом конце лета коровы, они привыкли возвращаться с пастбища вплавь, увлекли за собой небольшое стадо овец. Овцы, тупо следуя одна за другой, все поголовно угодили в сильный водоворот, он и прибил их под берег, в тихую воду. Холодные подземные источники сохранили мясо, так что оно пролежало до самой зимы, постепенно вмерзнув в полуметровый лед.

Волчица, судя по следу, это была именно она, всю зиму приходила лакомиться бараниной. Со временем ей всё тяжелее было выволакивать одеревеневшие туши наверх, и она, охваченная неукротимо возрастающим раз от раза желанием, разъяренно кромсала лёд острыми когтями. В бессильной злобе от невозможности дотянуться до лакомого куска, волчица, наверное, с нетерпеливым урчанием грызла пресное безвкусное крошево, в отупелом безумии проклиная у этой затерявшейся в лесу полыньи свою вынужденную угнетённость и голодную зиму.

Черный ворон

С еле приметным и неторопливым взмахом крыльев летит над самыми вершинами деревьев ворон, осматривая земную поверхность своим умным глазом. Никто не укроется от этого взгляда, ничто не минует его внимания.

Там, где любая другая птица пролетит мимо, ворон непременно задержится, пока не разберётся в заинтересовавшей его мелочи. Ворону до всего есть дело, в этом его испокон веков им хранимая и никому неведомая суть.

Ворона всякий знает, и стоит ему произнести своё величественное «ка-а-рр...», как сразу же представится одинокая таинственная птица с широким клювом и проницательным чёрным взглядом. При этом невольно поймаешь себя на мысли, что остерегаешься загадочной птицы, хотя непроизвольно и не перестаёшь думать о ней. Ворон привлекает твоё внимание более, чем какая-либо другая птица, именно благодаря своей обособленности и необъяснимой внутренней силе.

Сила эта видна во всём облике птицы, в сказках наделенной способностью предугадывать чужие поступки, прорицая будущее. Кому как не ворону, ещё в древних сказаниях, было присуще особое видение, благодаря ему он признавался самым ближайшим родственником нечистой силы. Жуткий страх нагоняла на людей его чернота, а зловещий клёкот был сродни загробному плачу! Всяк ворона боялся, уступая ему дорогу, ведь встреча с ним предвещала беду.

Вид ворона свидетельствует о глубоко скрытой в нём загадке природы, которую сам он, кажется, давно разгадал. Перья на нём лежат почти всегда так гладко, что ворон, кажется, словно вылепленным из какого-то удивительного природного материала, таинственно отливающего мягким металлическим блеском. Во всём его облике чувствуется слитность и нерасторжимость каких-то простых природных законов, по которым создана эта птица. Сидя неподвижно, он сливается со всем, что его окружает, но если обладать правильным видением, ворон хорошо заметен. Когда же птица парит над лесами, она на своём месте, там, где кроме неё никого не должно быть.

Само имя птицы уже представляет ворона в истинном смысле. Ворон... Нечто древнее, раздумчивое и неспешное в своём загадочном восприятии мира. А ещё - в молчаливой посадке на вершине ели, и в отрешенном величественном парении.

Глядя на полёт ворона, всякому становится ясно, что это не стоит ему ни малейших усилий. Полёт его более похож на полёт хищной птицы, чем на полёт родственных ему ворон, галок и грачей. Он может бесконечно долго парить, описывая огромные круги, и его сильно расширенные крылья и хвост при этом ни разу не шелохнутся. Ворон наслаждается своим полётом, неспешно пролетает его до самого конца, как будто выпивает все встретившиеся ему воздушные потоки, но не пьянеет.

Ворон - крупная птица, в три раза больше голубя, а клюв острый и мощный. По земле ворон шагает медленно и важно; чаще же его можно застать парящим над лесом. Он очень осторожен, ко всему присматривается и прислушивается.

Живёт ворон в старых хвойных лесах, но ему нравится, когда встречаются полянки и опушки, над которыми можно летать, чуть обозначая себя: вроде бы, ворона нет, но он здесь и замечает каждую мелочь. В этом суть

ворона, чтобы всё видеть и быть невидимым, а его чёрный цвет как будто дополняет лесной, тёмно-зелёный.

Жизнь ворона хорошо угадывается, если представить себя в лесу сплошь чёрным. Черны твои глаза, перо, лапы, крылья, но не мысли. Просто мысли живут сообразно тому, что делает в тёмном лесу чёрное тело. Тело ворона - душа леса, поглощающая его темноту. Человек же только заглядывается на диковинную чёрную птицу и силится понять: зачем она нужна?

Ворон живёт затем, чтобы всё видеть, слышать, чувствовать и есть. Обычно к добыче, которую находит один ворон, слетаются другие, и все вместе её поедают, тем самым помогая лесу, где нет места нечистоплотности и смраду. Ворон - верный блюститель лесного порядка.

Вот ворон усядется на верхушку ели, прокрункает зычно и громыхнет крылом... Вороново крыло всё черное, лоснящееся, словом, отражающее чёрную птичью масть, и ведь нет в лесу такого чёрного зверя, чтобы взял на себя всю чёрную лесную суть. Суждено это птице, именно ворону, и ворон, по-вороньему скрытно и привлекательно, несёт в себе свой дар. Быть чёрным – его исконная природная привилегия, и он её замечательно исполняет.

Увидишь ворона, одиноко сидящего на дремучей ели, и сразу проникнешься к нему уважением. Вся согбенность его плечистой чёрной фигуры вызывает только удивление, даже, отчасти, испуг. Ворон - это какая-то особая чернота, повергающая в изумление своим диковинным для леса глубинным отливом.

Вороной – значит, сплошной чёрный, но вот что необыкновенно: в этой черноте ясно угадываются чёрный массивный клюв, чёрные предплечья, крыло, хвост, лапы и чёрный глаз! Всё чёрное, но в отдельности имеющее свою отличительную черту, присущую только этой части тела рельефность, позволяющую ей не затеряться. И вместе всё смоляное, глубокое, живущее этой своей чернотой, что, скорее, завораживает, чем пугает.

Из всего вороньего племени, именуемого в народе «чёрным вороньем» и включающего в себя ворона, ворону, галку и грача, ворон ставится наиболее высоко. Благодаря своему чёрному, «зловещему» виду ворон с незапамятных времен обратил на себя внимание человека как птица загадочная, и оттого послужил предметом разных суеверий и сказок. Но «чёрная» слава об этой птице идёт среди людей неспроста.

Несмотря на то, что ворон считался птицей вещей и мудрой, за ним замечалась склонность к воровству. Уверяли, что ворон, как и ворона с сорокой, уносит к себе в гнездо ценные и блестящие вещи. Ворон, говорили, упрятчив: что ни утащит, всё схоронит.

Ещё до сих пор, особенно - в сельской местности, встречаются люди, которые считают, что карканье ворона не сулит ничего хорошего. Раньше крестьяне думали, что в образе ворона летает сам чёрт, поджигает крыши, наносит людям всякий вред, поэтому вороньего карканья боялись. «Всякому б ворону на свою голову каркать», - высказывались об этой птице, ожидая от неё одни только беды. Когда хотели посулить кому-либо что-нибудь очень

дурное, то говорили: «Чтоб на тебя ворон каркнул!»

Ворон всегда был олицетворением смерти. «Как ворон, крови ждёт», «Спроважу, куда ворон костей твоих не занесёт», «Смерть чёрным вороном влетает в окошко», «Ворон каркает на церкви - к покойнику на селе, каркает на избе - к покойнику во дворе» - всё это очень распространённые в народе поговорки, и воспринимались они как нечто неоспоримое.

В давние времена существовало поверье, будто дурные священники после смерти превращаются в ворона. Того, кто отправлялся в дорогу, непременно наставляли: «Не начинай пути, если увидишь в небе одиноко летящего, как бы заблудившегося ворона, постигнет неудача!» Даже надоевшую всем ворону превосходил ворон чернотой своих замыслов: «Ворон каркает к несчастью, ворона - к ненастью».

О конской масти, сплошной черной, говорили, что она вороная, бедовая. Игра в ворона заключалась в том, что мать прикрывает детей, а ворон хватает их. И опять же: «Вороных лошадей под жениха с невестой в свадебном поезде не берут». Этой воронёности в народе всегда сторонились и опасались, суеверно связывая с чернотой только что-то худое.

А нет бы, восхититься этой ночной глубиной! Ведь когда ворон, сгорбившись, сидит на вершине дерева - он красив и статен. В нём необыкновенно занимает именно темнота этой непостижимой природной глубины, которая, только на первый взгляд, просто черна, без единого светлого пятнышка. Она будто заостряет на себе внимание, и в тоже время - растворяет его. Нужно посмотреть на ворона пристальнее, с глубоким уважением к этой птице, и тогда будешь очарован его простой, бесконечной красотой.

В июньском лесу нередко попадается красивое растение вороний глаз, как будто излучающее волны таинственности. Увидев его, почему-то сразу представляется ворон, что смотрит на тебя из зеленых зарослей загадочным чёрным оком, в нём есть нечто гипнотическое. Будто это древние силы леса наблюдают за тобой исподтишка, провожая испытывающим чёрно-фиолетовым взглядом.

Древним считается и сам ворон, живущий, по преданию, триста лет. А всё оттого будто бы, что питается одной мертвечиной. Он является прообразом ветра - Стрибожьего внука, и, как говорится в старинных сказаниях, не только «приносит бурю» на своих чёрных крылах, а и «воду живую и мёртвую». Есть у воронов свой царь-ворон, и сидит он, говорят сказки, в гнезде, свитом на семи дубах.

Петь ворон не умеет, а только каркает, потому что, по древней легенде, его создал злой дух. Однажды ворон не мог отыскать себе пищу, не утерпел и съел умершего человека, за что Бог повелел ему отныне питаться мертвечиной. «Будешь подбирать только останки погибших зверей и птиц», — молвил он птице, и будто бы сделал её чёрной. С тех пор ворон добыть себе для пропитания ничего не может, поедает лишь падаль, и хоть очищает тем землю, но среди людей имеет худую славу. Может быть, именно поэтому

держится он обособленно, порождая своим скрытым образом жизни рассказы, почти всегда подёрнутые мрачной тайной.

«Три человеческих да три лошадиных жизни переживает ворон, а всё ему мало», - говорят о нём в народе. Ворон - птица, о которой упоминается в священном писании: «По прошествии сорока дней (после того, как ковчег остановился на горе Арарат) Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил ворона (чтобы видеть, убыла ли вода с земли), который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды. Потом выпустил от себя голубя...».

В народной легенде про это рассказывается подробнее. «Когда после потопа вода начала убывать, Ной послал ворона искать землю на юг, но ворон, вопреки повелению, улетел на запад и не вернулся; затем Ной послал голубя на восток, и он, полетавши там, принёс землю; Ной за это полюбил голубя, а ворона стал ненавидеть. Голубю за послушание дал место около строений и определил ему питаться зернами хлебных растений, а ворону приказал жить вдали от жилья человеческого и питаться мертвыми телами. С тех пор и живут голуби около домов, а вороны — вдали от них».

С детства мы верили во всё, что связано с этой птицей. Такими выразительными представлялись сказки, поверья, пословицы и, вообще, всякие разговоры о ней. Как и многие другие дети, я любил, затаив дыхание, слушать рассказы бабушки о волшебном вороне, но больше всего меня поражала бабушкина соседка, живущая от неё через два дома: это была страшная сгорбленная старуха с большим горбатым носом, напоминающая чёрную птицу.

Старуха эта одевалась всегда одинаково - платок, пиджак, юбка и сапоги на ней всегда были чёрного цвета. Она никогда ничего не говорила, а только по-птичьи кивала головой, слушая бабушку, и этим вызывала у меня ещё больший страх. Держась за бабушкину руку, я то и дело норовил спрятаться за её платье, но старуха-чернявка как будто нарочно склоняла надо мной свою носатую голову и, молча, рассматривала своими маслянисто-чёрными круглыми глазами. Бабушка, казалось, ничего не замечала, и от этого старуха пугала ещё больше. Всё чёрное, воронье в своей маленькой жизни я связывал именно со страшной соседкой, а бабушкины рассказы о сказочной птице только подливали масла в огонь.

Птица народных поверий не давала покоя и в зрелые годы, мне всегда хотелось узнать правду о ней, отделив, наконец, истину от легенды. Поначалу я думал, что всё это очень просто сделать: достаточно застать где-нибудь недалеко от деревни или в лесу стаю кружащих воронов, и многое из их жизни сразу станет понятным.

На самом деле ворона не увидишь так легко и часто, как обыкновенную ворону, он - отшельник наших лесов, что живёт в уединении, обособленно ото всех. Самый крупный из врановых, ворон - пустынник среди птиц, будто удалившийся от суетного мира в дремучую лесную обитель. Но, как говорится, «кот Евстафий в отшельники ушёл, да оскоромился мышкой». Так

и ворон: несмотря на своё привилегированное положение, он очень неприхотлив, и ест решительно всё, что только мало-мальски съедобно, подбираясь иногда близко к жилью.

В добывании пищи ворон нередко становится дерзок и кровожаден, никто из мелких зверей и птиц не застрахован от его нападений. Тут достаётся всем: от крошечной мыши - до бедолаги зайца. Особое лакомство ворона составляют только что народившиеся птенцы, чьё мясо для него, наверное, необычайно нежно на вкус.

Но ещё более, чем птенцы, яйца птиц и прочая живность, ворона привлекает падаль: он её на удивление быстро находит в лесу. Можно только удивляться чутью и обонянию этой птицы, когда она разыскивает погибшее животное! Вероятно, помимо чутья ворону помогает в этом и чрезвычайно острое зрение. Завидев падаль, ворон долго кружит над ней в воздухе, тщательно осматривая окружающую местность, и опускается на землю, только убедившись в отсутствии опасности.

Ворон необычайно умён, и ум этот отражается именно в его чёрных глазах, в той удивительной проницательности, с какой он исследует окружающую обстановку. Застать ворона врасплох весьма сложно: он никогда не поддастся даже на очень тонко подстроенный обман.

Своей осторожностью ворон, кажется, превосходит всех остальных птиц. Он невероятно предусмотрителен и, прежде чем садиться, тщательно облетает всю округу, выискивая малейшую опасность. Завидев человека даже на значительном расстоянии, он тотчас улетает, а если человек приближается к его гнезду, ворон бросает насиженное место.

В древности ворон считался самой умной птицей из всех. Старый ворон, говорили про него в народе, не каркнет даром: либо было что, либо будет.

Ворон преисполнен величия, когда неспешной поступью расхаживает по земле и, высоко подняв голову, озирает всё вокруг своим пристальным взглядом. Величествен ворон и в полёте: поднимаясь на значительную высоту, он медленно проплывает достаточно большое пространство, не шевеля крыльями. В парении своем он не похож на обычную ворону, что перемещается над лесом как-то взбалмошно, порой невпопад отмахивая бесконечные вёрсты. При этом ворон нередко издаёт далеко слышный крик: «крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н», напоминающий колокольный звон, что настораживает тебя в ожидании чего-то неизвестного, большого.

А вот когда он неожиданно переворачивается в воздухе на спину, из его горла разносится более округлый, но какой-то загадочный клёкот: «клонг, клонг, клонг». В такие моменты кажется, что в вороне просыпается нечто неведомое ему самому, а может, птица, таким образом, более благоприятно усваивает пищу, прочищает горло или вовсе тешится впустую. Одно ясно: ворон без этой воздушной эквилибристики обойтись не в состоянии, потому как повторяет подобные движения довольно часто. Вероятно, они доставляют ему удовольствие.

По всему видать, ворон - птица необычная, что проявляется и в её брачных играх. Первые брачные игры у чёрных воронов начинаются ещё в январе, когда другие птицы и не помышляют о каком-либо оживлении. В фиолетовом небе над фиолетовым лесом кувыркаются два ворона, и их гортанный клёкот гулко разносится на всю округу.

Морозен зимний день, всё наглухо засыпано снегом и подвержено ему, а ворон плавно поднимается в холодную вышину, без устали машет чёрными крыльями и восклицает что-то восторженное: всё ему нипочем! Странно, но кажется, что это - живая душа, ничуть не замерзая, радуется ранней любви, клокочет и рвётся к только ей одной видимому свету.

Всё выше и выше взбирается ворон в пустынную высоту, что отзывается ему проникновенной тишиной, и неожиданно бросается в свободное падение, так что захватывает дух. Ворон летит вольно, широко, с каким-то неудержимым размахом. Глядя на него, восхищённо думается: вот-вот птица сорвётся, не вынесет ледяных воздушных струй...

Но нет, через мгновение ворон замирает и вновь медленно навёртывает круги, поднимаясь ещё выше, а достигнув какой-то невидимой точки, с переворотом на спину ухает вниз, через пару секунд молниеносно выправившись и успевая издать свой гортанный звук: «крун-дон-н, крун-дон-н, клонг!» До чего проникновенно слышать эту лесную музыку, до чего хорошо парить вольной птицей!

Зависть круче мороза сковывает тогда твоё воображение, так что тоже хочется взлететь над лесом, закувыркаться, разверзнуть холодящее пространство пронзительным криком. Зябко и приподнято становится на душе, и представляешь себя уже не чёрным вороном, а неведомой белой птицей, вещающей только радость.

Расчерчивая крылами немеющее от холода пространство, вслед первому весеннему вестнику, самцу, всплывает к облакам ещё одна чёрная птица - его пара, и также стремительно, с разлёту, сшибается со студёным ветром. То вверх, то вниз, то с криком, то молча, летит она навстречу ещё не проснувшейся весне, и словно будит её: так уверен и трепетен её зов. «Крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н-дон-н, клонг», - звонко разносится в необозримой вышине голос необыкновенной птицы, что будто бы отчего-то предостерегает...

Забытым посреди зимы хмурым днём нечаянно обнаружишь в лесу такую птицу - и сразу почувствуешь, как тебе повезло. Оттого, что она одна в эту холодную пору вознамерилась провозгласить любовь, не испугалась, не остереглась, а восторжествовала. И всё это происходит у неё с настроением, легко, ещё более наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти, как утверждают народные поверья, чудеса эти негаданно выплывают по её сокровенным волнам из непостижимой древности, и лес как будто оживает, возвращаясь к временам своей далёкой молодости.

На самом деле ворон живёт семьдесят - восемьдесят лет, никак не триста, но даже этого возраста ему хватает, чтобы создать себе репутацию птицы,

повидавшей виды и очень мудрой. Цвет воронова крыла - это обгорелое полено, побывавшее под дождём и жирно поблескивающее серебристыми переливами, как бы отражая его внутреннюю таинственную суть. Если ворон будет сидеть неподвижно, его несложно принять именно за такую головёшку.

Обгорелость чувствуется не только в облике птицы, но и во всём её поведении. Люди, звери и птицы ровно боятся вороньего цвета или, по крайней мере, опасаются его, а ворон смотрит на всех свысока, и в нём будто ничего не происходит. Только ветер перебирает на спине смоляные перья, шевелит такую же угольную подпушь...

Ворон, ворон... Сколько он всего видел и пережил, ни с кем не делясь, а только накапливая неведомое богатство! Но нет, невозможно держать в себе так много и долго всё увиденное, когда-либо не перегорев. Ворон и перегорает, подтверждая, тем самым, свою неприкаянную суть и горелый цвет, оставаясь большей частью угрюмым, и, как может, освобождается от пережитого в высоком отрешённом парении, отдавая себя на волю неудержимым воздушным струям.

Может быть, ворон хочет разгадать какую-то тайну и не в силах этого сделать? Или ищет зорким глазом нечто заветное, знакомое только ему? Наверное, он читает известные одному ему тайные знаки природы, иначе бы был ли ворон самим собой?

Да, каким бы цветным и радостным ни воспринимался мир, ворон, должно быть, так и останется чёрным. Но вот чувствует ли он себя в нём чужим? Пожалуй, нет... Ворон мудр, и много раз видел, как жизнь тоже темнела. Он готов ко всему и понимает, что без его черноты никогда не будет света.

С мудрой печалью во взгляде поворачивает ворон к жизни свою чёрную голову, какой-то миг пристально всматривается и, взмахнув черными крыльями, плавно взлетает. Без всяких усилий набирает он высоту, плывёт над землёй величественно, и там, в вышине, оглашает округу пронзительным клёкотом.

Отрешённо кружа над еловыми гривами, ворон медленно уменьшается, становясь еле различимой точкой, а затем и вовсе скрывается за облаками. Он успел разглядеть всё, что ему было нужно, и, охладев, горделиво взмывает в недоступное для всех пространство, как бы в отместку за недоброе к себе отношение. Возносится, преисполненный свободой, презрев чужую ограниченность, но мир без него уже не кажется таким прекрасным.

Заячья забава

Редко когда что-либо встреченное в лесу, пусть даже самое невероятное, сразу просится на бумагу: обычно лесные рассказы долго и терпеливо выхаживаются, а затем ещё и вынашиваются в себе, и только потом воплощаются в жизнь. Встретится ли тебе медведица с медвежатами, посчастливится ли подглядеть катающуюся с горки выдру, - всё увиденное

должно быть постепенно пережито и осмыслено. Ещё не раз столкнёшься ты и с медведями, и с выдрами, и с другими зверями, пока выложится закономерная цепочка в восприятии природы и откроется занимательная картинка из жизни леса. Лес не терпит в себе чего-либо сиюминутно восторженного, прямо и скоро бросающегося в глаза, а предпочитает терпеливое вглядывание и неутомимость.

Однажды, зимним днём, я застал зайцев за забавной игрой: они теребили торчащий из-под снега рогоз. Рогоз — это растение, которое обычно нарезают в конце лета, после похода в лес за грибами или ягодами, и везут целыми пучками в город для украшения своих квартир. Его бархатные, темно-коричневые набалдашники хочется потрогать рукой — такие они приятные на ощупь. Не покидает желание непременно владеть ими, положить на грибы в корзину, а потом поставить дома в красивую вазу и вспоминать лес, жёлтое болото у самой дороги и умиротворенное августовское небо.

Зайцы, наверное, оттого и обратили внимание на рогоз, что зимой любят ложиться в мелкий тростник у занесённого снегом болотца, из которого обычно и торчат одиноко его коричневые верхушки. В таких местах, что располагаются в низинке, меньше задувает, да к тому же - хороший обзор. Заяц всегда увидит или услышит приближающуюся к нему опасность, и успеет предпринять необходимые меры. Сидит в самой серёдке и шевелит ушами: никто его не видит, а он всех примечает.

Зимой под снегом не найти зеленых побегов, и приходится зайцам питаться горькой осиновой корой да жёсткими ветками. Самая вкусная молодая кора и сочные тонкие ветки высоко, их не достать, и оттого живут косые в начале зимы впроголодь, обгладывая снизу грубую, чёрствую кору. Гложут её и ждут, чтобы навалило больше снега, и можно было подобраться к нежным верхушечкам.

Снег падает на ветки деревьев и кустов, пригибает их к земле своей тяжестью, и они становятся доступными для зверей. В иной год, обильный на снег, отдельные деревца даже ложатся на землю, а некоторые и вовсе ломаются: вот уж когда зайцам раздолье! Получается: чем больше снега зимой, тем зайцам лучше.

Заяц ест траву, грызёт таловые прутики, любит полакомиться свежими всходами овса и зерновых. В зимнюю пору, когда меню его не отличается разнообразием, он интересуется и торчащими из-под снега коричневатыми головками рогоза. Все травянистые растения скрыты глубокими сугробами, осиновая кора надоела, а тут привлекательные на вид плоды, вот их зайчишка с удовольствием и объедает.

Свидетельство тому - часто встречающиеся по зиме обгрызенные стерженьки рогоза, одиноко торчащие на ветру. Вокруг них всё бывает истоптано, а снег обильно усыпан серо-зелёными катышками заячьего помета. Чем здесь мог заниматься заяц, если только не жировать?!

Легкодоступные, так как растут на болотистых местах открытых полянок и просек, и хорошо приметные на белом фоне, верхушки рогоза не могут быть

не замечены зайцем. Обнаружив объеденные стебельки, сразу воображаешь, как, смешно вздёргивая зад, косой вприпрыжку передвигается между ними, замирает, а потом, зажав аппетитные верхушечки передними лапками, разгрызает их. Делает он это, наверное, основательно, не торопясь, и выглядит при этом очень забавно.

Я решил докопаться до истины, просмотрел всю имеющуюся у меня литературу о жизни зайцев, их повадках, но нигде не встретил упоминания о том, что забавные зверьки используют в пищу именно рогоз, может быть, он содержит для них немало полезных веществ. Вернее всего, зайцу становится просто скучно и, наевшись под утро осиновой коры, он сам придумывает себе в унылую зимнюю пору незатейливую забаву и неприхотливо тешится ею. Ведь разгрызенный пух в обилии устилает снежную поверхность, он остаётся не съеденным, и странной представляется мысль, что заяц питается рогозом: кроме этого пуха зимой в его плодах ничего не остаётся! Нет, ближе к весне заяц, наверное, скорее играет, а всё остальное занимает его уже не так серьезно.

Вот бы увидеть зайца, когда он это делает, думаю я. Себе на потеху и белому свету на диво, рассказав потом своим знакомым, как заяц сидит на задних лапках и, подобно медведю, играющему на лучине старого пня, трогает верхушку рогоза, словно струну. Лёгкая позёмка разносит пух, а заяц смотрит на него и тихо радуется, вспоминая золотую летнюю пору, когда ласковый ветерок так же легко раздувает пушистые семена одуванчиков, и они разлетаются повсюду. Скорей бы лето, смекает, наверное, заяц: много шелковистой травы, цветов и вкусных молодых всходов!

Забава не даёт зайцу скучать и увеселяет его, когда всё кажется пустым и безынтересным. Она — утешение от безделья, занятие от скуки в заснеженном лесу, где за долгую зиму всё порядком надоело. Вот зверю и хочется поиграть, тем более - такому оживлённому и подвижному, как заяц.

Ребёнок играет куклой, кошка — мышью, взрослые — в карты, а всякий досужий человек захвачен любимой мечтой. Но чем позабавиться такому занятному зверьку, как заяц? Забава, говорят, для ребёнка, но заяц и есть дитя, взлелеянное лесом, и только лес в силах подарить ему какую-либо незамысловатую радость, на которую, кроме зайца, никто и не позарится.

У нашего молодца, подшучивали над кем-нибудь в народе, нет забавам конца. А много ли их у зайца? Весной, к примеру, зайцы играют в догонялки, когда начинают ухаживать за длинноухой красавицей, и показывают ей свои возможности. Они без устали носятся друг за другом, привстают на задние лапки, а передними барабанят, что есть мочи, в грудь соперника. Выглядит всё это очень забавно.

Зайцы устраивают соревнование по прыжкам, и в своей безудержной весенней беготне вдруг неожиданно замирают, а потом прыгают через межу — кто дальше? Но терпения на прыжки у них не хватает, и они вновь принимаются носиться, Зайчиха же, тем временем, уже милуется в стороне с каким-нибудь косым.

В зайцах много энергии, и они без устали могут веселиться так целые сутки. В конце февраля или в начале марта часто можно услышать неподалёку от деревни их боботание: так отмечают зайцы свои весёлые свадьбы.

Когда стаивает снег и полянки покрываются молоденькой шелковистой травкой, зайцы любят покувыркаться на ней, понежиться на солнце. Они с отупелым восторгом резвятся, могут пробежать прямо перед твоими ногами, заверещат, и тут же присядут. Зайцы будто сходят с ума в эту восторженную пору, и часто бывает нелегко разобрать, когда заяц играет, а когда шалеет от весны.

Летом, по заверениям знатоков, зайцы, проигранные одним лешим другому в карты, начинали не на шутку беситься: они ошалело сновали из колка в колок, устраивая в лесу невообразимую кутерьму. Ведь вся сила у зайцев в ногах, без них им не то что играть, а давно бы пропасть: «Поневоле заяц бежит, когда лететь не на чем». В эту пору ягодникам и грибникам ходить в лес не советовали, связывая с заячьей суетой и бесовские игры. В народе верили, что заяц сотворён чёртом и служит ему передовым.

Ещё замечали, что летом зайцы любят сидеть в грибных местах: при сборе людьми грибов они, бывает, выскакивают прямо из-под ног и, что интересно, не убегают стремглав, а держатся неподалеку. Иногда они даже запрыгивали в корзину с грибами, как будто играя, чем полностью смущали крестьян, и те, в свою очередь, связывали с этим действие нечистой силы. Но особой игривостью зайцы отличались, всё же, весной, часто забывая при этом вести себя настороженно.

Осенью зайцы тешили себя тем, что то и дело перебегали дорогу. Особенно этим славились листопадники — зайцы последнего в году приплода, что появляются под самую осень. Ещё неопытные и бестолковые, они не в силах были переждать в кустах проезжающую мимо телегу, срывались в нетерпении и прямиком шпарили через дорогу под носом у возницы, который провожал взбудораженного косого залихватским свистом. Меж людей велось поверье, что, увидев зайца, перебегающего дорогу, надо было из повозки выкинуть клок сена, в этом случае заяц будто бы возвращался, и беда отступала.

Словом, во все времена года заяц находил для себя возможность порезвиться. И если у него такое поведение складывалось в силу обстановки, а не его игривого характера, то это никак не умаляло склонность зайца к забаве. Ну, а чем же заняться зайцу зимой, в самой её глуби, когда она уже порядком всем надоела?

Если представить себе хмурый февральский лес, то, на первый взгляд, в нём нет ничего, что бы могло заинтересовать зверьков, кроме осиновой коры и занесенных снегом ивовых кустиков. Да и те, впрочем, не всегда отыщешь. Вокруг - сонное безмолвие, однообразная белая тишина и наметённые горы сугробов. Впору забыть обо всём и залечь, как медведь, в спячку, но зайца ноги кормят, и ещё - неунывающий дух.

Это только старый, говорят в народе, хочет спать, а молодой — играть.

Старым в лесу можно представить себе лося, кабана или медведя, они в эту пору действительно малоповоротливы, но не зайца, что, кажется, всегда молод. Заяц не устаёт играть, ибо в этом его суть. Он не в силах долгое время находиться без движения, и всегда ищет, чем бы ему поживиться или как себя занять.

Весёлость, по-моему, состояние духа зайца, вопреки установившемуся мнению, что он трус и постоянно трясётся. Одна из русских поговорок не зря отвергает боязнь зайца, приписывая ему, скорее, благоразумие и осторожность: «Заяц не трус, а себя бережёт». Зайцу только на себя да на Бога надеяться — ни от кого ему защиты ждать не приходится, и потому трусость зайцу только мешает. Не будь он всегда весел, несмотря на все беды, заячье племя уже давно прекратило бы своё существование.

У зайца, как ни крути, веселый нрав, а его, известное дело, не купишь. В весёлый час даже и смерть не страшна, и заяц хорошо это, наверное, знает. Есть у него время плакать, есть - и веселиться, но весёлому, как говорится, жить хочется, помирать не можется, и ничего зайцу не остаётся, как радоваться.

Радость зайца в том, что он любит, а любит он немного: в суровую пору сладкую яблоневую кору поглодать, да звездной ночью с другими зайцами хоровод поводить. В радости зайцы друг друга ищут и, разыскав, все горести забывают. Радость по радости — заяц с приятелями, но хоть и прост этот зверёк, а знает, что по две радости в один день не бывает, и сам себе только на радость никто не живёт.

Рад заяц и тому, что весна настала: появилась свежая зелёная травка, подул душистый и тёплый ветерок, запели птицы... Кто чужой радости не рад, тот сам себе враг, и заяц рад и за весну, и за саму природу. Это только, на первый взгляд, кажется, что заяц радуется самому себе, на самом деле он, похоже, радёшенек за всех.

Конечно, радость зайца порой выражается бестолково, но откуда взяться большому толку в невеликом зверьке? Был бы корм и чистая водица, а всё остальное само приложится. Оттого зайца легко обрадовать, так же, впрочем, как и напугать. Всё в этом незлобивом зверьке располагает к симпатии и доверию.

Веселье, говорят, лучше богатства, и хоть за весельем горесть ходит по пятам, и то правда, что терять зайцу нечего. Всё самое дорогое находится при нём: пушистый хвостик, называемый в народе «цветком», зимняя теплая шубка и возможность вот так, позабыв обо всём, отдаться вольной игре, за которой всякий увидит, чего заяц стоит. По народным поверьям, цена зайцу — две деньги, зато бежать — сто рублёв!

Но какова игра, таков и выигрыш! После всего этого представления зайцу только утеха остаётся, что устроил он себе, хотя бы на миг, лето, окунулся в его беззаботное лоно и обо всём позабыл среди скучной зимы. Та не игра, говорят, что взаправду пошла, ну, а где же правда в заячьей забаве?

Одно лишь облегчение, что для зайца выше всякого смысла в его

непростой лесной жизни. Того и гляди на зуб волку или рыси попадёшь, но косой не унывает — знай, играет! Игра, как говорится, потеху любит, и заяц, несмотря ни на что, в своей нелёгкой жизни её находит.

Мы, люди, привыкли узнавать друг друга в игре да в дороге, и как нам не разглядеть в бесстрашном зайчишке, когда он играет посреди дня, сообразительного и неунывающего удальца! Снег белый, он сам тоже белый — чего же ему бояться? Только угольки глаз да кончики ушей весело мелькают на ослепительном лоне зимы, и заяц знает, что немножко рискует, а всё равно безоглядно отдаётся своей игре. Разве его за это осудишь?

Хочется зайцу потешить себя в суровую долгую зиму, но когда заяц гуляет, он и ещё кого-нибудь кроме себя потешает. Отправится человек в зимнюю пору в лес за сеном или дровами — и натолкнётся на играющих зайцев. Позабыл он за своими нескончаемыми заботами обыкновенную радость, а зайцы ему про неё напомнили. То-то человеку отрада!

Вспомнит он вдруг за этой звериной утехой и свои зимние праздники, воспрянет духом и улыбнётся. Осторожно отводя рукой еловую ветку и посматривая на зайцев, всерьёз задумается: чего же ему на самом деле недоставало? Может быть, вот этой возможности находить, видеть и радоваться?!

Господин дятел

Дятел - хорошо заметная, простая и всем знакомая в лесу птица, не лишённая завидного благородства. Того самого благородства, что определяет присущие сему состоянию черты и поступки, дарованные Богом, и так получилось, что дятлу были отпущены только благородные, потому как польза, приносимая этой замечательной птицей, и манера держаться, всегда настороженная и вместе с тем возвышенная, наверное, и обусловили её высокое имя «господин». Кстати, в народе оно чаще всего употреблялось, как вежливое упоминание или обращение.

Не купец, не дворянин, а своему дому господин, живёт дятел в нём, то есть - в лесу, исправно и со знанием дела. На Руси говорят, что господин - кто за многих один, и, конечно, это в полной мере относится к дятлу. В самом облике дятла чувствуется строгость и какая-то глубокая порядочность, что так напоминает нам добрую господскую косточку, а ещё - чувство собственного достоинства от совершаемого труда. Дятел - истинный работяга, и очень горд этим, но не кичится, перед лесом, своими заслугами, и лишь торжествующим возгласом «кви-вик» напоминает, что каждому в лесу следует, не покладая сил, трудиться на всеобщее благо.

В этой работе дятел очень аккуратен, подтверждая тем свою благородную сущность. К слову сказать, он никогда не разбрасывает раздолбленные шишки по лесу, а сносит их обыкновенно на одно и то же дерево, служащее ему как бы верстаком. Удобнее устроив шишку или орех в подходящую щель, дятел усердно орудует клювом, выедая питательные семена, и затем сбрасывает на

землю.

Часто в лесу натыкаешься на целые кучи раздолбленных сосновых и еловых шишек, напоминающие об озабоченной птице. Как будто кто-то неведомый пришёл, сложил их заботливой рукой и неслышно для всех удалился. Это - знаменитые дятловы «кузни», что завораживают основательностью, с которой дятел их обустраивает.

А вот летают дятлы неохотно, как будто понимая, что созданы для иного, но очень быстро, желая, наверное, поскорее оказаться там, где они нужнее всего. Полёт у них тяжелый и, одновременно, стремительный: птица делает резкий взмах крыльями, что поднимает её ввысь, затем складывает их и стремительно, словно брошенное копьё, пролетает некоторое расстояние, быстро теряя высоту, затем вновь взмахивает крыльями, и так до тех пор, пока, наконец, не усядется на какое-нибудь дерево и не возобновит работу.

В основном дятлу приходится летать от дерева к дереву, то есть - на расстояние в несколько шагов, и потому это скорее перепархивание, чем полёт, в нём всегда угадывается вынужденное напряжение, как будто лететь ему не хочется, и он летит только потому, что надо. Но в те моменты, когда дятел взмывает после очередного взмаха крыльев, он словно вспоминает о своей возвышенной сущности и, кажется, стремится хотя бы на короткий миг побыть птицей, которой просто и замечательно летится.

Своеобразен и брачный полёт дятла, что сразу становится понятным, если хотя бы раз его увидел. Так не летают, да, видимо, и не могут летать другие птицы. Вот когда открываются его самые красивые и яркие перья, что растут у птицы под хвостом! Поставив хвост торчком, и распушив ярко-алое подхвостье, дятел летит, словно по натянутой струне, часто трепеща крыльями, и ты уже не знаешь, чего ещё ожидать от этой птицы.

Но на самом деле дятел, как добропорядочный семьянин и гражданин леса, живёт размеренной оседлой жизнью. Ему нет нужды улетать в тёплые страны, и кочевником его также назвать нельзя. Дятел придерживается той части леса, где находится его гнездо, и тщательно следит за тем, чтобы деревья в охраняемой им вотчине не болели.

Во всём облике дятла видна обстоятельность, когда он усядется, расщеперив узорчатые крылья, на ствол, упрёт в него свой многоступенчатый упругий хвост, и давай пробовать дерево на звук. Шею изворачивает, мелкой дробью кору на клюв пробует, и как будто прислушивается: тут ли зловредный червь? Ну, чистый доктор!

Являясь грозой для жуков и короедов, дятел - птица очень миролюбивая, хоть и не весьма общительная. К обществу даже себе подобных дятлы не тяготеют, но и ссор не затевают. Не любят дятлы «водить компанию», а знай, только работают лесу на радость да другим пернатым на утешение, и ничего за это не требуют. Доброму, как говорится, забота не в тягость, а только в удовольствие.

Именно поэтому, наверное, дятла и величают «великодушным». Мало того что он долбит многочисленные домики, которые используют другие

певчие птицы, так он ещё и щедро им их уступает, тотчас принимаясь за изготовление новых. Синицы, мухоловки, горихвостки, вертишейки должны быть благодарны дятлу за то, что он снабдил их тёплыми и уютными квартирками, что оберегают их в лютые зимы.

Дятел удивительно благороден. Совместно с самкой, в течение десяти - пятнадцати дней, он неустанно готовит гнездо для будущих птенцов, помогает их впоследствии высиживать, а когда на гнезде находится мать, никуда не улетает и ночует по соседству в прошлогоднем гнезде или нарочно выдолбленной «спаленке», причём, спит в висячем положении, прицепившись лапками к отвесной стенке. Он не может допустить, чтобы его подруге и птенцам было неловко, нехорошо, и всеми силами старается обустроить их уют.

В общем, в отличие от других птиц, многим людям совсем неизвестных, дятел действительно всем хорошо знаком, и его благородная суть ни у кого не вызывает сомнений. Он, может быть, именно поэтому и должным вниманием обделён, поскольку прост по своей замечательной сути. Все привыкли видеть его поблизости, за работой, и уже, кажется, не обращают на него никакого внимания. Но не меркнет слава дятла для любознательного человека, охочего до лесных загадок. Оттого человек, наверное, и величает эту птицу «господином», что вызывает она только уважение.

Прозвище «господин» напрашивается и из-за её оперения, напоминающего фрак. Таков большой пёстрый дятел, что наиболее распространён в наших лесах, и оперение его под стать именно господскому: щегольский чёрный сюртук, белая манишка, на шее - нечто вроде бабочки. Вылитый джентльмен, призванный не только охранять жизнь леса, но и украшать его.

Впрочем, и другие дятлы, хотя и окрашенные иначе, имеют такое же благородное платье. Самый крупный из них - желна, никогда не снимает с крутых плеч свой чёрный смокинг. Только строгость и тайна в его настороженном облике, когда он неожиданно и бесшумно появляется где-нибудь поблизости. Несмотря на темноту, которой дятел овеян в народных сказаниях, он вызывает уважение этими загадочными передвижениями по лесу. Особенно если присаживается на шероховатый ствол старой ели, широко взмахнув чёрными крыльями, как фалдами своего одеяния, и замирает в горделивой позе, навостря свой рассерженный жёлтый глаз.

Зелёный, или, как его ещё называют, седой дятел удостоен пепельно-оливкового камзола цвета молодой весенней листвы. По всему видно, что дятел вовсе не гордится им, а просто носит, за что-то дарованный ему лесом. Это даже, скорее, изысканный зелёный плащ, легко перехваченный у горла и так же ненавязчиво ниспадающий по его округлой, чуть вытянутой фигурке. Хотя дятел и не придает ему значения, увлечённый охотой за любимыми муравьями, чувствуется, что он не забывает о том, какой он, всё-таки, благородный и красивый.

Жизнь белоспинного дятла связана больше с березняками, и потому он

имеет раскраску, близкую берёзовой коре. У белоспинного дятла - будто мантия магистра на плечи наброшена для какого-то торжественного момента, он уже давно закончился, но птица её почему-то не снимает. Скорее всего, дятел не может прекратить свою любимую работу, желая оставаться при этом и незамеченным, и неотразимым.

Есть ещё и трехпалый дятел, у него тоже, как и у белоспинного и большого пестрого, на плечи накинуто что-то вроде строгого пиджака - опрятного, подчеркивающего деловитость птицы и её аккуратность. Даже буровато-чёрные пестрины, непритязательно разбросанные по нему, не означают безвкусицу и не портят первого впечатления. К тому же, жёлтая шапочка на темени дятла отличается редким изяществом и скромностью, что в полной мере можно отнести к этой обаятельной лесной птице.

Вообще, все дятлы, хотя и принадлежат к одному семейству, имеют самую разнообразную одёжку, и в каждом из них она отличается рабочей строгостью и не теряет элегантности. Облюбовав какую-либо сосну или ёлку, птицы в скором времени могут переместиться на березу, осину и даже, может быть, ольху, но на коре всех этих деревьев они должны оставаться невидимыми. Ведь по одёжке, утверждают в народе, протягивай и ножки, а она у дятла куда как не самая последняя!

Рад дятел, что нажил себе такой знатный кафтан. Правда, он, наверное, и не замечает дарованной ему одёжки, потому как весь в заботах. Шишку разбитую надо отнести, новую принести, дупло выдолбить, птенцов выкормить, другие деревья проверить - дел у него невпроворот! Разве разглядишь за всем этим свой наряд?! И вот именно поэтому кафтан дятлу скроен точь-в-точь по его плечам, чтобы дятел не отвлекался от работы, было ему удобно, а выглядел бы он всегда молодцом!

Не зря у дятла кафтан ещё и с подкладкой, чуть виднеется из-под хвоста розовато-алый подбой, будто спелая заря, с рождением которой он уже начинает свою бесперебойную долбёжку. И если о человеке говорят, что его сначала по платью встречают, а по уму провожают, то дятла рады принимать и по тому, и по-другому. Когда житьё у кого скупое, то он и платье носит худое, чего не скажешь про дятла, что по достойному труду и платье имеет заметное.

Дятлы постоянно заявляют о себе голосом. Издавая призывный крик, они, очевидно, извещают соседей о месте своего пребывания. Так, например, большие пёстрые дятлы, что держатся обычно поодиночке, издают короткий и высокий выкрик: «квик-квик». Чаще всего дятел повторяет его, сидя на вершине сосны или ели, реже - на каком-нибудь лиственном дереве, и разносится он в течение всего дня.

Но самый голосистый, пожалуй, чёрный дятел, или, как его ещё называют, желна. Огромный, с алой шапкой, он то и дело перелетает над опушкой, вытянувшись в воздухе наподобие чёрной лодочки, и кричит одинаково часто как осенью, так и весной. Обычно желна последовательно издаёт два звука: первый - громкий протяжный возглас, выражающий неизъяснимую тревогу, даже плач: «киу-у, киу-у, киу-у», а второй - резко

прерывающееся и очень зычное вскрикивание: «крю-крю-крю-крю, крю-крю-крю-крю-ю». По голосу всегда можно довольно точно определить, какой это дятел, куда он летит и где сделал остановку.

Несмотря на свой достопочтенный вид, дятел очень забавен и имеет довольно-таки весёлый характер. Конечно, особенно утонченных манер от него ожидать нельзя, всё-таки у дятла привычки лесного жителя, призванного выполнять «чёрную» работу, но своим опрятным обликом и образцовым поведением он производит очень привлекательное впечатление. Кто бы мог пожелать, чтобы дятлов не было, и они исчезли из наших лесов? Уже один их голос, что напоминает громкий хохот и разносится далеко по лесу, звучит замечательно весело, и потому не мудрено, что дятлы принадлежат к одним из наиболее любимых человеком птиц.

Но голос у дятла не единственное средство звукового выражения его весеннего возбуждения. Дятел ещё и великолепный музыкант, что тоже получается у птицы достаточно возвышенно и громогласно. Когда приходит весна, по лесу разносится торжественная барабанная дробь, которой дятел возвещает о своём чувстве. Это громкий раскатистый звук, возникающий от частых ударов клювом по сухому стволу или суку. При этом отдельные удары, составляющие дробь, хорошо различимы: они следуют один за другим со скоростью более десяти раз в секунду, и вся дробь звучит как долгое раскатистое «трр-р-р-р-р-р-р-р-р», затухающее в конце.

Чем меньше дятел, тем меньше ударов он совершает за одно, и то же время. Например, желна ударяет клювом очень размеренно, степенно, а у малого пестрого дятла удары сливаются в сплошную трескотню. Интервалы между ударами бывают настолько малы, что звук воспринимается как трель, громкое и раскатистое лесное эхо, проникающее в самые глухие уголки.

Дятлы намеренно выбирают «барабан» с наиболее сильным резонансом. Постучав сначала по одному суку, потом по-другому, третьему, они затем чаще всего играют именно на том «инструменте», который позволяет производить самую громкую трель. Когда дятлу попадаются консервные банки на дереве, он использует даже их. Конечно, каждый сук или банка звучат по-своему, но это не мешает птицам находить друг друга: тут важна продолжительность звучания.

А ещё дятел-самец издаёт подобные звуки для того, чтобы доставить удовольствие самке. Барабаня по суку, он вызывает на бой других самцов, которые, услышав этот звук, прилетают издалека, чтобы сразиться с соперником. Подражая этому звуку, можно, наверное, легко подманить к себе много дятлов, а слышится он в лесу на расстоянии целого километра.

Дятел в лесу будто запевала многоголосого лесного хора, к нему прислушиваются все птицы, и как только он начнёт - принимаются на разные голоса прославлять весну. Правда, голос дятла, на самом деле, просто барабанная дробь от частого удара его мощного клюва по сухому суку, но воспринимается всеми обитателями леса именно как песня. Да дятел и сам, наверное, думает, что поёт, оглашая лес звонко разносящейся трелью.

Барабанную трель дятла не перепутаешь с другой птицей, она - очень своеобразна. В её простом ритме сотни оттенков, что разносятся самыми непредсказуемыми мелодиями по всему лесу. Как наши ноты рождают удивительные звучания, так и трель дятла неповторима по многообразию музыкальных переливов. Стоит, хотя бы раз, оказаться в весеннем лесу, лучше - утром, и ты будешь очарован ими.

Сначала дятел, как дирижёр перед оркестровой ямой, на мгновение замрёт, сосредоточится и, осмотревшись, ударит первый раз, так что лес загудит, заволнуется и окончательно проснётся. Лес для него - это торжественный концертный зал, необычайно проникновенное пространство, где воплощаются в жизнь все его восторженные задумки. Он счастливо может выражать себя в них, наслаждаться ими и, призывая поклонниц своего таланта, то есть – самок, в тоже время дарит обитателям леса ощущение прекрасной нескончаемости от их великого дома.

Таким возвышенным и проникновенным образом дятлы выражают свои чувства, и если они не особенно хорошие певцы, то многие из них, зато, оказываются великолепными виртуозами по части инструментальной музыки. С самого рождения жизнь дятлов вращается преимущественно около дерева, и потому становится понятным, что ксилофон является их любимым инструментом, на нём они с большим желанием и начинают играть весной. Тот, кто часто бывает в лесу, всегда обратит внимание на эту музыку, естественно принимая её за любовную серенаду дятла, но долгое время в народе считали, что она является предзнаменованием дождя. В этой странной привычке пользоваться сучком как музыкальным инструментом хорошо угадывается утонченная натура дятла.

Благодаря ей дятел, наверное, и не преминёт воспользоваться любым подходящим для этого предметом, чтобы выразить все устремления своей маленькой, но возвышенной души. Если представить себе какое-нибудь волшебное дерево, увешанное чудесными сосудами или игрушками, дятел, должно быть, непременно воспользуется ими и попробует на звучание. Такая основательная, всё примечающая и свободная птица не может не заинтересоваться чудесными вещами, будучи сама неподражаемой и чудесной.

Рассказывают, будто бы дятлы даже научились раздалбливать шире леток в скворечню, устраивая в ней зимой свою постель. Ко мне в огород тоже повадился большой пёстрый дятел, но скворечник он, слава Богу, пока не тронул, а вот дом, кажется, во всех углах простучал. И все это опять же без спешки, с толком, хоть и в непосредственной близости от человека.

С точки зрения его «господского» положения в лесу дятлу подобное поведение, вроде бы, не пристало, но моё присутствие его ничуть не смущает. Хлопнет дверь - дятел тотчас перелетит на черёмуху, свесится боком и, кося одним глазом на вход, уже выуживает личинок с дерева, а как только всё успокоится, он опять что-то выискивает на стене конюшни. Дятел, говорят, никогда не натыкается, и что же на него обижаться, если он от жуков-

древоточцев дом оберегает?!

Правда, в старину, смотря по тому, что он клюет, делались разного рода предсказания. Например, если весной дятел долбил по преимуществу изгородь, то наступающее лето обещало быть червивым, если стены холодных строений, это предвещало много мышей, а вот жилые помещения - к смерти одного из членов семьи. Когда дятел настукивал в переднем углу дома, это означало смерть самого хозяина!

Но что поделать - дятла нос кормит, и от него он пропадает, так как по далеко слышному в лесу тюканью дятла его и находят хищники. Кабы дятлу не свой носок, никто бы его в лесу не нашёл!

Да только кому может помешать дятел, поскольку стукотня его вовсе не надоедлива. Пожалуй, она более умиротворяет, нежели вызывает раздражение. Вроде бы, размеренная, работа дятла даже отличается восхитительным остервенением!

Да, у дятла завидный жизненный настрой, с ним он всегда нацелен на работу: ни хмурое небо, ни надоедливый дождь не в силах вогнать его в тоску. Это присуще лишь избранным, потому как ко многому обязывает. Дятел с лихвой оправдывает силу, благосклонно вложенную в него природой, и всегда держится молодцом. Сколько деревьев ему надо осмотреть, чтобы найти то место, где под корой поселились жуки и личинки!

Дятел невероятно трудолюбив и при этом очень внимателен к тому, что он делает. Часто можно видеть, как он, не переставая, долбит дерево, весь день озабоченно перебегает по его стволу, что-то внимательно высматривает, настороженно оценивает и вновь принимается за работу. Всё он делает очень основательно, и не раз перепроверив.

Клюв дятла, несомненно, одно из главных его достоинств. Но как приспособить его к господскому званию птицы? Клювом дятел долбит дерево, выдалбливая дупло для гнезда, которым пользуются многие птицы, и уже тем подтверждает свое благородство. Клюв служит дятлу и «музыкальным инструментом»: им он стучит весной по сухому суку, извлекая похожие на барабанную дробь звуки, и эта «весенняя песня» дятла, обращённая к даме сердца, выказывает его не только истовым музыкантом, но и истинным джентльменом.

Вдобавок, дятел - искусный акробат, ему позавидует любая птица, обитающая, как и он, в среднем пологе леса. Помогают ему лапки с острыми когтями, причём, два пальца выдаются вперёд, а другие два обращены назад. Ловкое лазание по деревьям обеспечивает дятлу и упругий хвост, на который он удобно опирается, передвигаясь по стволу скачками. Скачки дятел может совершать вверх, в сторону, и часто перемещается по стволу винтом.

Эта неспешная, даже размеренная манера дятла передвигаться по деревьям очень в нём привлекает. Хвост же играет настолько важную роль и несёт такую большую нагрузку, что за год стирается на одну десятую часть. Но никто этого не замечает: на всеобщее обозрение дятел выставляет только всё самое броское и лучшее, показывая тем свой изысканный вкус.

Его милая приземистая фигурка то и дело мелькает между стволами деревьев. На вид строгий, по-деловому озабоченный, но не замкнутый, дятел вызывает уважение своими постоянными перемещениями по лесу. Он действительно кажется очень озабоченным, когда, как доктор больного, «прослушивает» дерево, и в тоже время дятел открыт, для всех доступен.

Дятел не боязлив и всегда галантно выдерживает паузу, прежде, чем ретироваться. К нему, как правило, можно подойти достаточно близко, порой почти вплотную, и он не выкажет особой боязни или настороженности. Даже тогда, когда птице грозит опасность, она не спешит улетать. Так, прислушается, взглянет чёрным глазком, склонив голову набок, и продолжит свою стукотню. В крайнем случае, перелетит на соседнее дерево и вновь огласит лесную тишину барабанной трелью: дятел весь в работе!

Заметив обычно приближение человека, дятел как бы непреднамеренно, ничем не выдавая того, что заметил опасность, переползает, продолжая что-то искать в неровностях коры, на противоположную сторону ствола и, поднимаясь по стволу вверх, лишь изредка выглядывает из-за него, будто невзначай наблюдая за человеком. Если попытаться обойти дерево, то птица опять переместится так, что между ней и человеком окажется ствол. Если человек попытается приблизиться к птице, она перелетает на соседнее дерево, выражая неудовольствие громким резким вскрикиванием. «Квик-квик, клек-клек-клек-клек-клек», именно так дятел передает свое негодование по поводу того, что его всё-таки оторвали от неотложного и очень важного дела, а он, со своей стороны, проявил достаточно терпения, пока его не лишился.

Как тут не позавидуешь его способности сосредоточиться, не упуская при этом связи с окружающим! Времени даром не теряет, но и примечает всякую мелочь. Быть внимательным и вдумчивым наблюдателем скрытой от глаз жизни леса - его замечательное предназначение. Дятел не может позволить себе расслабиться хотя бы на минуту, а если такое случается, то только весной.

В эту восторженную для всех пору дятлы как будто сбрасывают на время свои благородные фраки и становятся какими-то оголёнными. Целыми днями они без устали носятся друг за другом между деревьями, пронзительно вскрикивают и, кажется, вот-вот сойдут с ума от охватившего их возбуждения. Весь год: и в снег, и в мороз, и в осеннее ненастье, они самозабвенно работали, добросовестно исполняя свою лесную службу, а теперь словно опомнились и … очумели. Где их хвалёная выдержка, достоинство и гордость?! Дятлы превратились в обыкновенных птиц, охваченных весенним возбуждением.

Но простим их и вспомним себя, когда приходит весна... Не теряем ли мы, как дятлы, голову от ощущения непередаваемой свободы?! Помним ли, что происходило с нами, и отдаём ли отчет всем своим переживаниям?!

Весна безудержным и радостным ветром охватывает нас и, оторвав от земли, так же неугомонно возносит в сияющее небо, а мы не в силах противиться ей. До благородства ли тут, когда в лесу всякой твари по паре:

бравый косой бесстрашно отправляется на поиски зайчихи, мудрый лисовин с замиранием сердца подбирается к своей огнеподобной и лукавой красавице, чутко улавливает носом желанную медведицу недавно поднявшийся из берлоги медведь... Вот и дятлы, вконец одурев, устраивают свою весеннюю кутерьму.

А как дятел оживляет лес зимой, когда он пустеет и в нём уже не слышно радостных песен! Сладостный зимний сон сковал всё живое, улеглась даже безудержная вьюга, что намела за ночь горы сугробов, а под утро выдохлась, и только дятел, не обращая ни на кого внимания, размеренно долбит старую берёзу, и звук от этих ударов отражается от стволов по всей роще: «тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук...».

Всё, что слышит ухо в зимнем лесу, это только дробный перестук дятла. Стукотня дятла выводит из охватившего зимнего оцепенения, постепенно отрезвляя и в тоже время приятно озадачивая: как же неугомонна эта птица, что не успокаивается даже в такую глухую пору! Зимой удары дятла в лесу звучат особенно хорошо, хотя и не так громко, как весной.

Будто неведомый старичок-лесовичок ходит меж берёзок и ёлочек, ударяет своей лёгкой колотушкой по стволу, проверяя его на звучность, но особо не шумит. Этот лесной сторож знает, где и как стукнуть, чтобы дерево отозвалось серебряным звоном. Ведь как стукнешь, так и отзовётся, а дятел впустую стучать не станет, потому как всех, если захочет, перестучит: и стука, и работы у него вволю!

В народе про дятла бытовала такая история. Когда Бог задумал моря, реки и родники, он поручил эту работу пташкам небесным, и все за неё дружно принялись, кроме дятла: он будто бы по своему упрямству Божьему повелению не подчинился, отказавшись выкапывать земные водоёмы вместе с другими птицами. Господь, чтобы наказать дятла, запретил ему пить из них воду и приказал довольствоваться только той водой, что во время дождя с неба падает, и дятел должен ловить её в воздухе, как сумеет. Оттого-то дятел и кричит всегда перед дождем.

Среди людей существует ещё такое поверье, по которому дятел будто бы знает способ вызывать дождь. Для этого ему только стоит разбросать муравьиную кучу. Вполне возможно, кто-то когда-то примечал, что так оно и было, но нам-то сейчас доподлинно известно, как охочи до муравьев дятлы, в особенности зелёный, или, как его еще называют, седой.

Дятел долгое время терпеливо сидит на ближайшем от муравейника дереве и ждёт, когда муравьи вытащат своих куколок просушиться. А как только это произойдет, поедает их, ловко слизывая своим длинным клейким языком. Суть приметы, по-видимому, кроется в том, что чуткие насекомые угадывают скорое приближение сырости и прячут яички в муравейник. Дятел же, не желая обременять себя ожиданием и стремясь быстрее полакомиться, разбрасывает муравьиную кучу, и вскоре начинается дождь.

Вообще-то, про дятла в народе ходит сравнительно немного рассказов, причём, почти все они вращаются вокруг его свойства долбить дерево.

Известно, что дятел, подолбив дерево с одной стороны, тотчас же перелетает на другую, там подолбит, и опять обратно. Это объясняется тем, что, потюкав дерево, он спугивает насекомых, гнездящихся в расщелинах коры, и те перебираются на противоположную сторону, где дятел их ловит, повторяя такой приём постоянно. В народе в этой особенности видели то, что дятел летит на другую сторону, чтобы посмотреть, не прошел ли насквозь его клюв.

Обычно я отношусь к таким историям очень терпимо, ибо все они больше слагаются из любви к лесу, рядом с которым всегда жил русский человек, чем ради пустого краснобайства. Все эти неправдоподобные рассказы про годовалого медведя-пестуна, что помогает медведице нянчить её несмышленышей, или про глухаря, что будто бы он не топчет копалуху, а продолжает свой лесной род с помощью разбрасываемой им слюны, которую она сглатывает, - больше вызывают улыбку, чем неприязнь или справедливое возмущение.

Вот, к примеру, ещё одна легенда про дятла, что бытовала раньше среди крестьян. Согласно ей дятел - птица скорее зловещая, утверждали они, нежели приносящая удачу, и своим стуком предвещает несчастье. Во многих местностях дятлу приписывалось свойство находить некую разрыв-траву. Поверье гласило, что дятел знает такую траву, что может отомкнуть всякий замок, и чтобы отнять у дятла эту траву, нужно найти его гнездо и заткнуть вход деревянными колышками. Дятел сперва попробует силу своего клюва, чтобы проникнуть в гнездо, а затем полетит и принесёт добытую им разрыв-траву.

Под деревом, где находится его гнездо, нужно расстелить красный платок. Дятел примет его за огонь, разложенный под деревом, и упустит на него траву, сказочное зелье, от которого не только замки и запоры распадаются, но и клады даются. Самому обнаружить эту траву очень не просто, потому как цветёт она только в полночь на Иванов день, и держит цвет не долее, сколько нужно, чтоб прочитать «Отче наш», «Богородицу» и «Верую». Разрыв-трава обладает неимоверной силой, и если бросить её в кузницу, уверяли старики, то кузнец даже не сможет работать.

Раньше о дятлах говорили и писали только доброе, что отличало их как главных хранителей леса. «Лесной доктор», «музыкальных дел мастер», «лесной кузнец» - всё это очень справедливые и меткие прозвища, действительно отличающие дятла как истинного врачевателя, непревзойденного исполнителя самых необыкновенных лесных звучаний, старательного и вдохновенного мастера. Не зря издревле замечали, что для того же лесничего дятел, как собака для охотника.

Но сейчас о дятле, несмотря на все его благородные свойства, стали появляться довольно противоречивые мнения. Чаще всего такое: труженик-то он, вроде бы, большой, зато семян сосны и муравьев поедает изрядно, а это уже не на пользу лесу. Или ещё по-другому: хорошо, когда еды в лесу вдоволь, но вот если ее мало - дятлы, ко всему прочему, будто бы начинают хищничать: раздалбливают летки у многих синичников, вытаскивают оттуда птенцов и

убивают их.

Особо же сердобольные не упустят случая упомянуть о якобы нездоровой тяге дятлов к целительному берёзовому соку: нередко можно обнаружить, что нежная береста пронизана аккуратными рядами маленьких дырочек, что как будто окольцовывают ствол, и это, мол, небезопасно для жизни дерева. Да что с того, если семья дятла лакомится по весне сладким берёзовым соком? Он не только приятен птицам на вкус, но ещё и витаминное лекарство после их самоотверженной работы на благо леса в течение всей холодной зимы. Разве много среди лесных обитателей таких, что приносят одну только пользу?!

Нет, даже когда дятлы долбят сухое дерево, когда спасти его уже невозможно, они всё равно делают нужное и важное дело: избавляют лес от вредителей, что стремятся перейти на здоровые деревья и погубить их. Усердие дятлов не знает границ там, где они достают вредителя из глубины ствола, а не только из-под коры, то есть оттуда, где яды не смогут достичь вредное насекомое. Что же касается дупел, то и здесь только польза.

Во-первых, дятлы выдалбливают их в старых и сухих деревьях. Во-вторых, дуплами этими пользуются только один раз, оставляя потом другим птицам, когда они часто страдают из-за отсутствия подходящих для гнездования мест. Кстати, зимой дятлы часто сдирают ударами клюва кору с зараженной личинками короеда ели, что позволяет другим зимующим птицам поедать этих личинок. Дятел очень выручает голодающих птиц, и, наверное, никто не видел его хотя бы однажды скучающим.

Теперь доподлинно известно, что дятел долбит только заражённое дерево. Последовательно простукивая его с разных сторон, он запускает в проделанные маленькие отверстия длинный клейкий язык - гарпун с зазубринкой на конце, выуживая оттуда не только личинок, но и взрослых короедов. Дятел не терпит суеты в этом ответственном для всего леса деле, и сосредоточен до предела. Словно господин со своими безропотными подданными ведёт себя дятел, нисколько не задумываясь об их судьбе. Всё существо птицы направлено на то, чтобы выискивать необходимый ему корм, выуживать его из-под коры и тотчас поедать.

Как крепко прилепляется дятел к стволу дерева, без которого просто не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждёт, когда птица подлетит, присядет на ветку и тщательно прослушает его. Дерево замрёт на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если птица улетит, облегчённо и с благодарностью вздохнёт. Дятел ничего не обнаружил, и оно может продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на душистом ветру.

Скучно без дятла в лесу, пустынно и грустно. Приятно любоваться этой живой птицей, наслаждаться её присутствием, переживать маленькие лесные события. Хорошо думать под размеренную дятлову стукотню, когда сидишь, скажем, на крыльце лесной избушки и вслушиваешься в пробуждающуюся весну.

Вообще, дятел - необыкновенная птица, и ты никогда не ведаешь, что от

него можно ожидать в следующий момент. Вот, например, совсем недавно я узнал, что в Сибири в лютый мороз птица прыгает с высокого дерева в глубокий сугроб, зарывается с головой в рыхлый снег и отсиживается там всю ночь в относительном тепле, наподобие рябчиков и тетеревов. Ну, это ли не свидетельство того, как непредсказуем и занимателен дятел!

Слово «господин» происходит от слова «Господь» - наш Всевышний Владыка, Бог, Создатель… Господь, что богатит и высит, ублажает и смиряет. Слава ему, что белый свет наш открыл, подарил удивительный мир птиц, зверей и растений!

«Господином» чествуют людей по званию и должности, по их великим заслугам. А разве дятел не достоин такого обращения за свое благородное усердие?! Дятел необыкновенно украшает наши леса, поражая всех достоинствами, за которые и получил среди лесного люда, не шибко падкого до красивых слов, высокое и уважительное прозвище «господин».

Сам себе господин, с честью служит дятел и великому батюшке-лесу: крепок в делах, верен в помыслах. Служит - не угождает, превыше всего ставит в лесу порядок: на то ему и Господня воля. Не по дому господин, говорят среди людей, а дом по господину, и это, в первую очередь, относится к дятлу, который обустраивает его в лесу по своему образу и подобию на славу!

Заячьи свадьбы

Каждую весну, не в силах сдержать взволнованного ожидания, отправляюсь я в лес, и он не перестаёт одаривать меня незабываемыми откровениями. Жадное сердце торопится вдохнуть проникнутый забытыми ароматами воздух, разгорячённое воображение охватывают восторг и смятение, а ноги сами несут к заветным полянам, где одурманенные весной зайцы устраивают под вечер свои неугомонные свадьбы.

Солнце клонится к западу, и будто ещё теплее становится вокруг. Уже издали замечаешь, как белеют на опушке затаившиеся в своей тихой радости живые пушистые комочки: это – зайцы. Мягко вздрагивающие уши то появляются, то исчезают за холмиками свежей травы. И близко зайцы, а не достать.

Но не одолевает сердца эта их недосягаемость, потому как знаешь: стоит подойти поближе и немного подождать, и зайцы вновь выбегут на поляну. Если сидеть в лесу неподвижно, то звери вовсе перестают замечать тебя. Только в весеннюю пору можно подсмотреть жизнь животных, обычно скрытую от глаз человека, недоступную для него.

Первый заяц проковылял мимо меня в двух шагах и, усевшись неподалеку, стал с аппетитом объедать молодую зеленую травку. Розовый нос его чувственно шевелился во все стороны, и когда зайчишка поворачивал голову к солнцу, то казалось, что лучи пронизывают нос насквозь, наполняя его таким же нежным розовым соком.

Вскоре за спиной послышался шорох, и через минуту на полянку выбежал ещё один косой. Он чутко прислушивался, настороженно вздрагивал всем телом, а его тёмно-карие выпуклые глаза отражали в заходящих солнечных лучах невероятно таинственную жизнь, хоть постоянно и хоронящуюся, но в чём-то непреклонную, присущую только зверю. Наверное, эта жизнь устала от вынужденного напряжения и, не в силах ничего изменить, оставалась для леса не доброй и не злой, а просто, по обыкновению, неприхотливой и дикой в своей скрытой от людей очаровательной незатейливости.

Встрепенётся в ветвях тревожный ветерок, вскрикнет где-то неведомая птица или прошелестят в воздухе чьи-то упругие крылья — и насторожится зайчишка, сожмётся в трепетный комок: вот-вот выпрыгнет его сердечко на весеннее раздолье. А может, мне это только кажется, и заяц, охваченный весенней радостью, на миг погружается в свое тихое заячье счастье, ничего не замечая вокруг. На зайцев весной словно находит что-то такое, с чем они совладать не могут, и они обо всём забывают.

Ещё стоят крепкие мартовские утренники, а неподалеку от деревни, с утра и до позднего вечера, уже слышно заячье возбуждённое боботание: «бо-бо-бо, гу-гу-гу, бо-бо-бо, гу-гу-гу, бо-бо-бо-о, гу». «Бо-бо-бо, да гу-гу-гу, не проговаривайся никому», а заяц ровно и не помнит себя в этом самозабвенном весеннем забвении, без опаски оповещает всю округу о своих спутанных чувствах. Добрая свадьба, замечали в народе, неделю празднуется, у зайцев же она, почитай, с февраля по май длится!

Когда говорят, что вор как заяц: и тени своей боится, то это никак не относится к зверьку, когда он охвачен любовной страстью, хотя и то верно, что весной заяц на слуху сидит. Вроде бы, место у зайца тут, а его нет: пляшет косой, подпрыгивает, одним словом, беса тешит. Хорошее слово лежит, худое - бежит, в зайце же по весне, кажется, ничего хорошего нет: одна безтолковая блажь, что не позволяет ему посидеть спокойно минутку.

Но дурень дурню розь, коли весна на землю пришла, и если не красен в эту пору у зайца бег, зато — здоров. Засиделся он зимой в густом чапыжнике, надоела ему зима — мочи нет! Заенька, миленький, поскачи, у тебя ножки больно хороши!

Любят зайцы эту весеннюю пору, и всегда выбегают на освещённые солнцем поляны, чтобы посидеть на них, погреться, пощипать только-только выбивающуюся травку. Белые, в тёмно-пёстрых и коричневых пятнах, они кажутся такими доступными, что никак не можешь к этому привыкнуть. И даже когда проходит весеннее очарование, ты ещё долгое время не в силах прийти в себя, нет-нет, да и вспоминая встречи с этими милыми существами.

В глубине зимы, когда леса наши покоятся под снежным покровом, заяц бывает совершенно белого цвета, так что его трудно отличить от снега, только кончики ушей остаются черными. Но уже с марта месяца, благодаря действию весеннего солнца, в цвете его шерсти происходит замечательная перемена. Прежде всего, сереет спина, а на боках начинают проявляться неопределенные

пятна и крапинки, число которых с каждым днём увеличивается. Заяц становится похожим на какого-то диковинного и лёгкого зверька, подаренного весной людям.

Вместе с одежкой меняются в эту пору и повадки зайцев. На протяжении большей части года они ведут себя очень осмотрительно, но весной благоразумие покидает их. Бывает, весь день носятся они по угодьям в поисках пары. Зайчиху преследуют обычно несколько зайцев, и так этим увлекаются, что подпускают совсем близко, а то и сами набегают чуть ли не вплотную.

Как только какая-нибудь парочка находит друг друга, между ними начинается любовное заигрывание: оно заключается в бегании большими кругами и сидении на задних лапах. Только самый быстрый и ловкий заяц добивается внимания длинноухой красавицы. Другие зайцы при виде счастливца бесцеремонно спешат оттереть его от самки или, по крайней мере, помешать ему на время наслаждаться, и дело в таких случаях не обходится без драки.

Борьба самцов бывает очень забавна: они бесстрашно бросаются друг на друга, упираются лапами в лапы, затем разбегаются в стороны и садятся столбиками. А потом с разбегу опять устремляются навстречу один другому, кувыркаясь по мягкой траве. Кажется, будто зайцы сбегаются со всей округи, так их бывает много, громко лопочут, стучат лапами о землю, приподнимаясь и смешно прискакивая.

Выбирая какую-нибудь одну поляну, зайцы из года в год неизменно посещают её, если их не тревожить. Поляна эта, вроде бы, самая обычная, она ничем не отличается от других, что находятся рядом, но зайцев привлекает именно это место, будто оно заколдовано. Только на ней они окончательно теряют голову, без толку бегают взад-вперёд, и в народе об этой поре в заячьей жизни судачили так:«рубль бежит, а десять других догоняют». Много к зайчихе зайцев сватается, да только одному она достается.

Отдохнув на ласковом солнышке, мои зайцы тоже забегали маленькими кружками один за другим, присаживались глубоко в травку, как будто ненадолго затихая, и вновь начинали свои забавные игры. Я сидел неподвижно, наблюдая за ними. Незаметно ускользал тёплый весенний день. Может быть, на какое-то время он замирал от переполнявшей его жизни, и затем опять тихо струился над оживающей землёй, уплывая и растворяясь в розовеющем свете исчезающего за горизонт солнца.

Неизвестно, сколько длился этот безмятежный покой, и я даже не помню, что чувствовал тогда, о чём задумывался. И никак не могу вспомнить теперь, будто то был сладкий и неприкаянный сон, что может присниться только один раз в году, весной.

Ещё долго вслушиваюсь я в неохотно укладывающуюся вокруг жизнь. Но вот гаснет последний отблеск зари, смолкли дрозды, да и зайцы мне порядком надоели. Поднялся я, и зайцы, как будто им самим давно эта беготня наскучила, тут же убежали в лес.

Возвращаясь в холодеющих сумерках домой, я про себя улыбаюсь и никак не могу забыть их трепетные розовые носы, чуть вздрагивающие, готовые бесконечно вдыхать долгожданные запахи пробуждающейся земли. И ещё - мягкие уши, их хочется подержать в руках, чтобы заяц не испугался и не разозлился, а только замер, не шелохнувшись, чтобы было слышно, как ударяет в его груди взбудораженное весной маленькое упругое сердце.

Лесной архимандрит

Имена многих зверей и птиц несут на себе отпечаток их характера, повадок и даже отражают суть зверя. Зачастую своё прозвище зверь получает лишь за какую-нибудь одну, совсем не выражающую его привычку: как медведь за любовь к меду, тогда как все остальные его склонности, может быть, более предпочтительные, остаются в тени.

Если имя зверя при этом оказывается достаточно поэтичным, то оставленным без внимания достоинствам приходится потесниться. Ведь медведь, которого древние славяне именовали «ортоксом», может с таким же успехом называться «малиноедом» или «топтыгиным». Но они остановились именно на «медоуеде» — звере, поедающем мёд, впоследствии — «медведе», потому как видели в этом ещё и забаву, некоторую симпатичную черту животного.

Медведю в народе дано много бранных, милых и почётных прозвищ: лесник, лапистый зверь, ломака, костоправ, Топтыгин, косолапый, куцый, мохнач, лешак, черная немочь, лесной чёрт, мишка, мишук, Потапыч, сморгонский студент и, наконец, лесной архимандрит… В старину медведей учили плясать, да, продевши кольцо в ноздрю, на цепи по деревне на потеху водили. Дорого это ученье медведям доставалось, хотя плоды от него не они получали: медведь пляшет, цыган деньги берет. Обучением медведей разным штукам в то время занимались преимущественно в местечке Сморгон Виленской губернии. Там был, как тогда его в шутку называли, медвежий Сморгонский университет, а отсюда прозвище — «сморгонский студент».

Но по благоволению лесного бога и благодаря приметливости людей медведю из всех этих имён более подходит «лесной архимандрит», он — самый главный в лесу, нет ему равных по силе, уму и своеобразию, и только медведь ведает то, чего никакой другой зверь ведать не может. Ведает — значит, знает и, конечно, хранит в себе всю вековую мудрость леса, а если порой и не выявляет её, то только потому, что благородного сана.

Народ относился к медведю всегда с уважением, считал его очень умным и величал почтительно - Михайло Иваныч. По деревням бытовало убеждение, что даже думать о медведе худо не следует. Тем более, хвастаться встречами с ним, ибо он всё слышит, хотя его вблизи и нет, всё помнит и не прощает. Верили, что медведь умён как человек, и если не говорит, то потому, что не хочет. Утверждение, будто медведь силён да не умён, и только, знай, прёт на рожон, верно лишь когда человек не оставляет ему выбора.

В просторечии ум нередко принимает значение воли, и это как нельзя лучше подходит к медведю. Она у него на свой лад устроена, так же, как и царь в голове. Медвежий ум — не односум: он обычно своё говорит, а хотение своё.

Быть всегда в полном уме для медведя скорее в тягость, но лишиться его совсем, даже при той недюжинной мощи, какой зверь обладает, он не в силах — лесной бог не позволяет. Выражение «взбрело на ум» удивительно точно отражает состояние именно медведя, когда его никто не тревожит, и он предоставлен самому себе.

При всей своей необычайной силе и скрытом уме, медведь, однако, скорее трусливое животное, нежели нацеленное на вызов и бросок, как это заведено у волка или рыси. Врасплох, говорят, и медведь труслив. Но раненый или рассерженный, он очень опасен, и горе тому охотнику, что попадётся ему в лапы. Если и удастся спастись, так долго будет помнить: кого медведь драл, тот и пня боится.

Особенно опасен, по поверьям охотников, сороковой медведь, на нём нередко и опытные таёжники плошают, он, как известно, охотника калечит. С медведем встреча в лесу всегда возможна, даже, когда вовсе не за ним идут. В народе не зря молва идёт: и по заячьему следу можно добраться до медведя. А бывает, что от волка бежишь — на медведе споткнёшься.

Медведю в лесу дана крепкая власть надо всем, что сокрыто под его пологом. Он — владыка лесной, верховный настоятель птиц и зверей, и толочь воду на воеводу никому из них не пристало. Лесное дело не велико, да медведь-воевода крут: как придёт, так и калачи привезут, а ежели кто ослушаться вздумает, того он в один мах переваляет. Медведем быть, как говорится, без мёду не жить.

Про медведя ещё можно сказать и такое: не грешно, что дано, но что силою взято, то всё равно не свято, ибо не в силе Бог, а в правде, которая заключена в том, что без медведя нет лесной чащи. Лес — сам медведь, он пугает своей темнотой и, тем не менее, манит. Знает сила в медведе правду, да не любит сказывать: и сила и власть в нём покорны только мудрости леса.

Сила обычно всё ломит, но уму уступает, которому из медведя не так просто выйти. Медведю нужно время, чтобы раскинуть своим потаённым умом, и оттого дума его рождается медленно, но крепко. Думает медведь, а за своею думкою никак не поспевает; взяв же, наконец, верное поведение, он уже не отступит от него, пока не исполнит, причём, самым тщательным образом.

Неприкаянно бродит медведь по лесным дебрям, будто позабыл что-то важное про себя, а вспомнить не может. Порой силком отнимает у других то, что ему не принадлежит. Испугом да страхом в лесу воротит, нет в нём его сильней, и только при столкновении с человеком просыпается в медведе его дремучий ум: тут кто умнее, тот и правее, и медведь нередко оказывается прозорливее людей.

А ещё медведь тем хорош, что никому нельзя, а ему можно. Только потому, что он медведь. Захочет - и в мгновение вырастет из неприметного

животного в сильного зверя; не пожелает ничего изменять - останется неуклюжим и симпатичным недотёпой. Главное, что из всего этого обычно выходит одна польза, и никому в лесу оттого не бывает плохо.

Хищник по натуре, медведь всё-таки более забавен, чем кровожаден. Всего того, что лисица старается достигнуть умом и изощрённостью, а волк — решительным напором и коварством, медведь добивается прямой, открытой силой, когда нет другого способа получить желаемое. Но прямолинеен он обаятельно, так что невозможно сдержать улыбку, и в этом, наверное, повинен внешний облик зверя и та неуклюжесть, что он выявляет, обладая недюжинной мощью. Больше всего медведь любит покой, и оттого он очень редко нападает, а чаще обороняется. И лишь когда сдерживать себя оказывается невозможным - он приходит в ярость.

Благодушие медведя бывает оправдано, если его поменьше тревожить и у него в достатке корма. Пока у медведя растительная пища в изобилии, он довольствуется ею. Но в случае её отсутствия, и раз попробовав животной пищи, делается хищником в полном смысле этого слова.

Добычу он высматривает и выслеживает с такой же изощрённостью, с какой это выходит у волка, рыси и лисицы, а утомленный преследованием, свирепеет необыкновенно, открыто применяя свою ловкость, предусмотрительность и силу. Куда девается недавнее обаяние зверя, его милая неуклюжесть и добронравие?

Несмотря на свои внушительные размеры, медведь бывает очень ловок. В случае опасности он в мгновение срывается с места, и так же молниеносно исчезает, причём, бесшумно, невзирая на захламлённую валёжинами чащу. Однажды напуганный мною, он проскочил через сухие заросли малинника почти неслышно, и затем, не издав ни звука, уходил старым заросшим болотом, что протянулось на несколько сот метров.

Если медведь появляется на овсах, то каждую ночь в различных местах, а то его, вообще, нет несколько ночей, и даже взошедшая луна заставляет осторожного зверя уйти из освещенной полосы. Направляясь на кормёжку, он не пропускает ни единого шороха, и лучше обойдёт подозрительное место за километр, чем пренебрежет своей осмотрительностью, даже будучи очень голодным. Тонкое чутьё зверя подспудно оказывает ему услугу, и медведь лишь повинуется заложенному в нём голосу природы.

Оказавшись на овсах, хищник садится, подобно человеку, и срывает пастью сочные метёлки, загребая при этом стебли одной, а то и двумя лапами. Изредка он поднимается на дыбы, прислушивается, и уже затем ложится на брюхо или бок и, медленно передвигаясь, поедает овёс, подминая его прямо под себя. Обычно слышно причмокивание и чавканье медведя, когда он чувствует свою безопасность, и так он кормится порой не по одному часу, если его ничто не пугает.

При явно выраженной непутёвости и очень трогательном обаянии, он проявляет удивительную основательность, что граничит с поразительной предусмотрительностью. Задавленную добычу медведь переносит на другое

место, за сотни метров, и не по разу, а затем закидывает травой, мхом или хворостом. Потоптавшись на образовавшейся куче, заваливает её ветвями ели и пихты, что скусывает и притаскивает в зубах. Иногда выкапывает даже глубокую яму, в ней целиком умещается загрызенный им лось.

Случается, что медведь (происходит это чаще в морозную погоду) не зарывает добычу, а лежит на ней несколько суток. Таким образом, он «парит» мясо и, разлагаясь, оно меньше смерзается, отчего становится более удобным для употребления и привлекательным на вкус.

Забравшись летом на черёмуху, предусмотрительный зверь обламывает ветки, но не сбрасывает их на землю, а складывает под себя в развилке крупных сучьев. Вороха из наломанных веток сохраняются порой по нескольку лет. Яблоки же и груши медведь просто обтрясает и, спустившись вниз, поедает упавшие плоды.

Порой медведь проявляет чудеса изобретательности и, не в силах лишить себя желанного мёда, часто появляется на пасеках. Облюбовав улей, он старается зубами расширить отверстие, неутомимо трудится так с полчаса, отбиваясь от разозлившихся пчёл, но не отступает. Пчёлы немилосердно кусают его, медведь ворчит, безуспешно отмахиваясь лапами, и когда уже совладать с ними оказывается невозможно, тащит улей к речке, там сбивает крышку и, опустив в воду рамки с мёдом, с удовольствием лакомится ими.

Правда, в порыве охотничьей страсти, зверь, случается, совершенно теряет самоконтроль, подвергая свою жизнь опасности. Однажды во время лесного пожара медведь, размахивая большой корягой, пытался приостановить распространение огня. Его хотели отогнать струей из огнетушителя, но зверь не покинул пожарища. Оказалось, что неподалеку от этого места лежала туша лося, она застряла в буреломе, когда медведь её перетаскивал, и косолапый, несмотря ни на что, не желал оставлять свою добычу.

Медведь необыкновенно силён и способен в зубах унести взрослого кабана, прихватив его так, что тот не касается конечностями снега. Имеются сведения, что некоторые медведи относят задранную корову, держа её передними лапами, и передвигаясь только на задних. Так же медведь утаскивает с пасеки ульи.

Кстати, в давние времена повадившихся на лесные пчелиные пасеки медведей ловили таким образом. Хозяин пасеки, зная о любви зверя к водке, ставил возле ульев корыто, наливая в него четвертную водки, а медведь, выпив её и опьянев, тут же засыпал. Утром из деревни приходили мужики и связывали пьяного медведя.

Про медведя существует множество самых невероятных историй, может быть, даже больше, чем о других животных, и большинству из них почему-то веришь. Веришь в то, что он всё-таки самый умный и сильный среди зверей, несмотря на свою видимую дурашливость и бесшабашность. Принимаешь на веру даже его способность оборачиваться в путника, что пугает селян, отказавших ему в гостеприимстве. Медведя из-за этого подозревают в родстве с нечистой силой, уверяя, будто он лешему родной брат, и местами опасаются

называть его собственным именем, а только - «хозяин», «он», «сам» или «зверь».

Взрослый медведь в два счёта догонит лося, и одним ударом лапы переломит ему хребет. Если нужно, легко взберётся на самое высокое дерево. Больше всего мишка любит лакомиться малиной и грушами, и плачет, когда они не уродились.

Ещё издавна в народе бытовало убеждение, что старший медвежонок-пестун воспитывает младших, и медведица не боится оставлять их на него. Выбрав такого медвежонка, она подолгу не отпускает его от себя, пока он не вынянчит ей следующих медвежат. Находились счастливцы, что будто бы видели, как молодой медведь-пестун ходит на задних лапах, а маленьких медвежат переносит в передних. Сама же медведица идёт сзади и подгоняет его ударами своей могучей лапы.

По мнению старых таёжников, медведь сродни самому человеку, и род человеческий, как считали многие племена и народы, ведёт своё начало именно от медведя. Кто медведя без шкуры видел, тот сразу поймёт, о чём разговор.

В России повсеместно было распространено убеждение, что медведь прежде был человеком, а обращён в медведя за тяжкие провинности перед Богом. Будто бы он провинился тем, что не хотел пустить к себе заблудившегося странника. Или ещё уверяют, что в медведя был превращён мельник, за то, что когда Господь хотел зайти к нему в гости, мельник надел тулуп наизнанку и заревел, дабы Господа испугать. Тот и превратил его в медведя.

Святая простота! Но простоту Бог любит, и в простых сердцах почивает. А ещё простота человека к Богу приводит, если он меньших братьев почитает.

Доказательство тому, что медведь — человек, охотники видят в том, что собака на медведя и на человека лает будто бы совершенно одинаково, а на других зверей — по-другому. По этой причине медведю человека есть не показано, и человек медвежьего мяса пробовать не должен. В некоторых местах медведя до сих пор так боятся и почитают, что празднуют день накануне Благовещенья, когда, по народному поверью, медведь просыпается и выходит из берлоги.

Медведь, несомненно, взял всем: и силой, и ловкостью, и красотой. Он хорошо известен каждому, но выражение - «Кто знает, что у него на уме?» верно о нём всегда. Необъяснимый и цепкий ум медведя — это тоже его сила, с помощью неё он достигает всего, чего пожелает. А желает он, как известно, отнюдь немало: медведь сам себе на уме, он у него объёмистый, глубокий и такой же тёмный, как лесная чаща.

Ночной тьмой налегает на тебя зверь, когда не разберёшься в собственной душе, и уж куда как нелегко разобрать тёмную звериную душу. В темноте держит свою тайну самый дремучий зверь, не пуская к себе человека, свет которого стоит до медвежьей тьмы, а медвежья тьма — до людского света, так что не перейти никогда эту таинственную черту. Темнится темь в медвежьих

глазах, и из них поднимается таинственный лес.

Знакомый егерь рассказывал мне, что медведь в его хозяйстве так тщательно искал осенью место для берлоги, что вырыл их девять, пока не остановился на одной, в ней и провёл всю зиму. В подобном поведении животного очень наглядно проявляется его темнота, и ещё такая черта, как обаятельная непутёвость огромного зверя. В народе про это говорят так: в медведе думы много, да вон нейдёт. В действиях зверя присутствует не основательная неутомимость, с какой медведь обычно обустраивает своё будущее лежбище, а именно какая-то непутёвость, объедающая саму себя простота, что, как известно, хуже воровства.

Не разобравшись толком - что ему предстоит исполнить, принимается мишка за работу, чтобы через некоторое время убедиться в ее никчёмности. Горький опыт, видимо, ничуть не учит нашего лесного доброхота. Тем самым подтверждается сочинённая про него пословица: не дал Бог медведю волчьей сметливости, а волку медвежьей силы!

И вот косолапый, со всей своей несгибаемой мощью, принимается за устройство лесного жилища: пыхтит, старается, что, на первый взгляд, создаёт впечатление истинного трудолюбия и сообразительности, мол, не зная, усердствовать просто так не стану, и рано или поздно добьюсь желаемого. И получается так, что ложится он порой без всякой подготовки в какую-нибудь самую обычную ямку, завалив себя мхом и листьями, или прямо под корнями вывороченного в буран дерева, чем подтверждает свою непредсказуемость и милую неприхотливость.

А может быть, медведь просто привередлив, и в родном бору — он ровно хозяин в дому: что как хочет, так и ворочит!

Правда, не без здравого смысла. Но чаще всё-таки берлогу устраивает по всем правилам, чтобы тепло и вольготно лежалось ему зимой, чтобы, не дай Бог, не подтекла по весне раньше времени в берлогу вода, не подмочила шубу и не помешала выведению на свет малых своих зверёнышей, чтобы не обнаружили его зимнее убежище охотники. О многом надлежит позаботиться медведю в лесу перед тем, как он уляжется почти на полгода в спячку, и зверь, несмотря ни на что, очень старается обустроить всё наилучшим образом.

Неспроста у людей один из самых любимых мотивов зимы — сон медведя в берлоге. Наверное, её воображаемый уют напоминает человеку его дом, и, представляя, как сладко сосет мишка лапу, как он переворачивается во сне с боку на бок, народ видит в этом что-то родное и забавное, что скорее вызывает улыбку, а не опасение.

Медведь в таких представлениях всегда выглядит славным простаком, когда его заботит только собственное забытье под завывание метелей да потрескивание мороза. Он сладко перебывает своё вынужденное бездействие, ни в чём особом не нуждаясь, и, наверное, желает только одного, чтобы его не беспокоили.

Но большинство людей никогда и не задумываются, что где-то в таёжном лесу, в морозный январь, медведицы рожают своих малышей: с ними они

лежат под глубокими сугробами в мирном полусне и, кажется, совсем не помышляют о навалившейся зимушке-зиме. Всю зиму скрипят над их берлогой высокие старые ели, а сны медведей от этого становятся ещё крепче.

Сон у медведя, должно быть, очень чуток. Чтобы вспугнуть медведя из берлоги, достаточно бывает простого свиста, покрикивания и хлопанья в ладоши. Но иной раз охотники подходят вплотную к челу, всовывают в него заранее вырубленный батог, упираясь им в бок зверя, а он не поднимается.

Только после этого они обматывают жердь паклей, поджигают и вытравливают зверя из берлоги удушливым дымом. Но даже когда зверь извлечён из берлоги, в ней может затаиться пестун: он терпеливо переносит тычки жердью, не издаёт ни звука и не двигается. Так нередко ведут себя и медвежата, оставаясь в тёмной берлоге незамеченными.

Старые охотники утверждают, что если проходить мимо медвежьей берлоги, не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не проснётся. Всему в лесу своё время, человеку же в нём место, какое он всегда выбирает сам, в зависимости от того, что чувствует и думает, как живёт.

Если зверь восстанет из берлоги, надвинется на него грозовой тучей, то значит, так тому и быть. Не нарушится медвежий сон - человек всё равно впитает для себя необходимое знание и ту тишину, что разбудит в нём недостающее понимание жизни.

А что медведь? Мучают ли его во сне не покидающие видения, одолевают неразделённые ни с кем переживания? Снится ли ему бессмертие или беззаботное щенячье детство? Видятся ли ему, вообще, сны?

В отличие от человека, они, наверное, не ложатся ему на сердце ровным тихим светом, а наваливаются тёмными глыбами или туманными наваждениями. Вряд ли сны медведя оказываются безмятежными. В них — ком невыразимых звериных смятений, и как чутко при этом должен повести себя человек, вплотную подступая к потаенной звериной судьбе!

Всю зиму живет в своей берлоге медведь — лесной владыка. Живёт, не ведая, что был когда-то, по народному поверью, человеком, а обращён в медведя за тяжкие провинности перед Богом. Родство зверя с человеком народ видел в том, что медведь иногда нападает на баб, неосторожно забравшихся в лес, но не с тем, чтобы их съесть, а уводит к себе и живёт с ними. Во снах своих зверь всё это, должно быть, переживает, самому себе не доверяя, а проснувшись - держится особняком.

Всё во снах совершается не так, как в жизни, и потому медведица, на деле отгоняющая медведя от медвежат, во сне к нему остаётся благосклонна. Медведю снится, что он в услужении Аксиньи Петровны находится, на лапах её любимых дитяток носит. Медведица за то его долго от себя не отпускает, пока он не вынянчит ей следующих медвежат, а ложатся они в берлогу, вопреки известной пословице, вместе.

Медведи-сеголетки, действительно, часто проводят свою первую зиму в берлоге с матерью, и чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть её. Но оставить медведицу сами медвежата не могут, а мать отогнать

детей не в силах — вот природа и распорядилась по-своему. В мае-июне у медведей происходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим присутствием и запахом, что передаётся медведице, он отпугивает медвежат, и повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

А может, представляется во сне медведю, как, продевши кольцо в ноздрю, люди его на цепи по деревням водят и потешаются оттого. Медведь в усладу им пляшет, а сам рычит и головой мотает. Хозяин за него деньги берёт, медведю же мало что перепадает. Досадно от этого Потапычу, но ничего не попишешь: судьба, видать, такая.

Или ещё приснится, как ему от пчёл достаётся. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного мёда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до желанной сладости так, что не боится шкурой откупиться. Без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться вволю!

Раззадорит пчёл не на шутку, а уж потом — бежать. Даже глубокой зимой не дают ему покоя пчёлы: он во сне от них лапой отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях.

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, когда он с аппетитом лесные яблоки поедает. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю всё это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнёт: гнёт — не парит, переломит — не тужит. Рябинушка от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он её аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается.

Спит медведь и видит свой любимый угор, рдеющий желанными ягодами, а ещё лакомство неизменное — муравейники. Как вырастают они под древними елями невообразимыми кучами: будто ждут чьего-либо неизвестного внимания. Медведь его на свой интерес приноравливает.

Запустит туда лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотёпе, возбуждение махонькое наблюдать, кисленьким закусывая. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге сосёт, что на неё во снах муравьёв и мёд намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает, да ещё корову стрескает. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны в сытом довольствии и живёт.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую — на другом, а когда просыпается и с боку на бок переворачивается, то только один палец пососёт и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок».

Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Всё это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силён медведь, а воли в нём нет, она выкована в волке. Вот оттого медведь и спать ложится, что не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую зиму. Легче ему перележать её в берлоге, чем превозмогать со своим весом в гибельных сугробах.

Лежит медведь зиму в берлоге не умываючись, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

Горазды бить забывшегося в берлоге зверя жадные до острых ощущений охотники. Никак им не унять разошедшегося желания, во что бы то ни стало, добыть его шкуру. С осени намечают они медвежьи тропы, что протаптывает зверь в поисках убежища.

Но без оглядки будить медведя опасно. С медведем, поговаривают бывалые люди, дружись, а за топор держись. Вставший из берлоги зверь, бывает, космат и чёрен, и может разъяриться до неузнаваемости. Горе тогда нерадивому охотнику, что вознамерился нарушить покой лесного воеводы!

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне, и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Трудно обнаружить берлогу зимой, но неравнодушному к лесу человеку хоть однажды, да выпадает такое счастье. Не ждёшь и не ведаешь ты этой встречи, неспешно бредёшь по закраинке какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вяжущий воздух обволакивает всё тело. Тихо вокруг, затаенно и непробудно.

Отчего-то выбираешь на своем пути густой островок ёлок. То ли притягивает его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты жаждешь поскорее с ним соединиться. Когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаённым пространством.

Некоторое время ты ещё не в силах постигнуть произошедшего, и только отверстие в снегу, затянутое куржавиной, приковывает твое внимание… С подступающей дурнотой вдруг понимаешь, что это - чело. Здесь, в каких-нибудь восьми - десяти шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

Медведь — лешему родной брат, вместе они по лесам до зимы скитаются.

С весны до осени часто можно с ним встретиться, но не дай Бог разбудить его зимой! Ведь по медвежьему хотению и зима студёная длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Ещё в раннем детстве виделся мне в зимних снах непостижимый тогда владыка лесов. Это был медведь-оборотень из русской народной сказки, что стал им из-за негостеприимства людей. Вся деревня не пустила путника к себе ночевать, и он, обернувшись медведем, ходил в неё пугать жителей.

Сердце заходилось в сладкой истоме от приближающегося скрипа берёзовой ноги осерчавшего на людей медведя. Запах котлет из своего мяса будоражил зверя, рык его вынуждал содрогаться от страха, и я переживал его вместе с бабкой и дедом, что польстились на то, что им не принадлежит. Где-то в глубине души я благоволил к медведю, и в тоже время был повергнут его силой из сказки, что рассказывала мне бабушка.

Тогда, во снах, он представлялся более непонятным, чем страшным. Огромное мохнатое чудовище, порождённое таким же неведомым лесом. Как в берлогу, залёг зверь в меня, чтобы когда-нибудь проснуться.

Я носил его в себе долго, всю жизнь, пока не натолкнулся вот так, в глухозимье, на занесённое снегом жилище лесного исполина. Но не разбудил, а только почувствовал тонкость его жизни, её сказочность и красоту. Как в детстве, когда замирал под одеялом от бабушкиного рассказа, втайне надеясь, что меня-то зверь обойдёт стороной. Уж больно много в нём было тёмного, неповоротливого и глухого.

И всё же не он ко мне, а я к нему шёл на протяжении долгого времени, чтобы дохнуло в лицо утробным звериным духом и пробудило в душе нечто неизведанное. Надо было встретиться зверю и человеку в заснеженном лесу для будущей жизни, чтобы две темноты сложили свет. Для такой вот смелой и замечательной тонкости отправился я однажды в самую глубь зимы, и не было, кажется, для меня тогда ничего более важного, чем это таинственное присутствие зверя.

Ощутив его хоть раз, потом по-настоящему хорошо живётся, как будто ты открываешь для себя то, о чём даже не помышляют остальные люди. Внешне ничем не отличаясь, в глубине души ты чувствуешь нечто неповторимое, переживая при этом некую свою особенность. Так приятно сознавать, что ты стоял в нескольких шагах от лесной тайны и не нарушил её.

Полузанесённые медвежьи следы вокруг берлоги были хорошо различимы, сломленные зверем верхушки ёлочек мягко гляделись подмороженной желтизной, а отверстие в снегу, то и дело, шевелилось. Казалось, что медведь вот-вот проснётся.

Ошалевшее сердце гулко билось в груди, в висках неустанно барабанили невидимые кровяные молоточки, и хотелось бежать без оглядки от этого снега, елей и тишины куда-нибудь подальше, в наполненную движением и звуками людскую жизнь. Но ноги не слушались.

И ещё что-то во мне самом удерживало на месте, вынуждая неотрывно

глядеть в это снежное отверстие. Словно в себя самого неотступно и зачарованно заглядывал я, может быть, робко жалея о том, что только ели, звёзды и небо всю зиму слушают крепкий звериный храп. Тебе же лишь суждено не раз представлять в своей городской квартире занесённое снегом обиталище великого лесного зверя, как ты однажды близко соприкоснулся с ним и теперь не в силах этого забыть.

Добродушным кажется людям лесной боярин-топтыга, что всю зиму спит в берлоге. Горами высятся над ним крупчатые сугробы, мерно поскрипывают величественные сосны. Не будит его даже мартовская капель. И вот, однажды, когда день уже обогнал ночь и в потёмках апрельской тишины скрипнул наст, поднимается из-под снега рассерженный на весь свет ворчун и, не разобрав поначалу открывающейся в снегах лесной жизни, бредёт, куда глаза глядят, а лёгкий весенний ветерок доносит до него манящие ароматы.

Но ещё не раз медведю придётся вернуться к своему лежбищу, лес полностью не оттаял, корма в нём ещё мало, и медведь, до конца не проснувшись, укладывается опять на какое-то время, толком не спит, лишь дремлет и, наверное, мечтает в своих полуснах о сытой, довольной жизни. Часто он поднимается, неприкаянно бродит неподалеку от берлоги и вновь возвращается - голодный, раздосадованный и злой. Скорей бы наступал долгожданный и тёплый май, что наполнит его жизнь обильной свежей пищей и радостными ощущениями. И как только на южном склоне лога, под елью, закипит муравейник, лесной воевода окончательно покидает свою берлогу.

У Пришвина, то ли в шутку, то ли всерьез, где-то замечено, что когда медведь ложится по осени в берлогу, он поднимается на задние лапы, примеряется к первой попавшейся ёлочке и оставляет на ней загрыз. Делает медведь это, якобы, для того, чтобы посмотреть весной, насколько он за зиму подрастёт. На самом деле зверь заламывает верхушки ёлочек у места, что подготовил себе на зимовку, и затем выкладывает ими стенки берлоги. Тоже медведь проделывает по весне, когда разрывает муравейник и устраивается в нём, как в ванне, выводя с помощью муравьиной кислоты из густой шкуры паразитов, заведшихся в ней за долгую зиму.

Многие птицы и звери в лесу используют подобные «лечебницы»: зайцы подолгу возятся в пыли, избавляясь от надоедливых клещей и блох, кабаны - в солевой грязи, залечивая раны, глухари и рябчики устраивают так называемые порхалища, они помогают им умертвить пухоедов, а барсуки очень любят солнечные ванны, когда всей семьей покидают свои тёмные сырые убежища и наслаждаются прогретым воздухом, вдыхая всевозможные ароматы… Вот и медведь не отстаёт от других и, поднявшись из берлоги, в первую голову желает привести своё здоровье в надлежащий порядок. За долгую зиму жировой запас его частично иссяк, организму не хватает витаминов для восстановления сил, и находит их мишка у трудолюбивых насекомых: муравьиная кислота в пустом лесу как ничто другое быстро восполняет

«съеденные» им за зиму запасы.

Мех его постепенно становится густым, шелковистым, и при этом огромному зверю нет дела до маленьких насекомых, до того беспокойства, что он им доставляет своим беспардонным хозяйничаньем. К тому же, лесной боярин не прочь полакомиться редким по весне деликатесом, запуская лапу в муравейник и с удовольствием облизывая её. И разве тут осердчаешь на медведя только оттого, что он наносит кому-то невосполнимый урон! В лесу, если на то звериная воля, не пропадает просто так ничего, и разворошённый по весне муравейник — не диво, когда хорошо знаком с повадками этого обаятельного зверя.

А повадок у него, как уже говорилось, не счесть, да все такие, что и не подумаешь именно на этого зверя. По крайней мере, не сразу догадаешься, поскольку они удивительно многообразны и все выражают его внутренний мир. Поваженный, говорят в народе, что наряженный, и это полностью можно отнести к медведю: он, как никто из зверей, удивляет своей неповторимостью. Никогда нельзя предугадать, как медведь поведёт себя в следующее мгновение.

Обнаружив, к примеру, сухостойное дерево, расщепленное молнией или поверженное ураганом, медведь непременно ударяет по нему лапой и с удовольствием слушает. Эта добродушная черта совершенно подчиняет в нём дикого зверя. Медведю явно нравится то, что он делает, и он с ещё большим самозабвением продолжает набрякивать на музыкальном суку. Увидев подобное в лесу, наверное, сравнишь зверя только с человеком, и в тоже время поразишься его тёмной звериной душе.

Нередко случалось мне встречать в лесу медведей, и ни один из них ни разу не повёл себя враждебно и стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе воспоминание лишь в мелькающем среди стволов маленьком хвостике. При малейшем шуме, производимом человеком, медведь всегда бежит, потому, что никогда никого не трогает зря, но не дай Бог помешать ему решительно, когда он занят чем-то неотложным, и зверь, несмотря ни на что, откровенно надвинется на тебя грозовой тучей и раздавит. Что же противопоставить зверю, когда неожиданно столкнулся с ним или потревожил, не желая того, а медведь повёл себя агрессивно?

В первую голову не следует пристально смотреть зверю в глаза: от острого взгляда медведя быстро цепенеешь и входишь в состояние заторможенности, как будто сама лесная чаща вглядывается в тебя, вопрошает, и отпустит ли — неизвестно. В стае такой взгляд испокон веков выражал не дружеские чувства, а откровенную угрозу, демонстрацию своей неприязни и силы. Но глаза зверей почему-то всегда притягивают к себе и не отпускают, словно ты втайне давно ждёшь этого общения и ничего не можешь с собой поделать.

Взгляд медведя говорит о нём всё. Недаром сучок в доске называли среди людей «медвежьим глазком». Вкраплённый природой в обычную и родную среду, он - спрессованное внимание, сгусток затаившейся мощи, что

подсматривает за всем, что происходит мимо и вокруг. Глаз медведя именно такой древесный сучок, неумолимо ввинчивающийся в каждого невидимым буравчиком и проникающий насквозь. Его нельзя миновать, углубившись в лесную чащу, его невозможно обмануть, представив себя лучше, чем ты есть на самом деле.

То, что обычно называют глазами, у медведя превращается именно во взгляд — глубинный, преодолевающий любые преграды и выворачивающий тебя наизнанку. Он не смотрит, а пристально изучает твою суть, и очень скоро точно оценивает. Ничто не может его обмануть. Взгляд медведя - это всевидящее око самого леса.

Встретившись с медведем лоб в лоб, ты в первую очередь натолкнёшься на острый, пронизывающий взгляд. Ни когти, ни мощь, ни утробное звериное дыхание околдуют тебя, а именно глаза. Даже не глаза, вернее - прорешки, через которые сквозит исступленная сила и древний опыт, провиденье самого таинственного лесного зверя. В один зирок, говорят, всего не окинешь, а медведь не только обозревает, но и под себя вмиг подминает.

С медведем, поучают опытные лесовики, гляди в оба, зри в три, а придёт пора, наглядишься и в полтора! И хоть бытует среди людей непоколебимая вера, что человек родится зрячим, а иные животные слепыми, медведь всё видит. Предельно осторожным следует быть со зверем, что предугадывает любые поступки, направленные против него, и всегда знает: кто хвалит его в очи, а кто бранит за глаза. Как ни крути, но медвежье око видит далёко.

Вообще, ни один хищник никогда не нападёт, не предупредив своего противника. Угрожающим шипением, рыком или взглядом он попытается избежать схватки. Вот и медведь, если уж не ретировался, остался стоять перед тобой, пробуравливая своими маленькими глазками, значит, какое-то время он ещё выжидает: что предпринять? В этот миг ты должен успеть что-либо ему противопоставить.

Взяв себя в руки, необходимо самому воздержаться от нападения, и если имеется ружье, лучше от него отказаться. Можно, конечно, попробовать сделать устрашающий выстрел, но дать знать о себе зверю следует заранее, а не в последний момент. Если же вы решили применить оружие на поражение, то следует помнить: даже из карабина далеко не всегда удаётся уложить зверя сразу, а раненый медведь очень опасен, и чаще бросается на своего обидчика, чем убегает.

Вернее в такой ситуации прикинуться мёртвым, улёгшись на землю навзничь, и как можно дольше не дышать. При этом нельзя показывать медведю своего лица, его открытость вызывает в звере раздражение, и он стремится задрать лицо, чтобы, по-видимому, не видеть. Чаще всего медведь именно так и поступает: неспешно подойдя к замершему человеку, какое-то время обнюхивает его, переваливает лапами, может даже немного покусать и порвать, но всё это надо мужественно стерпеть, по возможности никак себя не проявляя. Если нет мочи сдерживать дыхание, незаметно перевести дух и вновь затаиться. Тогда зверь быстро теряет интерес, в худшем случае завалит

недвижимого человека мхом с землёй или сучьями, и удалится.

Бывалые лесовики подмечали за медведем и такую странность, как боязнь зверем того, кто превышает его по росту и возвышается над ним. С этой целью они советуют встать перед медведем повыше - на пень, поваленное дерево или какой-либо бугорок, поднять руки и, расставив их как можно шире, медленно раскачиваться из стороны в сторону, будто надвигаясь на зверя. Медведь такого поведения, якобы, подолгу никогда не выдерживает, и рано или поздно отступает. Но многие ли, даже самые опытные охотники, способны на такое хладнокровие? Впрочем, любое общение накоротке с этим непредсказуемым зверем всегда предполагает решительность и отвагу.

А можно просто ласково поговорить со зверем, чтобы он почувствовал тебя и поверил, что ты не несёшь ему зла. Не делая резких движений, выбрав правильный, предупредительный тон, нужно попытаться внушить медведю, насколько это будет возможно, своё уравновешенное состояние, при этом оставаясь безукоризненно честным и перед зверем, и перед вековой чащей. «Медведушко, хозяюшко... Не гневись, что потревожил твой покой. Нет во мне злого умысла, только благолепная радость от того, как всё устроил батюшка-лес... Позволь пройти своею дорогою, а меня уж не трогай. Здравия и силы тебе, медведушко, века веков!»

И может быть, медведь внемлет добрым словам, не почувствовав никакой угрозы, уступит путь-дорогу, и обережёт твою душу. Будет следить за тобой из леса пристально, цепко, и если только нарушишь святую заповедь держать себя достойно да в строгости, тотчас отлучит от леса, так что ты этого и не заметишь, и растворится в нём для тебя навсегда.

Когда ты чего-нибудь очень долго ищешь в лесу и не можешь найти, к тебе часто приходят звери и птицы. Наверное, их появление - это напоминание о том, что ты должен сделать сам, как человек. Например, не уставать приобретать достойное знание природы и не быть к ней пренебрежительным. Медведь приходил в мою жизнь не раз, и я всегда старался выслушать его и понять, оставаясь преданным ОТЦУ-ЛЕСУ.

В медведе, как ни странно, всё кажется необыкновенно соизмеримым: неуклюжесть - с неведомой силой, видимая недотёпость - с удивительной прозорливостью, обаятельное добродушие - с немилосердной мстительностью. Сочетание, на первый взгляд, противоречивых качеств – есть, на деле, суть зверя, и отгадать её очень непросто. Может быть, даже невозможно, в тоже время хорошо представляя себе медведя, его образ жизни и удивительные встречи с ним.

Взять, скажем, обычный след медвежьей лапы, часто попадающийся по весне: тут тебе и поражающая мягкость, и воинственная когтистость, так, что отделить одно от другого невозможно. Встретив однажды такой отпечаток, почему-то захочется его запомнить, и даже - взять с собой на память.

Всегда что-то вынудит склониться над следом, тщательно и с любовью рассмотреть его, и уж только тогда представишь себе таинственного зверя, что, кажется, совсем не таится. Просто бродит, где ему вздумается, ищет чего-то и,

наверное, не каждый раз находит. Присутствие его в лесу так желанно, что забываешь о возможной угрозе, а думаешь только о его затаенной красоте и силе.

Переступы медведя прямы и неторопливы, даже подавляющи, вмятины же следов симпатично округлы. Так и чудится его громоздкость, ленивая неповоротливость. Нехотя переваливая свое тело, медведь как будто сразу забывает о том, что минуло, и ни о чём, кажется, не заботится: бредёт себе куда-то, утопая в своей безмерной звериной мощи.

Некого ему страшиться в лесу, и оттого медведь горя не знает. Обременённый силой, он безбоязненно ходит неслышно ночами, а на день залегает в разрытый им муравейник или натасканный еловый лапник. Лежит и, вроде бы, ничего не чувствует, но вот пронёсся по лесу лёгкий шепоток, и медведь уже весь на слуху.

Ни с каким другим следом оттиск медвежьей лапы спутать нельзя. Пухлую, широкую ступню с мякишами пальцев разберёт всякий. К тому же, след медведя очень большой, а подобные ему звери в наших лесах не водятся.

Иногда следы медведя вызывают улыбку, такими они кажутся непутёвыми и косолапыми. Просто какой-то неловкий недотёпа проковылял без всякой цели по лесной дороге, и затерялся в чаще. Ровно зверь и сам не ведает, для чего он родился и что ему в жизни надлежит делать. Бестолково мотается по лесу, веселя всех своим неподражаемым обаянием.

Жизнь дремучего леса, наверное, лучше всего отражается именно в медвежьих переступах… В них она заключает всё своё сокровенное обаяние и силу. И тут не мудрено напугаться, неожиданно натолкнувшись на недавнее присутствие зверя. Особенно когда заметишь провалившиеся в сыром снегу следы медведя после зимней спячки. Следы утопают до самой земли, и ты невольно насторожишься и от волнения присядешь перед ними.

Восприятие медвежьей поступи наиболее цельно возникает именно ранней весной, когда снегу ещё много, и зверь только поднялся из берлоги. В этих зияющих снежных пустотах затаилась непредсказуемость медведя, его неограниченная воля. Истратив за зиму почти все запасы, медведь бродит по ещё не проснувшемуся лесу злой и голодный.

Любого могут устрашить такие следы, грязно исчезающие в глуби леса. За каждым выворотнем видится опасность, а тяжёлый пасмурный воздух только усугубляет это неприятное впечатление. Вмиг разыгравшееся воображение живо рисует яростного и хищного зверя, что поднимается перед тобой на дыбы. Не сравнить его с тем косолапым недотёпой, что впопыхах убегает от человека, столкнувшись с ним в малиннике, летом.

И всё же, хочется идти по этим следам, ступая прямо в них мокрыми сапогами. Крошащийся снег тотчас холодит ноги, и в ноздри ударяет запах сырой хвои. Передвигаться так, по подмёрзшим медвежьим следам, очень сложно, и вскоре ты сбиваешься с ритма, а затея идти по медвежьему путику представляется пустой и безнадёжной. Как велик его лесной дом, и как мал в нём человек, жаждущий легких открытий!

С бьющимся сердцем вглядываешься в удаляющиеся провалы, и на душе отчего-то становится хорошо и грустно, что не видал ты медведя, хотя он существует. Шёл он прямо вот тут, лесной чащей, и в ней же сгинул. Как будто его и не было: ни ходу тебе, ни переступа. А следы остались приятным напоминанием о величественном звере, в котором так много тёмного, неповоротливого и живого.

Насмотревшись вволю на эту невиданную силу, и сам почувствуешь в себе удаль: любящему лес человеку много радости приносят увиденные следы медведя. Редок этот зверь, не всякому, даже умелому следопыту, доступен. Да и тайга, куда ты забрался, уже не кажется такой пустячной. Лесной архимандрит словно освящает её своим могучим присутствием, привнося и крепость духа, и благость, и невысказанную тайну.

Но человеку на него молиться не пристало. Лишь надлежит не трогать, восхищаться и не бояться встречи. Душою чистой постигать всё секреты косолапого, но в жизнь медведя не вторгаться, и тогда зверь ответит тебе своей лесной заботой, а ты назовешь его с почтением — Михаил Иваныч.

Встречи с медведем всегда волнительны, не похожи одна на другую и, самое главное, незабываемы. Каждый раз зверь преподносит что-то новое, чего и не ожидал от него, и всякий такой случай - удивительный подарок. Медведь при этом ничего особого не делает, просто неспешно переходит лесную просеку или какой-нибудь старый заброшенный волок, но всё вокруг, благодаря присутствию зверя, так необыкновенно оживает, что кажется, будто это волшебный сон.

Усталые листья неслышно сыплются на мокрую землю, бледно-голубое небо отражается в зеркальных лужах, а вечерняя сырость стирает запахи. Царственная осень ненавязчиво располагается у самых твоих ног, и тоже, как будто, задрёмывает. Но вот луч солнца вдруг высвечивает лоснящийся густым мехом бок зверя, пересекающего просеку, и сразу всё, всколыхнувшись, начинает вокруг двигаться, и будто просыпается.

Всего лишь, маленькая осенняя картинка, с неспешно бредущим по лесу медведем… Вроде бы, ничего особенного, но как радостно переживается увиденное, сколько в нём красоты и лесного обаяния!

Вспоминается ещё одна осень, слякотная, с надоедливыми нескончаемыми дождями. В тот день дождь зарядил с самого вечера, не прекращался всю ночь, и я даже не знаю: зачем тогда отправился в лес? Плащ-накидка вымокла насквозь, а покоробившийся и одеревеневший капюшон закрывал глаза так, что была видна только дорога под ногами. Ничто на ней не привлекало моего внимания, и тут я вдруг обнаружил совершенно свежие медвежьи отпечатки...

Мишка брёл по дороге не просто, как придётся, а аккуратно обходя все лужи, по-видимому, не желая лишний раз мочить лапы. Судя по тому, как отчётливо выглядели в сырой глине прорези от когтей, зверь прошествовал совсем недавно, но я почему-то не поднял головы и не посмотрел на дорогу. Шёл неспешно по медвежьим следам, рассматривал их и улыбался. Забыл

даже про непрекращающийся дождь, и только когда поправил рукой съехавший на глаза козырек, увидел, наконец, медведя.

Зверь шагал вперевалочку в каких-нибудь двухстах метрах впереди, явно зная о моем присутствии, но никак не выказывал своего интереса. Круглый зад его смешно колыхался, ходил ходуном, а медведь не прибавлял ходу. Ему, похоже, было необходимо попасть куда-то в заданном направлении. Идти по дороге оказывалось гораздо легче, чем по лесу, и медведь не обращал внимания на моё соседство, почему-то догадываясь, что оно не принесёт ему беспокойства.

Медведь изредка поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, видимо контролируя обстановку, и продолжал своё неспешное шествие под моросящим дождём. Видно было, что он ничуть не тревожится, знает, куда и зачем направляется, и я его нисколько не занимаю. А может быть, медведь чувствовал меня на расстоянии, доверял и нисколько не остерегался.

Так мы преодолели около трёх километров, и за все это время зверь ничего не предпринял против меня и не свернул с дороги. Я даже привык к нему, на всём дальнейшем пути воспринимал медведя спокойно, как нечто неотъемлемое в этот пасмурный осенний день, и если бы кто-то посмотрел на нас со стороны, он бы, наверное, немало удивился. Зато нам с медведем всё происходящее представлялось вполне обычным: я тогда очень хорошо запомнил это щекочущее нервы, но радостное ощущение.

А как-то, по первоснежью, я шел лесной гранью и увидел поваленную через неё пихту. Присел отдохнуть, достал термос, а взгляд остановился на стоящей напротив ели. Поначалу я в этом дереве ничего особенного не обнаружил: ёлка как ёлка, только почему-то вся в смоле, засохшей желтовато-белыми струями до самой земли. Долго я не сводил с неё глаз — просто потому, что она росла прямо передо мной, и только потом разглядел: под застывшим смоляным слоем почти отсутствует кора.

Кора оказалась содранной острыми медвежьими когтями, они глубоко пропороли и саму древесину. Весь бок ёлки был исполосован этими ужасными ранами, а выбросив вверх руку и встав на цыпочки, я не дотянулся до начала борозд ещё с полметра. Трудно было поверить, что медведь просто метил территорию, обходя свои обширные владения. Слишком жестокими показались нанесённые дереву повреждения, и я представил, как всё это происходило.

Обойдя дерево, я вдруг обнаружил на уровне пояса гораздо меньшие по размеру углубления, сделанные, несомненно, небольшим медведем. Вероятно, это был пестун, а глубокие зарезы на противоположной стороне дерева оставила его мать - огромная и сильная медведица. Что-то очень здорово разозлило её, и она разделалась с деревом, что первым попалось под лапу разъярённому зверю.

Медведица долго не могла успокоиться, изуродовав страшными когтями весь ствол, но ель достойно выдержала этот животный натиск, не сломалась, и постепенно, незаметно для всех, залечила свои жестокие раны.

А вот другая ель проявила по отношению к медведю неожиданную мягкость, и оголила на стволе под медвежьей лапой целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли. Эта ель, в отличие от своей предшественницы, выглядела потерянной, в полной беспомощности перед грубым звериным натиском, и он оказался неслучаен — это было стремление медведя обозначить свою вотчину. Чем страшнее медведь всё это проделает, то есть выше по стволу, глубже впившись когтями в кору и как можно разъярённее, тем быстрее и надолго изгонит соперника.

Медведь выбирает для своих затёсов, чаще всего, хвойные деревья — пихту, лиственницу, ель и сосну, независимо от их размеров. Все эти деревья ближе медведю по его скрытному образу жизни, они - более потаённые и крепкие, чем берёза, ольха и осина. Случается, что наталкиваешься в лесу на маленькую пихточку толщиной всего лишь в руку, но начисто исполосованную когтями, а бывает, тебя поразит непоколебимая твердость старой сосны. Но всегда это именно хвойные деревья.

Однажды в апрельском лесу, когда ещё не сошел снег, я напоролся на след медведя, что протянулся вдоль глухого лога. Вскоре след вывел меня к одинокой огромной сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь вспороли докрасна крепкую кору, но не поколебали гордости сосны. А медведь побрёл дальше, обходя свою территорию и выискивая другие подходящие деревья, что, наверное, принимали свою участь так же достойно.

На медведя можно натолкнуться летом, собирая ягоды, под осень он частый гость на овсах, где охотники небезуспешно устраивают на него засидки. Но только в весеннюю пору он наиболее доступен, когда, поднявшись из берлоги, принимается за размеренное обследование своего лесного участка, что за долгую зимнюю спячку, наверное, порядком подзабыл. Вот и мой очередной медведь намеревался спуститься в небольшой ложок, перейти дамбу и следовать далее, навстречу дремучей лесной судьбе, но на его пути появился я, и медведь тотчас встревожился. Он не хотел уступать, а идти напролом не решался. Ему необходимо было принять какое-то решение, и медведь стал мучительно его искать.

Сначала медведь попытался обойти мочажину, расположенную справа от меня, но что-то у него не получилось, после чего медведь вынужден был вернуться и, недовольно рыкнув, замер. Он не знал, что делать, а дороги своей бросать не желал. Видно, что-то важное влекло его по ней, то, чего он неукоснительно и упрямо себе наметил.

Постояв так немного, медведь начал перетаптываться на месте, а затем вдруг ринулся налево, по склону убегающего вглубь леса широкого распадка. По дну его неслышно струился полноводный ручей, и зверь решился перейти холодный поток. Всем своим весом медведь ухнулся в талую воду, но она его так обожгла, что зверь тотчас выскочил обратно. Он даже взревел от непривычного для него бессилия, и ещё несколько раз безуспешно пробовал

лапой ледяную воду, не решаясь её перейти.

Я же отрешённо стоял в ожидании того, что ещё предпримет не на шутку раздосадованный медведь. О глухаре, что вот-вот должен был начать токование, я уже не помышлял, и только непроизвольно вслушивался в отдаленно доносящийся голос кукушки. Размеренно она проповедовала кому-то нескончаемые годы, и, обрадованный её неожиданной поддержкой, я вдруг начал принимать их на свой счёт.

Потом медведь выбрался из лога и снова возвестил о себе недовольным рыканьем. Силуэт его к этому времени стал отчетливо просматриваться в свете взошедшей луны, и страх от ощущения зверя ещё более усилился. Медведь, казалось, вот-вот сметёт свою преграду одним броском, и я не знал, что делать... Я сидел на корточках у края просеки, напряженно всматривался в мятущиеся очертания зверя, и ждал чего-то непоправимого, но, как ни странно, манящего!

Вскоре медведь всё-таки удалился, так и не решившись выйти на меня, и я ещё долго сидел под ёлкой, сжимая в руке небольшой охотничий нож, прислушивался к гулким ударам крови в висках и не верил, что зверь оставил попытки пройти через дамбу и больше не вернётся. Ушёл он, как ни странно, почти неслышно.

Медведю, наверное, было досадно отказаться от намеченного пути, и у него, должно быть, испортилось настроение. У меня же ещё долго стояли перед глазами его всклокоченный загривок, кудлатая голова и покатые плечи, чётко выделяющиеся на фоне огромной малиновой луны. Это была та редкая и в глубине души остро желаемая встреча, когда неподдельный интерес и жажда познания, несмотря ни на что, перебарывают животный страх.

Как-то так выходило, что чаще мне попадались в лесу медведи-самцы, более отрешённые и замкнутые в сравнении с медведицами. Особенно по весне, когда каждый из них предоставлен только самому себе, тогда как самку занимает забота о медвежатах, и из-за них она оказывается более заметной. Вынужденная то и дело вступаться за своих детенышей, медведица проявляет себя яростным рыком или заламыванием валежника, и встреча с ней в эту пору не сулит ничего хорошего.

Часто медведицу обвиняют в отсутствии должной заботы о своём потомстве. Дело в том, что медведица, когда её сильно напугают в берлоге, обычно оставляет медвежат одних, и уже не возвращается. Говорит ли это о её бессердечности, в отличие от других зверей, чьи самки в опасности скорее предпочтут жизнь детей, нежели собственную?

Вероятнее всего, медведица в такие моменты ничего не понимает, и у неё просто срабатывает инстинкт самосохранения. Она, как очумелая, выскакивает из берлоги и убегает. До неё, наверное, даже не доходит, что она оставила детей на погибель, вряд ли и то, что медведица об этом вспомнит, поэтому осуждать её бесполезно.

От зверя, когда он долгое время пребывал в спячке, и жизнедеятельность его организма была приостановлена, невозможно требовать какой-либо

преданности потомству. Медведица теряет зверёнышей, и в этом почти всегда повинен человек, не способный наладить отношения с лесом. Медведица, находясь в полном сознании, никогда бы не оставила своих детёнышей. В этом может убедиться каждый, если он, хотя бы однажды, столкнулся в лесу с медвежьим семейством.

Бродки - вот что всегда удивительно очаровывает меня в нашем лесу, особенно летом, когда рано поутру отправляешься к нему в гости и рад всему, что он великодушно тебе дарит. Это могут быть шишки и грибы, цветы и орехи, ягоды, родниковая вода и ароматный воздух, встречи со зверями. Но охотиться по бродкам - это значит находить следы птиц и зверей на росистой траве, и по ним добирать схоронившуюся дичь. Одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на бродки медведицы и медвежат.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок, напоминающий детскую ступню, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребенок. Откуда бы ему взяться? След убегал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило.

Чуть поодаль пролегал ещё один, точно такой же, след, и у меня подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, они не могут сейчас оставаться без матери одни и, значит, следует быть внимательнее. И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в глубине травы, что почему-то сразу напомнили отпечатки лаптей. Будто деревенская баба с двумя малыми детьми отправилась рано поутру по ягоды в лес, невольно, видимо, заплутала, но не растерялась и вывела своих малышей. Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они между собой и не пересекались.

Оглянулся я вокруг, присел в растерянности на пенёк и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью для себя ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе. Нежит, холит и оберегает природа своих детей, что не обходятся без её заботы, и когда видишь это её трепетное проявление, то и свою любовь стараешься выразить так же бережно, с любовной привязанностью и к лесу, и к его обитателям, и человеку, понимая, что забота звериной матери порой бывает нежнее человека…

Свою нежность по отношению к этому забавному зверю – медведю, я ощутил впервые не в уральском лесу, а на Сахалине, когда однажды натолкнулся на упавшего со скалы медвежонка, почти у самого моря. Медвежонок поднялся из берлоги голодный, на свой страх и риск попытался забраться в гнездо орлана-белохвоста, но орёл, видимо, напугал неопытного зверя, и медвежонок сорвался. Скала возвышалась метров на восемьдесят, недалеко от берега, и медвежонок упал прямо на прибрежную гальку. Вероятно, это был пестун - годовалый зверь, отчаявшийся отыскать себе по весне пропитание.

Остров Сахалин, особенно на севере, изобилует медведями, встреча с

ними всегда ожидаема и, в тоже время, заманчива. Идёшь, бывало, и думаешь: а что, если попадётся навстречу этот лесной сахалинский исполин, что пользуется таким уважением среди местных обитателей острова – нивхов? И тебе, конечно, захочется поговорить с ним так же задушевно, как это у тебя выходит с морем, и медведь почувствует твоё доброе к нему отношение, и ничего не предпримет.

Для того чтобы медведь не тронул, опытные люди на острове советуют подвешивать к рюкзаку котелок с камешком, что мерно побрякивает в такт шагам и мыслям, и таким необычным способом отпугивает находящихся неподалеку медведей. Кто знает, что ждёт тебя за открывающимся впереди распадком, и не поведёт ли себя медведь агрессивно, когда неожиданно столкнётся с тобой нос к носу. Если камешек постукивает за спиной, на душе становится как-то спокойнее.

Часто медведи, действительно, убегали, когда слышали постукивание моего камешка, и иногда мне удавалось это увидеть. Кто хоть раз наблюдал, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медведи, тот никогда не забудет круглые колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры и ту поразительную игривость, с какой они передвигаются.

Мне всегда было приятно смотреть на их удаляющийся бег, я с радостью сознавал, что оказался с ними рядом, невольно подглядел эту лесную тайну у моря, и почему-то никогда не чувствовал в себе страха, оставаясь благодарным медведям за их обаяние и силу. Но вот этот медвежонок, неудачно сорвавшийся со скалы, может быть, впервые пробудил во мне жалость.

Непристойно распластанный для своего гордого звериного положения, медведь неподвижно лежал на прибрежной гальке, неподалёку от воды, и на него не хотелось смотреть. Когти глянцевыми крюками безжизненно впились в золотистый песок, кудлатая голова неестественно вывернута, а розовый язык вывалился из пасти, будто медведь произнести что-то важное хочет, но не в силах этого сделать. Только мех чуть заметно колышется от налетающего с моря легкого ветерка…

Ты стоишь над медведем и не замечаешь, как тот же ветерок, так же ласково, ворошит волосы и на твоей голове. А на следующий день кто-то вырезал когти у мишки, и когда я это увидел, сердце мое сжалось и бешено застучало, а потом отпустило и только изредка вздрагивало, как тот бордовый камешек в котелке, что отпугивал попадавшихся мне по пути медведей.

В устье речки Серебряной, на материковом побережье Татарского пролива, местный лесничий показал мне место на отвесной, поросшей чёрными елями горе, где лежала в леднике туша взрослого медведя. Как он попал туда - неизвестно. Вероятнее всего, тоже сорвался со скалы, когда полез в гнездо к орлану. Эту гору так и прозвали - Медвежьей.

Взобравшись на неё, я долго смотрел на вмёрзшего в лёд медведя. Казалось, он забылся от всего, и просто отдыхает. Густой мех топорщился,

голова покоилась на лапе, и всё выглядело таким естественным, что я на какое-то мгновение поверил, будто медведь – живой.

Трудно было предположить, что медведь лежит под этой горой не первый месяц. Голубоватый лёд уже начинал подтаивать, глыба по краям становилась мутноватой и грязной. Почему-то захотелось, чтобы медведь лежал вот так вечно, лёд никогда не таял, и грязь не касалась его шкуры. Если бы всё это могло исполниться, если бы я знал, что так оно и будет, мне, наверное, легче было бы жить.

Пожалуй, не вспомнить все встречи с этим удивительным зверем, как и понять его до конца тоже невозможно. Медведь не зря редко показывается человеку на глаза, а очутившись всё-таки неподалеку, поначалу только обозначает свое присутствие следом, отпечатавшимся на дороге, рыком или хрустом валежника, поскольку душа у него глубоко скрытая, может быть, даже не понятная ему самому. Он тихо изливает её сквозь глаза-щелочки, и такой же, непонятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, в какие он с головой погружается долгою зимой.

Глухо рыкнув где-нибудь поблизости, он замрёт и будет ждать подходящего случая, чтобы напасть, уйти незаметно или переждать то, что его взбудоражило. Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотёпы - он может через мгновение превратиться в разъярённого хищника.

Ещё тебя привлекает в медведе то, с какой угрюмой обречённостью принимает он необходимость своей обыденной скитальческой жизни. Его тёмная звериная душа неторопливо просачивается сквозь маленькие, пронизывающие тебя, глазки, и словно околдовывает.

Пройдут томительные мгновения, прежде чем медведь покажется, мотнёт головой, и его могучая холка сразу оживёт, задвигается, и зверя станет много. Присутствие рядом сильного зверя сразу утихомирит твоё воображение. Его утробный дух обезоружит и наполнит диким возбуждением, так что захочется постичь эту дикость, и сделать, неизвестно зачем, своей. Набравшись смелости, ты попросишь у лесного владыки дозволения приобщиться к его таинственной жизни.

И тогда медведь, вероятно, обратит к тебе своё внимание. Поведя мордой, и чуть слышно пофыркивая, он как-то незаметно развернётся и тотчас окажется в нескольких метрах от тебя. Низко прижимая голову к земле, зверь неожиданно взметнётся на дыбы и, настороженно понюхав воздух, дохнёт в лицо утробным неизведанным смрадом.

И теперь уже твоё дикое прошлое всплывёт, закопошится холодящим восхищением в душе, и медведь ровно услышит в тебе это пробуждение. Но так будет только, когда ты его позовёшь, и всегда с нетерпением будешь желать этой встречи, незаметно превращаясь при этом в зверя - сильного, загадочного и необыкновенно восприимчивого. Медведь же, несмотря на всё

обаяние, навсегда останется самим собой - грозным властелином тайги, её законным архимандритом, освящающим своим присутствием долгие лесные века.

«Красная горка»

Любой зверь или птица, с приближением весеннего тепла, находит в лесу такое потаённое место, где он наиболее радостно и полно встречает свою любовь. Чаще это происходит почему-то на горке или южном склоне крутого лога, словом, на какой-нибудь небольшой возвышенности, представляя собой иной раз самую обыкновенную кочку, но всегда выгодно приподнятую над окружающей местностью. Птицы и звери словно стремятся непроизвольно возвыситься, чтобы быть ближе к небу и солнцу в своих восторженных чувствах.

В любую другую пору обычно прячась и скрываясь в чаще от чужих глаз, сейчас они странным образом забывают об осторожности и, наоборот, будто норовят, чтобы их заметили и оценили. Лесные обитатели, казалось бы, полностью теряют привычный облик и превращаются в незнакомых никому ранее птиц и зверей, которые, наконец-то, обретают по весне свою «горку».

В народе такую горку издавна прозвали «красной». «Красная», значит, прекрасная, лучше которой нет на всём белом свете! Но не внешней красотой славится она, не добрым лесом или полянкой, а радостной взаимосвязью с окружающей природой. С горки, пусть даже самой маленькой, всё воспринимается гораздо ощутимее и ближе.

Звери и птицы неспроста выбирают именно это место, на том самом холмике, возле того полюбившегося сосняка или болота, под пологом той раскидистой дубравы, потому как оно для них и раздольное житьё, и полное довольство. На «красном» месте и денёк становится «красным», а настроение прекрасным. И как бы сердце ни рвалось весной к недосягаемому горизонту, но успокаивается оно своей, даже не всегда приметной, «красной горкой». На чужой стороне, говорят, и весна не красна!

«Красная горка» - это место встречи весны для птиц и зверей, где они так же, как и люди, выбирают для себя какую-то свою, удивительную и, между тем, очень простую точку восприятия всего самого доброго в своей жизни. Не гору, а именно горку, чуть выдающуюся над всем окружающим пространством вершинку, может быть, самую малость, но обязательно, чтобы она виднелась и хорошо угадывалась! Здесь лесным обитателям суждено продлить свой красный род.

На «красной горке» птицы и звери издают такие мелодичные звуки, что могут родиться только в приподнятости духа, весной. Музыкально и радостно, во имя весны и продолжения рода, как будто заново начинают жить птицы и звери на родной земле, и это торжество чувств важно найти и увидеть в лесу.

Но не всегда птицы и звери откликаются на наше внимание, и следует, наверное, самому весной обратиться зверем или птицей, чтобы они тебя

приняли. Вернее, чтобы позволили обнаружить и допустили к себе, поскольку в человеке весной тоже просыпается желание нахождения своего чувства и места, где оно может быть выражено, и если он связан с природой, постоянно с ней общается, то его «красная горка» соединяется с «красной горкой» зверей и птиц. Человек приходит к тому месту, которое выбрали звери и птицы, и сам вместе с ними, как-то более полно и радостно, встречает свою весну.

«Красную горку» он всегда отметит в лесу, запомнит её местонахождение и, обнаружив, возрадуется. Что-то удивительное произойдёт в его душе, то, что так неожиданно перевернёт её, даже вознесёт и облагородит. Ему захочется слиться с этой душевной приподнятостью птиц и зверей, и понять то, чего он раньше не понимал. А ещё поверить в какую-то удивительную природную занятость всех в общем жизненном потоке - и птиц, и зверей, и людей. В том потоке, что приносит нас к долгожданному единению с лесным миром.

Для человека такое «красное» место присутствовало раньше в любой деревне. Оно было свято, незыблемо, люди стекались туда только в самые великие праздники, и всегда это было связано с чем-то очень значительным в жизни крестьян: с приходом весны и сжиганием чучела зимы, с началом посевных работ или сбором урожая. «Красное» место и располагалось на виду, о нём знал и стар и млад, и все его, конечно, чтили. *«Красным» местом для людей оказывалось то самое радостное состояние души, к которому они стремились весь год и достигали, обновляясь, только весной.*

Весной в природе всегда присутствует приподнятость. Она и в душе, и в каком-то особом отношении леса к жизни животных. Всё в нём создано так тщательно и разумно, что следует только прийти туда и увидеть. Но прежде, чем обрадоваться обретению, нужно быть к нему готовым. Нужно однажды самому приподняться над своей ленью, равнодушием, и отправиться весенним мартовским утром в дальнюю дорогу, как это случилось однажды со мной, когда я одновременно угадал и время начала глухариного тока, и его место.

Мартовское солнце уже с самого утра слепило нестерпимо, густые синие тени от широких елей убегали вглубь леса, играючи прятались за деревьями и сливались, образуя загадочную затаенность, а крупные крестики от глухариных лап на снегу почему-то удивительным образом зачаровывали. Ни у рябчика, ни у тетерева следы такого воздействия не оказывают. Только глухариные, с палец толщиной, следы манят за собой, будто обещая что-то необычное. Идёшь по ним, и не можешь налюбоваться, так же, как и не можешь объяснить, отчего так происходит.

Но ещё более загадочно то, что в мартовском утреннем лесу следы глухаря почему-то всегда выводят тебя на какую-либо горку или солнечный угор. Привязанность птицы к такому высокому месту очень интересна и удивительна. Ведь глухарю не приходит на ум усесться на какой-нибудь раскидистой сосне, повыше, подставив перламутровую грудь ласковым солнечным лучам, а хочется потоптаться именно на вершине горки, там, где снег подтаивает в первую очередь.

Снег с каждым мгновением всё более вязнет, тяжелый глухарь проваливается, но не покидает свою «красную горку». Раскинув в стороны крылья и раздув шею, он начинает выписывать свои чертежи, что выгнутыми серпами тянутся вдоль следа, указывая приблизительное местонахождение будущего тока. Глухарь, как индюк, как-то косолапо переставляет в зернистом снегу лохматые лапы, время от времени гордо выпячивает грудь и на мгновение замирает, настороженно склонив голову набок, а через секунду вновь, ещё более оживлённо, наворачивает свои мудреные петли. И всё норовит пройтись по самому крутому гребню склона, где, кажется, вот-вот скатится или оборвётся, но ничего не происходит, и глухарь благополучно минует опасное место, в следующий миг уже нацеливаясь на более рисковое. Редко когда удается подсмотреть это сокровенное лесное таинство, ну, а если уж посчастливилось, радости нет предела!

И разве может быть предел в сопереживании с птицей её весны, когда гордый самец торжественно одевается в праздничные одежды?! Наливаются брусничным соком его брови, отливает зеленоватым перламутром выгнутая грудь, распушается и без того роскошный веерообразный хвост, горбятся в любовном напряжении крылья, а карий глаз косит безумным возбуждением, блестит. Всё в глухаре - великая весенняя страсть, словно приподнимающая его над самим собой. Еле сдерживаемая радость со смятением, и такое восхитительное нетерпение!

А где-то, неподалеку, слышится и тетеревиное бормотание, что настойчиво разносится над землёй. То затухая, то всё сильнее разгораясь, оно, кажется, переливается через край, захлёстывает своей самозабвенной отдачей и увлекает за собой. Хочется бросить всё, и идти на этот призывный звук, позабыв себя. Искать ту самую «красную горку» своей долгожданной весны!

Среди частых кочек потаённого лесного болота, что уже почти высохло, происходит весной неведомый многим дупелиный ток. Возбуждённые самцы, от переполняющего их волнения, привстают на цыпочки, гордо выпячивают грудь, и как будто тянутся в недосягаемые для них выси. При этом они в возбуждении прихлопывают крыльями, клацают клювами и без устали вертятся на месте, то и дело подскакивая. Всё их маленькое птичье существо прорывается наружу в радостной песне.

Радость свою лесные кулики всегда стараются преумножить за счёт того, что забираются на какую-нибудь ближайшую кочку, и уже с неё, ещё более азартно, принимаются провозглашать весну. Порой начинает казаться, что от этого они даже становятся крупнее. Так хочется, наверное, дупелям приподняться выше, причём, не отрываясь от земли, не взлетая.

Такие высыпки удивительно подвижны и действительно вызывают у наблюдающего за ними человека ощущение приподнятости. Будто это стайка диковинных буровато-кремовых бабочек восторженно приплясывает над укромным лесным пространством, а улетать почему-то не желает. Хочется без конца смотреть на них, и вместе с ними восторгаться весенним праздником жизни. Весенние брачные игры этих маленьких птиц в нём, может быть, самое удивительное и незабываемое таинство.

Токование лесного кулика - это именно таинство, в отличие от

самозабвенного токования тетерева, сто, скорее, похоже на массовое шумное игрище, когда вокруг всё кипит, гудит и катится по округе нескончаемым звуковым шаром. У дупеля же все его движения напоминают ритуальные танцы, загадочные, как сами птицы, волшебные и очень трепетные. Трепещущие нотки их нежных голосов создают тоненькие нити серебристых трелей, что невидимо разносятся в поющей синеве весеннего воздуха и не тают. А очаровательные птички вновь и вновь взбегают на выбранную для себя возвышенность, свою «красную горку», и дарят всем незатухающую нежную песню.

И всё же тетерева, несмотря на свою удаль и какую-то неподражаемую весеннюю отрешённость, оказываются не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени устремленными к возвышенности птицами. Всё в них по весне нацелено на эту непоколебимую приподнятость, жар их чувств угадывается уже в налившихся алым соком бровях, в устрашающих, но вместе с тем и очень забавных позах, когда самцы, будто набычившись, наклоняют голову вперед, вытягивают надувшуюся шею и, выгнув веером лирообразный хвост, отчаянно нацеливаются друг на друга. Со стороны такое поведение тетеревов выглядит и угрожающе, и смешно, но птицы всецело охвачены своей «игрой»: без конца кружат по поляне, подпрыгивают и ударяются грудь в грудь, так что летят перья!

Вот какой-то краснобровый красавец, в добротно скроенном и ладно сидящем на нём иссиня-черном «сюртучке», вознамерился всех устрашить своим решительным видом, и бросился, что было мочи, в самый крут токующих птиц… Выгнув спину и распушив хвост, он для начала гордо выпятил грудь, отрывисто прочуфыкал и мелким семенящим бегом ринулся вперёд. Неожиданно двигаясь «галсами» то вправо, то влево, он ловко оббегал других самцов, надеясь, наверное, таким образом, их запугать, резко останавливался и быстро поворачивался вокруг себя. Невозможно было при этом никого из птиц не зацепить, и раззадоренные тетерева тотчас переключались на бросившего им вызов обидчика, вскрикивали, бесстрашно налетали на него, так что уж ничего было не разобрать. И тогда ток превращался в сплошной чёрный ком, бубукающий, чуфыкающий и гремящий на всю округу. Попробовал бы тут какой-нибудь косач спокойно усидеть в стороне!

Но даже охваченные страстью, вроде бы, ничего не замечающие тетерева всё-таки умудряются двигаться так, чтобы оказаться на каком-либо возвышенном месте. Какая-то неведомая сила исподволь неотступно тянет их сюда, и птицы подчиняются этому скрытому зову, а вернее, не противятся ему. Они в гармонии с окружающей весной и природой, и им нечего выгадывать в своём восторженном чувстве. Заняв возвышенную позицию, тетерева ещё более самоотверженно бросаются в священную для себя драку.

«Красная горка» для косачей - это оплот их приподнятых по весне чувств, осуществление заложенного самой природой желания, во что бы то ни стало, добиться любви и продлить свой тетеревиный род. Это счастье вот такого,

незаметно просыпающегося весеннего дня, когда каждая птица готова отдать себя без остатка, а назавтра с неутихающей силой всё повторится вновь.

Пронизывая очищенный апрельскими дождями и крепкими утренниками воздух, тетеревиная песня слышится далеко, но если ток протекает на горе, то, бывает, его отзвуки разносятся даже на несколько километров. Возвращаясь не спеша с глухариного тока и заслышав зачаровывающее тетеревиное бульканье, всегда остановишься, присядешь и, невольно замечтавшись, вдруг радостно отметишь про себя: это косачи непременно облюбовали для себя свою «красную горку», отчего песня их льётся весело и без перерыва.

Бестолковые по весне зайцы тоже устремляются с наступлением тепла к чему-то высокому в своей жизни. Правда, получается это у них, опять же, весело и смешно. Выбрав для себя к вечеру удобную поляну, они потихоньку направляются к ней, незаметно выбираются на опушку и, затаившись, ждут чего-то. Их розовые носы двигаются в такт проистекающих вокруг ароматов, вдыхают долгожданную весну, и зайцы не торопятся что-либо предпринять. Зайцы ждут появления длинноухих красавиц, что взбудоражат в них ту недостающую им резвость, когда они как будто встрепенутся в себе, сбросят приятную сонную одурь и вдруг оживут.

Всё в зайцах теперь желает отдаться только по весне присущей им раскрепощённости, когда они могут вмиг одуреть, и зайцы начинают беситься. Бегают по кругу, прижимаются к земле и восторженно лопочут, могут перебежать у тебя под самыми ногами, присесть неподалеку и от радости взвизгнуть. Что-то они сообщают друг другу, даже, кажется, требуют и не всегда обретают. Сколько давно сдерживаемой силы выплёскивается из обезумевших от весны зайцев, и их необъяснимо тянет к какой-то высоте!

Может быть, к высоте над собой, а вернее, в себе, что таилась долгое зимнее время, когда зайцу приходилось довольствоваться малым, но, в тоже время, таким приятным. И всё же, зайцу захотелось взбрыкнуть, выбежать на открытое пространство и во всеуслышание объявить о своём существовании. Что жив он, радостен и неустрашим, несмотря на подстерегающие его каждый день тревоги. Заяц будто обретает давно забытую смелость, что никогда не покидала его и только ждала своего пробуждения. Заяц сразу представляется всем очень смелым зверьком, способным, когда этого ему захочется, воспрянуть загнанной от страха душой, и просто, по-весеннему, обрадоваться.

Как и птицы, он почему-то желает отвоевать у своих собратьев хоть небольшую возвышенность, а когда отвоюет - уже ни за что её не уступит, остервенело обихаживая понравившуюся ему зайчиху. Горка маленькая, с еле приметный земляной пятачок, но заяц держится за него цепко, и ведёт себя очень неустрашимо.

При этом он может доставить облюбованной зайчихе массу неприятных хлопот, поскольку, видимо, не в силах удержать в себе проснувшуюся страсть. Любя свою подругу, заяц может в порыве чувств вырвать у нее с бока целый клок, а то и хвост! Нелегко даются озадаченной зайчихе его весеннее тепло и ласка!

А другие зайцы, не обращая внимания на счастливца, носятся без задних ног по приподнятой от весеннего настроения поляне, и всё норовят достигнуть её венца. Вот бы взлететь в своём восторженном чувстве над этой поляной, а лучше - прямо за густой еловый лес, где им откроется нечто непостижимое, но такое же, наверное, восторженное, как их теперешняя жизнь! И зайцы носятся как угорелые, куда-то стремятся, и весна не разочаровывает их. Она по-доброму движет отрешёнными заячьими душами, не сдерживает их и даже иногда, наверное, обещает то, чего им на деле никогда не достигнуть. Хороши бы были зайцы, если б не верили в невидимую ни для кого, но всё-таки возвышенную и лёгкую заячью судьбу!

Свою своеобразную «красную горку», тщательно скрытую от чужих глаз, выбирают для своих свадеб в весеннем лесу и волки. Где-нибудь на небольшом пригорке, посреди густо заросшей старой вырубки, облюбует себе волчица такую плешинку, маленький островок любви, и держится его с самцом какое-то время. В весеннюю пору волки много перемещаются по округе, и, обнаружив какую-либо удобно открытую площадку, чаще почему-то, хотя бы немножко, приподнятую, волчица обильно метит ее ярко-желтой мочевиной. Всегда случайно натолкнёшься на такое место, и поразишься его дичью!

Весь снег на такой площадке тщательно вытоптан, тогда как кругом не тронут, и эта чёткая грань представляется нереальной. Как можно сохранить подобную четкость для сильного, неудержимого зверя в пору любовной необузданности?! И всё же волки не нарушают какую-то условную, понятную только им самим границу, в ней околдовывает именно эта скученность, тогда как вокруг белеют необъятные снежные просторы, что остаются девственными. Волки, должно быть, так сильно сосредоточены на охватившем их чувстве, что не в силах выскочить за его рамки, хотя бы, чуть-чуть в сторону. Звери самозабвенно схватываются в любовном танце, и им вполне достаточно этого крохотного островка, чтобы насладиться своей близостью. Еле приметный бугорок, кажется, даже вдавливается в землю, с такой остервенелостью звери любят друг друга.

А вообще, волкам, как и многим другим животным и птицам, во время свадеб свойственны игры. Звери, уединившись, бегают друг за другом, припадают на передние лапы, и самки прижимаются головой к груди самца. В этой позе они вытягивают хвост и бьют им по снегу, оставляя отчетливые отпечатки, а прижимаясь мордой к морде во время прыжков, становятся на задние лапы, упираясь передними в партнёра. В таком положении волки часто падают вместе набок и снова начинают гоняться друг за другом. По ночам, в разгар гона, самцы часто садятся на своих маленьких возвышениях и воют так, что услышать их можно очень далеко.

Но что же, всё-таки, вынуждает волков подыскивать в лесной чаще именно этот, еле приметно возвышающийся бугорок? Кроме, как восторженной приподнятостью чувств от всего, что переживают звери, трудно объяснить происходящее. Волкам, точно так же, как и птицам, хочется, по-видимому, быть в это время немножко выше и в себе, и в лесу, и они тянутся к

своей горке, что красна их необузданными действиями, чувствами и долгожданной весной!

Когда на такой горке, весной, происходит радостное возвышение звериных и человеческих душ, всегда светит солнце, а восторженность их чувств создаёт над ней волшебный венец. Он тоже всегда солнечный, но почти невидимый: его можно угадать только сердцем, неравнодушным отношением к себе и природе.

Венец то ярко вспыхивает, то ненадолго меркнет, но при этом никогда не ощущается его отсутствие. Он - пик торжества, что совершается весной в сердечной слитности всех с «красной горкой», что показывается лишь тому, кто любит. Всё зависит от твоего чуткого отношения к жизни, незамутнённого ничем любовного чувства.

А чувство это ведёт именно к «красной горке», где всегда происходит рождение чего-то нового. Не каждый день, а только в какой-то особый весенний момент, куда надо суметь попасть, почувствовать его и слиться с ним. Чем больше думаешь, чувствуешь и видишь в лесу, тем радостней воспринимается это удивительное весеннее чудо - «красная горка»!

Дневник глухаря

Не знаю почему, но наброды глухаря по весне меня удивительным образом зачаровывают. Бывает, наткнёшься на них солнечным мартовским утром, остановишься и засмотришься. Вспомнишь вдруг, что тетеревиные и рябчиковые отпечатки такого интереса никогда не вызывают. Чем, казалось бы, могут привлечь обыкновенные птичьи наброды, пусть и превышающие все остальные по размеру? Тянутся себе неприхотливо среди берёз, ничем особым не выделяясь, а между тем притягивают. Так бы бросил всё, да отправился за ними вглубь леса, позабыв про заботы.

Глухариные наброды - это следы, которые оставляют после себя взрослые петухи, что в предвкушении скорых токов пока только пробуют свои силы. Уже в феврале они слетаются в места будущих токовищ, и более опытные самцы преподают уроки молодёжи. В эту пору сеголетки ещё не отгоняются стариками и могут находиться рядом, постигая все степени мастерства.

Если тока ещё не начались, следы обычно тянутся однообразной цепочкой вдоль какой-либо опушки или по склону лога, ничем замечательным не выделяясь. Они лишь настраивают знающего человека на необходимый лад ожидания скорого токовища и указывают на его приблизительное нахождение. Именно в начале марта, по насту, следует разыскивать подобные сборища глухарей, определяя по следу их численность.

Как только время для тока подступает, вдоль набродов, по обеим сторонам, появляются короткие чирки от крыльев, они и являются верным признаком того, что ток всю весну будет проходить именно здесь. Сначала это действительно просто коротенькие росчерки, едва различимые и очень неуверенные, через несколько дней росчерки превращаются в крутые дуги,

впрочем, ещё изредка прерывающиеся, неглубокие, но, в конце концов, они оборачиваются сплошными бороздами, когда глухарь уже не чертит, а волочит крылья, не отдавая себе отчёта в охватившем его весеннем возбуждении. Борозды бывают трёх, четырёх и даже пяти полосные, что зависит от количества маховых перьев на крыльях птицы и, конечно, от её возраста.

А с середины апреля вдоль отпечатков глухариных лап и крыльев начинают попадаться аккуратные следы копалухи, что свидетельствует о начавшейся любви... Раньше самочки только держались неподалеку, радостным «бабаканьем» и «коткaньем» то и дело возвещая о своём присутствии, но приблизиться не решались. Они как будто ждали какого-то верного сигнала, по которому можно было броситься без оглядки на зов взбудораженного токовика и, заслышав его, уже не могли с собой совладать. Глухари же с каждым днём всё более разжигали себя, матерели, и тока вступали в свою самую жаркую пору.

В это самое время на укромных лесных полянах появляются утоптанные площадки, к которым с двух сторон ведут наброды взрослых петухов. Здесь глухари оспаривают между собой право на продление глухариного рода именно одного самца, более красивого и сильного, и рядом со следом победителя в скором времени можно будет увидеть трогательный следок копалухи. Даже по отпечаткам её лап несложно определить, как она ластится к нему и насколько горда его силой. С середины апреля глухарка тоже принимает участие в глухариных заметках, но старается сделать это как можно более ненавязчиво.

Правда, начинается глухариный дневник задолго до весны, в заснеженной утробе декабря. Там, в глубоком и рыхлом снегу, глухари оставляют свои потаённые лунки - снежные домики, проводя в них две-три морозные ночи. Тогда глухари ещё ничего не пишут, а лишь задумывают свои лесные повести, во снах же, наверное, видят одну весну.

Но когда на самом деле приходит весна, глухарь работает старательно, на совесть, ни дня не пропуская без строчки. Только если вдруг завьюжит последняя апрельская метель, прекращает он своё снеготворчество. Ждёт глухарь следующей оттепели, чтобы опять начать отчёт о своих душевных секретах.

Спешит глухарь сообщить о них и горке над самым логом, и занесённому снегом моховому болоту, и прихорашивающимся на ласковом солнце соснам. Даже за логом побывает, исчертит там всю солнечную опушку, а затем взлетит на любимую сосну и в возбуждении окропит с удобного сука снег под деревом своим токовым помётом. Это тоже его визитка, и по ней можно прочесть о том, где вернее всего встретить глухаря на следующее утро, и как он переполнен охватившим всё живое весенним настроением.

При такой приподнятости духа недалеко и до танцев, что тоже становится хорошо заметным на снегу, если не торопиться и быть внимательным. Вот глухарь выгнул шею, вынес тело вперёд, издал свое тэканье и побежал, да всё быстрее, проворнее. Смешно со стороны наблюдать в этот момент за птицей!

И вдруг как выпрыгнет вверх, подавшись чуть вперёд, да захлебнётся в токовании, а через миг - вновь прыжок, распушив перья, с растопыренными крыльями, весь содрогаясь от переживания неподвластного ему чувства. Борода трясётся, коричневый глаз осоловело косит в сторону, будто и сам глухарь не понимает, что с ним происходит: зачем он прыгает на месте, изгибает шею и топорщит веером хвост.

Танец любви, казалось бы, не предполагает каких-либо записей, но на языке природы и самого глухаря он предельно лаконично отображается на снегу в виде глубоких, чуть осыпавшихся и съехавших в сторону крестов от лап, когда полупудовая птица приседает на землю. Глухарю не в диковинку просто взлететь, а хочется подпрыгивать, восторженно встречая долгожданную весну. Здесь уж ему не до обстоятельных росчерков-записей, лишь бы не уронить своё древнее глухариное достоинство!

Знаки, что глухарь оставляет весной на снегу, это радостная примета, предвестие скорого торжества, чувственное изъявление своих скрытых с древности устремлений. Обнаружить эти знаки, оставленные глухарём на снегу, значит причаститься к тайне леса, что в немалой мере созидает и глухарь. Знаки глухаря на снегу - это ещё и своего рода тавро, его фирменное клеймо, без которого этой птице не обойтись весной.

Ни букв, ни слов нет в глухарином письме, только округлые чёрточки, крестики и линии. Глухарь вычерчивает свои весенние чувства, а снег, как бумажный лист, всё запечатлевает и сохраняет до первой метели. Оттого глухарь и ведёт дневник лишь по утрам и как можно раньше, когда ночная позёмка уже улеглась, дневная же ещё не начиналась. Глухарь как будто боится, что кто-то подсмотрит это его вековечное таинство, или просто помешает, и он, не унимаясь, всё строчит и строчит, строчит и строчит.

Но азбука в тридцать с лишним букв велика для глухаря, да он её и не учит в отличие от детей, что, одолевая грамоту, во всю избу кричат. Точнее даже - он совсем её не знает, но писать принимается с удовольствием, так же, как и ребятишки, провозглашая своё лесное знание во всеуслышание. Поначалу глухарь только кхеркает, изредка пощёлкивает, а уж затем точит без устали, чуть не захлебываясь. Азбука у него скорее нотная, чем буквенная, и её чарующие звуки радостно разносятся по всей округе.

В народе всякое письмо, записку или даже исписанный клок бумажки звали грамотой, но хотя глухарь и неграмотен, он, бывает, точен в своей снежной звукозаписи: умение писать в нём - от природы, что лучший учитель. Живёт глухарь в лесной тиши и пишет нам свои грамматики, будто на память, чтобы мы знали о скрытой в лесу красоте, хранили её и не забывали. Любознательному человеку глухариная грамота всегда пригодится.

Грамота глухаря тверда на снегу, в особенности по утреннику, да вот язык шепеляв. Шипит глухарь от возбуждения, даже петухом квохчет, и все его слова-нотки сливаются в сплошную какофонию. А поскольку память у глухаря стара, то и простая грамота его мудра. Нет в ней ничего лишнего: только самое главное - любовный порыв, радость и восхищение от того, что он

переживает. Глухарь, должно быть, и сам не ведает, что грамоте горазд.

Глухариные росчерки чем-то сродни восточным иероглифам, мастерству китайской росписи по влажной бумаге. Встающее солнце жарит всё сильнее - росчерки оседают, плавятся и постепенно становятся неразличимы. С раннего утра чёткие, отражающие малейшее движение крыла, после полудня они почти незаметны. К вечеру же и совсем исчезают. Даже объяснить невозможно, чем завораживают эти росчерки поутру, в ясный мартовский день, когда стоишь, смотришь на них и не можешь понять: куда уводят они тебя и зачем?

И всё же это очень приятно: находить глухариные следы, идти вдоль них, наклоняться и разглядывать. Представлять, как глухарь бродил здесь, среди разреженных сосен, горделиво вздрагивая бородой, и тоже, наверное, мучился чем-то. А может быть, и не ведал никаких забот.

Так, радовался своей жизни и ничем не томился. Ему было замечательно от того, что вокруг весна, и иного он не желал. Откуда ему было знать, что всё близкое и дорогое ему - дорого и близко ещё и человеку!

Пишет глухарь своим пером, что китаец кистью: все любуются и ничего не понимают. При этом глухарь ничуть не сочиняет, а излагает свои чувства, описывая переживаемые им события присущим ему способом. Письмо его совсем не диковинное, вполне обычное для леса и птицы, что сама по себе необычна. Просто глухарю так удобно вести рассказ о своих незатейливых делах, о лесных загадках и тайнах. Весна лучшее время для творчества!

Иной пишет стихами лучше, чем прозою; многие говорят хорошо, а пишут бестолково; кто-то пишет, словно рожает; а у кого-то - аж перо скрипит! Глухарь же в своем творчестве не торопится, будто картину рисует. Не спеша, с толком и расстановкою, чтобы по достоинству оценили его весенние способности. Глухарь по весне, должно быть, чувствует себя поэтом, и ничто ему в этом не может помешать!

Про глухаря бы можно было сказать и такое: пиши не пиши - от этого ничего не прибудет, но разве допустимо подобное даже думать о птице, у которой в письме - ни греха, ни поклепа, только сокровенные лесные чувства? Попробуй-ка добудиться их у других зверей и птиц, когда они ничего после себя не оставляют: ни пера, ни следов, ни помёта с погадками. Глухарь же ни о чём не умалчивает, расписывая разными красками узор, на который давно никто не обращает внимания. Ему бы писало вместо крыла - он какую угодно историю бы настрочил!

Глухарь - словно мудрый писец, что пишет по обязанности, званию и должности, дарованной ему природой, а не простой писарь-переписчик, что выделывает причудливые колена. Тот, кто составляет необходимые всем писцовые книги о расцветающей земле, её надеждах, снах и совершающихся чудесных событиях, способных перевернуть всё в душе. Глухарь своими письменами живой дух творит в том, кто себя однажды не упустил, и так же, как глухарь, на творческий путь решился.

Крыло у глухаря - за место пера, заснеженная поляна - белая страница.

Бежит по ней глухариная строка то поперёк, то вдоль, может и столбцом вывернуть! Вольное глухариное письмо - не рябчиковая строчка, что незаметно тянется тоненькой стёжкой, оно - у всех на виду!

Иной раз петух так раздухарится, что нотную грамоту в пять черт, с диковинными знаками по снегу распишет, и ну по ней без запинки чесать: «тэке, тэке, тэке, тэке-е, тэкерре-тэкерре-тэкерре-тэкерре-цирси-цирси-цирси, чикивря-чикивря-чикив-ря, чек-уо-о-кк!» Всякое, хоть махонькое настроение у него в строчку идёт, ничего не пропадает. И пишет глухарь, и тут же поёт: только успевай читать да на ус наматывать, а он, знай, строчит!

Настрочит глухарь, кажется, целую поэму, места свободного не видно, тогда он на ближнюю ветку подскочит, и давай на ней туда-сюда ходить, уже на память свои сочинения декламировать. Ей-богу, про всё на свете позабудешь, если на него в эту пору заглядишься!

Распустив крылья, глухарь не размахивает ими широко, а поводит с изяществом, не разбазаривая своё природное чувство понапрасну. Принять кого под свои крылья, то есть взять под защиту, глухарь не намерен, но, чуть растопырив их и приспустив, он становится похож на горделивый корабль с парусами, поддуваемый ветром. Вот-вот распустится во всей своей красе и поплывёт - только держи!

И хоть говорят, что птицу за крылья не хвалят, у глухаря они по весне за место рук: и пишут, и рисуют, и счёт любовным победам ведут, и в схватке с чужаками выручают, и, с неиссякаемой бодростью по бокам прихлопывая, лес диковинной музыкой оживляют. Со своими незаменимыми крыльями глухарь выше себя самого и леса вырастает, а потом опять на снег опускается, и всё пишет, пишет, пишет.

Пишет глухарь свой весенний дневник, как и любой поэт, по-разному: то с настроением, восторженно, то более сдержанно, с вдумчивой расстановкою, а иной раз и вовсе как придётся, лишь бы чего-нибудь нацарапать! Хулить его за такое слабосильное сочинительство не с руки, потому как силы свои глухарь черпает, как и человек, в природе, а она порой, особенно по весне, бывает достаточно строптива. И на глухаре отзываются порядком затянувшаяся оттепель, студёный северный ветер, нескончаемые холодные дожди или неожиданные снежные бураны. Разве тут до писания!

Дневник свой глухарь любит вести, когда вокруг упоительное тепло, торжество звуков, запахов и света! Глухарь кладёт свои кресты на снег как по-писаному, не торопясь, будто поклоны веские бьёт. Да всё по-учёному, не просто так, скороспелкою, а добротно, с загадкою на всю оставшуюся весну. Не знаю даже, чем привлекают меня его крестообразные следы толщиною в палец, четко отпечатавшиеся в подтаивающем насте? Может быть, своей диковинной величиной, необычностью того, что большая и чуткая птица ходит вот так, открыто, по снегу и не таится?

Как бы там ни было, но глухарь времени зря не теряет: знай, барином между сосен выхаживает, владения свои осматривает, всё примечает. Там строчку черканёт, тут вензелем распишется, не сразу и разберёшь его задумку.

Было бы, главное, желание, а о чём писать, у него найдётся.

Да вот хотя бы про труды свои праведные, что не дают глухарю покоя ни днём, ни ночью в весеннюю пору! Творческая работа, его заветное по весне занятие, требует от глухаря особых усилий, старания и заботы. Напрягаясь телом и своим таинственным духом, глухарь себя не утомляет, а совершает всё в радость, с превеликим упоением. Бровью водит, крылом пишет - откуда что берётся!

Он рождён на этот весенний труд - просыпаться задолго до зари, потаённо сидеть в сосновых ветках и ждать, когда что-то неуловимое сдвинется в предрассветном воздухе, и он тотчас проверит горло гулким щелчком, будто кто ударит пальцем по спичечному коробку. А потом, постепенно, заточит, запоёт только ему присущими свободными росчерками в конце, и будет так греметь своей неудержимой влюбленной волей до самого восхода солнца. Слетев же на снег, пройдётся забиякой-франтом, важно выгнув грудь, подскочит раз-другой для острастки невидимого соперника, и вдруг бросится стремглав к краю поляны, где настороженно замрёт. Глухарь переполнен охватившими его чувствами, и он горд за тот труд, что доверила ему весна.

Без весеннего творческого труда для глухаря нет добра. Труд этот, в первую очередь, ему удовлетворение дарит, затем копалуху восхищает и, наконец, род глухариный продолжает. Длиться ему, как и прежде, века веков!

Но для того чтобы не иссякли силы, глухарь должен сосновой иглы пощипать или с ёлки, когда же появятся проталины, он слетает на землю и выискивает прошлогоднюю сладкую клюкву. Весенние заботы укрепляют не только дух глухаря, но и тело, и хоть говорят, что от трудов праведных не наживешь палат каменных, так они ему - ни к чему. Был бы лес да копалуха, а для них - и труд не в труд!

Велики труды глухаря только для лесного бога, что труды эти любит. Бог с трудов глухариных еду и дом птице даёт, себе же духовную силу оставляет. Их совместное терпение и труд всё перетирают, и получается мука, из которой спеет лесное богатство.

Работает глухарь, не покладая крыл и, кажется, знать не знает, что служит не только лесному богу, но и человеку. Человек, разбирая по весне глухариные записи, радость обретает, будто и сам в этом творчестве участвовал. Ему тоже хочется что-нибудь такое написать, чтобы все узнали о его жизни и любви. О том, как он шёл к своей весне, и не ошибся в ней.

Идёт человек вдоль глухариного наброда и думает: глухарь весне радуется и об этом дневник пишет, моя же работа – всматриваться и вслушиваться, познавать и находить то, что звери и птицы не в силах передать человеку. И ещё молиться, чтобы лес никогда не кончался, и глухари не переводились, через которых лесной бог даёт нам знание и силы. Древо доброе и плоды добрые плодит!

Спасибо Богу за богово, а глухарю за его увлекательный дневник, что он каждый год по-новому набело переписывает, и это никому не надоедает!

Журавли

В тихий вечерний час, когда, кажется, что мир людей исчез, существует лишь глухой лесной уголок и оживленная перекличка вспархивающих в еловых ветвях кукушек, я сидел у выцветшей от времени избушки и вслушивался в предночную птичью кутерьму. Всё, что было до этого, кажется, никогда не существовало и позабылось, а сейчас моя душа жадно вбирала, вслушивалась и торжествовала, будто обретая бессмертие. Неповторимая и единственная жизнь, по многим причинам однажды упущенная, благодаря этому тихому майскому вечеру возвращалась. Когда-то здесь была делянка, но, разработав её, лесорубы оставили после себя небольшой деревянный балок на санях, с печкой, и он уже третий год служил мне обиталищем на время глухариных токов.

За две недели моего отсутствия перед избушкой открылись моховые кочки, усыпанные щепой и хвойным мусором, отчего всё сразу приобрело непривычно оголенный и какой-то неустроенный вид. Талая вода заполнила пространство, занимаемое старым, каждый год высыхающим болотом, и когда я попробовал осторожно ступить в студенисто-бурую, чавкающую снеговую массу, отражённые в неё высокие ели, покачиваясь, накренились в зыбко переливающейся поверхности и стали как будто досягаемыми. Ручьи бесшумно струились по склонам, подтачивая ноздреватые снежные глыбы в глубоких логах, и всё вокруг приходило в неописуемо восторженное движение.

За болотом, напротив, затрубили журавли, а через миг я увидел, как две величественные птицы, неловко взмахивая сильными крыльями, протянули на фоне огромного закатного солнца, - такого же, как их полёт, недосягаемого и величественного. И в душе что-то неожиданно перевернулось, как будто всё зимнее, гнетущее дух, наконец-то, отступило, а новое и жизнеутверждающее пробудилось.

В их больших телах не чувствовалось никакой тяжести, только уверенность прожитых птичьих лет, постоянная готовность к размеренному полёту и какая-то несгибаемость. Журавль, как, наверное, и любая другая птица, не копит в себе ничего ненужного. Журавлю требуется лишь плавно взлетать невысоко над землёй, чтобы кому-то полёт его был хорошо виден, а ему самому можно было бы спастись от чьих-то зубов. Неприхотливое и умиротворяющее парение птицы, не желающей оставлять землю, - вот всё, что нужно журавлю в его жизни.

Но иногда кажется, что только не терпящая отлагательств необходимость поднимает журавлей в небо: до того обременительно для них всё это выглядит на первый взгляд, со стороны. И всё же, преодолев на подъёме своё недовольство по поводу нарушенного кем-либо размеренного покоя, журавли с удовольствием выпрямляются в воздухе и, словно стряхивая с себя нечто надоевшее, успокоено наслаждаются ровным и независимым парением. И

тогда уже думается, что птицы живут только во имя вот такого невесомого состояния, когда благословенная земля до конца никогда не уплывает из-под крыльев, а предстоящая жизнь под небесами представляется прекрасной в своей ясности и простоте.

Журавли неторопливо плыли над лесными полянами, как будто не замечая всего, что происходило внизу и вокруг. Время от времени они пронзительно оглашали округу, и тут же отрешённо умолкали, так, что слышался лишь вкрадчивый шорох их крыльев. Эти задумчивые, романтичные птицы всегда почему-то вселяли в людей добрую надежду, обогащая их души.

Журавлей было двое, и поднялись они в воздух неподалёку от гнезда у старой берёзы, на которое я наткнулся случайно в прошлую поездку. Гнездо было никем не занято, и я, помнится, долго стоял, всматриваясь в верхушку дерева, пока не услышал тревожащий душу крик, разносящийся над лесом. Обхватив берёзу руками и прижавшись к ней щекой, я пристально вслушивался и никак не мог понять: кому он принадлежит?

Вечером, за два часа до захода солнца, угнетающий крик утраты, вперемешку с жалобной надеждой, вновь повторился, и будто заглушил все лесные звуки. Начинаясь с торжествующей ноты, он в своём исходе как бы захлебывался в нежности одного живого существа к другому, и даже когда источник его куда-то удалялся, звук изливаемой кем-то горечи, кажется, повисал в воздухе, цепляясь за лохматые ветви елей, и будто не желал просто так растворяться. Он жил во всём, требовал к себе внимания, но при всей своей удручённости не был обременителен.

Поначалу я подумал, что это где-то у самой реки, под ветром, плачет старая берёза, или рядом растущие деревья трутся друг о друга белой ядрёной корой, издавая такой заунывно-пронзительный, завораживающий звук. Стоя как вкопанный, я пристально вслушивался в мерно плывущее над рекой звучание, и не мог понять: что меня в нём так очаровывает? Будто бы кто-то надрывал свою и без того растерзанную душу, изливая её в неудержимом плаче и тоске. Чья-то неведомая лесная боль рождалась, во всеуслышание заявляла о себе и, не найдя ни в ком отклика, тут же умирала. Но что-то всё-таки оставалось, будоражило и не давало покоя, и только позже я догадался, что эта горечь оседала в моей душе.

По небу плыли лёгкие розоватые облака. Подняв голову, я, к своему удивлению, обнаружил на одной из берёз большое гнездо. Оно принадлежало цапле, и казалось нежилым. И тут меня осенило: уж не журавль ли это подаёт свой тревожащий душу голос?

Только я об этом подумал, как голос переместился вверх по реке. Он нисколько не переменился, был такой же монотонный и жалобный, но не просящий. В нём чувствовалась удивительная проникновенность птицы, её неиссякаемое терпение и воля.

Ещё с полчаса постояв под гнездом, но так никого и не дождавшись, я двинулся вдоль берега вслед за растаявшим над рекой звуком. И тотчас между

берёз мелькнула большая птица, и с трубным призывным криком стала удаляться, всё время заметно забирая на восток. То было, конечно, журавлиное курлыканье - большая редкость по нашим временам, тем более вот так открыто, совсем рядом. Застигнутый врасплох охватившей радостью, я не сразу придал значение тому, что птица в такую ответственную пору находится одна...

Только поздно вечером, когда солнце уже опустилось за горизонт, опять послышалось одинокое, мягко терзающее сердце курлыканье. Журавль летел также над рекой, но уже с противоположной стороны, как бы замыкая невидимый для меня круг. Он отсутствовал ровно два с половиной часа, и я впервые подумал о том, что птица кого-то ищет.

Журавль, видимо, разыскивал подругу, надрывно звал её и не находил. В своих поисках он придерживался одного и того же направления, какому они вместе, должно быть, следовали раньше, и даже не помышлял хотя бы немного отклониться. Журавль будто верил, что самка не могла далеко улететь, она где-то рядом, и её просто нужно поискать.

Подобные полёты журавль совершал и в течение всего следующего дня, чётко ограничивая время своего отсутствия тремя часами. Неизменно, с утра до вечера, несмотря ни на что, надеясь отыскать возлюбленную, журавль с надрывом оглашал округу своей болью, и мне начинало порой казаться, что лес несколько замкнулся в себе, не вправе проявлять всю полноту рождающейся в его недрах жизни. Птица почему-то осталась совсем одна в этом пустынном сейчас для неё мире, и это было противоестественно.

Уже возвращаясь на станцию, в деревне я случайно узнал, что совсем недавно кто-то подстрелил самку журавля, и самец, только прилетев, остался один.

В городе я постоянно думал об этом журавле, что остался в весеннюю пору один, и одиночество его мешало мне жить. Я пытался представить, чем он сейчас занимается, и очень надеялся на то, что он всё-таки найдёт себе пару. Так было горько сознавать, что журавль в одиночестве может погибнуть, и никто не в состоянии ему помочь.

И вот нашлась новая подруга, невероятное событие для весны, когда птицы уже разбились между собой! Но, может быть, просто два одиноких сердца отыскали друг друга и мир охватившего их отчаяния рассеялся, уступив место нежности и надежде?

С особенной радостью встречаем мы весной именно журавлей, что возвращаются на свою родину. Ещё не сошёл до конца снег, не истёк ручьями говорливый апрель, а они уже появляются в высоком небе стройными косяками, изредка вскрикивают в вышине, и, заслышав их голоса, сердце отчего-то переворачивается в груди. Появление ни одних птиц по весне мы не воспринимаем так остро, как прилет журавлей.

Завидев в небе торжественные ряды этих величественных птиц, и стар и млад оставляют все заботы, подолгу всматриваются в небесную высь и не

могут оторвать глаз. Чем-то необъяснимым приковывают журавли внимание людей, вынуждая позабыть суровую зиму и предстоящую нелёгкую работу. Своим неспешным полетом птицы будто возносят души людей, но не отнимают их, вынуждая тоже попробовать полететь, наслаждаясь силой свободы.

«Журавли! Журавли прилетели!» - обычно кричат вездесущие мальчишки, бегут, спотыкаясь, по раскисшим улицам и машут шапками. Великую радость приносят птицы в сердца людей, возвращаясь из тёплых стран на свою родину, и будто отогревают наши застывшие души. Журавли устали после дальнего пути, и, может быть, не все из них достигли родимого дома, но прежде, чем сесть для отдыха где-нибудь на болоте или у реки, они обязательно немножко покружат над полем у деревни и прокричат приветственное «курлы-ы-ы!»

Трудно не любить журавлей за их степенную красоту и какую-то затаенную щемящую боль, которую они всегда несут в себе. Боль эта чувствуется в каждом взмахе их крыльев, крике, неудержимом стремлении к величественному полёту. Всегда почему-то кажется, что им самим совсем не хочется его прерывать, насколько это возможно, птицы продляют свой полёт, а присаживаются только по неотложной надобности. Так бы всё парили, оживляя воздух и землю тёплым дыханием устремляющейся на север весны.

В народе испокон веков замечали, что журавль прилетает и отлетает, сообразуясь с теплом. С прилётом журавлей обычно совпадает открытие полевых работ, выгон скота на пастьбу и даже начало весеннего рыболовства: «Когда прилетят журавли, скотину можно выгнать в поле, а в пруду ловить рыбу». И хотя сам журавль, по народному поверью, утверждает, что это он тепло принёс, а не весна, люди ему всё прощают, потому как любят.

Весной торжественно радостные, проникновенные, под осень голоса птиц становятся печальными. И хоть летят журавли такими же стройными косяками и уже не на север, а на юг, что-то щемящее появляется в их призывной песне, которой они прощаются с людьми до будущей весны. Журавли чуть заметно покачивают им кончиками крыльев, поднимаются всё выше и выше, и прощальные голоса их постепенно растворяются в бескрайнем осеннем небе, так что чудится, будто птицы неслышно произносят: «Прощай, матушка Русь, я к теплу потянусь!» И каждый, уже про себя, так же неслышно повторяет им вслед: «Прощайте, дорогие журавушки, доброго вам пути-дороги! До скорой встречи, до будущей весны!»

В народе примечали, что перед отлётом журавли собираются большими стаями на болотине и долго между собою курлыкают, будто совет держат, каким путём в тёплые страны лететь. Ещё журавлям под осень одна забота - это угадать время отлёта. Существует такая примета, что если журавли в осенний пролёт долго кружатся на одном месте, улетают как бы нерешительно, то осень будет продолжительная и тёплая. Но вот когда журавли потянутся на юг к третьему Спасу, то на Покров будет мороз, а нет, так зима придёт позже. Чем позднее улетают журавли, тем, по народным

наблюдениям, и зима позднее наступит.

Отлёт журавлей всегда знаменует конец лета и начало скучной осенней поры, когда те же мальчишки, завидя журавлиную стаю, бегут за нею по убранному жнивью и кричат: «Колесом дорога!» В этом пожелании, по-видимому, заложено стремление заставить журавлей вернуться назад или, может быть, просто на время сбить их с пути, чтобы они целый день кружили без толку на одном месте, предвещая тем самым ещё долгое время хорошую погоду. Но мешать журавлям в их пролёте, однако, не следует, и лучше прокричать им напутственное приветствие: «Путём дорога!»

Осенью, где-нибудь в середине сентября, когда порядком надоели холодные проливные дожди, хмурое небо всей своей тяжестью навалилось на озябшую землю и кажется, что оно никогда не распогодится, заслышишь вдруг над полем тревожный крик журавлей и встрепенёшься. Всё в тебе сразу подымется, заиграет, и ты как будто избавишься от охватившей тебя осенней одури. Мокрое жнивьё уже не производит такого мрачного впечатления, почерневшие стожки соломы не вызывают уныния, жизнь, оказывается, не умерла, а только на время затихла, чтобы с новой силой пробудиться. Её возродили в твоём сердце журавли.

Журавль - птица дикая, осторожная и близко человека не подпускает, но в народе ему уделялось много внимания. В первую очередь, отмечали его длинные ноги и походку. Когда журавль чувствует себя в безопасности, он важно разгуливает по полю на своих длинных ногах, землю меряет, как говорили крестьяне, только ему и дела.

По этому поводу в народе сложили немало метких поговорок. Например: «Перемерял журавль десятину, говорит - верно». Или: «Пошёл бы журавль в мерщики, так не берут, а в молотильщики - не хочется». А ещё так: «Журавль межи не знает и через неё, знай, ступает».

Крестьяне часто даже надсмехались над манерою журавля передвигаться по болоту: «Шёл журавль по болоту - нос завязил; нос вытащил - хвост завязил». Они утверждали, что журавль ходит по болоту, будто нанимается на работу, а на самом деле он корм для птенцов таким размеренным способом добывает, а если уж замрёт на одной ноге, то всякого перестоит! Одним словом, журавль - птица приметливая и сторожкая, да к тому же летает высоко и видит далеко.

В отличие от многих пернатых журавли, с присущей им цельностью, одинаково величественны как на земле, так и в воздухе. Журавля не без оснований ценят за его высокий красивый полёт целыми стаями, правильнее - косяком, когда впереди летит старый опытный журавль. Так как передовому журавлю лететь труднее других, то птицы меняются между собой. Даже в самых серьезных ситуациях эта птица никогда не теряет достоинства и уверенного спокойствия, как будто давая всем почувствовать свою скрытую силу.

А что происходит у нас в душе, когда осенью или по весне мы вдруг заслышим этот несравнимый ни с чем плач или зов птицы, что переворачивает

всё внутри и куда-то зовёт? Для человека трубный журавлиный крик, может быть, самый желанный из всех весенних и осенних звуков, потому что возбуждает радость близких русскому человеку переживаний. О том, что пришла, наконец-то, долгожданная весна, всколыхнула в каждом внутренние силы и надоумила на настоящий душевный подвиг.

За чередой беспрерывных забот минуло красное лето, скоро грядёт лютая зимушка- зима, а сейчас на дворе колченогая осень с проливными дождями, слякотной землей под ногами и нескончаемыми темными ночами... Благо, что урожай собран, закрома наполнены, и журавлиное курлыканье в вышине не воспринимается обездоленно, как нечто непоправимое. Скорее, оно свидетельство неугасающей жизни, что просто готовится стать ещё более выносливой и сильной.

И великая несгибаемая сила в журавлином голосе, и сладостная грусть: всё, без чего немыслима наша жизнь. Журавли своим присутствием будто преподносят человеку подарок судьбы, что он должен им благоразумно распорядиться, не разбазарив понапрасну. Птицы напоминают людям, чтобы они не сулили журавля в год, а хоть синичку, да в рот, ибо журавль в небе - не добыча. И хотя встарь журавль почитался лакомством, он, по меткому замечанию народа, не каша, еда не наша, потому как тепло приносит. Как, говорили, журавль прилетит с моря, так и убавит нам горя.

Кстати, все эти завораживающие крики, похожие на отдалённое звучание труб, издают одни самцы. И крик журавлей, и одновременно их полёт имеют в себе что-то необъяснимое и привлекательное. Как осенью, так и весной журавлиные голоса доносятся до нашего слуха не сразу, а постепенно, теряясь в других, не менее приятных звуковых тонах, что порождает в эту пору природа.

Журавли никогда не летят сумбурно, скопом, как многие другие птицы, а всегда выстраиваются треугольником, одна сторона которого, по большей части, гораздо длиннее. В этом построении журавлей есть нечто простое и, в тоже время, недосягаемое, как если бы мы хотели дотянуться взором и мыслями до любимых птиц, но улететь вместе с ними, при всём желании, не смогли. Журавли как будто угадывают устремления людей, и прежде, чем отлететь в тёплые края, дают возможность каждому посмотреть на их торжественный полёт и неторопливо обо всём подумать. Журавли в своём неспешном прощании с родиной настраивают души людей на такой же неторопливый и вдумчивый лад. Скоро долгая зима, время необходимых раздумий, и она призвана оздоровить, может быть, даже излечить человеческую душу, а журавли, хотя бы отчасти, помогают ей в этом.

В народе не зря многие названия связаны с их журчащим и каким-то необыкновенно трогательным именем. Журавль - одно из южных созвездий, журавчики - долгоносые щипчики, журавец - рычаг для подъема тяжестей и воды, что устраивают обычно на колодце. Журой или журкой называлось в старину короткое женское верхнее платье, вроде куртки.

Жура, журка, журанька, журочка, журушка, журавлик - какими только

именами не называют у нас журавля! Журавлей на земле становится всё меньше и меньше, и только счастливый человек может радостно воскликнуть, что, действительно, хотя бы раз в жизни ему привелось видеть косяк пролетающих птиц или даже подсмотреть их танцы на болоте и кормёжку. «Потоп кораблям, песок журавлям!» - говорят о неумолимом для птиц времени, что безжалостно утекает от них, отнимаемое человеком.

Вообще, журавль - очень общительная птица, и насколько он старательно избегает человека, настолько же сильно привязывается к нему, быстро привыкая к его дому и двору. Он выказывает удивительное понимание порядка, не терпит ссор на птичьем дворе и, оберегая домашних птиц, как собака, в тоже время наказывает их окриком или ударом клюва за провинность. К человеку журавль может проявлять удивительную ласку, но очень долго помнит незаслуженные обиды. Журавль хорошо уживается с любыми птицами и животными, но постоянное общество себе, всё же, выбирает с разбором.

Журавли очень сторожки, и подойти к стае или семейству птиц, затевающих где-либо поблизости гнездо, очень непросто. Ночёвку журавли выбирают, как правило, на открытых местах, во время неё все птицы спят стоя, заложив голову под крылья. К тому же, журавли выставляют одного или двух сторожей, которые дремлют чутко, не закладывая голов под крылья, а как только заметят опасность, так тревожным криком будят своих товарищей и тотчас улетают.

В давние времена благодаря этой необычайной восприимчивости журавлей содержали на птичьих дворах. Неспешно разгуливая среди сытой и изрядно отупевшей от изобилия корма домашней птицы, журавли заметно выделялись своей сдержанностью. Отведённое им человеком положение сторожей обязывало их к этому.

Ничто обычно не нарушало воцарившегося довольства и покоя до тех пор, пока в небе не появлялся ястреб. Зоркие журавли первыми замечали хищника и громогласно предупреждали об этом многочисленных обитателей птичьего двора, предоставляя им, тем самым, возможность укрыться. Журавли в этом отношении были незаменимы, и потому всегда заслуженно почитаемы на Руси.

Но не только в России журавли символизировали бдительность. В трактате о любви и преданности Леонардо да Винчи описывает журавлей, которые, охраняя своего повелителя, держали в поднятой лапе камень. Держали на случай, если на минуту-другую его, пернатого стража, одолеет предательский сон. Тогда камень, падая, мог бы разбудить всех своим шумом. На гербах и гобеленах серого журавля неизменно изображали стоящим на одной ноге, с камнем, зажатым в другой.

Помимо необыкновенной чуткости, журавли обладают таким грозным оружием, как крылья. Природа снабдила их удивительной крепостью и силой, способными нанести серьезное увечье как собаке, так и человеку. Бывали случаи, когда раненый журавль, защищаясь, переламывал руку охотнику, а

твёрдым и острым клювом мог выклевать глаз.

Из-за своих немалых размеров журавль не может подняться в воздух сразу, ему нужна дюжина метров, чтобы разбежаться. Поначалу он только вытягивает шею, наклоняет вперёд туловище и, неторопливо передвигая ногами, помогает себе размеренными взмахами крыльев. Так журавль совершает несколько шагов, но когда корпус его слишком наклоняется и он начинает запинаться, крылья уже набирают силу и отрывают птицу от земли. Свесившиеся длинные ноги при этом выглядят несколько смешно, зато мощные крылья и устремленность журавля вызывают восхищение. Летит он всегда ровно и неторопливо, но решительно.

Ещё журавль птица очень жизнерадостная, и, несмотря на внушительные размеры и присущие ему грациозность и достоинство, он любит забавляться, когда придёт охота. Он обычно весело подпрыгивает и занимает странные позы: то согнёт шею и кружится долгое время на одном месте, то распустит крылья и буквально танцует. Играя, журавль подбирает с земли камешки и ветки, бросает их в воздух и ловит клювом, при этом быстро бегает взад и вперед, самыми разнообразными движениями выражая беспредельную радость. Но если в этот момент ему грозит опасность, он замечательно быстро умеет оценить обстоятельства и сообразовать с ними свои поступки.

Несмотря на величественность поведения и внушительность в размерах, он не такой уж и большой, но длинные перья на спине, боках и величина крыльев дают ему вид самой большой птицы. Ко всему прочему, журавль очень высок на своих ходулях-ногах, шея его, также, достаточно длинна, а клюв, в довершение всего, как бы составляет их логическое продолжение. Журавль поневоле кажется таким, каким он на самом деле не является, но, так или иначе, пользуется любовью среди людей.

К тому же, внешний облик птиц с их стройной шеей, грациозно повернутой головой и важной осанкой, необыкновенно уравновешенные повадки и кроткий нрав вызывают у людей симпатию. Но только так ли безоблачно следует относиться к птицам, которые в своей природе, в этой их видимой и очаровательной привлекательности, носят, между тем, и истинную силу? Силу, какой бы следовало поучиться порой не в меру восхищающимся журавлиной верностью людям, на самом деле ей не обладающим. Ведь в ней, в этой верности, заключены простота и мудрость жизни, так недостающие человеку.

Самка журавля обычно сносит два яйца, и из двух птенцов один, как правило, погибает. Ученые даже предполагают, что родители, внимательно понаблюдав за птенцами какое-то время, выбирают наиболее сильного, а слабого уводят от гнезда куда-нибудь в сторону и оставляют… Вот как заботятся птицы о здоровье рода, не проявляя ложной доброты в отличие от человека!

Вдобавок, журавли - очень предусмотрительные и умные птицы. Они не только с достоинством себя ведут, но также достойно и, главное, очень надёжно для будущего потомства думают. В ковыльных степях Казахстана, где

открытое пространство тянется до самого горизонта, и сильный ветер может раскатить и разбить отложенные птицами яйца, журавль-красавка обкладывает свою кладку кольцом из гальки. И это при том, что поблизости никаких камушков нет, и журавлю, чтобы раздобыть их, приходится летать за многие километры на реку!

Что и говорить: журавль - птица знаменитая! Недаром он часто упоминается в народных сказках, баснях и пословицах. Журавлю не без оснований приписывали чуткость, простодушие и неприхотливость, какими он обычно смущал других зверей, пусть даже и страдая за это. Вспомнить хотя бы басню про волка, что подавился костью, а журавль, оказавшийся поблизости, не испугался, вытащил её и попросил за труд, но волк разгневался и стал грозить благородному журавлю.

Не во всех сказках, конечно, журавль оказывался на высоте, но везде проявлял скромность и великодушие. Как в истории с цаплей, когда они ходили друг к другу свататься, но всё безрезультатно. То журавль придёт и цапля ему откажет, то цапля передумает и отправляется к журавлю, да тот опять сгоряча не соглашается, а когда успокоится, вновь пробует удачи. С одной стороны, мы видим порядочность, достоинство и основательность журавля, предложившего сердце цапле, с другой - непостоянство, отсутствие твердости и … всё же, нечто милое, когда, несмотря ни на что, журавль шёл к ней, рассчитывая, что цапля рано или поздно согласится. И ведь отправлялся всегда первым, на что зачастую не могут решиться многие люди!

Простим журавлю эту слабость и, может быть, даже гордость, с какой он однажды стремился стать царем птиц, но не был им избран за то, что рассердился на малую птаху за непослушание! Бог ему судья! Во всём остальном эта птица всегда выказывает удивительно покладистый характер, и если её не тревожить и не обижать, она попусту никогда и ни перед кем головы не преклонит, в первую очередь, объявит себя с самой выгодной стороны и будет только радовать человека своим присутствием.

Обнаружив неподалеку от избушки небольшую полянку, что облюбовали для себя мои журавли, прилетая туда неизменно на рассвете и в пору тихих вечерних сумерек, я все последующие дни восхищался, наблюдая из укрытия за тем, как птицы были бережны и нежны друг к другу. Как будто вкрадываясь в лесную тишину и желая вовремя предотвратить малейшую угрозу своему существованию, журавли неспешно выступали на укромной опушке, чутко прислушивались и замирали. В то время, как самка была занята поиском корма, самец, изящно приподняв ногу и выгнув шею, застывал, трепетно вслушиваясь в лесные шорохи. Такая предусмотрительность придавала птицам важность, но важность не напыщенную, а какую-то отрешённую, в своей невозмутимости очень мудрую. Наделённые удивительной чуткостью - птицы могли её себе позволить.

Покормившись с утра или вечером, птицы обычно предавались играм: красовались друг перед другом, подпрыгивали, распустив широкие крылья,

пощёлкивали длинными клювами, задрав головы кверху. Все их движения были грациозны, лишены суеты и исполнены какого-то таинственного смысла. Журавли, словно радуясь возвращению на родную землю, уединялись и начинали свои ритуальные священнодействия, кажется, забывая даже про весну. Вернее, все их движения были проникнуты чувствами, которые она приносила, птицы жили только весной и ей одной поклонялись.

Терпеливо дождавшись, когда самка утолит голод, самец принимался азартно приплясывать вокруг неё, с каждой минутой наращивая темп танца. Журавль, конечно, старался очаровать свою подругу, сопровождая танец поклонами, приседаниями и неожиданными выпадами-прыжками, и это ему, похоже, удавалось. Обычно журавли решаются на такие откровенные ухаживания уже после выбора гнездового участка, когда весна вступает в полную силу, но не забывают при этом выставлять бдительных часовых, невозмутимость которых на фоне безудержного веселья танцующих собратьев невольно вызывает уважение.

Этих птиц было двое, и они так любили друг друга, что не обращали ни на кого внимания. Ведь они нашли друг друга не сразу, а после длительных мучений! Журавли, вероятно, догадывались о моём присутствии и великодушно терпели его, допуская, правда, лишь на безопасное для себя расстояние. И я старался не переступать этой невидимой черты, очень чутко воспринимаемой птицами, но журавли неизменно улетали, когда я пробовал приблизиться. Они не позволяли подобраться к ним вплотную, тактично напоминая о границе, которую переходить человеку, всё же, не стоит.

Что-то во мне как будто обрывалось, когда вспугнутые мной журавли с пронзительным курлыканьем поднимались над землёй, делали в воздухе плавный разворот и размеренно удалялись в туманной утренней дымке за реку. Никакой неловкости при этом я в своих действиях не чувствовал, она подступала гораздо позже, а в душу закрадывалась только сладкая неразрешимость от охватывающего вдруг забвения в этом огромном лесном мире и слитности с удивительными птицами, что дарили ощущение бессмертия. Посещая каждый год глухариные тока, я всегда слышал журавлиное курлыканье, наблюдал из-за ветвей, как они кормятся, играют, и был счастлив.

Дружные тетерева

Обитая годами на какой-то территории, тетерева дружными стайками перемещаются по ней от одного берёзового перелеска к другому, независимо от того, потревожат их или нет. Временами они куда-то исчезают, так что местные жители о них даже забывают, но затем вновь объявляются в каком-либо колке, пугают грибников с ягодниками своим взрывным взлётом в конце лета и ублажают взор в печальную предзимнюю пору, когда усаживаются на тихие берёзы и замирают там красивыми черными силуэтами. Осёдлая жизнь тетеревов незамысловата и проста, чуточку обаятельна по понятиям

увлечённого лесом человека и даже отчасти таинственна, хотя тетерева у него почти всегда на виду.

Верными ориентирами для тетеревов всегда служат присадочные берёзы - наиболее удобные и любимые деревья, где птицам приятно сидеть и кормиться. Тетерева неспешно клюют берёзовые почки, и время от времени поглядывают вокруг: не крадётся ли лиса, не парит ли поблизости ястреб, способный камнем упасть на зазевавшихся косачей, не приближаются ли хитрые охотники на санях, что будто бы едут мимо, а на самом деле норовят незаметно подобраться на выстрел. Ничто не должно миновать внимания тетеревов, они самой природой призваны быть чуткими, чтобы сохранить своё иссиня-чёрное атласное перо и неподражаемо пышное белое подхвостье. А бархатно-брусничные брови? Кто позаботится об этой птичьей красоте, кроме самого тетерева?!

Красота для самого тетерева - та необоримая сила, что побуждает самок на самое восторженное дело их жизни: вовремя устремиться на зов расфуфыренного весной петуха, перед которым невозможно устоять, на какой-то миг быть повергнутой его красочным платьем и любовным порывом, и затем понести в себе несколько будущих, таких же красноброво-синих прекрасных жизней, призванных очаровывать всех своим весенним обаянием, продолжая тетеревиный род… В своей любовной игре петухи, кажется, трудятся даже больше самок, растрачивая всю энергию на поединки и стремление понравиться, тогда как тетёрки, незаметно зачав, так же неприметно куда-то вскоре исчезают и появляются уже под осень. Но велик и благороден их невидимый труд по выведению потомства, которому предстоит когда-то украсить жизнь.

И осенью, и зимой, и в благодатное весеннее время тетерева украшают наши берёзовые колки, что выглядели бы без них безжизненными, немыми. Стоит хотя бы раз увидеть, как косачи взрываются в этих берёзовых крепях, тугими черными мячами стремительно удаляясь над макушками деревьев, и всё в тебе встрепенётся. Что-то такое же неведомое и стремительное проснётся в твоей душе, яростно рванётся за исчезающими птицами и словно остолбенеет. Разве угнаться человеку за таким сокрушительным великолепием, слепленным природой из двух килограммов мышц, перьев и какой-то невообразимой нацеленности на бросок себя в пространство, а не полёт?!

Но главная красота тетеревов - в их сплочённости, пусть небольшом табунке, но только чтобы вместе. А ещё лучше - в многоголовой, повергающей в сладостное оцепенение стае, вырывающейся из-под самых лыж, что заночевала ещё с вечера в снегу, и ты её нежданно-негаданно разбудил. Стая взорвалась, осыпав тебя золотистыми искорками снега, взмыла в выстуженную синеву, но не улетела, рассевшись по березам, и лес сразу преобразился. Его оживила красота чудесных птиц, их удивительно приятная на вид тяжесть, как будто невиданные зимние плоды по мановению волшебной палочки украсили замершие деревья, и те очнулись ото сна.

Поздней осенью и ранней зимою охотники используют эту черту тетеревов - дружно подлетать на опушившиеся снегом берёзы, устраивают под ними удобные шалаши и прикрепляют к ветвям длинные шесты с суконными чучелами птиц, набитыми соломой. Тетерева один за другим присаживаются к такой нехитрой, но очень правдоподобной приманке, и оказываются их лёгкой добычей. Даже зоркий ястреб-тетеревятник, не в силах разобрать подвоха, часто камнем бросается на неподвижно сидящих птиц и, зацепившись за грубую материю острыми когтями, повисает в бессилии вниз головой. Всегда непривычно наблюдать эту грозную птицу в таком поверженном и жалком состоянии!

Когда тетерева дружно переживают зиму под снегом, она им - за ночь. Перед самыми сумерками птицы, словно по чьему-то сигналу, валятся с берёз в сугробы, и уже через мгновение кажется, будто их и не было. Лунка от лунки обычно отделена какими-нибудь полутора-двумя метрами, и независимо от количества голов в стае птицы ложатся очень кучно. Могут они разделиться при этом и на небольшие табунки, но всё равно держатся одной потаённой просеки или полянки.

Однотонное шипение снега под лыжами всегда настраивает на определенный успокоенный ритм, и потому косачи, дружно взрывающие тишину полусонного зимнего дня, воспринимаются с холодящим душу восхитительным испугом. Птицы и укладываются на ночлег одновременно, и поднимаются на крыло тоже вместе. Такова их неистребимая тетеревиная суть, благодаря которой они ещё живы и до сих пор радуют нас своим обаянием и силой.

Однажды мне попалась по-настоящему дружная стая тетеревов, насчитывающая около сотни голов, и по теперешним временам её можно было назвать огромной. Первый вспугнутый десяток, оторопело прорвавшись сквозь корку снега, с будоражащим шелестом крыльев взмыл в золотистый от солнца воздух, поначалу как-то недружно рассеялся в полёте, но уже через мгновение сбился в чёрный ком и, преодолев какие-нибудь полторы сотни метров, расселся на берёзах. Пользуясь маскхалатом, я решил тотчас подобраться к ним на максимально допустимое расстояние, но не успел преодолеть и десяти шагов, как из-под снега, с пугающим хрустом, поднялось уже две дюжины птиц. Эти тетерева, в отличие от первых, совершили в воздухе большую вытянутую петлю, пока уселись на деревья, как и их приятели. Они оживлённо переговаривались между собой, но быстро успокоились.

Ощущая в душе приятный трепет от нетерпения подкрасться к птицам поближе, я совершенно исключил возможность нахождения под снегом других птиц. Полагая и такой табун вполне достаточным, поскольку за последние годы не встречал стаи более десяти тетеревов за один раз, я продолжал своё неспешное продвижение. И тут вновь тишину разорвал отчаянный треск крыльев, он смешался со стоящим в ушах шумом ранее сорвавшихся птиц, и вместе всё это совсем сбило с толку, очаровало и бросило

в какое-то оцепенелое созерцание происходящего.

А из-под аккуратных ёлочек, взметая радужные облачка мельчайшего инея, всё поднимались и поднимались необыкновенные, ни с чем несравнимые по красоте тетерева, мелькая в солнечных лучах чудесным белоснежным подхвостьем, как будто поддразнивая и изводя мою душу своей недоступностью. И ещё я непроизвольно отметил, что даже напуганные, со сна, тетерева не разлетаются в разные стороны, а устремляются от опасности одной дружной стаей. Так же дружно они расселись по деревам, склонив головы на бок: где потеснее, там и подружнее!

Находясь в каком-то необъяснимом возбуждении и не в силах сдерживать себя, я выстрелил в воздух. Сухой протяжный треск прокатился над поляной, завязался где-то за дальним еловым бором, а тетерева тотчас снялись с берёз и тёмной тучей, неторопливо, потянули в размытую зимним солнечным светом голубизну, вскоре окончательно слившись с ней. И стало немножко грустно.

Подобные встречи с тетеревами всегда очень приятны, случаются довольно редко и запоминаются на всю жизнь, но к ним нужно быть готовым, зная, наверняка, место ночёвки, присадочные берёзы птиц или пути их перелётов с ночлега на жировку. Лучше всего подходить к тетеревам в сумерки, когда они уже спят, желательно в глубокий снег, в котором птицы чувствуют себя более безопасно, и, наконец, в пасмурные дни, как ничто другое располагающие тетеревов к некоей заторможенности, замедленной реакции на шум. Если же птицы сидят на берёзах - лучше приближаться к ним с груди или сбоку, но ни в коем случае не с хвоста.

Переполненный радостным ощущением, желая продлить удовольствие и удостовериться в истинности только что произошедшего, я тогда вернулся к лункам. Оставленные птицами, они в беспорядке темнели между елями своей уютной синевой. Ясные отпечатки крыльев по краям лунок создавали видимость полёта, и ни на секунду не покидало впечатление от какой-то сокрушительной стремительности птиц. К каждой ямке тянулись, словно вылепленные, узоры набродов. Уже порядком заметённые, они свидетельствовали о том, что тетерева провели под снегом после оттепели несколько дней.

Сабанеев в своём «Календаре природы» упоминает о реальной возможности для тетеревиной стаи иметь два-три, а то и более излюбленных места ночлега, где птицы обыкновенно ночуют из года в год. В каждом месте, по его мнению, тетерева проводят от двух до десяти ночей, смотря по тому, будут ли на нём потревожены. Самому мне никогда не приходилось в течение зимы или нескольких лет подряд поднимать птиц с ночлега примерно в одном и том же месте, и потому ясности в этом вопросе я для себя не обрёл.

Вероятно, фактор участившегося беспокойства оказывает известное воздействие на образ жизни тетеревов, и они сами не представляют, что им принесёт новый день, поэтому и место ночёвки они выбирают как придётся, вернее всего там, где их застигнет необходимость. К концу зимы, с началом постоянных оттепелей, а значит, и неминуемым затвердением снежного

покрова ночами, тетерева начинают садиться в снег по чащам, где снег рыхлее, или прячутся под коряги и кусты. Но если снег в феврале мягкий, глубокий, тогда тетерева, как и прежде, ложатся спать на открытых пространствах, делают это по привычке рано, что можно использовать, побывав в гостях у птиц, и не раз, засветло.

Отбившиеся по каким-либо причинам от табуна тетерева ночуют в самых неожиданных местах, а потому всегда несколько пугают, стронутые с ночлега, и ты начинаешь постепенно сомневаться в истинности их повадок. После таких столкновений всегда держишь себя настороже, и проходит долгое время, пока до тебя дойдёт, что это всего лишь рядовое исключение из правил. И всё-таки, в следующий раз ты вновь поддаёшься на подложенный тебе природой подвох, и веришь в то, что птицы выбрали своим временным убежищем именно эту опушку или край лесной дороги.

Всегда думается: вот-вот тетерева затрещат прямо перед тобой сильными крыльями по мёрзлым берёзовым ветвям, удаляясь в только им ведомую даль, сердце твоё учащенно забьётся, и ты опять не в силах будешь его успокоить. От тетеревов можно ожидать чего угодно.

Вообще, тетерева, в силу того, что держатся дружными многочисленными стаями, склонны к обширным полянам с глубоким и мягким снежным покровом, с разбросанными по их краям густыми ёлочками, возле которых особенно любят устраивать свои домики. Словом, птицы предпочитают пространство в достаточной степени открытое и удобное к немедленному отлёту в случае внезапной тревоги. За то, что тетерева чаще обитают в поле, а не в лесу, их и называют полевиками.

Вот и токуют тетерева, в отличие от тех же глухарей или рябчиков, вместе, на одной полянке, как будто боятся что-то утратить в себе, разделясь. Тетерева распускают веером лирообразные хвосты, волоча по земле широко распущенные крылья, устремляются навстречу друг другу и, вытянув надувшиеся шеи, пригибают головы к самой земле. Их алые брови, кажется, разгораются ярче зари, что незаметно поднимается над лесом, бормотание то надвигается, то удаляется, а охваченные страстью птицы зачарованно кружат в преддверии яростной схватки.

И вот хлопанье сильных крыльев будто выводит птиц из этого оцепенения, тетерева приподнимаются, выпятив грудь, на мгновение замирают, и в следующий момент начинает казаться, будто всё это восхитительное видение с косачами, поляной и маленькими берёзками вокруг неё неудержимо отрывается от земли и летит. Тетерева, вроде бы, и мешают друг другу, сгрудившись на какой-либо делянке или старом покосе, но без этой дружной слитности нет тетеревов, нет тока, нет весны. Только в равном поединке с себе подобными птицами проявляется бойцовский, слаженный характер тетеревов, и они, на короткий миг превознося себя над своими собратьями, всё-таки не в силах с ними разъединиться. Да и происходит это лишь весной, в остальную пору птицы дружны и неразлучны.

Дружным эхом разносится надо всей округой тетеревиное бормотание.

Музыка, переливающаяся из одного колодца жизни в другой, а вместе они составляют гармонию, ту радость, что проявляется и наполняет тебя только весной. Дружная весна - один колодец, взбудораженные ей тетерева - не менее важное вместилище красоты, таланта и силы, сопутствующее ей. А ещё есть высокие облака, безжизненное от апрельской нежности небо, сиреневые кустарники бузины и малины, только что открывшиеся от снега, и оттого какие-то напружинившиеся, колючие. Дружно всё, что составляет по весне пробуждающуюся жизнь, в который раз вознамерившуюся, кажется, перевернуть само своё существование.

И опять ты в лесу. Как будто не было долгого года, полного тревог и волнений. Опять будоражат твою душу замечательные птицы тетерева - красивые, чудесные, с трудом достижимые человеком в своей сплочённой устремленности и любви. Только счастья желаешь птицам, доброго потомства и завидуешь их неистребимому желанию находиться всегда вместе.

Правда, попадается порой какой-нибудь закоренелый одиночка, и каждый год токует на одном и том же поле в гордом уединении. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки почему-то не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, как будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день - это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится знакомое: «бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль». Пение то разгорается, то притихает, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев как будто забывается порой, или отвлекается на что-то не менее важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись - опять продолжает.

Одиночество, кажется, никак не влияет на него, и часто такой петух ведёт себя очень своеобразно: бегает по полю, припрыгивает, выбирая самые диковинные позы, будто соревнуется с невидимым соперником. Но происходит подобное редко, и в основном тетерева держатся по весне целыми стаями или веселыми табунками. Тетерева - осторожные птицы, но в одиночку им не выжить. Рано или поздно такого отбившегося косача настигает коварная рысь или хищная лисица, поскольку никто не предупредит его в случае приближающейся беды. Один в поле не воин, и стоять всем за одного и одному за всех – самое надёжное средство.

К концу августа тетерева обычно сосредоточиваются в берёзово-еловых колках, тяготеющих к старым лесным дорогам, что как-то незаметно соединяют собой большие лесные массивы. В это время птицы подпускают к себе близко, неожиданно взмывают свечой вверх и, преодолев верхушки невысоких берёзок, мгновенно ложатся на крыло, с шумом исчезая над лесом. Причём, тетерева поднимаются в воздух не все скопом, как это происходит осенью или зимой, а поодиночке, в разделённой короткими паузами последовательности, и паузы эти иногда кажутся нескончаемыми.

Нужно стоять тихо, не шевелиться, и только тогда среагируешь на

неожиданный взлёт птицы, почувствовав его в полной мере. Сердце неудержимо стучит от ожидания следующего тетерева, что вот-вот сорвётся, и эта разорванность, неожиданная разъединённость в поведении птиц представляется странной, несмотря на то, что они находятся вместе. Скорее всего, тетерева ещё молоды, оттого и разобщены, но это не мешает выводкам упорно держаться в таких местах по многу лет, и покидать их без особой причины дружные птицы не собираются.

Тетерева пока не обрели своё исконное тёмно-синее платье, не сбросили рыжевато-пегие и какие-то не настоящие сюртуки, и оттого разглядеть птиц на фоне ещё не опавшей листвы довольно трудно. Хвосты их не до конца загнулись в лирообразные косицы, не почернели и, отливая шоколадной густотой, они совершенно неразличимы среди побуревшей черёмухи, липы и берёзы.

Отправившись по грибы, неожиданно для себя вспугнёшь, бывало, пару каких-то необыкновенно раскрашенных птиц, и не сразу угадаешь в них молодых тетеревов. В дополнение к необычному оперению молоденькие петушки ещё и ведут себя несколько необычно, и это тоже поначалу сбивает с толку, когда пытаешься определить, косачи-сеголетки потревожили грибной августовский покой, юные глухарята или, может быть, куропатки.

Быстро минует ранняя осенняя пора, листва срывается ветром, и тетерева становятся хорошо заметны… Теперь они почернели, округлились и увесистыми грушами висят на берёзах. Тетерева прилетают на них только за тем, чтобы поживиться берёзовыми почками и, склевывая их, неспешно коротают тягучее осеннее время. Нет для них в эту пору корма слаще!

Прибывают тетерева на кормёжку неизменно с одной и той же стороны, тотчас, как окончательно наступает рассвет, и могут просидеть на деревьях целый день, если их никто не потревожит. Время от времени птицы настороженно поглядывают по сторонам и опять неторопливо принимаются за свою нехитрую трапезу. Вся забота для тетерева сейчас - себя сохранить, чтобы весной своими песнями жизнь прославлять: за зиму он столько снов под снегом насмотрится, что впечатлений на весь год с избытком хватает!

Но пока зима не укрепилась и снегу ещё мало, тетерева ведут осёдлую спокойную жизнь вблизи полей и перелесков, где в обилии произрастает берёза - любимое дерево тетеревов, несмотря на то, что они не прочь поклевать оставшиеся на стерне зёрна. Их не увидишь на сосне или пихте, редко - на ели и осине, а за обычай тетеревам именно берёзовые леса.

Даже среди людей берёза всегда подразумевала согласие, тогда как сосна, ель и дуб - отказ. Что уж говорить о птицах, которым береза никогда не была угрозой: где она стоит, там и шумит, да ещё кормит тетеревов всю холодную пору - с поздней осени до первого весеннего тепла.

Тетерева подлетают на берёзы всегда внезапно и почти бесшумно. Вдруг что-то неуловимое заставит тебя поднять голову и удивиться той стремительности, с какой появляются эти ладно скроенные природой птицы. Тетерева летят наподобие утки, часто взмахивая лёгкими и упругими

крыльями, обычно невысоко над землей и всегда очень целеустремленно.

В полёте птицы всегда кажутся несколько взбудораженными, но стоит им обсидеться, да осмотреться на берёзе, и они опять становятся самими собой. Шелестящие ветви берёз, их вкусные почки дают тетеревам силу, которую слагает и крепкий лес, и обильные ягодники, и родниковая вода. Но без берёзы, укромно замершей на краю какого-нибудь перелеска, вдающегося мягким клином в убранное поле, а затем и вовсе присмиревшей с появлением снега, трудно представить себе жизнь тетеревов.

Сидят тетерева шеей против ветра, всегда на слуху, будто чутко подстерегая кого-то, и, завидев издали приближающиеся сани или идущего к ним человека, особенно настораживаются. К ним не подобраться даже очень опытному охотнику, и требуется отменное знание данной местности, поведения птиц и какая-то особенная природная изощрённость, чтобы усыпить внимание тетеревов. Тетеревам ничего не стоит в любой момент дружно сорваться и так же дружно переместиться туда, где им будет спокойней. Там они вновь усядутся на берёзы, осмотрятся и начнут клевать свои любимые берёзовые почки. Сидячий стоячего всегда перетянет.

Ближе к зиме тетерева хорошо различимы на холодно-сиреневом фоне сливающихся берёзовых веток, и они очень оживляют застывший предзимний пейзаж. Какой безликой казалась без них совсем недавно заснеженная пустыня, каким беспросветно одиноким представляется собственное нахождение среди примолкших берёзок и чёрных недвижимых ёлочек! И вот, в одно мгновение, всё может перемениться: взорвалась в воздух дружная тетеревиная стая, и задышало, задвигалось, затрепетало окружающее пространство... Или это в тебе самом закипает примолкшая за зиму жизнь, разбуженная неподражаемыми и удивительными птицами?!

Замечено, что когда снег на деревьях заиндевеет, а происходит это обычно в начале ноября, тетерева всегда подпускают ближе обыкновенного. К ним можно подойти на верный выстрел, как это позволяет, к примеру, рябчик. Тетерева сидят невысоко над землей, так что их сразу и не увидишь, и когда они срываются, у тебя возникает ощущение, будто поднялись птицы, разбуженные на лунках.

Вот и эти семь чёрно-бурых косачей, встреченные мною под утро, также незаметно снялись с берез и, плавно развернувшись в перламутровом недвижимом воздухе, уверенной вереницей потянули над лесом. Вскоре, на значительном расстоянии от них, промелькнул среди застывших верхушек ещё один косач и куда-то исчез. Поначалу я не обратил на него внимания и только удивился про себя: что он мог делать там, на таком удалении от других тетеревов, один, и куда самым неожиданным образом пропал?

По опыту зная, что часть тетеревов может оставаться где-то неподалеку, я снял на дороге лыжи и, стараясь ступать по глубокому снегу как можно мягче, направился к тому месту, откуда только что сорвались птицы. Но, не сделав и пяти шагов, вынужден был замереть от очередного замешательства: с приятно похрустывающим шелестом вспороли застоявшуюся за ночь тишину ещё восемь

косачей и, в точности повторив маршрут предыдущих птиц, быстро исчезли из виду.

Вернувшись на дорогу и продвинувшись по ней полсотни метров, я неожиданно выяснил причину странного появления, а затем и исчезновения одинокого тетерева. Толстый и круглый, он сидел по левую сторону дороги на самой высокой березе, возбуждённо покачиваясь и что-то бормоча себе под нос. По всей вероятности, это был тетерев-сторожевик, во время кормления птиц внимательно наблюдавший со стороны за всей округой, и, когда сорвалась первая партия, он незамедлительно переменил свой наблюдательный пункт, перелетев и усевшись поближе. Даже вторая группа поднявшихся косачей не вспугнула его, так как, следуя своему долгу, этот тетерев должен был выявить и проследить причину возникшей тревоги до самого конца, а уже потом переместиться за остальными.

Маскхалат надёжно скрывал меня среди заснеженного пространства, что позволяло свободно наблюдать за поведением дотошной птицы. Тетерев никак не мог понять, что же на самом деле взбудоражило кормящуюся стаю, и, не в силах одолеть это своё непонимание, выглядел со стороны очень забавно. Наконец, удостоверившись, что ничего серьезного его собратьям, вроде бы, не грозит, тетерев, сложив крылья, сорвался с верхушки дерева вниз и, прочертив над поляной плавную линию, скрылся за глубоким логом, спускающимся к замерзшей речке.

После того как тетерева улетели, он просидел на березе не менее двух минут, и я подумал о не предполагаемом ранее чувстве ответственности у этих птиц друг перед другом, что родится, наверное, из переживания ими своей беспредельной свободы, призванной, между тем, пристально себя оберегать. Мне вдруг стало удивительно хорошо от осознания того, что в лесу живут замечательные птицы, и они с такой преданностью умеют заботиться друг о друге. Это было удивительно, но вместе с исчезнувшими из тихого зимнего утра тетеревами - пропало что-то очень надёжное и трепетное, их необыкновенная природная солидарность, без чего спокойно обходятся другие птицы - рябчики и глухари. А вот тетерева не могут.

Тетеревов дружат согласное восприятие опасности, их не хитрый быт и ещё какое-то неуловимое состояние дарованной от природы спаянности: без неё они, наверное, не в силах представить себя раздельно. Впрочем, птицы всегда так слитны, что о какой-либо разъединённости даже не помышляется. Вместе спят, вместе кормятся и вместе с самозабвением встречают весну, несмотря на свой боевой дух.

Тетерева дружны с весной так же, как и с зимнею порой, их не напугаешь осеннею непогодицей и мучительной сменой пера в летнюю пору, что на время разъединяет птиц, но ненадолго. Стоит только первому зазимку прихватить берёзовый лист и подрумянить клюкву с брусникой, как тетерева дружною семьёй высыпают на ягодники. Нравится птицам, когда им и так хорошо, ощущать ещё и присутствие своих собратьев: золотисто-пегим курочкам - иссиня-бархатных петухов, горделивым и осторожным самцам -

чутких самочек. Держатся птицы дружно, бок о бок, друг за другом приглядывая и наслаждаясь благодатным осенним покоем.

Ведь только в дружбе, как известно, правда и для людей, и для зверей, и для таких замечательных птиц, как тетерева. И они, конечно, понимают, что кому счастье дружить, тому и долго жить, и какову дружбу заведёшь, такову и жизнь поведёшь. А она у тетеревов ещё как дружна, ибо дружно - не грузно, а врозь - хоть брось!

Ночной гость

Лес находился в предутренней глухой дрёме. Не было слышно ни звука. Вязкий сон не отпускал до конца и меня: не верилось, что в этой мёртвой тишине могут возникнуть какие-либо голоса, тем более - пение такой таинственной птицы, как глухарь. В какой-то миг показалось, что утро даже может не наступить: безжизненность воздуха притупляла восприятие, не давая воли воображению, сковывала.

Именно поэтому мягко прохрустевший и тотчас растаявший где-то в глубине леса звук показался неестественным, насторажив восприятие. Сознание всё ещё не могло опомниться от сладкого забытья весеннего дня, но, тем не менее, чутьё было обострено, впитывая любые шорохи. Изредка потрескивая, кто-то неторопливо приближался к опушке, и вместе с приближением этого неведомого ночного гостя возрастало неясное напряжение.

Застоявшийся воздух был до предела насыщен смутной тревогой. Казалось, в следующее мгновение должно произойти что-то невероятное, и ожидание этого неотвратимо подступающего к тебе неведомого, уже совсем близкого, но пока невидимого, приятно завораживало.

И вот на дальнем конце поляны зароились просачивающиеся сквозь ветви сумерки, и оттуда плавно заколебалось и поплыло навстречу всё более увеличивающееся тёмное пятно. Мерно раскачивающейся зловещей походкой вышел на опушку крупный медведь, что казался в этот ранний час совершенно чёрным. Пагубность его неспешной поступи заключалась в том, что весь облик медведя напоминал огромную мохнатую гусеницу, и она была вынужденна, неизвестно зачем, всё время двигаться, крадучись, приобретая при этом неприятную изощрённость. Вот именно эта изворотливость в поведении медведя и околдовала меня в нём: он не был похож на самого себя.

Зверь ещё какое-то время не воспринимался серьёзно, был нереален в своем неожиданном появлении, как приснившийся среди ночи дивный сон, что удаётся увидеть при жизни, может быть, только раз. Осторожно ступая по прошлогодней щепе и сучьям, медведь вразвалку направился к осиновой поленнице в противоположном конце делянки. Брёл он к ней равнодушно, как бы желая лишь удостовериться в её прежнем нахождении, и мимолетом поразила мысль, что медведь почему-то не чует меня, а если и угадывает присутствие чужого, то никак не обращает на него внимания. Всё это было

удивительно и странно.

У поленницы медведь, низко опустив голову, начал нехотя принюхиваться. И тут я вспомнил, что прошлым вечером, придя со станции и разбирая рюкзак, выбросил туда испортившуюся ливерную колбасу, запах её, видимо, и привлёк зверя. Поводя мордой, и чуть слышно пофыркивая, он быстро разделался с ней, а затем как-то неприметно и ловко развернулся, так что сразу оказался в каких-нибудь десяти шагах от избушки. Вновь низко прижав голову к земле, медведь остановился и настороженно повёл носом в мою сторону.

Тёмный мех его мягко колыхнулся при этом, и на какое-то затяжное мгновение почудилось, будто зверь совершил прыжок. Я обмер от одного осознания возможности подобного, и тут же в нос ударил его крепкий утробный дух. Меня вдруг охватило чудное ощущение близости к звериной жизни, даже - некоторой сопричастности с ней. Медведь разбудил во мне нечто глубинное, почти неизведанное, что удаётся почувствовать в себе только в какие-то особенные моменты. Так остро, по-видимому, человек нуждается в нём, и как редко оно приоткрывается ему.

А медведь не уходил, он только повернулся ко мне широким чернеющим боком, но в густых роящихся сумерках не было возможности его разглядеть: всё внимание, очарование и исступление от близости зверя сосредоточились на самом его присутствии, оголённой реальности происходящего. Вероятность гибельности этого присутствия витала перед избушкой, копошилась холодящим восхищением в душе, сердце сладостно и робко замирало.

Медведь, кажется, что-то почуял, но усыплённый предутренней тишиной, был развалист и дремуч. Ему незачем и некуда было спешить, всё необходимое он мог без труда отыскать для себя в возвращающемся к жизни лесу. Не избалованное обилием летних запахов восприятие зверя было несколько притуплено, оно ещё дремало, и требовалось, по-видимому, какое-то ощутимое раздражение, чтобы растревожить его. В эту пору медведю будто суждено бродить отрешённым лесным путником по глухим потаённым отрогам, изредка выбираясь вот на такие молчаливые поляны, и его неведомая звериная душа была загадочно темна.

Я сидел, не шелохнувшись: в нескольких метрах от меня замер лесной исполин, а вокруг незаметно рождалось многообещающее весеннее утро. Сонно роящиеся сумерки - самые гибельные и затяжные перед тем, как уступить место открытому и чистому свету, в этот час ещё надёжно скрывали зверя, и он не чувствовал никакой тревоги.

Судьба благосклонно дарила мне лесное утро с медведем, и это казалось таким неожиданным, что я даже не успел толком ощутить своего счастья. Лишь восхитительно щемящее оцепенение, неясное томление в груди и таинственное забытье от этого маленького кусочка лесной жизни, застигнутого мною врасплох, охватили всё моё существо, и я сидел на покосившемся крыльце избушки совершенно заворожённый.

Так, с обмершим и удивлённым сердцем, смутно помня себя, вбирал я

душой увиденное, не зная, что становлюсь умнее и терпеливее. Неожиданно насторожившись, видимо что-то почувствовав, вполоборота повернувшись в мою сторону, медведь выражал собой частицу той таинственной и желанной жизни, что постепенно обретала для меня очень важное назначение. Тем более обидно было вспугнуть это приключившееся лесное откровение, не оставив ему никакого завершения.

Неловко подавшись плечом к старому дверному косяку и еле уловимым звуком разверзнув затаившуюся тишину, я, кажется, безвозвратно обделил себя чем-то большим и нужным, напрочь сокрушив воцарившуюся было гармонию.

Как я позволил себе шевельнуться в эту сокровенную минуту?! Отчего не набрался воли и должного трепета в своем потаенном наблюдении? Может быть, это ночь, уходя, вспугнула мое сердце, в предрассветном последнем движении гулко и отчаянно толкнула его, так что волнение передалось зверю, и хлынул между деревьев серый свет, и пробудились в их кронах первые птицы.

Медведь вмиг пришёл в себя от привольного ночного покоя, размашисто вскинувшись, ринулся в глухой кустарник, но не нашумел, а проскочил сквозь него на удивление легко. Беспрепятственно преодолев сухие заросли малинника, зверь угодил в топкое болото и прошёл его так же бесшумно, только пару раз чмокнув при этом застоявшейся тяжелой водой.

Почти не оставив после себя никаких звуков, медведь растворился в ускользающей темноте, как будто его и не было. Придя в себя, я вдруг ощутил неизъяснимую утрату, как это порой бывает после внезапно растаявшего и чем-то полюбившегося тебе сновидения.

В народе утверждают, будто увиденный во сне медведь — грубое, злое и страшное предзнаменование. Ну, а если зверь приходит к тебе наяву?!

Весенние шарманки

Ещё до конца не истёк снеговою водой молодой братец- апрель, не прилетели с юга наши любимые птицы и только-только выклюнулись в редких проталинах долгожданные подснежники, а все болотца, озеринки и лужицы уже до отказа забиты лягушачьим студнем-икрой. Стояла бы влажная весна, да было бы доброе болото, а лягушки никогда не переведутся!

Лягушка встречается везде, и всем она хорошо знакома, но в разных местностях её зовут по-разному: лягуха, лягуша, ляготка, лягва, скакуха, квакуша... А иной раз просто: болотное четвероногое земноводное, что передвигается прыжками. В народе лягвой прозвали неуклюжую и плоскую рыбу-чёрта, лягливую лошадь и ещё род потешного огня, пускаемого на воду, навроде шутихи. Даже непросушная лужа, обычная колдобина, яма с водой или мочажина с лывами, словом, менее топкое болото, чем тот же кочкарник, заваленный перегнившим сором, называлось не иначе как ляга. Нечто очень близкое самой лягушке, обитающей в подобной среде.

Весь весенний вечер напролёт, а затем и всю ночь квохчут лягушки на луну, глаза свои немигающие таращат, пыжатся, и вид этих животных при лунном свете самый завораживающий. Ни дать ни взять таинственное лесное чудище! Но, как ни дуйся лягушка, а до вола далеко.

В народе отчего-то издавна ходило поверье, будто лягушка квохчет, когда свой недуг тешит, но какой у лягушки недуг, кроме отсутствия тепла и влаги? И того и другого у неё по весне в достатке. Лягушка всегда в свёе время голос подаёт, если родное болото под боком, а самец находит себе самку. Странно было бы не услышать в погожий апрельский вечер дружного квохтания лягушек.

Молчание лягушек послужило бы, скорее, дурным предзнаменованием, чем вызвало недоумение. Ежели, в который год, лягушка не квакает, поучали старики, то будет голод. Да вот и в холерный год лягушкам не пелось: они обычно в худую пору немели.

Когда земля выпускает из своих нор лягушек, они радостно скачут и квакают: «Пор-ра, ква-ква-а, сеять, пор-ра, ква-а-ква-а, сеять». В народе про это говорили так: «Лягушка квачет — овёс скачет». Покуда лягушка с голосом — успевай сеять овёс.

С кваканьем лягушек даже связывались удойность коров и урожайность хлеба. Если весною лягушки заквакали в скоромные дни, летом коровы будут давать много молока. Коли же лягушки заквакают и опять замолкнут - от холодов, то выйдет такая же помеха и хлебу. А вот когда лягушки «затурлычут» по лужам, это значит, что в самом разгаре тетеревиные и глухариные тока, началась богатая вальдшнепиная тяга.

Ещё лягушки квакают к дождю, но к сильному ненастью сидят на дне, а к вечеру поднимаются на поверхность. До первой грозы лягушка обычно не квакает, потому, как жизнь её по весне связана с громом. Ударил гром, и лягушки ожили, уже спаренные, возбуждённо запрыгали, посверкивая скользкими спинками. Во множестве сидят они теперь по берегам и дорогам, с любопытством высовываются из воды. Наступил невидимый поворот в природе к теплу, и легче всего его угадать по нашим лягушкам.

Каким бы это ни казалось странным и неожиданным, но у многих лягушек голос по весне обладает неимоверной силой. Это тем более неправдоподобно, поскольку тела у них небольшие, тщедушные, и приходится лишь поражаться способности лягушек к громкому крику. Кваканье лягушек порою оглушает, и, бывает, проходит целая ночь, а тебе так и не удается сомкнуть глаз. Виной тому мощные резонаторы лягушек, что усиливают звучание их брачных песен.

Когда лягушки кричат, плёнка, которая выстилает ротовую полость, выпячивается в углах рта наружу, и по бокам головы вздуваются два полупрозрачных пузыря. Их стенки резонируют, и звук, возникающий в голосовой щели, усиливается. Когда же брачная трель завершается, голосовые мешочки сдуваются, и лягушка снова принимает обычный облик. По-настоящему, в полную силу, голос у лягушек начинает звучать лишь по

достижении ими половой зрелости, то есть - в свою первую весну.

Но самая громогласная лягушка живёт не у нас, а в Северной Америке, и зовут её лягушка-бык. Мало того, что она громко квакает, так она ещё и настоящий гигант среди лягушек, и достигает сорока сантиметров в длину. По утверждению очевидцев, голос ее слышен аж на несколько миль! С удовольствием выказывая, таким образом, все свои музыкальные таланты, лягушки эти квакают всю ночь без перерыва и, наверное, могут довести до отчаяния слабонервного человека, живущего поблизости от их местонахождения. А вот в тропической Америке водится лягушка под названием глазастый свистун, она испускает очень короткий и высокий звук, будто кто-то и в самом деле зовёт свистом собаку или человека. Среди жаб, в обилии проживающих по берегам водоемов, встречаются и такие, что их голос отчасти похож на скрип двери...

Несмотря на то, что жабы крупнее лягушек, они обладают довольно нежным стонущим голосом. Знатоки уверяют, будто жабы выводят вот такие мелодичные трели: «уоэк-уоэк-уоэк, урррррр-урррррр-урррррр». Жабьи трели и кваканье звучат лишь в период размножения, в остальное же время они не тратят силы на пустое сотрясение воздуха. Скромное жабье урчание несравнимо с бурными лягушачьими концертами.

Отойдёшь вечером от костра к болоту, остановишься на его берегу и тотчас отовсюду, будто из-под земли, послышится уже не урчание, а отчетливое клокотание: «кло-кло-кло-о-акс-с! кло-кло-кло-о-акс!» Замерев, хочешь отыскать источник этих небывалых звуков, сразу не подумав на лягушек, то и дело оборачиваешься, но чем пристальнее вслушиваешься, тем более теряешься: вот клокотание доносится откуда-то издали, а через мгновение совсем рядом, спереди, сзади, прямо у тебя под ногами. Делаешь шаг навстречу - и звуки будто отодвигаются в сторону или совсем прекращаются, пройдёшь несколько шагов вперед - и за спиной вновь возобновляется необычная звуковая дорожка. Это — лягушки.

Лягушки так ловко прячутся в болотной траве, что доискаться их невозможно, а тем более увидеть. Даже увлечённые своей брачной музыкой, они улавливают шаги человека издалека, тут же замолкают и как сквозь землю проваливаются. Все проточные болота с мелководьями в это время забиты студенистой икрой: повсюду разносящаяся первозданная музыка есть результат лягушачьего жизнетворчества.

Клокочущие звуки сливаются в сплошной гул, что заряжает весь окружающий мир своей языческой энергией. Солнце заходит, а гул над болотом только ещё более ширится, растёт и к ночи уже течёт над землей сплошным потоком, без перерывов. Так продолжается две, порой даже три майские недели, и это, несомненно, самые звучные дни в году, когда лягушки, кажется, способны перещеголять даже тетеревов.

Весна и лето для лягушки — это весёлая и шумная жизнь, полная удовольствий, зима же — непробудная спячка на дне, в холодном иле. Весенним вечером, куда бы ты ни обернулся, отовсюду доносится: «ква-ква-

гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк-к». Тысячи лягушек сидят по берегам, плавают, ныряют, словом, ликуя, приветствуют долгожданное время, когда можно вдосталь наслаждаться жизнью. «Брекеке! Брекеке! Брекеке! Коакс-туук! Коакс-туук! Коакс-туук! Брекеке-коакс! Ква-а-а, ква-а-а, ква-а-а» - всё более учащаются их переливчатые трели, вслушиваясь в которые, только умиляешься от утверждающейся повсюду весны. Эти забавные животные не могут не нравиться, и потому кваканье лягушек так же уместно для весеннего вечера, как и пение соловья.

Если до наступления сумерек лягушки ведут свои «партии» вразнобой, то с темнотой начинается общее, повальное кваканье. В течение всей ночи кваканье нарастает и завершается порой под самое утро. Но даже потом какая-нибудь из лягушек нет-нет, да и произнесёт свое вибрирующее «ква-ар-ква-ар-ква-ар», не в силах, должно быть, дотерпеть до вечера. Весенняя ночь благодаря такому активному лягушачьему присутствию становится только богаче.

Ночью, кроме лягушек, слышится так же блеяние долгоносика-бекаса, именуемого за это в народе «барашком», да редкое пересвистывание мохноногих сычей, отстаивающих между собой свою территорию и призывающих самок, остальные лесные обитатели хотя бы ненадолго забываются, а оживляются только с рассветом. Правда, ещё по темноте вкрадчивым хорканьем возвещает о начале своей утренней тяги кулик-вальдшнеп, еле уловимым силуэтом промелькнув прямо над головой, слышится пощелкиванье глухаря, будто кто-то неведомый роняет таинственные капли в лесу, лягушки же продолжают свои песни бесперебойно, до самого утра. И даже утром слышится их неустанное побулькиванье, которое, между тем, никому не досаждает и воспринимается всеми как нечто обычное.

По-видимому, лягушки квакают от полноты чувств, и их песня - это древнейший призыв к поддержанию лягушачьего племени. Лягушки радуются именно происходящему с ними по весне событию, а не просто предупреждают о частной собственности на любимое болото, где собираются продлить свой род.

От переживаемых эмоций некоторые из них, например, американские жабы, умудряются издавать звуки наподобие свирели, тогда как японская веслоногая лягушка поёт даже как птица, и её специально держат дома для услаждения слуха. Не то, что наша прудовая квакуша, что способна лишь громогласно призывать своего возлюбленного, метить территорию, давать сигнал о высвобождении икры и просто кричать от ужаса, когда её хватает цапля или барсук.

«Не поёт, так свищет, не пляшет, так прищёлкивает», - лучше и не скажешь о лягушках, что, кажется, обижены Богом во всех отношениях, но не желают с этим мириться. Конечно, лягушка поёт, что нищего за суму тянет, но, как говорится: голосу нет, а душа ликует. Именно о лягушках в весеннюю пору размножения можно сказать такое, и они не в силах сдерживать своих чувств.

Всё, что дано лягушкам, это превозносить весну доступными им способами, и разве возможно отнять у них подобное стремление?

Правда и то, что лягушки поют каждая на свой лад: одна - басом, другая - баритоном, а третья - дискантом. Вместе получается настоящий лягушачий концерт. А лучше - шарманки, весёлые, милые, хотя немножко и надоедливые, что не прекращают своего звучания в течение всей весенней ночи. Лягушки одаренными музыкантами никогда и не были, в природе встречаются исполнители куда более талантливые, но, всё же, лягушкам следует отдать должное почитание, ибо у каждого певца, даже если голосу нет, душа поёт, и у лягушки она в эту пору, кажется, просто разрывается.

Именно шарманка, как никакой другой инструмент, напоминает звуки, издаваемые по весне лягушками. Есть в ней нечто схожее с неприхотливой музыкальностью лягушачьего кваканья. Некая, присущая и лягушкам и шарманке, ненадоедливая монотонность.

К тому же, на валике шарманки можно было «записать» только одну пьесу, из всех же качеств звучания передавались лишь звуковысотность и ритм, что и сообщало нежному и мягкому звуку шарманки некоторую «застылость», отсюда заунывное пиликанье, не лишённое, впрочем, обаяния. Так и лягушки что-то бормочут весь вечер напропалую, а затем ещё и ночь, и их терпение, должно быть, объясняется неудовлетворенностью от собственной незначительности: ведь лягушку никто всерьез не воспринимает, исключая только тех, кому она идёт на обед.

Но до чего же хорошо, наверное, быть по весне обыкновенной лягушкой! Сидеть по самые глаза в теплой воде, вожделённо взирать на окружающий и очень желанный для себя мир, и пускать пузыри. Утробно уркая, пузыри растут, медленно отрываются от лягушки и постепенно сбиваются в целые гирлянды, напоминающие её икру. А поскольку лягушек много, то всё болото или лужица покрывается мутноватой пузырящейся массой, что то и дело лопается, и от этого чудится, будто шелестит прибрежный камыш. Лягушки же, чуть высунувшись из воды, упорно продолжают нагонять свою воздушную пену, и сквозь неё представляются какими-то нереальными земноводными, появляющимися только в весну.

Весной лягушкам самое раздолье, а главное, что их все слышат! Вот с ближнего болота доносится: «ур-ур-ур, ур-ур-ур, ур-ур-ур-р». Это урчат в живот лягушки. Урчат, ворчат или бурчат, словом, издают глухой звук, напоминающий то, когда кто-нибудь засовывает трубочку в воду и начинает выдыхать через нее воздух: воздух превращается в большие пузыри, что с трудом выбиваются на поверхность и гулко лопаются. Ощущение, будто неведомо кто сердится или, может быть, играет, но от этого совсем не страшно.

А то чудится, будто где-то вода переливается через край... Весенняя, она обильна, шумна и звуки её доносятся отовсюду, как и ворчание лягушки. Впрочем, нельзя сказать, что лягушка ворчит, потому как ворчат обычно невнятно и всегда себе под нос, а лягушка больше воркует, чем ворчит. Она

издаёт ненавязчивые, вкрадчивые и нежные звуки.

И, правда, разве скажешь, что грудное воркование лягушки надоедливо?! Нет, скорее оно приятно слуху, и поначалу именно из-за этой ненавязчивости даже не воспринимается. Утробное лягушачье воркование незаметно вплетается в общий и радостный весенний гул, без него весна как будто ненастоящая, а радость неполная.

Весна бывает разная, и в зависимости от того, какая она, и лягушки подают свой голос по-разному. Порой случается весна, когда лягушек, вроде бы, и не слышно, но уж если они разворкуются, то не уймёшь. Причём, лягушки издают не сердитый, а вкрадчивый голос, свойственный лишь благостному настроению, расположенному к удовольствию и беспрепятственному размножению. Они не брюзжат, а превозносят и болото, и весну, и собственное незамысловатое существование, не требующее ничего, кроме возможности просто быть. И если говорят, что худое молчанье лучше доброго ворчанья, то это не о лягушках.

Звуки, издаваемые разными лягушками, а их в нашей стране насчитывается более двадцати видов, невозможно ни запомнить, ни с достаточной точностью воспроизвести: они удивительно многообразны. Даже у одной жерлянки или какой-нибудь чесночницы их несколько, к тому же, лягушки издают звуки с учётом той обстановки, которая их окружает. В пору размножения, например, брачные крики самцов - это средство распознания своих собратьев и привлечения самок. В свою очередь у самок существует особый сигнал облегчения, когда они вымётывают последнюю икру.

Вполне допустимо, что лягушки могут квакать от испуга или даже кричать, испытывая смертельный ужас. Когда журавль схватит лягушку, она верещит скрипучим голосом до тех пор, пока он её не заглотит.

В отличие от многих птиц и зверей, которые регулируют плотность своего населения и строго следят за облюбованной для себя территорией, лягушки стремятся быть во время тока вместе. Причём, чем больше их соберётся на каком-нибудь болоте, тем больше самок они привлекут. В брачный период, то есть в конце апреля - начале мая, на некоторых лесных водоёмах можно наблюдать сотни самцов, и в этом случае их голоса сливаются в сплошной булькающий гул, разносящийся по всей округе. Одним словом, лягушки предпочитают петь хором, а не солировать в одиночку, и потому весенние брачные крики помогают им сосредоточиться, что благоприятствует развитию икры.

Икра должна попасть в стоячую и хорошо прогреваемую воду, для чего лягушки собираются не только на болотах, но и в канавах, в прудах и в заводях рек. Места их тока, как и у глухарей, постоянны, и, если благоприятные условия не меняются, лягушки посещают их из года в год, каждую весну. К местам размножения они перемещаются обычно ночью, выбирая для этого ещё не просохшие лесные дороги.

Со всех сторон устремляются к клокочущим самцам рыжеватые самки. Они прибывают на ток позднее и ориентируются по призывным голосам

самцов. Самцы же всё время перемещаются, то направляясь друг к другу, то расплываясь. По всему видно, что лягушки ищут встречи.

Бывает, ещё по темноте отправишься за дорогими сердцу глухарями, спросонья спотыкаешься о смерзшиеся земляные комья, ноги то и дело поскальзываются, и, вконец вымотавшись, засветишь прихваченный с собою фонарь. Желтовато-расплывчатый в весеннем роящемся воздухе луч тотчас выхватит из темноты одну буроватую спинку, другую, третью, и так - целый шлейф, до бесконечности, в своей замершей лягушачьей сосредоточенности. Лягушки попадаются почти на каждом шагу и, освещённые, будто окаменевают.

В своих замерших позах лягушки напоминают непроницаемых восточных божков, и их вечно раздувающиеся подбородки сейчас почему-то не вздрагивают. Лягушки даже не мигают, когда начинаешь рассматривать их вблизи, и с ними можно делать что угодно. Им, видно, очень сладостно переживать происходящее в природе торжество, и они, со всеми своими лягушачьими потрохами, погружаются в умопомрачительное весеннее блаженство.

При приближении к лягушкам - они резко перестают урчать и остекленелым взглядом долго провожают твои шаги, а когда ты достаточно удалишься, вновь продолжают свое утробное бормотание. Не надрывное, не недовольное, вроде бы, даже равнодушное ко всему, оно, между тем, полно жизни. Только проснувшаяся, но ещё до конца не осознавшая себя жизнь уже достаточно настырна, и в этой своей туповатой устрёмленности даже несколько неприятна, когда большинство лягушек сидят попарно, будто сросшиеся в любовном экстазе, а некоторые и по трое. Хочется поскорее миновать это бородавчатое мокрое сплетение, и почему-то с недоумением вспоминается, как в деревнях хозяйки, чтобы не скислось молоко, опускают в него на ночь такую склизкую, неприятную на вид лягушку.

В народе говорят, что весной лягуха на лягухе ездит, а то и по две на одну усядутся. Это - самцы, они обжимают самку для быстрейшего освобождения её от икры. Объятия бывают такими пламенными, что нередко самка околевает. Стремление же самцов к спариванию неистребимо, и они возбуждённо призывают самок, ищут их, а обнаружив, уже не отпускают. Неисповедимы пути любви, тем более - лягушачьей.

Очень скоро лягушки надоедают, и ты уже только стараешься не наступить на них, отчего начинаешь сбиваться с шага, и это понемногу раздражает. Ужасно не хочется именно раздавить безобидную и, в общем-то, беззащитную лягушку, суеверно связывая с ней возможное невезение в будущем. Вездесущие лягушки отвлекают твое внимание, сбивают дыхание, и ты просто стараешься забыть о них, сворачивая на сырую обочину.

Ещё пройдёт немало времени, прежде чем неутомимые земноводные преодолеют свой нелёгкий путь, не окажутся при этом добычей какого-нибудь зверя и не попадут под колеса мотоцикла, а всё же достигнут ближайшего болота или канавы, и дадут своё многочисленное потомство. Только затем, в

полном лягушачьем удовлетворении от своего сотворенного подвига, они успокоятся.

Но это всё потом, когда отшумит весенняя вода, растопят оставшийся снег чистые апрельские дожди, отгремят первые майские грозы... А пока всеобщая лягушачья какофония! По логам, по борам, по болотам - везде можно в эту пору встретить обыкновенную лягуху, как её часто называют в народе. Кроме чертей и водяного, только лягухи ещё водятся в тихом болоте.

«Святи не святи, а оно всё в болото лезет», говорят обычно про порося, но кто ещё так любит грязь, как лягушка! «Купили воз болота» - это про лягушачье семейство в народе замечено, что облюбовало болото весной, и уже не покидает его до самой осени. «Тут такое болотище, что и не вылезешь!» - с удовольствием заявили бы лягушки, если бы умели говорить.

Кстати, лягушке желательна не просыхающая грязь, то есть низкое место, постоянно заливаемое водою, чаще - родниками, от чего и образуется болотистая растительность и кислая почва, словом, болото. Болото бывает твёрдое, если близкая подпочва тверда; топь - глубокое и вязкое; кочкарник - с наросшими, часто плавающими кочками; моховина - когда мох глушит иную растительность; окончатое - с глубокими окнами, разводьями-озерками; торфяное - толстое, глубоко заросшее тиной, что постепенно образует торф… А ещё имеется тростниковое - покрытое кустарником и камышом, чистое - болото обыкновенное, без зарослей, и, наконец, трясина, если зыбучая жижа заросла в нём наплывным слоем-коркой. С густыми зарослями, или с лягушачьей травой, называемой брылена, болото для лягушек самое что ни на есть отменное.

Иной раз привольным майским вечером взбормочет, кажется, всё болото, и воздух задвигается, забулькает на разные тона, загундит... Не скоро различишь, что это: вкрадчивое бормотание, вожделённая воркотня, утробное урканье или голое турлыканье?! Вслушиваешься пристально, даже к самому болоту подойдёшь, а водяной гул только усиливается: пуще прежнего перекликаются между собой лягушки, ничего вокруг не замечая. Только они, весна и родное болото.

Весенняя ночь тепла, укромна, всё в ней ненадолго угомонилось и замерло, не спят лишь лягушки, вышедшие из воды на дорогу: повсюду слышится их низко монотонное урчание. «Ур-ур-уррр, ур-ур-уррр, ур-ур-уррр-рр» - это голоса отдельных самцов, находящихся в непосредственной близости. Голоса доносятся как бы волнами, удивительно органично сочетаясь и взаимодополняя иные весенние звучания. Например, отдалённое клокотание тетеревов, что тоже наплывает отдельными, причем неравномерными потоками. То затухают бесследно, то неожиданно возгораются неугомонные весенние шарманки и, кажется, способны повергнуть своей неиссякаемой настойчивостью, поднять над землёй и унести в неведомые весенние дали: так безоглядно отдаемся мы их околдовывающему звучанию!

Земля же вся парит, благоухает пряной сыростью скрытых в темноте овражков, и запах этот до боли резко ударяет в нос, после чего выступают

слёзы. На душе становится жарко, как-то даже неопрятно, и ты несколько теряешься в переполняющих тебя чувствах. Но лишь на мгновение забывается душа, пока тревожащий ночной холодок не обдаст лицо и руки, и не поманит за собой.

Куда-то он приведёт, если отдаться на его волю беспрекословно, не сдерживая себя, а как придётся?! Должно быть, к чему-то замечательному, такому же восторженному и проникновенному, как незабываемые трели лягушек, что умудрились своим настойчивым и вольным существованием однажды допроситься у богов самого царя!

Да, лягушка по-своему замечательна и, как сказал о ней один знаменитый биолог: она гораздо больше, чем лягушка. Во-первых, лягушка - самое удобное лабораторное животное, признанная царевна эксперимента, заслуженно заработавшая это звание миллионами своих собратьев, принесенных в жертву на алтарь науки. Во-вторых, если заглянуть вдаль времён, можно прийти к неожиданному выводу: первыми живыми звуками, некогда раздавшимися на континентах, были концерты лягушачьих предков и, возможно, наша речь - это кропотливо изменённое и отшлифованное эволюцией кваканье древних земноводных. В-третьих, на Западе в большой цене задние лягушачьи лапки, из них изготавливают соответствующие консервы, для чего даже специально разводят лягушек. В-четвертых, одна лягушка за лето съедает множество вредных насекомых, а некоторые из них закусывают как раз теми вредителями, которых не трогают даже птицы. И, в-пятых, благодаря слизи, которая не даёт развиться микробам на влажной коже, лягушка поддерживает в чистоте свое платье, и именно из-за этого родился деревенский обычай - пускать лягушек в молоко, чтоб не скисло: слизь мешает молочнокислым бактериям делать своё дело. И ещё: слизь страшна не только микробам, она способна вызвать паралич задних конечностей у крыс, обморок у птиц, временное отравление у собак, то есть является для лягушек успешным средством защиты.

К слову сказать, у каждого животного существуют какие-то приемы, что служат ему для защиты от врагов. У одних это острые, как бритва, когти, огромные сильные крылья, мощный загнутый клюв, у других — схожая с местом обитания окраска или быстрые ноги. В Колумбии же обитает крохотная, в длину менее пяти сантиметров, лягушка,и яд её, возможно, самый сильный из всех ядов лягушачьего царства. Индейцы брали иногда эту лягушку на охоту, укладывая её в особый футлярчик, и, перед тем как пустить стрелу, охотник чуть прикасался ею к лягушке. Яда, попавшего на кончик, было достаточно для того, чтобы убить человека, а не только зверька или птицу.

Спрашивается, зачем такой неприметной амфибии иметь столь грозное оружие, тогда как остальные лягушки спасаются от врага, обжигая его полость рта своей слизью, достаточной лишь для того, чтобы оказаться изрыгнутым, а значит, целым и невредимым? В чём причина необыкновенного природного дара, данного, казалось бы, ничем не примечательному существу? Может

быть, виною тому чрезвычайная доступность лягушки для многих птиц и зверей, её повышенная уязвимость, и природа изо всех сил старается предупредить исчезновение вида, когда они, несмотря на опасность, во всеуслышание заявляют о себе в долгожданные весенние дни?!

Как бы там ни было, песня лягушек по весне - ещё одно их достоинство, и оно привносит особый колорит в зарождающуюся повсюду жизнь. Жизнь без лягушек, несомненно, была бы скучна, и они необыкновенно оживляют местность, когда начинают свои незабываемые концерты. Весна будто ждала, затаившись, в ней чего-то недоставало, и вот, с появлением лягушек, она, наконец, успокоилась, облегченно вздохнула и с удовольствием пробормотала: «ква-ква-а»!

Ночной переполох

Пришла мне однажды нужда отмахать весенней ночною дорогою до станции десяток вёрст с гаком. Дорога ухоженная, наезженная, удобно ложилась под ногами серой лентой в брезжущих майских сумерках, а поодаль, по обеим её сторонам, почти невидимыми темными гривами тянулся замерший лес. Скучно как-то идти душной майской ночью по такой безжизненной дороге и, привыкнув к ней, кажется, что ничего интересного впереди не предвидится.

Идёшь, вдали, за холмом, прыгают разноцветные огоньки посёлка: то покажутся, то надолго исчезнут. Там светло, огни посёлка притягивают, манят, но, сколько я ни шагаю, посёлок всё кажется недосягаемым. А вокруг меня темнота, и хоть глаза давно привыкли к ней, всё равно ничего не видно, кроме верхушек телеграфных столбов, что слабо вырисовываются на фоне неба.

Шаги гулко отдаются в этой темноте, и насыщенный ею воздух будто сотрясается, на мгновение оживает и тут же опять затаивается. По-настоящему его смогут пробудить только рассвет да птичьи трели, но пока темно, и лишь у горизонта еле розовеет узкая полоска. Насыщенный пробудившимися запахами воздух окутывает с головы до ног, и словно замедляет движение.

Летом вокруг дороги стрекочут кузнечики, волнуется невысокая трава вперемешку с васильками и ромашками, захлебываются в вышине жаворонки, а сейчас тихо, темно и только изредка проносится над равниной упругий прохладный ветерок, после чего опять всё стихает. Еле различимые на фоне темнеющего неба шеренги телеграфных столбов по-прежнему неспешно ползут вдоль дороги, и отчего-то чудится, что им не будет конца. И всё же, несмотря на наскучившее однообразие дороги, легко идти, дышать, и, ни о чем, не думать. Легко, вообще, быть наедине с весенней ночью, что успокаивает своими запахами и таинственными ощущениями.

Я шёл, чутко ловя в тишине каждый незначительный звук, вслушивался в себя и никак не мог соразмерить своё приподнятое настроение с укромностью затаившейся ночи. Что-то в этой околдовывающей темноте, всё же,

настораживало меня, какое-то неясное присутствие, и я неожиданно останавливался и, задержав дыхание, пристально вслушивался в ночную тишину. Тишина отвечала мне ещё большей настороженностью.

Наконец, мне удалось различить еле угадываемое цоканье коготков об асфальт. Я резко обернулся и увидел метнувшийся на обочине силуэт, что тотчас прижался к щебенке и замер. Это была лиса.

Кормится лиса преимущественно вокруг людского жилья, но логовище своё старается устроить подальше, в уединенном месте, и эта кумушка, по-видимому, как раз отправилась из такого логова на охоту. А если учесть, что близ норы лиса на промыслы не ходит, то моя рыжая попутчица, судя по позднему часу, порядком убежала от своего убежища, и возвращаться не спешила.

Лиса, кажется, не замечала не только времени, но и меня, бежала неторопливо в такт человеческим шагам и собственным устремлениям, и сразу замирала, когда я останавливался, продолжая путь только вместе со мной, чтобы оставаться незамеченной. Я бы ни за что не расслышал её шагов, если бы не цоканье коготков об асфальт. Этого хитрая Патрикеевна, при всём своём желании, предотвратить не могла, и почему-то не стремилась сойти с трассы на обочину. Позднее до меня дошло, что не делает она этого только из-за опаски замочить лапы в разлившейся вокруг талой воде.

Лиса часто пускается на такую хитрость: она использует шоссе и даже железнодорожное полотно, чтобы сбить людей или гончих собак со своего следа. Опьяненные погоней, собаки рыскают по дороге, невзирая на транспорт, и попадают под поезд или автомашину. К тому же их отвлекают многочисленные запахи, которыми изобилует любая транспортная линия. Так лиса чужими заботами избавляет себя от преследования. Да и бежать по проложенной дороге намного легче, чем преодолевать препятствия в лесу или в залитом вешними водами поле. В народе, кстати, издавна бытовало убеждение, что встреча с лисой на дороге предвещает удачу.

Так мы и шли в ночи вдвоём, и мне становилось приятным это необычное соседство. Лиса не отставала, держалась чуть позади, и чутко реагировала, когда я замедлял шаг, а потом опять продолжала преследование.

Поначалу поведение лисы меня даже очень удивляло, но через некоторое время несколько надоело, и вскоре я уже воспринимал происходящее как вполне обычное для майской ночи событие. Занимала лишь одна мысль: почему лиса, как всякое осторожное животное, всё же, не бежит лощинами или не скрывается за торфяными буграми вдоль дороги, а передвигается открытой местностью, даже по асфальту?

Что-то, видимо, привлекало лису, представляя для неё желанный интерес, и лиса, затаив дыхание, терпеливо пережидала, когда я вновь двинусь по дороге, чтобы невидимой тенью последовать вслед за мной, вернее, в том же направлении. Я шёл и никак не мог сообразить: что именно привлекало зверя там, куда он не боялся идти рядом с человеком?! Конечно, это могла быть только добыча, потому как для человека в ночи - сплошная темь, хоть глаз

выткни, а лиса в ней всё видит.

Ещё днем, когда я ехал в автобусе, на горизонте появилась неясная гусиная стая. Развернувшись строгим крылом, стая налетала из-под солнца шеренга за шеренгой, и казалась бесконечной. Гуси неторопливо тянули очень низко над полем, прямо вдоль дороги, и люди в салоне указывали на них руками, что-то радостно восклицали. Всем было легко и хорошо от того, что птицы летели совсем рядом, преодолев невообразимо дальнюю для них дорогу, и каждый, наверное, думал о чём-то своём, давно наболевшем, а вот сейчас, может быть, вмиг разрешившимся благодаря неутомимым птицам. По лицам людей было видно, что, заметив в небе гусей, они будто окончательно поверили в пришедшую весну, встрепенулись душой и улыбнулись.

Упитанные широкогрудые птицы с оранжевой перевязью на темных клювах всегда вызывали у меня уважение своей целеустремленностью, а увиденная в весеннем небе строго выстроенная стая надолго сохранялась в памяти. Она была олицетворением незыблемости жизни, преодолевающей любые препятствия. Может быть, именно этими препятствиями был жив гусиный род, так же как и утиный, и журавлиный, и лебединый. Птицы не только были преданы родной земле, но, несмотря на тяжести пути, оставались ещё и красивы.

Именно с гусиным гоготом и журавлиным кличем окончательно встречаем мы весну, что уж, кажется, не принесёт никаких сюрпризов. Эти большие птицы как бы утверждают своим появлением недостающие покой и размеренность в происходящих вокруг бурных событиях. Если они прилетели, весна полностью вступила в свои права: и хоть ещё не один день тянутся в небе гусиные косяки и журавлиные клинья, что-то самое главное в природе произошло.

Гуси летят гнездиться на север, в тундру, причём, по десять-пятнадцать часов непрерывно, покрывая за это время тысячи километров. Присаживаются покормиться или переждать непогоду там, где облюбуют себе сверху место, и могут даже пожить на нём какой-либо период, пока неумолимый зов вновь не повлечет их в дорогу.

Если что-то спугивает чутких птиц, они просто перелетают чуть поодаль, и опять неспешно пасутся. Такие «присадки» для диких гусей, наверное, в радость, поскольку не доставляют им никаких хлопот: птицы ещё не сидят на гнездах, не обременены выведением птенцов и могут позволить себе расслабиться. Но однажды, в один миг, вся стая вдруг поднимается на крыло и, выстроившись строгим косяком, устремляется на север.

Теперь на дороге было пусто, прохладная ночь объяла окружающие поля, столбы, разливные луга и мелкий, полузатопленный кустарник, а я шёл и вспоминал, как гуси летели днем, светило солнце и всё вокруг было пронизано весенним оживлением. Изредка в темноте поднималась какая-то возня, слышались звериные и птичьи вскрикиванья, шум затерявшегося ветра, и опять наступала настороженная тишина. Но затишье это не несло страха, если только самую малость, потому как таинственная жизнь ночного леса

необыкновенно захватывает.

Видеть весеннюю ночь, слышать её - огромное удовольствие, и его лишены многие люди. Я всегда радовался всему, что она в себе несёт. Ведь за ночью, что за годом, не знаешь, что будет, но не на век она темна, в особенности весной, когда всё в ней отражает незабываемое светлое время. Иногда мне даже казалось, что ночь благосклонна к человеку, что не побоялся её, она чувствует его душевные устремления и отчего-то согласует с ними своё дыхание. Ночью, как известно, все дороги гладки.

А лиса, должно быть, ещё с вечера заметила, как гуси присаживались у дороги, запомнила их местонахождение и под покровом темноты устремилась к ним. Она без труда, конечно, могла бы сцапать задремавшего гуся, используя этот способ охоты во всё время пролета птиц, когда они присаживаются на отдых. Вдобавок взлетающие гуси могли побиться о металлические провода, и раненые вновь становились ее легкой добычей.

Лиса бесшумно семенила вдоль обочины, вынюхивала дичь и, обнаружив, стремительно нападала. Нелегко было спастись ночной порой от её цепких зубов!

Но сейчас я не подозревал о нахождении рядом гусей и от однообразия пути решил напугать лису, желая посмотреть, что она будет делать. Лиса, по-видимому, тоже привыкла к соседству со мной и, ошарашенная моим выпадом, рванулась в сторону от дороги, где возле самого кювета, под проводами, оказывается, сидели гуси. А тут еще заяц куцехвостый, будто чумовой, прыснул из-под придорожного валуна, да как шарахнется прямо лисе в ноги! Что после этого началось!

Вообще, издаваемые гусем звуки очень характерны, и потому его легко отличить даже при ночном перелёте, когда птиц не видно. Гуси обычно гогочут в отличие от утки, которая такает, а журавль курлычет. К тому же, у гусей очень развито стадное чувство: что делает один, то и все другие, один гусь не гогочет. А как птицы соберутся вместе, так что бабы: гусь да баба - торг; два гуся, две бабы - ярмарка; ну, а уж если ватага - целый переполох!

Вот и сейчас вместе с пронзительным гоготом послышался сначала глухой шум, как от сильного водопада, затем звон, бесперебойное лязганье и опять шум, пробивающийся сквозь металлическое дребезжание: это вспугнутые гуси бросились с придорожных луж вверх, и угодили прямо в провода! Птицы, видимо, отдыхали от утомительного перелёта, кормились на невысоких гривках посреди разлившейся воды, и под вечер, незаметно, перебрались к телеграфным опорам, где и уснули.

Я сразу представил, как взбудораженно сорвались в воздух десятки и сотни гусей, напряжённо вытянули шеи, мешая друг другу, захлопали крыльями. Вырвавшиеся вперёд ударились с грохотом, остальные налетали на них и падали на только что поднимающихся. Получался невообразимый кавардак, и первой возникшей мыслью было только одно: чтобы гуси не побились и не переломали себе крылья.

Беспокойство гусей в мгновение обернулось вынужденной толкотнёй, в

ней лишь немногие бросались в сторону, основная же масса рвалась кверху и натыкалась на провисшие металлические дуги. Дуги перехлестывались между собой, превращаясь в гигантские струны, и издавали невообразимую какофонию. Лишь немногие гуси, быть может, самые опытные, с отчаянной решимостью и чутьём бросались в промежуток между проводами и, угадав его, с торжественным хлопаньем удалялись в ночь. У гусей был только один выход - вверх, и они упорно пробивались навстречу своей свободе. К тому же, рядом находились лиса и человек, главные виновники случившегося переполоха, и птицы стремились как можно скорее избавиться от этого опасного соседства.

Я почувствовал, как, ощерившись, замерла рыжая хищница, и её зелёные глаза остро блеснули в темноте, заструились внутренним алчным светом. А может быть, лиса не на шутку перепугалась от приключившегося гама и неслышно юркнула с дороги в сторону леса. Сотворённый нами переполох явно испортил ей охоту, и лиса, убираясь восвояси, наверное, озлобленно озиралась. Поначалу добрая ночь неожиданно обернулась зверю в убыток.

Но более всего поразило то, что весь этот переполох происходил молча, и только редкие из птиц взволнованно вскрикивали и тотчас замолкали. Казалось, будто они пытаются пробиться к свободе, не привлекая к себе внимания, и эта скованная нацеленность птиц тоже удивляла. Гуси по характеру выглядели настоящими бойцами, готовыми ко всему во имя спасения. В их поведении, несмотря на охватившую тревогу, чувствовался организованный ум, и это в мгновение успокоило.

Но сначала всё-таки обуял страх, так что я даже растерялся: поджилки дрожат, ноги подкосились, а во рту всё пересохло. Казалось, неописуемый ужас взрывается в ночи невидимой жуткой птицей, что есть силы, молотит рукавами-крыльями, будто норовит коснуться души и околдовать.

Ночь, вроде бы, даже вспыхнула какими-то неясными зарницами, и эти всполохи действительно околдовали. Стоишь как вкопанный и ощущаешь внутри себя липкий страх. Недаром говорят: у страха глаза велики, да ничего не видят.

Ночь потеряла свой покой, всё задвигалось в ней, зашумело, и сердце моё, взбудораженное весной и зверьми, тоже заухало в груди, не в силах успокоиться. Оно вместе с зайцем, лисой и гусями устроило майской ночью маленький переполох, и я, опомнившись и прислушавшись к установившейся тишине, уже весело зашагал дальше по дороге. Больше я не считал её скучной, втайне про себя вспоминая всё случившееся, и улыбаясь в предрассветных сумерках.

И вот уже остался за спиной пугающий шум, гуси, лиса, спало первое оцепенение. Гулко и холодно обдала опять лицо ночь, чуть заметно повеяла какими-то новыми, скрытыми сомнениями. Всё в ней встало на свои места, и она с неясным вздохом улеглась над землёй утомленной за день охотничьей собакой...

Но сон весной всегда тревожен, потому, что весна полна жизни.

Почему зайчиху плохой матерью зовут?

Не повезло зайчихе с потомством, из-за которого за ней худая слава повелась. Не успеет ещё мартовское солнышко, как следует, сугробы сахарные подточить, только-только праздником света в воздухе повеет, а у неё уже зайчата первые появляются. Несладко им, должно быть, морозными ночами приходится, неуютно и зябко, а ничего не поделаешь: знаменитая заячья неприхотливость от самого рождения, как видно, ведётся, и ко многому обязывает. В народе этих зайчат настовиками прозвали: свои первые прыжочки они совершают по искрящейся снеговой корочке, как будто опробывая её на крепость.

После появления зайчат на свет зайчиха кормит их вкусным молоком, что гораздо превышает по жирности коровье, и, не задерживаясь надолго, убегает. Маминого молока зайчатам хватает на несколько дней, и они сидят, не двигаясь, тесною кучкой, греются и сохнут. Так проходит несколько дней в робком ожидании её первого прихода.

Когда зайчиха возвращается, она кормит малышей вновь, и вскоре опять их покидает. На сей раз, зайчата ведут себя смелей, и разбегаются неподалёку, припадая к каким-нибудь кустикам или ямке. Первую неделю-две они ещё остаются малоподвижными и всё больше вслушиваются в окружающую их непостижимую жизнь.

К тому времени, как в полях начинают засевать рожь и пшеницу, зайчиха приносит следующий помёт - яровиков, что затаиваются уже в траве и ведут себя более вольготно. Земля открылась от снега, появились первые всходы и насекомые, и зайчата, в ожидании матери, не разбегаются далеко, а выедают зелень вокруг себя, не оставляя следа. Двух-трехнедельного зайчонка и поймать-то бывает очень трудно, так он быстро бегает, ловко увёртывается и скачет.

Что и говорить, не балует зайчиха своих детей вниманием. Оттого её, должно быть, и прозвали бессердечной. Но только в природе не всё так просто, и, может быть, зайчиха не такая уж плохая мать, как многие привыкли о ней думать?!

Оказывается, шкурка у зайца почти не пахнет, в ней нет потовых желез. Все они расположены на подошвах ног, и оттого сидящего зайца с прижатыми к земле лапками никто не чует: ни волк, ни рысь, ни лисица. След зайца, только что вскочившего с лёжки, гончая собака почувствует много хуже, нежели долго бегущего, уже уставшего.

Оставляя зайчат, мать скорее заботится о том, чтобы не привести к ним по своему запаху хищника. Тяжело покидать ей своих несмышлёных малышей, да ничего не поделаешь. Но не выносит беспокойное сердце тоски ожидания, и зайчиха заводит себе других детёнышей, возвращаясь затем не один раз к первым. А ведь есть ещё и травники, что появляются в пору летнего изобилия и довольства!

Так всё лето и проходит у зайчихи в делах праведных: одних провожает, других - встречает, третьих - обхаживает, и не видать конца её усердным хлопотам. Даже под осень, когда многие птицы уже собрались на юг, а некоторые и вовсе отлетели, сердобольная зайчиха приносит на свет своих последних зайчат, ласково прозванных листопадниками. Непутёвые и славные, они особо любимы в народе, и, примечая их, неторопливо ковыляющих через распутицу-дорогу, всякий с радостью восклицает что-нибудь весёлое и приветное.

Вот и выходит, что забот у зайчихи полон рот, и со всеми ей самой справляться надобно. Но плохо жить без забот, хуже - без доброго слова, которого ей от добрых людей не хватает. А добрые ли мы с вами после того, как зайчиху плохой матерью величаем?!

Спящие лебеди

Все люди спят одинаково, а птицы и звери - по-разному. Одни из них остаются в своём таинстве недоступными, но кого-то можно и подсмотреть, если проявить немножко находчивости и терпения. Ведь терпеть - не беда, было бы чего ждать, а неутомимое ожидание в природе всегда вознаграждается.

Однажды весной охотились мы с товарищем в пойме разлившейся реки, и чего там только не увидели! На лодке можно было подобраться к кому угодно, не привлекая особого внимания, и так мы оказались вблизи хохлатых чомг, редких чёрных крачек, обнаружили курочку-пастушка на маленьком островке, наблюдали чёрного коршуна, величественно кружащего над множеством утиных, облюбовавших тихие заводи среди затопленного леса. А ещё видели бесчисленные стаи гусей, то и дело проносящиеся в переполненном звуками весеннем воздухе, огромных судаков, поднимающихся из глубины к самой поверхности, и подмочившего «штаны» зайца, волею случая оказавшегося на плавающей кочке. Но больше всего нас поразили спящие лебеди...

Маленькая стая лебедей, возвращающаяся на север с далекого юга, остановилась на несколько дней в этом залитом вешней водой участке леса и, как ни странно, не выделялась среди многочисленных птиц широко распахнутыми белоснежными крыльями, длинными вытянутыми шеями, не похожими на других птиц голосами, а держалась как-то незаметно, даже скромно. Присутствие лебедей не захватывало дух до тех пор, пока мы не выехали в разлив на лодке и не приблизились к птицам вплотную. Я был поражён и полностью захвачен тем волшебным впечатлением, какого никогда ранее не испытывал.

Издали лебедей можно было принять за большие куски сахарной пены или оторвавшегося из-под крутого берега и чудом сохранившегося снега. Ещё на ум приходили чудесные женские боа из меха и перьев, и именно они своей зачаровывающей снежностью окрылили на радостное озарение: да ведь это лебеди! Но где у них шея и голова, и почему птицы долгое время

недвижимы?!

А лебеди, оказывается, спали... Изящно изогнув длинные шеи, и ловко спрятав головы под крыло, они уснули, отдавшись на волю течения. Разумеется, мы забыли о ружьях и только любовались удивительным зрелищем. Нас интересовало лишь сонное царство божественных птиц, случайно подсмотренное у природы, и мы были счастливы, так же как и лебеди, отдаться охватившей нас свободе.

Лёгкое течение и ненавязчивый весенний ветерок подталкивали воздушные тела птиц, и лебеди гигантскими волшебными кувшинками незаметно скользили по поверхности воды, завораживая своим сказочным видом. Позабылись и редкие крачки, и смешной заяц, и пританцовывающие на воде чомги. Всё, что окружало нас в этот радостный весенний день, отошло на задний план. Остались лишь лебеди...

Лебеди превосходно плавают, но никогда не ныряют, что, наверное, происходит по причине их величавой и трогательной натуры, что не позволяет им вести себя раскованно. Лебеди только погружают в воду голову и шею, но даже эти движения совершают, не теряя себя, с достоинством. Они очень горделивые птицы, шея у них поставлена вертикально, голова устремлена вперёд, а клюв держится всегда чуть приподнятым.

Лебеди обычно неторопливы, грациозны, но, будучи преследуемы, плывут быстро, и догнать их, даже на лодке, можно лишь с большим трудом. Вода, как и воздух, стихия этих удивительных птиц. Хотя взлетают они тяжело, долго разбегаются, шлёпая по воде лапами, и лишь постепенно набирают скорость и высоту. К тому же, лебеди сильные и храбрые птицы, самоотверженно защищающие своих птенцов, а удар их крыла может переломить детскую руку.

Лебедь весьма осторожен, по прилёте выбирает открытое со всех сторон место и почти всегда держится на самой середине озера или реки, где его не застанет никакой хищник и откуда далеко слышен его мелодичный голос с оригинальным гоготаньем. Голос этой птицы, как и её движения, тоже необыкновенно деликатен и грациозен, в особенности у самцов, когда они ухаживают за самками. Лебедь то обовьет подругу своей длинной тонкой шеей, то нежно припадёт к ней своей головкой и, ни на минуту не оставляя свою избранницу, что-то переливчато и чуть гортанно ей наговаривает.

Изредка лебеди приходят в себя, как бы одумываясь, нежно выгибают шею и, приподняв голову, издают уже более громогласный звук, напоминающий зов трубы и несколько схожий с журавлиным криком, правда, слегка приглушённый. Птицы будто напоминают своим сородичам, что они живы, довольны всем происходящим, но не стоит забывать об осторожности. Более обычно для лебедей только сильное шипение или глухое гоготанье, что, впрочем, не мешает некоторым людям слышать в нём звон серебряного колокола или даже скрипки.

Думается, именно по причине необычности и благородной величавости лебедей, что будто бы свидетельствовало о их приближенности к Богу и, уж

конечно, ко двору, в древние времена птиц часто и употребляли в пищу, и они обыкновенно фигурировали за царским столом, о чём упоминается в описаниях старинных пиршеств. Теперь же лебедей едят исключительно редко, а в большинстве мест это даже считается грехом. В Англии существовал обычай клеймения всех лебедей, живущих в оседлом состоянии на Темзе и составляющих собственность королевы, которая их боготворила.

Эта необычная операция осуществлялась каждый год. Дело заключалось в том, что право воспитывать лебедей было некогда привилегией, и англичане ей очень гордились. Строгие наказания налагались на тех, кто присваивал этих драгоценных птиц.

При Генрихе VIII лицо, похитившее лебединое яйцо, наказывалось годичным тюремным заключением. Королевским декретом назначались особые лебединые стражи, и они должны были начинать клеймение лишь в присутствии представителя, посланного монархом. Эти стражи вели списки всех королевских лебедей с описанием их признаков. Простолюдины не имели права даже смотреть на великолепных птиц.

Клеймение лебедей производилось каждое лето, продолжалось несколько дней и заканчивалось большим банкетом в честь стражей в Виндзоре. Для этой цели на Темзе, между Лондоном и Чепле, разъезжали лодки, перехватывая всех лебедей, которые затем крепко перевязывались. На королевских лебедях ставился знак, состоящий из трех ромбов на верхней части клюва. У них выщипывались или подрезались большие перья крыльев, дабы не допустить, чтобы птицы не улетели с дикими лебедями.

Если, с одной стороны, в нраве лебедей заметно осознание собственного достоинства и довольство собой, то с другой - лебеди очень вздорны и неуживчивы с другими пернатыми. Их привилегированное положение проявляется в какой-то злой наклонности к дракам и жажде господства над птицами более слабыми. Даже заблудившийся лебедь предпочитает плавать одиноко, нежели присоединяться к своим соплеменникам.

Напротив, самец и самка одной пары необыкновенно привязываются друг к другу, выказывая самую преданную любовь, и однажды заключённый союз уже не разрывается всю жизнь. Обе птицы нежно любят друг друга, часто милуются - обвиваются своими шеями, трутся клювами, не замечая никого, а в опасности друг друга защищают. Столь же нежно родители относятся к своему потомству, и хотя самец обыкновенно не разделяет трудов по высиживанию яиц, но всё же не перестаёт самым преданным образом оберегать самку, помогает доставлять гнездовой материал и всё время остаётся поблизости, предупреждая о какой-либо опасности.

На земле вряд ли есть птицы красивее лебедей, и испокон веков они служили символом красоты, любви и нежности. Существует даже старинная легенда о лебединой песне, какую эта прекрасная птица, якобы, поёт перед своей гибелью, а лебединая верность стала притчей во языцах. Если случайно погибает один из пары, другой лебедь, высоко поднявшись в небо, камнем падает вниз и разбивается о землю. Лебеди прекрасны, и недаром молодую

пригожую женщину на Руси называли не иначе как лебедушка. Сколько утка ни бодрись, замечали меж людей, а лебедем не быть!

Огромные белые птицы в синем апрельском небе - это незабываемое зрелище, но ещё красивее кажется лебедь на уединённой глади реки или озера. Лебедь плывёт легко и бесшумно, и вода под ним, от его сказочной белизны, принимает нежный перламутровый оттенок. Лебедь неповторим в малейшем своём движении: при крутом развороте на воде, в случае опасности, при купании, когда радостно расплескивает солнечные брызги, и при подъёме на крылья.

Но особенно незабываемы птицы во время сна, когда лёгкий ветерок потихоньку сносит их воздушные тела, а они как будто ничего не замечают. Этот же ветерок нежно ворошит лебяжье перо, и так, постепенно, становится вроде доброхотной бабки, что напевает им свою усыпляющую колыбельную и нежно освежает. Под этот лёгкий приятный шумок лебедям спится ещё слаще.

Кто больше спит, говорят в народе, тот меньше грешит. Но разве подумаешь подобное об этих царственных птицах, что живут на воле, а потому и спят боле?! Лебеди покормились, почистили перья и опять погружаются в благостный сон: чем им ещё на перелёте заняться, пока они достаточно не подкрепили свои силы? Сон птиц не тревожен, он лёгок, как весеннее облачко, что зависает над землей в неуловимом мареве, поднимающемся к ясному небу. Лебеди плывут отрешённо и спокойно, а птичье счастье находят в возможности жить не зависящей ни от кого жизнью, в которой так приятно просто забыться.

Спят лебеди, и грезится им, наверное, чистая гладь озера, такое же светлое небо над ним и их неограниченная свобода. Сны лебедей вроде самих птиц - белые, воздушные и неуловимые. Лебеди ходят белоснежными корабликами по озёрной и речной воде, зачаровывая всех своим сном. Но хоть лебеди и спят, а всё видят.

Среди людей за неоспоримую истину принято, что крайняя осторожность - это робость и нерешительность, лебеди же очень чутки. Птицы спят - не спят, чуть дремлют, при малейшей опасности вкрадчивым гоготом предупреждая друг друга, и молниеносно оживают. Им не требуется при этом охорашиваться - они и без того прекрасны: такие же миловидные, привлекательные, с невинной прелестью пребывая в своей возвышенно-волшебной жизни. И когда спят, и лёгкое течение тихонько сносит их воздушные тела, и когда встрепенутся, ещё более преображаясь.

Уснувших лебедей медленно сносит течение, и они кажутся невесомыми, сосредоточенными в себе: будто не спят и думают какую-то неведомую птичью думу. Такую же лёгкую, неуловимую, как они сами, что тебе тоже становится как-то воздушно и празднично. И хочется плыть с ними долго, пока они не проснутся, а когда пробудятся - подняться вместе с птицами на крыло и устремиться в головокружительные небесные выси.

Лебеди, плавно покачиваясь на еле приметных волнах, удалялись от нас всё дальше и дальше, а мы догоняли их на лодке, чуть подгребая вёслами, и,

любуясь, опять на какое-то время отпускали. Порой удавалось приблизиться к ним на несколько десятков метров, и лебеди вдруг подымали головы, с лёгким недовольством вскрикивали что-то со сна, и вновь укладывались спать. Видно, им было очень приятно отдыхать, таким образом, и птицы не боялись, что кто-то может их потревожить. Головы они ловко прятали под крыло, длинные шеи мягко свисали набок, до самой воды, и всё это начинало представляться каким-то удивительным сном, в котором лебеди не улетали, а навсегда оставались с нами, затопленным лесом и долгожданной весной.

Кукушкины слезы

Кому не приходилось слышать негромкий, вкрадчивый голос кукушки! Ещё не успеет сойти по оврагам и тёмным ельникам снег, а уже слышно в лесу её «ку-ку, ку-ку, ку-ку». Монотонное, но ненадоедливое, поначалу как будто даже восторженное, пение кукушки скоро начинает представляться однообразным, и уже не далёк тот час, когда всякий, заслышав знакомое кукование, не применёт заметить: куковала бы кукушка на свою голову!

Да что поделаешь: без кукушки весна не весна. Пока не услышишь близкого сердцу кукования, чего-то не хватает в природе. И только подаст голос кукушка, как радость охватывает без предела: наконец-то, и к нам пришла весна!

Относились к кукушке в народе по-разному и, конечно, связывали с ней много примет и поверий. «Сколько раз кукушка натощак кого окукует, столько лет жить» - обнадеживали особо сердобольные. «При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились - лукавили другие. «Кукушка закуковала - пора лен сеять» - не без оснований наставляли всезнающие старики.

«Много лет кукушка бабе накуковала, да и обманула» - беззлобно урезонивали размечтавшихся острословы. А то и без обиняков, по-свойски: «За кукушку бьют в макушку!»

Первые дни после прилёта самцы обычно, бывают, скрытны и совсем не подают голоса, но затем постепенно распеваются, привлекая к себе самку. Подлетевшая на призывную песню самца кукушка издаёт громкую кликающую трель, а в минуты особого возбуждения - глухой крик, похожий на какой-то утробный, слышный только с близкого расстояния хохот. Куковать самки не умеют.

Громко вскрикивая, чуть ли не кудахча, перелетают в еловых ветвях охваченные весенним азартом кукушки, суматошно всхлапывают крыльями, друг на друга наседают, и до того у них вся эта кутерьма по-семейному получается, открыто, что даже не веришь глазам: кукушки ли это в самом деле или какие другие птицы?

Места для своих брачных игр осторожные кукушки выбирают глухие, порядком удалённые от человеческого жилья. Где-нибудь на окраине старой заброшенной делянки, окружённой дремучими елями, обоснуются птицы на время и, охваченные весенним восторгом, беснуются без удержу, несколько

дней кряду, забывая обо всём. Но переменчивы необычные птицы в своём настроении, и, натешившись вволю, самцы под вечер чинно рассаживаются по верхушкам ещё не опушившихся деревьев, потихоньку налаживаясь на свою проникновенную песню. Тот, кто не подсмотрел, хотя бы однажды, их отрешённых весенних игр - никогда не узнает о кукушке того, чего она по-настоящему стоит.

Кукушку ни за что не спутаешь с другой птицей: её веретенообразное юркое тело с изящным хвостом хорошо различимо в ветвях любого дерева. Имея дымчато-пегий, бросающийся в глаза своей нежностью окрас, чуть схожий только лишь с ястребом-перепелятником, кукушка словно подчёркивает его ярко-жёлтой окантовкой вокруг глаз и оранжевыми лапками. Завидев в листве её покачивающийся в такт песне силуэт, отчего-то сразу обрадуешься и долго смотришь, никак не выдавая себя и не уставая, словно ожидая от птицы чего-то несбыточного, но для неё самой такого привычного и обыкновенного.

А кукушка как будто чувствует оказываемое ей внимание и ждёт этого: ещё громче разносится над лесом её звучное кукование. И дразнит, и манит к себе голос недосягаемой, замечательной птицы, так что про себя думаешь: никогда не выменять тебе кукушку даже на ястреба!

Давно известно, что кукушки сами не высиживают свои яйца. Немалое количество их способна отложить одна птица, и слишком длительными бывают промежутки между кладками, чтобы успешно вывести ей здоровое потомство. Первое яйцо успеет высохнуть и испортиться, пока кукушка отложит последнее. Ответственность за высиживание, выкармливание и воспитание кукушонка ложится на ту неудачницу-птичку, в гнездо к которой кукушке посчастливится подкинуть яйцо.

Обычно, завидев кукушку у своего гнезда, большинство мелких птиц поднимают шум, стараясь отогнать её прочь. Озабоченным выведением собственных детенышей крохотным птахам незачем знать, отчего кукушка совершает свой подлог. В попытке подбросить яйцо в чужое гнездо они усматривают только наглость, и всеми силами пытаются противостоять ей.

На подложенное в гнездо яйцо кукушки разные птицы реагируют по-своему. Одни, в захватившем их отчаянии, бросают гнёзда даже с полными кладками, и потом, наверное, ещё долгое время находятся в пустой суете, покуда новые детки не успокоят их взбудораженное навалившейся бедой сердечко. Другие тут же исступленно свивают новую подстилку, кропотливо прикрывая кладку с яйцом кукушки, и приступают к откладыванию яиц заново. А отдельные птички, особенно одарённые, способны даже отличать кукушкины яйца по окраске, и просто выбрасывают чужое яйцо из гнезда. Тогда кукушка стала откладывать яйца, удивительно похожие на яйца птиц, к которым она их подбрасывала.

«Не диво, что кукушка по чужим гнёздам лазит» - говорят в народе, - а вот бы диво, кабы своё завела!» Да, видно, не суждено этому случиться, и определила природа кукушке и впредь нести множество яиц, не успевая

высиживать, выкармливать и воспитывать кукушат только потому, что обладают они непревзойденным аппетитом, съедая столько насекомых, сколько осиливают за день пять или даже шесть подросших птенцов белой трясогузки, дрозда-белобровика и сорокопута-жулана. В изобилии поедая мошек и жучков, кукушата вынуждают птиц быть более активными в отыскании необходимого корма, а значит, сокращают наносимый вредными насекомыми ущерб. Став уже взрослыми, они начинают употреблять в пищу страшных мохнатых гусениц, к которым не решаются подступиться никакие другие птицы!

Прожорливость кукушки - её безрадостная судьба и достойный удел, по которому она вынуждена отказываться от своих птенцов. Возможно, поэтому так скрытна она, что не показывается никому на глаза, не поёт и переживает свою скорбь в одиночку. Нескончаемую песню несёт над лесом лишь самец, как бы выплакивая за себя и самку общую боль бесконечно вопрошающим кукуканьем, будто окликает потерявшихся деток, просит их отозваться истосковавшимся по ним родителям, обреченным на одиночество.

Так и не отыскав детей, взрослые самец и самка рано отлетают на юг, не обнаружив для себя какого-либо применения в наших лесах, а молодые птицы, ещё не обременённые этим знанием, трудятся без устали в течение всего лета, исполняя возложенную на них природой заботу. Нелегка их доля, ведь им на следующий год предстоит так же, как и их родителям, безрезультатно оплакивать своих детей и не находить их. «Не кукушка кукует, - обычно примечали среди людей, - а жена горюет».

Кукушкины слезы невидимы и сухи, и, не обретя своих детей, кукушка накуковывает им долгие годы жизни. Человек однажды подслушал её и, не восприняв в песне тоскливой жалобы птицы, отнёс её прорицание на свой счёт, а маленькие лиловые растения в лесу, расцветающие в пору, когда птица остаётся одна, назвал «кукушкины слезы». Вот она какая, кукушечка: всем от неё польза, да только никому до её горя дела нет.

Чувства-птицы

Что-то необъяснимое остановило меня однажды посреди майской дороги, заставило поднять голову и, скорее, не увидеть, а почувствовать тревогу. И только потом услышать пронзительные вскрикивания кружащей над головой птицы, угадав в ней ширококрылого взбудораженного чибиса, с напряженной суетливостью снижающегося к земле. А через несколько мгновений витающая над головой тревога удвоилась: ещё один чибис с тоскливым криком, как бы ниоткуда, взмыл над землёй и озабоченно запетлял над неширокой поляной.

И тут я увидел, как впереди по дороге, у самой её обочины, выбежала хохлатая самочка. На секунду замерев, будто прислушиваясь, она покосилась в мою сторону и, забавно переваливаясь, перебежала дальше. Чуть приподняв лапку, опять замерла и, как-то скособочившись, припустила по самому краешку, явно пытаясь увести меня от гнезда.

Но я оставался на месте, и птица застыла, повернулась ко мне и тихонечко простонала, в нетерпении поведя перышками. Я сделал несколько шагов в сторону от дороги, туда, где поначалу показалась птичка, и она вдруг бросилась ко мне наискосок, через дорогу, неприметно семеня своими тоненькими лапками. Я тут же остановился, а птичка возбужденно закрутилась на месте, требовательно издавая попискивания, будто всхлипывая. Она была само отчаяние.

Не без муки представляя, как бьётся сейчас в её маленькой груди бесстрашное сердечко, я всё же попытался поискать гнездо. Раньше мне не приводилось встречать в лесу чибисовых яиц. Поиски мои не увенчались успехом, и всё это время две птицы, не переставая, кружили над головой, изредка оглашая округу своим неизъяснимо-вкрадчивым криком: «Чьи вы, чьи вы, чьи вы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чьи вы, чьи вы, чьи вы?».

Потом птицы куда-то исчезли. Вероятно, они просто устали надрывать свои сердца и в бессилии удалились, а я остался стоять посреди разнеженного майского дня, не в силах двигаться дальше.

Постепенно вокруг опять воцарилась лёгкая дремотная тишина, и я подумал, что, может, никакого гнезда здесь у чибисов вовсе нет, а птицы, возбуждённые скорым выведением птенцов, вдруг увидели одиноко ступающего по дороге человека, и это вызвало у них короткий приступ эмоционального раскрепощения. Чибисы по-своему разрядили свою озабоченность, и вскоре забыли о моём существовании. Я иду дальше по дороге, думаю о них, и мне больше не хочется доставлять птицам переживания.

Но незаметно, с исчезновением чибисов, в моей голове тоже начинают рождаться всякие тревожные мысли. Например, о том, что не меня птицы боялись в этот майский полдень, а искали своих разбежавшихся по траве малых деток, которых я по неосторожности потревожил, и, быть может, даже согнал с гнезда. И тогда уже мои непутёвые чувства поднимаются ширококрылыми чибисами к небу, бесприютно вьются в отрешённо замершей майской синеве, и тоскливо плачут: «Чьи вы, чьи вы, чьи вы?!»

Лесные усы

Ночь, только начинает светать, и туман ещё с оглядкою опускается в низины, а звери уже возвращаются с охоты. Всю ночь они провели в поисках добычи, и теперь крадутся - кто с чем, чтобы накормить детенышей или, жадно утолив голод, припрятать то, что осталось, на чёрный день. Близкое утро подсказывает им их чутьё, и звери спешат вернуться в укромное логово, где будут терпеливо пережидать опасное светлое время, пока темнота вновь не накроет своим покрывалом засыпающую землю.

Незаметно открывается зеркало лесного озера. Как будто легло на него парное дыхание ночи, и всё ещё не рассеялось: вода в озере кажется молочной. Зубцы самых высоких старых елей словно стёсаны туманной дымкой,

безжизненно завязшей между невидимыми кронами. Лес ещё спит, но уже ощущает зарождающееся вокруг движение.

Ощущает его и твое растревоженное ночными запахами и звуками сердце. Восторженным страхом вторит оно им, то вдруг захолонёт, то забьётся часто-часто. Стук его так внятен, что кажется: бьётся оно и внутри, и где-то рядом, будто это сердце всей ночной природы, что увидит любую лесную тайну — и она разом ему открывается. Да не понять так скоро этой тайны, знай, смотри вокруг, как зверь, вдыхай, впитывай и вслушивайся.

Тишина с каждой минутой нарастает, и всё ещё слышится далекое кукование кукушки, перебиваемое монотонными посвистываниями сыча: два этих протяжных звука, как будто стремящихся неспешно друг к другу, создают в предрассветном лесу удивительный и странный дуэт. Нет ещё красок, полных радостного беспокойства, но восход уже ощущается по дрогнувшему и зашевелившемуся воздуху. Небо стало похоже на сине-зелёный колокол, что вскоре наполнится малиновым звоном зари. Все лесные звуки становятся выпуклыми и очень отчетливыми.

Вот еле ощутимым силуэтом продвигается вдоль опушки леса волчица: время от времени останавливается, пристально вслушивается, замирает. В зубах она несёт задавленного зайчонка, что безжизненно болтается у неё на груди. Похрустывает под волчьими лапами слежавшийся снег, вспархивают вспугнутые со сна птицы, и опять всё замолкает.

Настораживаясь, волчица чуть заметно трогает ушами, поджимает хвост и холодным взглядом смотрит прямо перед собой. По-видимому, сейчас, в темноте, ею более руководит осязание, чем слух и зрение, и она очень недоверчиво относится ко всем незнакомым ей предметам. То, что волчица не видит, улавливает её отменное чутьё. Нужно быть предельно осторожной, не нашуметь и не оставить после себя каких-либо следов, что могли бы привести к логову её врагов.

В случае любого шума волчица тотчас прижимается к земле и крадучись устремляется к ожидающим её волчатам. Словно тень, продвигается волчица своим ночным путём, в особенности - весной, в мае, когда на уже вытаявшую землю часто выпадает последний снег. Охотники ждут этого события, и по следам кормящего волка отыскивают нору. Сколько бы зверь ни запутывал свой след, тот всё равно приведёт в его логово.

Даже близкие к природе люди нередко думают, что дикие животные, пользуясь неограниченной свободой, бродят, где им вздумается. Однако, если присмотреться к жизни таких лесных обитателей, как лось и барсук, заяц или лиса, нетрудно убедиться в обратном. Нахоженные звериные тропы не так уж тяжело разглядеть, если ты достаточно часто ходишь в лес, а острый глаз бывалого охотника приметит тропу зверя даже по нескольким перевернутым сухим листьям на земле и примятым травинкам, с которых сбиты капельки росы, или по лёгким царапинкам от когтей на коре деревьев и камнях.

Выйдешь на такую тропу, остановишься на миг, и, как зачарованный, задумаешься, глядя на неё, а она всё дальше в лес забирается, чем-то неизъяснимо манит: вьётся узкой канавкой во мху, пахнет горько листом и грибами, и всё не кончается. И уж когда устанешь по ней идти, она выведет к рассохшемуся осиновому корыту. Это солонец, куда лоси время от времени захаживают в надежде полизать недостающую им соль, а её уже давным-давно никто не подсыпает. Попался бы хоть один лось навстречу!

Целое лето пробивает тропку к роднику, на дне глубокого лога, неутомимый барсук. Ведя ночной образ жизни, он как никто вынужден остерегаться, быть внимательным, и в этом ему помогает его удивительная предусмотрительность. Короткое приземистое туловище барсука с узкой головой и подвижной шеей, к тому же, обладает широкой спиной и толстым круглым задом, что замечательно способствует беспрепятственному продвижению ночной порой в густом лесу. Благодаря такому своеобразному строению тела, да ещё жесткой, плотно прилегающей к нему шерсти, барсук свободно проникает в самые захламлённые участки чащи, а в норе чувствует себя, как поршень в цилиндре.

Тропы зверей — это хроника их перемещений с места на место. Обнаруживая такие пути животных, всегда усомнишься в той «безграничной свободе», которой они пользуются. Многие звери на протяжении какого-то времени держатся на одной территории, где у них имеются места для сна и отдыха, кормёжки или испражнений. Здесь могут встречаться выходы соли, урочища, пригодные для купания, водопоя или грязевой ванны, и все эти участки зверей регулярно ими посещаются.

Однажды проложенный путь с завидным постоянством используется даже последующими поколениями зверя, несмотря на то, что со временем обстоятельства меняются и на нём могут возникнуть препятствия, например, завалы деревьев или буйные заросли.

Благодаря постоянному использованию почва на такой тропе уплотняется, и растительность постепенно исчезает. Чем тяжелее и крупнее хозяин тропы, тем глубже врезается она в землю, тем шире расступаются вдоль тропы ветви, но вот раньше, когда тропы только прокладывались, зверю было нелегко миновать преграды. А если учесть, что зверь пробирается по лесу чаще всего ночью, то становится странным, как он мог пробраться бесшумно, оставаясь для всех незамеченным, да к тому же - не поранившись о колкие сучки и ветви.

Звери, как и люди, воспринимают мир при помощи органов чувств: глаза видят, нос улавливает запахи, язык узнает вкусы, кожа и шерсть ощущают прикосновения, уши слышат. Говорят, что уши в лесу - первое дело, глаза и всё прочее - потом. А вот для многих животных и не то, и не другое, и не третье. Главное для них — усы!

Усы, эти длинные волоски, животным просто необходимы. Ими они распознают предметы «на ощупь», так же, как мы, люди, пальцами. Усы эти необыкновенно чутки: слегка коснулись чего- либо - и зверь сразу чует: тут дерево, ветка или трава.

Хотя мы про волка, лису или рысь говорим «усатые», представляя себе их симпатичные морды, на самом деле никаких усов у этих зверей нет. Чувствительные волоски только по виду напоминают усы, и ученые называют их вибриссами. Название это произошло от латинского слова «вибрацио» - «дрожание», «колебание». Растут вибриссы у зверей возле носа и в ушах, на подбородке, над бровями и даже на брюхе, а щеголяют ими не только самцы, но и самки.

Вот в темноте рысь насторожил запах спящего рябчика, она потянулась мордой в кусты, но никогда не наткнётся зверь на острую ветку или сучок, потому как только дотронутся вибриссы до невидимой преграды, то сразу предупредят зверя об опасности. Вибриссы такие чувствительные, что могут даже не коснуться предмета, лишь приблизятся к нему, а животное всё равно почувствует его. Так, отворачивая от каждой веточки, ствола или камня, зверь уверенно лавирует в любой темноте, даже когда спешит и спасается бегством от погони. Природа наделила зверей очень чувствительным органом помимо других, какие они имеют. Не будь его — и не помогли бы зоркие глаза и чуткие уши!

Вибриссы у некоторых животных растут и на ногах... Они помогают им пробираться по опасным каменистым кручам, в непроходимой для человека чащобе, позволяют среагировать на неожиданно возникшее препятствие при беге. Для меня было полной неожиданностью обнаружить у зайца подобные волосы на передних лапах, сбоку, почти у самого их основания. Ранее не замечаемые, даже после удачной охоты, когда зайца всегда тщательно и с удовольствием рассматриваешь со всех сторон, они удивили своей необыкновенной длиной.

Без таких усов зайцу не обойтись в тёмную пору, если он выходит на жировку. Этими вибриссами он нащупывает себе дорогу. Заяц разыскивает пропитание по ночам, и длинные вибриссы для него - словно палочка для слепого человека. Но слепые люди передвигаются медленно, осторожно, зайца же, благодаря удивительным усам, не догнать!

Такие же длинные, утолщённые волосы выступают на лапках, животике и ушках белки, чем резко увеличивают её осязательные возможности. Вспугнутая во сне кровожадной куницей, что обычно передвигается в поисках добычи верхом, белка безбоязненно перепрыгивает в темноте с ветки на ветку, скрываясь от преследования. Вибриссы её очень подвижны, и зверёк может двигаться по самым замысловатым траекториям.

Барсуку, даже в кромешной темноте, помогают вибриссы на его голове. Барсук не ошибётся и сразу обнаружит вход в узкую нору, когда будет возвращаться домой с охоты. Вибриссы обязательно выручат лису, и она без промедления нырнет в неприметное для глаз логово, спасая от собак свой драгоценный хвост.

На первый взгляд вибриссы совсем незаметны, даже если смотреть на них в самой близи… Но если, зная об их существовании, рассматривать вибриссы как продолжение тела животного, учитывая его скрытый образ жизни, то тогда можно неожиданно открыть для себя, что они есть нечто большее, чем просто

органы чувств. Вибриссы – это стремление зверя заглянуть за горизонт своих способностей: желание красться в ночи и впитывать её до мельчайших подробностей, чтобы каким-то шестым чувством дотягиваться до самого неведомого и в себе, и в лесной жизни.

Всем хороши такие «лесные усы» - и красотой, и выгодой, и приятной для каждого зверя уверенностью, что он имеет в своем арсенале эти удивительные возможности. Но самое главное - звери, как и мы, люди, наверное, пытаются порой дотянуться до чего-то несбыточного в своей жизни, и усы помогают им в этом. Человек - с бородой, а они - сами с усами, потому как если вьётся у зверя усок — будет ему и мяса кусок!

Трясогузкины причуды

Весь июньский день проходил я в лесу, собирая грибы с ягодами, и из-за сильного дождя опоздал на электричку. Вымок весь до нитки, промёрз, а до следующего поезда ещё два с половиной часа. Чем занять себя?

Вскоре дождь закончился, в воздухе сразу посветлело и стало тепло. Из круглого чердачного окна станционного домика молниеносно вылетали черноголовые ласточки, взмывали на тёплых потоках воздуха вверх, то и дело, переворачиваясь, ложились в головокружительное пике, а у самой земли ловко выходили из него и, кувыркаясь, влетали через несколько секунд обратно в окно. Некоторые из ласточек, прижимаясь к земле, выхватывали еле приметные в их клювах травинки, и тут же возвращались на чердак. Другие же, взмывая в небо, охотились за невидимыми насекомыми, находясь в воздухе гораздо дольше в отличие от тех, что просто собирали материал для гнёзд.

С равным интервалом выпархивая из станционного окна, ласточки через такой же промежуток времени возвращались. Без боязни ошибиться, по ним можно было сверять часы. Но более занимало другое...

Неподалеку от круглого окошка проходили телеграфные провода, на них, беспрестанно взлетая и вновь присаживаясь, располагались вёрткие белые трясогузки. Нетерпеливо покачивая хвостиками, они время от времени поглядывали в круглое окно чердака, как будто чего-то ожидая. Как только ласточки выпархивали оттуда, трясогузки бросались вслед за ними и, преследуя их клювом в самый хвост, не отпускали до тех самых пор, пока ласточки не залетали к себе обратно.

Далее трясогузки следовать почему-то остерегались и, усаживаясь на провода, вновь дожидались вылета ласточек, чтобы, сломя голову, броситься за ними в очередное преследование. Выделывая в нагретом воздухе сложные пируэты, они точь-в-точь копировали их волнительное парение.

Ласточки словно не замечали своих преследователей, но иногда отвечали трясогузкам лёгким уколом, прямо на лету повернувшись к ним маленьким клювом. Это как будто ещё более распаляло юрких белых птичек, и они с усиленным рвением гонялись за недостижимыми ласточками. Случается, что во время охоты ласточки и сами часто сопровождают идущего человека,

собаку или лошадь, ловя облепивших их насекомых.

До боли, в глазах, наблюдая за этой воздушной эквилибристикой, я никак не мог понять: играют трясогузки с ласточками или попросту задирают их? Рядом, на самом карнизе, как будто совершенно равнодушные ко всему, сидели нахохлившиеся воробьи. Выглядели они для солнечного дня очень смехотворно, с озабоченным видом наблюдая за происходящим, и было неясно, почему трясогузки никак не донимают воробьев, оставаясь к ним безразличными.

Их маленькие сердца, наверное, переполняла радость от ощущения тёплого летнего дня, с обилием воды и вкусного корма, и взволнованным от всего этого трясогузкам недоставало чего-то увлекательного, вот они и предлагали себя ласточкам, только в них находя достойных для игры приятелей. Или, быть может, непоседливых птиц задевала та озабоченность, с какой ласточки ухаживали за птенцами и устраивали свои гнёзда?

Что бы там ни было, но трясогузки не оставляли свои причуды, и я, позабыв обо всём, отрешённо следил за их стремительными перемещениями и никак не мог найти ответа на мучающий меня вопрос. А что думаете вы?

Сердобольная птица

Ходишь, бывало, по весеннему лесу, и тишина вокруг становится всё напряжённее, как будто она сейчас взорвётся и напугает. И вот, ни с того ни с сего, вдруг застрекочут в ёлочках сороки, затрещат что есть мочи, и ты весь подберёшься и навостришь свой слух в ожидании чего-нибудь интересного. Сороки эту перекличку просто так не заводят, обо всём, что происходит в лесу, им любопытно знать, и пропустить мимо своего внимания любые новости они никак не могут.

Выбрав удобное место под вальдшнепиную тягу, замрёшь, бывало, и, пока не потянули птицы, прислушаешься. Может быть, покажется на опушке встревоженная неугомонными птицами лиса, выкатит из густого осинника медведица с медвежатами или взметнётся с лёжки напуганный заяц. А сороки кружат почти над самой головой, стрекочут, без умолку, охрипшими по весне голосами: нелегко им приходится в эту пору, когда лес наиболее оживлён, полон разных занятных событий, и сороки, подмечающие каждую мелочь, обязаны на всё в этом многоликом и меняющемся мире по-своему реагировать. Сорокам весною становится как никогда хлопотно и радостно жить.

Трудно бывает разобрать и догадаться, что вынуждает беспокойных птиц поднимать такой шум. То ли эта сорочья тревога предназначена для собственных собратьев, то ли сороки действительно уж такие законченные сплетницы, что не могут не предупредить лесных жителей об увиденных новостях. А может быть, эти необычные птицы попросту вздорны? Иначе чего им бояться, не подпуская никого на довольно близкое расстояние, чем дорогим рисковать? Не чудесным же оперением, на которое стоит только

лишь залюбоваться одно мгновение, или длинный сорочий хвост может кого-то серьезно заинтриговать?

Просто сорока может быть всякой: и до невыносимости непоседливой, и невероятно наблюдательной, примечающей всякую мелочь, а порой - отрешённо нахохлится, будто притаится, и станет, по непонятной причине, какой-то остервенелой, на саму себя непохожей. Всяко с сорокой бывает: и то ещё бывает, что ничего не бывает. Словом, полюби сороку вчерне, а вкрасне её и всяк полюбит!

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неутомимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, как бы предупреждая всех о происходящем. По стрёкоту сороки можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось или метнулся перепуганный заяц. Невероятно досаждает эта птица лесным обитателям, и они, наверное, сильно её недолюбливают.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, что увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Но сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так низко, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и, чуть ли не захлёбываясь, оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена своим занятием, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась … глухариная песня. Вернее, её поразительно точное подобие с переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным точением. Сорока, охваченная страстью преследования, непроизвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, выдавала когда-то уже слышанные в лесу звуки. Причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках, так что в какой-то миг показалось, будто сам глухарь огласил округу своей неподражаемой трелью. Холод куда-то постепенно отступил, и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

Сорока - птица очень самобытная, недаром отмеченная вниманием во множестве сказаний, пословиц и поговорок. В самом облике сороки угадывается нечто сказочное. «Бела как снег, зелена как лук, черна как жук, повёртка в лес, а поёт как бес» - с любовью загадывали о ней. Но хоть эта птица и хороша собой, сорока от сороки в одно перо родится.

В русском народе, метком на верное слово, за сорокой твёрдо укрепилась репутация птицы вечно озабоченной, неутомимой и любопытной: «Сорока известие на хвосте принесла», «Фому да Якова и сорока знает», «Знает сорока, с кем зиму зимовать», «Сорока скажет вороне, ворона - борову, а боров - всему городу».

В народе очень широко были распространены разные суеверия, связанные с сорокой. В некоторых местностях сороку называли чёртовой птицей и уверяли, что у неё на языке капля чёртовой крови, и если она удалит её, то обретёт дар речи. Крестьяне верили, что сороки на Преображенье свой шабаш справляют: их в этот день почти не видно, они отправляются помогать чёрту сено убирать и служат ему вместо лошади.

Принято было думать, что в сороке сидит душа колдуньи, поскольку она жадна, и если попадается бесхвостая сорока, то это непременно сущий черт. Оттого, мол, птица падка до блестящих вещей, что в невероятном количестве тащит к себе в гнездо. А её длинный хвост - это метла, на которой обычно летает нечистая сила.

С сорокой связывали разные приметы. Сорока скачет по дому больного - к его выздоровлению. Если сорока забирается под стреху - это означает скорую вьюгу. Увидать одну сороку - к несчастью, две - к удаче, три - к свадьбе, а четыре птицы предвещают рождение ребенка.

Люди верили, будто бы сорочьими мозгами хорошо в бане натираться, они, как никакое другое средство, помогают от ревматизма. В воскресенье на Масленицу, когда пекут блины, один блин подносили сороке, за что она хозяев криком от волка предостерегала. Подвешенная на скотном дворе, будь она живая или мёртвая, сорока спасала от шалостей домового, предохраняла лошадей от гоньбы по ночам нечистой силой и отпугивала от скота мух и болезни. Считалось, что если убить сороку между Рождеством и Крещеньем, сжечь её, истолочь и съесть, будет человеку счастье на весь год.

Душа радуется, когда увидишь на заборе эту птицу. Длинный хвост сороки вздрагивает, голова с лаковым клювом, то и дело, крутится по сторонам, и стрекотание льётся нескончаемым потоком. Почему-то при этом не думаешь, что она ворует яйца, цыплят и всякие ценные вещи, которые пропадают именно тогда, когда больше всего необходимы. Воспринимается только красота птицы, её необыкновенная ухоженность, а желание любоваться сорокой, кажется, никогда не иссякнет.

В сороке преобладают всего лишь два цвета - чёрный и белый, но природа так умело ими распорядилась, что птица не перестаёт ими удивлять. Чёрный - ночь, белый - день или снег. Кажется, ничего нового, но вот зеленовато-перламутровые оттенки, отливающие на груди и хвосте сороки волшебным сиянием, делают её неотразимой. Вдобавок, её щеголеватая походка и осанка, озорной блеск выпуклых глаз, напоминающих какие-то чарующие и неизвестные ягоды, удивительная лёгкость прыжков!

Уж, кажется, сколько я наблюдал за сорокой и в лесу, и в деревне, а всё равно подмечаешь в ней что-то новое. Однажды весной я услышал, как кто-то стонет за ближайшими ёлками, и стал осторожно подкрадываться. Удивлению моему не было предела, когда я увидел на ветке огромную надутую сороку. Сорока была круглой, как мяч, и надсадно издавала стонуще-шипящие звуки. Это была брачная песня самца, и в порыве любви он совершенно преобразился!

Сорока чаще других птиц вертится поблизости от человеческого жилья, и потому выдаёт себя с головой. Присядет, бывало, оглянется и, вскочив на ближайшее дерево, начинает цеплять клювом ветки. Ветки не поддаются, но сорока упирается изо всех сил и, в конце концов, отламывает, а затем … бросает на землю, и всё в точности повторяется.

У меня хватает терпения наблюдать этот спектакль сколько угодно, но у него нет завершения: обломленные ветки калины, ирги, сирени и черёмухи валятся на землю, а сорока, не обращая на них никакого внимания, продолжает с остервенением обламывать следующие. Она так и не подымает упавшие, даже впоследствии, и не прячет их, а только вновь и вновь теребит, ломает и роняет. Что означает такое поведение - известно одному Богу!

Сорока - это лисица среди пернатых, тварь невероятно хитрая, смышлёная и осторожная. Чутьё её так велико, что иной раз создаётся впечатление, что она угадывает происходящее на расстоянии.

Как-то в конце ноября, уже по снегу, рубил я в ограде мясо, а мелкие крошки, оставшиеся на полу, вымел на свежевыпавшую порошу к дровянику, где их и видно не было: красное крошево надежно скрывал глубокий снег. Всё это время сороки не прилетали на деревья, что располагались прямо у дома, и не рассаживались на старый забор, с которого можно было следить за моими действиями. Сама же ограда находилась вместе с конюшней под крышей, что тоже не позволяло вездесущим птицам наблюдать за происходящим. Тем не менее, сороки, пока я на минуту зашёл в дом, незамедлительно появились у того места, где хоронились в снегу мясные крошки. Что заставило прозорливых птиц молниеносно среагировать на подвернувшуюся поживу, и как они узнали о ней - для меня до сих пор остаётся полной загадкой!

Есть одно обстоятельство, из-за которого мы перестаём замечать красоту птицы: сорока примелькалась, поскольку каждый день попадается на глаза, и всё чаще люди просто не обращают на неё внимания. Так же, как и на всё другое, что они незаслуженно пропускают мимо, не обладая хотя бы долей той любознательности, которой обладает неутомимая птица. Что вынуждает её оказываться на месте происшествия прежде других и громогласно оповещать всех своим стрекотанием? Только ли её вздорный характер?

Поначалу неугомонное стрекотание сороки обычно воспринимаешь, как взбалмошное желание хоть с кем-либо да поссориться. А если сорока не хочет встревать серьёзно, она готова растрезвонить об увиденном по всему свету. Ей, кажется, ничего не стоит в один миг разбередить себя и через минуту, как ни в чем не бывало, расхаживать барыней. Только достаточно приглядевшись к сороке, постоянно наблюдая за ней и в лесу, и в деревне, понимаешь: шум, что эта птица постоянно вокруг себя создаёт, - её удивительная и неповторимая суть, без которой человеку было бы очень скучно.

Замечательно, что сорочье стрекотание воспринимается всеми людьми по-разному, и каждый волен слышать в нём то, что ему хочется. Сорока возбуждённо стрекочет, усевшись на выцветшем заборе, а у одного это рождает музыку в душе, желание встречи со сказкой, у другого же -

раздражение. Но сорока в этом не виновата, она никому не угождает и хороша уже тем, что есть. Когда над округой разносится её возбуждённый гомон, это значит, что жизнь полна красоты, и сорока вносит в неё свою замечательную лепту: возбуждая себя, сердобольная птица способна расшевелить всю деревню!

Усердие сороки в выражении её чувств - скорее, приятные хлопоты, нежели пустое беспокойство. О ком, о чём - неважно, главное, что сорочье стрекотание - радостное дополнение любому дню, независимо от времени года. А поскольку всякому дню подобает его забота, то уж сорока никак не может без неё обойтись. Ей, наверное, невыносимо жить без постоянных забот, так же как и человеку - без доброго слова. Как говорится, не то забота, что много работы, а то забота, как её нет!

Восторг сороки - это какое-то сладостное исступление, самозабвенное забытье самой себя, временное отрешение сорочьего духа от мира, а вернее - проникновение в его суть благодаря такому восторженному самозабвению. В сороке происходит воспарение её духа, насколько это возможно, и в этом чёрно-белом, исторгнутом из себя восхождении птица достигает, казалось бы, недостижимого, а удовольствие её не знает границ. Как сладостно, наверное, быть в такие моменты сорокой, когда она в своей неугомонности, с одной стороны, отрывается от мира, а с другой - удивительным образом сочетается с ним.

В народе всегда отмечалось это неподражаемое свойство сороки - сокотать: «Когда у сороки все перья побелеют, тогда и сокотать перестает», «Сорока-посвистуха, деревенская баба-лепетуха», «Знать сороку по языку». А ещё о ней говорили, как о вещей птице, которая даром никогда не стрекочет. По сокотанию сороки находят и её гнездо, и до неё самой добираются, ибо она сама скажет, где гнездо свила. Иной раз даже кажется, что своим сокотанием сорока думает соловья перещеголять - «кабы на сороку да не свой язычок!»

Из-за своего языка сорока, конечно, представляется только женщиной, что болтает без умолку. По-бабьи трещит или лотошит, словом, знатная говорунья. Мужчина-сорока - это что-то невиданное и невообразимое. Кажется, все сороки - только женского рода, и как их язычок хочет, так они и сокочут.

Что знает сорока, всё скажет, и чего не знает - и то скажет: обо всём у неё речь. Невелик сорочий язык - одно, казалось бы, надоедливое стрекотание, но какая музыка разливается над лесом, полем или деревней, когда она подаст свой голос! И хоть говорят, что всякая птица от своего языка погибает, и что язык до добра не доведёт, а ещё - не спеши языком, да не ленись делом, у сороки их и вправду невпроворот!

Прежде, чем что-либо начать, она обязательно об этом всем поведает, и только затем примется за свою немудрёную работу. Веток для строительства собственного дома наломать, глины натаскать, все ближайшие гнезда мелких птиц проверить, в курятник заглянуть, если дверь оставили открытой - уволочь, что плохо лежит, и ещё многое-многое другое, чего ни за что не

успеть другой птице. Собравшись же целой ватагой и заприметив дремавшую на припёке неясыть, сороки полдня не дают ей покоя, пока она не переберётся от надоедливых птиц куда-нибудь подальше, в гущу леса, а то и вообще гнездо её разграбят, если, разумеется, обнаружат его. Это лишь малый перечень того, без чего сорока не была бы собой. Одета пером, как говорится, просто, но на уме забот со сто!

Сорока, вообще, более приземлённая птица, чем отдающаяся воздушной стихии, и находится преимущественно там, где ей удобнее быть самой собой. Даже в присаживании её на землю, в том, как она тормозит и прихлопывает при этом крыльями, угадывается еле сдерживаемое удовлетворение от того, что она опять в своей обители. Преисполненная довольства, сорока гордо вышагивает по земле, то и дело, поднимая длинный хвост и покачивая им, но во всём её облике ощущается нетерпеливое желание быстрее себя показать, хоть в чём-нибудь выразить, чтобы её непременно заметили.

Иногда сорока поднимается в воздух очень высоко, но полёт у неё тяжёлый, требующий частых взмахов крыльев, и при сильном ветре становится неверным и медленным. Сорока употребляет крылья только по нужде, никогда не перелетает без надобности даже с дерева на дерево или с куста на куст, и лишь зимою совершает более далёкие путешествия. Неугомонная птица не в силах надолго отрывать себя от земли, лишая возможности быть сердобольной.

Но ведь сердоболие, как известно, не пустая беспечность, а сердечное участие, сострадание и старание о помощи. Старается ли для кого-то сорока - трудно сказать, а то, что она до чужой беды или какого-нибудь беспорядка охоча, так это у неё не отнять. Спит и видит, наверное, как царствие сорочье наступило, где она - самая заметная, и важнее её никого не сыскать. Вот чтобы посвятить себя кому-либо по-настоящему - это вряд ли! Сердце у сороки, что вырезка из серой бумаги, пустое и бесчувственное, и для неё одна только боль - о себе. Береги, сорока, свой хвост!

Кстати, длинный хвост очень помогает сороке вернуться на землю, когда она, завидев для себя что-либо интересное, отвесно пикирует с высоты. На такой скорости да без надёжного руля короткокрылая фигура птицы просто закувыркалась бы в воздухе, а взбалмошность сороки не позволяет ей сохранять терпение. Сороке необходимо как можно скорее, именно сейчас, оказаться рядом с тем, что так её разволновало, и длинный хвост помогает птице в этом стремлении.

Одним словом, возня, суета и беспокойные дела - неотъемлемая обязанность сорочьего рода. Уж такие это птицы, что хлопот у них полон рот. Но, оказывается, дело этих хлопот не стоит: сорока хлопочет - только себе добра хочет. В народе говорят: «В живых больше корысти», и это именно про сороку, потому как покуда сорока жива, голодной смертью она помирать не станет!

Проснувшись однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания, я сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями,

причём, без малейшего перерыва. Слушаешь и удивляешься, сколько же их у нее?! А новостей у сороки, действительно, хватает, и обо всех надо успеть рассказать!

Чувствительная ко всему, сорока начинает озабоченно сокотать, предупреждая хозяев о приближении гостей. На этот счёт в народе сложили известное поверье, что «сорока сокочет - гостей пророчит». И действительно, завидя на дороге движущиеся сани или повозку, сорока неистово оповещает всех об этом, скачет, перелетает с дерева на забор и, не в силах сдержать своего возбуждения, захлёбывается в стрёкоте. Вот-вот лопнет от переполняющих ее чувств!

Диву даёшься в такие моменты этой птице: как близко для себя воспринимает она людскую озабоченность, в тоже время не в силах избавиться от своей. Язык сороки отчасти помогает ей в этом, и она, кажется, готова выплеснуть себя без остатка, чтобы хоть ненадолго угомониться!

Ну, а о том, как хитры и вороваты сороки, можно рассказывать бесконечно. Ко множеству известных всем историй лишь добавлю, что у себя в деревенском доме я недосчитался зеркальца, украденного с подоконника, куска мыла, привлёкшего сороку, по-видимому, своим ярко-зелёным цветом, и целой газеты аж в шестнадцать страниц! Самое удивительное, что всего этого сороке действительно зачем-то не хватает, и чего бы птица ни нашла, всё норовит утащить и спрятать. Охоча сорока до находки, и даже про человека, который нечист на руку, говорят: «Ворует, как сорока».

Но возможно ли объяснить такую странность сороки, как воровство ею различных блестящих предметов? Желание сороки, во что бы то ни стало, завладеть красивой блестящей вещью - вероятнее всего, обычная потребность, тяга живого существа к чему-то прекрасному. У птиц это лишь зачаток чувства, заставляющий их покушаться на всё, что сверкает и как-то выделяется. Золотые часы, кольца, вилки и ложки, браслеты, пуговицы, запонки - вот неполный перечень предметов, которые в первую очередь бросаются в глаза вездесущим сорокам.

Обычно «тяга к прекрасному» проявляется только у тех представителей животного мира, кто меньше заботится о корме, когда его в избытке, и у него высвобождается время для игры. Живя бок о бок с человеком, и пользуясь его дарами, сороки более чем кто-либо из пернатых преуспели в этом, превратив забаву в смысл всей своей жизни. «Не учи сороку вприсядку плясать!» - не без зависти замечают об этой птице, когда остаются бессильны против её невероятной изворотливости.

Но, несмотря на своё игривое лукавство, сорока, в отличие от ворона, вызывающего у некоторых людей зловещие мысли, всё же, сумела снискать к себе благодушное отношение. Даже прозвище «сорока-воровка» произносится о ней без всякой злобы, а просто как великодушное примирение с необходимым злом. В народе сороку больше любят, чем недолюбливают, ей прощают многие прегрешения.

Ни в период гнездования, ни после его окончания сороки, как ни странно,

не собираются в большие стаи, а это значит, что они не могут причинять ощутимый ущерб хозяйству человека. Правда, сороки нередко держатся по двое, по трое и даже более, но такое бывает крайне редко. Скорее, им необходимо время от времени обмениваться впечатлениями, немножко рисоваться собой, и, быстро надоев друг другу или вспугнутые чем-либо, они опять разлетаются. Сорокам достаточно короткого общения между собой, и, вдобавок, они не против соседства ворон, галок или вездесущих воробьев.

Что же касается непрекращающихся налётов сорок на сады и огороды, то тут они действуют больше поодиночке, крадучись, их не сравнишь с проказниками дроздами. Птицы, конечно, обклёвывают спелые вишни, очень усердно выискивают в густой траве клубнику и выбирают самые сладкие яблоки, но получается это у сорок так обаятельно и весело, что почти не сердишься на них. Сороки, кажется, только украшают наши огороды, и не живут без озорства и своего белого бока. За что же на них обижаться?

Пожалуй, за что сороку действительно стоит не любить, так это за её разбойничье отношение к маленьким певчим птицам. В весенние месяцы сорока разоряет и уничтожает множество птичьих гнезд, выпивая яйца, а также поедая уже выведенных птенцов. Одно семейство сорок может в короткое время уничтожить всё пернатое население какого-либо садика или леска, и вскоре вместо радостных голосов певчих птиц здесь будет раздаваться одно надменное стрекотание.

За это, конечно, сороку не любят. Кому понравится, если воруют твои яйца, а то и живых детей?! Но сороке почему-то её воровство удивительным образом сходит с рук, в отличие, скажем, от вороны. Может быть, тому виной её красивое платье, более симпатичные повадки и не такой вороватый вид?

Если сорока только приноравливается совершить какое-либо злодейство, то ворона, обычно недолго думая, уже его осуществляет. Сороке, видимо, не хватает какой-то безжалостной твёрдости, присущей серой вороне, и она за это даже более любима. Пока сорока-белобока взмахнёт своим зелёным хвостом, поведёт долгим носком, вороны и след простыл, и вот эта настороженная медлительность, наверное, и спасает сороку, более чем ворону, от худой славы.

Благодаря своей ловкости, смекалке и неунывающему характеру, а также роскошному убранству сорока немало способствует украшению и оживлению нашей природы, особенно зимой. Какой восторг переполняет сердце, когда сорока купается в снегу в скупых лучах зимнего солнца или озабоченно стряхивает снег с опушившихся берёз! Впрочем, хороша она в любое время года, и стоит ей только появиться рядом с человеком, в нетерпении прострекотать, взмахнув хвостом, и вновь вокруг воцаряются уют и порядок!

Сороки всегда на виду, и этим необыкновенно радуют нас, но вот летом они стараются меньше попадаться на глаза, потому как высиживают в эту пору птенцов и имеют обыкновение прятать свои массивные гнезда в частых кустарниках невысоко от земли. В жизни сорок наступает, пожалуй, тот самый момент, когда птицы, казалось бы, вопреки своей природе не проявляют уже

известную им неугомонность. Они как бы затихают, стараются стать незаметными.

Круглое сорочье гнездо не сразу заметишь, и находится оно в самой гуще веток, так что до него при всём желании незаметно не подобраться. Для хищных птиц, кошек с куницами и, тем более, человека гнездо сороки остаётся недоступным. К тому же, сорока как птица сообразительная, устраивает одновременно несколько гнёзд: одно - настоящее, где выводится потомство, а другие - подставные. Сорока очень умело располагает их, и маскирует точно так же, как и основные. Она даже изредка посещает эти пустые гнезда, чтобы обмануть недоброжелателей.

Вместительное гнездо сооружается очень тщательно и надёжно из крупных сучьев, переплетённых стеблями травы. Внутренняя часть гнезда выстилается тонкими ветками, входное отверстие и пол обмазаны глиной, а сверху возводится крыша. Самка откладывает в нём полдюжины зеленоватых с бурыми крапинками яиц, насиживает их около трех недель, а самец кормит её, не стрекочет и ведёт скрытный образ жизни. Птицы в эту пору как будто исчезают, и несведущие люди искренне недоумевают: куда подевались неугомонные сороки?

Неугомонность - вот, пожалуй, основная черта сороки. Само её имя, содержащее в себе сорок дел, которые надо непременно переделать и везде успеть, включает в тоже время и способность быть разной. Где-то проявить настырную наблюдательность, сноровку или стащить, что плохо лежит, а затем, быть может, попасть впросак и, чуть оправившись от испуга, уже стремиться к новым заботам, без которых сорока просто не была бы собой. Сороке в лесу, кажется, всё дозволено, обитателям леса она хорошо известна, и чтобы избавить себя от неприятностей, многие из них не случайно прислушиваются к её нетерпеливому стрёкоту, далеко разносящемуся над лесными опушками. Ведь он для зверей, в большинстве случаев, может означать лишь своеобразный сигнал - предупреждение об опасности, и они, конечно, отмечают эту птицу.

Сороке же от того большое удовлетворение. Ей, может быть, больше ничего и не нужно. Знай, летай над лесом, не пропускай мимо внимания ни единой мелочи, да успевай первой растрезвонить обо всём увиденном. Именно в этом удовлетворении и заключена, наверное, суть птицы, которой до всего и всех есть дело, она одна такая создана Богом, и тем жива, а надоедливая своим однообразием песня - лишь подтверждение её неизменной сердобольности. Когда я наблюдаю за сорокой, мне всегда почему-то кажется, что сердобольная птица доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

Зяблик-интеллигент

В редком лесу не услышишь звонкой, задорной песенки с характерным «росчерком» в конце. Песенка звенит с самой ранней весны и до конца лета.

Даже когда умолкают все птицы, эта продолжает петь, напоминая весёлые весенние переливы. Природа всегда оставляет какого-нибудь одного певца, когда другие уже умолкли и просто не имеют возможности подать свой голос.

Увидеть птичку нетрудно, хотя она величиной немного меньше воробья. Запомнить её тоже легко: окрашена птичка достаточно ярко. Самца можно узнать по красивому оперению - бордовым щёчкам и грудке, синевато-пепельной головке, спинке и двум поперечным белым полоскам на крыльях. Лоб его совершенно чёрный, а глаза светло-карие. Самка окрашена скромнее, она зеленовато-серая, почти невзрачная. Конечно же, это зяблик - самая распространённая и многочисленная птица наших лесов.

Именно его, а не овсянок, зеленушек и коньков, встречаем мы тогда, когда отправляемся в сад, парк или загородный лес. Тёмно-бордовые изящные птички снуют под ногами, в траве, как мыши, их можно увидеть перелетающими с ветки на ветку, их звонкие голоса сливаются в сплошной переливающийся шум, и он всегда сопутствует хорошему, приподнятому настроению.

Весной самцы прилетают на несколько дней раньше самок, и к их прилёту осваивают гнездовые участки. Но вот конкретное место самка выбирает сама, и там, где, по её мнению, находится наиболее удобная развилка дерева, она и помещает своё искусно построенное и замаскированное гнездо. С этой целью птички применяют лишайник и тонкие плёночки бересты, а иногда, что удивительно, бумагу. Для прочности гнезда стенки его опутываются паутиной, изнутри же лоток выстилается конским волосом, шерстью, перьями и пухом.

В кладке зяблика всегда находится полдюжины яиц, они очень быстро насиживаются, и через пару недель уже появляются птенцы. В этой незамедлительности проявляется не пустая торопливость, как может показаться на первый взгляд, а тщательно продуманная природой сущность, вернее, ничем непоколебимая потребность птичек как можно быстрее огласить лесную округу радостной трелью, будто от этого зависит - раньше придёт весна или запоздает.

Зяблик, вообще, очень живая и проворная птичка. Он находится в движении почти весь день, и несколько успокаивается лишь во время сильной жары. По земле зяблик то скачет, то бегает, на сучьях охотно подвигается бочком, а во время полёта быстро и красиво описывает волнообразные линии и, прежде чем сесть, парит некоторое время, распустив крылья.

Зяблики, в противоположность чижам, щеглам и многим другим птицам, плохо переносят неволю, они с большим трудом привыкают к клетке, никогда не делаясь вполне ручными. В маленьком зяблике, не в пример другим птицам, очень много воли, и она выражается в его свободно льющейся песне.

Даже долго сидящий в клетке зяблик непременно начинает биться и метаться при приближении к нему человека, часто разбивая себе при этом крылья, клюв и лоб. Зато как спокойно ведут себя эти птицы в природе, когда мы подходим к ним почти вплотную, а они, кажется, становятся от этого ещё

более восторженными, отлетая немного и вновь принимаясь напевать свою радостную песенку. В клетке зяблики поют не в полную силу, чаще только бормочут что-то себе под нос, так что и разобрать их бывает трудно. Для выражения своих восторженных чувств им нужна свобода.

К слову сказать, зяблики избегают тёмных густых боров, но очень охотно поселяются в светлых лиственных лесах, в речных рощах, в старых фруктовых садах сёл и деревень, в парках и скверах городов, там, где воздух проникнут солнечным светом, где есть возможность обзора и свободного перелёта. Белый свет зябликам на волю дан, и только его они превозносят в своих песнях.

Самое выразительное в песенке зяблика - это лихой «росчерк» в самом её конце. Будто музыкант вложил всё своё умение в завершающий аккорд и виртуозно оборвал его, вынуждая слушателей замереть в восхищении. После чего зяблик делает короткую паузу, как бы наслаждаясь произведённым эффектом, и всё повторяется.

В первую очередь, песня его означает, что зяблик собрался гнездиться. В лесу птицам легче слышать друг друга, чем видеть, и песни помогают им заявить о себе, в тоже время - узнавая своих соседей. Затем песня, конечно, адресуется пока неизвестной зябличихе, она возвращается на родину чуть позже. Как это и полагается, ей предстоит выбрать лишь одного певца из целого хора голосов, а потому самцы изо всех сил стараются произвести наивыгодное впечатление. Они успевают в течение одного часа исполнить свою песню несколько сот раз!

Порой самцы так увлекаются, что, пренебрегая опасностью, поют в полный голос у самого гнезда, и при этом ещё танцуют, приседают и кланяются, расправляя и складывая крылышки. Но зяблик не был бы самим собой, если бы позволил себе подобное, когда самка начинает откладывать яйца. Он, конечно, продолжает петь при появлении в гнезде кладки, но теперь у него уже хватает благоразумия делать это в достаточном удалении от своего гнезда.

Многие птицы - чудесные синоптики, воздух - их стихия, и они очень чутко реагируют на все происходящие в нём изменения: скачки давления, что ещё не ощутимы для человека, незначительное уменьшение освещённости, скопление наэлектризованных частиц перед грозой... И, что особенно важно, птицы реагируют на них заранее. Это находит отражение в их пении, криках, поведении и ежегодных сроках прилёта и отлёта.

Наверное, каждый по весне слышал вездесущего зяблика. Обычно его пение звучит так: «Пиньк... пиньк... витти-ти-ти, витти-ти-ти, витти-ти-ти, ви-чу, ви-чу, ви-чу, тирль-лиль-лиль». Но вот в другой раз заслышишь его песню - и не узнаешь... Что же случилось с зябликом?

Сидит на ветке присмирев, уже не такой восторженный, и совсем по-другому, без своего мелодичного раската, монотонно цедит: «Рю-пинь-пинь-пинь, рю-пинь-пинь-пинь, ттрю-рю-рю-рюм!» Знатоки говорят: «Зяблик рюмит - к дождю». Зяблик не обманывает, предсказывая непогоду даже за сутки!

Что ж тут поделать, любит зяблик хорошую солнечную погоду, будто прославляя её в своей чистой и радостной песенке, но если на лес надвигаются тучи, он нахохливается и сидит слегка насупленный. Его лёгкий характер не позволяет ему по- настоящему сердиться, но только вместо его веселой песенки «витт-ти-ти-ти, ви-чу!» мы слышим несколько унылое «трр-ррю, трр-ррю, тррююм!» Голосок дрожащий, вроде, как надломленный, да и в самом деле: что возьмёшь с крохотной птички, что не каждый и заметит! Ей по нраву ясный день, солнце, и тогда все зяблика видят и отмечают его чудесную песню.

Трудно сказать, отчего зяблика так назвали. Может быть, оттого, что он зябнет при самом незначительном похолодании, когда начинает накрапывать дождик, но ведь и прилетает зяблик раньше других птиц, в трескучие морозы. Осенью, бывает, держится до первого снега, а то и на зиму остаётся, если она тёплая и достаточно корма. Значит, неверно ему причисляют такую повадку, как боязнь самой малейшей тени и постоянное дрожание: «трр-рю-рю-рю, трр-рю-рю-рю, трр-рю-рю-рюм». Скорее, у зяблика просто немножко портится настроение, когда солнышко прячется за облака, и другие птицы начинают зябнуть. Вот потому, что он не боится холодов и появляется у нас по весне именно в эту пору, когда ещё держатся крепкие утренники, он и получил такое имя.

Нет, зяблик - замечательная птичка, что вызывает только восхищение, и не страшны ей холода ни весной, ни осенью, потому как она добрая по нраву и, наверное, самая интеллигентная среди мелких птиц. И действительно, так и хочется назвать зяблика … интеллигентом. Вы, конечно, спросите: отчего – интеллигент?!

Во-первых, зяблик обходится малым, и при этом не обижается на свою судьбу, а больше радуется, распевая повсюду свои чистые песенки. Заслышав их, любой человек незаметно для себя возрадуется. Во-вторых, зяблик на самом деле бодрая и, кажется, очень сообразительная птичка. Всем своим поведением он выражает бойкий, но неназойливый характер. Зябликом будто руководит какой-то внутренний изящный настрой, предполагающий у него звонкую игривую песенку.

Птицеловы пение зяблика называют боем, потому что поёт зяблик звонко, задорно и мелодично. Песня его начинается с нескольких повторяющихся друг за другом свистов, называемых, в свою очередь, «россыпью» и «стукотнёй», а заканчивается красивой трелью - «росчерком» или «раскатом». У зябликов, наряду с заурядными исполнителями, встречаются поистине замечательные певцы: заслышишь их – и обо всём позабудешь, вспомнив вдруг соловья…

Только у соловья, несмотря на его блестящее исполнение, песня какая-то уж больно правильная, а у зяблика она неподражаемо лёгкая и беззаботная. Не покидает ощущение, что зяблику ничего не стоит изливать эти волшебные, под стать самой весне, звуки, и он без труда разносит по лесу свои чудесные

трели с утра до вечера. Зяблик - как талантливый мальчишка среди других певчих птиц, что вознамерился с озорством, но без бахвальства передразнить саму весну с её капелью, и это ему с лёгкостью удаётся!

С зябликами для меня однажды даже был связан приход весны! С одной стороны, радостный, потому что они сновали всюду по траве, в проталинах, и оживляли отходящую от снегов землю, а с другой - я никак не мог тогда отыскать свой первый глухариный ток, сидел на крыльце лесной избушки и, вопреки происходящему вокруг торжеству, был несколько опечален. Весна идёт, всё гремит и радуется вокруг, тогда, как я пропускаю день за днём впустую: не даются мне глухари.

Но вот снующих повсюду бордовых птичек я запомнил хорошо, и они, нужно сказать, очень мне помогли. Почему-то именно зяблики олицетворили для меня в тот год приход весны, и я надолго запомнил её вместе с оживлёнными, красивыми птичками.

В тот весенний день, помнится, всё как-то прямиком, сразу, открылось и хлынуло мне навстречу. До этого весна будто разгонялась, набиралась духу, а вот с утра что-то произошло... Может быть, даже с ночи уже повеял иной ветер, воздух запах по-особенному, хоть уже и ударяло в голову оттаявшим на полянке корьём и щепой, и как будто прогремело где-то вдали, за рекой…

К полудню небо совсем растянуло, тяжёлый и пряный воздух тронулся и побежал за лёгкими перистыми облаками, а солнце брызнуло сквозь ветви в самые потаённые таёжные уголки. И разом заиграли ручьи, завертелись над ожившей землёй первые бабочки, и стало как-то нестерпимо дышать: мешала ватная телогрейка. Грудь требовала иного духу, жадно вбирала обступающие ароматы, рука невольно расстегнула на груди все пуговицы...

Огромной живой волной тронулось над землёй нечто неуловимое, только что пробудившееся, и вместе с ним зашелестели по вылинявшей прошлогодней траве симпатичные птахи: туда-сюда, туда-сюда. В красных рубахах - бравые женихи, в оливково-сереньких платьицах - скромные невесты, откуда что взялось! Самцы, конечно, более нарядные, чем самочки, ведь весна на дворе, и только, знай, снуют под ногами, что-то важное для себя разыскивают!

Прислонился я тогда к косяку, двери - нараспашку, и слушаю лес, а больше - этих самых красногрудых птах, что, кажется, одни только и вносят в него оживление. Песни у всех зябликов похожие, но исполняются по-разному: у одного - задорная, у другого - вовсе беззаботная, с весёлым «росчерком», третий - будто бисер по стеклу рассыпает. Но ни у кого не чувствуется грусти, только радость. Ну, может быть, лишь с нежным замиранием в конце.

Но это, скорее, бывает у самочки, песня зяблика - чисто мужская, уж больно много в ней нескрываемого ухарства, воли. У самочки - тихая, с загадкою на более серьезное и ответственное существование. Одним словом, зяблик просто радуется жизни, самочка же и радуется, и грустит, и чего-то будто остерегается.

Зяблик... Веселая маленькая птичка... Вот уж и не помышляешь о холоде,

произнося его имя! Скорее представишь некоего неустрашимого забияку, что только раззадоривает всех своим призывным пением. Вернее, неустрашимого и милого певца, что не хорохорится, когда ему холодно, а просто радостно и без остатка изливает маленькую душу, что, судя по песне, не так уж мала.

Ещё с именем зяблика связано много весёлого перезвона, что разносится по лесу, перекатывается невидимыми звуковыми горошинами и, отскакивая от ветвей и стволов, они разлетаются во все стороны: «уюить-тиньк, уюить-тиньк, тинь-к, тиньк-к, тинък-к-к». Мелодичная переливчатая дробь льётся ненадоедливой музыкой, и становится не зябко, а приподнято. Век бы не уставал тянуться за ней, не замечая ни весны, ни лета, ни осени. Зяблик - провозвестник какой-то лучшей жизни, что стоит за временами года и ждёт своего часа, когда можно будет объединить всё живое единым потоком радости.

Только что зимой не поёт зяблик, уж больно он для неё жизнелюбивый, а она не терпит непокорных ей существ. В народе про него даже замечали: «Зябнул зяблик и не так, это ему не в новинку!» Но, всё же, зима - не его время, зато лето для зяблика - истинное наслаждение!

В середине августа на большом лесном пруду, открытом солнцу, я наблюдал, как зяблики купаются. Даже это они умудрялись проделывать с каким-то приподнятым настроением, в отличие от других птиц. Я сначала и не разобрал, что это зяблики, а только завороженно смотрел, как какие-то птахи со всего разлёту окунались грудками в воду и тут же взмывали, поднимая фонтаны брызг.

Солнце светило в глаза, и я никак не мог разглядеть, что это за птицы. Пришлось обойти пруд по берегу, и только с подсолнечной стороны я, наконец-то, разглядел в озорных птичках зябликов. Помнится, я даже не удивился, а только в который раз отметил их необыкновенно приподнятый характер, и опять порадовался за птичек, что устраивали себе душ из радужных капелек недостающей для них прохлады.

Зяблики порхали над прудом целой стайкой, но не мешали друг другу, несмотря на то, что день был жарким, и каждому, наверное, не терпелось охладиться. Они почему-то выбирали для своих ванн именно середину пруда, соблюдая при этом строгую очерёдность. Как только один из них выскакивал из воды, оставляя за собой в воздухе мириады поблескивающих брызг, другой, уже разогнавшись, пикировал на переливающуюся поверхность воды, восторженно окатывал грудку, животик и лапки, и так же восторженно взмывал в умиротворённое августовское небо. Радости их не было предела!

Совсем неподалеку, поближе к камышам, держался утиный выводок. Полтора десятка отъевшихся за лето кряковых уток плавали степенно, изредка покрякивая и настороженно взглядывая в сторону резвящихся зябликов, и, по всему, не одобряли их веселья. Они, наверное, даже осуждали этих вездесущих птичек, но были великодушны и впрямую никак не выказывали своего недовольства. Ведь вокруг стояло такое раздольное лето, полное чистой воды, теплого воздуха и обильного корма, и разве можно было в эту

пору оставаться недовольным?!

А зяблики всё порхали над переливающейся водной поверхностью, устраивая фейерверки брызг, заливисто перекликались между собой и были неподражаемы в своём восторженном восприятии окружающей их жизни. Я же смотрел на этих замечательных птиц, слушал их задорное щебетание и не верил, что смогу когда-нибудь стать таким же вдохновенно чистым и свободным, как они.

Наблюдая за тем, как со всего разгона зяблики бросаются в воду, как волнующе переливаются их радостные голоса, я в который раз убеждался в том, что эти птички очень решительны. Недаром они одни из первых, кто прилетает к нам по весне. Ещё снег покрывает землю, а зяблики тут как тут: ни крутой утренник им нипочем, ни злая метель. Не зябнет крохотная птаха - знай, развесёлые весенние трели разводит! В народе издавна оттого и сложилось, что зяблик - птица отважная.

Но во всякой птице своя отвага, как и своё сомнение. Так и в зяблике - всё больше какой-то примерности он ыказывает в своём поведении. Верно, что зяблик знатен своей необыкновенной призывной песенкой, именно ею он больше всего выделяется среди других мелких птиц, да только поёт он не вызывающе, с вывертом, а очень трепетно и изящно. Зяблик как бы и прославляет лесную жизнь, и в тоже время никому не хочет мешать. Он удивительно трогателен в своём вечно припархивающем и звонком существовании.

Выдастся тебе знойной летней порой остановиться на отдых у края какой-нибудь вырубки с незаметно стелющейся поблизости тропинкой, и присядешь ты, разгоряченный ходьбой, в хвойный холодок, на лысый высохший пень поосмотреться, перекусить да июльскую тишь послушать. Всё в ней - дурман и сказка, непроходящее в душе стремление заглянуть в самую её глубь. Сидишь так, весь очарован потаённой тишиной, и боишься пошевелиться: охочему до леса человеку в этой хвойной чащобе - чистое наслаждение!

Тут и подвернётся тебе аккуратная птичка. Припорхнёт неожиданным, чем-то озабоченным гостем, пробежит у самых ног и, быстро повернув головку, прошьёт чёрным глазком-бусинкой. Сизовато-серая шапочка, ровно шлемик, задорно воздета на самой макушке, подклювье бархатисто-чёрненькое, яркое, спинка с грудкой румянятся, как солнышко восходное. Лапки же тонюсенькие, будто иголочки, семенят, переступают, а хвостик, наподобие трясогузкиного, вздрагивает при каждом шажке. Одно слово - удалец!

Не шевелясь, наблюдаешь за занятной птичкой, а про себя отметишь: зяблик более застенчив, нежели настырен, в отличие от воробья, и есть в нём какая-то еле приметная аккуратность. Зяблик ведёт себя так, будто примеривается ко всему, что его окружает, тихонечко прикидывает, разумеет, и это никому не приносит вреда. Он тактичен в выборе поведения, может быть, даже внутренне опрятен, а его ласковый и мелодичный голосок тонкой лесной дудочкой возвещает всем о чистых помыслах: «Витт-ти-ти-ти-ти, витт-

ти-ти-ти-ти, витт-ти-ти-ти-ти, ви-чу, ви-чу, ви-чу!» Хвостик при этом чуть вздрагивает, и, глядя на эту замечательную птичку, невольно улыбнёшься и про себя подумаешь: «Ну, чистый ангел!»

Зяблик-интеллигент... Даже и не знаю, отчего я так назвал этот рассказ. Обычно всё определяет первое впечатление, чувство, без которого трудно написать что-либо стоящее, тем более, правдивое, а зяблик всем своим видом вызывает улыбку, вернее всего, солнечное настроение, и как тут не посчитать его за счастливого небожителя, дарящего своим незатейливым существованием только тепло и радость!

Песенка зяблика льётся, как ручеёк, весело переливается, журчит, так что хочется слушать её бесконечно: она никогда не надоедает. Одно колено только завершится, а уже ждёшь – что принесёт с собой следующее, хотя все они похожи, и всё-таки песенка очаровывает, причём, разносится ненавязчиво, так же свободно и вольно проникая в твоё сердце. Не покидает желание наслаждаться ей, чтобы она не кончалась, до того песенка естественна, незамысловата и, в тоже время, необыкновенно живительна.

Зяблик поёт, как дышит, его песня – сам весенний воздух, что проистекает повсюду, и начинает казаться, что весна не завершится, и будет длиться вечно. Что за чудесная простота звучит в его песне, и разве не назовёшь её проникновенной, даже – умной? Зяблик и сам представляется очень рассудительной и аккуратной птичкой, не лишённой доброжелательного нрава.

С каким настроением выделывает он свои звуковые фортели, радостно рассыпая их по всей округе, и в его обращении к жизни невозможно не заметить – как, действительно, необыкновенна эта обыкновенная с виду птичка, зачем-то наделённая от природы таким жизнеутверждающим нравом. Вроде бы, крохотная птаха, а угадывается в ней незримый умок! Но ум зяблика – не односум: природа в нём одно говорит, а хотение – своё. Хочется зяблику быть в лесу именно со своим, отличным от других птиц умом, сводя человека с ума заливистой песней, и человеку есть отчегопредаваться изумлению, внимая ей.

Всяк своим умом живёт, и зяблик его, несомненно, от души провозглашает: на доброе дело, как говорится, ума не жалко,и что у зяблика на уме, то и на языке. Слушаешь его песенку – и думаешьтолько о хорошем, а оно без природного разума невозможно, оттого духовная сила и ощущается в этом неприметном певце, что уверенно выводит свои восторженные трели.

Зябликов на своем веку я насмотрелся вдоволь, а также наслушался их, ибо ходить постоянно в лес и не встречать этих птиц невозможно, но вот разглядел по-настоящему лишь однажды, когда сидел в ожидании электрички за станционным домиком, в берёзовой роще, и к моим ногам подбежала маленькая птичка. Птичка была невзрачной, какой-то худенькой, и даже расцветку её я разобрал не сразу, до того она выглядела изможднной. Наконец, я узнал в ней зяблика...

Зяблик не вздрагивал и не перелетал при каждом моём движении, а

спокойно припрыгивал рядышком и даже норовил приблизиться, будто прося защиты. Похоже, он совсем меня не боялся, и тут я вдруг заметил, что правый глаз у него отсутствует. Первое, что пришло тогда в голову, - рассказать о маленькой симпатичной птичке, как она того заслуживает, и ещё я вдруг почувствовал в зяблике какое-то трогательное достоинство, с которым он и тянулся ко мне, и в тоже время не переходил допустимую черту.

И ведь такой маленький, думал я, многими не замечаемый, если рассудить по-простому - так себе, кроха, а хочется назвать его не иначе как интеллигентом! Почему? В чем тут дело?

Дело в том, что зяблик из себя представляет... Во-первых, в достоинстве, что он всегда в себе держит, но никому не навязывает. Во-вторых, в замечательной песенке, где нет ничего лишнего, напускного. В-третьих, в привлекательном внешнем облике, неизменно ухоженном, аккуратном. Конечно, многие птицы притягивают наше внимание, но среди маленьких - он единственный, самый заметный и яркий, хотя и не бросается в глаза, потому как скромный!

Зяблик - одна из немногих птиц, кто без опаски относится к человеку в любой обстановке. Поющий самец позволяет смотреть на себя с расстояния трех метров, не проявляя никаких признаков беспокойства. Самка разрешает наблюдать за строительством гнезда почти с такого же расстояния. А слётков родители могут кормить буквально под ногами, прямо на тропинке. Зяблики только радуют всех своей песней, и потому у них нет повода кого-либо остерегаться, тем более - человека.

Очень симпатична в зяблике неустрашимость, с какой он прилетает к нам раньше всех, чтобы порадовать своей песней и растопить замёрзшие за зиму сердца. К тому же делает он это всё лето, то есть - поёт, когда другие птицы умолкают, занятые выведением потомства, а между тем самка зяблика совершает две кладки, и птицы заняты ничуть не меньше остальных пернатых. И ещё зяблик улетает в числе самых последних, в менее выгодных для себя условиях, до первого снега оставаясь с нами и жертвуя, таким образом, собой… Почему же зяблики решаются на подобное вопреки своей выгоде?

Опять же только оттого, что действительно интеллигентны в своём отношении к жизни, не требуют того, чего им не полагается, и не обрекают других на голод и прозябание, стремясь всегда к солнцу, свету, а если их нет, они смешно, но ненадоедливо для всех дуются какое-то время, правда, недолго. Зяблики - утончённые существа, хоть и такие маленькие, и природе потребовалось долго оттачивать их прелестное многообразие.

И вот они однажды появились такими - милыми, весёлыми, не вызывающими ничего, чем бы можно было повергнуть кого-то в переживания. Достойные себя, солнечные птички способны на то, что не под силу даже многим крупным животным. Но не тело определяет суть, а душа, что у зябликов, судя по их песне, необыкновенно возвышенная.

Трум-трум

Всем хорошо известен такой симпатичный зверь, как бурундук, и хотя он довольно маленький, и далеко не каждый видел его в лесу, зверёк этот оживляет лесную глушь. Бурундук, или, как его еще называют, полосатая земляная белка, значительно меньше обыкновенной белки. В лазании по деревьям бурундуки уступают белкам, делают это более неуклюже и забираются на них исключительно для того, чтобы погреться на солнышке или, спасаясь от погони. Но зато они проворнее бегают по земле, то и дело шмыгают между кустами, несясь по прямому направлению, ежеминутно меняя его, и трудно предугадать, что бурундук может выкинуть в следующий момент. Кажется, порой, что он ничего и никого не боится, а просто играет, и вся эта беготня доставляет ему немалое удовольствие.

Напоминая по облику белку, бурундук сильно отличается от неё образом жизни. Он предпочитает селиться на земле, выкапывая норы или занимая дупла в поваленных деревьях. Норы его незатейливы и просты, сообщаются с одной стороны с гнездом, с другой — с двумя или тремя кладовыми для зимних запасов, а отдельный длинный изогнутый выход ведёт на поверхность. Все норы бурундука сравнительно мелки, поскольку влажность почвы не позволяет рыть их на значительную глубину.

В заготовке корма бурундук, бывает, неутомим и натаскивает к себе в норку запасы, во многом превосходящие его потребности. В этом ему помогают защёчные мешочки, в них он прячет и переносит пищу. Это и хлебные зерна, и молодые шишки с орехами, а ещё ягоды, грибы и сладкие весенние всходы. Кабаны и медведи часто пользуются ими, раскапывая кладовые бурундука и поедая весь его запас.

В сибирских сказках о бурундуке рассказывается как об очень запасливом хозяине. Он заготавливает с осени порой до десяти килограммов кедровых орехов, желудей и семечек, так что спит беспробудно в своей норке до самой весны. Когда первые весенние лучи пригревают его жилище, зверёк пробуждается, но не бродит в поисках пищи по лесу, а вскрывает свою кладовую и питается заготовленными лесными продуктами.

Если бурундука всё-таки потревожить зимой в его норке, он тотчас проснётся и начнёт огрызаться. Не то что ежик, который впадает в полное забытье, а температура его тела понижается до минус одного градуса. Бурундук не покидает своего жилища во время зимы, но вход в него зачем-то держит открытым.

Весной, в пору размножения, и летом, когда высокая и густая трава скрывает всё происходящее на земле, бурундуки почти не показываются на глаза. Они очень быстро бегают, ловко шмыгают между корней деревьев и кустов, и их сложно разглядеть. Чаще их можно увидеть в конце лета или в начале осени, когда кладовые у зверьков заполнены, и они позволяют себе погреться где-нибудь на солнышке, наслаждаясь последним теплом перед долгой зимней спячкой.

В такие осенние дни бурундуки особенно оживлены, они бегают повсюду, лихо задрав хвост, и то и дело шуршат опавшей листвой. Именно в это время чаще всего можно слышать их звучный крик или свист, напоминающий жалобный стон хищной птицы. Если за бурундуком погонится какой-либо зверь, не способный достать его на дереве, бурундук возбужденно вертится на суку, улюлюкает и пронзительно свистит. В такие моменты он даже напоминает хищника, который просто даёт о себе знать для острастки, а на самом деле не испытывает никаких злобных намерений.

Но смешно представлять бурундука зверьком, способным кого-либо обидеть. Он очень мил, непосредствен, и нужно постараться, чтобы его рассердить. Впрочем, однажды мне это удалось, за что я впоследствии заслуженно поплатился.

Теплыми осенними днями бурундучки очень любят забираться на вершинки невысоких и уже почти облетевших деревьев, замирают там и отрешённо греются на солнышке. В эти моменты весь вид бурундучка свидетельствует о том, что целое лето он трудился, заготавливал пропитание на холодную пору, а теперь, перед тем, как окунуться в долгое забытье, решил напоследок поблаженствовать под ласковыми лучами. Бурундучку, наверное, хочется унести с собой в долгие зимние сны воспоминание о последнем тепле, и он, прикрыв глаза, как будто на самом деле засыпает.

Вот в таком полуотрешенном состоянии я и застал однажды бурундучка на одиноко стоящей осинке, когда брёл с ружьем по краю просеки, пытаясь подманить рябчиков. Бурундучок меня не заметил, потому что сидел с закрытыми глазами и, обхватив передними лапками тоненький ствол, чуть-чуть раскачивался. Вернее, ласковый ветерок слегка поддувал, гнул верхушки деревьев, и бурундучок, наверное, испытывал от всего этого немалое удовольствие. Было занятно стоять прямо под деревцем и наблюдать, с каким умильным видом раскачивается на нём ничего не замечающий зверек.

Я решил вывести бурундучка из этого самозабвенного состояния, желая понаблюдать, как поведёт себя зверек, и не придумал ничего лучше, как взять и ударить ногой в нижнюю часть ствола. Результат был неожиданным. Моя опорная нога поскользнулась на влажной осенней дорожке и очень неловко вывернулась, отчего я сразу потерял равновесие, другая же уперлась обратно в ствол, и тот, спружинив, отбросил меня прямо в лужу. Ничего не подозревающий бурундук, запущенный выпрямившимся деревцем в обратную сторону, истошно взвизгнул, судорожно растопырил лапки и, кажется, замер в воздухе на какое-то мгновение.

Стоит представить себе погожий сентябрьский день, голубое небо без единого облачка и нас с бурундуком, одновременно летящих в разные стороны. Правда, я очутился в луже, не произнося ни звука, но вот бурундук не прекращал своего визга во время полёта, и замолк только тогда, когда брякнулся о землю в молодых ёлочках, опять душераздирающе вскрикнув. Мне было горько, поскольку одежда моя совершенно вымокла, но в тоже время и смешно, так как я увидел себя и бурундучка со стороны.

Зверёк был уже далеко, а я всё лежал в луже мокрый и смеялся. Мне почему-то было удивительно приятно лежать вот так, в этот осенний солнечный полдень, и думать о моем бурундуке. Должно быть, я изрядно его напугал, и душераздирающий вопль бурундучка до сих пор стоит у меня в ушах.

К слову сказать, бурундук издаёт самые разные звуки, что зависит, по-видимому, от его настроения. Помимо пронзительного и частого посвистывания, что случается у него обычно при крайнем возбуждении или испуге, бурундук резко цыкает, стрекочет и даже булькает. А однажды охотники заметили, что этот подвижный и игривый зверёк удивительно чутко реагирует голосом на изменения погоды.

Иногда, в ясный солнечный день, он вдруг начинает волноваться и резко посвистывать, затем садится на камень или пенек, закрывает уши лапками и жалобно кричит: «Трум-трум-трум, трум-трум-трум, трум-трум-трум!» Это означает, что скоро поднимется ветер, небо затянется тучами и пойдёт дождь. И это точно - прогнозы бурундука безошибочны: если уж «кузьма», как его почему-то называют в Сибири, начинает посвистывать утром, то к вечеру погода обязательно ухудшится.

Непогода наводит на забавного зверька хандру, и он кричит свое «трум-трум» печально и мелодично. В такую пору бурундук, по непонятной причине, становится каким-то неприкаянным, охотники называют это состояние «хворым», и отрешённо сидит на каком-нибудь пеньке, взъерошив шерсть. Выглядит он в эти моменты очень занятно, и подойти к нему вплотную не составляет труда.

А вот самка бурундука начинает кричать только по весне и не прекращает крика, даже когда кормится. Самцы десятками устремляются на этот призывный крик, а охотники легко ловят их удилищем с волосяной петлей на конце, набрасывая её на шею возбужденных и ничего не замечающих бурундучков. Во время спаривания инициатива полностью принадлежит самке, и если её что-то не устраивает, она даже может загрызть самца.

Увлекая его за собой, самка вдруг перестаёт убегать и отбиваться от его ухаживаний, выбирает приподнятое место и начинает усиленно чистить свою шкурку. Всем своим видом самочка даёт понять, что делает большое одолжение самцу, если отвечает на его внимание. Но уже на следующий день после спаривания она не подпускает к себе самца, перед рождением детёнышей становится ещё более агрессивной, и самец, опасаясь от неё хорошей взбучки, даже перестаёт заглядывать в её гнездо.

Вообще, судя по характерному поведению, несложно отличить самочку от самца, если, к тому же, проявить терпение и наблюдательность. Самцы, несмотря на лидерство самки, выглядят более забавными, и именно они вернее всего создают образ этого необыкновенного зверька, с присущим ему обаянием, вызывающим только улыбку. Симпатичный с виду зверёк так же симпатично двигается, разыскивает и запасает корм, ухаживает за своей возлюбленной, пусть даже она его и держит в ежовых рукавицах.

Но главное достоинство бурундучка - в его нежно-золотистом цвете, наподобие спелых орешков, и пяти тёмных полосках, расположенных вдоль спинки. Ещё у бурундучка очень милая мордашка, схожая с беличьей, но только с короткими ушками, и чёрные бусинки озорных глаз. Ловкое тельце со светлым животиком, который всегда хочется осторожно потрогать, продолжает мило вздёрнутый хвост, что может выражать у бурундука озабоченность, боязнь или приподнятое настроение.

Количество полосок объясняется, наверное, тем, что больше их просто не уместится на его маленьком теле, и то, что их пять - замечательное стечение природных обстоятельств. Пять полосок - это не много и не мало, как раз столько, чтобы быть привлекательным, а в какой-то ситуации - оставаться незаметным. И без того юркому зверьку полоски вдоль всего тела придают ещё необыкновенную гибкость и грацию.

Мелькнёт что-то во мху или между корней, а ты сразу и не разберёшь: мышь ли это пробежала, метнулась к добыче ласка или юркнул в норку ловкий бурундук. В движении полоски зверька сливаются с окружающей окраской, и при сравнительно одинаковых размерах зверей обычно трудно разглядеть, кто это был. Но вот если день солнечный, бурундук никуда не торопится и ему ничего не угрожает, можно спокойно рассмотреть забавного зверька, полюбовавшись на его полоски.

Тёплым сентябрьским полднем возвращался я однажды с охоты, и уже на подходе к деревне заметил бурундучка, что сидел на корнях одинокой сосны. Сосна росла метрах в двадцати от опушки, и бурундуку трудно было скрыться от меня незамеченным. Подойдя к нему со стороны леса почти вплотную, я наклонился над зверьком и осторожно протянул руку, попытавшись до него дотронуться, но бурундук взвизгнул, издал утробный звук «трум-трум» и молнией взлетел по стволу, застыв в напряженной позе.

Весь он был сама настороженность, внимание и в тоже время - желание остаться незамеченным. Распластавшись по шероховатому стволу, он действительно сливался с его охристо-оранжевым фоном, и только бусинки глаз озорно блестели. Бурундучку, наверное, казалось, что он совсем невидим, но когда я слегка прикоснулся к нему пальцем, он даже не вздрогнул, продолжая сидеть спокойно. В общем, зверёк оставался невозмутимым, и я ещё несколько раз погладил его по золотистой шкурке.

Зверьку некуда было сбежать, он сидел смирно, и я с удовольствием его разглядел. Бурундук раздувал щеки, вскидывал хвост, при этом вновь забавно трумкал, вызывая только улыбку, и всё же не двигался с места. Такое поведение бурундука почему-то совсем не удивило меня, а только порадовало, и я попытался поиграть с ним, подражая его голосу.

Бурундук тревожно застрекотал, взметнулся по сосне метра на два и, усевшись на обломанном сучке, посмотрел на меня сверху. «Трум-трум, трум-трум-трум» - опять возбуждённо произнёс он, и тотчас спрятался за стволом. Удивительно приятно было общаться с этим маленьким лесным существом. Я обо всём позабыл, и думал только о том, чтобы он не исчезал совсем,

солнечный день продолжался, а лес по-прежнему дарил мне свою улыбку в виде маленького занятного зверька. Это была именно улыбка, и я был благодарен за неё лесу.

Кстати, бурундучки на самом деле обладают очень забавной потребностью подражать друг другу или всё делать вместе. Стоит только одному из зверьков сесть на пенёк и начать умываться, как к нему присоединяются второй, третий, и часто весь выводок собирается вместе, изображая необыкновенную озабоченность, если даже за несколько секунд до этого они самозабвенно играли. Когда какой-нибудь бурундучок находит корм, другие тут же бросаются его отнимать. Причём, отнимают как друг у друга, так и у родителей, и чем быстрее распадётся выводок, тем лучше будет для всех бурундучков.

Заведя собственный домик, каждый бурундук сразу начинает делать в нём запасы и самоотверженно охраняет его, прогоняя своих собратьев. При этом зверьки редко набрасываются и кусают друг друга, а чаще просто преследуют нарушителя спокойствия, как будто не стремясь его догнать. Зверьки делают, таким образом, по нескольку кругов, держа между собой постоянную дистанцию, но стоит только одному остановиться, как останавливается другой. Потом преследование может возобновиться, а могут они и разойтись по своим делам. В этом проявляется еще одна забавная черта зверьков — самая обыкновенная непосредственность, что, кстати, больше присуща именно маленьким обитателям леса.

Так уж повелось в природе, что если она не наделит какого-либо зверя внушительным ростом и размерами, то обязательно вдохнёт в него неунывающий характер и неприхотливость. Бурундуки в полной мере обладают и тем и другим, и ты даже порадуешься за обаятельных зверьков, что им нужно совсем немного для своего маленького счастья: возможность быть, не докучая никому, занимать часть отведённого им внизу полога леса и радоваться, как на это способны только бурундучки — вездесущие и милые зверьки. Само слово «бурундук» неминуемо вызывает улыбку, потому как сразу представляется нечто в высшей степени занятное и смешное. Чего стоят одни только набитые щеки бурундучка, что всегда напоминают мне очень забавный случай.

Мы тогда работали на полуострове Шмидта, что составляет северную оконечность острова Сахалин, в устье речки Пиль, впадающей в Татарский пролив, и жили в большой палатке вместе с рыбаками, когда они добывали симу, идущую на нерест. Необъятные заросли кедрового стланика подступали к самому морю и изобиловали множеством бурундучков, что, то и дело, сновали под ногами, забирались в наше жилище, словом, не давали никакого покоя. И хотя мы к ним достаточно привыкли и иногда они нас даже развлекали, зверьки всё же порядком надоели. Терпение наше лопнуло, когда бурундуки за одну ночь перетаскали из нашего ледника почти всё сливочное масло, что хранилось в большой картонной коробке.

Ледник мы выкопали в кустах стланика прямо за палаткой, положили

туда, помимо масла, недавно подстреленного оленя, попавшую в сети калугу и ведро её черной икры. Но бурундуки из всего этого богатства выбрали именно масло: по-видимому, его легко было откусывать и прятать в защёчные мешочки. А поскольку зверьков в прибрежных лесах обитало неимоверное количество, им не составляло особого труда довольно быстро разделаться со всеми нашими запасами, если бы мы вовремя не спохватились. Масло бурундучки старательно припрятали в свои норы, вернуть его уже не представлялось возможным, и, таким образом, на два ближайших месяца наш завтрак значительно оскудел.

Но бурундуки на этом не успокоились. У входа в палатку стоял большой мешок с горохом. Как-то после обеда, когда мы отдыхали, бурундук показался перед отдёрнутым пологом очень осторожно, как будто оценивая обстановку, и, удостоверившись, что всё спокойно, ловко нырнул в мешок. Пошурудив в нём какое-то время и набив полные щёки, бурундук незаметно выскользнул, но вскоре опять появился.

Утащив определенную порцию, он тщательно умывался на улице, охорашивался и после небольшой паузы отправлялся к нам в палатку за новой порцией. По тому, как часто появлялся зверек, можно было предположить, что у нас под боком орудовало целое семейство. Все бурундучки были очень похожи и одинаково мило вели себя, думая, что их никто не видит. Но однажды мы решили изловить хотя бы одного, и у нас это получилось.

По всей вероятности, бурундук привык, что он никому не докучает, никто его не преследует, и он может преспокойно заниматься своим делом. Забравшись в мешок через прогрызенное им отверстие, бурундук на короткое время притих, а потом зашебуршал, тихо затрумкал, и, когда он стал выбираться, мы его уже ждали. Прихватив бурундучка за зад, я попытался вытянуть зверька наружу, но он так набил свои защёчные мешочки, что голова его застряла в маленькой дырке. Больше всего насмешило то, что в дырке застряли щёки бурундука, до отказа набитые горохом.

Раньше я не встречал в наших лесах этого зверька, но в последние годы бурундук стал попадаться довольно часто, и хотя местные жители привыкли к нему, меня не переставало удивлять его появление. На Сахалине мне довелось наблюдать этих милых зверьков в огромных количествах, и я, по-видимому, привык связывать место их обитания с кедровым стлаником, который на Урале отсутствовал. Каждый раз, когда бурундук попадался мне в нашем уральском лесу, я вспоминал Сахалин. Здесь, на Урале, бурундук возникал для меня в лесу радостным откровением, а в связи с Сахалином вызывал приятные воспоминания.

В Сибири и на Дальнем Востоке охотники обычно сбывали шкурки бурундуков в Китай, где они шли, главным образом, на опушку шуб. Якутские мальчики охотятся на бурундучков, приманивая их дудочкой, сделанной из березовой коры, подражая призывному крику самки. Мальчишек не интересуют шкурки зверей, и ловят они их для того, чтобы поиграть. Бурундучки при этом будто понимают, что с ними происходит, и очень сильно

возбуждаются.

Вообще, бурундук – зверёк непритязательный, и живёт достаточно скромно, можно даже сказать, незаметно. По характеру он скорее кроток, чем злобен, и очень быстро привыкает к человеку. Если держать бурундуков в постоянном доверии к себе и не обижать их, то они, как правило, перестают бояться людей. Да и сами зверьки по своей природе нередко показывают себя до отчаяния смелыми и независимыми, несмотря на свою покладистость.

Красивая окраска меха, миловидность и подвижность бурундука делают его зверьком, которого охотно держат в домах. Впрочем, их не удаётся приручить вполне, они всё-таки остаются робкими и нелюдимыми, хотя и проявляют немалую игривость и привязчивость. К тому же, как и все белки, они несносны своей страстью грызть решительно всё, что им попадается, поэтому их не особенно охотно оставляют дома на долгое время.

Бурундуки хороши в этом смысле там, где присутствует свобода, возможность не быть оторванными от природы и доброжелательное отношение к ним людей. Тогда зверьки как будто ещё более оживляются, своим звериным чутьем угадывая, что они нужны и им ничто не угрожает. Когда встречаешь подобное в природе, то радуешься вместе с ними, и на какой-то миг представляешь и себя неугомонным бурундучком, что всегда не перестаёт оставаться весёлым и славным зверьком.

Что же касается Сахалина, то своеобразие его проявлялось именно в людях, живших в лесу у моря, именующих себя нивхами, а также в их отношении к таким забавным и, казалось бы, совершенно не пригодным для чего-либо зверькам, как бурундуки. Но взрослые, всё же, нашли им мудрое применение, и превратили их в воспитательную игру для своих детей.

Приручение бурундуков нивхами основано на имитации их спасения. Зверьков вначале топят, несколько раз окуная в воду, а затем пристраивают за пазуху, согревая своим теплом, обещая тем самым в последующих взаимоотношениях заботу и ласку. После этой весьма неприятной для бурундучков процедуры они становятся искренне, насколько это возможно, привязанными к своему спасителю.

Зверьки без устали снуют по карманам, лущат кедровые орешки прямо на плече, забираются под рубашку, словом, чувствуют себя совершенно свободно, не собираясь покидать нового прибежища, вполне их устраивающего. Даря, таким образом, своим детям маленьких забавных друзей, нивхи подвергают их души испытанию, и это очень правильно: друга, пусть даже такого маленького и беззащитного, обретаешь, только согрев своим теплом, к тому же, ты за него теперь в ответе, а потому обязан заботиться и оберегать. Впрочем, бурундуку палец в рот не клади, поскольку он сам кого угодно прихватить может, ну, а если зверька всё-таки кто-нибудь обидит, то тот поднимет невообразимый крик, от которого впору ретироваться и более сильному сопернику.

В маленьком бурундуке поражают, в первую очередь, свобода и грация движений. Он как будто ничего и никого не боится, живёт - и ни о чём не

тужит. Вся его прелесть - в ловком передвижении там, где он почти неуловим.

При всём том, что бурундук очень подвижный зверёк, порой он может быть совершенно неугомонным! Бурундук редко занят какой-то деятельностью долгое время, и даже кормиться на одном месте он не в состоянии. Чаще всего бурундук быстро собирает корм в защечные мешочки и потом понемногу ест, доставая из них по кусочку и присаживаясь то тут, то там, как будто его кто-то преследует. Наблюдая за зверьком, легко подумать, что ему чего-то не хватает, и он пробует отыскать то положение, какое ему будет наиболее удобно.

Резвость зверька и непредсказуемость его поведения создают впечатление удивительной сообразительности, какой он обладает. Даже молодой, только что начинающий выбегать из гнезда бурундучок с первого раза запоминает дорогу, по которой он прошёл, и легко возвращается по ней. Когда же бурундук принимается осваивать свой домик, и он ему не по душе, то зверёк так же осмысленно и бесстрашно примется действовать на новом участке, пока не будет удовлетворён.

Если бурундук не пуган и почуял поживу, он, не смущаясь, без оглядки подбегает к человеку, когда тот оказывается рядом с его жилищем, будто выпрашивая, подобно бездомной собаке, подачку. Правда, делает он это более забавно, чем собака, но не менее настырно, и, не получая желаемого, начинает издавать взвизгивающее бульканье, будто угрожая. Хвост его в такие моменты становится столбиком, сам он весь как-то приподнимается, даже чуть-чуть подпрыгивает, и порой кажется, что бурундук вот-вот бросится на тебя.

Сидя однажды у костра, и неспешно заканчивая чаепитие после бессонной ночи на глухарином току, я поставил на пенёк пустую банку из-под сгущённого молока, и тут же рядом с ней очутился бурундучок. Вздрагивая всем телом от нетерпения, он стал быстро приближаться к банке странными зигзагами, то и дело присаживался на все лапки и опять вскидывался, будто пытаясь рассмотреть, что в ней. Я сидел, не шелохнувшись, но всё равно было понятно, что бурундучок меня уже увидел, и, тем не менее, продвигался к желанному лакомству. В моё отсутствие он, конечно, повёл бы себя смелее, а так всё же немножко опасался.

Добравшись, наконец, до банки, и ещё раз, мельком, взглянув на меня, бурундучок ловко приподнялся, опёрся лапками о верхние края и заглянул внутрь. Высунувшись, он опять посмотрел в мою сторону, взвизгнул и восторженно прокричал своё «трум-трум». Всё это, по моему понятию, должно было означать лишь одно: «К великой радости, я здесь, и пока это богатство не будет спрятано - покоя мне не видать!»

Бурундук возбуждённо застрекотал, забегал вокруг банки, и вдруг бросился на неё всем своим маленьким телом, так что она с грохотом полетела. Но зверёк не испугался, а, догнав, вновь поддал её всем телом, успевая слизывать драгоценную сладость. Ни разу в жизни не пробуя притягательного молочка и, конечно, не ведая его вкуса, он каким-то образом угадал, что это действительно вкусно, и не побоялся утащить банку прямо из-

под моего носа. Бурундук не успокоился до тех пор, пока не затолкал её под корягу.

А вот о каком забавном способе охоты на бурундучков рассказал мне знакомый охотник. Для начала надо заметить, что звуки в жизни занятных зверьков играют не последнюю роль, а может быть - основную, если даже названием этому рассказу послужил один из них, наиболее запоминающийся и характерный: «трум-трум». Но речь пойдёт ещё об одном своеобразном звукосочетании, которое сам бурундук не произносит, оно лишь необыкновенным образом притягивает зверька.

Когда бурундук заслышит его в лесу, то уже ничего не может с собой поделать. Всё его существо стремится тогда быть, во что бы то ни стало, рядом с этим звуком, звук невероятно гипнотизирует его, и бурундук обо всём забывает. Дело происходит так.

В той местности, где бурундуки попадаются особенно часто, в особенности – на Сахалине, на суку дерева подвешивается бутылка с водой горлышком книзу. Причём, горлышко плотно перебинтовывается марлей. Под бутылкой ставится железная банка с таким расчетом, чтобы капли попадали именно в неё, и при определенном наполнении издавали булькающий, вернее даже, тенькающий, со всхлюпываньем, звук. Заслышав его, бурундуки тотчас всё бросают: звук этот производит на них какое-то магическое воздействие, и они совершенно шалеют.

Бурундуки молниеносно устремляются к бутылке, а приблизившись, сразу замирают, завороженно всматриваясь в банку. Бутылку зверьки, видимо, не замечают, их интересует только банка, вернее, звук, который она издаёт. Затем бурундуки рассаживаются вокруг на деревьях и тихо смотрят в одну точку, навострив мордочки и ушки. Весь облик их при этом выражает лишь рабскую покорность и готовность идти за чарующим звуком хоть на край света. К тому же, они ничего не замечают, полностью поглощённые звуком, и охотник с помощью волосяной петли на длинной палке легко вылавливает зверьков.

По словам моего знакомого нивха, он, таким образом, поймал однажды одиннадцать бурундучков. Все они, пока капала вода, как будто не замечали друг друга, каждый для себя оставаясь один на один с неведомым звуком. Странно, что зверьки не кричали, не бегали, задрав хвосты, как они обычно это делают, а сидели и молчали. Чем-то их необыкновенно завлекал хлюпающий звук, так, что они становились совершенно непохожими на самих себя.

Что может означать подобное поведение, сказать сложно, но, несомненно, бурундуки украшают своим присутствием наш лес. Отчего-то их привлекает звук падающей в банку капли, а люди подсмотрели своеобразную склонность зверьков и долгое время использовали её против них. Может быть, падающая вода напоминает зверькам о длительной непогоде, что ввергает их в странное оцепенение?

Бурундуки сидят в каком-нибудь укрытии и тоскливо взирают на бесконечные потоки дождя: ни порезвиться тебе толком, ни поиграть в догонялки! Капли же капают — «буль-теньк, буль-теньк, буль-теньк», иногда замирают, и бурундучкам, наверное, кажется, будто непогода вот-вот прекратится.

Ведь вездесущие зверьки больше всего в жизни предпочитают движение, и им, должно быть, скучно долгое время находиться без него. И они терпеливо сидят и ждут, когда выглянет солнце и неугомонные зверьки бросятся сломя голову в свою умопомрачительную беготню! Огромный лес без неё, наверное, заскучал бы и, конечно, не был бы уже никогда таким неповторимым и мудрым.

Птичий гений

Наши обыкновенные серые вороны - птицы ни на кого не похожие, но поскольку они встречаются на каждом шагу, никто на них не обращает внимания, а если и смотрят, то, как на нечто самое обычное, порядком надоевшее и примелькавшееся. Это, конечно, недалеко от истины, и всё-таки вороны незаслуженно обойдены симпатиями, да, ко всему прочему, несмотря на их доступность и общеизвестность, птиц постоянно путают с вороном, грачами и галками. Многие даже думают, что название «ворона» дано женской особи в птичьей паре, где отец, соответственно, называется «вороном». А между тем - это разные виды, отличные друг от друга размерами, окрасом и образом жизни.

Образ жизни обыкновенной серой вороны прост и неприхотлив. Целый день, с раннего утра и до позднего вечера, птицы оживлены и очень деятельны. В основном все их заботы связаны с поиском пищи. Они летают над полями, держатся в лесу, а надоест - отправляются ближе к деревне, где следят за человеком и, как только он оставит что-нибудь без внимания, тут же пользуются его оплошностью.

Вороны не гнушаются ничем - разоряют птичьи гнезда, всегда нападая на тех, кто слабее, караулят мышиные норы и часто посещают помойки. Словом, толкаются всюду: не перепадёт ли что?!

Если случается что-нибудь особенное, птицы первыми это заметят и сообщат другим. И уж тут поднимается такой гвалт, что если не ретироваться, вороны могут и напасть. Они, вообще, удивительно организованные птицы, умеющие обделывать свои дела самостоятельно, но в случае опасности действуют очень сплочённо, всем своим чёрно-серым сообществом.

Только к полудню вороны обычно слетаются на какое-нибудь большое дерево и, удобнее рассевшись в его густой верхушке, некоторое время отдыхают, чтобы вскоре вновь отправиться на поиски корма. Собираются они вместе лишь поздним вечером, когда отправляются на ночлег. Происходит это, как правило, в густой части леса и после наступления темноты, когда их никто уже не может потревожить. Скупо обменявшись впечатлениями дня,

вороны быстро замолкают. Совсем недавно крикливые и взбалмошные, сейчас птицы не похожи на себя, они внимательны и осторожны. Так незамысловато протекает в течение дня жизнь вороньего племени.

Кстати, гнездо вороны очень крепкое и сплетено из жёстких ветвей, а на дно его укладываются кусочки коры, корни и пучки травы. Всё это связывается слоем глинистой земли и выстилается волосом, мхом, разными тряпками и перьями. Относясь с пренебрежением к чужому труду, ворона очень серьезно подходит к собственным заботам.

Вороны очень терпеливы, необыкновенно изобретательны и умны. Они могут часами караулить тот момент, когда кто-нибудь вспугнёт птицу с её гнезда, и ворона тотчас воспользуется этим. Если подобный способ не приносит удачи, пара ворон сама осуществляет свою затею: одна из птиц дразнит обладательницу яиц, а другая подкарауливает вблизи, и как только раздосадованная наседка, не в силах терпеть такого нахальства, сорвётся с насиженного места, вороны молниеносно опустошают гнездо. И это происходит с птицами, которые внушительны по размерам и могут за себя постоять, а с теми, кто послабей, вороны, вообще, не церемонятся: нагло сгоняют их с гнезда и тут же обворовывают, нападая при этом на самих родителей, порой даже убивая их.

Чувствуя свою безнаказанность в отведенной ей природой нише, ворона проявляет сверхизобретальность и настырность в удовлетворении своих потребностей. Способная разорить любое гнездо, она даже умудряется проникать в скворечники, срывая с них клювом крышки. Вороны устраивают облавы на зайцев и без устали терроризируют озёрных и речных чаек, пока те не выпустят изо рта добытую рыбешку. Но сказать о воронах, что они бесстрашные, нельзя, в них только куда-то смещено понятие дозволенности, а вернее, оно просто отсутствует.

Именно по этой причине ворону очень трудно взять на испуг даже человеку, у которого она, кстати, больше всего ворует. Человек, конечно, старается не провоцировать ворону и прячет от нее подальше всё, что может хоть как-либо заинтересовать птицу. Но ворона на то и ворона, что ни перед чем не остановится. На подоконнике остался без присмотра пакет со сливками она его стянет, с утра забыли у умывальника в огороде убрать мыло - и оно пропадёт, а о блестящих предметах уж и речи нет! Ворона, как завзятая старьёвщица, тянет в своё гнездо всё, что придётся, ну, а если украденное не входит, то на стороне прячет. Даром, что не человек, который, знай, только разбрасывает, ворона же за ним всё подбирает, самым тщательным образом прячет и зачем-то бережно хранит.

То, что ворона тянется к человеческому жилью, объясняется довольно просто: птица она бездомная! После того, как выведены птенцы, гнездо птицы покидают, и даже в непогоду прячутся под стреху или, на худой конец, усядутся на дерево, головой на ветер, чтобы перо не задиралось и не выдувало тепло.

Самым надёжным способом, с помощью которого вороне удаётся

перетерпеть холод, является умение взъерошивать перья. Дело в том, что под настоящими, контурными, как их называют, перьями прячутся тоненькие нитевидные пушинки, обеспечивающие птице добавочное тепло. Такие пуховые ниточки растут у вороны на крыльях, бедрах, шее и груди, да к тому же, они обвивают каждое перо, и ей гораздо легче переносить суровые морозы.

Но, несмотря на нелегкое житьё, ворона никогда не теряет присутствия духа и даже находит время для развлечений. Используя восходящие воздушные вихри в непогоду, птицы бесстрашно поднимаются на огромную высоту. С распростёртыми крыльями, словно танцуя, вороны катаются на воздушных потоках, пока они не иссякнут, а время от времени, видимо, от удовольствия, оглашают округу гортанными выкриками, похожими на возгласы восторга. Вороны в такие моменты, наверное, забывают все свои горести, и только безоглядно радуются вольной жизни и возможности вот так, свободно, парить высоко над землей.

В отличие от ворона, у которого подобная воздушная эквилибристика - священный брачный ритуал, что начинается уже с середины января, у ворон - просто игры. Причём, эти игры происходят у них всегда парами, очень редко в одиночку. По всей видимости, птицам больше нравится затевать игру с ветром, чем соревноваться со своими собратьями, и держатся они вместе только из солидарности, желая поделиться хоть с кем-нибудь переполняющими их чувствами.

На первый взгляд человеку может показаться, что ветер играет с птицами, как кошка с мышкой, но постепенно он с изумлением убеждается в обратном: это вороны используют стихию для собственного наслаждения. Они останавливаются в воздухе почти против ветра и, небрежно качнув крыльями, бесстрашно ныряют в воздушную пучину с умопомрачительным ускорением. Затем - ещё один едва заметный взмах, и птицы возвращаются в обычное положение. Всё это проделывается играючи и без всяких усилий.

В таком свободном парении вороны любят иногда переворачиваться на спину, издавая при этом необычный звук «крум-крум». Его не услышишь, когда птицы находятся в спокойном состоянии. Может быть, так вороны выражают свое восхищение от возможности покататься на потоках воздуха, а ведь для этого требуется определенное настроение!

У вороны всегда такой вид, будто ей просто нравится радостно проделывать обычные птичьи дела рядом с человеком, немножко беспокоить его своими проказами, но чаще всё-таки веселить. Словом, воронам приятно жить и быть самими собой, что, несомненно, отражается в их внешнем облике: птицы - сама приподнятость, ежеминутная готовность сорваться и всё в своей жизни переменить, лететь хоть на край света - лишь бы ничего не пропустить!

Ворона как будто переполнена знаниями об окружающей жизни и, кажется, еле сдерживает себя от нетерпения во всеуслышание заявить: «Я очень умная, да, я самая умная, нет меня находчивей и хитрей!» Эта несдержанность, на которую решается ворона, часто и губит птицу. Помните

известную басню про лисицу и сыр? Прозорливая лиса всё-таки поймала ворону на её хвастливости и добилась своего, ворона же осталась с носом. Наблюдая за этой необыкновенной птицей, всегда ловишь себя на мысли, что она как будто остановилась в развитии совсем неподалеку от пика своих возможностей, но дальше почему-то идти не решается и оттого часто попадает впросак.

Хоть и достаточно смышлёной, вороне всё же недостает определенной доли хитрости, присущей её чёрным собратьям - ворону и сороке. Порой создается впечатление, что ворона как бы силится постичь недоступное ей, и у неё так ничего и не выходит. Она хорохорится, переживает и, тем не менее, не может понять причины своего неведения. Всё эти её попытки бывают очень забавны. Наблюдая за ними, заметишь: слышит ворона звон, да не знает, где он. Что-то мешает дотошливой птице в последний момент дотянуться до правды.

Может быть, из-за этой непонятной растерянности, так не схожей с присущей птице нахрапистостью, нерасторопного и вялого человека в народе зовут «вороной». Отсюда и многочисленные поговорки, метко изобличающие птичий изъян: «Пуганая ворона и куста боится», «Сокол с лёту хватает, а ворона и сидячего не поймает», «Ласточка - вестница весны, ворона - вестница зимы», «Первые детки - соколятки, последние - воронятки», «Ворона за море летала, да вороной и вернулась». Про ротозея говорят, что он ворон считает, а о том, кто сидит, разинув рот: «Смотри, как бы ворона не влетела».

Так уж повелось, что с вороной мы скорее связываем коварство, нежели пользу. Идёт ли это от вздорности её характера, жадности или ненасытности - непонятно. Может быть, давным-давно ворона была кем-то незаслуженно обижена и теперь изливает своё раздражение на всех и вся, но выходит это у неё как будто попусту, напрасно. Слишком великой представляется та сила, что по какой-то причине обошла птицу вниманием.

Отношение к вороне всегда было презрительное, её даже и птицей настоящей считать не желали: «Из-за куста и ворона востра», «Как ни вертись ворона - и спереди карга, и сзади карга», «Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетит и под старость». Связанные с ней в народе пословицы говорили больше о худом: «Ворона каркает к несчастью или ненастью», «Всякому б ворону на свою голову каркать», «Подстреленного сокола и ворона носом долбит», «Была бы падаль, а воронье налетит», «Метил в ворону, а угодил в корову». Во всём, что касается вороны, как видно, царит пренебрежение: мол, хуже её птицы нет, в неё в первую угораздит прицелиться и выпустить заряд.

Та же мысль присутствует в другой поговорке, советующей стрелку птиц не разбирать, бить всё, что под руку попадётся, чтобы добиться и до чего-нибудь хорошего, и в первую очередь опять выстрел приходится по сороке и вороне: «Стреляй сороку да ворону, попадёшь и в ясного сокола!» Словом, во многих поговорках ворона берётся как образец непристойного поведения и изворотливости, а точнее - как средоточие всех возможных пороков. Даже во

время крестных страданий Христа ворона вела себя будто бы совершенно не так, как ласточки, снегирь и клест, и хотела, в отличие от них, пить кровь, что капала из ран Спасителя, за что Бог её и проклял.

Некоторая неуклюжесть и неловкий полёт, кажется, тоже нарочно даны вороне природой, потому как ей незачем быстро и далеко летать. А точнее - вороне не от кого спасаться, у неё нет врагов. Всё, что ей нужно, это высматривать и подкрадываться, перелетать украдкой, громогласно вскрикивать от возбуждения и недовольства, постоянно следовать бочком за человеком и ненавязчиво вторгаться в его жизнь.

В природе ворона, как ни странно, довольно скрытна, а в городе или деревне, где ей, казалось бы, следует вести себя более осмотрительно, чем в лесу, она неожиданно открывает человеку уклад своей жизни, становясь для него чрезвычайно интересной, если, конечно, человек любознателен и неравнодушен. В этом случае он будет находить в поведении вороны всё новые и новые черты, несмотря на давнишнее знакомство с этой птицей, и многое покажется ему не только невероятно забавным, но и поучительным. Не прав тот человек, что надсмехается над вороной.

Вороны, например, с невероятной быстротой связывают следствие с причиной, то есть делают выводы и никогда не повторяют ошибок. Ворона, конечно, по большому счёту, никакой не гений, но среди птиц она единственная птица, которая понимает человека и окружающий её мир настолько, насколько ей это необходимо, и ведёт себя так, что впору воскликнуть: «Ай да ворона, ай да молодец!»

Часто можно видеть, как некоторые птицы, скажем, куры или голуби, решают спор с помощью силы, то есть - вступают между собой в драку, у ворон же это исключено. Одна из заповедей вороньей стаи гласит: своих не бить! Конечно, угрожать для острастки можно, но вот драться, как дерутся воробьи, у ворон запрещено. «Ворон ворону глаз не выклюет» - гласит известная поговорка, так вот ворона вороне тоже.

Бывает, всё-таки вороны повздорят в холодный зимний день из-за желанного куска, но у них есть такое правило: если корма достаточно, им пользуются все, кто успеет. Если же его мало, то он принадлежит той птице, которая его нашла, и её никто не преследует. При этом у ворон в особой цене решительность: ты даже можешь не обладать крупными размерами и не быть старше, но если успел раньше других, проявил напористость и смекалку - добыча твоя. Иной раз вороны даже уступают друг другу поживу, как будто проявляя великодушие, и это очень выгодно отличает их от других пернатых.

Правда, есть у вороньей породы, как, впрочем, и у некоторых других птиц, своего рода «общественный суд». По-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и

крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, и если проштрафившаяся ворона ведёт себя неправильно или за ней числится большая вина, все вороны, в конце концов, набрасываются на неё и заклёвывают до смерти. Но случается это крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев.

Особая одарённость вороны проявляется и в её чутком зрении, с помощью которого она черпает информацию об окружающем мире. Ворона безошибочно распознаёт ружья, никогда не путая их с палкой, и ни за что не подпускает к себе на расстояние выстрела. Она уже издали замечает человека, причём, хорошо различает количество людей, и в этом её совершенно невозможно запутать. Если хотя бы один из тех, кто попал в поле её зрения, спрячется, а другие пройдут мимо, ворона не успокоится, пока его не увидит.

К тому же, вороны очень памятливы. Стоит им увидеть мальчишку, который бросал в них камни, и они тотчас улетают. Птицы будут сторожиться его даже, если пройдёт ккое-то время, и никогда не приблизятся на небезопасное для себя расстояние.

Ворона первой в лесу подмечает малейшие события, связанные с его жизнью. Ещё никто ничего и не ведает, но ворона уже в курсе всех дел. Выберется по весне из своей норы полусонный барсук и отправится, оставляя грязные следы на снегу, к первой проталине покопать личинок или жуков, а ворона уже тут как тут, разнесёт по всей округе об этом весть. Старый лось, спасаясь от надоедливых оводов, забредёт по самое горло в укромную мочажину, вороны и здесь окажутся раньше всех. Вороны - всюду, даже там, где их, кажется, совсем не ждут, и куда птицы летят, туда они и глядят.

Никто так не солидарен в беде, как вороны. Их девиз: один за всех и все за одного. Часто им очень досаждает филин: он убивает ворон ночью, во время сна. Обнаружив днём убежище врага, они не успокоятся, пока не прикончат его, и поднимут такой крик, что привлекут на помощь всю округу.

Однажды мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливыми они казались, досаждая неприятным кружением над самой головой и вскрикиванием. Но это не отпугнуло птиц, а только ещё более раззадорило. К тому же, одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая, тем самым, своих собратьев.

Ворона с остервенением хлопала крыльями, шипела, и через минуту надо мной образовалась огромная чёрная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко. Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, неистово прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Но, несмотря на присущую воронам изощрённость, им не откажешь в трезвом уме. В морозные зимы птицы разогревают заледеневшие отбросы на котельной трубе, если же не могут разбить яйцо или ракушку, бросают их с

высоты. А какую удивительную сообразительность проявляют они при постройке гнёзд! Весной в деревне часто приходится наблюдать, как вороны собирают для этого ветки. Причём, выбирают те, что хорошо цепляются друг за друга - лиственницу и крыжовник, ловко отламывая их клювом.

Необычность вороны бросается в глаза особенно в пору её весенних свадеб. Как только припечёт в феврале ласковое солнышко, приглянувшиеся друг другу вороны забираются на какой-нибудь высокий сук и степенно там рассаживаются. Свое знакомство они начинают с раскачивания, когда одна птица, по всей видимости, самец, приподнимается на цыпочках, вытягивается в струнку и, как будто оступившись, переворачивается всем телом вниз, совершая подобные движения неоднократно. Порой начинает казаться, что раскачивающаяся птица вот-вот свалится с ветки. Другая же ворона, как будто отрешаясь от всего окружающего, самозабвенно наблюдает за происходящим, и ждёт своей очереди.

Пощёлкав и покланявшись, первая ворона замирает в выжидательной позе, а вторая полностью повторяет её действия. Постепенно сближаясь, влюбленная парочка неистово кланяется друг перед другом, издавая очень забавные звуки, и вскоре доводит свое ухаживание до какого-то безумства. Настроив себя, таким образом, на необходимый лирический лад, пара отделяется от стаи и удаляется к лесу. В этом необычном любовном ритуале, с замысловатостью поведения и красотой позы, очень хорошо проявляется изощренный ум вороны.

Теперь, после уединения, вороны будут заняты подыскиванием подходящего жилья. Они очень привязаны к старым местам, и прежде всего - летят к прошлогодним гнёздам. Если гнездо растрепалось, птицы тщательно его подправляют, а когда гнездо занято каким-либо хищником, перебираются на новые места.

Вообще, большинство птиц предпочитают облетать стороной воронье гнездо, потому как вороны - очень ревнивые родители, способные наброситься на вдвое превосходящего их по силе канюка или ястреба, которые, как ни странно, почти всегда отступают. В этой несгибаемости ворон тоже хорошо виден их очень твёрдый характер, и проявляют они его до победного конца, что бы там ни случилось. Вороны - птицы не сильные, но трусами никогда не были, и если уж появится сокол, вороны непременно налетят, а случается, что каркает ворона и на беркута.

Вороны всегда были интересны тем, что принадлежали к числу наиболее одарённых в птичьем мире, исключая, пожалуй, только талант пения: им природа эту птичью семью обделила. К сожалению, и вороны, и сороки употребляют свои прекрасные возможности преимущественно на дурные дела, свидетелями которых были многие из нас. Но как скучно, наверное, было бы нам без этих проказ, которыми зачастую удостаивают нас прозорливые птицы!

И серая ворона, и ворон, и сорока, словом, вся эта чёрная семья - вор на воре! Да и общение их с человеком складывается так, как будто они

чувствуют за собой грехи. Держатся обособленно, воровато, не прерывая всё же тесного соседства, благодаря которому и имеют некий достаток. Впрочем, грехи эти в сравнении с приносимой птицами пользой необременительны.

Ведь вороны - незаменимые санитары: вирус холеры перерабатывается в их желудках всего лишь за сутки. Да и чего только они не едят: очищают железнодорожное полотно от мусора, городские помойки притягивают их словно магнитом, глотают мышей и лягушек, поедают птиц и их яйца, и никогда не пропустят падаль. Вороны пресекают множество болезней в лесу, а также избавляют от них и людей.

Вороны уничтожают вредителей, например личинок майского жука. Смешно притоптывая лапами, они не менее забавно прислушиваются, склоняя голову то на одну, то на другую сторону. Так вороны точно обнаруживают их под землей, выманивают и ловко выкапывают оттуда с помощью клюва.

Ворона не брезгует ничем, что хоть сколько-нибудь съедобно, и всё то, что употребляет в пищу человек, ей годится. Ворона в этом отношении совершенно непривередлива и, мало того, ещё подбирает за человеком отбросы, не особо докучая ему своим присутствием. Она благоразумно исполняет за него то, чего он сам никогда не удосуживается сделать.

Да и вообще, не стоит какую-либо птицу или животное, как это часто заведено у нас, рассматривать только с точки зрения пользы, которую они приносят. Достаточно уже того, что природа сама позаботилась о существовании этой, несомненно, любопытной и нужной птицы, а от человека требуется только иногда регулировать её распространение. Там, где её развелось более, чем необходимо, человек сделает хорошо, если будет держать ворон подальше от угодий с охраняемыми или разводимыми им птицами. Также следует держать её на расстоянии и от птичьего двора, если ворона повадится таскать цыплят. Само существование вороны уже замечательно, и любая её черта, даже, на чей-то взгляд, не красящая птицу, интересна.

Сорока, например, домашним птицам вреда не делает, но зато ужасно любит блестящие и металлические вещицы, которые прячет в укромное место. А вот уж серая ворона - настоящая ворюга! Она крадёт всё, что плохо лежит: и блестящее, и съедобное, и даже вовсе непонятное, но приглянувшееся птице. Ещё ворона - большая мастерица отыскивать место, куда куры кладут яйца. Обнаружив его, ворона разбивает яйцо клювом, пропускает внутрь его нижнюю половинку и летит куда-нибудь подальше позавтракать.

Что и говорить, ворона живёт ожиданием поживы и кратковременной радостью от её получения. Стоит только понаблюдать, как она целыми днями терпеливо высиживает на столбах, коньках домов, верхушках деревьев, якобы, в каких-то думах. На самом деле всё её существо нацелено на одно: чем бы поживиться? И даже находясь на значительном удалении от своего потенциального объекта добычи и не имея возможности визуально наблюдать будущую трапезу, она каким-то сверхчутьём, совершенно необъяснимым для человека, угадывает её приближение и загодя приводит себя в необычайное возбуждение. Между воронами, несомненно, существует какая-то связь, свой

«телефон», по которому они прекрасно понимают друг друга и молниеносно узнают о месте и времени готовящейся ими расправы.

Порой вороны очень необычно ведут себя и в лесу, особенно осенью. Идёшь, бывало, по укромной дорожке, с обочины то и дело вспархивают рябчики, на оранжевых лиственницах степенно щиплют иглу глухари, гулко ударяет по дереву дятел, и вдруг в глубине леса будто заплачут дети... А то вдруг кто-то заскулит, так что становится жутко и в тоже время интересно: кто это?

Начнёшь подкрадываться и, к невероятному сожалению, обнаружишь ворон... А вороны неожиданно приостановят свою игру, взметнутся в небо и начнут гарцевать там, как ни в чём не бывало, да опять с вывертом, ни на кого не похоже!

Надоест им дурачиться - вороны ведут себя более достойно, когда нет нужды куражиться и представлять из себя нечто невиданное в лесной чаще. Там, в вышине, вороны, вероятно, обретают то возвышенное, чего лишены на бренной земле, а в лесу, благодаря своей изобретательности, они окружают себя тайной. Впрочем, так ли худо живётся вороне в наших селениях и на дорогах, где она чаще всего остаётся самой собой, без присущих ей прикрас?

Правда, иногда вороны, как и ворон, олицетворяют собой нечистую силу. По-татарски, например, «ворона» означает «карга - так добродушно бранили пожилых женщин. Не зря и в сказках ведьмы оборачивались в ворон, чьи крылья грязной окраской напоминали тряпье страшной старухи.

Раньше утверждали, что во время кончины колдуна или ведьмы демоны в виде ворон садились на крышу дома, проникали в дымовую трубу и со странным карканьем, шумно взмахивая крыльями, уносили грешную, продавшуюся чёрту душу прямо в ад. Но не пристало вороне рядиться в павлиньи перья, она имеет своё лицо, чем и знаменита. Чей бы то ни было убор ей не к лицу, да и вообще в таком наряде вороне недолго красоваться: всякий без труда распознает воронью суть! Даже про человека, который хочет казаться не тем, кто он есть, и которому это не удаётся, в народе говорят: ни пава, ни ворона, от вороны отстал, а к павам не пристал, словом, отщеголяла ворона в павлиньих перьях!

И всё же не случайно, как замечали в народе, ворона называет своего воронёнка беленьким, а ёж своего ежонка - мягоньким, поскольку всем хорошо известный наряд вороны по-своему замечателен: чёрные крылья, голова, шея и хвост при дымчато-серой окраске остальных частей тела. Если судить об одёжке вороны, то она имеет цвет затухающего костра: пепел и уголь. В зимние оттепели вороны будто рисуют собой во влажном воздухе свои незамысловатые гравюры-пируэты.

Окрас самцов и самок вороны одинаков. Но, несмотря на неброский вид, ворона горда им, и при всяком случае не преминёт щегольнуть, гордо разгуливая под носом у человека. Всё её существо как будто кричит: «Обратите на меня внимание, пусть даже я вам не по нраву!»

Вот и раскачивающаяся походка у птицы, кажется, от невероятного

самодовольства и той важности, которую ворона на себя напускает. Но ходить иначе ворона просто не может: её пальцы сближены, а не растопырены, как у многих птиц. Когда ворона ковыляет вразвалочку вдоль обочины, то и дело, покручивая головой в разные стороны, она вызывает улыбку.

При всей своей проворности ворона имеет фигуру скорее неуклюжую, чем ловкую. Наблюдаешь в окно за неторопливо расхаживающей по огороду птицей, и кажется, будто она хочет напустить на себя как можно больше значительности, при каждом шаге напыщенно распуская на груди перья и самодовольно покачивая головой. Но ей это не удаётся, и ворона выглядит скорее смешной, нежели величественной. Вероятно, именно это её стремление выглядеть лучше, чем она есть на самом деле, и составляет воронью суть.

Ей как будто чего-то недостаёт, какой-то важной малости, чтобы она почувствовала себя по-настоящему уверенной в себе. Но тогда бы пропала её замечательная вороватая изощрённость, что приходится ей кстати, и ворона бы несомненно утеряла свою притягательность. Ворона словно застряла на перепутье между очень способной птицей и попросту гениальной, ей не хватает сделать только один шаг, и, зная это, она почему-то не желает его совершать. Может быть, она ещё хитрей, чем о ней принято думать, и её всё устраивает в собственной жизни?

Ворона водится по всей нашей необъятной стране, и повсюду она многочисленна и узнаваема. Своеобразие птицы проявляется ещё и в её способности к диалектам: язык ворон бывает разный в зависимости от местности, в которой они проживают. Вероятно, это зависит от климата, а на него влияют высокие горы, дремучие леса и журчащие реки. Работая одно время на Сахалине, я встретил абсолютно чёрную ворону, родственницу нашей уральской кумушки, и она, помимо цвета, отличалась ещё и голосом.

Купаясь в почти никогда не прекращающихся ветровых потоках, задувающих над островом, ворона, благодаря этой постоянной сопротивляемости воздуха, приобрела и своеобразное произношение своего небезызвестного «карр». Знакомое всем звукосочетание вырывалось из горла птицы с французским прононсом, как будто она перекатывала в клюве виноградинку: «Ка-а-рэ-рэ-рэ, ка-а-рэ-рэ-рэ-р». К этому ворону, несомненно, располагало вольное воздушное пространство на краю земли.

Что и говорить, ворона - птица необыкновенная. Нельзя её оставлять без внимания. Будешь бить сороку да ворону, замечали мудрые люди, рано или поздно добьёшься и до белого лебедя. А если какое дело вздумаешь начать, то оно само собой не сдвинется, пока ворона не каркнет. Вот потому её в народе птичьим гением и величают.

Созданная Богом, скорее, во благо человеку, чем во вред, ворона хороша просто уже тем, что она есть. Что бы мы делали без этой забавной птицы, без которой не обходится, кажется, ни одно происшествие! Ворона всюду присутствует, оценивающе наблюдает за происходящим и тотчас высказывает мнение своим неизменным «ка-а-рр!», означающим согласие, недовольство или абсолютное неприятие.

Иной раз ворона так за день накаркается, что, кажется, охрипнуть впору, но поутру вновь оглашает округу своим раскатистым голосом. Вышибить ворону из её жизненного седла очень непросто, и по жизнелюбию она любой восторженной птахе даст сто очков вперед, да ещё прибавит. Вроде бы, творит больше зла, чем радости, вроде бы, больше надоедает, чем помогает, но как без неё было бы пусто! Сколько бы мы все от этого потеряли!

Нет, как ни крути, а ворона - замечательная птица, пусть хоть и жуткая сплетница, и дружбу водит с нечистой силой, и имеет нехороший глаз. Она - душа всех русских сказок, без её привлекательной суетни невозможно вообразить самую заурядную историю. Была бы, как говорится, копна, а ворона сядет!

Работая в огороде, мне, например, всегда приятно ощущать рядом этих носатых «чертей», то и дело разрезающих воздух упругими и ловкими крыльями. Вороны как будто чувствуют свою нужность, и радуются этому. Птицам хорошо жить, когда всё, что им нужно - воздух, незатейливая кормёжка и возможность оставаться свободными, в наличии, и человек не особо преследует их.

День за днём вороны проводят своё время рядом с человеком, ничего путного, кажется, не совершая: ведут самый обыкновенный для птиц образ жизни. Просыпаются ни свет, ни заря и с громким карканьем слетаются со всей округи на какое-нибудь облюбованное дерево или крышу, чтобы затем отправиться на все четыре стороны за пищей. Но, между тем, именно этой своей непритязательностью вороны и служат человеку напоминанием о том, как быстротечна жизнь, и как важно в ней быть внимательным к собственным силам.

Прежде, чем сбиться в дружные стаи для совместного созидательного труда, ему следует научиться самостоятельности в творчестве, оценивая свой труд как наиважнейший, не забывая при этом: где птицы редки, там и воронье карканье по нраву, а на чужой сторонушке рад и своей воронушке!

«Пя-ятъ, пя-ятъ, п-ятъ тетеревей!»

Конец сентября. Еще не рассеялся промозглый утренний туман, а мы с отцом уже идём на охоту. На душе и во всём теле так сонно, что не верится, что когда-нибудь выглянет солнце. Туман поднимается из глубокого оврага, струится над землей леденящим дыханием, и мне кажется, будто там, внизу, живет какой-то могущественный лесной дух, и от него зависят в лесу и ночь, и звери, и птицы, и деревья. Почему-то совсем не страшно ощущать его таинственное присутствие, и я, еле сдерживая в колотящемся сердце сбивчивое восхищение, робко вдыхаю вяжущий аромат опавших листьев и не перестаю думать о рябчиках.

Отец шагает быстро, а я, не желая отставать, всё время спешу и оступаюсь. Тогда отец поворачивается ко мне и, сердито вздёрнув брови, даёт понять, чтобы я шел осторожнее. От его взгляда я чувствую себя неловко,

стараюсь ступать как можно тише, но от этого ещё чаще запинаюсь. Отец впервые взял меня на охоту по рябчику, и мне очень не хочется его расстраивать.

Туман незаметно стелется между шероховатых стволов, холодными струями забирается в вытертые рукава моего пальто и как-то неестественно затаивается. Уже становятся видны маленькие пушистые ёлочки, сырые пни и белые лишайники на них. Ещё не слышно ни одной птицы, и я то и дело вслушиваюсь, не раздастся ли долгожданный рябчиковый свист. Но тихо вокруг, осенний лес пробуждается медленно, с неохотой.

Отец вдруг останавливается и показывает рукой, что нужно замереть. Изо всех сил пытаюсь я быть похожим на него: так же внимательно всматриваюсь в замерший лес, поворачиваю голову то вправо, то влево. Мне никогда ещё не приходилось слышать, как поёт рябчик, но я почему-то уверен: стоит только петушку подать голос, и я его тотчас узнаю.

Рябчиков я видел только дома, когда отец приносил их с охоты, неспешно выкладывая из ягдташа. В основном это были самцы с ярко-красными бровями, черными горлышками и хохолками на головках, аккуратно спрятанных под крыло. Всегда было приятно подержать рябчика в руке, ощущая его тёплую затвердевшую грудку, разглядывать, поглаживая пальцем серенькие перышки, и представлять птицу живой. Какое-нибудь перышко при этом обязательно отрывалось, на мгновение повисало в воздухе, а затем начинало весело кувыркаться. Иногда в оперении птицы застревал осиновый листок, ярко-жёлтый, в коричневую крапинку, и сразу хотелось попасть в осенний лес с его запахами, красками и неведомым рябчиковым свистом.

Отец часто показывал мне, как нужно подзывать рябчика на манок. При этом птица, охваченная страстью, стремглав бросается на зов и усаживается совсем рядом, почти в нескольких шагах от охотника. Подлетев вплотную, петушок обычно произносит трюкающий звук и в возбуждении начинает прохаживаться по ветке. Всё его внимание сосредоточено на воображаемом сопернике, рябчик то и дело замирает, настороженно вытягивает голову и прислушивается. Вероятно, он надеется обрести себе подругу и очень волнуется.

Манок звучит тоненько, словно это какая-то загадочная лесная дудочка, но на самом деле он выточен из кусочка эбонита или, на худой конец, из обыкновенной глухариной косточки. Для того, чтобы рябчик поверил тебе и прилетел, надо иметь достаточно хороший музыкальный слух. Нужно быть своего рода виртуозом, изображая все переливы замысловатой рябчиковой песенки, и не допустить ни малейшей фальши: чуткий рябчик тотчас определит её и замолкнет. Легче подойти к другому петушку, и начать всё сначала, чем пытаться подманить старого.

Песенка рябчика восторженная, чистая и звенит всегда высоко и звонко. Начинаясь с радостной нотки, песенка то падает, то опять весело взметается: под конец она щедро рассыпаясь переливчатым драгоценным бисером. И так много раз, лишь с коротенькой паузой между одинаковыми птичьими

трелями, но ненадоедливо, задорно. Как передать её обыкновенными человеческими словами, я не знал.

Чтобы отец согласился изобразить манком песню рябчика, он должен был находиться в добром настроении после удачной охоты, и ещё нужно было хорошо себя вести. Прежде чем произвести этот редкий свист, отец садился на табуретку, делал глубокий вдох и, осторожно взяв в рот пищик, на полном выдохе пропевал всю коротенькую мелодию, залихватски вибрируя таким чудесным, обворожительным звуком. Получалось нечто вроде изящного призыва, легко повиснувшего под потолком, живого, так что хотелось взвиться вместе с ним и не падать. А на полу, у наших ног, воздушно белели дымчатыми грудками уже недвижимые, замечательные птицы.

Отец счастливо улыбался, глаза его блестели, и он не произносил ни слова. Только зачарованно смотрел перед собой, уносясь, наверное, в мечтах в бесконечные лесные дали, и улыбка долго не сходила с его губ. Ему, конечно, было что вспомнить, а мне не терпелось всё это увидеть.

И вот мы стоим, почти утопая в вязком тумане: он обильно оседает на нашей одежде. Она от этого тяжелеет, становится прохладной, а в нос ударяет резкий запах опавшего листа с корой, так что глаза сильно слезятся. В воздухе как будто что-то копится, быстро нарастает, и всё же ничего не происходит. Отец многозначительно вздёргивает брови, подносит к губам пищик, и лес оглашает пронзительная трель, она не теряется, как в комнате, а медленно проистекает в замершем пространстве, мягко пронизывает его, и всё вокруг постепенно пробуждается.

Сначала за логом послышался восторженный ответ, он будто расколол воздух на звонкие кусочки. Кусочки вздрогнули, покатились во все стороны, и вот уже справа подал голос второй рябчик, через минуту — третий, потом — за спиной, и ещё в самом логу... И лес сразу зазвенел, радостно ожил, в мгновение стряхнув с себя сонную одурь, а рябчики бодро перекликались на все лады, не давая друг другу передохнуть, то и дело перелетали на фоне еловых ветвей вытянутыми пегими силуэтами, и повсюду разносилось их пугающее «пыр-р-р-р, пыр-р-р-р, пыр-р-р-р», так что сердце поначалу замирало и тотчас обрывалось в сладкой истоме.

Один из них уселся прямо напротив нас на голую березовую ветку, пробежал несколько шажков и настороженно наклонил головку, будто удивленно вопрошая: кто же это меня побеспокоил? Вышло это у него так забавно, что я чуть не расхохотался, но отец нахмурил брови, медленно прицелился, и оглушительный грохот расколол ожившую тишину. Рябчик глухо тукнулся в мох, забился, и, когда я к нему подбежал, он уже лежал, безжизненно распластавшись, хвостиком кверху.

— Хочешь попробовать? — спросил отец и протянул мне пищик на верёвочке. Чтобы получилось, как у петушка, нужно сначала пропеть про себя эту мелодию словами: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!», а потом уже попытаться переложить песенку на свист. Давай попробуй. У тебя обязательно получится.

Вот, оказывается, подумал я тогда, те самые слова, и какие простые: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Кто-то ведь их услыхал, подметил! Они именно лесные, по-своему обаятельные, и так удивительно подходят к задорному рябчиковому свисту, к этой незамысловатой музыкальной гамме, что их хочется непрестанно повторять. Если быть внимательным, можно, наверное, разгадать и другие птичьи песни, наполнив их близким человеку смыслом.

Не сразу получилась у меня рябчиковая песенка на костяном отцовском пищике. Долго я не мог добиться той самой мелодичности, что отличает в лесу только рябчика. Поначалу рябчик, вроде бы, охотно откликался на мои настойчивые призывы, и я, помнится, страшно радовался этой достигнутой схожести, но постепенно он переставал подавать голос.

Все мои старания оказывались безуспешны: птицы, видимо, почувствовав какую-то фальшь, очень скоро замолкали, и когда я, потеряв всякое терпение, пытался подойти к ним, они в мгновение с шумом улетали. Чего-то я не учитывал в своих попытках обмануть их, и прошло немало лет, прежде чем я овладел секретом рябчиковой песни.

Зато, уж, когда освоил все премудрости песни рябчика, и даже научился подманивать петушков голосом самочки, то получил истинное наслаждение, однажды осенью наблюдая, как подбирается ко мне охотник, переговариваясь со мной с помощью своего манка и принимая меня за рябчика! Причем, охотник был опытный, деревенский, но и он всё-таки поддался на мою уловку!

Мы посмеялись, разговорились, и оказалось, что этот охотник может точно копировать бормотание тетерева и вскрикиванья зайца весной, утиное кряканье и карканье вороны, глухариное пощелкивание с точением... Вообще, именно в народе издавна и очень умело охарактеризовали голоса и пение самых разнообразных птиц, подмечая, что соловей свищет, жаворонок заливается, чижик чирикает, тетерев бормочет, сорока сокочет, журавль курлыкает, сойка тарантит, выпь кричит, голубь воркует, канарейка поёт, ворона каркает, щегол и ласточка щебечут.

Может быть, только из деревни и пошли все эти удивительные птичьи восклицания: «Как? Как?», «Худо тут, худо тут», «Тпрусь! Тпрусь! Тпрусь!», «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Ка-чу! Ка-чу!», «Витю видел? Витю видел?», «Мечи-мечи в печи калачи!».

В рассказах знатоков леса, особенно среди деревенского люда, часто встречаются попытки изобразить песни наиболее известных и любимых в народе птиц словами. Конечно, эти звукоподражания каждым из птицеведов могут восприниматься по-разному, но у многих пернатых песни и вскрикивания, переложенные на буквы, удивительно совпадают с человеческой речью, волшебным образом преобразуясь в занятные восклицания и даже в целые фразы. Голоса птиц ничего не говорят только людям непосвященным и нелюбознательным. Для любителей же природы они весьма интересны, понятны и полны скрытой поэзии.

Поклонники лесной таинственной жизни легко восстанавливают по птичьим трелям, как музыканты по нотам, человеческие достоинства, слабости

и надежды, забавные черты самих птиц и зверей, отголоски древних поверий и поговорок, дуновения ветра, шорохи трав и листвы. Таким образом, постепенно в народе создаётся словарь птичьего языка на человеческий лад — то, что народ по-своему слышит в пении окружающих его представителей пернатого царства.

Вот туманным декабрьским утром на заснеженной рябине сбились в тесную стайку дружные свиристели, устроились головками по ветру, нахохлились и, под стать еле слышно стелющейся над землей позёмке, так же тихонечко задули в свои тонкие дудочки: «Свири... свири... стель, свири... свири... стель, свири... свири... стель...» Тоненьким голоском провозглашая своё имя, свиристели как будто скромно выпрашивают в эту холодную пору хоть какой-либо уют, и метель заботливо надувает им мягкую снежную постель. Красивые птички оживлённо сыплют мороженой ягодой, смело бросаются за ней в пушистый снег и, отмывая в нём свои нежно-дымчатые грудки, становятся еще красивей.

«Свири-свири, свири-свири, свири-свири»,— разносится повсюду их ненавязчивая песенка, и в душах людей, несмотря на то, что колючая позёмка высвистывает свою неугомонно-надоедливую мелодию, как-то незаметно воцаряются покой и радость. Их принесли на разноцветных крылышках очаровательные хохлатые птички, и своим присутствием им суждено развеять суровую зимнюю печаль.

Когда зима ещё не наступила, а только раздумывает, как бы ей половчее исхитриться и огорошить своим появлением лесных обитателей, старый тетерев-косач, умостившись на вершине одинокой березы, заводит своё недовольное бормотание: «Бу-бу-бу-бу-бу, бу-бу-бу-бу-бу... Куплю шубу, продам балахон! Куплю шубу, продам балахон! Бу-бу-бу-бу-бу-у!» Будто обидевшись на весь белый свет, раздувшись от собственного недовольства и подступающего холода, тетерев выглядит очень забавным, и его совсем не надоедливые жалобы не могут восприниматься без улыбки. Поглядывая на незадачливого косача, так и хочется поскорее не продать, а подарить ему тёплую шубу, чтобы тетереву было не лихо зимовать в суровую пору, и чтобы он не забывал в своих снах желанную весну, когда можно радостно провозгласить на всю округу: «Продам шубу, куплю балахон! Продам шубу, куплю балахон! Продам... Бу-бу-бу-бу-бу-у!».

Шуба эта с самого детства представлялась мне почему-то с бобровым стоячим воротником, плотно приталенная, и косач сидел в ней на дереве, лихо подбоченясь, на яркие же брови удалецки сдвинута меховая ермолка с пером. А вот балахон виделся длиннющим, каким-то неказистым, будто с плеча незатейливого сельского агронома, так что в заднюю прореху сиротливо выглядывали лирообразные косы, да и сам тетерев казался в нём смешным. Но как удивительно подходило ему это недовольное осеннее и восторженное весеннее бубуканье, приписываемое тетереву людьми, когда он становился похож на человека!

Всю осеннюю ночь напролёт из самой глуши таинственного леса чуточку

монотонно, но мило доносится «сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-ю». Это сова-сплюшка пытается всех убедить в том, что она спит, хотя, ни на секунду не смыкает глаз, и только беспрестанно хлопает длинными веками. Сова эта маленькая, неприметная, и кажется странным, что она так невыгодно для себя заявляет о своём существовании.

А может быть, сплюшке обидно её незаметное положение, и она изо всех сил старается напомнить: вот я просто сплю-сплю-сплю, но никто меня не видит, а я стану спать-спать-спать и всем об этом рассказывать, и тогда каждый обо мне знать будет?! «Сплю-сплю-сплю»,— еженощно вещает неугомонная совка, и так к ней, наверное, все звери с птицами и привыкли, что она их своей лесной колыбельной усыпляет, а сама, изрядно намаявшись за ночь, спит днём, пока другие бодрствуют. Сплюшка спит и мечтает, чтобы её не только слышали, но ещё и видели!

Для того чтобы угадать в пении птиц нечто родное и близкое, человеку совсем не обязательно покидать город, непременно обращаясь к лесу, достаточно более пристально присмотреться к тому, что давно его окружает. Прямо под окном, на карнизе, сидит нахохлившийся воробей, и кричит в мороз: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив… Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив!»

Но мы ничего не видим и не слышим, и уж тем более не обращаем внимания на то, какой он неунывающий, храбрый и при этом совершенно обыкновенный. Правда, в оттепель воробей вдруг теряет всякую скромность и, что было сил, чирикает: «Я большой, я большой, я большой», но происходит это от радости, что перетерпел он трескучие морозы, и этой своей радостью неунывающий воробей просто и весело делится со всеми, а вовсе не превозносит себя.

Вообще, воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например ястреб, то, распростерши крылья, он в отчаянии вскрикивает: «Царь, царь, царь!», а спасшись от беды, вновь восторженно провозглашает: «Жив, ещё жив, ещё жив». Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чириканья нам, наверное, было бы удивительно скучно жить.

Ну, а у нашей самой вздорной и вороватой птицы - серой вороны, и возгласы оказываются вздорные. Ворона кричит: «Урода, урода! Капейка, капейка! Украли, украли!» Что за «урода», какая-такая «капейка», и кто её «украл», остаётся непонятным. Но ворона с присущей ей настырной настойчивостью не унимается: «Ур-ро-о-да, ур-ро-о-да, ур-ро-о-да, кар-р-р!»

Так, должно быть, она дразнит свою соплеменницу, сидящую напротив, не замечая при этом своего невзрачного вида, и по вздорности характера никак не в силах угомониться. Всё в ее бесшабашной голове перепутано: наглость с вороватостью, трусость с жадностью, невероятная неугомонность с изворотливостью. Целый день по всей округе без умолку разносится её изрядно наскучившее «гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р!», и вороне эта кутерьма, по-видимому, очень нравится. Она готова, наверное,

охрипнуть или совсем потерять голос, лишь бы только о ней не забывали.

Морозная ли зима на дворе, раздольное ли лето - вороне всё едино. Даже с наступлением ясных мартовских дней, когда солнце припекает особенно жарко и на дорогах показываются кучки ещё не оттаявшего навоза, ворона усаживается на них и жалуется: «Калач, калач! Не Ук-калупишь!»

В любое время года она не оставляет своих скверных привычек: то хорохорится, вечно всем недовольная, то норовит подцепить, что плохо лежит. Загомозится на дереве и во всю свою ненасытную глотку провозглашает: «Капейка, капейка, оггр-ра-а-били! Капейка, капейка, оггр-ра-а-били!» Всякий знает, что она, скорее, сама, кого хочешь, ограбит, но ворона пытается выставить себя в лучшем свете, жалуется во всеуслышание, прибедняется и не вызывает в душе человека ничего, кроме беззлобной усмешки или, на худой конец, крепкого словца.

Что греха таить, без этой неподражаемой птицы было бы скучно, и, несмотря на её жуткий характер, все ворону примечают, что ей, в конце концов, и надобно! «Ук-к-ра-а-ли, ук-к-ра-а-ли», - надсадно продолжает хрипеть серая разбойница, и так себя распаляет, что чуть не сваливается с ветки. И ведь оставишь дела и обратишь-таки на неё внимание, а ворона от того ещё пуще надрывается, но лишь повеет малейшей тревогой, и она тотчас срывается, вскрикивая: «Кар-р-раул, кар-р-р! Кар-р-раул!»

Ещё не миновали жгучие крещенские морозы, далеко до самых суровых афанасьевских, и неизвестно, покажут ли себя сретенские, а неунывающая синица уже запинькала весело под окном, и на душе сразу стало как-то по-весеннему привольно и радостно. Несмотря на суровую пору, синички беспрестанно находятся в движении, залетают в раскрытые форточки между рамами и расклёвывают хранящиеся там продукты. Невероятно сообразительные и шустрые, они могут снимать крышки с молочных бутылок, сделанные из фольги, или же продырявливать их и клевать сливки.

Зима ли на дворе или дело идёт к весне - песня у синицы всегда короткая, множество раз повторяющаяся, но не лишённая приятного своеобразия. Причем, в течение весны синица постоянно меняет голос и песню, будто боясь надоесть. В этих восторженных вскликиваньях маленькая птичка выражает маленькие заботы, радости и, кажется, довольна всем: и первой капелью, и морозными утренниками, и даже нередкой апрельской заметью. Только та угомонится, а синичка опять тут как тут: звонко, будто в несколько хрустальных колокольчиков, ударяет своим тоненьким клювиком и не может нарадоваться!

В начале марта обычно устанавливаются ослепительные синие дни, и синица не устаёт превозносить в песне это высокое синее небо и ясные дали. «Синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь!» - с раннего утра слышится за окном, и от этих радостных птичьих возгласов на сердце становится ещё более приподнято. Синее небо, синий воздух и синие тени от деревьев и домов переливаются в солнечных лучах и манят в беспредельную высь. Там, сиюминутно пронзая бесконечную синеву, копится вместе с солнечным

блеском восторженное синьканье наших крохотных соседей, и почти не верится, что зима вернётся.

В конце марта синица поёт уже иначе, в зависимости от происходящих в природе перемен. Будто торопливые капли, перегоняя друг друга, скатываются с крыши её проникновенные «дзинь, дзинь, дзинь!» Когда побегут ручьи, песня синицы и вовсе изменится, напоминая всем о том, что можно без устали пить чудодейственную весеннюю влагу, сколько бы её ни натекло: «Пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви». Так зачарованно переговариваются между собой прозрачные тонкие льдинки и студёные струйки, щедро играет в небе разбуженное весной яркое солнце.

А вот ближе к маю, когда незаметно минует самое восторженное весеннее время, синица будто успокаивается, переходя на более деловой лад: «Куй, мужик, лемеши; куй, мужик, лемеши... Си-си-ши, си-си-ши, си-си-ши». Земля оттаяла, возрождается под паром, и синица озабоченно советует мужику готовиться к долгожданной пахоте. Ей и самой пора заняться выведением потомства, и она на какое-то время пропадает из поля зрения человека, чтобы вскоре вновь нести ему тихую и ласковую радость.

Всю зиму, бывает, прозимуешь, а так и не встретишь обыкновенную овсянку: птичка эта бывает только там, где просыпан овёс. Держится она у дорог, скотных дворов и зернохранилищ. Да и куда ей больше деваться? Овсянка и сама словно спелым овсом обсыпана: маленькая, кругленькая, на нежно-солнечной грудке тёмно-коричневые мазочки, будто отборные зернышки. Птичка с виду аппетитная, аккуратная, обронённые людьми семена подбирает и тихо поёт свою скромную песенку: «Фись-фись-фись, светись, фись-фись-фись,светись».

По-настоящему овсянка запевает только весной, и всегда её песенка тиха и незаметна. Намаешься в поисках глухариных токов, выберешься на какой-нибудь залитый солнцем сенный зимник, тут тебе и попадётся эта маленькая, обаятельная птичка. Будто и не замечая ничего, перелетает с места на место, собирает зёрнышки, и, кажется, что она никого не боится: покойна и мила, каждому доступна.

Только уже ближе к апрелю, на такой же вот дороге, порядком раскисшей, заприметит она возчика и давай ему вослед насвистывать: «Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з!» При этом совсем не насмехается, а словно ненавязчиво учит. Возчик поначалу ничего понять не может, то и дело оглядывается, кто это его дразнит, но, догадавшись, только в усы себе улыбается да приговаривает: «Сменю, матушка, сменю, касатушка!»

В мае овсянка и вовсе оживляется, становясь ещё более озабоченной. Всё махонькую птичку в эту пору беспокоит, и ничто не минует её самого пристального внимания. Увидит она, что скотник сено коровам несет, и поёт: «Неси, неси, неси, не тру-си-и! Неси, неси, неси, не тру-си-и!» Скотник только диву даётся: как это она узнала, что сено последнее?! А сердобольная и милая

овсяночка уже к мужикам обращается: «Мужики, мужики, точите сошники, пахать пора!» И тут же: «Старые старушечки, чистите черепушечки!» Никому не даёт покоя вездесущая птичка в эту весёлую пору, и в народе её за это всегда примечают и любят.

Довольно рано, когда повсюду ещё лежит снег, прилетают к нам с юга удивительно красивые кулички – чибисы, и сразу располагаются на мокрых, вспаханных с осени полях. Чаще всего чибисы начинают гнездиться именно на них, и поскольку в лесу в эту пору появляются только зяблики, всегда обратишь внимание на резкие, даже, можно сказать, взвизгивающие вскрикивания чибисов.

Чибисы, вообще, очень живые птицы с довольно неуравновешенным характером, и когда ты бредёшь ясным мартовским полднем мимо них с лыжами через плечо, они обязательно привяжутся, и будут сопровождать долгое время.

Если хорошенько прислушаться, то иногда можно разобрать в этом плачущем, о чем-то вопрошающем крике имя беспокойной птицы. «Чи-бис, чи-бис, чи-бис!» - проникновенно распевает кулик своё имя, и то устремляется кругами вверх, то вихляет в стороны, а то камнем падает вниз, чуть не до самой земли. Добрался, наконец-то, чибис до своего родного края, и нет предела его восторгу!

Вскоре после прилёта у птиц начинаются брачные игры, и они тоже сопровождаются радостными возгласами. Чибисы разбиваются на пары, принимаются выводить птенцов и становятся ещё более осмотрительными, с любопытством облетая всякого, кто забрёл в их владения. «Чьи вы, чьи вы, чьи вы?» - как будто спрашивают у кого-то не на шутку растревоженные птицы, переживая за своё молодое потомство и с тревогой наворачивая в небе бесконечные круги… Так ведут себя в основном обеспокоенные самцы, самки же бегают по земле, уводя нарушителя их спокойствия подальше от гнезда. Вовсе раздосадованный кулик иногда может даже презрительно и насмешливо браниться: «Вшивик, вшивик, чьив-чи-вык, чьив-чи-вык... Вшивик, вшивик, чьив-чи-вык». Чего только не услышишь в этом удивительном мире природы!

Глубокой мартовской ночью возвращаются с далёких зимовок самцы певчих дроздов, и тотчас заявляют о своём праве на избранный гнездовой участок далеко разносящимися голосами. Когда заслышишь морозным утренником их звонкую песню, всегда становится радостно от ощущения близости весны. Поют дрозды, сидя на высоких ветвях ещё голых деревьев, и потому видны отовсюду.

В народе примечали: если дрозды поют на верхушках деревьев, значит, весна на пороге, а когда между ветвями, то наступит она не скоро. Ещё, глядя по тому, как дрозд располагается на деревьях, судят о том, каков будет год. Если дрозд сидит на самых нижних сучках ёлки — год хороший, на середине дерева — цены на хлеб будут средние, на макушке — высокие, и сам мужик от того запоёт, заскуляет, как тот дрозд.

Поют дрозды почти всё светлое время дня, но особенно энергично — на

утренних и вечерних зорях. Песня у них звонкая, громкая и довольно продолжительная, состоящая из разнообразных свистовых слогов. В хоре поющих в апрельском лесу птиц она, пожалуй, самая долгая и замысловатая. По продолжительности и сложности песня дрозда уступит, может быть, только песне соловья, недаром певчего дрозда в народе иной раз называют соловьём леса.

Весенняя песня дрозда никогда не прекращается: если один замолкает, тотчас подхватывает пение другой, и так до бесконечности. Именно песня дрозда создаёт в весеннем лесу тот общий музыкальный фон, на котором и разворачивается бесподобный по звучанию спектакль. Разноголосый птичий хор, главные дирижёры в котором дрозды, не умолкает до полуночи, и только когда потухает на западе розовый закат, все краски леса стираются, а на небе зажигаются зелёные звёзды, хор незаметно утихает, и всё живое погружается в непродолжительный, тревожный сон.

Иногда в чистый апрельский дождь дрозды не смолкают даже ночью, и в преддверии скорого глухариного тока, стоя без движения в промозглом сыром лесу, всегда с интересом прислушиваешься, какие звуки они издают. В особо холодные утра дрозд, с не присущим для себя хрипом, вдруг выдаст: «Свинина, псина, ужасть холодина... Досыть бы солонина... Свинина, псина, холодина, тек-тек-тек, витью-витью-витью, циин-н...» Поражённый, ещё более пристально вслушиваешься в пробуждающуюся темноту и с нетерпением ждёшь рассвета, а когда туман рассеется, и на коричневых веточках заблестят капли, над лесом, наконец-то, радостно разнесётся: «Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром, с сахаром!» И ещё: «Приди, кум! Приди, кум! Выпьем, выпьем, выпьем!» Всё бы, кажется, бросил и пошёл с неведомым кумом Филиппом в гости к дроздам утро весны встречать!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с березового листа, и сразу, по прилёте, занимает густые поросли по опушкам и берегам рек, потому как петь начинает лишь тогда, когда покроются листвой деревья и кустарники. Это - буровато-серая, маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, только спинка у неё слегка оливково-бурая, да чуть рыжеватый хвостик. Поёт соловей всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения - и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Пение его очень богато пересвистами и пощёлкиваниями, в них с удивительной прелестью нежные звуки сменяют громкие, а восторженные – печальные. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует ещё более очаровывающая. Причём, всё торжество издаваемых звуков льётся неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом - неповторимость соловьиной песни, она всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой. Соловьиная песня — маленькое чудо в удивительном празднике весны.

Соловей поёт, сидя на какой-нибудь ветке невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности

и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне до нескольких десятков колен, и как тут не забыться, почти весь день провозглашая весну! Бывает, соловьи не прекращают свои песни до середины июня, когда все другие птицы уже давно успокоились.

Хороший соловей поёт всегда с толком: после сильного, страстного колена выставит вдруг легкое, нежное, затем пустит переливчатое и вновь его повысит. Получается нечто чарующее, и среди знатоков соловьиной песни определенные колена даже получили свои названия: «пленьканье», «почин», «лешева дудка», «кукушкин перелёт», «водопойная россыпь». Но как бы ни была неповторима соловьиная мелодия, человек подметил в ней ещё и близкие своей речи созвучия. Ввиду сложности соловьиных трелей воспроизвести их словами довольно трудно, и пение соловья выглядит примерно так: «Мужик, мужик, мужик, сало пёк, пёк, пёк, пёк, пёк, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течёт, течёт, ешь, ешь, горячо, горячо-о!» И опять: «Мужик, мужик, мужик, сало пёк, пёк, пёк, пёк, пёк, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течёт, течёт, ешь, ешь, горячо, горячо, горячо-о!»

Песня соловья, в отличие от всех наших лучших пернатых певцов, хороша ещё тем, что в ней нет ничего заимствованного, а только своё неподражаемое и вдохновенное творчество.

Радостно всё, что появляется в природе с приходом весны, и особенно восторженные журавлиные вскликивания, что так торжественно разносятся в высоком апрельском небе... Люди задирают головы и в восхищенном молчании провожают птиц взглядом, а журавли поют свою красивую трубную песню, и в душе каждого человека просыпается что-то новое. Весной журавлиный клин приносит с собой чувство радости и обновления, осенью — грусти и печали о чём-то добром и сказочном, что птицы уносят на своих крыльях в дальние края, а возвращают только в следующем году, когда это добро становится более желанным.

Вернувшись с юга, домой, журавли всегда устраивают незабываемые танцы. Прежде, чем начать танцевать, птицы издают протяжные и приятные звуки, затем кланяются друг другу, хлопают крыльями и важно прохаживаются, с каждой минутой убыстряя темп. Время от времени они неожиданно замирают с приподнятой ногой, как будто к чему-то прислушиваются, и, высоко вытянув голову, принимаются бить поклоны, кружась на месте. Иногда журавли замирают один против другого, а затем вновь пускаются в свой неподражаемый танец.

Ещё часто можно наблюдать, как журавли подскакивают, и порой очень высоко. В этом коротком парении они почти прижимаются друг к другу и, медленно планируя, опускаются на землю. Повторившись несколько раз, таким образом, танец прекращается, но может возобновиться снова, и партнёры опять кружат, подскакивают, неожиданно замирают, устремив клювы вверх. При этом все движения птиц исполнены изящества и грации, они напоминают ритуальные древние таинства, присущие всему живому.

Крик журавлей в весеннем небе - это, наверное, олицетворение бескрайности наших российских просторов, их красота и лёгкая печаль от неизъяснимой любви к родному краю. В особенности, когда ты надолго его покидаешь, а затем вновь возвращаешься. Но вот осенью красивые, немного грустные голоса птиц не похожи на те, какими они переговаривались в весеннее время.

Журавли - птицы разговорчивые, и криками часто выдают своё настроение. По осени их трубные голоса напоминают всем о том, как удивительно прожили они рядом с людьми весну и лето, просят их не забывать о чем-то дорогом и сокровенном, даже ненавязчиво советуют.

Перед самым отлётом птицы обычно отправляются на поиски полей, где скосили овёс и можно найти просыпанное зерно, чтобы набраться сил на дальнюю дорогу. Пролетая над пахарем, обрабатывающим землю под озимые, журавли «критикуют» своим курлыканьем его работу: «Мужик скривил, мужик скривил, курлы-курла, курла-курлы... Мужик, спрями, мужик, спрями, курлы-курла, курлы-курлы». И люди опять, как и весной, с улыбкой обращают к ним свои взоры и желают доброго пути, а птицы машут им на прощание крыльями и забирают с собой все печали, оставляя только неугасающую надежду.

Одной из самых последних, когда весна уже полностью вступила в свои права и деревья покрылись листвой, прилетает к нам иволга, золотисто-жёлтая птица величиной с горлинку. Для гнезда она устраивает уютный гамачок, и он висит, чуть покачиваясь на ветру, будто в такт её песне. Песня у иволги довольно длинная и состоит из набора тихих, скрипучих и щебечущих звуков, а заканчивается неожиданно мелодичным свистом.

Иволга - очень скрытная и непоседливая птица. При виде человека она сразу настораживается и предупреждающе громко и неприятно кричит. Если же опасность угрожает ей непосредственно, она смело налетает на врага, издавая что-то наподобие боевого клича, и, тем самым, открывает себя, поражая яркостью своей окраски.

С первых чисел мая из густой кроны деревьев разносится её красивая песня, и чудится, будто кто-то играет на флейте. И тут же - раздражённый кошачий крик: можно подумать, что кошка забралась за кем-то на дерево и никак не может достать или ей просто прищемили хвост. Оказывается, когда звучит «флейта» - птица в хорошем настроении, а если кричит «кошкой» - значит, она испугана или рассержена.

Иволга обычно поёт всё лето, когда многие птицы уже замолкают, и, заслышав солнечным июльским утром её сочный переливчатый свист, сразу выделишь его среди окружающих звуков и остановишься, заслушавшись. Прохладная тень, затаившаяся внизу высоких сосен, добавляет таинственного изящества звукам её песни, она очаровывает и незаметно усыпляет. Хочется лечь где-нибудь на тенистой полянке, закрыть глаза и с наслаждением от всего отрешиться. Или представить себя этой красивой птицей, что так загадочно хороша!

Не каждую весну удаётся посмотреть на удивительную птицу, и её чистый флейтовый свист что-то переворачивает в душе. Душа начинает думать и чувствовать по-летнему, с присущей этой поре роскошью красок, где золотисто-жёлтая птица - её чудесное дополнение. В крике иволги уже не услышишь резкого «вж-ж-жела, кш-ш-ш!», а только нежное «фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу», что напоминает, вроде бы, не подходящие ей слова: «Удил, да вынул, удил, да вынул, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу». И дальше, словно кого-то допрашивая: «Ты видел, видел, видел, фью-тиу-лиу?» При этом всегда непроизвольно оглянешься, но, никого не приметив, улыбнёшься и радостно прокричишь птице в ответ: «Видел, видел, видел!»

Нередко, уже со второй половины марта, в лесу раздаётся, вроде бы, монотонная, состоящая сплошь из повторов песня пеночки-теньковки. С ней можно встретиться повсюду, если быть внимательным: пеночка - это маленький лесной невидимка. То она легко перелетает рядом, ненавязчиво напоминая о себе тонким попискиваньем, то надолго теряется, и пройдёт немало времени, прежде чем птичка вновь появится в кронах деревьев. Легче услышать её, чем увидеть! Только после того, как остановишься и внимательно всмотришься, заметишь, наконец, нечто трогательное и нежное оливко-дымчатого цвета, еле приметный пегонький росчерк в ветвях, и на душе сразу станет радостно.

Пеночка-теньковка - незаметная радость леса, и она всегда с нами. С нами её неуловимая нежность, изящество и сила. Эта небольшая, скромно окрашенная птичка, размером меньше воробья, несмотря ни на что живёт и никуда не исчезает, перелетает в ветвях, тихо тенькает и будто ничего не ждёт от жизни. Ей просто и хорошо в этой своей лесной незаметности, и она радует всех таким неприхотливым и скромным присутствием.

Песня её будто звон капель воды, падающих с высоты. Начало песни сухое, потрескивающее «тр-трр, тр-трр, тр-трр», и слышно оно только вблизи. Но затем, в том же ритме, птица исполняет своё «тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь», меняя тональность почти на каждом слоге, и именно из-за этого она и получила, наверное, своё имя.

Теньковка — один из самых неутомимых певцов: она поёт и рано утром, и днём, и вечером. Усевшись на верхней еловой ветке, птичка будто тянется головкой к солнышку, и с клювика её срываются восторженные звуки: «Тень-тинь-тень, тень-тинь-тень, тё-тень, тё-тень, тё-тень». Прислушавшись хорошенько, вдруг различаешь, что она не только радуется ясному дню, но и зовет какую-то «тётеньку», а та никак не откликается, и пеночка вновь принимается настойчиво повторять: «Тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь, тё-тень, тё-тень, тё-тень, кап-п, кап-п, кап-п... Тётенька, тётенька, тётенька!» Ничто так в весеннем лесу не отогревает сердце после долгой зимы, как тоненький голосок этой маленькой и неутомимой птички!

С приходом лета разнообразных птичьих голосов в лесу нисколько не убавляется. На берегах рек и озер, что совсем недавно покрылись растительностью, часто можно встретить неброского цвета юркую птичку -

болотную камышовку. Но красивой ей быть и ни к чему, поскольку большей частью она держится в самой гуще прибрежных кустарников и тростников. Камышовка мало видна, почти незаметна, но очень подвижна и, наверное, не желает ничего иного, кроме как жить в густых камышах, не чувствуя себя потерянной.

Песня камышовки покойна и необыкновенно мелодична, она состоит из смешения многих чужих и собственных звуков, быстро сменяющих друг друга высоких посвистов, трескучих и визгливых выкриков. Постоянно повторяющаяся мелодия «чип-чип, чек-чек, чип-чип, чек-чек», по мере спада нотки озабоченности птички, незаметно преобразуется: «Цири-цири, тере-тере, чип-чип, чек- чек, тр-тр-тр-р... Крак-крак, кли-лилили, кли-лилили... чи... чи... тере!» Обычно камышовка держится скрытно, но во время пения взбирается на верхние ветки куста, как будто стремясь показать себя. Иногда камышовка даже взлетает кверху, но песня её при этом не прекращается.

Чаще она сидит на тростнике, залитом водой, и от этой близости водной поверхности, полной загадок и жизни, песня её убыстряется, звуки становятся крякающими и постепенно повышаются: «Кэре-каре, кэре-каре, кру-кру-кирикири-кики... Крак-крак-крак, клин-клин-клин, чек!». Наблюдая из прибрежных кустов за птичкой и видя, как она то и дело склоняет голову набок и заглядывает в воду, будто высматривая там кого-то, чудится, что камышовка быстро произносит: «Карась, карась, рак, рак, линь, линь! Карась, карась, рак, рак, линь, линь!», и ты невольно начинаешь верить, что птица видит этих рыб и, не в силах сдержать себя, сообщает всем об этом!

И вот становится совсем тепло, воздух наполняется насекомыми, и однажды утром под мостом появляются очень изящные и юркие птички. Блестяще-черное оперение спинки, бело-охристое брюшко и длинный вилообразный хвост позволяют безошибочно различить в них долгожданных ласточек. Их элегантное одеяние в сочетании с вытянутой, лёгкой фигуркой создаёт ощущение, будто все птички зачем-то переоделись во фраки, а их длинные хвостовые косички напоминают свободно ниспадающие фалды. Переполненные восторгом возвращения в родные края, но еле сдерживаемые своим «аристократическим» одеянием, ласточки схожи с волнующимися оркестрантами, преисполненными важностью предстоящего: ведь им надлежит за короткий срок исполнить так много!

Ласточки любимы в народе, и всегда было принято думать, что они приносят счастье. Их оберегали, старались не обижать и помнили: ласточка — святая птица, к ней был неравнодушен сам Всевышний, и оттого, наверное, ласточки под Троицын день поют высоко в воздухе еле улавливаемую молитву: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас». Может быть, конечно, это и не ласточки поют, но кроме них в небе никого нет, и люди всегда думают о святости близких их сердцу касаточек.

Ласточки, видимо, чувствуя к себе такое отношение человека, всегда держатся к нему поближе. Однажды они даже сменили места своего постоянного обитания — скалистые берега речных долин и пещеры, и стали

вить гнёзда на стенах жилых домов и сараев, под балконами, карнизами и в конюшнях, образуя целые колонии. И повсюду слышится их радостное щебетание: «тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч!».

Но вот иногда у ласточки пробивается и настоящая песня, особенно заметная в пору прилёта, когда первые стайки этих птичек появляются над полями и деревнями, или сидят на крышах и телеграфных проводах. Песня эта — торопливое щебетанье скороговоркой, с отдельными, более звучными выкриками и с тихой трелькой, большей частью перед самым концом. Призывный крик звучит как «твид-твид» и «тлюи-тлюи», потом вдруг, завидя выехавших в поле на работу мужиков, ласточки сочувственно им напевают: «Мужики у поля, мужики у поля, а бабы за яишню».

Вот уж что действительно подходит к ласточкам, так эта самая яишня, и невозможно объяснить, почему. Только крутится всё время на языке это простое деревенское лакомство, как и ласточка, что неотступно кружится над людьми и всё за ними подмечает. Задрав голову, следишь отрешённо за её стремительным полётом и не помышляешь ни о чём, кроме лета.

Когда трава поднимается достаточно высоко, наконец-то, прилетает с юга и перепел. Увидеть перепела, когда он бегает по земле, нелегко: окраска хорошо маскирует птицу. При этом перепел бежит так быстро, что его даже трудно разглядеть.

Птицы эти любят открытые пространства, в особенности заливные луга с посевами, а если селятся в самом лесу, то на широких полянах. Часто они держатся на хлебных полях, и их много гибнет во время косьбы. Взлетают перепела в крайнем случае, но, вспугнутые, летят недолго, как правило, низко над землёй, и быстро присаживаются, всегда готовые надёжно укрыться в бескрайних просторах золотых колосьев.

Спустя несколько дней после прилёта, сначала только на утренних и вечерних зорях, а затем и круглые сутки можно слышать «бой» самцов. В народе ещё говорят, что перепел не поёт, а вавакает и уже потом кричит: всё это и называют «боем». Бегая по траве, самцы перепела «бьют» и разыскивают, таким образом, перепёлок, издающих в ответ хрипловатый свист.

Но не все перепела поют одинаково. У огромного большинства птиц все колена «боя» обычно сливаются в один поспешный, несколько свистящий удар, его можно передать звуками вроде «фвать-вальват, ва-ва-ва, фвать» или «фвить-фвить-фвить!» Такие перепела называются чистохватами, и только у редкого перепела песня состоит из трех особых колен — подъёма, проволочки и отлива, благодаря которым и слышится нам, будто птица … разговаривает.

Вот повёл пастух коров на пастбище, а перепел уже тут как тут, и из травы у дороги доносится: «Вот ведёт, вот ведёт, вот ведёт!» Или ещё какой-нибудь самец, оказавшись поутру у самой околицы, зарядит до того настойчиво и бесперебойно, что отчетливо слышится: «Полно спать, полно спать, полно спать!» Когда же бабы забудутся за домашней работой, перепел так даёт о себе знать: «Досыть, бабы, шить, надо полоть: под полоть, под

полоть, шить, полоть, шить, полоть». Ну, а уж если засидятся бабы заполночь, перепел им заботливо напоминает: «Спать пора, спать пора, спать пора!» Попробуй тут не послушать такую серьезную птицу, которая с вкрадчивого «разговора» возьмёт, да перейдёт на однообразное вава-канье, и тогда, по народным приметам, горе бабам — лён будет плохой!

В поле перепел кричит, а над болотом кулик заунывную песню заводит: всякий кулик, говорят, своё болото хвалит. Пришло и его время родину посетить, поэтому, когда спрашивают его: «Где живешь, кулик?», он отвечает: «На болоте!» К нему опять: «Кулик, иди к нам в поле! Здесь сухо», а кулик в болоте плачет, но из болота нейдёт. Всяк кулик - на своей кочке велик!

Но на самом деле кулик в болото, наверное, не по своей воле бежит, а затем, что голову там бережёт. Ему в болоте спокойнее и радостнее, чем в открытом поле.

Весной к нам прибывает множество разных куликов, но большинство из них долгоносы, имеют длинные ноги и оттого любят бродить по мелкой воде у берегов рек, ручьев и топких болот, выискивая для себя лакомый корм. Они часто летают над водой, привлекая внимание своими воздушными играми и громким токовым криком, состоящим из растянутых, как бы с ударением повторяемых «стонущих» звуков - «кююйи... куулик... куулик, кююйи... куулик». Когда же зацветает гречка и поле за болотом покрывается белым ковром, кулик принимается носиться над ним и в отчаянии кричит: «По-о-о-гиб, по-о-о-гиб, по-о-о-гиб», думая, что пришла зима и выпал снег. Но вокруг лето, и кулик скоро в этом убеждается. И вновь разносится над болотом его жизнеутверждающее: «Кююйи... куулик, кююйи... куулик, кююйи... куулик-к!»

Бывает, сенокос уже в разгаре, копны растут как грибы, но вдруг ни с того ни с сего возьмут и зарядят обложные дожди, так что мокрое сено начинает гнить… Зато быстро подрастают новые травы, свежие и сочные, и тогда озабоченный кулик мечется в воздухе и без устали то и дело кого-то призывает:«Жгите сено! Жгите сено! Новое поспело!»

А лето в самом расцвете, и только и слышится отовсюду: «Как? Как?», «Тпрусь, тпрусь!», «Ка-чу! Ка-чу!», «Мечи-мечи в печи калачи!» И опять: «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Худо тут, худо тут, худо тут!», «Под полоть, под полоть, под полоть!». Этому птичьему многоголосью вторит хорошенькая горихвостка, только что выведшая на свет птенцов: «Я у Питере была, Питер видела... Я у Питере была, Питер видела». Ей не уступает красавец щегол, что старательно, не обращая ни на кого внимания, щеголевато выговаривает: «Пили кофе, пили чаааай... Пили кофе, пили чаааай... Пили-пили, пили-пили, пили- пили».

Ширится многоликое лето, набирается сил и красок, и вместе с ним наполняется жаждой жизни разбуженное весной сердце, что, как и птицы, поёт на разные голоса, переживая ко всему любовь, и с неизъяснимой радостью взмывает в бескрайнее небо!

Уже много лет хожу я по лесу и разгадал немало птичьих песен, но до сих пор не могу забыть первую: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Вспоминаю её, а из далекого детства всплывает в памяти то туманное сентябрьское утро, когда лес впервые дохнул на меня своей тайной, но не напугал, а лишь предстал во всей своей силе. Огромные ели за логом, утопая по грудь в тумане, глядели серьезно и внимательно, как будто оценивая, чего ждать от этого маленького человека. Несмотря на их возраст и видимую неприступность, они ни казались зловещими, а лишь молчаливо наставляли на что-то очень значительное, что недопустимо было пропустить мимо своего внимания.

Вспоминаются и замершая осенняя тишина, наполненная последними отзвуками уходящей поры, и вскрикивания птиц, собирающихся в беспокойные стаи, и доводящий до слез запах прелого листа вперемешку с сырой корой, и, конечно, тот самый отцовский пищик, что я берегу до сих пор, и нет-нет, да достану, чтобы насладиться знакомой мелодией… И тогда как будто оживает окружающий воздух, до того пронзительно разносится в нём рябчиковое пение, и хочется вновь отправиться в осенний лес, чтобы, остановившись у опушки, услышать восторженно-приподнятое признание птицы в любви к замечательному туманному утру и возможности просто жить и петь: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

Темная звериная душа

Думая об отражающейся в глазах душе, я часто вспоминаю животных…

У медведя, судя по взгляду, душа глубоко скрытая, может быть, непонятная ему самому. Он тихо изливает её сквозь глаза-щелочки, и такой же не понятый никем бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, и он в них с головой погружается долгою зимою.

Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотёпы – неуклюжего и неловкого во всём зверя, он может через мгновение превратиться в разъяренного хищника.

У волка тело как будто создано для бездушья, но и в нём душа теплится и не даёт ему покоя. Гонимый неизведанным, заключённым в нём природой смыслом, волк неутомимо преодолевает бескрайние снега, и вновь, безропотно, зарывается в них. Ему, конечно, не до размышлений о своей волчьей сути, и он с холодной мудростью принимает только необходимость обыденной скитальческой жизни.

Независимо от оболочки, душа его, должно быть, существует по своим законам. У человека более, чем у животного, она тянется к свету. Перебрав же многих зверей, понимаешь, что светлых глаз ни у одного из них не отыскать.

Только что-то глубоко забитое и невыразимое, скорее неприступное в своём понимании, чем страшное. Словно и жива душа, но удручена чем-то очень строгим, чего ей никогда не преодолеть.

И всё же, темнота зверя притягивает своей неисчерпаемостью, и начинает незаметно казаться, что именно из неё однажды родилось начало всего. И тогда светла становится звериная неприкаянность, что звери, ничего о ней не ведая, несут в себе всю жизнь.

Животные чуют тонкости природного мира, но не осознают их. Люди могут и должны осознать связь с ним, но не замечают своего реального могущества. Чутьё зверей чаще оказывается вернее безволия человека и его жалких устремлений, когда он и не предполагает о заложенных в себе возможностях.

Не зря в давние времена было принято при дворе правителя показывать гостям диких зверей, коней и собак. При этом замечали отношение к ним животных. Многие послы прошли через такое испытание, не добившись для своих государств ожидаемых преимуществ.

А многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства. Вернее, не желая преодолевать свою неосознанность.

Тёмная же звериная душа светла отсутствием какого-либо невежества, подлости и чванства. Она светла своими бесстрашными устремлениями к свободе, что даровал ей Господь. Душа зверей жива!

Милые лоси

Из всех крупных зверей лось наиболее часто встречается людям в лесу. А ведь, казалось бы, он должен быть осторожен ничуть не менее кабана, медведя или волка. Не повинна ли в этом медлительность, отчасти даже леность, в которой нередко обвиняют это животное, так как поспешает лось действительно медленно, в основном шагом?

С одной стороны, упрекнуть лося в таком «грехе» легко, мы знаем зверей и большего веса, что передвигаются очень быстро. Но, с другой стороны, зачем лосю, при достаточно значительном весе, быть подвижным, пусть даже кто-то из крупных зверей ведёт себя более активно?

Случается, что за сутки сохатый не проходит и километра, и выглядит каким-то неповоротливым, даже понурым, но стоит только показаться ему на глаза, как лось в момент утратит эту милую растерянность, обретя устремлённость, дремавшую в нём внутреннюю силу. Лосю, видимо, незачем её лишний раз демонстрировать, и он чаще всего воспринимается спокойным и совершенно невозмутимым. Может быть, из-за этого ему и приписывают не присущую на самом деле наклонность к какому-то отрешённому покою.

Увидеть лося как зверя, далёкого от неприкаянной праздности, будет несложно, если представить у себя на голове огромные разветвлённые рога: с ними зверю необходимо передвигаться между часто растущими деревьями,

либо преодолевать, при общей массе тела в две сотни килограммов, беспредельные заснеженные поля, что ближе к весне покрываются острым, изрезающим ноги настом. В мороз лосю также лихо: если тело его остынет, то, чтобы отогреться, он ложится в снег. В летнюю пору из-за плохо испаряющегося густого жиропота, благодаря ему животное и спасается от комаров и слепней, лось плохо отдаёт тепло, что грозит неминуемым тепловым ударом, и, естественно, в знойный день его не увидишь скачущим по лесу галопом. А если ещё к тому же учесть, что держится лось ближе к вырубкам, где в обилии растёт его излюбленная пища - молодая лиственная поросль, то станет вполне очевидным: много передвигаться сохатому вовсе не обязательно.

Однако корой лоси могут питаться только до наступления сильных морозов, так как, примёрзнув, она плохо отделяется от ствола. Для того чтобы утолить голод, огромному лосю приходится съедать чуть ли не до пуда этого грубого корма, а в сильные морозы и того больше. При скудном питании, да ещё в холод, лоси вынуждены экономить энергию, и вот поэтому они стараются двигаться как можно меньше. Имея от природы большую силу, что зимой почти невостребована, животные, тем не менее, держат себя всегда с достоинством, и получается это у них довольно мило.

По следам мне не раз приходилось видеть, что могучий лесной великан, забредя в заросли кустарника, на вырубку, подолгу стоит на одном месте, стараясь дотянуться до побегов, и только когда все побеги окажутся объеденными, он делает один шаг, чтобы снова, не двигаясь дальше, объедать новое дерево или куст. В молодых сосняках, где звери могут стоять всю зиму, они начисто обгладывают верхушки сосновых посадок, их концевые побеги, и каким-то невероятным чутьём угадывают в лесу поваленные осины, обьедая их мощные стволы до сахарной белизны, как зайцы.

Там, где лось кормится, он обычно и ночует. Бурая толстая шкура, хотя и не пушистая, надёжно защищает сохатого от мороза. К тому же, лоси прекрасно научились пользоваться для защиты от холода снегом, устраивая в нём свои удобные лёжки. Лёжка лося - это продолговатая яма в снегу, с заледеневшими стенками, подтаявшими от тепла его большого тела, и по форме напоминает обыкновенное большое корыто. По бокам лёжка окружена снегом так, что наружу выглядывает только спина, покрытая длинным жестким волосом, и даже если ты стоишь неподалеку, то можешь не разглядеть зверя. Позёмка быстро накручивает вокруг него снежные заструги, что надёжно укрывают лося от пронизывающего ветра.

Но всё это хорошо только до тех пор, пока в лесу не выпадает глубокий снег. Вот тогда-то для сохатых начинаются трудные дни, поскольку они уже не в силах легко передвигаться и бродить всюду, где им вздумается. Лоси ходят только гуськом, след в след, и тропы их с каждым днём становятся всё короче и короче. Наконец, они прекращают всякое передвижение и выбирают подходящее место для стойбища.

Такое укромное место в лесу, где лоси обычно держатся всю зиму,

называется «двором» или «лосиным островом». Там всегда покой и сплошное благолепие для ограниченных в движении зверей. Лоси выбирают его, конечно, неслучайно.

Никто лучше их не найдёт этот остров в глубоком логу, с уютным сумраком потаённых густых ельников, покрывающих его склоны. В нём бывает меньше снега, что оседает на густых еловых лапах, и не дуют сильные ветры. Наст не режет зверям ноги, когда им приходится идти на водопой, на дне лога неизменно струится ручей, а по его бережкам полно молодого черемушника, ольхи и рябины, вполне пригодного для корма. К тому же, лоси здесь могут надежно укрыться от одолевающих всю зиму серых хищников, если будут держаться вместе и не оставят за собой длинного следа.

Мне посчастливилось найти лосиный остров лишь однажды, в начале апреля, и когда мы с приятелем обнаружили его, то были сильно удивлены. В небольшом ложке, представляющем из себя своеобразную чашу, зимовало, похоже, стадо лосей, а лёжек мы насчитали более сотни. Невозможно было не ступить в бесчисленные горки помета, шоколадными шариками громоздившиеся повсюду: продолговатые, чуть разбросанные - принадлежали самцам, более округлые, в кучке - лосихам. В таком лесном лосином дому чувствовался вольный дух зверей, их постоянное присутствие, и вот переживать именно это было радостнее всего.

Ни с кем из крупных зверей не находился я так часто в непосредственной близости, как с лосями. Объясняется подобное поведение животных, наверное, какой-то таинственной задумчивостью, в какой они оказываются временами по непостижимой для человека причине. Лоси или подпускают тебя к себе, или проходят мимо, порой на расстоянии вытянутой руки, а ты замираешь и с восхищением разглядываешь их. Простота восприятия жизни зверьми, их необъяснимая незащищённость в какие-то отдельные моменты - поражают.

Обычно зверь стоит на вырубке, среди розовых султанов кипрея, время от времени вытягивая задние ноги и величественно поводя огромной головой, либо бредёт в шумящем листвой лесу, по самой опушке, и как будто вслушивается в окружающую его жизнь, а человека не замечает. Голова его опущена, во всем облике только безрадостная принужденность двигаться в поисках корма. Не потерпел ли он поражение в борьбе за тёлку с каким-нибудь более могучим самцом?

Если не бояться и замереть, когда лось проходит рядом, то можно, иной раз, разглядеть его глаза - отрешённые и таинственные. В них тоже проглядывает какая-то зачарованность и тайна, что лоси и сами, похоже, не в силах разгадать. Не разъединённые с лесом, они - его дети, что впитывают вкусы, запахи и звуки, не очень-то заботясь о будущем. Будущее для них представляется неизменным и нескончаемым настоящим, в нём они, из поколения в поколение, покойно живут и никому не причиняют вреда.

Чаще всего лось попадался мне поздней осенью, в ноябре, неторопливо переходя просеку или замерев на каком-либо заснеженном взгорке. В эту пору он был наиболее заметен, и появлялся всегда неожиданно и бесшумно. Что-

нибудь понятное только ему привлекало его на открытой просеке или склоне лога, и зверь как будто на время забывался, отрешенно вглядываясь в необъятные лесные пространства.

Иногда лось настороженно поворачивал морду в мою сторону, но проходили томительные мгновения, и зверь переносил свой интерес на что-либо другое. Потом он отчего-то напряженно вздрагивал и, неловко мотнув мощно вылепленной головой, так же неслышно исчезал в чёрном лесу, как и появился. Какое-то время я ещё представлял его себе на ослепительно белом фоне, и лес от этого всегда оживал, будто являясь продолжением лося.

Оживляли его и глубокие оконца лосиных следов, заманчиво голубеющие в подмороженном с утра снегу. Их близость, совсем не кажущаяся доступность - были очень приятны. Хотелось брести по ним вглубь леса, всматриваться в чащу и утопать в ней. Следы неосознанно влекли к какой-то другой, неведомой и совершенно недоступной для тебя жизни.

Ещё в лосиных следах виделось неторопливое понимание лосями того, что происходит с ними в лесу, их какой-то неловкий интерес к своим нехитрым заботам, когда они никогда и никому ничего не передоверяют, несмотря на природную доверчивость. Длинные, как палки, сухие ноги с узловатыми коленками, разъезжающиеся в стороны в осеннюю слякотную пору, но, между тем, устойчивые и крепкие, теперь голенасто перемахивают через синие сугробы, вызывая только улыбку. Хотя из лесных жителей лоси — самые крупные животные, они, в тоже время, и очень трогательные.

Природа как будто сознательно хранит милую доверчивость именно в самых крупных животных, наиболее доступных людям, а они бессовестно используют её при охоте на них. Ведь лоси не зря в голодные годы часто подходят прямо к городам и, наверное, просят поддержки, когда оказываются совершенно беспомощными, но люди их не понимают, поскольку просто к этому не готовы.

Кстати, опасны лоси в период осеннего гона, когда устраивают между собой отчаянные поединки. Рёв их при этом разносится далеко над лесом, он необычен и будит в душе что-то глубокое, неизъяснимое. Тревога с лёгкой печалью одновременно ложатся тогда на сердце, и оно как будто замирает.

Тебе хочется идти на этот рёв, видеть всё самому и жадно впитывать неустрашимую силу зверей. И ещё – поражаться и запоминать, как звери отрешённо, порой – в полном молчании, схватываются меж собой, чтобы потом, глядя на спокойных лосей в течение всего года, удивляться, как тихие и милые звери могли когда-то выйти из себя и стать такими коварными.

Именно об этой поре в их жизни говорят: «На медведя идёшь - постель стели, на сохатого идёшь - гроб теши». Странным представляется существование такой поговорки, но, может быть, виной тому были ещё и дедовские способы охоты, накоротке, когда лось мог не на шутку разъяриться, от присутствия рядом человека, что вознамерился покуситься на его жизнь. Страшным и неудержимым становился тогда зверь: ни следа от его былой умиротворенности и покоя.

Конечно, никогда нельзя забывать, что лось - дикий зверь, и миролюбие его имеет свои границы. Но как существо разумное человек может научиться определять настроение животного, достаточно полно разбираясь в его жизни. Он должен хорошо представлять, когда допустимо подойти к зверю ближе, а когда делать этого не стоит.

Если, скажем, лось прижал уши, и шерсть у него на загривке встала дыбом, то лучше держаться подальше. Самое же мудрое, вообще, никак не вмешиваться в жизнь зверя, наблюдая за ним с расстояния. Лось обязательно почувствует такое отношение человека и останется ему благодарным. Ведь давно известно, что насильно мил не будешь, а вот лось именно мил в своей доступности и простоте.

Но что означает для зверя быть милым? Какие качества в нём располагают человека к тому, чтобы полюбить это животное?!

Расположить человека к любви какое-либо животное поможет достойное и величественное поведение зверя, как это и выходит у лося. Любить себя лось вынуждает человека даже против его воли, просто потому, что он – таков. А ещё он приятный и статный на вид, кроткий по нраву и обаятельный в поведении. Всё это в полной мере относится к лосю, что у многих людей, между тем, вызывает страх и уважение из-за своих внушительных размеров, но, тем не менее, он любим человеком.

Несмотря на величественный рост и агрессивность, какую лось иногда проявляет во время гона, он действительно мил во всём, что составляет его суть. Лось всегда скромен, он никогда по-пустому не бросается в глаза. Недвижно стоящего в лесу зверя трудно разглядеть, в этом ему помогают тёмно-коричневый «сюртук», что сливается с верхушками молоденьких деревьев, и белые «чулки» на ногах, которые неопытному глазу легко принять за берёзки. Только облачка пара изредка выдают лося, и так спокойно, даже - очень мило, спасается он от опасности.

Чрезвычайно подвижная, сильная верхняя губа, что свисает с рогатой морды, так же мила, как и длиннющие ноги. Стоит застать лося, когда он неспешно пережёвывает осиновые веточки, и мягкость его толстых губ, кажущихся несколько неловкими, очарует. Про себя пожелаешь лосю поскорее разделаться с неподатливыми и жесткими ветками, но зачем зверю куда-то спешить?

Ему хорошо и привольно стоять вот так, по грудь в молоденьком осиновом или сосновом подросте, и, ощущая на себе ласковые лучи восходящего солнца, наслаждаться окружающим его довольством. Всё, что лось желает, рядом, и зверя не обуревает жажда постижения окружающего мира, он с удовольствием воспринимает такое размеренное существование и, наверное, не просит у леса большей милости. Лось доволен своей жизнью, тих и никому не мешает.

У лося большие и очень милые уши: он слышит скрип снега за целый километр. Достаточно увидеть, хоть раз, как лось трогательно шевелит ими, улегшись на снег в густом чапыжнике, и сразу проникнешься добрым

чувством к зверю.

Несмотря на мощное тело, грозные рога и копыта, хочется потрогать его за толстые уши, они кажутся плюшевыми, погладить ворсистый загривок, чтобы лось всхрапнул и потянулся к руке тёплыми губами. Много в лесу хороших зверей, но из крупных самый милый - лось!

Глядя на чудесные уши лося, не могу вспоминать без улыбки одного охотника, что был помешан на охоте, особенно глухариной, и однажды удивил всех своей выходкой. Имея дома лосиную голову на медальоне, он в точности скопировал с неё уши и вырезал их из толстого картона. Затем приспособил к этим «ушам» тесёмки, а весной, на глухарином току, надевал их. Это, по его мнению, значительно облегчало слышимость подлета птицы на токовище и, конечно, саму песню, которую он теперь, будто бы, угадывал за три сотни шагов.

Понятно, что, подкрадываясь в таком виде к поющему глухарю, выглядел он очень уморительно, доводя своих товарищей от смеха до слёз. У лося-то уши непрестанно двигаются, улавливая малейшие шорохи, а наш герой то и дело шевелил их руками, поворачивая голову в разные стороны, и это окончательно лишало охотников возможности сосредоточиться. Причём, умелец действовал на полном серьёзе, и очень обижался, что его не понимают.

Ещё одна особенность, какой, кстати, у другого зверья не бывает, это - волосы на брюхе сохатого, обращённые вперед. У всех назад, что вполне естественно и во многих случаях удобно, а у лося - наоборот, казалось бы, вопреки здравому смыслу.

Но ничего в природе не происходит впустую, просто так, и небывалый лосиный зачёс, что сам по себе, опять же, своеобразен и мил, может быть, поддерживает у зверя необходимый для жизни теплообмен, когда тот подолгу лежит в снегу. Зачем-то он лосю непременно нужен, и можно только порадоваться тому, что в нашем лесу обитает такой необыкновенный и милый зверь. Причём, очень крупный, каждый его может увидеть и разглядеть, оказавшись в лесу.

Прежде, чем выйти на открытое пространство, лось всегда сначала высунет голову, осмотрится, и уж затем отправится дальше. Порой он стоит так очень долго, и, наблюдая за ним, издали, ты даже подумаешь, что тебе померещилось и это вовсе не голова осторожного животного, а старая валёжина. Сохатый терпелив в своей предусмотрительности: обладая внушительными габаритами, он опасается быть замеченным. Лосю, наверное, кажется, что, высунув голову, он остается невидимым, и такое незамысловатое поведение лесного великана выявляет в нём очевидное обаяние, что у маленького зверя воспринималось бы, как нечто обыденное.

Когда лось бредёт по брюхо в снегу, то кажется, будто он плывёт. От него веет неведомой для него самого милой допотопностью. Лось действительно древен, вполне возможно, что он ровесник глухаря, и в тоже время зверь остаётся обычным лесным великаном, что всегда постоит за себя, и плохо придётся его обидчикам, хотя сам он первым никогда не нападёт. Лось,

скорее, пойдёт на уступку, чем проявит силу, он тих и славен в своём неспешном поведении, и нет ничего худого в этом милом звере.

Иногда лоси кажутся замкнутыми в себе, будто их обуревает тоска от своего неприкаянного существования. А может быть, они просто становятся такими ненадолго, сами не зная - отчего? Бредут неторопливо по лесу и ни на кого не обращают внимания. Могут пройти совсем рядом и не заметить.

Неожиданно обнаружив в лесу такого зверя, сразу замрёшь, слившись с лесом. Кажется, что зверь не минует тебя, и произойдёт что-то невообразимое. Дыхание замирает, ноги немеют, и только какой-то глубинный интерес к зверю не утихает в тебе, ты жадно впитываешь всё происходящее и боишься, что оно вот-вот прекратится.

А зверь живёт своей неприкаянной жизнью, и эта его открытость совершенно околдовывает. Как просто, кажется, можно добиться близости с лесом: только прийти и застигнуть в нём чудесное животное. Но, может быть, это - кажущаяся простота, и лось не замечает тебя благодаря накопленному тобой знанию, неутомимости и воле, если ты был достаточно осторожным и вдумчивым в своих бесконечных лесных бдениях?

Необъяснимая неприкаянность, с какой лось иной раз бредёт по лесу, вызывает больше улыбку, чем озабоченность. Он будто забыл что-то, и не в силах вспомнить: вот, вроде бы, на секунду его озарило, так что лось остановился, как вкопанный, даже слегка всхрапнул, но, в следующий миг, всё исчезло, и зверь опять неспешно трогается, изредка хлопая ушами, и ничего вокруг не замечает. Смутны его воспоминания, зато легки тревоги, и как только зверь повстречает поваленную осинку, всё для него встаёт на своё место: лось превращается в того лесного обитателя, которому не чужды самые обыденные и милые привязанности.

Большие печальные глаза с длинными ресницами тоже отображают в звере его трогательную, никем не замечаемую милую открытость. Он и не просит никого о помощи, но определенно нуждается в ней, порой, видимо, не зная, куда себя деть. В каком-то отрешённом беспамятстве застывает зверь где-нибудь на границе поля и леса и, не придя ни к чему, что могло бы внести в его жизнь перемены, вскоре приходит в себя, будто из милости принимаясь обдирать свисающие перед мордой осиновые листочки. Так ли уж темна его неприкаянная звериная душа?

Застанешь лося на водопое или у солонцов, а зверь смотрит на тебя, никуда не убегает и только прядёт ушами. Милое, славное существо, разве поднимется рука на эту никому не причиняющую вреда жизнь? Про себя улыбнёшься, но погладить лося между рогов не пожелаешь. Настоящее и доброе в лесу чувствуется всегда на удалении; попытавшись его приблизить, рискуешь отпугнуть.

Лосиное обаяние слагает, конечно, сама природа, однажды обрёкшая зверя на вынужденное терпение и скромность. Терпение удивительное, присущее только этому зверю. Надо видеть, как стойко преодолевают лоси непроходимые топи или переплывают широкие реки, как нелегко им спасаться

в суровую зиму от хищных волков или уходить от погони неутомимых охотников, обагряя снег кровью. Их спокойствие и выдержка при этом поражают, и ты ещё больше начинаешь уважать милых зверей.

В последнее время увидеть лося проще, чем зайца. Особенно летом, когда лось любит принимать ванны. Большие неприятности доставляют зверю насекомые - оводы и слепни, заедающие его всё лето. Даже почуяв человека, лоси с неохотой прекращают свои спасительные водные процедуры и неторопливо уходят прочь, но чаще остаются, надеясь на его благоразумие. Зная о присутствии человека, они делают вид, будто ничего не замечают, только отведут морду, фыркнут и, как ни в чем не бывало, продолжают наслаждаться. Со стороны это выглядит очень мило.

Любой зверь сам по себе самобытен, но лосю присуща ещё одна индивидуальная особенность: кожаный вырост-«серьга», что загадочно болтается у него на шее. Вместе со стройными ногами, что в сравнении с небольшим туловищем кажутся удивительно длинными, чрезвычайно подвижной и сильной верхней губой, волосами на брюхе, всегда обращёнными вперед, эта деталь, должно быть, обаятельное дыхание далекого прошлого, то, что роднит лося с загадочной древностью. У прочих лесных обитателей таких бросающихся в глаза странностей не наблюдается. Впрочем, странностей, опять же, милых, что других зверей в лесу ни к чему не обязывают и не отпугивают.

Особенность лосей сказывается и в любви, она тревожит их осенью, а не весной, как всех остальных животных. Лоси весной в лесу совсем неприметны, и ты забываешь о них за своими глухариными и тетеревиными заботами. Эта способность любить, не как все, тоже, наверное, проистекает из милого стремления зверей не выделяться. Очень не хочется лосям докучать и без того перенасыщенному жизнью лесу, и они тихо переживают пору всеобщего торжества, чтобы испить свою чашу любви осенью, никому не мешая. Ну, разве они не милые?!

Лось - деликатный кавалер, что всегда ведёт себя с достоинством. Он никогда не подходит к лежащей лосихе, а если вы заметите медленно приближающегося к стоящей самке рогача, то кажется, что он ступает на носках, как балерина. До того он предупредителен, выдержан и мил.

Лося не сравнить с оленем, что часто держится с самками заносчиво и гордо, обслуживая целый гарем. Сердце сохатого принадлежит одной даме, и он скорее выйдет из себя в поединке с другим рогачом, чем доставит ей какие-либо переживания.

А лосята?! В результате такого необычного осеннего слияния двух влюблённых зверей они рождаются милые-премилые! Нескладные, то и дело разъезжающиеся ноги у них ещё не одеты в белые чулки, как у родителей, а сами лосята рыжие и лопоухие.

Всю первую неделю малыши коротают под кустиком, а потом вышагивают за мамашей и учатся объедать листочки молодых осинок и берез. Голенастых детей, родившихся в конце весны, лосихи почти четыре месяца

кормят превосходным молоком: жира и белков в нём в несколько раз больше, чем в коровьем. Выпивая в день по литру такого чудесного молока, малыш к осени набирает в весе не меньше центнера. Холодной зимой, когда для лосей начинается голодная жизнь и рост приостанавливается, эти запасы ещё как пригодятся!

Лосята очень долго сохраняют свою милую сущность, и даже достигнув двух лет - ходят за матерью как привязанные. Они, совсем ещё дети, не в силах расстаться с ней, и лосиха не отгоняет их, долго проявляя заботу. Даже во взрослом лосе порой проглядывает эта детскость, и оттого, наверное, лоси всегда кажутся милыми и послушными. Из всех зверей именно они используются людьми в своем хозяйстве, в основном как тягловая сила, и уже есть целые лосиные фермы.

Что же за черта в лосе определяет его таинственную невменяемость, эту покойную простоту и неспешность, какое-то древнее обаяние? Может быть, ощущение своей дикой свободы, когда никуда не надо торопиться, а только жить своими неприхотливыми заботами, оставаясь при этом незаметным?

Наверное, красота лосиного существования - в его неприхотливом отношении к жизни, в том, каким слитным чувствует он себя с лесом. Не однажды встреченный человеком в лесу и непонятый им, лось когда-нибудь, всё же, повернёт к нему массивную голову, печально посмотрит своими бездонными глазами, и человек почувствует в них невыразимую мудрость зверя, что всегда проста и всем доступна.

Так, неотступно думая о лосях, и изредка встречаясь с ними в лесу, ты постепенно понимаешь: принимать этих зверей можно только такими, какие они есть. Может быть, чуточку непутёвыми, порой даже грозными, но всё равно очень милыми. Ведь милее всего лоси тогда, когда их никто не трогает, и они остаются самими собой.

Отчего волки воют?

Отчего волки воют? Наверное, не оттого что им страшно и одиноко, а по той же вековечной причине, из-за которой мучается над смыслом своей жизни человек. Волк понимает это только по-волчьи и, угадывая в вое волков голос своих предков, собственным голосом вступает в нелёгкую звериную жизнь.

Вой - это сигнал наступления зрелости, приобщения к стае. Это знак причащения волка к его будущей неутомимой жизни, что кажется людям совершенно неустроенной, но для самого волка она остаётся единственно доступной и по-звериному священной.

Протяжно взывая в бесконечную даль ушедших времён, будто жалуясь кому-то на своё неустроенное житьё и неприкаянную судьбу, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе жизнь рода. Живя для природы, платя дань неподкупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее, чем свой, постоянный, непокой, хотя иногда печаль безысходности и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

И всё же, волк зачем-то устремляется в это чутко угадываемое им, но неведомое бытие, в тайну своего лесного существования, и оттого светла, наверное, становится его неизбывная печаль, что ты с такою же глубокой заботою принимаешь к сердцу: печаль зверя тебе близка. Не зря среди людей слывёт пословица: не пекись о насущном, пекись о нетленном!

Но пытаются ли звери, действительно, преодолеть мрак лесной жизни? Волки просто не устают быть волками, преданными себе, своей звериной душе, что даёт им способность угадывать загадочную правду жизни через собственную темноту. У зверей в теми свет виден, хоть он и лукав!

Серый помещик

Если в медведе всё кажется соизмеримым, несмотря на его противоречия, и даже при всей темноте могучего зверя как-то без страха воспринимаешь его существование и вероятность столкновения с ним, то этого нельзя сказать о волке. Силён, говорят, медведь, да воли в нём нет, она выкована в сером разбойнике, что хищник по природе, а не по зависти или худому умыслу. И хоть известно, что всякий год волк линяет, но нрава своего при этом не переменяет: овца так не укусит, как волк слизнёт.

Волка ноги кормят, и не боится он след за собой оставить. Целую тропу, бывает, волчья стая за зиму набьёт, но пути своего не оставтит, если добыча ей дорога. За одну ночь преодолеет десятки вёрст, а желаемого достигнет.

По волчьему следу никогда не определишь, сколько в стае зверей, и только когда волки разойдутся перед каким-нибудь препятствием, одиноким пнём или бугорком, можно будет их перечесть. Звери, каждый по-своему, будто приноравливаются к преграде, осторожно обходят её, на какое-то время забывая о своей сплочённости, а убедившись, что им ничто не грозит, опять продолжают путь вместе.

Про волка и изречений гораздо больше, чем про медведя, и изучен он вдоль и поперёк, а отношение к нему другое, почти не сулящее добрых слов. Но вот что странно: перебежавший дорогу волк, считали старики, должен был принести удачу, тогда как даже на сто волков, по народному мнению, ни одного хорошего волка не находится. Чем объяснить такие различные суждения об этом звере?

Пожалуй, главное в понимании волчьей сути - двусмысленное поведение самого зверя. Не двуличность, безукоризненно вымеренная природой во имя обретения зверем желаемого, а именно сочетание кровожадной нацеленности и обособленного образа жизни с обезоруживающей открытостью, доходящей порой до невероятной наглости или даже глупости. И всё это уживается в волке, не доставляя ему, кажется, никаких неудобств.

С одной стороны, волчья натура гонит зверя в лес, приручить его почти

невозможно: сколько волка ни корми, он всё в лес глядит. Но и то правда, что волки есть везде, не только в лесах, а иногда и поблизости от жилья. Порой звери ютятся в маленьких рощах неподалёку от деревни, несмотря на то, что их везде преследуют. Не было, наверное, на Руси селения, где бы в сердцах не посетовали: «Есть волки и в нашем колке!»

Тем не менее, волк очень редок, не всякий охотник его за всю свою жизнь хотя бы раз увидит. Слышал, бывалые люди рассказывали, будто бивали лютого зверя, много читал о нём в охотничьих книгах, как-то даже довелось натолкнуться на следы хищника величиною с большой кулак, а вот самого волка не встречал.

Но ведь случалось и такое, что волк нападал на человека, застигнутого им на пустынной дороге, среди бела дня забегал в деревню, прилюдно задирал собачонку и утаскивал её в лес. Однажды даже заскочил поутру во двор, где хозяйке удалось поймать зверя за язык и, затащив его за собой в сени, огреть по голове валком для стирки белья, удачно подвернувшимся под руку! Как тут не озадачишься необыкновенной волчьей удалью, наглостью с чутьём, и обезоруживающим простодушием?!

И всё же, одинокому путнику, особенно зимою, встреча с волком не сулит ничего хорошего. Благо, если выскочивший перед тобой зверь напугался ещё больше, тогда всё случившееся обретает радостный смысл. Но с чем сравнить состояние потерянности, когда ненароком оказываешься в лесу один на один с волком, или, того хуже, с волчьей стаей, и от этой жути всё внутри тебя цепенеет?!

Если вокруг залегла зима, ты понимаешь, как восприимчив к ней волк. Зима торит ему тропку нахрапистую, наглую, и зверь сразу замечает, как человек относится к нему. В отличие от собаки, волк более выдержан и умён: он точно знает, кого ему следует опасаться, а кого нет.

Если ты дал слабину, взгляд зверя холодеет, растворяется в тебе тоненькой струйкой страха и отбрасывает к чему-то давно забытому, дикому. Правда, когда волк один, он обычно избегает человека, но беда встретиться со стаей волков, особенно, когда они играют свои волчьи свадьбы: человеку, да ещё безоружному, тогда несдобровать. Люди, как говорится, дорогой, а волк - стороной, что у него всегда тёмная и коварная.

Но это только с точки зрения человека, если он мнит своё существование выше волчьего, не предполагая у зверя ума и переживаний. На самом деле волк необыкновенно одарён от природы, и если выглядит непутёвым, то только в сказках. В жизни этот зверь проявляет поразительную выдержку в скрадывании жертвы, стремительный натиск и хладнокровную расправу. Волк тавра не разбирает, но свою принадлежность к лесному богу знает и неукоснительно блюдёт его.

Сколько людей, говорят, столько и мнений. Так и у волков: всякий зверь устроен на свой, никому не ведомый лад, и, наряду с ярко выраженной трусостью многих волков по отношению к человеку, попадаются иной раз звери, что не зря проявляют к нему явную агрессию. Всё зависит от времени

встречи волка с человеком, от поведения человека при столкновении со зверем и от воспитания прибылых, когда ненависть к людям становится у зверей семейной традицией, поддерживаемой в стае одним из матерых волков.

На намерение волка напасть могут повлиять даже его собственные страхи, врожденное оборонительное поведение и длительная изоляция, а также отсутствие корма. И там, где какой-либо обессилевший волк спасует, другой на его месте попытается перегрызть человеку горло.

Волки опасаются далеко не всякого человека. Больше всего они боятся мужчин, меньше – женщин, и почти не боятся детей, они их часто утаскивают, закинув за спину. Очень большую роль играет и суть самого человека, что столкнулся нос к носу со зверем. Если человек вдруг начинает убегать от зверя, вести себя нерешительно, то у последнего ослабевает чувство боязни и возможно пробуждение агрессии.

Люди издавна примечали, что волк боится колокольного звона и огня, а ямщики в старину верили, что звон поддужных колокольцев отгоняет волков напрочь. По стародавнему поверью, от нападения волков можно защититься именем святого Георгия Победоносца, но это только в том случае, когда тот, на кого нападают волки, не обречён на растерзание за грехи. Старинное же малорусское поверье даёт скотоводу совет класть в печку кусок железа в случае, если животинушка отобьётся от стада и забредёт в лес: ни за что тогда не тронет её лютый зверь.

В некоторых местах для защиты скота от волков, что в зимнее время подбираются по ночам к задворкам, было в обычае обегать деревни с колокольчиком в руках, приговаривая под звон: «Около двора железный тын; чтобы через этот тын не попал ни лютый зверь, ни гад, ни злой человек!» А верящие в силу колдовства люди говорили, что если навстречу свадебному поезду бросить высушенное волчье сердце, то молодые будут жить несчастливо. Волчья шерсть считалась в старину одной из злых сил в руках чародеев.

С зимнего Николы, говорит народ, начинают волки рыскать стаями по лесам и полям, осмеливаясь нападать даже на целые обозы. С этого дня, вплоть до Крещенья, идут волчьи праздники, и только после крещенского водосвятия пропадает будто бы их смелость. Если в эту пору волк нападёт, то уйти от него труднее, нежели от медведя, хотя бывает и так, что от волка уйдёшь да медведю в лапы попадёшься.

Но так ли страшен медведь в сравнении с обезумевшей от крови волчьей стаей, что в один из февральских вечеров вдруг взалкала целую свадьбу! Сначала голодные волки почуяли последнюю пристяжную с подвыпившим ямщиком и гостями, что угодила на повороте в сугроб, а сани перевернулись. Волки будто ждали этого момента, и, всей оравой, ожесточённо бросились из ближайшего елового колка на долгожданную поживу.

Рвали без разбору лошадь, людей, и пока одни пировали на горячей крови, другие, вконец обезумев, уже догоняли следующую пару. Лошади, обуреваемые страхом, запутались, сбились на поле и вскоре тоже оказались

добычей разъярённых зверей. Такая же участь постигла ближайших родственников молодых, следующих за ними во второй кибитке. Весь свадебный кортеж направлялся из одной деревни, откуда была родом невеста, в другую, на венчанье, и в самой голове его на тройке ехали невеста с женихом, а на вожжах сидел брат жениха.

Волки, расправившись со всеми и толком не отведав парного мяса, бросились в пылу погони за ними, и жених с братом, чтобы спастись самим, выкинули молодушку. Но это не остановило зверей, лишь задержало их на мгновение, и между мужчинами завязалась борьба - кто кого, в ней победил старший брат, возница. В деревню он въехал седой, был затем проклят всеми и изгнан из округи. Воистину сказано: волк только по утробе вор да разбойник, а человек - по зависти и злобе!

В волке, более, чем в других животных, проявляется его кровожадность, но кровожадность не грязная, а заданная природой. Волки и рвут, и смотрят проникающим взглядом: не переходи нам путь, если не хочешь пропасть за полушку. Но вот именно это состояние приближенности к диким зверям, нахождение с волками на границе того, что может быть дозволено человеку, и притягивает к ним. Волки будто зачаровывают его, посверкивая из чащи своими аметистовыми глазами.

Недаром именно волка, как бы кощунственно или странно это ни выглядело, сравнивали в народе со счастьем: счастье - что волк, обманет и в лес уйдёт, и потому нерезонно полагаться на серого, тем более, верить волчьим слезам. Скорее, человеку прочили самому попытаться определить свою судьбу, но незадавшегося отпрыска, всё же, наставляли: нашему б теляти волка поймати! Что и говорить, без волка, без понимания его замечательного назначения - человеку никак не прожить, и оттого ему надлежит смолоду усвоить, что мало иметь только лисий хвост, надо бы ещё и волчий зуб!

Но волков у нас, всё же, никогда не любили и опасались настолько, что местами даже называть избегали, дабы не накликать беду. Волком на Руси прозывали вконец посрамлённого, проворовавшегося человека, его водили по деревне в шкуре украденной им скотины, сопровождая бранью, побоями и хохотом. После того человек этот навек был опозорен.

Волков преследовали и истребляли всеми возможными способами из-за того вреда, что они приносят домашнему скоту. Волк издавна был воплощением злобного хищничества. Самая выразительная поговорка о нём звучала так: «Из-под кустика хватыш!»

Хорошо знакома волчья повадка русскому крестьянину, то и дело приходится ему сталкиваться лицом к лицу с этим хищником: то зарежет волк корову, забредшую из стада в лес, то дерзко ворвётся в самую середину стада и выхватит овцу-другую, а то даже заберётся темной ночью прямо на двор, если очень голоден. «Волка ноги кормят!» - говорят в народе, и тут же приговаривают: «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел!» Волк, по народным сказаниям, являлся олицетворением тёмной тучи, заслоняющей солнце: «Пришёл волк — весь народ умолк!»

А всё потому, что у волка утроба ненасытная, сколько ни таскает овец и ни жрёт, всё ему мало: видит волк козу, забывает и грозу. Всю свою жизнь волк только и делает, что рыщет, хлеба себе ищет, и если хозяину унесенного волком жаль, то волку - того, что осталось. Поэтому в народе сложилось твёрдое убеждение в том, что каким волк уродился, таким и издохнет, нрава своего не переменит. К тому же, чем волк старше, тем он злее, осторожнее да хитрее, и только старый волк знает такой толк, по которому его в тенёта сразу не загонишь.

В древние времена религиозные люди признавали, что волки, якобы, поедают чертей, но, тем не менее, везде, где есть волки, приходится терпеть от них горькую долю. Один волк гоняет целый овечий полк, и при этом не глядит на хозяйскую заботу, тащит овец без счёту, а если и сжалится над той же овцой, то наперёд лишь голову отъест. Где волк удачно, хоть раз, добычей поживился, туда он опять назад вернётся, и тогда поднимай городьбу выше.

Полагаться на волка никак нельзя, хоть бы он и овцой прикинулся, ибо волк добра не помнит: дёшево волк в пастухи нанимается, да деревня с ним намается, и в овечьей шубе он не укроется, а смирён только в капкане бывает. Даже голодный волк сильнее двух сытых собак, и потому не клади ему пальца в рот. Так гласит народная молва.

Благодаря особой свирепости и силе, какой-то непостижимости волчьей сути, та же народная молва приписывала этому зверю почти колдовские чары. Зверь - оборотень, вурдалак, мог обойти любого человека, и не уйти тогда тому живым. Растворившись в серых сумерках, он возникал там, где его не ждали, и исчезал так же незаметно, как и появлялся.

Неприхотливый, выносливый и умный, волк никогда не был прямолинеен и, кажется, хранил в себе всю звериную волю и совесть. Неутомимо и несгибаемо преодолевая бескрайние снега, он нёс для обитателей леса здоровье, прося за то совсем недорогую плату. «Упрямая овца - волку корысть», - всегда примечали умные люди, и это было мудро, потому как, по той же народной примете, добычу в зубы зверю сам Георгий давал, что является хозяином-повелителем волков. Впрочем, не одни только волки ему подвластны, но и все животные. И без Георгиева наказа серый волк сытым не бывает, лесной святой держит зверя впроголодь, а то бы и вовсе к нему скота не води.

Что и говорить, не про волка растут красные яблоки, и создан он таким всем на благо. Неуловимо присутствуя всегда где-то рядом, волк учит многому, остерегая становиться равнодушным к жизни. Собаке не ступать на волчий след: оглянется, ан тут её и нет! Человеку не ставить недруга овцою, представлять его самим собою. Не в меру прыткому человеку всегда заметят: «Не суйся в волки, когда хвост тёлкин!»

Кое-кому через волка следует усвоить добрый ум, скромность и честность. Если пастухи воруют, а на волка поклёп идёт, не забывают ли они о собственной душе?! И на самом ли деле ненасытный человек смирнее сытого зверя?!

Ведь нередко волку приходится и за чужие грехи отвечать, и человеку легче всего было валить на серого зверя. Мол, серый волчище всё снесёт! Но всякий должен задуматься про себя: отчего он не заметил, как волк носит, и только волка понесли - сразу его разглядел?

Всегда человеку было удобно свои грехи на волка списывать, вот оттого он и приучился верить зверю в тороках. Мёртвого, а не живого волка предпочитал видеть человек, не подозревая о том, что сам его к себе своим страхом привязывает. Не зря говорят: «Где про волка дума и речь, там он тебе и навстречь».

Но не с руки волку сеном брюхо набивать, так уж он устроен. Боятся же волка потому, что он, особенно зимой, больше голодом её проживает, в отличие от лисы. И разве не поверишь тогда горьким волчьим слезам, что проливает он под ясным морозным небом?!

Зима для волка, как, впрочем, и для всякого зверя, самая трудная пора, тем более, что он не ложится в спячку, как медведь, а всю зиму рыщет, добывая себе пищу с гораздо большим трудом, нежели летом: трудно волку зиму переголодать, а там - опять пан. Однако, как ни тяжело достаётся волку зима, он к ней привык и от холода, по-видимому, не так страдает, если только найдёт, чем поживиться: не первую зиму волку зимовать, зима ему за обычай. В народе не случайно повелось такое поверье, что зимой следует бояться именно волка, а летом - мухи.

Часто волка сравнивают с лисой, что в сказках и поверьях над ним своим умом верх берёт, что не всегда на деле справедливо. Лисе, при её образе жизни и маленьких размерах, бывает легче перезимовать, тогда, как волк не уступает ей в хитрости и может быть ещё изворотливее, умнее и коварнее. И если говорят, что волк - голодай, лиса - лакомка, то это не по причине недалёкости серого, а из-за его довольно внушительной величины тела, в отличие от лисы. Чтобы преодолеть необъятные зимние сугробы, он вынужден затрачивать больше усилий, чем лиса, и оттого рыжая кумушка всегда сытнее волка живёт.

Но твёрдо и целенаправленно тянется через всю зиму волчий след: выдержан ход у стаи, несуетлив. Не сворачивая и не останавливаясь на мелочах, движется она в поиске желанной добычи. Кажется иногда, что и не нужна она волкам вовсе, а влечёт их какое-то неясное им самим внутреннее беспокойство.

Ни ненасытности в том нет, ни тупой спеси, только терпение, достоинство и воля, и от мощи этой впору умереть! Так её у зверя много, что, кажется, он даже не знает, куда её деть. Может он в ней захлебнуться, как в снегах и метелях, а может, благодаря этой воле, и шкуру свою спасти. Неудержимо манит к себе волчья тропа, и пугает.

Обычно волки идут рысью, к поживе - шагом. От опасности же бросаются в карьер, что на них совсем не похоже. Но, как ни поворачивай судьба, волку роль убегающего не подходит: привык он в лесу особняком держаться, как будто не замечая ни рыси, ни кабана, ни медведя, ни росомахи. Дела волку нет

до чужой силы, если она попытается дорогу ему перейти, даже если в лесу рождена: гордо и независимо несёт он своё звериное звание.

Следы у волка, как и у лисицы, ложатся ровной цепочкой. Расстояние между следами одинаковое, в отличие от собаки. К тому же, у собаки след разбросан, а у волка прямолинеен, собран. Перед тем, как лечь, он скидывается по ветру и укладывается через несколько сот метров. И всегда маскирует свой след, выбирая при этом старые следы и дороги.

Нельзя сказать, что след волка - большая редкость, но иной раз проходит половина зимы, а ты его так и не встретишь. За своими заячьими, беличьими и глухариными заботами начисто забудешь о существовании зверя. Натолкнувшись же, как-то сразу обомлеешь и глядишь на него заворожено: кажется, готов всё бросить и идти по следу, чтобы угадывать, читать и впитывать тайну звериной жизни. Ведь это - волк, самый красивый и удивительный зверь!

Но не угнаться тебе за стаей: волки прекрасные ходоки. Вся жизнь зверей проходит в непрекращающемся движении, и в этом заключён смысл их жизни. Десятки километров преодолевают волки за сутки, оставляя за собой присущую только им борозду. Кажется, что даже снег почтительно расступается под их крепко сбитыми телами, так волки в своём зверином стремлении сильны и свободны.

Внешний облик волка и строение его тела доведены природой до совершенства, и всегда нацелены на бросок. В подготовке к нему протекает всё время зверя, а осуществление его - лишь молниеносный росчерк, пик никогда не угасающего охотничьего инстинкта, после чего волк опять, только более успокоенно, проживает в ожидании своего очередного устремления к добыче.

Волк каждую минуту готов к броску, с детства обучается этому, и никогда не упустит возможности решить всё раз и навсегда. Причём, расправляется с добычей в два счёта, поскольку зверь совершает нападение скрытно, метров с двадцати, а именно это расстояние он преодолевает за пару секунд.

Спина зверя почти прямая, круп слегка опущен, ноги же высокие и стройные, с хорошо развитыми пальцами, они у него, в сравнении с собакой, значительно усиливают толчок и дают возможность зверю преодолевать небольшие препятствия, не меняя темпа движения. Грудная клетка широкая, но в передней части сжатая с боков, так что, когда зверь выносит вперёд передние конечности, его грудь кажется очень узкой, а следы обеих передних лап располагаются почти по одной прямой линии, что обеспечивает молниеносность. Голова у волка крупная, с подвижными ушами, они всегда стоят и направлены вперед, шея сильная, морда вытянутая, и если зверь опустит голову к земле, то почти касается её кончиком носа, схватывая множество важных для себя запахов. Глаза слегка раскосые, со светлой радужинкой, но чаще всего - жёлтые, объемлющие лес, поля, глухие буераки и отложки, всю вековую чащобу и, конечно, мир человека, без которого волк,

как зверь, существовать не может.

Волк очень расчётливо пользуется особенностями местности. Не меняя темпа движения, зверь даже на открытых местах использует малейшую возможность укрыться в небольших низинах, куртинах высокотравья, колках и перелесках. Волка беспрестанно преследуют, но, уходя от погони, он всегда хорошо знает возможности охотников и пути своего следования, а всё только для того, чтобы, укрывшись, в скором времени опять совершить нападение.

Ум волка хорошо проявляется в том, как он использует дороги в снежные зимы: по ним удобно передвигаться и охотиться. Зверю есть, отчего не доверять людям, но он не упустит возможности пройтись и по лыжне. Понимает серый свою выгоду так, что даже страх не помеха: ведь уплотнённый снег не только его самого выдерживает, но и зайцам помогает, которыми при случае можно поживиться.

При всей своей скрытности волк немало интересного на снегу оставляет, что можно увидеть, если ты, подобно ему, неутомим. Вот у самой опушки березового леса два голодных зверя загнали бедного зайца. Весь снег изрыт, истоптан и усыпан клюквой смёрзшейся крови. Солнце высвечивает её так неожиданно на белом фоне, что закрываешь глаза и сразу представляешь, как все это происходило...

А где-то в глухом и завьюженном декабре упрёшься вдруг во взбитую стаей тропу, и войдёт она в тебя осиновым колом. Тотчас перехватит дыхание и захолодит сердце, так что не в силах охватить всего увиденного. Чудятся тебе волки где-то совсем рядом, вон, за тем синеющим у лога ельничком, и, не ровён час, устремятся тебе навстречу.

Впереди - волчица, за ней - прибылые, а замыкает цепь матёрый зверь. И будто замер он у самой кромки, и оглянулся, вперив в тебя холодный взгляд, но не повернул, а растворился в мгновение, ровно его и не было. Страшно и хорошо становится на душе, а низовая позёмка заметает волчий след.

Когда долгожданный март гостеприимно распахнёт синие объятия и примет тебя в своё уютное лоно, ты отдаёшься ему с головой и всё забываешь. Без памяти окунаешься в пьянящее царство света: всё живое сейчас живёт по его законам, и волки оставляют в нём свои следы. Это вытоптанные в глуши леса поляны, где совершаются скрытые от посторонних глаз волчьи свадьбы.

На них волки отрешённо предаются своей любви, и вся страсть их совокупления остаётся на снегу. Лес, кажется, расступается от возбуждённого присутствия животных. Снег у кустов окроплён мочой волчицы, и желтизна её сливается с солнцем и слепит. Всё увиденное поражает и повергает, и хочется жить волчьей жизнью - так же страстно и отрешённо.

В конце весны, по последнему снегу, обычно выпадающему в эту пору, находят логово волков, что в другое время обнаружить случается крайне сложно. Старый снег уже давно сошёл, может быть, только затаился ещё в укромных ложках, у зверей уже появилось потомство, а выцветшая прошлогодняя трава не оставляет никаких следов. И вдруг, где-нибудь в начале мая, землю устилает белоснежная пелена...

Волк сейчас постоянно таскает волчице с волчатами пищу и, конечно, не может миновать некстати появившуюся весеннюю порошу, которую с нетерпением поджидают охотники. Майский снег лежит день, от силы два, к тому же выпадает не всегда, но если такое случилось, следует тотчас отправляться в район, где обычно обитают звери. Зная местность, повадки волков и будучи достаточно наблюдательным, не составит особого труда обнаружить след матерого зверя, и он непременно приведёт к волчьей норе. Волку веселей, когда он не слышит за собой собачью и человеческую гонку, но этот предательский снег по весне буквально режет его.

Разгадывая все эти волчьи заботы, ты испытываешь незабываемые чувства, и всякий раз дивишься звериной смекалке. Хладнокровная несгибаемость будет ощущаться в поведении волка, каким бы он ни был голодным или усталым. И ещё он всегда без обиняков даст понять: коли волком родился, лисой ни за что не бывать!

Волк - воплощение настоящей тайны, подаренной человеку лесом, а следы на снегу - это его незамерзающая душа. В них он неустрашимо бредёт через всю осень, зиму и весну, наверное, не очень переживая за уготованную ему судьбу. Свыкнувшись с постоянным преодолением своего жизненного неустройства, волк как будто забывается в себе, и его уже ничто не пугает. Он удостоен такой нелёгкой участи как избранный: волк очень многое пережил и знает.

Порой гонимый и незаслуженно, волк по натуре своей, всё же, не является самым злобным хищником, и в народе к нему относятся с пониманием: «Говори на волка, рассуди и по нему», «Не всё на волка, иногда и за волка», «На волка помолвка, а пастух овец скрал». Иной раз крестьяне, вообще, оправдывают зверя, мол, ворует волк по нужде, из-за голода. Особо сердобольные, жалея волка, убеждают, что он потому овец крадёт, что купить их не может.

Вот и сказочный волк говорит человеческим голосом и одарён необычайной мудростью. Его даже наделяют крыльями. Быстрее ветра переносит он царевича из одной стороны света в другую, помогая ему добыть чудесную жар-птицу, златогривого коня и всем красавицам красавицу Царь-девицу. Да, только в сказке волку на самом деле праздник!

Видно, вовек не отыскать ему в лесу своей правды, а у человека - тем более! Вынужден волк любить за то долгую зимнюю темноту: в ней ему только и подходяще миновать свою ненавистную беду. Воет он от голода и холода на луну бледноликую, так что жуть берёт. И только Богом бережёный при этом не перекрестится, потому как знает: волк его не тронет.

Когда зажигается на небе первая звезда, люди не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелёгкий ночной путь.

Зимние ночи захолаживают сердце, тревожат, они мучительны для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная снегом луна. Кажется, что мороз от неё становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным, и он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. В лучшем случае, видит в тревожных и сладостных снах, как протекает зимою звериная жизнь. Как до жути просто и таинственно берегут её покой волки.

Тем временем под отрешённо мерцающей луной выходит к своей ночной жизни из глухих буераков волчья стая. Лесные обитатели живут не по-нашему: днём таятся, обедают же по ночам. Каждый зверь, в лютую зимнюю пору, хоть как-то в лесу устроен, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от нужды к нужде.

Но силу волку даёт голод, и потому, кажущийся понурым, он бредёт пробитой в глубоком снегу тропой несгибаемо. Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

Их не страшит блуждающий лунный свет, что зачарованно манит к себе и не даёт спать. Глаза волков открыты и меньше всего хотят рассвета. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее под утро чувство голода.

Можно постоянно бывать в лесу, довольно часто натыкаясь на волчьи следы, и ни разу не увидеть серого разбойника. Так устроен этот зверь, в отличие от лисы, лося и медведя, которых хоть изредка, да посчастливится наблюдать. Волк держится совершенно обособленно, скрытно, заведомо предугадывая малейшую опасность, и тотчас исчезая. В этой удивительной способности проявляется ум зверя, призванного лесом к сохранению своей жизни более, чем у какого-либо другого животного.

Порой годами ходишь каким-то одним лесным местом, и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как рябчиковое или беличье, на худой конец - грибное, но никак не волчье.

И вот однажды, каким-нибудь глухим ноябрьским вечером или под утро, наткнёшься у давно знакомого покоса на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта разбередит душу и напугает.

Встречи с волками всегда волнуют человека: его завораживают мудрость их дикой жизни и естественная простота существования. Волки свободны, они могут быть самими собой, а значит - красивы.

Человека же поражает одна мысль, что его чувства станут кому-то доступны, и он тщательно скрывает свою внутреннюю суть, ещё при жизни возводя вокруг себя клетку. Несвободный, он не в силах кого-либо по-настоящему прельстить и отогреть, и оттого существует никчёмно, а исчезает бесследно.

Как поступаем мы при виде зверя вблизи нас? К примеру, того же волка?

Сначала смотрим на то, что из его поведения может явиться угрозой нашей безопасности. Затем придуманное собой принимаем за намерение действий животного и приписываем ему обладание такими качествами, что у него, на самом деле, может быть, отсутствуют. Ну, а если зверь случайно

проявляет агрессию, то мы воспринимаем её за основу его дикого нрава.

Так, неминуемо и сразу, мы заблуждаемся относительно природы волка, тогда как должны были оставаться для себя и для него высшим мерилом блага, проявляя в поступках и мыслях только доброжелательный интерес.

Волки, как никакие другие звери, удивляют человека именно своей простотой. Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь людей, она является самым обыденным естеством всего сущего. В отсутствие извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надежнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её недостаёт для поддержания жизни.

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга, и им, после боёв, остаётся самый сильный. Каждый волк в меру сил и возможностей старается отстоять собственную свободу выбора. Волк знает, что делает: добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа и, когда он настанет, так же надёжно, не теряя достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не лишают себя права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободным. Свобода не даёт ему покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он старается поскорее найти более лёгкий путь следования, а если свободу в себе, вообще, не ограничивать, она теряет всякий смысл. При этом человек ещё посягает и на свободу других, не имея на то никакого права, и часто этими другими оказываются именно волки, на которых человек сваливает собственные грехи.

Не может у животных инстинкт быть звериным в том понимании, в каком его привыкли воспринимать люди. Всюду в живой природе парность - наиболее высокая форма отношений, когда самец никогда не предаст подругу, а она, в свою очередь, ни за что не оставит детей. Нравственность применима, скорее, к животным, нежели к человеку, и это их замечательная тайна.

Всё же тёмное порождено социальной природой человека - ничего такого в живой природе, вероятно, и не существует, и всё-таки в каждом из нас живёт её частица. В одном - неудержимым волчьим воем, в другом - трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то - таинственной глухариной песней. Счастлив тот, кто отгадал её в себе и принял, и человеку должно вернуть зверей на видимое расстояние, и уже с этой точки начать своё открытие их до сих пор не познанной жизни.

Но чего на самом деле можно ожидать от встречи с волками в заснеженном поле, когда звери голодны, и терять им нечего?

Вспоминается один затерявшийся в бесконечных зимах день, когда светило яркое солнце, а вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют и вот-вот прекратят. Но задавили, как это обычно водится у волков, хрустнули позвонки, и брызнула на снег кровь.

И навалилась вдруг тягостная безысходность, так что трудно было жить весь день, и ещё всю ночь, и только под утро забылся я в рваном полусне, не в силах преодолеть в растревоженном сердце странную тоску. Будто волки взяли не своё…

И всё же, не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни, что для волка так насущна, что он порой убивает столько, сколько может убить. Вот и угодившие в капкан волки-самцы или хилые волчата обычно бывают съедены своими оголодавшими соплеменниками, почуявшими кровь. Когда же в капкане оказывается волчица, особенно в течке, волки кормят её, и этим долго поддерживают в ней силы. Много звери никогда не возьмут, если на то нет серьезных причин, а люди, истребляя кажущееся зло, уничтожают вместе с ним так называемое добро.

Даже обычный отпечаток волчьей лапы на снегу порой поражает воображение своим размером… И уж совсем трудно поверить в то, что однажды, в пасмурную осеннюю ночь, мне почудилось, будто волчий глаз отражает в себе всё звездное небо, темноту, лес, и вместе с ними - мою обыденную растерянность, а ещё убежденность, что такой ночи уже никогда не будет, и волки самые замечательные в лесу звери, с которыми втайне всегда ждёшь встречи.

Ждёшь её, представляешь, как это может произойти, но на самом деле случается всё неожиданно и очень быстро, так что не успеваешь оценить близкое присутствие зверя. Только через какое-то время, успокоившись, не без основания укоришь себя: следовало быть осторожнее и внимательнее, ведь рядом находился волк. Быть может, самый красивый зверь нашего русского леса!

Но многие люди не ценят этого соседства и не понимают, что всякий зверь, в особенности волк, жаждет не расправы, а покоя. Чтобы его никто не тревожил, не охотился на него, и зверь бы сам определял для себя норму своей добычи. Но человек нарушает вековые волчьи устои, бездумно вторгается в жизнь леса, и, в конце концов, винит во всём волка.

Волк забрался в охотничью избушку, располосовал все мешки с мукой и макаронами, даже подушки разодрал и, выломив окно, растворился в лесу. Когда люди пришли в сторожку, увидели всё это, то, несомненно, поклялись отомстить зверю, но за что?! Не сам ли человек всё это однажды предопределил, и бесчисленные стада зарезанной волками скотины, может быть, лишь расплата за его бездумность? Всего этого могло и не быть, распорядись человек мудро своей жизнью, и ещё нужно помнить, что живой волк - это воплощение всей силы лесной чащи, призванной не устрашать, а нести в себе вековечный и мудрый знак постижения божественной природы.

Кому доводилось видеть волчьи свадьбы, тот на заячьи игры по весне уже не засмотрится! Так, не без гордости, заявляет человек после того, как ему довелось хотя бы прикоснуться к волчьей тайне. Но приходит весна, и он, всё же, не преминёт заглянуть вечерком на облюбованные зайцами поляны, чтобы

потешиться игрой забавных зверьков.

И, тем не менее, зайцы - не волки, что живут в тебе, кажется, во все времена года, подспудно влияяя на поступки. Именно серые разбойники, как ни странно, помогают человеку стать неутомимым, отважным и нежным. Ведь волчьи законы - это не только строгая иерархия и жёсткая дисциплина в стае, но и... преданность друг другу.

Часто люди выражают негодование по поводу «бессердечности» волков-родителей: они будто бы равнодушно взирают на то, как охотник по одному достаёт из логова волчат и бросает их в мешок. По крайней мере, звери никогда ничего не предпринимают в защиту своего потомства, смотрят со стороны и не приближаются, в отличие, скажем, от глухарки, что, скорее, пожертвует собой, чем бросит птенцов, а во время пожара закрывает их своим телом и погибает вместе с ними. Но так ли трусливы звери, на самом деле являющиеся нежными и мудрыми воспитателями?

Именно потому, что волк исключительно умён и отважен, он и не защищает волчат, обнаруженных без родителей человеком. Когда волк заподозрил, что логово обнаружено, и он успевает опередить человека, зверь немедленно переносит волчат на новое место. Но если поздно, никак себя не выявляет, хорошо понимая: дать себя обнаружить, значит, быть самому уничтоженным, что невыгодно для продолжения рода. А вот затаиться, перетерпеть, как бы ни было больно, и начать всё сначала - будет истинно по-волчьи. За эту силу духа, что недостаёт порой даже многим людям, волк должен вызывать у них искреннее восхищение, а уж никак не осуждение.

Матёрый волк, что замыкает стаю и внимательно стережёт её тылы, давно забыл жалость к самому себе, и оттого не знает жалости ни к прибылым, ни к переяркам, ни к самой волчице, идущей впереди. Он живёт устремлениями, которые, наверное, не присущи никакому другому зверю, и неутомимо воспитывает их в своих детях. Волк уже скорее не чувствует, а догадывается о предстоящих событиях в жизни стаи, цепко всматривается в то, что его окружает, и готов преодолевать что угодно, только бы быть ко всему готовым.

В особо лютые зимы волки могут даже выгнать медведя из берлоги и загрызть. Но, всё-таки, состояние безудержной ярости совсем не присуще природе зверя, а свойственно, скорее, человеку. Можно даже сказать, что он не желает с ним расставаться, и способен проявить в самый неожиданный момент. Волк же без всякой необходимости никогда не будет испытывать судьбу, преодолеет лишние десятки вёрст и воспримет всё это как должное.

Три дня жили мы с товарищем в укромной лесной избушке, исходили всю округу, и каждый день, хотя бы раз, натыкались на волчий след. Волк, по-видимому, самец, был очень крупный: в чётко отпечатанном на снегу следу укладывался добрый кулак, и казалось странным, что зверь держится в эту ноябрьскую пору один. Волк охотился там же, где и мы, выбирая самые лучшие места, и поэтому наши пути то и дело пересекались. Видно, было, что это один и тот же зверь, поскольку район обитания у волка в отдельно взятый период неизменен, да и размер лапы везде был одинаков.

Местность мы знали хорошо и, не обращая внимания на присутствие волка, выискивали тетеревиные табунки, набредая изредка на глухарей, и только на четвертый день чуть не столкнулись со зверем. Спускаясь по глухой просеке к логу, где тихо струилась потаённая харюзовая речушка, мы и не предполагали, что волк в это же самое время бежит вдоль лога по его склону прямо нам навстречу.

Лёгкий ветерок задувал из-под зверя, и он не мог нас почуять. Но когда мы выбрались на открытое пространство и заговорили, зверь, услышав человеческую речь, тотчас ринулся в сторону. Это стало видно по следам, резко перешедшим на галоп, тогда как чуть ранее волк передвигался неспешно, он, вообще, никуда не торопился, и в сердцах мы посетовали, что не вовремя нарушили тишину.

Так, по собственной оплошности, мы упустили возможность столкнуться со зверем лоб в лоб. Помнится, я долго ещё воображал после этого, как бы волк трусил, чуть пригнувшись к земле, уже одетый в зимнюю светло-серую с чёрными подпалинами шубу, без всякого усилия выбрасывая мощные лапы, и если бы глаза наши тогда на мгновение встретились, я бы, наверное, почувствовал себя неизмеримо счастливым.

Однажды счастье, всё же, улыбнулось мне: я встретил исхудавшую волчицу. Понуро опустив голову и хвост, она неспешно семенила у края дороги прямо мне навстречу. Казалось, её ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати метрах от меня, даже не глядя в мою сторону, она резко повернула в лес и исчезла. Я стоял, опешив от ощущения близости такого редкого зверя, и почему-то был уверен, что ещё увижу его.

И действительно, волчица, обогнув меня сквозь чащу, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль, и заглянула мне в лицо. Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту пристально смотрела мне прямо в глаза, а затем, так же понуро повернувшись и не издав ни звука, удалилась.

Ни у кого из зверей не таится в глазах такой сдерживаемой дикой воли и холодного безразличия ко всему, как у волка. Особая тишина воцаряется в природе, когда волк смотрит на тебя, не мигая, и молчит. Когда же ты сам вглядываешься в застывшие волчьи глаза, что случается крайне редко, они открывают тебе бесконечные тысячелетия перевоплощений человека в обличье зверя, и беспристрастие самого зверя по отношению к людям.

Попытки людей, во что бы то ни стало, постичь дикую природу зверя, как правило, ни к чему не приводят. Но, может быть, нет в лесу ничего увлекательней, чем находить у каждого его обитателя истинное лицо, тем более - у такого удивительного зверя, как волк.

Через одного моего знакомого волк даже перепрыгнул, опершись об него передними лапами, будто это было нечто неживое - взгорок или земляной холм, оказавшийся на пути зверя. Будучи ещё парнишкой, как мне рассказывал этот человек, он пас овец. Стоял обычный августовский полдень, и всё было тихо, но вдруг из лесу на пригорке показались волки. Их было двое, по-видимому, матёрый волк с волчицей, и двигались они без затей,

прямиком к краю стада, в расчёте ухватить зазевавшуюся овцу.

Волки шли стремительным намётом, вверх по склону, и не могли видеть пастушка, расположившегося в маленькой ложбинке. Наскочив же на него, звери, как ни странно, не опешили, а перепрыгнули через полулежавшего человека, оттолкнувшись при этом от него лапами, в нескольких метрах замерли, обернувшись, и спокойно потрусили к нижнему леску, как будто и не намеревались поживиться. Волков словно подменили после мгновенного столкновения с человеком, и они стали похожи на обычных домашних псов, охраняющих пасущееся стадо.

Редко, когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом, в их честь, «волчьим солнышком». Луна и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им лунной мастью, предвосхищающей в них небывалую силу и чуткость.

Вот и завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией волчьей тоски, утверждая, что волчий вой и разбойный свист бури родились в единой утробе. Но так ли тосклива волчья песня, действительно, схожая по звучанию с самой свободной стихией? Иной августовской ночью, с полной светлой луной, кажется, что волки не воют, а поют.

Нет, волки - замечательные существа, будто занесённые в нашу жизнь из волшебной сказки. Они необыкновенно украшают её, оставаясь больше в тени, и когда холодной сентябрьской ночью взвоет где-то волк, на душе становится тепло и покойно. А отправившись однажды в лес без ружья, пусть даже с невесёлыми, но чистыми мыслями, вдруг захочется и самому стать волком.

Постоянно бывая в лесу, я часто думал: вот бы целый день, может быть, даже неделю, пробыть в волчьей шкуре, неважно кем: матёрым самцом, умудрённой опытом волчицей, только что народившимся волчонком, значащимся в стае прибылым, или переярком, перелесовавшим в ней год! Всё на себе прочувствовать, попытаться понять, сохраняя человеческое сознание, и никому об этом не рассказывать. Просто нести в себе как знание, умело пользоваться им, не считая себя знатоком природы, и, даже уйдя далеко в понимании леса и волков, ни в коем случае не возгордиться.

А лучше, вообще, ничего не предпринимать, оставаясь самим собой. Где-нибудь в конце августа взять и отправиться в лес за грибами, с ночи, чтобы прийти на место под самое утро и, сложив домиком ладошки, прямо посреди лесной дороги завыть волком, что называется - «подвабить».

Сначала неумело подстраиваясь под зверя, затем - всё более проникновенно, постепенно налаживая интонацию воя так, чтобы звери отозвались на твоё присутствие. И вот, выдержав томительную паузу, слегка встревоженные чем-то волки завыли вразнобой, как и ты, потому, что поверили тебе. Где-то там живут безудержные, не управляемые никем звери, что придают летней ночи такое обаяние и уют?!

Легко, без усилий представляешь себе взгорок, на котором происходит

звериное таинство. В твоём воображении это почему-то именно открытая возвышенность, с островком таинственно чернеющего неподалёку леса, и даже если на небе нет луны - она спряталась за облаками, поляна вся освещена. Правда, несколько тускло, под стать волчьему меху, в летнее время порядком прибившемуся и поредевшему. Но самое главное – тебе хочется выть волком и быть им, насколько хватит собственных сил и желания соединиться с этой поляной, росистой травой и не меркнущей луной.

В зимнюю пору луна наливается силой как-то по-особому полно, и светит на небе всегда открыто, ничего не боясь - ни холодной тьмы, ни жестоких буранов, ни волчьего воя. Всю ночь, бывает, волчья стая на месяц провоет, а он никак на землю не падает. Не ведает, наверное, месяц и про то, что его люди волчьим солнышком кличут.

Ласково, с любовью относились в народе и к нему, и к волкам. Ничто так поэтично не выражало зимнюю ночь, как тени от сидящих на освещённом луной снегу зверей, с задранными мордами взирая в холодную высоту. Им, видать, лунный свет был не за счастье, он тревожил зверей в их беспокойной жизни. Им некуда было от него деться, и волки отводили мятущуюся душу в своей неприкаянной песне, а луна молчаливо взирала на них и успокаивала.

Но к чему стремится человек, когда хочет понять и луну, и волков, переживая в сердце ощущение, что зовёт его самого стать волком? В любом случае, кем бы человек ни оказался, его ожидает непременная радость только от того, что он однажды родился, попытался постичь жизнь и восхитился её красотой, ни в чём не разочаровавшись. И не важно, если мир не будет к нему благосклонен, как к волку, что помимо нелёгкого бремени всегда несёт в себе мудрую вечность природы, а значит - нечто неизмеримо надёжное и глубокое, никогда не теряя при этом своего волчьего обличья.

К слову сказать, ум волка, его высокая внутренняя организация, в большей мере и созидающий облик зверя, как нельзя лучше проявляется именно в вое. Ведь каждая волчья стая обладает своим жизненным участком, границы его никогда не остаются неизменными, время от времени перемещаются и, вполне вероятно, накладываются на владения другой стаи. В пылу охоты это происходит наиболее часто, и может служить поводом для кровавых столкновений, но драки между стаями, тем не менее, очень редки.

Соседние волчьи кланы не зря сторонятся друг друга; чуть сошлись - вот тебе и жестокая схватка, несколько волков в ней, как правило, получают смертельные ранения. Могут ли такие дальновидные звери допустить подобное? Конечно, нет, и поэтому волки, передвигаясь по лесу, проверяют дорогу перед собой веками выработанной системой голосовых сигналов, а именно - воем.

Если стая уверена в своих силах, она, игнорируя грозный вой-отклик, двигается вперед, и тогда тем, кто им отвечает, приходится решать: вступать в бой или поворачивать вспять. Чаще всего никакого ответа не следует, значит, другая стая предпочитает не встревать в перебранку, и это мудро. Волки никогда не поленятся уйти на километр-другой в сторону, чтобы не рисковать

ненужной встречей с соседями. Даже охоту могут прервать, если не испытывают особого голода, и добыча не слишком лакомая. Главное - сохранить свой род, и сила его в том, что живёт волком, сила же волка - родная стая.

Вообще, для таких вдумчивых зверей, как волки, важны самые разнообразные сигналы, включающие и малейшие оттенки поведения: ничто у волков не происходит просто так, без нужды. Когда в опасность старый волк покидает стаю - это сигнал для других волков: каждый заботься о себе! Значит, предстоящая встреча чревата для них неприятностями, и уж если матёрый зверь решается на бегство, то все должны последовать его примеру, чтобы сохранить самое ценное - собственную жизнь.

Многим людям стоит поучиться и предусмотрительности волков. Так, оставляя информацию о себе, звери стараются подвесить помёт на ветку куста. Делают они это по весьма уважительной причине: на земле жуки-навозники быстро уничтожают такую «визитную карточку», а на ветке она для них недоступна.

Чаще всего волк приходил ко мне на глухариных токах, и я чувствовал, что он хитрее и коварнее всех других зверей: медведя, лося, барсука и даже рыси. Медведь или лось могут захрустеть валежником, тем самым заранее обнаружив себя, барсук, невзирая на небольшие размеры, пробирается по ночному лесу обычно проворно, с шумом, предупредительно топоча и пофыркивая, но волк крадётся всегда неслышно, никак не выявляя своего присутствия. Серый мех его сливается с рассветными и вечерними сумерками, не оставляя тени, и волк будто растворяется в лесу. Лес оттого, кажется, никогда не засыпает, а только притаивается наподобие этого умного зверя.

Однажды волк преследовал меня всю ночь и утро, когда я, покинув лесную избушку, направлялся к месту токовища. Я даже не почувствовал зверя, не заподозрил его, а он ступал за мной по пятам, очень вкрадчиво и осторожно, и когда я останавливался, пытаясь различить глухариное пробуждение, он тоже замирал. Наверное, волк сам охотился за глухарями, и моё присутствие вызывало у него недоумение.

Волк не предпринимал ничего, что бы могло нарушить недолгий ночной покой, он был готов к чему угодно, чтобы только не погибнуть и стать ещё сильнее. Из всех зверей он был самой неотъемлемой частью леса, что существовал сам по себе, но и неразделимо со зверем, и это вынуждало относиться к волку по-особому.

Волк, наверное, злился и никак не мог постичь, что влечёт человека в такой полночный час в лес, когда только звери обращаются к своей темноте. Волк злобился и в тоже время остерегался, потому что крадущийся человек был чем-то под стать ему, лесному зверю. Человек был, пожалуй, опаснее волка, поскольку хранил в себе ещё более непостижимую для зверя тайну.

Волка мучило любопытство, он подстраивался под окружающую тишину и мрак, чутко вслушиваясь в каждый мой шаг. Зверь хотел проследить до самого конца моё поведение – что я предприму, но я лишь пристально

вглядывался в чуть светлеющее небо, так же, как зверь, замирал на неопределенное время и, кажется, ничего более не желал. По понятиям волка, я вёл себя очень странно, но оставить меня без своего внимания зверь отчего-то не мог. Это было превыше его природного чутья, и волк двигался за мной крадучись, оставался самим собой и, должно быть, ничего не боялся. Так мне показалось на миг, уже потом, когда я обнаружил его вкрадчивые следы.

Волк не покидал меня целое утро, пока я случайно не согнал первого глухаря. Глухарь ещё с вечера уселся на непривычном для него месте, гораздо ближе обычного расположения во время тока, и очень испугал меня, когда неожиданно сорвался с худенькой одинокой березки. Как он, вообще, умудрился заночевать на таком непривычном для себя деревце, маленьком, беззащитном и растущем почти в самой низинке, вдали от любимых высоких сосен?! Вместе с исчезновением глухаря в душе что-то сжалось, а затем отпустило, но я не почувствовал в душе какой-либо досады.

Помнится, ещё отрешённо постоял, врасплох застигнутый этой откровенной неудачей, и уже готов был повернуть назад, как что-то смутило меня в снежном покрове, он должен был оставаться гладким. Я присел на корточки, и вот тогда мне и попались на глаза свежие волчьи следы, убегающие в укромный отложек.

Может быть, глухариный слёт так напугал зверя, что вывел его из оцепенения этой своеобразной охоты, а может, волк угадал моё намерение вернуться, и тотчас ретировался, избегая столкновения с человеком. Так или иначе, зверь поспешил раствориться в лесной чаще. Только вдавленные в наст крупные отпечатки волчьих следов безотчетно притягивали меня своей завораживающей силой, и я никак не мог поверить, что волк всё это время шёл за мной след в след, а я даже не подозревал об этом.

Неудача с глухарем сразу показалась незначительной, как только я убедился в изворотливости скрытного зверя, в его неугасимой жажде быть там, где ему, может, и не надлежит быть, но он почему-то всё равно объявляется. Воображение скоро нарисовало этого одинокого волка и то пристальное внимание, какое зверь проявил по отношению ко мне. Переживая в душе произошедшее, я ещё долго не отпускал зверя от себя, и всё думал о том, какой он необыкновенный, дикий и мой.

Вполне возможно, что именно этот волк пришёл ко мне на следующий год, когда я забылся тревожным сном у потухающего костра. Ожидание глухариного пробуждения было так утомительно в непогодливую весеннюю ночь, что вялая дремота одолела-таки меня. Я спал без сновидений и не ведал, что прямо у изголовья, в каких-нибудь трех-четырех метрах, стоит хищный лесной зверь и, может быть, вглядывается в моё лицо.

Лицо, наверное, было запалым от усталости, покойным в перебегающих по нему огненных бликах. Волк смотрел на огонь, на меня, осторожно втягивая носом непривычные для себя запахи, и не решался что-либо предпринять. Он ровно угадывал нечто знакомое и вспоминал: когда-то подобное уже тревожило его чуткое восприятие, а волк так и не постиг его. Ему, наверное,

было отчего-то приятно стоять вот так, рядом с этой неодолимой для него тайной, и волк не торопился исчезать.

Я опять ничего этого не увидел, а только угадал с рассветом по следам, что волк оставил у края раскисшей тропинки. Вечером их не было, я хорошо это запомнил, собирая для костра хворост и, конечно, отметил бы такую важную подробность. Волк появился, как и тогда, ночью, разделил её на какое-то время со мной, но ничего не забрал. Скорее, он ещё раз осчастливил меня своим неуловимым присутствием, пытаясь в чём-то разобраться, и мне нисколько не стало от этого хуже. Волк по-прежнему держался в этих местах особняком, и я почувствовал, что мы с ним в чём-то похожи.

Не жуть, а тихая радость охватила меня, и я вдруг вмиг осознал, как признателен этому вкрадчивому зверю за что-то очень важное, что он подарил мне при наших встречах. То, что не присутствует в обыденной человеческой жизни, но всегда неотступно влечёт к себе и, в тоже время, отпугивает. Моих неясных устремлений, должно быть, касалась лесная душа, что чаще всего приходила именно в облике зверей, и могла быть не только волком или медведем, но и неторопливым лосем, сосредоточенным в себе барсуком и лукавой рысью.

Но сейчас именно волк посетил меня в своей обители, куда я пришёл к нему в гости, и зверь приблизился к человеку на минимально допустимое расстояние, чтобы рассмотреть его лучше, отметил что-то для себя и неслышно удалился. Вероятно, навсегда, а может быть - до следующей встречи, когда лес вновь вознамерится заглянуть в твою душу, чтобы осторожно приоткрыть свою.

Как и любой другой зверь, волк всегда появлялся нежданно, но выходило это у него по-особому. Причём, не важно, происходила ли встреча на самом деле или во снах. Зверь в них почему-то возникал большей частью на взгорке, долго вглядывался в меня, и когда я уже начинал воспринимать его осознанно, реально, он незаметно исчезал. Трудно было поверить, что волк приходил случайно, не понимая, для чего он это делает. Волк, конечно, приходил именно ко мне, и надо было понять, зачем ему это нужно.

Сначала он приподнимал лобастую голову и долго глядел куда-то мимо меня. Лёгкий ветерок еле ворошил шерсть на его загривке. Втягивая всем своим существом одному ему знакомые вести, он словно прислушивался к чему-то, что составляло простирающуюся вокруг бесконечность: движение облаков, многочисленные запахи, шум сосен и елей, всю эту неземную тишину, и даже то, что происходило в душе человека.

Волк чувствовал себя совершенно свободным, это было видно по его глазам, холодным и спокойным. Глазам, что не умели считывать время, а только бесконечно изливали его. В этом заключалась суть волчьей жизни, предназначенной быть везде и во всём, окружающий лес был его домом, и другого волк не знал никогда.

Волк был наименее покорен мне среди всех зверей, но наиболее дорог. Такой непредсказуемый и неуловимый, он как никто ощущался мной, и

именно его я хотел видеть всегда рядом. Когда бы это ни происходило, я чувствовал, что волк понимает все мои мысли, и это его не настораживает. Он будто погружается в сон вместе со мной, и выглядит это у него как-то по-щенячьи. Но лишь на мгновение позволяешь себе подобное, а потом опять бежишь рядом со зверем, и надеешься только на себя.

Вернее, бежишь сам по себе, лишь предполагая в какие-то моменты, как бы это могло быть: бок о бок – ты и волк, ни для кого не помеха, а друг для друга - молчаливое взаимопонимание. Потому что нет ничего надёжнее, как взять и отправиться в лес ради того, чтобы повидаться и с волком, и с лесом, и с самим собою, каким ты можешь оказаться только в таинственной лесной чаще.

Волк виделся мне всегда подтянутым и крепким, густая шерсть на его широкой груди копошилась чистым серым волосом. От загривка до лап - внимание и опыт, он, в тоже время, подкупал еле угадываемой доверительностью. А ещё - необыкновенной выносливостью, храбростью и силой, что, конечно, была неведома человеку. Волк был так прост в этой обыкновенной красоте, что всё это можно было не заметить за своей надоевшей человеческой правдой.

Оказываясь рядом, волк словно проживал вместе со мной мои невесёлые думы, но не тревожился и не уходил никуда, видимо полагая их для себя безопасными. Словно всё, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить и быть зачем-то преданным человеку.

Стоя на утоптанной опушке, волк изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от скрытого добродушия, если это можно было так назвать. Схватывая губами хрупкий снег, волк отрешённо замирал, и было непонятно, вслушивается ли он опять в холодное завывание ветра в верхушках деревьев и шуршание сухой поземки по мёрзлому насту, или его изощрённое чутьё скользит где-то рядом, ни на чём конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, становясь самим собой, и сердце начинало учащенно биться, а кровь застывала в жилах от его проникновенного взгляда: в нём виделось лишь презрение ко всему, и ещё - свобода, недоступная человеку.

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымаливает у судьбы подаяния, что он необыкновенно горд дарованной ему от природы волей и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришёл ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из своего древнего забытья, извлёк собственной любовью и неутомимостью из таинственного глухого леса, потому что он был мне нужен. И ещё мне хотелось верить, без всякого надрыва или какого-либо ущерба для себя, что я ему дорог так же, как и он мне, и нас ничто не сможет разлучить, а лес будет стеречь жизнь удивительного зверя и человека, что осмелился сделать её своей.

Не рассказать о волке даже всего того, что хочется и знаешь, уже не

говоря о заключённой в нём тайне. Его неуловимый серый образ возникает рядом с тобой исподволь, зачаровывает своим присутствием и ты не в силах избавиться от него. Волк и не преследует, и не тяготит, но привыкнуть к нему никак не удаётся из-за его своеобразия, и ты начинаешь приписывать волку качества, что ему, наверное, не присущи, хотя многих из них он действительно достоин. На самом же деле зверь всего лишь проверяет: зачем он понадобился тебе, любишь ли ты лес и не бравируешь ли маломальским знанием о нём?!

Тайна любого зверя всегда была неизмерима для человека. Впрочем, если только он успокаивался, предпочитая верное домашнее тепло неясному, но бесконечно дорогому лесному уюту. Волк был одним из тех, кто дарил его, никогда ничего не обещая. Ты должен был сам почувствовать всю разницу существования зверя и человека, забыть себя и, отрешась от удобного и привычного комфорта, может быть, суметь приобрести несоизмеримо большее. Сколько нужно было бесчисленных дней, ночей и лет, чтобы научиться этому трогательному прикосновению к звериной тайне, а волк, тем временем, всё это видел и находился рядом с человеком, несмотря на бесконечные гонения, но не исчезал?!

Неправда, что в волке больше корысти, нежели не нашедшего себя до конца ума, предполагающего затаенное волчье желание: однажды, всё-таки, преодолеть себя, сбросив, наконец, свою серую шкуру. Вернее, нелёгкую волчью обязанность, возложенную на него природой, потому как серая одёжка скорее спасает зверя, когда он в предрассветных сумерках возвращается с добычей или, наоборот, отправляется под вечер на поживу.

Волк обречён на то, чтобы вечно добывать себе пищу непрекращающимся бегом и постоянно затрачиваемыми усилиями, что, в сравнении с усилиями в добыче пищи у других животных, выражается наиболее ярко. Его телосложение не позволяет ему удовлетворяться только лишь мелкой дичью. Но при этом волк не претендует на привилегированное положение зверя, имеющего возможность большую часть жизни не задумываться о пропитании, уделяя этому только не такие уж обременительные для себя усилия.

Своим образом жизни, волк чем-то под стать акуле, этому «волку» морских просторов. В силу своего строения она не наделена природой плавательным пузырем, отчего и обречена на вечное движение. Лесной хищник, так же, вынужден быть неутомимым и, постоянно передвигаясь, выискивает хоть какую-либо добычу, чтобы, насытившись, в скором времени вновь обратиться в изнурительный поиск.

Но не только неутомимость движет волком в его серой жизни. Целый комплекс выработанных природой привычек и свойств обуревают зверя быть самим собой – серым разбойником нашего русского леса. И как не упомянуть его отчаявшуюся, тупую ненависть к своей обездоленной жизни, и мощно устремлённую вперёд грудную клетку с разгорячёнными мехами выносливых легких, и угрюмо наклонённый, как будто даже вжатый в литое туловище страшный покатый лоб, и серость, благодаря которой он становится неуязвим

в сумерках, когда начинает и заканчивает охоту?

Тяготит ли его эта серая доха, никто не знает, но волк по духу в лесу - господин, непредсказуемый, безжалостный и умный. Если медведь со своей размеренной жизнью более тяготеет к духовному сословию, то волк принадлежит к дворянскому сану. Он - вотчинник, хозяин необъятных таежных угодий с множеством видимых и невидимых обитателей. Прозванный в народе бирюком, волчурой, аукой, волчком-серым бочком или просто зверем, волк по призванию, скорее всего, самый настоящий помещик, строго взыскивающий с подчиненных любую недоимку и тотчас наказывающий за неё.

Обхаживая свою вотчину зубом да клыком, серый помещик не богат, но славен, хотя и не барин: сам орёт, сам и пашет. На том и стоит, и поместье своё лесное держит, самим лесным богом определённое ему в вечное пользование. Знает волк, что кафтан у него сер, зато ум у него не чёрт съел. Серо то, как говорится, серо, а волюшка своя!

У волка её - вдосталь, и чтобы управлять этой свободой, большой серый зверь вглядывается в окружающую его жизнь очень внимательно, даже несколько настороженно, но не пугливо. Он пронизывает своим взглядом любого, независимо человек то или зверь, и видит чужую душу как свою. Может быть, даже более того, ибо волк - единственный из животных, кто, постоянно разрушая, способен так же неукоснительно и созидать. Всё это умещается в великолепном звере, которого природа не перестаёт лепить, и ей никак не удаётся достичь совершенства.

Сам волк будто противится этой кропотливой работе, но, в конце концов, подчиняется ей. Не любит серый, когда над ним кто-то стоит, и он изо всех сил упирается тому, что вынуждает его иногда поступать вопреки своей сермяжной лесной правде, да только своя сермяга - не тяга.

Волк словно знает про себя какую-то большую нелёгкую правду, что мешает ему жить, но он её безропотно несёт. Ни лисы, изощрившейся в обмане и хитрости, ни медведя, погрязшего в безобидном лакомстве, эта доля не коснулась. Она выбрала именно в меру крупного, неприхотливого и лёгкого на подъём серого зверя, предназначенного обезопасить лесной мир от беды.

Его недобрый взгляд, отрешённо и намертво пронзающий холодом уставшей души, уже давно отчаявшейся отыскать своё пристанище, отображает этот незыблемый закон. Нарушив его, волк умрёт, обезумев от неукоснительности своей серой судьбы и возложенного на него природой долга, по которому он преодолевает своё необъяснимое несовершенство в бесконечных сугробах и верстах, не в силах избавиться от него. Сер волк, сед, а всё ему его помещичья честь, поскольку он неутомим!

Еловое облачко

Сыплет последним рыжим листом октябрь-батюшка, расколготица-дорога всё сыреет и сыреет под нескончаемыми дождями, и редко выдаётся

тихий пасмурный денёк. Второй осенний месяц ни колеса, ни полоза не любит. Птицы уже отлетели на юг, травы полегли, а в случающееся похолодание, кажется, что жизнь остановилась. Одиноко и пустынно становится в лесу.

Идёшь поутру краешком темнеющего леса, и ни о чём, кроме него, не думаешь. Листья чуть слышно шуршат под ногами, на душе дремотно, покойно, и не верится, что скоро налетят метели, лёд намертво скуёт светлеющую ленту реки, а снег укроет землю глубокими сугробами. Сердце твоё тронуто лишь мудрой осенней печалью.

И вдруг - хрустальный посвист, неожиданно тонкий и изящный, оживляет воцарившуюся вокруг тишину. Это - рябчик, воздушно-дымчатое облачко наших уральских лесов, скромный и обаятельный в своём незатейливом укромном существовании, пахнущий перезревшей рябинкой и прелым осиновым листом. Упруго надрывая октябрьскую тишину своим коротким вспархиванием, рябчик слегка пугает забывшееся в ней сердце, и оно начинает биться горячо, привольно, а лес на время просыпается.

Заслышав рябчиковый свист, обычно встрепенёшься, приятная тень осенних раздумий вмиг слетит с тебя, и в нос ударит крепкий хвойный аромат, что и выведет окончательно из оцепенения. Оглянешься в ту сторону, откуда, только что, доносился свист, и отчего-то насторожишься. Слишком необыкновенным покажется услышанный звук, такой проникновенный, именно по-осеннему звонкий и пристальный.

Словно какой-то неведомый лесной музыкант возьмёт и, неизвестно зачем, тронет твою душу волшебной дудочкой, а ты тотчас окажешься околдованным её звучанием. Ноты этой удивительной мелодии на секунду зацепятся в еловых ветвях, затем незаметно истают и, вскоре, вновь воскреснут в очередном жизнеутверждающем посвисте. И такой он тебе покажется родной, весёлый, что отчего-то улыбнёшься про себя и от души порадуешься петушку, что скрывается где-то в глубине чащи. Как изысканно, со вкусом преподносит он себя, и в тоже время - легко и просто.

Сразу захочешь увидеть этого восторженного исполнителя, попытаешься подойти к нему, но рябчик вспорхнёт, неслышно прочертит меж ветвей и опять усядется где-нибудь неподалёку. Ты угадаешь это по короткому взмаху его крыльев, на мгновение мелькнувших в тёмно-зелёной глубине, а через пару минут лес опять пронзит изумительно тонкий и безукоризненный по исполнению свист: то ли произведение искусства, то ли просто щедрый подарок неизведанной лесной души. Этакий вольный росчерк лесного художника, свободного от каких-либо обязательств, кроме желания оглашать потаённую тишину своей чистой и звонкой песенкой.

Имя своё рябчик приобрел вполне заслуженно, ибо он весь рябой, в чёрных, белых, жёлтых и светло-коричневых пестринах. Про человека говорят: «Ряб, будто черти у него на роже в свайку играли или горох молотили», но у рябчика пестрины располагаются по телу очень художественно, словно мастерски нанесённые кистью мазки. На расстоянии

они действительно пестрят в глазах, и для птицы играют роль маскировки. Если рассмотреть их вблизи, пестрины очаруют своей изысканностью и простотой. Сразу подумаешь, что каждую рождённую птицу Создатель брал в свои руки и собственноручно расписывал, до того она выглядела обворожительно и естественно.

Под стать рябой листве на дереве, рябчик удивительно сочетается с ней осенью, так что бывает очень трудно его разглядеть, и пока не облетит лист, рябчик неплохо защищён. Но если долго смотреть в ту сторону, откуда разнёсся призывный свист, то вскоре рябчик обязательно шелохнётся, осторожно продвигаясь по ветке, скусит ягодку или листочек, и тем самым непременно себя объявит. Правда, подстреленный и упавший на разноцветный осенний мох, он долгое время не видим, и порой потратишь не одну минуту, прежде чем отыщешь эту пеструю птицу. Обычно рябчика выдаёт пепельно-дымчатая спинка, что, несмотря на общий пегий цвет птицы, сразу бросается в глаза.

Подбитого рябчика обнаруживаешь чаще всего лежащим на животике, при падении он, должно быть, ещё машет крыльями, пытаясь спастись, и вот спинка-то выгодно и отличает его среди пожухлой листвы. Эта пепельная дымчатость оперения рябчика до такой степени чиста, что её невозможно не заметить, и всегда сначала погладишь нежное и тёплое перо, присев рядом с птицей на корточки, а затем уже возьмёшь её в руки. Взгляду сразу откроется пестрый упитанный животик и чёрное горлышко, обведённое чуть заметным сереньким ободком.

Чёрное пятно на горле у рябчика отличает самца; самка разнится с ним чуть меньшими размерами и менее яркой расцветкой. Ничем не выразительная, она непроизвольно вызывает жалость, что всегда остаётся как бы в тени. Петушок же хорош во всём: его звонкий голосок разносится в лесу повсюду, круглое, упитанное тельце с надувшейся грудкой так и хочется потрогать, а на ярко-красную бровь с молодецким хохолком даже заглядишься. Всем взял этот пёстренький удалец в сравнении со своей серенькой подружкой, но нужно понимать, что только для неё красуется он нарядом и никогда её не оставляет после выведения птенцов. Рябчик достойно несёт в себе доставшиеся ему от природы преимущества, честно отрабатывая их во имя неё.

И ряб, говорят, рябчик, да люб, ибо Божий дар никогда не бывает плох. А рябчик со всем, что он в себе несёт, именно подарок лесного бога человеку для его же пользы. Мало того, что эти птицы всегда кормили человека, так они ещё украшали его жизнь своим потаённым лесным присутствием. Без рябчика в лесу не было бы так хорошо и привольно. Без его тонкого голоска сердце человека, наверное, заскучало бы осеннею порой.

К тому же, пёстренькая раскраска рябчика даёт оттенки всех цветов, если пристальней к нему присмотреться, и даже в пасмурный осенний день птица будто светится. Всматриваешься, пытаешься понять, в чем тут дело, но не в силах ничего постичь. Да и стоит ли досконально разбираться в том, что,

наверное, следует принять как должное, что само по себе просто хорошо, и его надлежит только увидеть и обрадоваться. И хоть говорят: «Рыбки да рябки - потерять уповодки», то есть - охота на рябчика убивает время, но, по-моему, она лишь украшает его, обогащая общением с удивительным миром природы.

Своим обаятельным видом рябчик будто воплощает собой суть елово-лиственного леса, его душу, без которой лес бы замкнулся в себе, даже при обилии других птиц. Дымчато-пепельным облачком перелетает рябчик в нижнем пологе леса, и оживляет его. Он - его неизменный обитатель, привносящий, наравне с белками, медведями и глухарями, свою тайну.

Может быть, даже всеми любимая рябина однажды получила свое название благодаря именно рябчику, который не в силах без неё обойтись: больно уж она для него вкусна! Особенно под осень, когда рябчик проводит большую часть своего времени на ней. Черёмуха объедена уже в конце лета, ольховые и берёзовые серёжки ещё предстоит глодать всю долгую зиму, а вот рябинушка - страсть, как хороша! Неторопливо, со смаком склёвывает рябчик янтарные, налитые соком ягодки, и разве может что-то их заменить в эту благодатную пору?!

«Петухом» в народе обычно называют задорного драчуна, забияку, но рябчик на такое громкое имя и не претендует, ограничиваясь просто «петушком». Преисполненный сил и радости от того, как он живёт, рябчик задорно держится в лесу всегда, что бы он ни делал. Если надлежит ретироваться, он тотчас, ничуть не смущаясь, ринется пулей в чащу и, присев где-нибудь на ветку, в достаточном удалении от грозящей опасности, трепетно и жизнеутверждающе издаст свой посвист: «Тюк-тюк, тюк-рю-рю-рю-рюк!» Мол, как бы там ни было, а у меня всё в порядке!

Если рябчику никто не мешает, он неспешно расхаживает по суку и, наблюдая за ним из-за укрытия, непременно отметишь его молодцеватость. Рябчику просто хорошо и уютно жить, он преисполнен сил и радости от своего лесного существования, и что бы он ни делал, у него всегда хорошее настроение.

Надоест петушку склёвывать ягодки на дереве, он восторженно опустится на пол, и таким же волнительным молодцом пройдётся по нему. Хохолок у него при этом всегда топорщится, глазок блестит - востёр рябчик, всё примечает и слышит, что происходит вокруг! И на любую перемену рядом с собой реагирует мгновенно: каждый шаг у него соизмерён с ритмами леса. Рябчик, как будто его сердечко - трепетное, нежное, но такое неустрашимое!

Хохолок из перьев на голове - это его отношение к жизни. Если хохолок топорщится, рябчик весь во внимании, особенно весной, когда нужно произвести впечатление на самочку. Поклон к ней с хохолком, а челобитье с ягодкой, которой он норовит угостить свою подружку! Нет ничего худого в этой обаятельной птице, и создана она лесным богом всем на радость и себе на утешение. Пригож хохолок, пригож и сам рябчик!

Рябчик по-своему храбр и удал, он всегда расторопен, и ему часто сопутствует удача. Если глухаря среди боровой дичи можно назвать царём-

батюшкой, барином, а тетерева-косача, представляя его в ермолке да кафтане, разудалым купцом-боярином, то рябчишка - это добрый молодец, бравый мужичок с ноготок. Рябчик вырос в лесу именно для размеренной жизни, и ей должны сопутствовать везенье и удача. Долго рябчик не думает, а быстро действует, потому и за двоих сразу стоит - за себя и за рябушку. Только для неё он всегда готов свою красу показать.

Помимо залихватски торчащего хохолка, у рябчика имеется алая бровь, и он ей тоже очаровывает самочку по весне. К этой поре бровь у рябчика наливается жизненным соком, она до того яркая, притягательная, что самочке, конечно, не устоять. Бровь будто сгусток раздавленной клюквы: рябчик настороженно поведёт головкой, встряхнёт хохолком, а бровь так и засияет!

В отличие от глухаря и тетерева, что больше преисполнены важности и всегда насторожены, рябчик просто по-хорошему разудал. Даже в моменты опасности он всегда молодцеват, изнутри подтянут: словом, выглядит браво. Ему не занимать задора при всём том, что он не оставляет по весне самочку одну с птенцами, как это делают глухарь с тетеревом, а помогает их выхаживать. Учитывая, что выводок у рябцов немалый и достигает порой полтора десятка, забот у него хватает, но он не теряет настроя и, сколько можно его видеть, бодр и весел.

Рябчика никогда не наскучивает наблюдать, он удивительно обаятелен и всегда вызывает только улыбку и восхищение. Что, казалось бы, замечательного в этой просто окрашенной, пего-коричневой и небольшой птичке? Но, тем не менее, ищешь с ним встречи, радуешься, завидев в лесу или услышав его характерный посвист, и не устаёшь наслаждаться.

Чёрная манишка на зобу, красная бровь, бравый хохолок и грудь колесом: ну, разве не удалец! Но есть в облике рябчика и такая любопытная деталь, как чёрная отметина полосой на самом конце хвоста, что всегда хорошо отличима, особенно когда птица взлетает, или присаживается на ветку. Это у него и для красоты, и как сигнал самочке о том, что он прибыл. Отметина хорошо подчеркивает распущенный веером хвост, по расцветке он такой же пегий, как головка, предплечья и спинка.

К зиме у рябчика появляются «ботфорты» на ногах - пушистые, знатные, так что рябчик в них выглядит более внушительным: не петушок, а петух! Благодаря этой густой бахроме из волос он, не проваливаясь, бродит по снегу, оставляя за собой крестики-следы. Когда же рябчик усаживается на ветку, то из-под бахромы виднеются только черные коготки. Такой молодец, что глядеть любо!

Побежка у рябчика, а иначе её назвать нельзя, тоже молодцеватая, хоть и двигается он часто вперевалочку. Рябчик именно перебегает по земле, так что не всегда и уследишь за ним. Головка его при этом держится высоко, гордо, рябчик чутко прислушивается к звукам и, уловив тревогу, тотчас замирает, а через мгновение с шумом срывается. Похаживает же он скорее по ветке, порой надолго затаиваясь и не производя ни звука.

Крылья у рябчика небольшие, короткие, но очень ладные. С помощью

них рябчик обычно планирует над полянками, ложками и лесными дорогами. Рябчику требуется много усилий только для взлёта, и оттого звук от подъёма упругий, будто разрываемая плотная ткань. Рябчик неожиданно срывается с места, ловко лавируя среди ветвей, и вслед за ним несётся, но вскоре растворяется короткое эхо: «Пр-р-р-р-р!»

Эхо это очень обаятельно, его даже хочется повторить, и, исчезая меж ветвей, оно будто увлекает за собой. Кажется, что рябчик не улетел далеко, а присел где-то неподалёку, и если идти осторожно, вскоре можно опять его увидеть. Рябчик, вообще, держится осёдло, перелетает только на небольшие расстояния и, как правило, обитает в каком-нибудь одном месте, где и проводит большую часть жизни. Должно произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы рябчик покинул любимый колок или отложек.

С помощью своих замечательных крыльев рябчик неуловим в нижнем пологе густого леса. Даже кинувшийся на него ястреб быстро отстанет, а рябчик благополучно скроется в разлапистом ельнике. Он так молниеносно меняет в нём направление, что угнаться за ним невозможно.

Но вот дробовой заряд, даже просвистевший поблизости, зачастую шокирует птицу, и рябчик замертво валится. Или каким-то образом птицу задевает ударная волна, и она, теряя ориентацию, становится легкой добычей охотника. Мне самому не раз приходилось стрелять рябчика как бы вскользь, навскидку, когда промедление было недопустимо, и довольно часто моим действиям сопутствовал успех.

Достаточно быстро выстрелить в сторону перелетающего просеку рябчика, и нередко он оказывался подбитым. Простота применяемого способа всегда поражала, но, тем не менее, срабатывала, порой даже пробуждая угрызения совести. Слишком легко доставалась и без того самая доступная птица среди всех боровых.

А крылья у рябчика действительно замечательные, хоть и летает он только на незначительные расстояния. Их всегда приятно держать в руках, когда рябчик уже разделан и приготовлен. Они немножко жестковатые, но легкие, с изящно изогнутыми маховыми перьями. Хозяйки обычно используют крылья рябчика для смазки противней, когда пекут пироги. Для этого подходят ещё и заячьи лапки, но рябчиковые крылышки гораздо надежнее и служат дольше.

Даже вспугнутые и поднявшиеся с земли рябчики никуда не улетают, а садятся тут же на деревья. Как будто у рябчиков не хватает сил лететь дальше или они такие глупые, что безотчётно доверяют человеку и ничего не боятся. На самом деле птицы до того привыкают к небольшим перелётам, что скорее усядутся с целью осмотреться, чем без оглядки исчезнут. Рябчиков устраивает неторопливый образ жизни, и они неспешно передвигаются лишь для того, чтобы поклевать ольховые сережки, попить родниковой водицы, и всё это - в каком-нибудь одном логу или лесочке.

Другие птицы хотя бы ненадолго оставляют лес. Рябчик - его извечный отшельник, ему не надо покидать лес даже в ненастную погоду, когда

остальные пернатые остерегаются намокнуть от капель с многочисленных веток. Рябчика, как раз, пугают открытые пространства, и он их норовит поскорее преодолеть, прочертив своим дымчато-пепельным силуэтом на одном дыхании, без единого взмаха. И всё благодаря своей удивительной способности вспорхнуть, собраться и бесшумно перенестись на другой конец вырубки или делянки. Те, кто видел этот бреющий полёт, не забудут его никогда, а про себя отметят удивительную сконцентрированность птицы и в тоже время - её легкость.

Живя в лесу, рябчик большую часть времени проводит на земле. Он быстро бегает, легко взбирается на поваленные деревья, пни, и свободно пробирается по самому дремучему валёжнику. Такой старый еловый лес, всегда напоминающий сказку, его исконная обитель, и он чувствует здесь себя полновластным хозяином.

Никуда не торопясь, и никому не мешая, держится так рябчик в нижнем пологе леса всю свою жизнь, а если поднимается на крыло, то летит на высоте в полдерева. Вспугнутый, он чаще усаживается на дерево и затаивается, взлетает же с большим шумом, который всегда приятно пугает. Полёт рябчика удивительно манёвренный: он ловко лавирует между ветвями, и оттого в густом хвойном лесу его бывает трудно увидеть. При этом рябчик никогда не садится на верхушки деревьев, и даже во время кормёжки он обычно располагается в средних частях кроны.

Рябчика не просто разглядеть в частом переплетении ветвей, но уж если ты его обнаружил, наблюдение за ним доставляет немалое удовольствие. Вперевалочку, но очень проворно передвигается рябчик по ветвям, наклонив при этом переднюю часть туловища и вытянув хвост. Иногда он поднимает голову и чутко прислушивается, а потом опять осторожно ступает.

Рябчики никогда не бывают жирными, как, скажем, осенний вальдшнеп, но всегда именно упитанны и округлы. Мясо рябчиков немного пресновато, зато имеет изысканный вкус, отличающий его от другой дичи. Дело тут не в ягодах, до которых рябчики большие охотники, а в необыкновенном смолистом духе, пронизывающем их.

Знающий человек, войдя в краснолесье, непременно скажет: «Рябчиком пахнет!» Рябчики поднимаются с полу целыми выводками, веером разлетаются по близстоящим деревьям и, рассевшись, оглашают потаённую тишину своей песенкой. Это их дом, им здесь хорошо, и птицы будто радуются приволью и обилию вкусного корма.

Если захочется, можно поклевать ягоды черемухи, в достатке произрастающей по урёмам лесных рек и ручьев, а то - подсластиться мороженой рябиной. По весне рябчики набивают полный зоб подснежников: то ли лечатся, то ли гурманят после надоевших за зиму берёзовых почек и ольховых серёжек. Летом они подклёвывают землянику, не брезгуют и малиной, устраивая в её зарослях, посреди заросших гряд, пыльные порхалища. Особое же лакомство для птиц - муравьиные яйца, их насекомые выкладывают на пень после дождя просушиться, и рябчики этим пользуются.

А ещё нужно добавить ко всему ветер, дождь, снег и солнце, что окружают рябчика с момента рождения, и, конечно, мох с вкрапленными в него бусинками клюквы, брусники и морошки, от чего рябчик набирает особый запах. Всё это, вместе с удивительным ароматом воды и воздуха, составляет его жизнь, без которой он - не рябчик. Природа кропотливо вкладывает в птицу только самое лучшее, а она незаметно вбирает её дары и добреет.

В пищу у рябчика берут преимущественно грудку. Мясо у него мягкое, белое и несколько суховатое. На семью в три - пять человек лучше приготовить полдюжины рябчиков.

Отделённое от костей, мясо нарубается в деревянном корыте сечкой, слегка подсаливается и перемешивается с молоком, отчего сразу набухает, заметно увеличиваясь в объёме. Лучше всего из него стряпать пельмени, они имеют вкус нежный и душистый. Но хороша и похлёбка, сдобренная лавровым листом, луком и перцем. Приготовленная на костре в лесу, она будто впитывает все окружающие ароматы и становится ещё наваристей, слаще.

Рябчик очень любит прятаться, и потому мало заметен. Только когда ты долго, не двигаясь, находишься на одном месте, можно увидеть, как рябчик перебегает по земле и кормится на дереве. Находясь на ветке, он обычно вытягивается вдоль неё, очень напоминая толстый сучок или нарост, и его не так-то легко разглядеть. Зная эту способность птицы, часто подкрадываешься к какой-либо округлости, привлекшей твоё внимание, и только в непосредственной близости понимаешь, что ошибся.

Хитёр рябчик, мастер маскироваться, но есть у него одна слабость. Это - его неискоренимое стремление отзываться на пищик охотника. Как бы рябчик не был озабочен, и даже находясь уже в паре, он всегда с удовольствием откликнется на зов, и, возможно, прилетит, если манить его искусно и верно. Петушок по своей натуре доверчив, страстен, что часто его подводит, но отчего-то не идёт ему впрок. Напуганный зарядом дроби, просвистевшей рядом, он вскоре забудет обо всём, и будет с таким же желанием отзываться и подлетать. Этим пользуются охотники, но нелегко научиться подражать голосу птицы.

Бывает, свистишь в манок выразительно и тонко, как и сам петушок, но рябчик отзывается, а не летит. Вроде бы, и укрыт ты надёжно ветвями ели, под которой стоишь, и манок твой в полном порядке, и всё же рябчик не трогается с места. Чего-то ему не хватает в твоем страстном призыве, и ты, начиная волноваться, опять, уже с непередаваемым томлением, издашь короткий тоненький посвист, но... тишина! Рябчик не желает реагировать на все твои ухищрения.

Когда рябчик отзывается, но не летит, знай, что рядом с ним находится его подружка. Рябчик не прочь, из чисто товарищеского побуждения, пообщаться какое-то время с «приятелем», но не более того. Оставлять свою супружницу без внимания он не намерен и, отозвавшись пару раз, вскоре

обязательно замолкнет. В этом случае, чтобы добыть петушка, следует разогнать пару и опять попытаться подманить его, правда, уже голосом самочки. Тогда, возможно, успех будет на твоей стороне.

Ещё смолоду запомнил я золотое правило: никогда не пользуйся пищиком часто, без особой на то необходимости. Следует сначала подать голос, выждать некоторое время после отзыва рябчика, и ещё раз поманить, но без спешки, как бы сохраняя достоинство. Рябчик очень чуткая птица, и по одному неверному позыву охотника - способен раскусить его, после чего надолго замолкает.

Когда рябчик откликается, а подлетать не спешит, надо дать ему пикнуть лишний раз без отзыва, чтобы раззадорить его, но самому вести себя сдержанно, никоим образом не выказывая слабость. Если и в этом случае рябчик никак себя не выявит, необходимо осторожно переменить место и, подав голос самца, тут же посвистеть самочкой, вызывая у упрямого рябчика ревность. Такая хитрость часто удаётся, и разгневанный рябок, забывая всякую осмотрительность, бросается к обидчику.

Манить рябчика реже выгодно всегда, так как он не терпит суеты и тотчас улетит, если заслышит в твоем позыве пристрастие. От охотника требуется не торопиться, отвечать рябчику сдержанно, но, в тоже время, восторженно, и петушок, если ты всё делал правильно, непременно найдёт тебя. Бегом или лётом он вскоре неожиданно обнаружит себя, и к этому надо быть готовым. Весь секрет в том, чтобы сохранять терпение, обладать достаточно музыкальным слухом и знанием жизни рябчика, умело пользуясь его слабостями.

Перехитрив и добыв рябчика, неспешно отправляйся дальше, ступай тихо, и чутко прислушивайся к песне других самцов, а пройдя метров сто, остановись и вновь воспользуйся пищиком. Не передать, как приятно идти по умиротворённому осеннему лесу и осторожно нарушать его покой проникновенным рябчиковым звучанием. Как только рябчик отзовётся, радости твоей нет предела!

Необыкновенно нежен и мягок посвист рябчика в эту тихую, задумчивую пору. Словно кто-то протяжно наигрывает на самых радостных струнках души, не давая им забыться перед долгой зимой. Вслушиваясь, конечно, понимаешь, что даже с помощью отменного манка тебе никогда не добиться этой чистоты и мягкости звука, но, тем не менее, пропеваешь песенку, и оттого ещё больше радуешься и становишься чище.

Вообще, песенку рябчика чаще всего можно услышать утром, после рассвета, и ближе к вечеру, перед наступлением сумерек, но иногда она звучит и днём, если тому способствует погода. Песенка тоже удивительно сочетается с молодцеватым обликом этой птицы. Звонкая, задорная, она радостно пронизывает, кажется, весь лес, и будто наполняет его каким-то невидимым хрустальным светом.

Выводя своим голоском эту радостную и чистую трель, рябчик, несомненно, отображает в ней мир, в котором живёт, потаённую мягкость

тишины густых ельников и логов, откуда, в тоже время, он стремится вырваться к солнцу и свету. На дне этих логов текут незамутнённые ручьи, что переливчато струятся наподобие свирельного свиста, а рябчик слушает его, запоминает и непроизвольно передаёт в своей песенке. Он, наверное, тот тонкий голосок, через который тёмный дремучий лес общается с Богом, не позволяя истекать из себя чему-то большему. Только через вдохновенную тонкость рябчиковой свирельки возносятся к небу его душа и мысли.

Свист свирели, тоненькая дудочка, трепетная восторженность, чище которой невозможно себе ничего представить... Как ещё охарактеризовать песню рябца? И вот что ещё очень важно: рябчик никогда не фальшивит. Не поёт, говорят в народе про разочаровавшегося в чём-то певца, так свищет, не пляшет, так прищёлкивает; но это никак не относится к рябчику. У него и голос не пропадает, и душа всегда поёт, а поётся хорошо там, где и воля, и доля, чего у рябчика в лесу в достатке.

Заслышав в лесу рябца, всегда хочется остановиться и, замерев, послушать эту удивительную музыку. Прислонившись плечом к стволу берёзы, стоишь, не шелохнувшись, и чутко вслушиваешься в простые, и в тоже время - волшебные звуки, что сливаются в непередаваемую мелодию. Мягкий и певучий голосок рябчика достаточно протяжен, чтобы легко отличить его от других птиц.

Песня рябчика удивительно гармонирует со всем, что его окружает. Он как запевала, без которого в лесу не поётся ни одна песня. Оставаясь по большей части невидимым, рябчик так же невидимо копит в себе своё мелодичное звучание. Невозможно не поражаться: как это удаётся такой небольшой, почти невидимой для многих птице?!

Бывало, слушаешь рябчика и думаешь: может быть, и нам доведётся свою песенку спеть, такую же светлую и радостную, как у рябчика, и она никогда не сможет никому надоесть? Ведь если с умом и душой живёшь, такую и песню поёшь, и, главное, петь её, а не допевать.

Обычно принято думать, что свист - это пронзительный звук, прогоняемый сквозь губы, клюв, зубы или через какую-нибудь дудку, и это, в общем-то, верно, но что касается рябчика, то его свист следует воспринимать как звук, пропускаемый через его маленькую лесную душу, которая всегда чиста. Правда, не всякая птица в лесу свистит, иная чиркает, а вот сова только пыхтит, да щёлкает. Рябчик же именно свистит, свистит всем своим лесным существом, как волшебная птица из сказки с серебряным голосом, и получается это у него неподражаемо.

Некоторые добычливые стрелки умеют звать рябчиков собственным свистом, но его, ни в коей мере, нельзя сравнить с рябчиковым. Встречаются и такие мастера, что виртуозно подражают рябчику пищиком или, как его чаще называют, манком, но и они не в силах соперничать с птицей, что выражает душу самой природы. Лучшие из них лишь приближаются к наиболее верному звучанию рябчиковой песни, и в этом им помогают правильно изготовленный пищик и абсолютный музыкальный слух.

Про пищик, а точнее про то, как и из чего его изготовить, в охотничьей литературе написано достаточно полно, и я не буду на этом останавливаться. Замечу лишь, что сам всю жизнь пользуюсь манком из эбонита, что имеет очень тонкое и мелодичное звучание в любое время года. Правда, в зимние морозы или холодную осеннюю пору манок забивается смерзшимися капельками влаги и звучит глуховато, но на то среди охотников существует масса советов, а наиболее приемлемый и безотказный предложен небезызвестным Л. П. Сабанеевым, который «на случай могущей быть порчи» советовал брать с собой в лес несколько пищиков.

Но для того чтобы безошибочно подманивать рябков, следует сначала научиться различать их песню, и в этом может помочь только частое общение с лесом. Идёшь, бывало, по лесу, поглядываешь вокруг, и вдруг тишину его пронзает нечто, даже для леса удивительное и ни на что не похожее. То - рябчик, потаённая лесная душа, потому как никакая другая птица петь так не может. Это даже не песня, не восторженный крик, а провозвестие чистоты, которая никогда и ничем не будет замутнена.

Хрустальный перезвон ручейка не задевает так сердце, как пересвистывание рябчика, особенно весной, поутру. Ни флейта, ни свирель, ни дудочка-жалейка тоже не идут с ним ни в какое сравнение, ибо рябчик не ублажает, а возносит. И не хочешь, но полетишь, вслушиваясь в рябчиковую песню, потому как никакие звуки в лесу не вызывают столько света и радости. Пронизывая всё вокруг, песня рябчика проникает и в тебя, заполняя каждый твой шаг, она - обаятельное продолжение его укромной жизни, что, слава Богу, длится и не прекращается.

Исходя из своего собственного опыта и опыта охотников, с которыми мне приходилось бывать в лесу, я склонен предположить, что музыкальный слух, а, следовательно, и умение манить - либо есть, либо нет. Его невозможно освоить, если ты не в ладу с тем жизненным ритмом, в котором живут растения, птицы и звери. Даже приноровившись к песенке рябчика, и очень удачно передавая её, рябчик, в лучшем случае, будет откликаться на призывы, но не подлетит: твоему голосу должна сопутствовать особая мелодичность, что даётся от Бога.

Голос в голос, то есть - точь-в-точь, именно такого сочетания звуков должен добиться охотник, чтобы рябок откликнулся, поверил ему и прилетел. Запоёшь чуть не тем голосом, не тем тоном, рябчик тотчас тебя раскусит, вообще, умолкнув. Пойдёшь выглядывать птицу в узёрку, обязательно её подшумишь, после чего рябчик с грохотом сорвётся и исчезнет, оставив в твоем воображении лишь еле уловимый образ дымчатого облачка, в мгновение растворившегося среди шероховатых еловых стволов.

Особенно живо рябчик начинает лететь на призыв пищика к исходу сентября, когда ещё не образуются пары: именно в это время охота на него наиболее удачлива и интересна. Порой достаточно одного позыва, чтобы откликнулось сразу несколько самцов, которые подлетают очень охотно. Тут важно не зевать и стрелять по рябчику, не раздумывая, пока он достаточно

хорошо виден и ещё не успел ничего разобрать. Короткий выстрел, как правило, не пугает остальных птиц, и через минуту они, как ни в чем не бывало, продолжают насвистывать свою разудалую песенку.

Случается, что рябчик подлетает к тебе чуть ли не вплотную, но подсаживается неудачно, оказавшись за стволом или скрываемый густой веткой, и тогда лучше немножко переждать, давая ему возможность как-то обозначить себя. Но терять времени тоже не стоит, и если ситуация позволяет без шума передвигаться, стараясь быстрее разглядеть птицу, следует тотчас это сделать. Ведь рябчик всегда сопровождает подлёт коротким стрёкотом, как бы давая понять, что он готов принять игру, а когда он не получает ответа, и птица, к которой он устремился, никак себя не проявляет, рябчик благоразумно исчезает, заподозрив подвох. Требуется большая артистичность, знание леса и удача, чтобы выиграть это единоборство.

Обычно среди охотников возникают расхождения во мнении относительно манеры подманивания рябчиков их же собственным призывом. Если быть достаточно внимательным, то вполне логичным представляется такое заключение: рябок, пока по непонятной причине, поёт в разное время по-разному. То есть - песня его неодинакова по продолжительности, чистоте выводимых им коленцев и сложности производимой мелодии. Конечно, неопытному охотнику легко спутать обычную песенку рябчика-самца с несколько глуховатым и непродолжительным пересвистом самочки, но и у самцов существуют значительные расхождения в выражении ими чувств, так как все оттенки голоса рябчика имеют, по-видимому, своё значение.

Может быть, все эти различия в большей мере зависят от погоды, времени суток и даже настроя самого рябчика, от того - сидит ли он на месте или перелетает, чем-то обеспокоенный, кормится или защищает птенцов, но следует четко представлять себе отличие песни курочки от петушка, а также молодого рябчика - от опытного петушка. Здесь, вообще, много тонкостей, что требуют самого пристального исследования, и их существование объясняется скорее незнанием природы птицы, нежели приписываемым ей сложностям.

К примеру, многие охотники очень категорично полагают, что чем увереннее выводится призывная песня рябчика, тем лучше на это реагируют другие птицы. Однако нередко после воспроизведения охотником не совсем ловкого и чистого свиста рябчик, всё же, отзывается, даже порой подлетает, а при классической, как говорится, трели - очень высокой, тонкой и радостной, никоим образом не откликается. Вероятно, здесь тоже имеет место возраст рябчика, когда повидавший виды самец никак не выявляет себя, и даже отозвавшись на призыв раз-другой - умолкает, а молодой, лишь заслышав песенку собрата и толком ничего не разобрав, опрометчиво кидается на зов и, естественно, подставляет себя под выстрел.

Удачнее всего рябчик идёт на манок в ясные тихие утра, преисполненные нежнейшей бирюзы и звонкой лазури, но и в пасмурные дни, когда сеется мелкий, ненадоедливый дождик, рябчик охотно отзывается и скоро подлетает. Ноги твои неслышно утопают во влажном мху, и вязкий воздух поглощает в

себе все шумы, способные напугать рябчика, так что он чувствует себя даже более раскрепощённым, чем при солнце. В ненастную погоду удобнее скрыть своё лесное присутствие, свист разносится ещё более чарующе, словно вязнет в воздухе, и необыкновенно волнует.

Но самый дружный ход рябчиков происходит, всё же, весной, когда почти стаивает снег. В это время рябчики поднимаются и идут на пищик особенно яро: в большинстве случаев это самцы. Наилучший лёт происходит только после того, как самки сядут на яйца, и продолжается неделю-другую. Тогда необходимо манить уже не голосом самца, как это делалось до того времени, а голосом самки. Весной, посещая глухариные тока, трудно удержаться и не поманить рябчика, полюбовавшись на его бравый вид, конечно, и не помышляя об охоте.

Наряду с призывным свистом, выражающим у рябчика нежные чувства к своей подруге, он изъявляет свою любовь и резкими трелями, что разнообразны в зависимости от его настроения. Порой оно бывает таким приподнятым, что рябчик, кажется, вот-вот захлебнётся, когда пытается передать свои ощущения при помощи витиеватых звуков. Если самец сильно возбуждён и уже обрёл предмет своего обожания, он разливается без устали с утра до вечера, и совершенно невозможно передать его замысловатую мелодию.

Много споров ведётся и по поводу того, что более пугает рябчика: какой бы то ни было шум, издаваемый человеком, вплоть до ружейного выстрела, или любое движение в непосредственной близости от птицы? Кстати, присутствие зверя никак не отражается на её поведении, она привыкла к звукам, которые несёт в себе лес и они ей хорошо знакомы. Однажды мне пришлось наблюдать, как лось, пересекая поляну, проследовал рядом с двумя глухарками, кормящимися на земле, прямо у его ног, но они не обратили на него внимания.

Ружейный выстрел, в большинстве случаев, тоже не влияет на поведение птиц, находящихся неподалёку. Бывает, подстрелишь одного, двух и более рябков, но остальные птицы, сидящие рядом, никак не прореагируют на это. Может быть, причиной тому служит непродолжительность и скоротечность выстрела, когда рябчик даже не успевает его воспринять?

По-видимому, такова слуховая особенность рябчика, когда резкие и короткие звуковые эффекты оставляются им без внимания или оказываются совсем не расслышанными. Но длительные шумы, непрекращающийся хруст веток под ногами, свист от стегающих по одежде сучьев и различные продолжительные шорохи вызывают у него тревогу и заставляют скрываться. Что рябчика действительно настораживает, а к чему он относится равнодушно, лучше всего, наверное, каждому охотнику решить для себя лично, тем более, что всякое передвижение по лесу в той или иной степени всегда сопровождается шумом.

Разбившись к концу осени на пары, рябчики теперь будут неразлучно ждать весну. Где-нибудь в феврале отправишься в лес, и на краю укромного

ложка повстречаешь аккуратные крестики-следы, протянувшиеся вглубь хвойной чащи параллельно друг другу. Это петушок с курочкой уже затевают свои ранние свадьбы: держатся только вместе, радуются предстоящей счастливой поре, и в предвкушении её звонко посвистывают. Впрочем, поют только самцы, самочки же держатся скромно, и если подают голос, то его не сразу расслышишь, поскольку предназначается он только для петушка. Супруги определились, а обвенчает их в хвойном соборе расчудесница весна!

Песенка у самочки довольно невыразительная, слабенькая и даже несколько глуховатая. Когда она убегает или улетает, то издаёт особое посвистывание, оно начинается очень тонко и тихо, но постепенно делается всё громче и громче, а кончается чрезвычайно быстро следующими друг за другом переливчатыми звуками «трю-и, трю-и, трю-и, ти-и, ти-и, кроук, кроук, кроу-к-к», что постепенно глохнут. Но обычная песня самочки короткая и призвана, по-видимому, лишь обозначить для самца её местонахождение: «пи-ить, пи-ить, пи-и-и-и-ть, куок...» Мол, я здесь, рядом, и никуда не собираюсь исчезать.

Кстати, молодые рябчики, когда они ещё живут выводком, кричат очень просто: «пи-ить, пи-ить, пи-ить», причём, самцы по голосу не отличаются от самок. В этом случае их легко перепутать в конце лета с курочками, и следует быть особенно осторожным, если тебе небезразлична судьба леса.

Молодых рябков лучше всего манить «на черк», то есть голосом того же неоперившегося рябца, выводя пищиком неполную песенку, с лёгкими промежутками и как бы с хрипотцой. Неопытные, с ещё необузданным петушиным пылом, они стремглав бросаются на воображаемого соперника, и для настоящего охотника служат только забавой.

Весь первый год рябчики держатся выводками по опушкам лесов, в прогалинах, сечах и на ягодниках. Отысканный выводок с шумом поднимается с земли и тут же усаживается по деревьям, большей частью на нижние сучья. Если быть терпеливым и внимательным, то, не сходя с места, можно разглядеть всех рябчиков. Непуганые, они сидят смирно и, вытянув узенькие головки, трепетно стрекочут.

А вообще рябчика чаще всего приходится бить именно сидячего, и хотя это неприемлемо для многих охотников, но такова особенность охоты на него. Влёт его стрелять сложно, для этого следует обладать отменной реакцией, чуткостью, зрением, потому как рябок обычно срывается с ветки молниеносно и, пропланировав стрелой, так же стремительно скрывается в глубине чащи. Впрочем, будучи слабым на выстрел, он нередко оказывается добычей охотника, что решился на выстрел, в надежде на везение.

Стрелять рябчика можно «на почке», то есть во время утренней и вечерней кормёжек. А ещё - «с подхода», высматривая дичь, спугнутую с земли и поднявшуюся на деревья. Охота «в узёрку» требует много выносливости и терпения, ибо действовать приходится скрытно, в постоянном напряжении, а рябчик, обладая удивительным слухом, в момент замечает малейшую оплошность.

Для кормёжки рябчикам хороши свежие осенние утра с лёгким морозцем и серебрящимся инеем, а также необыкновенно приятные тихие вечера, когда птицы вылетают на окраины убранных полей поклевать оставшееся зерно. Наевшись, рябчики в удовлетворении прорезают насторожившуюся тишину задиристым свистом, и он разносится далеко, но на манок летят уже не так охотно. Им просто лень растрачивать себя понапрасну, и они лишь изредка оповещают лес о своём присутствии хрустальными голосами.

В эти солнечные осенние дни рябчики находят свой скромный уют следующим образом: утром, после кормёжки, когда солнце уже поднялось над лесом, они взлетают на крупные деревья со светлой корой – берёзу или осину, и садятся на сучки у самого ствола, обязательно на освещённой стороне. Светлая кора отражает солнечные лучи, и рябчик, притаившись около неё, улавливает тепло. Такие солнечные ванны вызывают у рябчика дремоту, и он может подпустить охотника достаточно близко.

А вот летом рябчики принимают пылевые ванны, тщательно ухаживая за своим оперением в специально устраиваемых для этого местах - «порхалищах». Птицы выкапывают в сухом грунте небольшие, меньше одного метра в диаметре, ямки и, двигаясь в них, забивают пыль между перьев, затем вытряхивая вместе с ней пухоедов. Весной же рябчики забираются на муравейники, где муравьи, защищаясь, обрызгивают перья птиц муравьиной кислотой, убивающей паразитов. Рябчики - удивительно опрятные птицы, и смотреть на них всегда приятно.

До конца сентября рябчики держатся обычно на рябине и черёмухе, близ потаённых рек и ручьев, а с наступлением октября, когда многочисленные и вездесущие дрозды склевывают последние ягоды, перемещаются ближе к ольхе, чьи серёжки - чуть ли не единственная пища рябчиков до самой весны. В октябре, если лист совершенно опал, рябчик становится чрезвычайно осторожным, и к началу ноября выманить его на пищик почти невозможно. Вечерняя охота бывает не так добычлива, как на утренней заре: рябчик, как и всякая другая дичь, к утру гораздо острее чувствует голод.

Днём рябчик, если можно так сказать, отдыхает, а вернее, ведёт себя более замкнуто и тихо, нежели поутру. Он больше молчит и бегает по земле, собирая разные семена и ягодки, а потревоженный, усаживается на ближайшую ветку или исчезает в чаще. Рябчика в дневную пору как будто охватывает сонливость, и он выглядит несколько вялым, скрываясь в крепях. Там он лучше защищён от хищной птицы, на полу - мох с ягодой, по заросшим дикой смородиной ложкам текут чистые ручьи: именно в таких местах рябчики хоронятся и жируют.

Трудно себе вообразить, что на рябчиковой охоте, такой спокойной, лишённой каких-либо неожиданностей, порой случается и непредвиденное. Ведь само существование рябчика в лесу представляется неприхотливым и хорошо знакомым: пробуждение, звонкая песенка, возвещающая о начале нового дня, а затем - размеренная кормёжка у реки, в густом черёмушнике или ольховнике. Днём птицы примолкают, как бы затаиваясь, но под вечер вновь

оживляются, и опять звонко пересвистываются, кормятся, и с сумерками умолкают. На первый взгляд, эта оседлая жизнь ничего необычного в себе не содержит, но, тем не менее, рябчик не так прост, как принято о нём думать. Как ни странно, по большей части именно с ним, а не с какими-либо другими лесными птицами связано множество самых невероятных случаев и историй.

Среди знатоков существует мнение, что птицы разной породы никогда не слетаются в одно место, и уж, конечно, не летают в одной стае. В народе по этому поводу есть такая поговорка: «Знай сорока сороку, а ворона ворону». И действительно: какая корысть соединяться птицам, друг на друга совсем не похожим, да ещё порой и враждующим между собой?!

Но вот однажды, возвращаясь с охоты, я вдруг поднял неподалеку от реки, в маленькой ложбинке, вальдшнепа и... рябчика, что сидели на земле рядом. За долгие годы моего общения с лесом это случилось впервые, причём, именно с рябчиком. Птиц разделяла какая-нибудь пара метров, и они явно видели друг друга, хотя не тревожились, и ничего не предпринимали. Им, кажется, было даже хорошо вдвоём. Но что могло их соединять?

То, что я увидел, так и осталось для меня загадкой, и какие бы предположения я ни строил, ответа не находилось. То ли птицы случайно оказались вместе и просто не выказывали друг к другу недовольства, то ли их всё-таки что-то заинтересовало, но дальше того, что они уже позволили себе, птицы не шли. Не могли они, по-видимому, и совокупляться, поскольку стояла глубокая осень и всякая любовная страсть среди птиц давно отсутствовала. В природе, впрочем, известны случаи соединения глухаря с тетеревом и тетерева с рябчиком, именуемые «межняком», но допустимо ли подобное в отношении рябчика с вальдшнепом?!

Рябчик сидит, вглядывается в окружающую его осеннюю жизнь и чего-то ждёт, не улетает. Рядом находится вальдшнеп, по осени предпочитающий одиночество. Причём, такое замкнутое и отрешённое, что подпускает к себе вплотную и человека, и зверя, как будто надеясь, что его не заметят, ждёт до самого конца. А тут рядом птица, и именно рябчик, на соседство которого вальдшнеп никак не реагирует!

Не раз мне приходилось слышать почти неправдоподобные рассказы о том, как рябчик садился на голову подманивающего его на манок охотника. По объяснениям охотника можно было лишь понять, что он сначала очень напугался, но потом обрадовался, якобы, даже пытаясь ухватить рябчика рукой. Иной же охотник уверял, будто у него была какая-то необычная по форме и расцветке шляпа, она будто бы понравилась петушку, и он выбрал её в качестве присадки. Порой находились и вовсе безудержные болтуны, что усматривали в посадке рябчика на голову охотника озорство, кураж, что петушок позволяет себе в пору весеннего оживления.

Совсем не казалось необычным, когда на охотника, подманивающего рябчика пищиком, неожиданно нападал ястреб, до такой степени воспроизведённый свист был верным. Со мной подобное случалось раз-другой, и в этом нет ничего удивительного, поскольку ястреб обладает

отменным слухом, и камнем падает именно в ту точку, откуда доносится призывная песня рябчика. Однажды я чуть было не поплатился глазом, и спас меня лишь длинный козырек ковбойки, которую хищник сбил с головы, напутав при этом меня до смерти. С тех пор, прежде чем подманить рябчика, я тщательно выбираю место, откуда бы открывался хороший просмотр, а сам бы я был никому невидим.

В охотничьей литературе много хвалебных слов уделено в адрес особо сообразительных зайцев, называемых в народе «профессорами», но вот года три назад, осенью, я удостоверился в наличии удивительной сметливости и у рябчика.

Сентябрьский день выдался на редкость ясным и безоблачным, рябчик с самого утра очень охотно откликался и шёл на манок. Был уже полдень, когда в прорехе ветвей, метрах в двадцати, я разглядел сидящего на ёлочке рябка, который тотчас отозвался на голос самочки и, ударив в свою лесную дудочку раз-другой, нырнул вниз. Это могло лишь означать, что рябчик прибежит ко мне по полу, и нужно приготовиться и ждать его с минуты на минуту.

Обычно рябчик бежит к зовущей его рябушке молча, но с точным расчётом: у рябчика удивительный слух. Если ты просвистел ему голоском самочки, с нежным, чуть глуховатым придыханием, а затем неслышно перебежал, да ещё похлопал себя по бокам шапкой, изображая перелетевшую рябчиху, рябок непременно отзовётся и устремится тебе навстречу. Причём, присядет в точности над тем местом, откуда прозвучала её песня, и будет в нетерпении выглядывать свою подружку, чуть слышно стрекоча и время от времени раздувая горлышко. Но даже когда он бежит к самочке полом, то, ни за что, не ошибётся, и окажется точно перед ней.

Изготовившись к стрельбе, я стоял, не шелохнувшись, ибо рябчик необыкновенно зорок и, почувствовав малейшее движение, мгновенно улетает. Но всё было тихо, а петушок почему-то не появлялся. Выждав с минуту, я ещё раз нежно поманил курочкой, и опять тишина. Рябчик или увидел меня, или что-то заподозрил.

Слегка переступив и немного поменяв позу, я тотчас пожалел об этом, услышав за спиной шорох. А обернувшись, вдруг увидел крупного, нахохлившегося рябчика, что замер в трёх метрах позади, чуть наклонив головку и скосив на меня востренький глазок. Он вот-вот готов был сорваться, но почему-то медлил, и я попытался осторожно повернуться к нему. Тут уж рябчик не стерпел, стремглав бросился в заросли папоротника и исчез. Я же разочарованно присел на корточки и, улыбнувшись, наконец, облегчённо вздохнул: петушок обставил меня по всем статьям, да к тому же, кажется, посмеялся надо мной.

Выходило так, что рябчик сразу заподозрил неладное и, не желая рисковать, решил меня обойти. Либо он был достаточно старым и опытным, либо я, подманивая его, где-то сфальшивил. Рябчик не рискнул идти напрямик, пусть даже соблюдая осторожность, а заложил в обход такой круг, что я его даже не услышал. Причём, он точно знал, где я стою, и обошёл с

запасом, чтобы посмотреть - кто это свистит?

Но больше всего поразило то, как рябчик смотрел на меня, подобравшись с самого тыла. Он, судя по всему, совершенно точно представлял, с кем имеет дело, и лишь удовлетворил свой интерес. В каком-нибудь километре от деревни рябчик чувствовал себя полным хозяином, и перехитрить его, похоже, было невозможно.

Вообще, рядом с деревней подманить рябчика на пищик может только настоящий мастер, поскольку птица здесь пуганая, и ведёт себя очень осторожно. А вот в отдалении, где рябчика много и он не так внимателен, манить его способен даже неопытный охотник, без особого слуха. Рябчик тогда доверчиво реагирует на манок, и скоро подлетает.

В азарте охоты очень легко и обознаться, приняв за рябчика человека. Со мной случалось такое, и я, помнится, получал огромное удовлетворение от того, что меня принимали за озабоченного страстью петушка. Когда я наблюдал из укрытия за тем, как ко мне крадётся какой-нибудь обвешанный охотничьей амуницией мужичок, то больше всего поражало его лицо, а не собственное мастерство подражания. Лицо человека совершенно очевидно отражало менее притягивающие тайны, чем замечательная тайна птицы.

Но может ли что-либо в природе тронуть человеческое сердце более, чем калека, когда птица или зверь, несмотря на несчастный случай, всё же отстаивает своё право на жизнь?! Таких обычно подбирают хищники, незамедлительно пользуясь их слабостью и подтверждая, тем самым, незыблемый закон природы о поддержании её чистоты и здоровья. Правда, некоторым обитателям леса удается избежать этой участи, и нередко человеку попадается хромой кабан, трехпалый колонок или канюк с переломленным и неправильно сросшимся крылом.

А вот в дореволюционном журнале «Природа и охота» за 1881 год приводится рассказ неизвестного Н. Н. Е. о трёхногом переярке, более двух пудов весом, с целыми зубами: его еле-еле загнали собаки и охотник на лошади. Мне однажды попались глухарь с огромным жилистым яйцом под крылом, образовавшимся, по-видимому, в результате вонзившегося в него сучка, и одноногий рябчик, которого подстрелил мой приятель.

Мы шли по склону лога, поглядывали по сторонам и одновременно заметили рябчика, что как-то странно и коротко перелетал, не исчезая из поля зрения. Что-то будто и держало его на одном месте, и не позволяло в полной мере насладиться свободой. Подстреленный, он неловко, комом свалился под ёлку.

Спустившись вниз, я, к своему удивлению, не увидел там птицы, а обнаружил на снегу след, что направлялся прямо к ручью. Рябчик плавал в нём рывками, и сквозь прозрачную воду я вдруг разглядел у него только одну лапку. Затем опять рассмотрел след - он оказался одноногий: рябчик допрыгал до ручья на одной лапе, плюхнулся туда обессиленный, и теперь плавал совершенно беззащитным серым комочком в холодной ноябрьской воде, и мне его было очень жалко. Не знаю, если бы он не был калекой, переживал бы я

так из-за него?

В охоте на рябчика случается и такое, что невозможно даже предположить. Манишь, скажем, петушка, а поодаль отзывается ещё один, но, как бы нехотя, без всякой надежды на то, что он подлетит. Ты терпеливо перекликаешься с тем, что находится поблизости, и думаешь: вот сейчас он, наконец-то, припорхнёт на соседнее дерево, не вытерпит. И тут вдруг, совсем с другой стороны, к тебе прилетает рябок, что всё это время молчал, затем - второй, и, стрекоча, прибегает по земле третий... И всё это - за какие-нибудь полминуты! А тот, что отзывался с самого начала, продолжает, как ни в чём не бывало, насвистывать.

Растеряешься, конечно, от неожиданности, застынешь как вкопанный, но рябчики - птицы осторожные, они, почуяв неладное, долго ждать не будут, и тотчас срываются в чащу… Ну, разве возможно было предугадать подобное?! В следующий раз ты, кажется, готов ко всему: расположился так, чтобы тебя не было видно, да и пищик в полном порядке, но опять случается нечто непредсказуемое, и всё идёт насмарку. Рябчики, на первый взгляд такие простые и неприхотливые птицы, на деле оказываются как будто заколдованными, и каждый раз преподносят какой-либо сюрприз.

Случается, на одно дерево, чаще всего это бывает берёза, присаживается целый выводок рябчиков, более десятка, и если ты такое увидишь, можно считать, что тебе тоже крупно повезло. Ну, а если ты подсмотрел, как рябчики один за другим валятся с дерева в снег на ночёвку, это уж совсем редкость, потому что жизнь рябчиков зимой наиболее скрытна, и подглядеть в ней что-либо интересное очень непросто. Обычно всё увиденное ограничивается вырвавшейся из-под снега птицей или пустыми лунками, что в обилии попадаются за день. Они издали вопросительно зияют в пуховой снежной перине, и ты не сразу определишь: находятся ли рябчики в своем снежном доме или уже покинули его?

Стоит середина января, зима набрала самую силу, и птицы спасаются теперь только под снегом. Не успели ещё отступить сердитые рождественские морозы, а уже подоспели не менее трескучие крещенские. Всё замерло в лесу.

Совсем не слышен гулкий перестук большого пёстрого дятла и куда-то подевались вездесущие гаички, обычно целыми днями пружинисто раскачивающиеся на иссохших травинках, одиноко торчащих из-под снега. Пропали даже надутые снегири, шумно перепархивающие в звонких ветвях берёз. И только рябчикам, кажется, всё нипочем.

С раннего утра, когда скупое зимнее солнце освещает лишь верхушки чёрных елей, рябчики уже проснулись и готовы превозносить родившийся день. Их нерастраченной энергии требуется только толчок, чтобы огласить лог призывным, весёлым пением, и ты, будто чувствуя воцарившееся в воздухе напряжение, тоненько высвистываешь манком излюбленное колено рябчика-самца. Тут же в глубине леса отзывается один, затем второй, третий, и через пару минут в весёлую перекличку вступает, по крайней мере, полдюжины птиц, отчего утренний лес сразу преображается, оживает, и на душе

становится радостно.

Немного послушав птиц, ты отправляешься дальше, так как за день предстоит преодолеть немалое расстояние, а про себя отмечаешь: надо ещё вернуться вечером к логу, чтобы понаблюдать, как птицы будут укладываться на ночлег. По всему видно, что рябчики в эти ясные морозные дни, после только что утихнувшей метели, предпочитают держаться поближе к опушкам, логам или пересечениям укромных просек, где намело достаточно снега, безопасно и преобладают берёзки. Их почки служат рябчикам главной пищей в зимнюю пору, поскольку снег давно скрыл землю, а бегать по рыхлому и достаточно глубокому покрову неловко. Место для птиц оказывается удобным ещё и потому, что под боком пролегает глубокий лог с ручьём, и в нём, при случае, всегда можно напиться.

К вечеру ты застаешь всех рябчиков на одной большой берёзе, что поднимается к розовеющему небу из самого лога. Птицы дружно сидят на ветвях, по-видимому, уже покормившись, и готовы к ночлегу. Им только остаётся, с заходом солнца, броситься с дерева вниз и, зарывшись в тёплый снег, успокоиться там до утра.

В нетерпении поглядывая на садящееся солнце, вдруг замечаешь, как над горящим малиновым шаром прямо кверху поднимается радуга. Для зимы это необычно, и, поразившись открывшейся картиной, на какое-то время забываешь о птицах. Безотчётно повернувшись, тем самым вспугиваешь рябчиков, и они, упруго захлопав крыльями, в мгновение исчезают под снегом, как будто их и не было. Густые синие тени быстро вытягиваются по склону лога, и солнце уже наполовину спряталось за горизонтом: опять ты проворонил самое интересное!

А вот весной рябчик теряет всякую осторожность, и если вы подманите его тихой и нежной песенкой самочки, то не сомневайтесь: через какие-нибудь две-три минуты он усядется рядом, на ближайшем суку елового или лиственного дерева, и начнёт охорашиваться, встряхивая крылышками. Раздув перья по всему тельцу, он смешно вытянет шейку и настороженно наклонит головку, как будто давая понять своей воображаемой подружке: я здесь, весь в предвкушении ожидаемого таинства, и готов удовлетворить любое ваше желание! Затем напыжится и застрекочет так быстро и страстно, что, глядя на него, вы непременно улыбнётесь. Но при этом постарайтесь не подавать виду, будто заметили его, и терпеливо стойте под самой птицей, желая только одного: чтобы рябчик не встревожился и не улетел, лишив вас истинного наслаждения.

Очень занимательно, когда рябчик подлетит к тебе на манок именно весной, в любовном томлении наклоняя туловище и гордо выпрямляясь. Он, кажется, вот-вот свалится с дерева, перышки на нём распушаются, и рябчик становится похож на большой серый шар. Даже не верится, что рябчик может достичь подобных размеров: таким внушительным он, наверное, желает показаться!

Рябчик выглядывает самочку, блаженным голоском стрекочет и

топорщит хвост. Он, вроде бы, сделал всё, чтобы самочка допустила его к себе, но она почему-то отсутствует, и рябчику становится обидно. Он вздрагивает всем телом, опускает крылья и в нетерпении постанывает, а тебе стыдно оттого, что обманул охваченную любовным порывом птицу.

Так рябчик обаятелен и мил, когда, ничего не боясь, стремится к своей любви и отдаётся ей без оглядки. Он - восхищённый лесной любовник в эту разомлелую весеннюю пору, что преображает его и возносит над открывающейся землей. Он готов, не покладая сил, заботиться о самочке и своих детках.

Рябчику, несмотря на весеннюю страсть, суждено вести осёдлый образ жизни, и значит, вскоре обрести семейное счастье и уже никогда его не терять. Наверное, ему очень нравится сначала томиться и изнывать, а потом с любовью обхаживать, заботиться и оберегать свою возлюбленную. Он по-настоящему маленький джентльмен леса, и ему есть дело до всего, что связано с преданностью своей семье.

Рябчик счастлив от этой самозабвенной весенней жизни, и может быть именно поэтому он так добродушен ранней осенней порой. Рябчик будто находится в восторженном отдохновении, и пока не иссякла золотая пора, он свободен и весел: радуется жизни, копошится в пожухлой листве и, неожиданно взмывая нежно-дымчатым облачком среди еловых ветвей, мгновенно растворяется в них. В лесу созрели черёмуха и рябина, нет никакого повода для беспокойства, и рябчик готовится к грядущим заботам, что несёт с собой зима.

Ты же благодарен птице за то, что она подарила тебе незабываемые минуты. Где-нибудь в середине января ты непременно вспомнишь этого забавного петушка, и порадуешься. Рябчик вновь прилетит к тебе в твоих воспоминаниях, тронет сердце своей страстной песенкой, и ты позабудешь свои горести в нетерпеливом ожидании весны.

Лесная бабочка

Совсем тихо стало в лесу, всё как будто замерло в нём в ожидании первого снега. Листья с деревьев опали полностью, и уже успели выцвести и свернуться. Редко увидишь под ногами желтизну, пожухлая трава совсем бурая или тёмно-коричневая.

Неделю назад жёлтые трепетные листочки ещё держались на самых верхушках берез и осин, но и их теперь не видать. Деревья, отмахав своими густыми ветвями, застыли в отрешённом молчании. Приготовившись принять на плечи кухту из снега, они оказались пока без дела.

Замечательная пора стоит для охоты... В подстылом остановившемся воздухе хорошо слышен любой звук. Всего лишь рябчик вспорхнул неподалёку, а чудится, будто взлетела тетёра. Зацокала пара играющих в вершинах елей белок, и ты спешишь на их оживлённый крик, чтобы понаблюдать за увлекшимися игрой зверьками. Режущий воздух свист над

головой заставляет от неожиданности остановиться и посмотреть вверх, где стремительно исчезает над ветвями берёз взбудораженная кем-то стайка чирков.

Ты идёшь, радуешься всему увиденному, и вспоминаешь, как совсем недавно, когда ты уже думал только о тетеревах, глухарях и рябчиках, в лесу тебя напугала птица, которую ты успел за лето просто позабыть. Это был вальдшнеп. Какое-то время, ошарашенный неожиданным взлётом, ты провожал его взглядом, а про себя недоумевал, как мог упустить ты из памяти такую красоту.

Вальдшнеп обычно сидит крепко, и всегда вылетает почти из-под самых ног. Наверное, он надеется на свою расцветку, что осенью более богата, нежели весной. Оперение его очень удачно вплетается в опавшую листву, и ещё более оживает, когда птица, сорвавшись, зависает свечой среди уже оголившихся берёзовых верхушек. Лишь на миг вспыхивает она в воздухе скупым осенним цветком, и тотчас тает.

Не было случая, чтобы ты разглядел птицу в траве... Вальдшнеп словно укутан в опавший осенний лист, ещё не успевший пожухнуть. Надёжно скрывает вальдшнепа замирающая с каждым днём земля. Птица же, чувствуя уходящую в её глубь силу, собирается в дальние страны.

Часто ловишь себя на мысли, что любуешься не полётом исчезающей за деревьями птицы, а напугавшим тебя взрывом, когда вальдшнеп поднимается с земли. И ещё - его необыкновенно коротким присутствием в волшебном осеннем лесу. В полёте это присутствие мгновенно истаивает, оставляя лишь горький привкус листа, сладостный запах перьев и какое-то тревожное ощущение от только что обретённого, но вмиг утерянного чуда, что в лесу всегда приятно, и не вызывает никакого разочарования.

Осенью ты как-то незаметно обнаруживаешь, что любишь эту длинноносую птицу. Без вальдшнепа осенний день остался бы в памяти просто пегим. Вальдшнеп освещает его своим королевским оперением, словно диковинная лесная бабочка, что призвана, ещё раз, порадовать человеческое восприятие перед скорым бесцветным ненастьем.

Думая о птице, ты вспоминаешь ещё малонаезженные лесные дороги, обильно устланные листом, где в стоячих лужах таинственно темнеет затаившаяся летняя пора. На открытых местах немного наслежено, но более обращаешь внимание на частые отверстия во влажной земле. Здесь вальдшнепы устроили себе кормёжку, извлекая из почвы вкусных червяков.

Не замечаемые никем, они увлечённо перетаптываются, кряхтят, а осень тихо сыплет вокруг листом. Кажется, не будет ей конца, и, между тем, она незаметно сгорает. Где-то в глубине своего крохотного понимания, птицы, наверное, уже мечтают о теплом юге. Так грустно станет без них зимой...

Ты хорошо знаешь, как трогательно, перезревшими крупными смородинами, чернеют прекрасные глаза вальдшнепа. Держа упругую тушку в руке, тебе не верится, что они мертвы. Длинный клюв у подстреленной птицы иногда широко разинут, перья же переливаются каким-то особенным цветом,

от которого на душе становится тепло.

Потом подкатывает грусть: опять ты не удержался от пагубного выстрела, что низвергнул к твоим ногам эту красоту! Подбитая птица почему-то всегда оказывается, как живая.

Летом ты часто вспугиваешь вальдшнепов на порхалищах, что располагаются на вырубках. Где-нибудь в песчаной луже, укромно приютившейся между поросших малиной гряд, взорвёт твоё растопленное летним жаром сердце одинокая птица, и тут же исчезнет. Сразу и не сообразишь: кто это был?

Сначала подумаешь на вездесущих дроздов, что самодовольно гурманят на сладкой малине, или ещё на какую неведомую дичь, и примешься вновь за ягоду. Но какое-то неясное беспокойство, всё же, охватывает тебя, ты силишься разобрать что-то знакомое в надвигающемся на тебя клубке воспоминаний, и вдруг, в приступе от внезапной радости, про себя восклицаешь: так ведь это же - вальдшнеп!

Где-то здесь, в прохладной малиновой тишине, устроил он для себя удобное пристанище. Когда ещё не нагреется песок, вальдшнеп прилетает сюда чистить себе пёрышки. Он быстро присаживается, окуная круглую грудку в приятную прохладу, и зарывается, как только может. Сидит так некоторое время, не двигаясь, и впитывает своими большими глазами летнее довольство. Ничего не предпринимает, просто ждёт, чтобы солнце коснулось своими лучами его перьев, и слегка обогрело. Может быть, он даже ночует здесь, уютно устроившись в песчаном тепле.

Когда волны душистого воздуха освежат ему крылья, и вальдшнеп вздохнёт облегчённо, как может вздыхать только птица, в летнем дне, словно, что-то подвинется: станет мягко, тепло и очень уютно. Птица встрепенётся, привстанет и неловко захлопает крыльями. Никого в этот момент не окажется рядом, и вальдшнеп почувствует себя ещё более свободным.

Закрыв глаза, он начнёт прихлопывать чаще, подбрасывая песок под крылья. По тельцу его тотчас пробежит лёгкая дрожь, и вальдшнеп от удовольствия издаст восхищённый звук. Никто из лесных обитателей не обратит на него внимания. А летний день уже распростёр свои объятия на всю землю и, конечно, захватил с собой позабывшуюся от удовольствия птицу.

Само слово «вальдшнеп», кажется, утопает в летнем жару, предвкушая скорую осеннюю прохладу, но и убегать из разомлелой сытости не желает. Живёт вальдшнеп своей чудной лесной жизнью, наслаждаясь всем, что дарит ему это волшебное царство с запахом ягод, грибов и листьев, вольным разнеженным теплом и возможностью никуда не торопиться. Что ещё нужно этой бурой, как зной, птице: осень, лето или весна?

Весной, охваченные неудержимой любовной страстью, вальдшнепы устремляются на север. Ещё лежит в полях большими пятнами снег, но воздух полон пробуждающихся звуков. Он жаждет принять в себя перелётные стаи, в нетерпеливом ожидании беспокойно роится и, может быть, даже изнемогает.

С прилётом птиц в лесу начинается какая-то иная жизнь. Ещё

пронзительнее свистят в верхушках деревьев дрозды, более живо зажигаются в бархатном небе звёзды, а ароматная сырость из оврагов так резко ударяет в нос, что на глаза наворачиваются слезы.

Ждёшь с нетерпением, с какой стороны раздастся хорошо знакомый тебе призыв самца «хор-хор, цвить-цвить», «хор-хор, цвить-цвить», и незаметно задумаешься о своей жизни. Так радостно переживать всё это в тихий весенний вечер! На какое-то время даже забудешь о вальдшнепе, но именно ему ты обязан своими сладкими думами.

И вот первый вальдшнеп, как всегда неожиданно, выплывает над заострившимися в алом небе осинками, и ты сразу приходишь в чувство. Уже зеленеют звёзды, приятно холодит лицо пробирающийся над самой землёй влажный воздух, и сердце отчего-то сладко замирает. Восхищённо томясь в груди, оно не тяготит, и лишь изредка очарованно восклицает, будто в благодарность за этот весенний вечер, неподражаемые вскрикиванья птиц и воздух, пронизанный самыми невероятными ароматами.

С головой отдаваясь этой захватывающей благодати, ты сам превращаешься в длинноносого провозвестника какого-то неведомого тепла, очень нужного для человека, и важного. Без него бы он не смог никогда существовать: мечтать, любить и страдать. Вальдшнеп будто приносит человеку надежду на исполнение всех его желаний, ибо счастье скоро покидает, а добрая надежда – никогда.

Вот и крик вальдшнепа - очень земной и близкий, даже родной. С его прилётом что-то тихо изменяется в тебе. Ты, вроде бы, должен стрелять в птицу, и вдруг обнаруживаешь, что не в силах этого сделать. Тебе нравится смотреть на летящих птиц, встречать и провожать их неожиданное появление восхищённым взглядом. А потом, опомнившись, ты радуешься чему-то в себе, в окружающей природе и жизни.

И всё же, тебе хочется сделать выстрел. Чтобы он непременно попал в цель, птица рухнула к твоим ногам и навсегда замерла. Тяжело отыскать её в сгущающейся темноте, а прохладные лозины мягко трогают тебя за лицо, щекочут, тут же становясь неприкаянно твердыми и чужими.

Раздвигаешь их руками, спешишь, боишься потерять подбитого вальдшнепа. Веришь, что птица не пропадёт зазря, и ты найдёшь её, отрешённо замершую в пожухлой траве, и обретёшь её тайну. Но птицы не видать, и ты клянёшь себя за очередную слабость: зачем ты опять посягнул на то, что тебе не принадлежит?!

Весна течёт и в тебе, и мимо, а ты не в силах найти ответа. Мчишься куда-то вместе с ней, желаешь неизвестно чего и изнемогаешь от любви к тому, что убиваешь. Как хорошо, если мы когда-нибудь преодолеем своё непонимание, потянемся, как эта замечательная птица, к самому лучшему в себе, и никто нас при этом не застрелит, просто восхищаясь!

Мы будем живы всю нашу оставшуюся жизнь, и будем мечтать только о хорошем и достойном, что уносит нас к небесам. Там, в их восхитительной необъятности, живёт тот самый божественный простор, к которому мы всегда

стремимся. Вальдшнепы - его очарованные слуги, приносящие на своих крыльях только радость.

Необыкновенной лесной бабочкой взмывает вальдшнеп над верхушками деревьев, и тотчас околдовывает. Он как неувядающий цветок из чудной осенней сказки, придуманной самим Господом. Вальдшнепу не хочется покидать её, и он впитывает своими тёмными глазами красоту северной земли, а унося её в тёплые края, не переставая, печалится: такие они у него грустные, прекрасные и большие. Лес же без него замирает и ждёт, когда вальдшнеп вновь оживит его своим неподражаемым появлением.

Необычная сова

Живёт в наших уральских лесах сова с необычным именем - ястребиная. Сова эта предпочитает старые, но ещё не заросшие вырубки, где выбирает на день одиноко стоящие сушины. Далеко она в это время не улетает, крыльями машет, подобно зазевавшейся утке, а голова у неё, как и у всех сов, втянута в плечи. Полёт же чуть рыхловатый, но уверенный.

Зимой ястребиная сова занимает верхушки высоких елей. Устроившись удобнее, и жмуря глаза от скупого розового солнца, она важно выпячивает серую в пестринах грудку, выламывает острые крылья и сильно надувается, так что её легко можно спутать с неясытью. Изредка перелетая с одного дерева на другое, сова повторяет по нескольку раз одни и те же движения, и только потом успокаивается.

Застыв омертвелым сучком, она может просидеть, не шелохнувшись, очень долго, так что не сразу заметишь её, идя по лесу. Но, несмотря на свои незначительные размеры и спокойное поведение, сова всегда имеет грозный нахохленный вид и хищно загнутый книзу ястребиный клюв, что и послужило, наверное, поводом для её названия. Ястребиная цепкость проявляется в птице с наступлением темноты, или - когда её настойчиво допекают.

Почуяв что-либо подозрительное, ястребиная сова открывает всегда настороженные веки и начинает беспрестанно мигать ими, время от времени покручивая головой по сторонам. Делает сова это так, словно у неё нет шеи, или, по крайней мере, она ей нисколько не мешает. При необходимости она может вращать головой вокруг своей оси, что, впрочем, присуще всем совам, но вот необычность ястребиной совы проявляется именно в отсутствии боязни перед открытым пространством. С наступлением дня эта сова как будто ищет возможность поскорее очутиться на вершине самой высокой берёзы, удобно усесться там, и замереть. Филин, воробьиный сыч или неясыть предпочитают держаться поближе к лесной чаще, а ястребиная сова, наоборот, норовит оказаться на всеобщем обозрении.

С наступлением темноты она, как ястреб, сидит и остекленелым взглядом цепко высматривает свою добычу. Когти её, то и дело, поджимаются, клюв напряжённо вздрагивает: сова, несмотря на небольшие размеры, выглядит

очень устрашающе. Однажды подстреленная мной для пополнения коллекции краеведческого музея, сова, не разжимая когтей, провисела вниз головой около двух часов, пока я не перестрелил ветку, в которую она вцепилась. Дал Бог сове когти, только б не нас драть!

Оживляясь под вечер, днём сова выглядит безобидной. К ней легко можно подойти на очень близкое расстояние, и её никак не заинтересует чужое присутствие. Тем не менее, сова не любит чьего-либо соседства и всегда держится обособленно: такая привычка касается и всех её сородичей. Никогда мне не приходилось видеть двух или более сов вместе. Словно эти загадочные птицы обречены на вынужденное отшельничество, по-видимому, вполне приятное им самим.

Это подтверждает и такая их черта, как неразговорчивость. Все совы - закоренелые молчуны, если не считать изредка доносящегося из темноты леса гулкого бубуканья, которым взрослые зачастую пугают непослушных детей. Для лесных обитателей подобное уханье может служить сигналом спасения от затаившегося в лесной глуши хищника, а для самой совы - определением места нахождения очередной жертвы. При обладании развитым лицевым диском и острым зрением, ночной птице не составляет труда овладеть необходимой добычей.

В бесконечных хождениях по лесу я за свою жизнь встречал немало сов, и все они выглядели очень занятными, но самой необычной оставалась ястребиная. Однажды осенью, в сгущающихся вечерних сумерках, я набрёл на такую сову, что вела себя, можно сказать, вызывающе. Сова то и дело крутилась, смешно передвигалась по суку, прихлопывая себя по бокам крыльями, и издавала громогласный якающий звук, никогда не слышанный мной у сов. Я бы не смог его воспроизвести и, конечно, не запомнил, но впечатление от него осталось такое, будто сова выказывала недовольство по отношению именно ко мне, и одновременно утверждала себя. По всему было видно, что это для неё очень важно.

Сова долго преследовала меня, и когда я отходил от неё достаточно далеко, она бесшумно срывалась мне вслед, догоняла и, залетая несколько вперёд, усаживалась на ближайшей верхушке. Сова выглядела такой озабоченной, что я долго не мог двинуться с места, и всё стоял и смотрел, как она с каждым мигом преображалась. Судя по её виду, она готова была вот-вот вцепиться своими ястребиными когтями и клювом в то, что не подчинялось её воле или оставалось непонятным, а может быть, просто играла. На правах полновластной лесной хозяйки сова вела себя самоуверенно ещё и потому, что обладала удивительным слухом: оживающий к ночи лес полнился различными шорохами, и они будоражили её разбушевавшееся воображение.

От переполнявшего сову возбуждения, восприятие её, конечно, обострялось, и, принимаясь за свое ночное дело, сова полностью преображалась, уже не напоминая замершие по дневным опушкам и пустошам неприметно-безмолвные столбики. Ночью лес обнажал свои скрытые тайны, а сова становилась самой собой: неподражаемой, удивительной и такой же

таинственной.

Как-то зимой ястребиная сова даже угодила мне в руки... Сильно напуганная чьим-то неудачным выстрелом, она сидела, не мигая, в глубоком сугробе, и я сначала подумал, что сова неживая. В ней чудилось нечто колдовское, тогда как всё окружающее воспринималось естественно: заснеженные ели, лёгкий розовый отсвет заходящего солнца, еле угадываемая суета клестов и дятлов в замороженных ветвях.

Даже в руках сова очнулась не сразу, а какое-то время ещё оставалась недвижимой. Отрешённо выпуклые глаза нацелены в одну точку, клюва почти не видно в перьях надувшейся груди, но когти судорожно напряжены: мгновение - и вонзятся. Но не вонзились.

Сова моргнула раз, другой, и вдруг заклокотала. Тело её встрепенулось, ожило, и птица так обезоруживающе открыто глянула на меня своим остановившимся жёлтым взглядом, что я на секунду отпрянул. Но в следующий миг уже был спокоен, да и сова тоже как-то быстро угомонилась и притихла, смешно наклонив голову набок.

И тогда я вспомнил древнее поверье: кому удастся заполучить живую сову, тому будет сопутствовать счастье. Мне хотелось как-то помочь этой сильной птице, сейчас оказавшейся слабой, но не примирившейся со своим незавидным положением. При всём свирепом виде и недовольном клокотании, сова выглядела жалко, даже немножко забавно, и я, осторожно выпустив её из рук, вдруг почувствовал, как после прикосновения к этой необычной птице и сам стал казаться себе необыкновенным.

Незнакомый зайка

Ни один зверь у нас в народе не пользуется такой популярностью, как заяц. Редкая сказка о русском лесе обходится без него. Всякому попадался он в руки, и всякий знает его по наружности, но, несмотря на это, не многие хорошо себе представляют образ его жизни.

Зайца обычно воспринимают кротким, трусливым или просто неприкаянным простофилей, но иногда он выказывает совершенно противоположные свойства. Говоря о его неприкаянности, забывают о смекалке; вспоминая робость, не учитывают задор. Очень часто приводят в пример бегство, как явный признак трусости: мол, цена зайцу - две деньги, а бежать - сто рублёв!

Да только бежит он не от страха, а к воле. Когда заяц убегает от своих преследователей, надо помнить, что у него нет другой возможности спастись. Но если, всё же, кто-то настигает косого, то ему суждено испытать на себе силу заячьих лап. Заяц умудряется нанести серьезные раны человеку, взявшему его за уши, а отбиваясь от хищных птиц, он нередко падает на спину и, брыкаясь, когтями сильных задних лап выпускает внутренности своему обидчику.

Охотников до зайца - не перечесть: это и вечно голодный волк, и хитрая

лисица, и коварная рысь. Гордо реющий в поднебесье ястреб высматривает себе добычу, бесчисленные совы только и ждут случая применить свои страшные когти, и паратые гончаки травят зайца в стремительном исступлении. А когда оказываются недостаточными выносливость и быстрота собак, чутьё и лукавство лисиц, кровожадность волка и совы, дурная погода с дождями, холодом и разными стихийными бедствиями пощадят нашего горемыку, то за преследование косого принимается, со всей присущей ему изворотливостью ума, человек: ставит капканы и петли, строит облавы, догоняет выстрелом. Куда бедному зайке деваться?!

Вынужден он ото всех убегать, и не терять при этом головы. Только минует беда, а он уже опять веселится, прыгает, играет, и дела ему нет до волка с его зубами, хитрой лисы или неустанного в своей злонамеренной изобретательности человека. Нет зайцу равных среди зверей по отходчивости характера и природной простоте: ровно медведь ему дядей, а медведица тёткой в лесу приходятся!

Более всех зверей оказался приспособленным к жизни в лесах заяц. Зимой - белый мех и широкие мохнатые лапы, словно валенки, что позволяют ему легко перемещаться по рыхлому снегу. Летом - будто запечённая на солнце шляпка подберезовика, коричневато-пегая шкурка, сливающаяся с корой деревьев и травой. К тому же, заяц не боится воды, когда его вынуждает к этому обстановка. Он, вообще, очень быстрый и толковый зверь по части принятия единственно верного решения.

Пожалуй, никто так легко не чувствует и не понимает свою жизнь в лесу, как заяц. Неприхотливый с рождения, он рано научился прятаться, убегать и защищаться от лукавого зверя. Ему не надо объяснять, кто в лесу враг и кто друг. Он знает, где есть вкусные, сочные коренья и свежая вода, глухие места и солнечные поляны с мягкой травой. Ему ведомы тайны диковинных запахов. И ещё он знает, что недолог заячий век, и нужно быть очень ловким, смелым и осторожным, чтобы как можно дольше продлить его и оставить после себя потомство.

Из всех органов чувств у зайца наиболее развит слух, что, впрочем, видно уже по его большим ушам. Трудно поверить, что зайца пугают знакомые с детства звуки: шум леса, треск проходящих мимо медведей, неожиданные взлеты рябчиков и глухарей. Его настораживают лишь незнакомые и странные шорохи, резко доносящиеся или чуть слышимые. И заяц, побеждая страх, без конца изучает все звуки и запахи, чтобы, встретив их в другой раз, уже спокойно убежать от греха подальше или, вообще, не обращать на них внимания.

Каждый заяц, наверное, бывает, по-своему, отличен: один доверчив и обходителен, другой - неуживчив, злобен, третий – пуглив… Этот - умён и понятлив, а кто-то глуп и безрассуден. Иной всегда весел и доволен, да и без капризных, наверное, никак не обойтись. Только всё-таки не встретишь среди лесных жителей зверя более добродушного.

У каждого зверька - своя выгода, и она хоть кого-нибудь да потревожит,

но заяц - сам по себе: не хитрит, не крадётся, умысла тайного не вынашивает, на чужое не зарится, если только созорничает порой, на огород заберётся, а чуть что - стремглав восвояси. Нет более простого и славного зверька в лесу, и как бы ни окрестили зайку, ему всё нипочём.

Есть у него и свой замечательный ум, что проявляется в необыкновенной осторожности, чуткому вниманию ко всему окружающему, сметливости и быстроте, с какой он запутывает свои следы. Маленький, беленький, по лесочку прыг-прыг, по снежочку тык-тык, неприхотливо ковыляет в своей жизни неунывающий зайчишка: всякому доступен, да не всяк достанет!

Заяц - удивительно своеобразный зверёк. Даже убитый, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы, и всё кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, как способность рыть в мартовском плотном снегу глубокие ямки, что открывает в зайце нечто неизведанное.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косой приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело, замирая и озираясь, забавно шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не приметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступившей в природе твёрдости, что оголяет и без того мало защищенную заячью жизнь.

Но вот зачем зайцу рыть подобные ямки в утрамбованном снегу, и не где-нибудь в поле или в лесу, а прямо на дороге, остаётся полной загадкой. Неоднократно натыкался я на такие углубления по накатанным до блеска обочинам, видно было, что зайцу рыть их очень трудно, но, тем не менее, он не оставлял свою затею и достигал значительной глубины. Лесовозы с небольшими интервалами снуют по дороге и днём, и ночью, а зайцы не прекращают своих усилий, и то там, то тут натыкаешься на большие и маленькие ямки, как будто зверьки стремятся докопаться до чего-то, но что это - остаётся непонятным.

Заяц, кажется, никому не приносит худа, и даже не держит намёка на это, но есть в его поведении черты, что порой выявляют нам совершенно незнакомого зверя...

Ночуя как-то зимой у одного знакомого егеря, я, к немалому удивлению, обнаружил у него за печкой, в большой картонной коробке, живого зайца. Заяц какое-то время не хотел выходить, лишь изредка оттуда доносилась его возня, но вскоре он покинул свое укрытие, повёл розовым носом и неуверенно проковылял к середине избы. Мы сидели и наблюдали, что заяц предпримет, а он вдруг встал на задние лапы, опёрся передними в моё колено и глянул в

лицо. Сказать, что это был забавный пушистый зверек, каким мы знаем его из русских народных сказок, было бы неверным. Честно признаться, мне просто стало не по себе.

Тупой, застывший взгляд неожиданно обозначил в зайце его необъяснимую темноту, мало того, какую-то жуткую остекленелость, что отсутствует у других зверей: медведя, волка, рыси, лисы, в чьих глазах всегда чувствовалась осмысленность. Взгляд зайца вынудил посмотреть на него с опаской, после чего во мне уже не осталось той безотчётной лёгкости и благодушия, с какими я совсем недавно воспринимал зверька. Душа зайца вдруг стала мне непонятна, загадочна, да и сам зверь уже не вызывал того чувства приподнятого восторга, что охватывал раньше.

Заяц показал себя с совершенно другой стороны, стал в моём представлении каким-то иным существом, дотоле неизведанным, и я уже начинал относиться к нему с оглядкой, не в силах забыть этот остановившийся, тупой взгляд, отображающий неизведанную звериную душу. Заяц молниеносно потерял в моём воображении с детства укоренившиеся черты милого зайки, которого незаслуженно обижают все, кому не лень, и он приобрёл в своём образе нечто неизъяснимое, что скорее испугало, чем развеселило.

Отвратный запах, что оставляет после себя этот обаятельный с виду зверёк, когда его держат в домашних условиях, тоже не идёт ему на пользу, поскольку в народной молве он снискал себе славу заюшки-горностаюшки в уютной, вычищенной снежком и морозом шубке. На деле заяц оставляет после себя совершенно непереносимый дух, отчего в самом скором времени теряет свою былую привлекательность, и как бы хорошо к нему не относились дети, от него приходится избавляться. Заяц хорош в лесу, где обретает своё лицо и, как ни странно, опять оказывается понятен и дорог. Но вот рядом с людьми он начинает представляться им нечистоплотным, злым и каким-то не привлекательным колченогим существом.

В обычное время осмотрительные, зайцы стараются лишний раз не показываться на глаза, но по весне они словно теряют голову, забывая о какой- либо осторожности. Зайцы так увлекаются в неудержимом стремлении показать себя с самой неожиданной стороны, что совершенно дуреют: они начинают ошалело носиться по закраинам полян и в перелесках, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается гомоном, писком, так что заяц в порыве страсти может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав.

Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, он порой доводит себя до такого отчаянья, что уж ничего, кажется, не боится, а вернее, не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом, да свистнешь изо всех сил чуть ли ему не в ухо, то зверь сначала оторопеет, затем с него слетит вся эта весенняя спесь, и сделается он опять робким зверьком.

Так однажды выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил большую

поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул и мчался, во всю прыть, прямо мне под ноги. Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится, и заяц, чуть приподнявшись на задних лапах, тоже замер. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать круги по поляне, словно, не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без устали носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится?

Очень странное и двоякое чувство вызывает весной и линяющий заяц. Сверху ещё белый, каким его все привыкли видеть зимой и полюбили, с чёрными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится совсем неопрятным и жалким зверьком, так что старая свалявшаяся шерсть свисает с него рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, отчаянно гоняющегося за длинноухой красавицей, он превращается в неловкого зайчишку-бедолагу, что только бы незаметно проковылять через распутицу-дорогу, да поскорее скрыться от чужих глаз в хвойной чащобе. Грязновато-белый, как последний снег на тёмной земле, заяц в эту пору будто норовит задержаться и, в тоже время, поскорее сбежать.

Вдобавок, по весне заяц проявляет, казалось бы, совершенно не присущую ему жестокость, когда, чуть ли не с остервенением, обихаживает понравившуюся ему зайчиху. В приступе проснувшейся страсти он способен доставить ей массу неприятных хлопот, выдирая когтями у неё со спины целые клочья шерсти, а то и хвост! Нелегко даются бедной зайчихе его весенние ухаживания, и разве не задумаешься после этого о том, так ли хорошо мы знаем зайца?!

Вот такой он, скорее - незнакомый многим зайка-серые уши, от которого поп за куницу отказался, дьякон - за лисицу, и только пономарь-горюн им не погнушался, да и тот больше по невысокому званию своему. А ведь и по заячьему следу, говорят, доходят до медведя!

Берлога

Приходилось ли вам стоять у чела берлоги, в нескольких шагах от него, и без ружья? Можете себе такое представить? Когда мне ещё не привелось оказаться в подобной ситуации, я боготворил смельчаков, что на это решались, даже не воображая себя на их месте: до того жутко было осознать пробуждение медведя рядом с собой, в непосредственной близости, представляя, как он выбирается на свет божий и накрывает тебя тёмной мохнатой тучей.

Разве хватит у тебя стойкости не отпрянуть от натиска грозного лесного исполина, думалось мне, и выстоять перед этой дикой звериной мощью? А когда-то бесстрашные охотники хаживали на медведя с рогатиной, в

одиночку, обладая непоколебимой выдержкой и отвагой, и не принимали такое лихое дело за подвиг! Причём, брали зверя на берлоге не по разу, десятками, не теряя ни на миг твёрдости духа, словно обращаясь в камень.

Хотелось бы мне познакомиться хотя бы с одним таким героем, чтобы разузнать о секретах его храбрости, и о том, как отыскать место залегания медведя на зиму, и что для этого необходимо знать! А ещё бы хорошо самому поучаствовать в охоте на берлоге, не убивая зверя, просто, хотя бы, присутствуя на ней, наблюдая - как он встаёт ото сна и приходит в себя, переживая своё пробуждение.

При этом тебе почему-то хочется представлять медведя своим другом, что хоть и живёт в лесу, но близок тебе по духу, и очень симпатичен своими косолапыми повадками. Мечтается, как это делает мишка, пройтись вразвалочку по укромному заповедному лесу, ощущая в нём себя полноправным хозяином, выискивая ягодки и сочные коренья, лакомясь вкусными муравьишками и сладким диким мёдом. Воображать себя, хотя бы ненадолго, обаятельным и могучим зверем - чудо как хорошо! Но когда узнаешь, что медведь залегает в берлогу на всю зиму, а само слово это означает «грязное место», станешь ли представлять себя им?!

Лежит медведь в берлоге, не умываючись, и декабрь, и январь, и февраль, пока ему мартовская водичка штаны не подмочит, и видит сны, в которых он без оглядки раззоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться немножко. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного мёда щекочет ноздри, и липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до любимой сладости так, что не боится шкурой откупиться.

Раззадорит пчёл не на шутку, а уж потом – бежать! Даже глубокой зимой не дают ему покою пчёлы: он во сне лапой от них отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях…

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом поедает лесные яблоки. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю всё это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнёт: гнёт – не парит, переломит – не тужит. Сочная рябинушка от него под осень немало намается, а медведю до того – заботы никакой. Он её аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешаясь.

Спит медведь и видит свой любимый угор, ягодами желанными рдеющий, а ещё лакомство неизменное – муравейники. Как вырастают они под древними елями кучами невообразимыми: замерли в себе, будто ждут чьего-либо внимания неизвестного. Медведь его на свой интерес приноравливает.

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное - и потешается. Любо ему, недотёпе, возбуждение махонькое наблюдать, кисленьким закусывая. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге сосёт, что на неё во снах муравьёв и мёд намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает, да ещё корову съест. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны в сытом довольстве и живёт.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую – на другом, а когда просыпается и с боку на бок перворачивается, то только палец пососёт и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и сьела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Всё это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силён медведь, а воли в нём нет, она выкована в волке. На всю зиму спать медведь ложится, ибо не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую пору. Легче ему перележать её в берлоге, чем превозмогать со своим весом в гибельных сугробах.

И как подумаешь обо всём этом, то опять захочется тебе побыть медведем, пососавыя в берлоге свою лапу. Сон от этого ещё слаще становится, и так сердечно и просто от воображаемой лесной сказки своё бытие представлять начинаешь, что в мыслях тоже радостно на другой бок перевернёшься, счастливо губами причмокивая. А это означает – зиме половина отпущенного ей срока осталась, метели да вьюги более усердно принимаются кружить над твоим и мишкиным обиталищем, и сказка лесная ещё правдивее выходит, занимательнее.

И вот, оказываешься ты однажды перед этой самой берлогой, пришло для этого время, и тебе, уж ты знаешь, наверное, не миновать столкновения со зверем. По крайней мере, если он даже выскочит не на тебя, ты всё-равно его увидишь, переживая этот завораживающий миг слияния с вековечной лесной тайной, и если не спасуешь, то откроется в тебе нечто, тебе ещё неведомое, что только спало, и пробудить его привелось медведю, которого ты невольно потревожил на берлоге.

Когда у тебя охотничье сердце, и оно полностью захвачено жизнью леса, трудно избежать охоты на берлоге, к тому же, она тебя сама находит, если ты к ней готов. Не секрет, что люди, берущиеся за организацию такой охоты, особой масти, они уже давно научились принимать лес, как свой родной дом, но уважают в нём всякое живое существо, будь это хоть мышка-малютка. Добыть медведя – задача для них, конечно, первостепенная, но и обставить

эту охоту они намерены по всем правилам охотницкого искусства, извлекая из всего происходящего максимум удовлетворения.

Добиваясь тщательного подхода к обустройству этого серьёзного дела, охотники на берлоге, в первую голову, всегда думают о самом медведе, что это – не обычный зверь, а грозная сила, обладающая необыкновенной мощью и смекалкой. Никто не знает – как она себя поведёт, если не ко времени оказажется растревоженной. Неспешно шатаясь в поисках пищи по лесу, медведь, конечно, представляется иной раз забавным недотёпой, но это – опасное заблуждение.

Не знает об этом, наверное, и сам медведь, только что пробудившийся от долгого сна, хоть и находится в родимом лесу. Да разве разумеет он что-либо в момент поднятия его с берлоги, посреди зимы?

Медведь ложится в неё почти на полгода, прежде обстоятельно отыскав удобное для этого место, даже не преполагая, что его кто-то решится потревожить. И вот, вдруг, сладкий сон косолапого прерывается, и что он при этом может чувствовать? Должно быть, большое недовольство, а ведь в берлогу ещё залегают и медведицы, что рожают в её уютном тепле медвежат.

Как такая мама способна повести себя, если кто-нибудь покуситься на её покой, и значит - на жизнь малышей? Даже не поверится поначалу, что где-то в таёжных северных лесах, в самой утробе января, появляются на свет милые зверёныши, и мать заботливо кормит их во сне молочком, а над берлогой метели наносят великие сугробы. Такова сказочная зимняя повесть, рождающаяся в засыпанном снегом диком лесу, и особенно удивительно, что когда нам пришло время отправиться на берлогу, подготовленную егерем, в ней оказалась именно медведица. Но всё по порядку.

Момент, когда из берлоги показывается косматая голова, как ни странно, не впечатляет так, когда живёшь только ожиданием появления зверя. Выберется ли он из берлоги в считанные секунды и надвинется на тебя грозовой тучей, или появление его окажется непредсказуемо медлительным, так что зверь покажется не сразу, впопыхах, а неторопливо, ещё толком не придя в себя, тебе неведомо…

Может быть, он, выкарабкавшись из своего убежища, метнётся, стремглав, в спасительную чащу, не обратив внимания на людей, лишь бы спасти свою шкуру? Такие случаи бывали, и потревоженная лесозаготовителями медведица, ещё не пришедшая в себя ото сна, даже бросала малышей, убегая подальше от берлоги, и уже не возвращалась. При охоте на берлоге вероятны самые непредсказуемые ситуации.

Как всё будет? Тысячи вопросов проносятся в голове, не успевая запечатлеться, и оттого то, что представляется – постепенно смешивается в сплошной сумбур, и лесная картинка происходящего там, с тобой и товарищами, никак не вырисовывается, скорее, смазывается, превращаясь в сущий хаос. Но нет, тут нужно собраться, и действовать не по прочитанным увлекательным книжкам, а по указанию распорядителя охоты, главного в ней

человека, что уже не раз бывал на берлоге медведя, и спокойно может объяснить самое необходимое, без чего в такой охоте не обойтись.

Это – старый медвежатник, уважаемый всеми знаток леса, Учитель… Без него в охоте на берлоге ничего, действительно, не сложится, и таковым являлся для нас Юрий Николаевич Ушаков, почётный охотник с многолетним стажем, таксидермист Областного Краеведческого Музея.

Накануне охоты, с вечера, мы остановились в избе местного егеря, Фёдора Степановича. Его супруга, Валентина Ивановна, поставила на стол самовар, пироги с ватрушками, и сразу стало тепло и уютно. Мы все собрались у карты района, и Фёдор Степанович показал нам квадрат, где залёг медведь. По его словам, недалеко от дороги, но придётся переходить глубокий лог.

- Выйти на медведя не мудрено, - рассказывает Юрий Николаевич. – Лесной боярин спит крепко, его ещё разбудишь не сразу. Порой постараться приходится, но защищать себя ты сам должен. Будь крепок, не робей, будто ты стреляешь по рябчику, пусть владеет тобой только интерес к лесу и медведю, больше ни о чём не думай.

Выпадет счастье, что хозяин выскочит на тебя, помни: в твоих руках ружьё, а не рогатина, с какой брали зверя на берлоге наши предки. Сумел бы ты с ней обойтись в таком хитром деле? То-то, но у тебя имеется механизм разрушительный, с пулями спасительными, и потому – нечего бояться. Не стой межевым столбом, стойкость – в умении не терять головы, когда страх одолевает.

- Ну, а как подшумим его раньше времени, - спрашивает водитель Федя, - он уж непременно уйдёт?

- Может и в твою сторону спросонок броситься, кто ж его медвежью душеньку разберёт. Точно предусмотреть охоту на Михайло Потапыча никто не в силах. Но зарубить себе на носу следует каждому: если хочешь оставаться только свидетелем – недалеко и до беды. Какой же ты тогда медвежатник?!

- Впервой-то, поди, всякому не сладко! – с опаской замечает Федя.

- Значит, стояли вместе, а побежим врозь?

Федя в задумчивости опускает голову.

Юрий Николаевич знает дело туго, долго рассусоливать он с нами не собирается, и от понимания того ответственного дела, на которое мы решились, все приходят в доброе возбуждение.

Тут надобно заметить, что охота на берлоге, действительно, дело особенное, и оно не терпит лишних людей. Каждый участник оклада должен находиться на своём месте, всему в этой охоте свой час и разумение, и без тщательного инструктажа, а ещё лучше – опыта, глубинного желания проникнуть в тайны леса, решаться на неё нежелательно. Горе, если кто-то несерьёзно отнесётся к значимости происходящего действия, не учтя важность такого события!

Лесной воевода шуток не признаёт, и позволить себе допустить оплошность человек не вправе: ценой ей будет его жизнь. Ну, а трусу на медвежьей охоте делать вообще нечего. Тут требуется именно стальной характер, спокойствие духа и непоколебимая любовь к лесу.

Ничего этого тогда у меня не было, ну, может быть, только отчасти, и лишь любовь к лесному царству переполняла все мои чувства и мысли. Я ещё не понимал, что в охоте на медведя важно не то, что ты думаешь или знаешь, а то, что и как ты делаешь, оставляя после себя в своих поступках, и если решился побывать в охоте на берлоге, конечно, честь тебе и хвала, но и спрос будет велик. Истинное мужество, как раз, не взять лесного исполина на берлоге, проявив, будто бы, неслыханную отвагу, а знать, что при случае действительно окажешься несгибаемым, и, конечно, не растеряешься, если от тебя потребуется решительность. Но, всё же, без надобности не причинишь никому вреда.

Вообще, моё отношение к медведю такое: представляя скитающегося в лесной чащобе косолапого, я никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя. Нередко случалось мне встречать медведей и в нашем лесу, и на Дальнем Востоке, и ни один из них не повёл себя агрессивно, а стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе память лишь мелькающим маленьким хвостиком. Каким же чистым надо быть, чтобы, встретившись в лесу со зверем, пусть даже с таким величественным и сильным, как медведь, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, давно не виденным другом!

Вот и Юрий Николаевич поведал нам об этом так же доходчиво и прямо, без затей:

- Столкнувшись с медведем на лесной тропе, не смотри ему в глаза дерзко, а взгляни доброжелательно и покойно, не тая дурных мыслей. В твоих глазах медведь должен увидеть почтительное отношение к нему, чем и укрепишь в лесном хозяине уважение к себе. Так и утвердится между вами понимание.

- Не очень-то в такое верится, - озабоченно произносит Федя.

- А ещё лучше, - добавляет Юрий Николаевич, - поздоровкайся с ним по-хорошему, просто: «Доброго здоровья тебе, медведушко!» И медведь, если он не подраненный, не шатун, непременно примет человека, хоть для острастки и рыкнет. Мол, более не приближайся, и того расстояния между нами довольно, чтобы сохранить радушное отношение друг к другу.

Да, думаю я, отправляясь на встречу с медведем, следует, похоже, запастись не только отчаянной смелостью, но и благоразумием, даже – покоем в душе. Если весь взвинчен от охватившей тебя страсти – к зверю нечего соваться, а вот если сохраняешь душевную твёрдость, состояние некоей непоколебимой тишины, в котором находишься постоянно, к медведю можно обратиться лицом, тогда и он тебя уважит.

Впрочем, медведи, как и люди, разные по характеру бывают. Одни – заполошные, столкнувшись, нос к носу, с человеком, с перепугу не знают, куда деваться, а одумавшись – тотчас бросаются в чащу. Есть любопытные, при встрече с чем-то неизведанным, они приподнимаются на дыбы, и, сложив на груди лапы, пристально всматриваются – что их потревожило? Бежать при этом они и не думают, проявляя, скорее, интерес. Попадаются, конечно, и злого нраву, тем лучше вообще не показываться, ибо вмиг кинуться и задерут: разве разберёшь, что у зверя на уме… Вот почему с медведем нужно быть очень сторожким, не нести в себе раздражения, а значит – боязни.

Всё, что может противопоставить человек медведю, это – единение с ним и природой, вы должны оба находиться на одной волне спокойного восприятия окружающей вас действительности, и никак иначе. Страх перед зверем – это лишь предполагаемое вами развитие событий, то, что ещё не случилось, но вы его уже себе представляете, и неминуемо выявляете в собственном поведении. Медведь не может этого не почувствовать, и тут уж всё зависит от его характера.

Он, конечно, простоват, бывает даже боязлив, но ведь это зверь! Кстати, не зря среди лесовиков бытует примета, будто бы медведи попадаются очень часто лишь тем, кто не ищет с ними встречи.

- Ну, а где чаще всего залегает мишка? – с интересом спрашивает Федя.

- Медведь, если не находит удобный выворотень, часто довольствуется несколькими ёлочками в человеческий рост, растущими кругом, обдирает вершинки с сучьями, устраивая подстилку из них, а находящиеся рядом деревца надкусывает так, что подломленные макушки укрывают его лёжку сверху. Получается что-то вроде шалаша, а снег превращает это неказистое сооружение в настоящий шатёр, - с расстановкой, спокойно, разъясняет Юрий Николаевич. – Что у медведя на уме – одному Богу ведомо! Бывает, на поваленных в бурю деревьях постель себе устроит, а то и в стоге сена заляжет, оставленного на лесной поляне на зиму. Живёт, косолапый, своим домком, потому как своеобразен умком.

- Всяк своим умом живёт, а уж медведь – на особинку, - оживляется Фёдор Степанович. – Не поверите, залёг у нас однажды прямо возле деревни: все мимо ходят, собаки облаивают, ребятишки на лыжах катаются, лошади сено с дальних покосов возят, в одном и том же месте беспокойно всхрапывая, а никому и невдомёк, что у них под боком сам хозяин тайги на зиму устроился. Так, до весны, и пролежал! Ума-разума много, да вон нейдёт: попробуй-ка разбери божьи дела!

- Зато привычек своих не меняет, - не перестаёт наставлять нас Юрий Николаевич, - почти всегда ложится головой к челу, а чело медведя чаще располагается на южную сторону, и потому подходим к нему с севера. Тут многое ещё зависит от погоды: в мороз зверь менее чуток, но сейчас оттепели, и надо быть внимательнее. Он и берлогу-то разыскивает, всегда направляясь с юга на север….

- Медведи обычно устраивают берлогу под комлевой частью дерева со стороны ствола, а не там, куда выступают корни, - поучает уже Фёдор Сттепанович, - и потом подкапываются под них, обкусывая. Наша берлога, скорее всего, именно такая, и зверь, наверное, устроившись под корнями, сразу не выскочит. Лучше вставать прямо за стволом, и тогда медведь высунется под выстрел, показав затылок. На этом его и брать.

- Значит, остальным нужно быть начеку по бокам, - спокойно замечает Юрий Николаевич, - с восточной и западной стороны. А на затылок очков не напялишь, это верно.

- Бывает и так, что не всё по затылку, ино и по головке надобно погладить.

- Медведя хоть гладь, хоть бей, всё одно – зверь, с него взятки гладки.

- Скорее бы уже утро, - ни с того ни с сего оговаривается Федя.

- Не спеши жить, придёт смерть, скажешь: рано! – с укоризной замечает Фёдор Степанович. – Не ровён час, доспешишься до греха.

- Как же устроить так, чтобы вышло всего вернее? – плохо сдерживая волнение, вопрошает Федя.

- Осторожить наше охотницкое войско караулами! – весело восклицает Юрий Николаевич.

- Не спехом дело спорится, а толком, - опять наставительным тоном поясняет Фёдор Степанович. – Наши деревенские мужики однажды такую штуку удумали. Срубили заранее несколько трёхметровых ёлок и засунули их вершинками вперёд, прямо в виднеющееся под завалом чело. Разбуженный медведь, ничего не понимая, начал бороться с этими ёлками, то втягивая их в берлогу, то стараясь вытолкнуть наружу, а верхушки растопыриваются ветвями, мешают медведю выбраться, между тем, как отверстие расширяется, и охотники имеют возможность лучше подготовиться для верного выстрела. И ведь сработало!

- Но ведь зверь, разбуженный таким образом, находится в невыгодных для себя условиях, - говорю я. – Он не может разобраться – что происходит, и просто сбит с толку. Не лучше ли, чтобы его пробудил естественный звук – хлопок в ладоши, стук палки о дерево или окрик?!

- Так-то оно так, да только иной раз стучи-не стучи: сидит дед на печи! – строго обьявляет всему нашему охотничьему воинству Юрий Николаевич. – Чего только на охоте не случается, вот и Михайло Потапыча иной раз нипочём не добудиться: хоть кричи, без умолку, весь божий день, хоть бей его в лоб! Приходится на пустом месте пароход изобретать.

Как верны были слова Юрия Николаевича, мы удостоверились лишь позже, но накануне охоты любое его высказывание, как и Фёдора Степановича, подвергали сомнению, желая дознаться правды. Бог велит всё и всех знать, но кому знание запросто так давалось?

- Зимний день короток, - поясняет Юрий Николаевич, - но выходить на берлогу будем ближе к полудню, зверь ночью более чуток, чем днём. Да, к тому же, погода пасмурная, а Топтыгину крепче спится в мороз, и в светлое

время он скорее в такую погоду забывается в дрёме. Позже зачнём, быстрее развяжемся!

- Умело подойти к логовищу тоже имеет немаловажное значение, - вторит ему Фёдор Степанович. – У нас к берлоге, по всему кругу, примыкает лес, и медведь может скрыться с глаз на первом прыжке, так что придётся приближаться к нему вплотную, почти в упор, не выпуская из берлоги, а стрелять за ухо или в затылок, как и условились. Здеся твой опыт, Юрий Николаевич, пригодится, мы же с ребятками по бокам замрём.

- По себе знаю, что хуже всего, когда медведь лежит в закрытой берлоге, в густых зарослях, не показываясь сразу охотнику, и вылетает из неё пулею, - досадует Юрий Николаевич. – Не успеешь и осадить.

- Там, куда направляемся, чело с трёх сторон открыто, с севера только старая ёлка, так, что пятачок какой-никакой имеется. Первое дело – не робеть, выскакивает зверь на удивление ловко, и тут тебе две воли: чья сильнее, та и возьмёт.

- По чести, так чья лесная доля, того и воля, - поправляет Юрий Николаевич. – Для охотника же на бою – одна Божья милость.

- И всё-таки, приходится стрелять толком не отошедшего ото сна зверя, - с робкой укоризною, будто противится всему сказанному Федя. – Ладно ли?

- Лады, конечно, всего дороже, но медведь в берлоге – не притаившийся на днёвке косой, которого сначала стронули, а потом стреляют, - доходчиво объясняет Юрий Николаевич. – С ним никаких ладов не напасёшься! Он в один прыжок может огромное расстояние перемахнуть, и положить его с одной пули не всегда удаётся.

- Не токмо с первой, но и со второй, и с третьей, - оживляется Фёдор Степанович. – А в прыгучесть его невероятную я долгое время никак не мог поверить, пока не натолкнулся по осени на свежий след медведя, пошёл за ним, и очень был удивлён, когда след прекратился, так как дорога пролегала по открытому месту, и звериного схода с неё я не обнаружил. Пригляделся – справа от дороги, метрах в семи-восьми, лежит старое бревно, за ним – порядочный бурелом, так вот медведь, ни сходя с места, сиганул на это бревно, а дальше ушёл верхом, по поваленным деревьям, я это потом по следам от когтей на них определил.

- Да-а, - продолжая тему необыкновенной ловкости медведя, произносит Юрий Николаевич. – Не тот бьёт медведя - кто хочет, а кто может.

Мы же с Федей сидим присмиревшие, каждый по-своему воображая себе предстоящую охоту. Какой матёрый зверь выскочит на нас, и как это будет?

Вопросы один за другим не перестают мелькать в воспалённом от ожидания уме, и я уже вижу, как разьярённый исполин тайги бросается прямиком на меня, сгребая в свои могучие обьятия. Что-то будет?!

- Если спокойно разобраться, то страшного ничего при охоте на берлоге нет, - вкрадчиво объясняет нам Юрий Николаевич, - коли ты готов встретиться со зверем.

- Как это? – не отступает Федя.

- Ну, тебе доподлинно ведомы его повадки, охотничья амуниция твоя в порядке, и все свои действия ты хорошо продумал. Как это, собственно, происходит и с любым другим делом, если ты внимателен и к себе, и к окружающей жизни.

- Жизнь, конечно, любит обстоятельное к ней расположение, - спокойно замечает Фёдор Степанович, - и оттого нужно относиться ко всякому живому существу с уважением, как и к нашему дорогому лесному воеводе. Мишук – зверь отходчивый, тоже беспорядка не любит, и когда ты с ним по справедливости, и он тебя не обидит. Но как тут быть, коли мы его в родном доме покою лишаем?!

- Что верно, то верно, - вторит ему Юрий Николаевич. – Приведётся встретиться с медведем на таёжной тропе, я уж об этом говорил, и тут всё зависит от тебя самого: либо схватишься за ружьё – и зверь на дыбы, либо заговоришь с ним по душам, ласково, выявляя лишь уважительное к нему отношение. Получится отыскать в себе слова правильные, добрые, и выдержку отменную проявить, так что зверь поверит в твою искренность, то он ни за что не нападёт: отправится по своей лесной дорожке, а ты – по своей. Чего вам делить, если уважение друг к другу испытываете?

- А как же берлога? – заворожено вопрошает Федя.

- Сибирские охотники сказывают, что коли выпала судьба заглянуть медведю в глаза, ни в коем случае не поворачивайся к нему спиной и не ударяйся в бега, а спокойно стой, либо тихоньку ступай ему навстречу: ни за что, будто бы, не тронет, - степенно утирая усы, добавляет Фёдор Степанович. – На логовище же медвежьем себя, главное, не теряй: медведушко, именно так к нему и след обращаться, вмиг в человеке страх примечает. Он в своём лесном дому, что оладья в меду.

- Не прав медведь, что корову сьел, не права корова, что в лес зашла, - шутит Юрий Николаевич.

- Вот-вот… Человеку всего и остаётся, что стать медведем, только в другой шерсти!

- Приключилась со мной однажды история, - улыбается Юрий Николаевич. - Зашёл ко мне лешак неслышно сзаду, да как рыкнет, я и пал ничком. Так дух перешибло, что языка своего не доищешься. Словом, унеси ты, Господи, моё горе!

- Тут, насколько хватит терпению, лежи, - не удерживается от совета Фёдор Степанович.

- И не дыши, - продолжает Юрий Николаевич. – Медведь обычно подходит и нюхает, лапой попробует тебя перевернуть, но ты не шелохнись. Если нету уже никакого терпёжу – незаметно втягивай воздух, и, не двигаясь, продолжай лежать, пока мишка сам не уйдёт. Да только и тогда не срывайся с места как угорелый, а, не поднимаясь, осторожко оглядись, и когда уж убедишься, что зверь удалился – вставай. Вот я и покорился тогда своей судьбе, благо, чёрт косматый отступил.

- Оберёг тебя, ради Христа, лесной бог, - перекрестившись, заключает Фёдор Степанович.

- Но стоит, ей-богу, побывать, хоть раз в жизни, на медвежьей берлоге, чтобы самому, воочию, увидеть таинственное обиталище дремучего лесного зверя, - удовлетворённо произносит Юрий Николаевич. – Как он неприхотливо залёг на зиму под каким-нибудь старым выворотнем, что защищает его уютную лёжку от северного ветра. Ощутить этот утробный медвежий запах, несравнимое ни с чем переживание нахождения рядом с медведем в его родном доме, в любимом и тобою вековом лесу.

Да только нелегко пробудить в себе желание непременно встретиться с хозяином тайги, особенно – на берлоге, преодолев все опасения, и главное, страх перед этой неизведанной лесной силой. Но медведь - стращает, а Бог - милует!

И действительно, думаю я, как не крути, а из всех добываемых в лесу зверей медведь стоит особо. И в первую голову именно потому, что на всю зиму залегает в берлогу. Зверь большой и обиталище его не маленькое, хотя порой МихайлоИваныч укладывается спать совершенно бесхитростно, будто его сон настолько сморил, что ему лень выкапывать берлогу, и он ложится просто так, в какое-нибудь незначительное углубление, или умащивается под корнями вывороченного ветром дерева. Так и проведёт всю зиму, и по деревням бытуют рассказы, будто бы кто-нибудь из незадачливых лесозаготовителей даже проваливались в такую нехитрую берложку, и тут уж только на случай надеяться, чтобы Господь тебя спас. Но чаще всё-таки зверь тщательно подбирает себе место для зимовки, порой не раз сменит его, если ему что-либо не понравилось, и лишь затем успокаивается.

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. Вот отчего позавидуешь медведю, и пожелаешь и себе обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы долгая зима была не в тягость, не ложилась на плечи тяжёлым бременем, а принесла бы к весне всё то, о чём мечтает душа.

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё крепче. Добродушным кажется лесной боярин-топтыга, когда спит, целую зиму, в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

Порой до конца апреля спит он в своём потаённом лесном убежище, так что даже шуба подмокает, но медведь всё равно не встаёт. И только уж когда совсем его крайняя нужда одолеет, и день обгонит ночь, а в потёмках апрельской ночной тишины скрипнет под кем-то наст, с великой неохотой поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун.

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать. Сало его за долгие месяцы остаётся почти не израсходованным, а потребуется оно ему как раз на период весенней бескормицы, когда зверь поднимается из берлоги голодный,

и может отыскать в пустом лесу только немножко личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае – горсть кедровых орешков в разоренной норке бурундука. Вот тогда и спасает его накопленное сало, когда лихо стало.

- А как отыскать берлогу в таком огромном лесу? – озабоченно недоумевает наш сердобольный Федя.

- В стародавние времена охотники за медведем по первозимице ходили, - рассказывает Фёдор Степанович. – Как только снежку поднасыплет, мишутка отправляется к своей старой берложке, или отыскивает новую, и вот в эту пору охочие до зверя люди и прослеживали его тропы… По глубокой осени, направляясь к берлоге, медведь обязательно после себя оставлял чернотроп, по нему зверя и находили. Охотники замечали такие места зарубками по деревьям, давали зверю улечься, а приходили на примеченное место уже ближе к весне.

- Мишка, прежде чем уснуть, наламывает вокруг берлоги хворосту, лапник сосновый и пихтовый, - продолжает Юрий Николаевич, - и когда ляжет, так и навалит на себя сверху весь этот валёжник, оставляя дырочку для продыха. В течение декабря снег заметёт берлогу, но дырочка никогда до конца не затягивается, дух медвежий её подтапливает. Так и лежит Потапыч в своём уютном обиталище всю зиму, да лапу сосёт, горя не зная.

- Существует ещё такая звериная смётка, я и сам её не раз примечал, что медведь, прежде, чем основательно залечь, над самой берлогой заламывает верхушки ёлочек, даже, вроде как, сгрызает их, и по ним тоже можно определить его лёжку. Для чего косолапый это выделывает, ума не приложу!

- Причём, такие заеди можно встретить не у всякой берлоги, - примечает Юрий Николаевич.

- Для чего же медведь их делает? – вступает в разговор Федя.

- Для комфорту… Закусывая верхушечки ёлок, пробует их на вкус, и если понравятся, устилает ими берлогу.

- А почему не у всякой берлоги встречаются эти заеди?

- Если ёлочки заедены, но берлога отсутствует, значит, кора с хвоей показалась медведю недостаточно ароматной. Удобство – всякому делу подспорье, а уж Михайло Потапычу и подавно!

- Шибко приметливый зверь, - соглашается Фёдор Степанович. – И «закуси» по вкусу выберет, и по весне, когда поднимается с берлоги, ищет особую травку «прострел», чтобы удалить «пробку», окаменевший в заднем проходе кал. Берлогу, хоть она в переводе и означает «грязное место», мишка содержит в чистоте.

- Да и место это он выбирает очень тщательно. Бывает, выроет не одну берлогу, пока всё ему не придётся по вкусу. Зима тёплая выдалась – уляжется верхом, а ударят морозы – поспешает поближе к болоту с тёплыми ручьями. Медведица, ожидающая щенят, всегда устраивает берлогу глубже, обширную, чтобы иметь возможность переворачиваться, когда у неё начнутся потуги, да и малышам просторнее, а оставшиеся без матери

пестуны, иногда их число доходит до четырёх, готовят берлогу вместе, если их не разъединила судьба, и так, гуртом, и ложатся.

Что же касается грязи, так куда без неё, коли всю зиму лежишь не умываючись, но, как говорится, грязь не сало, помял, она и отстала.

- Медведь умён так, что иной раз старшно становится! – вступает в разговор супруга Фёдора Степановича – Валентина Ивановна. Уж кому, как не ей, жене старого лесовика, не знать этого. – Меж людей ещё бытует поверье – ни в коем случае не поминать его по имени, пока лесной отшельник сладкому сну предаётся, чтобы он не услышал тебя, и не навлёк человек на себя беду.

- Ну, это – сказки, - усмехается Фёлор Степанович. – Пустая бочка пуще гремит!

- От деда своего, ещё в детстве слышал, как по старине крестьяне, чтобы медведя из берлоги вытравить, ловили зайца и подносили его, держа за уши, к самому челу, а затем принимались его щипать, отчего косой начинал пискляво голосить, и мишка, осерчав, просыпался. Даже лай собак не всегда будит лесного боярина.

- Ну, а чего делать, ежели, ни собаки не помогают, да и зайца взять негде? – с лукавинкой вопрошает Фёдор Степанович.

- Приходится тогда охотникам самим дремучего воеводу из его укромного обиталища поднимать, и тут уж - кто на что горазд!

Все улыбаются, лица раскраснелись от печного тепла, доброй беседы и хозяйской снеди. Но надо и честь знать: поутру отправляемся на берлогу!

Ещё раз проверяем охотничью амуницию, ружья, всё, вроде бы, в порядке. Укладываемся на полу, у печки, где Фёдор Степанович заботливо расстелил нам свой старый зипун. Но я никак не могу заснуть, представляя, как всё сложится завтра, в незнакомом заснеженном лесу, и вспоминаю, как нащёл свою первую берлогу, но медведя не потревожил.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валёжник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне, и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы, да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Лежит медведь всю зиму в берлоге, и дела ему никакого нет до её обустройства и чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прекратиться. Чуток должен быть человек к волеизъявлению Батюшки-Леса, что проявляется в зимних снах самого могучего зверя в нашем лесу.

Трудно обнаружить берлогу зимой, но неравнодушному к лесу человеку хоть однажды, да выпадет такое счастье. Не ждёт и не ведает он этой встречи, неспешно бредёт по закраинке какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу

и спине, а вяжущий морозный воздух обволакивает всё тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно.

Отчего-то выбираешь на своём пути густой островок ёлок. То ли притягивает его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты почему-то жаждешь поскорее с ним соединиться. Замечаешь вдруг, что верхушки ёлочек кем-то аккуратно заедены, а когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаённым пространством.

Некоторое время ты ещё не в силах постигнуть происходящего, и только отверстие в снегу, обильно затянутое жёлтой куржавиной, приковывает внимание. С подступающей в груди захолаживающей дурнотой вдруг понимаешь: это – чело! Здесь, в каких-нибудь пяти-шести шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

По чужим рассказам, какими бы занимательными и поучительными они не выглядели, отыскать берлогу, даже натолкнувшись на неё случайно, маловероятно. Нужно хорошо знать всю округу, повадки зверя, может быть, даже наблюдая долгое время, неотступно, за каким-то одним медведем: как он и где приноравливается залечь на зиму. Хорошо, конечно, иметь про запас добрую удачу, но лучше всего – особенное чувство леса, когда ты, благодаря этому чутью, понимаешь, что лес давно принял тебя в свои обьятия, ты в нём не переходишь допустимую черту, и переживаешь его жизненные ритмы внутри себя как свои собственные. Лес близок тебе, он – родное существо, и вот только при всём этом тебе однажды может повезти. Мне тогда повезло.

Мы тихонечко приближаемся к берлоге, все многозначительно помалкивают в присутствии нашего мудрого и многоопытного руководителя, повидавшего всякую жизнь человека, особенно – в лесу, и мне хочется думать, что какая-то очень важная истина нам непременно сегодня откроется. Мы идём на медведя!

Снег рыхлый, продвигаемся почти неслышно, и абсолютная тишина окутывает нас своей невидимой шалью. Над нами высятся угрюмые ели, их заснеженные верхушки не шелохнутся, и все мысли сосредоточены на бугорке под старой елью, что описал нам вчера ФёдорСтепанович.

Находясь в предощущении того, что нас ожидает, воображаемый мною медведь отчего-то не нависает надо мной, как и величественные ели, косматой громадиной, с налившимися кровью глазами, а представляется обыкновенным могучим зверем, каким всем давно и хорошо знаком. Зверем со своеобразным, не похожим ни на кого характером, когда при малейшем шуме, производимым человеком, он чаще всего бежит, ибо никогда никого не трогает зря. Но не дай Бог помешать ему решительно, так как он очень не любит нарочито настроенных гостей, и тогда уж судит о жизни по своим

нехитрым устремлениям, и если кто-то вторгается в его царство, властелин лесов, конечно, поведёт себя по-медвежьи. А мы, вот, решаем нарушить его покой…

Но как это – по-медвежьи? Пожалуй, непредсказуемо, и тут мы должны сами быть предсказуемыми, верными по отношению к себе, чтобы достойно отнестись и к зверю.

Стоя у берлоги, в заснеженном лесу, тебе открывается прекрасное мгновение твоего нахождения здесь, в нескольких шагах от спящего зверя, и хочется, чтобы всё это нетронутое пространство так и оставалось нетронутым, и никто бы не нарушил покоя зверя. Но как закрепить в себе желание этого навсегда, тогда как ты напросился именно на охоту, где медведя непременно должны подстрелить, иначе бы её тебе никогда не увидеть, не убедиться воочию в могучей силе и красоте животного, которому суждено погибнуть.

Разве твоему растревоженному природой сердцу суждено успокоиться только через гибель зверя, глядя, как подстреленное животное мечется в предсмертной судороге и умирает? Не великая ли это плата за твоё знание, перенесённое затем на бумагу? Может быть, в тебе живёт какой-то другой человек, для которого красота непременно связана со смертью, или это ты сам желаешь связать себя по рукам и ногам тем, что и обогатит, и обездолит? Во имя чего такая цена, ради которой ты не в силах отказаться от убийства, и простишь ли ты за это себя когда-нибудь?!

И вот этот, другой человек, или ты сам, против всякого здравого смысла, как будто не себя, а кого-то уговаривает: «Упустишь мгновенье, и оно уже никогда не вернётся, и ты будешь вечно потом жалеть о том, что не использовал возможность поучаствовать в охоте на берлоге, пусть лишь в качестве наблюдателя». И ты, конечно, даёшь слабину, и убеждаешь себя в том, что подобная возможность не повторится, и хотя бы раз в жизни непременно следует попробовать то, что воображал себе ещё с детства. Так заразительна природа, что захватывает нас с малых лет своей сказочностью, и не находишь в себе сил, чтобы противостоять её обаянию.

Как урезонить в себе эту охотничью страсть, любуясь – не убивая? Может быть, только представляя тот таинственный миг, в какой зверь поднимается ото сна, и всё пространство вокруг него тоже просыпается.

Оживают ёлочки, что распростёрли свои пушистые ветви прямо над берлогою, облегчённо вздыхают наметённые за зиму сугробы. Вот застрекочут-зацокают в верхушках деревьев белки, осыпая на зернистый снег еловую шелуху, а ещё выше – в выстуженном замершем небе, растревожено подаст голос ворон – «крун-донн, крун-донн». Пробудится и сам лес, заходит-задвигается в нём нечто сокровенное, заключающее в себе его глубинное ведание, отчего и тебе является живая чудесная тайна… Так зачем же тебе её убивать?!

Так борешься ты с собой, но механизм охоты уже запущен, ты в ней согласился участвовать, и вместе с радостью, что предстоит увидеть и узнать,

в сердце закрадывается и горечь, внутренняя дрожь от того, что суждено охотникам сотворить. Но нет сил отказаться, повернуть вспять, и, как не крути, придётся посмотреть зверю в глаза, чтобы жалеть потом об этом всю оставшуюся жизнь.

Ведь в каждом человеке живёт его истинное «я», до него бывает очень трудно достучаться, у многих это за всю жизнь так и не получается, и не пытаться достичь своей настоящей природы недопустимо. Но без того, чтобы сначала потерять себя, а потом обрести, миг постижения, наверное, пережить невозможно. И именно там, у берлоги, я знал это точно, останется навсегда моё сердце, иначе не почувствовать себя частью этого мира, где отвечаешь за всё и за всех, и главное, за себя, чего бы потом с тобой ни случилось.

Сколько разных чувств и мыслей проносится в тебе в таком смятённом состоянии, когда, кажется, не принадлежишь себе, а какому-то совершенно иному, непонятному миру, что и манит, и тяготит. Освободиться бы быстрее от всего, что мешает жить, чтобы ощущение свободы стало для тебя привычным состоянием, самым близким и дорогим, когда собственное открытие мира не угнетало бы никакое другое живое существо. Но не пройдя неизведанного – не стать свободным.

Так вот, теперь я без колебаний скажу, что тот, неизвестный человек, обьявивший себя когда-то во мне, исчез. Но сколько лет прошло, пока это мгновение наступило, и я почувствовал в себе, помимо восторженности, и правду бытия, подойдя к ней заслуженно, преодолев немало внутренних препятствий, и ОТЕЦ-ЛЕС сразу меня понял и принял.

Нет уже того замирания духа от ощущения, что ты делаешь что-то не так, а есть глубокое и спокойное осознание слитности себя с окружающей природой, оно сейчас живо во мне навсегда. Но тогда, у берлоги, я с трепетом ожидал для себя какого-то важного открытия, пребывая в смятении чувств, да только невозможно было этого миновать, не пережив в полной мере. Только так, через боль и препятствия, открываешь в своей душе царство прекрасного, и важно при этом себя не потерять.

И оттого неслучайно, наверное, мне не хотелось до конца предавать своё сердце, и так представлялось, что медведь выскочит из берлоги – и спасётся, его минует злая доля быть убитым, что-то непременно должно будет произойти. У кого-то из охотников, быть может, случится осечка, а другой замешкается и упустит удобное для выстрела мгновение, зато я увижу поднявшегося ото сна зверя, и успею разглядеть всю картину в мельчайших подробностях, а сам медведь останется жив.

До того я в душе возжелал этого, что мне трудно было оставаться одному в своих мыслях, и я даже вообразил себя медведем, каково ему спросонок улепётывать от смертельной опасности, принял его за лесного товарища, и был с ним в душе как с верным человеком. Возможно ли такое? Но дело сделано, никуда уже не отступишь, и остаётся довериться нашему многоуважаемому Учителю.

Всё вокруг, через влюблённое в лес сердце, вступало со мной в тесное общение, в еле уловимую связь, когда и сахарные сугробы, порядком улежавшиеся к концу зимы, присмиревшие, и замершие ели, с опущенными, какими-то высохшими ветвями, и серое небо, низко склонившееся над лесом, были мне как родные. Родным представлялся сам медведь, залёгший в берлоге, и было совестно, что зверь, ничего не подозревая, забылся в сладком полусне и не ведает, что у его чела притаились люди, которые пришли его убить. Чувство это мешало мне воспринимать всё естественно, как нечто неотъемлемое от самого себя, и на душе было тревожно.

Я представляю, что разбуженный на берлоге медведь чуть ли не вылетает из неё, взрывая клубом снег, и поразить его выстрелом в этот миг – большое искусство. А пуще того будет - не спасовать: разьярённый зверь долго разбирать не будет – что, да как, в мгновение ринется на тебя сосонок, встанет на дыбы и раскроет пасть.

Пасть страшная, с торчащими жёлтыми зубами, и из утробы – смрадный дух, вперемешку с холодящим рыком, так дохнёт, что околдует. Как тут не дрогнуть, не успеешь и глазом моргнуть, а мишутко тебя уже облапил, ты – под ним. Не бороться же с лютым зверем, тем более, что ты сам к нему пришёл, коварно потревожив.

В медведе этого коварства нет нисколечки, он, вообще, зверь доходчивый, зря никогда никого не тронет, но если ты ему помешал – пойдёт на тебя прямо, во всю свою мощь. Готов ли ты к такому раскладу событий?!

Да-а, поднявшийся на дыбы мохнатый медведь воображается чаще всего, и начинаешь думать о нём так часто, что он лезет на тебя из-под каждой вывороченной колоды или какого-либо корявого дерева: везде, во всяком бугорке, либо снеговом надуве чудится затаившийся зверь. С опаской обходишь такие подозрительные места, представляя, что лесной хозяин только и ждёт, когда ты подойдёшь к нему поближе, не спит в своём потаённом убежище, чуток, как никакой другой зверь. Может быть, поэтому и родилось среди лесовиков такое убеждение, что если идти мимо берлоги тихонько, не останавливаясь, то медведь пропустит тебя, не забеспокоится, но стоит замереть – это для зверя сигнал тревоги, и он непременно поднимается.

Впоследствии оказалось, что поверье это – досужие домыслы непуганых охотников, и кто хоть раз брал медведя на берлоге, тот хорошо знает, с каким усердием порой приходится будить зверя. Но чего только не вообразит себе неопытный охотник! А завидя взгромоздившиеся над землёй корни поваленных ветром деревьев, захватившие при падении большие комья земли, обросшие мхом, он и вовсе потеряет дар речи.

Впрочем, кто и из бывалых лесовиков с опаской не присматривался к таким громадным кокорам, внезапно возникшим на пути? Нет ничего мудрёного в том, чтобы человек мог поостеречься, держа на уме любую, возникшую в лесу неожиданность.

При всей осторожности медведя, когда он при встрече с какой-либо опасностью предпочитает чаще всего ретироваться, то есть, просто бежать, не дай Бог, столкнувшись со зверем лицом к лицу, повернуться к нему спиной, проявив тем самым трусость. Медведь узнает об этом в тоже мгновение, тотчас в нём поднимется всё звериное, и он уж непременно догонит и задерёт.

Причём, совершает зверь это нападение тоже спонтанно, скорее, не из-за свирепости своей, а по причине такой же боязни, неожиданного стечения обстоятельств, и поскольку он не заяц, а всё-таки медведь, зверь величественный и грозный, то и бросается вслед тому, кто нарушил его покой, да ещё может и лапой хватить. Грозен лесной воевода!

Как нарисуешь себе образ разьярённого зверя, поднявшегося на задние лапы, прямо перед тобой, сердце в груди затрепещет потревоженною птицей. Но и то не забываешь, как в старину мужики в одиночку хаживали на медведя с рогатиной, тоже, наверное, побаиваясь мишука, но преодолевали свой страх, не давая ему ходу. Неужели и ты не сдюжишь, тем более, в компании бывалых людей, где у каждого по ружью?

Даже засовестишься перед былыми подвигами неведомых тебе героев из народа, что и не ведали, должно быть, про гордыню, проявляя удивительную скромность при покорении огромного зверя, а уж о их стойкости духа и говорить не приходится. Великая сила жила в людях, что не мыслили своей жизни без силы леса. Недаром в старину «уйти в лес» означало спасать душу.

Но мы-то что спасаем кроме того неуёмного желания, чтобы добрать зверя в его лесном доме, поделив мясо и шкуру? И, конечно, стремимся причаститься к вековой чаще, узрев медведя в самом его откровенном лесном пребывании, когда он наиболее доступен и, между тем, опасен. И может быть, именно поэтому мы и решаемся заглянуть в то сокровенное, на что отчаиваются немногие, тщательно продумываем каждый шаг, ведём себя так же осторожно и вкрадчиво, как зверь?

Что перевешивает в нас: жажда заглянуть в неизведанные лесные тайны, либо просто добыть самого крупного и загадочного зверя наших лесов? Но даже, если первое, то какой ценой?! Иначе, по-видимому, не причаститься к загадочному лесу, не познать про него самого главного, не почувствовать себя «лесовиком». А хочется…

Охота, на самом деле, потому и является охотой, что совершается по своей доброй воле, какому-то глубоко скрытому желанию приблизиться к тайне зверя, то есть, отгадать для себя его жизнь. Она почему-то очень важна для тебя, без этого устремления, кажется, чего-то существенного в твоей жизни не хватает, и в тебе неведомо откуда возникает неуёмное желание

отыскивать в лесу зверя, выслеживать его, и без любви к лесу это осуществить, конечно, невозможно.

Ещё в тебе должно что-то сидеть прямо с детства, может быть, даже от рождения, какие-то непременные способности и склонность к охоте, что невидимо, но неукоснительно руководит тобой. Вероятно, в течение жизни ты откажешься от неё, но живёт в тебе эта тяга выслеживать и таиться очень крепко, сопротивляться ей невыносимо сложно, и нужно, наверное, пройдя лес, и очень многое в нём познав, познать, в первую голову, себя, чтобы преодолеть потребность добывать дичь, впрочем, сохранив и укрепив способность к терпеливому вглядыванию в лесную чащу.

Не раз, пока мы добирались до берлоги, приходило мне в голову отказаться от участия в охоте. Но тотчас эту мысль предательски вытесняла другая: как же воспримут подобное мои товарищи? Нет, видимо, придётся пережить мне этот день со всем, что он вместит в себя, и никак иначе. И может быть, кто знает, он послужит уроком. Всё происходящее, как не взгляни, оказывалось и моим личным делом, раз я очутился здесь, и нужно было искать в нём своё лекарство, а им могло стать честное принятие всего происходящего.

Перебравшись через лог, мы прошли ещё с десяток минут, пока егерь не указал на желтеющее под старой елью пятно. Перед тем, как подойти к берлоге, сняли лыжи, и Юрий Николаевич шёпотом указал каждому место, где он должен встать и обязательно обмять его, после чего тихонечко начали обход.

Очнулся я, как только мы двинулись, и сразу подумалось: бесценен лес, где ты, оказавшись, обязательно обретаешь что-нибудь для себя. Лес многому учит, если, конечно, и ты отдаёшь ему частицу чего-то своего, тоже бесценного, и так, вместе, вы и должны быть, и никак по-другому. А тут – мы пришли нарушить его величественный покой, и разве это хорошо? Смятение каждый миг охватывало меня, но нужно было взять себя в руки: в вотчину хозяина тайги вступаем.

Пребывать в муках совести было не время… Но как невероятно сложно переживать в сердце то знание и понимание, что и вот этот медведь, и множество его звериных предков и сотни, и тысячи лет залегали с приходом зимы в берлогу, и ты не имеешь никаких особенных преимуществ перед ним, когда вдруг приходишь потревожить его сон, лишая жизни и радости отыскивать вкусные корешки растений и дупла с дикими пчёлами, лакомиться сладкими муравьишками, слизывая их с лапы, и валяться на сочной шелковистой травке… Кто, как не ты сам, уполномочил себя решиться нарушить это лесное таинство, и разве ты имеешь право искать утешения? Нет его для тебя!

Зима в тот год была сильна не морозами, а снегами, и сугробов к концу февраля нанесло великие горы. Пробравшись, наконец, к берлоге, и заняв номера, мы осторожно обтоптались, и как только это произошло, волнение

окончательно отпустило, вмиг забылся весь человеческий мир, и стало так, что только берлога и ты, ты и берлога, и больше ничего.

Нетронутые снежные завалы покойно стерегли медвежий сон, и было так тихо, что удары собственного сердца разносились, кажется, по всему лесу. По намерзи вокруг чела, превратившегося в щёлку, было ясно, что медведь залёг тут, в нескольких шагах от наших ног, и представлялось, будто он сей миг выскочит и накроет всех своей мохнатой шубой: разве удержишь этакого лесного доброхота – сломит всё на своём пути! Взволнованное сердце, как и потревоженный на берлоге зверь, тоже готово было выпрыгнуть наружу, и удерживало его только опасение окончательно потерять сейчас себя, чего допустить было невозможно.

Пока рассредотачивались вокруг берлоги, не обошлось без конфуза: Федя провалился в почти незаметную впадину, увяз в сыром снегу по пояс, и мы, скрепя сердце, наблюдали, как он безуспешно, со сьехавшей на глаза шапкой, пытается выбраться. Все очень опасались, что медведь проснётся, и тогда Фёдору Степановичу, он находился к Феде ближе всех, приходится идти за лыжей, в сердцах подавая её ему. Юрий Николаевич сдержанно наблюдает за всей этой катавасией, держа наготове ружьё. Наконец, Федя избавляется из снежного плена…

В такие минуты, кажется, что зверь уже давно не спит и чутко улавливает малейшее твоё движение, но не показывается только потому, что выжидает для этого наиболее удачный миг. В какую сторону он выскочит, как быстро совершит свой прыжок, или будет выбираться из берлоги постепенно, неспешно, будто до конца ещё не проснулся: вопросы один за другим мимолётно проносятся в голове, а ты, не находя ответа, превращаешься в обострённое внимание. Мысленно я устремляюсь туда, в тёмную берлогу, где затаился дикий зверь, и как он себя поведёт – одному Богу известно, но я всеми силами пытаюсь его понять, поставить себя на место медведя. Что он там, в своём потаённом лесном убежище, сейчас переживает?

Если проходить мимо мелвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, как заверяют старые охотники, то зверь никогда не встанет. Но вот мы стоит у самого чела, успели уже обойти берлогу со всех сторон, изготовиться, а медведь никак не реагирует на наше присутствие.

Помню, что сердце не колотилось, и руки не немели, и пот не лил градом, а было на удивление покойно, даже не верилось, что мы – у чела… День выдался пасмурный, серое небо, кажется, навалилось на ели, но на душе было легко. Медведь выбрал небольшую плешинку посреди деревьев, с бугорком под старой елью, и под ней вырыл себе берлогу.

И вдруг, наш главнокомандующий как ухнет во всю мощь гортанным голосом, словно из бочки, что есть мочи засвистает, и обухом топора по комлю ели – бу-бух! Снег посыпался с ветвей вперемешку с еловой трухой, старое дерево так загудело, что, кажется, невозможно не пробудиться, но

ничто не изменилось в лесу. Только белка винтом взвилась с гайно к самой верхушке, возбуждённо зацокала, и опять всё стихло.

Все мои мысли и чувства сосредоточились на отверстии в снегу, а там – будто ничего не происходит… И опять гулкий удар топорища раскалывает лесную тишь – бу-бу-бух! Медведя в берлоге будто и нет, никто в ней не ворохнётся, и я даже начинаю сомневаться: живой ли медведь? Ничего тут, конечно, не поделаешь: кто живёт на воле, тот и спит боле, спит, сопит, с него только пар валит.

Но раз продушина цела, значит, мишка на месте, и Фёдор Степанович, прихватив топор, принимается неподалёку от берлоги вырубать берёзовый батог, чтобы уж им, наверное, нарушить сонное царство зверя. Батожьё – дерево Божьё, но разве можно его терпеть, ежели им под бок тычут? Хорошо на хорошо – ровно мёд с калачём, а худо на худо – ровно с похмелья батожьём! Медведю такое обхождение вряд ли по вкусу придётся.

Но и на этот раз мы ничего не добились: сколько не совали, не толкали этот самый батог прямо в изголовье берлоги, - тишина! Ведь для медведя сон, что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется. Спит медведь беспробудным сном, не шевельнётся, медвежьи перины больно хороши, и уж только когда на батог намотали промасленную ветошь, да запалили её, для чего пришлось нашему Феде обернуться к машине, душный чад поднял медведя с его логовища.

Чужая душа загадка, а уж медвежья тем паче: разгадай-ка её через грядку, через плетень, через барский двор, да через семь вёрст сермяжной лесной правды. Чего не знаешь, того не разгадаешь. Неразгаданное дело!

И вот, наконец, во всём окружающем пространстве что-то тронулось: сначала под старой елью поднялась большая снежная шапка, тотчас она осыпалась, и в ней вдруг воспряло нечто мохнатое и тёмно-рыжее, но Юрий Николаевич не промахнулся. Выстрел прозвучал сухо, и повис в роящемся, насыщенном влагой воздухе как-то отрешённо, будто его и не было, и медведица, до сих пор неведомым для нас медведем оказалась именно она, замерла на краю своего последнего в жизни лесного прибежища. Выпрастав мохнатые лапищи и готовая выскочить на белый свет, она лежала, свесив лобастую голову на грудь, а мы даже не успели ничего осознать.

Пуля угодила ей прямо в затылок, и кудластая голова медведицы беспомощно уткнулась в рыхлый сугроб. Спала бы Аксинья Петровна, так ничего бы этого не было. И опять сердце перевернулось и защемило от неприкаянности того, что уже совершилось… Но кудри кудрями, а дело делом.

Медведица лежала, раскинув лапы, будто ненадолго приснула, а лес вокруг стоял такой же заснеженный, покойный, будто бы в нём ничего не случилось. Случилось, скорее, в наших душах, и я никак не мог поверить в то, что ничего больше не будет. Мы столько готовились, говорили накануне этой охоты, и вот – проза непридуманной жизни, связанной с родимым

лесом, но родимый ли он тебе, когда ты совершаешь по отношению к нему измену?

Ещё с минуту никто из нас не мог вымолвить ни слова: мы просто забыли себя, и всё смотрели на кудрявый загривок зверя. Зверя, что всегда воспринимали в народе чуть ли не былинным, кому было посвящено столько сказок и добрых историй, а он лежит вот сейчас перед нами не живой, но до конца, кажется, и не мёртвый, и мы не в силах поверить, что ничего уже не вернуть. Аксинья Петровна, именно так прозвали медведицу в народе, спала покойно в своей уютной берложке, и вдруг – её не стало. Она, конечно, не успела ничего уразуметь из того, что произошло: в один миг всё для неё было кончено.

От медведицы веяло запахом дремучей чащи, тем духом, что поднимается и из берлоги, но не представляется чем-то нечистоплотным, так как нечистоты в ней отсутствуют. Хоть зверь всю зиму и лежит в берлоге не умываючись, но отходов после себя не оставляет, и только когда покидает своё зимнее убежище, избавляется от «втулки», что замыкает на время спячки его задний проход. Запах этот обычно возбуждает собак, и многие из них от него дуреют, впадая либо в ярость, либо дрожа и лишаясь последней храбрости. Запах зверя дурманит и человека, потому как он несравним ни с каким другим, необычен, как сам медведь, и будто причащает тебя к вековому лесу, к его неизбывной тайне.

Звериный дух, несомненно, пьянит. Он русским лесом пахнет, и его неиссякаемой мощью. В нём – необъятная сила и горячая кровь, аромат смолы и ягодный настой, горечь палого листа и дурман душистых летних трав, потаённость и чистота лесного ручья, сочность болотных кореньев… От звериного духа веет и снежною порошею, и сладкой соломой со жнивья, и ещё в нём чудится нечто невыразимо пугающее, но притягательное. Сила медведя во всём, что заронил в него лес, где вольно парит, вроде бы, неприкаянная, но обаятельная звериная душа.

Не успели мы до конца уразуметь произошедшее, пропуская под мышками зверя верёвки и вытягивая его тушу на свет божий, как из берлоги раздался приглушённый рык: вместе с медведицей в её убежище оказался молодой медведь. Рыкнул не по-звериному грозно и зычно, а как бы для порядку, чтобы только обозначить принадлежность к величественному лесному семейству, и потом сразу притаился. Но хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому, какой он и есть: мы сразу сообразили, что в берлоге за зверь…

Такие молодые медведи обычно проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть медведицу, но оставить её сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах. Вот природа и распорядилась по-своему.

В мае-июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передаётся и медведице, он отпугивает медвежат, а повторное сближение, если оно

происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни. Мало того, взрослый медведь способен загрызть молодого, только чтобы добиться внимания самки.

Среди лесовиков перегодовалый медведь зовётся лончаком, тот, что перезимовал уже дважды – пестун, а старый - пест, потому как один остаётся, но если по справедливости рассудить, то зверь и так всю жизнь в одиночестве проводит, и ему к своему отшельничеству не привыкать: сколько он за свою одинокую жизнь нагляделся! Ему ли уповать на собственную отрешённость ото всех, когда она суть его сокровенного существования составляет: броди себе по лесным буеракам, люби и храни свой родимый лесной угол, и будет тебе твоя незамысловатая медвежья отрада. Что может быть выше её?!

И вот, пришлось лишать этого молодого мишку его незамысловатой отрады, потому как погиб бы он один в голодном лесу, не оставлять же его. Вроде бы, и мал грех, да большую вину несёт!

Как мы выволакивали обоих медведей – отдельная история, и счастье наше, что до дороги было полверсты. Уложив медведицу на две пары связанных лыж, мы втроём дружно потянули её к машине, Федя же – впереди всех, на своих лыжах с лончаком, уминал для нас в снегу путь. Человека узнаешь, говорят, когда с ним пуд соли съешь, а если эти пуды через заваленный снегом лог тягать?

В медвежонке два пудишка овса-то и было, но вот с мамашей пришлось хлебнуть лиха: вес её оказался для нас бедовым, и многопудовое горе мы еле-еле с плеч свалили: либо всё отдай, либо ничего не надо! Когда втащили медведицу в машину, Фёдор Степановиич побожился в церкви пудовую свечу поставить за упокой Аксиньи Петровны.

Сидя в фургоне машины, у печки, мы пили чай и молча разглядывали медвежью тушу. Медведь, конечно, так необычен, что ни на кого из зверей в лесу не похож: кажется, он собрал в себе всю его силу! Живуч медведь необыкновенно, отсюда, наверное, и культ поклонения ему ещё с древних времён. Даже в убитом медведе люди не переставали видеть могущественного лесного владыку, не потерявшего своей мощи.

Уже освежёванный, во всю свою длину разложенный на полу избы егеря, он напоминал дремучего пещерного человека. Чудилось, будто вот-вот восстанет этот, даже для животных превышающий обычную меру, великан, и уж никому из нас тогда не спастись. Из какого малого возникло такое великое?!

Никогда не забуду и не прощу себе того пасмурного февральского дня, что всей своей отсыревшей тяжестью навалился на сердце. Но не сразу я всё это осознал, хотя и почувствовал, как дорог мне этот неведомый зверь, что и

вправду очень чуток и умён в отличие от других зверей. Отчего этому лесному жителю дано такое обаяние, ради каких неведомых лесных дел?

Несомненно, что в медведе и добрый, забавный нрав присутствует, и злоба невиданная, так что с ней никому не сладить, но разве не от человека зависит проявление характера зверя, когда он, встречаясь в лесу с медведем, покой его нарушает? Не секрет, что в поведении медведя чаще всего преобладают над другими его повадками именно чутьё и смекалка, каких бы занять у него человеку.

- А ведь когда-то в отдельных районах нашей необъятной страны за убийство медведя платили премию, - вспоминает Фёдор Степанович, когда мы медведицу с лончаком кое-как до машины доставили, уселись в фургоне, у печки, и разлили по кружкам чай. – Ещё больше, чем за истребление волков!

- Это в тех случаях, когда медведь задирал скот или даже нападал на людей, и злоба в нём, вернее всего, поднималась оттого, что зверя за зря беспокоили, иначе бы, зачем умному животному проявлять свою тёмную сторону? – спокойно возражает ему Юрий Николаевич. – Ограничивали зверю лесное пространство, дарованное ему Батюшкой-Лесом, и разве тут не осердчаешь? А вообще-то, никогда ещё такого не бывало, чтобы всё при охоте на берлоге складывалось одинаково: чего-нибудь, да вывернется по-иному, о чём даже и не помышляешь… До самого последнего момента нет уверенности!

- И это всегда самое удивительное при охоте на медведя!

- Медведь уважает в лесу смелого и сильного человека, не злобивого, он это нутром чует, а выходит, чаще всего, на неопытного, кому предназначено на охоте не самое завидное место… Или, вот как сегодня, попробуй до него достучись!

- Я такого тоже не припомню, - замечает Фёдор Степанович. – Начал уж было сомневаться: дома ли зверь?

- Хоть этот малый мишук нас и напугал, ведь мы спиной к берлоге стояли, но, слава Богу, всё благополучно обошлось. Страшно, когда прямо перед тобой из берлоги разъярённый лесной исполин восстаёт! Тут никакая, самая верная примета не поможет.

- Что за примета, Юрий Николаевич? - озадаченно вопрошает Федя.

- Если удастся однажды неожиданно для зверя хлопнуть в ладоши в непосредственной близости от него, да ещё при этом пронзительно крикнуть или свистнуть, с медведем, по утверждению старых охотников, может приключиться известная болезнь, а при сильном испуге – даже смерть.

Федя искренне недоумевает:

- Неужели такое и вправду случается?

- Необыкновенная доверчивость медведя порой просто поражает, и если зверь не обижен человеком, то бродит по тайге с добродушием косолапого недотёпы. С таким же, присущим ему добродушием, медведь может и опростаться от испуга, что вызывает любой, самый безобидный звук, что

случается неожиданно. Проще говоря, у медведя, если его порядком напугать, начинается понос. И это – не шутка!

- Юрий Николаевич, а приходилось вам упускать на берлоге медведя? – спрашивает вдруг Федя, с опаской поглядывая на убитого зверя.

- За весь мой охотничий опыт такого ни разу не бывало, - степенно отзывается Юрий Николаевич. – Но знаю случай, когда медведь ушёл, и много дел потом наворотил.

- А разве он не может опять залечь в свою берлогу?

- Нет, это исключено. Медведь – очень памятливый зверь, и если его однажды напугали, стронули с места, к своему старому лежбищу уже нипочём не вернётся. Может, конечно, притулиться под каким-нибудь удобным выворотнем, но крепко уже не уснёт: будет отрешённо бродить по лесу, пока его не доберут, или сам не погибнет.

- Вот и медведица, когда её сильно напугают на берлоге, одуревшая спросонья, обычно оставляет медвежат одних и уже не возвращается. Брошенные малыши теперь принадлежат сами себе, но в природе и малое не мало, коли столько и есть, и из многих малых выходит одно большое, если лесной бог смилостивится. Да только такое редко случается, - печально произносит Фёдор Степанович. – У Соколова-Микитова прочёл как-то рассказ про медведицу, стронутую с берлоги охотниками по белке. Напуганная медведица убежала в лес, а в берлоге остался маленький, только что родившийся медвежонок. Так вот, это охотники потом по следам установили, что она не побоялась вернуться к замёрзшему медвежонку, перенесла его на другое место, и похоронила в глубоком снегу.

Федя долго рассматривает медвежонка, неловко вывернувшего лапки под брюхом медведицы, а потом тихонько спрашивает:

- Почему мишка прозван косолапым?

Мне странно, что Федя не понимает самых очевидных вещей, но Фёдор Степанович доходчиво объясняет:

- Если приглядеться к следам медведя, то сразу приметишь, как он, в отличие от человека, что ставит ступни ног пятками внутрь, носками немножко наружу, наоборот, заворачивает пальцами вовнутрь, оттого и косолапый. Было однажды дело, натолкнулся я в марте на выходной след медведя, предыдущий год выдался неурожайным и зверь улёгся в берлогу не отьевшись, отчего и поднялся раньше сроку, и вот, пошёл я в пяту, желая подглядеть его логовище, так ноги чуть не вывернул, ступая в отпечатки медвежьих лап. В ту пору уже наст крепкий установился.

- А медвежонок-то бы точно не выжил, - задумчиво произносит Юрий Николаевич. – Кстати, если быть точным, такое поверье издавна ведётся, что пестуном зовётся медведь, переваливший двухлетний возраст, а до этого он – лончак.

- Не велика разница, - замечает Фёдор Степанович.

- Разница в том, что пестун, так принято думать, оставшись при матери, «пестует», то есть, заботится о своих младших сестрёнках и братишках, помогая тем медведице, - оживляется Юрий Николаевич.

- Не знаю, - с нескрываемым недоверием произносит ФёдорСтепанович. – Никогда не видел, чтобы такое семейство держалось вместе: мать, её старший сын и малыши. Пестун, если его не отгонит взрослый самец, может находиться с матерью до двух лет, а потом её покидает. Или она сама отходит, когда ей подступает срок заводить новое семейство.

- Вобщем-то, мне тоже не приходилось встречать с медведицей сразу два её поколения: либо она держится с пестуном, либо – с только что народившимися медвежатами.

- А когда приходит срок медведице заводить новую семью? – напоминает о себе Федя.

- Свадьбы у медведей проходят раз в два года, так распорядилась природа, и этих двух лет хватает, чтобы медвежонок окреп и стал готов к самостоятельной жизни.

- Значит, нашего медвежонка можно было не убивать, - озадаченно спрашивает Федя, - если ему уже миновал второй год?

- Ну, сам посуди: конец февраля, еды – никакой, снега – по пояс, а ведь ещё неизвестно – не лончак ли это перегодовалый? Он пока не набрался опыту и силы, и перемочь ему два голодных весенних месяца, одному, вряд ли удастся. Был бы он самостоятельный двухлеток, он бы и не залёг с матерью, так что наш медвежонок, не иначе, лончак. Да и по размерам он тоже не велик, два пуда – не более, тогда как верные пестуны ко второй зиме набирают под центнер!

И действительно, как потом оказалось, в нашем медвежонке набралось чистого весу 25 киллограм, исключая шкуру, и это, конечно, не позволяло называть его, в полной мере, пестуном. В нашем случае у медведицы прошлой зимой, по-видимому, родился всего один медвежонок, вот он и залёг с матерью на следующую зиму. Останься медвежонок один, он испытал бы сильный стресс. Целый год, после рождения единственного сына, мать была с ним рядом, оберегала его, и уложила с собой ещё раз, чтобы ему не было тяжко.

- Нет у лончака отца, и рассчитывать он может только на матушку, - заключает Фёдор Степанович. – Матушкин запазушник.

- Это хорошо, что мамаша показалась первой, а лончак остался в берлоге. Мне раньше в голову не приходило, что может всё случиться наоборот. Всегда застрелишь медведицу, а поколение её не показывается из берлоги, - заверяет нас Юрий Николаевич. – Даже голоса порой не подают.

- Опасаться встречи с пестуном, а тем более, с лончаком, нечего, - в удовлетворении соглашается Фёдор Степанович.

- Вот я и купился однажды на это, - продолжает Юрий Николаевич. – Сперва один лончак выпростался из берлоги, затем – второй, и мы обеих взяли без труда. Ну, думаю себе, хорошо, что не медведица, видать,

медвежата годовалые залегли без матери, и только так помыслил, как выкатывает на свет божий огромное бурое пятно – Аксинья Петровна дала о себе знать: вот-те на! И ведь даже не уркнула, пока мы детишек её принимали.

- И что потом? – замерев, с интересом вопрошает Фёдор Степанович.

- Прихватила зубами левую руку, выше локтя, рванула так, что вмиг отрвала рукав телогрейки, начав его трясти, тут мой товарищ ей за ухо и стрельнул. Лежу в сугробе, а напротив – лохматая морда со зловещими маленькими глазками, и окровавленная пасть, прямо у меня под коленом. Задала нам, мамаша, урок!

Федя зачарованно глядит на Юрия Николаевича, не в силах вымолвить ни слова.

- Известное дело, - заключает Фёдор Степанович, - медведю дай повадку, так он и две возьмёт!

- На берлоге кому как поведётся, - отвечает Юрий Николаевич.

- Отчего медведь такой? – спрашивает Федя.

- Только лесной бог знает. Само имя медведя необычно – «медоуед», зверь, более всего любящий лакомиться мёдом. Это уж со временем образовалось привычное для нас «медведь». Бывает, он утаскивает с пасек в лес ульи, по-бабьи обхватив пчелиный домик и потешно, вперевалочку, улепётывая с ним к опушке леса. Дабы подобное озорство не происходило, хозяева на пасеках устанавливали корыто с водкою, до которой косолапый тоже большой охотник. Приходят на следующий день, а он – готов!

- Ну, уж, в это я ни за что не поверю! – расплывается в недоверчивой улыбке Федя.

- А я склонен думать, что так оно и есть, - твёрдо заявляет ФёдорСтепанович. – В медведе добродушия – через край! Посмотреть хотя бы на то, какой он обстоятельный: ведь не принимается ворочать улей, только бы до сладости добраться, прямо тут, на пасеке, а утаскивает его в лес, подальше, прежде, чем в волю полакомиться. И разве можно себе представить волка, лису или рысь, с удовольствием лакающих водку? Да они отпрянут от этого пойла в тот же миг, как только попробуют, но Михайло Потапыч с удовольствием водочкой пользуется, и тут же заваливается спать. Ну, совсем как наш брат!

- Про медведя много историй сложено, и он этого, конечно, заслуживает, но разве привыкнешь к тому, чтобы с ним в долю секунды необходимо принять единственно верное решение? А зверь живёт, как чувствует, и это означает, что человек должен быть верен не только по отношению к себе, но и к зверю. Вот что главное, - утвердительно произносит Юрий Николаевич.

- Зачем, вообще, стрелять медведя? – уже не выдерживаю я.

- Ты прав, - удручённо соглашается Юрий Николаевич. – Интересно просто наблюдать за этим зверем, не нарушая границ его обитания, он один из всех зверей больше, чем кто-либо, на человека похож. Потому его, чаще всего, и не представляешь, как обьект охоты, в отличие от кабана, лося или

какого иного зверя. Медведь тебе, вроде как, дорогой человек, вернее, лесное существо, о котором думаешь как о человеке, оттого и заводишь с ним внутреннюю беседу, да что косолапому твои слова. Вот мысли он, по-видимому, отгадывает легко, но только лишь с тем соображением, что ты, человек, не перейдёшь известной черты, а он уж, медведушко, сам со своим таёжным обитанием обойдётся.

Он, к примеру, познав однажды на себе гибельность капкана, в отличие от волка, росомахи и лисы не обходит потом его стороной, не держится как можно дальше от ужасного механизма, доставившего ему неудобства, а подходит – и закидывает в него какую-нибудь коряжку или мох, чтобы он захлопнулся, и тогда забирает приманку.

- «Страшный зверь!» - так обычно говорят про медведя, - добавляет Фёдор Степанович, - а он, быть может, самое обаятельное в лесу животное, если его не трогать. Надо очень постараться, чтобы косолапый саданул по тебе лапой, но на то - его лесная свобода и воля. Ты, мол, зачем, мил человек, здесь, в лесу, оказался?!

- Как бы человеку обрести мудрость такого поведения, чтобы проникнуться жизнью и медведя, и леса, принимая и себя в нём своим, - вздыхает Федя.

И то правда, медведь строго охраняет свои владения, а свиду – простак, без дела шатающийся по лесу, одним словом, действительно, косолапый недотёпа, но приглядеться к нему более пристально суждено только влюблённому в лес человеку. Всё видит человек, именно проявляющий любовь к животному миру, он её не выражать не в силах, и потому очень уважительно относится к любой мелочи в лесу, тем более, к медведю.

К этому зверю он выявляет своё душевное отношение обособленно, но не от того, что зверь велик, а всё больше за пристрастие медведя к каким-то простым вещам, присущим и человеку. Медведь и ведёт себя, как умный человек, порой даже оказываясь его мудрее, и как тут не проникнешься к удивительному зверю сердечной теплотой, какой-то особой душевной расположенностью, когда даже и не подумаешь его убивать.

Несчесть, сколько забавных и поучительных историй мы слышим об этом обаятельном звере, но совершили ли вы хоть шаг к ещё более полному узнаванию нашего дорогого медведушки, про которого, казалось бы, все всё знают, а думку его истинную никак не разберут. То он вдруг предстанет незатейливым мишкой, что готов бежать от первого лесного шороха, тронувшего лесное пространство, то бесшабашным барином, по воле случая очутившегося в спелых овсах, да и забывшегося среди них в сладкой дрёме. Развалится среди густых колосьев, и будто в полусне сгребает лапой созревшие сочные зёрна, так что они всё не кончаются и не кончаются, а он насладиться ими никак не может. Крестьяне в стародавние времена верили, будто бы ещё Михайло Потапыч баб на сносях любит, увязывается за ними, когда те в лес по ягоду пойдут, и к себе, в чащу, уводит, якобы, женится на них.

А как медведь чувствителен и необыкновенно умён?! Может человека вмиг разгадать – что у того на уме, и либо обойдёт его стороной, благоразумно удлинив себе путь, либо сметёт: силу-то свою ему девать некуда, вот он и встаёт на дыбы, принимая перед человеком вид мохнатой громадины, чего ему, по правде сказать, совсем не хочется. Ведь на самом деле медведь ведёт жизнь размеренную, покойную, да и по натуре своей – доброжелателен, а злобным бывает, только, когда его покой нарушат.

При всех своих замечательных несуразицах, медведь вмещает в себя долговечную красоту, глубину и тайну нашего русского леса, его скрытую силу и мощь, и разве всем нам не стоит задуматься: как лучше обустроить нахождение такого замечательного зверя в его собственном доме? Чтобы и лесу было хорошо, и живущим рядом с ним людям, и самому Михайлу Ивановичу, что, несомненно, безоглядно привлекает всех нас своим неподражаемым обаянием, а малыши, читая о нём сказки, узнают о его добрых повадках, и не перестают верить в чудеса.

Теперь, когда прошло много лет, и я многое в жизни испытал, пришло ко мне осознание, что ни наша решительность с отвагой при добывании грозного зверя дают нам понимание жизни, во всей её полноте, ни те переживания, благодаря которым мы, якобы, открываем для себя истину, пусть и убивая зверя, без чего, должно быть, соли пребывания на земле не понять, так устроил для себя человек постижение своего существования, а радость, какую испытываем мы при зарождении в своей душе новых жизненных сил. Эти силы появляются в нас только при поднятии из собственных глубин сознания истинного самого себя, и, пройдя потери, страдания и боль, мы рано или поздно открываем в себе божественное начало, уже не подверженное каким-либо земным искусам, тем более, связанным с лишением жизни другого живого существа.

И здесь невозможно не упомянуть о правде: в ней, обычно, видят силу. Но пройдя и океан, и тайгу, и воспитание себя через все эти природные стихии, я прихожу к убеждению, что истинная сила заключена в самой себе, как данности, противостоять которой бесполезно, когда она накопила достаточную энергию, чтобы победоносно нести в себе правду. Только так, через воспитанное в себе правдивое отношение к существованию, утверждается в душе непоколебимая мощь человека, и именно благодаря ей можно добиться на земле укоренения божественных законов.

Как важно постижение человеком той простой истины, что не нужно ему никого лишать жизни во имя раскрытия тайны, заключённой, якобы, в звере. Убив его, охотник не откроет для себя желаемое знание, ибо все ответы находятся в самом человеке, в его пристальном внимании к

окружающей его жизни, и относиться к ней следует с трепетом и заботой, теперь уже всегда.

До чего же я был наивен, думая, что возьми мы тогда на берлоге медведя – и всё, вопрос о тайне существования и леса, и животных, и тебя самого будет решён. Корень жизни, по твоему глубокому убеждению, заключён именно в этом, скоро всё непременно тебе откроется, стоит лишь проявить терпение и выдержку при выслеживании и добыче зверя. Но, к сожалению, опасность проходит, зверь оказывается добытым, и такая притягательная, представляющаяся необычайно сокровенной и важной тайна куда-то незаметно утекает. Как же такое могло случиться?

Происходило это потому, что мною ещё не была установлена и прочувствована родственная связь с лесом, со всеми, живущими в нём существами, хотя я и представлял залёгшего в берлоге медведя как лесного товарища, но сам не мог по-звериному думать и переживать. Время моё лесное и человеческое тогда не пришло, не испытал я пока того благоговейного удивления и родственного внимания к жизни тайги, всякому существу в природе, как сейчас. Не произошёл в моей жизни тот важный перелом, когда бы бросил я бездушное дело охоты, изводящее диких птиц и зверей, определив пути верного следования по поиску истины и настоящей силы, чтобы её можно было в себе найти и нести.

А нужно проявить решимость с отвагой по отношению именно к собственной жизни, к самому себе, и чудесное обаяние природы раскроет перед тобой все свои загадки. И чтобы всё выходило по правде, просто и легко, и не нужно было бы совершать для этого никаких излишних усилий, лишь охраняя лес и почитая всех лесных обитателей за своих братьев, переживая рай везде, где бы ты ни был. Он неотделим от тебя, и в этом – истинное счастье нахождения на этом божественном свете.

Нужно просто понять эту благостную истину, почувствовать Бога в своей душе, и следовать Ему, никого не обижая, ничего не боясь и не прося. Да будет так!

Не убий!

С детства, помнится, заметил я в себе тягу к неизвестному, манило оно меня к себе с невероятной силою, и лес для моих устремлений подходил как нельзя лучше, потому как непознанного в нём, по моему глубокому убеждению, было видимо-невидимо! Словом, меня интересовало всё неизведанное, желательно, никем ещё не тронутое, и я мечтал поскорее подрасти, чтобы, наконец, отправиться в долгожданное путешествие по жизни.

Но, даже обладая достаточно богатым воображением, я никак не мог предположить – сколько мне, в действительности, придётся путешествовать по лесам. Если бы мне тогда, в детские годы, кто-нибудь обьявил, что я сам, без чьей-либо помощи, отыщу когда-нибудь полдюжины глухариных токов,

потаённые места заячьих и журавлиных свадеб, три медвежьи берлоги, волчье логово и несколько барсучьих городков, - я бы не поверил.

А между тем, всё это случилось: ведь я мечтал добыть своего первого глухаря, зайца и даже - медведя, и так оно и произошло. Теперь я только вспоминаю о том, как всё это было, как я горел охотой, не представляя себя в лесу без ружья, и как мучительно пытался избавиться от него, в конце концов, отказавшись…

Лес потом отблагодарил меня за все эти усилия, а какие чудеса мне довелось увидеть, и как я был счастлив, что решился однажды осуществить все свои мечты! Чудесной сказкою мне открылась лесная быль, когда я пережил её всем сердцем, уже не предавая ни себя, ни лесную чащу, и лесной бог встретил меня однажды с распростёртыми обьятиями.

Да, всё это было, и мне сейчас приходится только благодарить судьбу, что лесные духи не отвернулись от меня, разглядев в моей душе созвучие природным ритмам, поверили в моё искреннее поклонение перед лесом, и, наверное, приняли, как своего. Иначе, как обьяснить удачу, что сопутствовала мне все эти годы, учитывая, конечно, и мою самоотверженность, и затрачиваемые усилия, когда я преодолевал бесконечные километры дорог в любую погоду, бессонные ночи у костров, терпеливое скрадывание зверя или птицы, как правило, длящееся часами? А ещё - всю неустроенность своего пребывания вне уютного дома, сопряжённую с дождями, морозом и пронизывающей метелью, чаще всего – в одиночестве?

Скорее всего, меня выручала именно преданность лесу, любовь ко всему, что было связано с ним. И я, конечно, не мыслил своего существования без глухарей и зайцев, куниц и медведей, лосей с барсуками и лисиц, без нескончаемой лесной дороги, что приводила меня, в конце концов, к постижению самого себя.

Разве могло всё это когда-нибудь надоесть и стать неинтересным, если ты с детства заложил лесу свою душу, а вышло это само собой, как будто так всё и должно было случиться, и я лишь радуюсь, и ни о чём не сожалею. Да и как можно жалеть о чём-либо, когда ты счастлив?!

Вот если человек несчастлив, значит, он виноват, я же кроме радости ничего в лесу не испытывал. Ну, если только сильное напряжение с волнением, но и то - в момент захватывающего постижения, когда не сопереживать происходящему ты не в силах: до того оно просто по своей природе, и всё же – восхитительно!

К началу октября погода в нащих местах обычно выдаётся тихая, сухая. В лесу всё находится в постоянной суете: бегает, перелетает, скачет и шмыгает. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро, и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики на манок летят плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький рябчик на оголённых деревьях бывает скоро заметен, и остаётся только хладнокровно выцелить его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Многое тут зависит от выдержки, терпения и покойной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами и обнаруживаешь у самых ног. Полюбовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, ощутив в руках приятную тяжесть от тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное – его потаённая лесная жизнь, больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склёвывая перезревшие ягодки рябины. Но неимоверно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и ещё большее, пока научишься любоваться красивой статью лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться её жизнью. На то, чтобы преодолеть в себе это стремление и обрести понимание окончательного отказа от охоты, у меня ушли многие годы.

Да, в лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то, незнакомую раньше, звериную повадку, и совершенно забываешься, как человек. Помню, как мне хотелось подстрелить своего первого глухаря, отыскать его во мху, скорее подержать в руках, а затем – принести домой и похвастаться перед близкими людьми редкой добычей. И однажды это свершилось: я бежал сквозь молодые сосенки и можжевеловые кусты к таинственной птице, спотыкаясь о иссохшие сучья и подворачивающиеся под ноги кочки, больше всего боясь упустить птицу. При этом не покидала мысль: а вдруг не найду!

Глухарь слетел со старой сосны как-то кособоко, словно хотел просто перелететь в более безопасное место, но получилось это у него неловко, он сбился в полёте, и … рухнул. В запале охоты на птицу, что из боровой дичи, обитающей в лесу, больше всех будоражила моё воображение и не давала покоя, не верилось, что глухаря в руках не окажется, как об этом мечталось.

Как велика была страсть, что жила во мне с детства! Может быть, даже с ещё более далёких первобытных времён, с моих первых впечатлений о лесе! Не просто осознать эту страсть в себе и принять, а затем – победить, уже никого не убивая, просто наслаждаясь нахождением рядом со зверем или птицей, под пологом нашего родного русского леса. Ведь сила человека – в его внутреннем мире, связанном с Богом, об этом ему изредка подсказывает сердце, и его необходимо слушать, всегда учиться быть чутким, и где, как ни в лесу лучше всего становиться самим собой, осознавая каждый свой шаг?

Охота – чрезвычайно сильное занятие и чувство, если, к тому же, захвачен им с молодых лет. Как описать и выразить его, когда ты переполнен людовью к природе, особенно, находясь в весеннем лесу, где всё проникнуто

торжеством жизни? Страсть берёт, переживая всё это неисчислимое природное богатство.

На глухарином току, ночью, глаза быстро осваиваются с темнотой, у тебя будто открывается внутреннее зрение, и вот ты уже видишь то, чего бы ни за что не приметил даже в сумерках, а если на небе показывается луна, то ты и вовсе начинаешь различать все предметы вокруг: и перебегающие изредка фигурки зверей, и живые тени от них… В ночном лесу совсем не страшно, когда интерес к нему перебарывает лёгкий испуг, и ты в нетерпении замираешь в ожидании того завораживающего всё твоё существо мига, когда глухарь ворохнётся на суку ото сна, вытянет шею, и возьмёт на пробу горлом морозный апрельский воздух – «скирк - скирк, скирк - уоо-к-к». Вся накопившаяся за ночь усталость сразу слетает, весь ты превращаешься в один чуткий слух, когда малейший щорох отдаётся в душе переживанием сопричастности проистекающему ещё миллионы лет назад таинству, так, что в пору самому затоковать, провозглашая известную с доисторических времён жизненную страсть.

Ты ей переполнен, как и древняя птица, и посещает вдруг мысль: а неужели эта страсть так сильна, что способна затмить собой всё остальное, что заключает в себе жизнь? Разве она действительно так всеохватна, что возводит инстинкт самосохранения на недостижимую высоту для всех иных человеческих устремлений? Конечно, нет, тягу человека к небу забыть в себе невозможно, но как могущественна сила природных чувств, что охватывает тебя по весне, когда ты молод, и полон энергии!

Не удержать эту страсть, наверное, только по молодости лет. Становясь же более взрослым, начинаешь всё чаще вглядываться в себе в Бога, впрочем, не забывая, как был очарован таинством дикой природы и в лесу, и в глубинах своей очарованной им души. Да будет она жива века веков, но только без уничтожения животного мира!

Обычно чуждо и омертвело разносится по лесу охотничий выстрел, так что всё в нём сразу притихает и, насторожившись, будто вглядывается своими зелёными глазами в то, как бьётся во мху, теряя выдранное дробью перо, раненая птица. И ты вдруг начинаешь осознавать, что убить, значит, помешать божественному замыслу в отношении отдельного живого существа. Лишать жизни, пусть это будет хоть невзрачная птаха, прерогатива Бога, а не человека.

Не зря среди лесного люда водится старая примета: возьмёшь с собой в лес ружьё – ждёт тебя неудача, пойдёшь с пустыми руками, чтобы только посмотреть на чудесный мир птиц и зверей, лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари – пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы – показывать свой огненный хвост и ушки на макушке, словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит.

Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да, к тому же, норовишь её обмануть, эта же неимоверная сила, рано или поздно, неминуемо наказывает тебя. Так однажды по весне наказал меня ОТЕЦ-ЛЕС за двух подбитых без нужды рябков, когда трогать их не следовало.

Спускаясь к реке по старому волоку с переброшенным через плечо ружьём, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал так, что шейка у приклада переломилась. Об охоте не могло быть и речи: ружьё напрочь вышло из строя. Но больше всего поразила именно неумолимость приключившегося, при всей простоте ситуации. Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надоумил: не шути с лесом, где всё про тебя известно и каждый твой шаг не остаётся без внимания, думай, прежде, чем что-либо совершить, а главное - не отделяй свои заботы от его интересов.

И действительно, лучше верить мудрой примете и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. И тогда ты станешь самым богатым человеком – тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество – не взять лесного исполина на берлоге, проявив будто бы неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься несгибаемым в любой жизненной ситуации, и не растеряешься, если от тебя потребуется решительность, но, всё же, без надобности не причинишь никому вреда.

Оставь ружьё дома, захватив с собой только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты поймёшь, что птицы и звери ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже, а поможет человеку в этом верная примета, следуя которой дойдёшь и до самого Бога. Ведь самые редкостные встречи в лесу случаются, когда человек чист намерениями, ружьё в его руках отсутствует, и лучше, если всё происходит с твоей стороны сознательно, чтобы звери не принимали это за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания ещё не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

Любовь – это богослужение миру, и потому призыв «Не убий!» есть признание, что именно любовь правит миром, и значит, она служит не только людям, но и зверям, птицам и растениям. Как бы охотник ни хорохорился, ни гнал от себя ощущение совершаемой им вины, когда он стреляет в зверя, любой выпущенный заряд всегда стегает и по его душе!

Не стреляй по живому, человек, ибо совершая выстрел, ты, в первую голову, попадаешь в себя, после чего божественное начало притаится в тебе, вроде как, даже покинет, и тогда уже трудно будет служить ему, уповая на

милость Господа. Он не услышит тебя, и качество твоей жизни снизится, ты окажешься отрешённым от того источника, что дарит истинную силу и радость.

Охота, по сути, есть возвращение человека к себе изначальному, к тем стародавним временам, когда не охотиться было невозможно, это составляло цель жизни. Первобытные люди не думали, что совершают убийство, им нужно было выжить, и они охотились, продляя этим свою жизнь. Если бы человек думал, что ему нельзя охотиться, он бы, наверное, не смог выслеживать зверя, и потому не чувствовал за собой вину.

Но охотничий инстинкт до такой степени утвердился в душе людей, что они до сих пор не в силах удержать себя от охоты на зверя, хотя, конечно, вполне могут обойтись сейчас без неё. И тогда зачем все эти невинные жертвы – медведи, лоси, рыси, куницы и лисы, великолепные глухари? По-моему, охота на животных уже давно должна быть завершена, ибо в ней нет никакой потребности, а любить природу вовсе не означает убивать её: инстинкт продления и укрепления своей жизни требуется незамедлительно сменить на инстинкт почитания в себе божественных качеств, для чего давно пришло время, и не понимать этого невозможно.

Конечно, и в наше время существуют малые народности, преимущественно обитающие на севере, в малонаселённых или совсем необжитых людьми районах, что охотятся по необходимости. Это – их способ выживания, и они не допускают варварского отношения к животным, соблюдая ритуал и охоты, и разделки зверя, не забывая при этом благодарить лесных духов. Добыча необходимой для существования дичи, бывает, единственное подспорье для их семей, и они берут только то, чего им, действительно, не достаёт, не более, прося у Природы прощения.

Другое дело, что случается сейчас повсеместно, когда убивают без всякой надобности, не ради пропитания, а для развлечения, даже – от безделья, что совершенно неприемлемо. При этом позируют рядом с убитым зверем, выдавая себя за «великих охотников», даже не подозревая, как обесточивают себя, лишая такой необходимой жизненной энергии.

Потеря равновесия человека с природой происходит просто: он теряет с ней взаимосвязь, когда покушается на чужую жизнь, независимо – зверь это, дерево или птица. Все болячки и прочие напасти человека – из-за потери им гармонии с самим собой и окружающим миром, и если ты будешь палить в этот мир из ружья, гармонии в твоей жизни не прибавится. Когда же перестаёшь охотиться на птиц и зверей, природа постепенно приближается к тебе, и трогательно открывает самые заповедные секреты.

С годами приходишь к простой мысли о том, что живые животные интересней, чем мёртвые. Забота о животных, их сохранение – гораздо более достойное и полезное занятие, нежели разрушение природы. Зверей и птиц вовсе не обязательно убивать, а лучше, скажем, писать о них, изучая скрытый образ жизни, и тогда люди прочтут твои рассказы, порадуются им, и поблагодарят тебя за вдумчивое причащение к природе.

Эти рассказы научат людей беречь родную природу, и, может быть, они перестанут её, наконец, убивать. Ведь по-настоящему лесной человек тот, кто защищает животный мир, и значит, любит его, не прикрываясь в своей охоте рассказами о красотах удивительной природы, что равносильно возведению воздушных замков. Реальное отношение к нашим меньшим братьям подразумевает справедливость, то есть, искреннее восприятие ценности их жизни, уважение к ней, и если ты действительно справедлив и искренен, ты уже не возьмёшь в руки ружьё.

Незаметно ты почувствуешь, как и в природе, и в тебе совершается какое-то настоящее торжество, и, сливаясь душой с ней, ты поймёшь, что это – единственно верный путь во взаимоотношении человека с окружающим его миром птиц, животных и растений, проще сказать, путь к счастью. Люди даже не представляют, какой радостью может загореться тогда для них жизнь, и сколько они смогут сделать в ней прекрасного, ведь она, несомненно, должна быть благотворна!

Порой душевные мучения за лесных обитателей одолевали меня больше, чем за окружающих людей… Беспокойство не отпускало, даже когда я покидал лес и уезжал за много километров в город: переживания за животных от этого только острее жгли моё сердце.

Так, однажды, испытывал я муки за барсука, удавленного в петле охотниками. Не один год наблюдал я за ним, встречал в весеннем ночном лесу на глухарином току, шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу, и стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон. И вот, узнал, что барсука не стало…

Долгое время я не в силах был успокоиться, и всё вспоминал, как милый зверёк улепётывал от меня весной, оставляя на снегу свои голотяпые следки, похожие на то, как будто здесь совсем недавно пробежал ребёнок, до того точно они напоминали отпечаток детской ножки. Но откуда бы ему тут взяться?!

Ещё тогда подумалось: не лучше ли было человеку, погубившего этого зверька, просто наблюдать в течение лета за тем, как барсук воспитывает своих малышей, радуется отпущенной ему лесом жизни и ни о чём другом не помышляет? Именно таинственное обитание барсука в глубокой лесной норе, неподалёку от чистого ручья, струящегося на дне глубокого лога, такие чудесные полоски на его морде и известное всем трудолюбие гораздо более ценны для человека, нежели добытая шкурка. Ведь только живой зверь поможет человеку воспитать и самого себя, и его неравнодушных детей, установив неразрывную связь с удивительным миром природы, и зачем же лишать себя этого чудесного единения, ограничивая свою жизненную энергию?!

Представьте себе, что все звери и птицы решили отомстить человеку… Как они это сделают?

И звери, и птицы, наверное, просто покинут человека, оставив его наедине со своими недалёкими мыслями и устремлениями. Души убитых им зверей долго потом не будут воплощаться, вообще, уйдут в другие, более глухие места, увлекая за собой и все остальные живые существа.

Птицы, исчезая, лишат человека крыльев, а звери – проницательности и чутья. Им не зачем будет возвращаться в предопределённую им человеком несвободу. И звери, и птицы скорее предпочтут неведомую человеку лесную глубину, совсем иной мир, без людской жестокости и спеси.

Если убийство животных происходит в целях добывания средств существования, когда иного способа раздобыть себе пищу не представляется возможным, это ещё куда ни шло… Но ведь большинство охотников в наше время отнюдь не голодают, а наоборот, это, как правило, вполне обеспеченные люди, живущие в полном достатке, однако им, для чего-то, необходимо обзаводиться внушительным ружейным арсеналом, представляя себя в собственных глазах настоящими, повидавшими виды мужчинами.

По их разумению, они непременно должны охотиться на крупного зверя – лося, кабана или даже медведя, на худой конец – зайца и тетеревов, разумеется, разбираясь в их следах и повадках. И, конечно, они без труда умеют устанавливать ловушки и капканы, являя собой некоего привлекательного героя, с головы до ног экипированного и продвинутого в вопросах охоты. Нашествие таких безрассудных охотников просто заполонило наши и без того опустошённые леса…

Что, как ни невежество, ни бездумное желание похвастаться перед знакомыми своими трофеями, да ещё запечатлеть себя на фотоснимке в мужественной позе побуждает их к этому? Причём, эти горе-охотники сами не в состоянии освежевать зверя, выделать шкурку, развести костёр в сырую погоду, а уж о том, чтобы отыскать глухариное токовище или нору барсука, и речи не идёт. В их неуёмных до падких успехов сердцах только гордыня, страстное стремление во чтобы-то ни стало выпятить себя в глазах других, такого же рода «охотников», прикрываясь при этом любовью к родной природе, к романтике таёжных дорог.

А всю тяжёлую и «грязную» работу осуществляют их подчинённые, как правило, не принимающие участия в так называемой «охоте»: либо это водители, либо обеспечивающие всё предприятие егеря, отменно разбирающиеся в порученном им деле. Все же устремления наших «любителей охоты» направлены на то, чтобы поскорее добрать зверя, самодовольно насладившись своим «умением», не переживая при этом никакой близости к безжалостно загнанным ими животным. Напротив, они, без удержу, готовы превозносить себя над миром природы, по сути – совершая предательство по отношению к своим меньшим «братьям».

Куда подевались старые заветы истинных «лесовиков», и отчего в таком обилии расцвело столь противное самому существу человека варварство? По-видимому, только от того, что это «самое существо» человеком в себе просто не учитывается, и уж тем более - не развивается.

Не болит душа человека об учинямой им бойне, потому что её нет в нём, присутствует лишь крохотный огонёк сознания, но он остаётся нераздутым. А между тем, это - наипервейшая задача каждого человека, предопределённая ему Богом судьба, и живя по ней, убивать подобные себе существа недопустимо. В этом – божественное предназначение дарованной нам чудесной жизни.

Не правда ли, это звучит странно, когда любящий природу человек, постоянно восхваляющий её красоты, в тоже время убивает зверей и птиц, оправдывая убийство своей преданностью лесу? Причём, он хорошо понимает: животные, как и люди, обладают чувствами, и могут отлично их выражать.

Звери способны заводить между собою разговоры, они общаются, а также выявляют свою привязанность или неприятие, им знакомо чувство оставленности, когда приходится довольствоваться одиночеством, и какую радость переживают они, обретая родных. А как нежно ухаживают звериные матери за малышами, незамедлительно жертвуя ради них жизнями, и маленькие дети звериного царства вырастают сильными и красивыми, не переставая затем заботиться уже о своих детёнышах. Но человек уничтожает чудесных зверей, преклоняясь перед их природным обаянием, и разве это не противоестественно?!

Противоестественно и то, что охотники до дичи закрывают глаза на мучения животных, будто не замечая их, убеждая себя, что при охоте иначе вести себя невозможно, и нужно просто оставить все сомнения на этот щепетильный счёт, не беря во внимание, а сосредоточить его на добыче дичи, чтобы она не ускользнула.

Но представим себе подраненного лося, что оставляет за собой на снегу кровавый след на протяжении сотен метров, его загнанно мятущееся могучее сердце, и жаркую погоню за ним этих самых «охотников», что продолжается и час, и два… А лось, в ужасе от происходящего, из последних сил, в смятении, преодолевает сугробы и заросшие мелколесьем выруба, кровавая пена пузырится на его губах.

Что испытывает он при этом кроме внезапно нахлынувшей боли, и разве такая судьба уготована ему лесом? И как ведут себя «охотники» до подобной расправы, что чувствуют они? Их задача – добрать зверя, с холодной неумолимостью лишив его жизни.

Только для этого чудесное сильное существо росло и мужало в безмолвных лесных просторах, напитываясь чистой водой в ручьях и пахучей корой, чтобы оказаться загнанным и пропасть, навсегда утеряв свою прекрасную дикую свободу? И всё это лишь благодаря несвободному человеку, находящемуся всю жизнь в рабстве собственных низменных устремлений?

Равносилен ли такой обмен, и во имя чего совершается он, удовлетворяя нетерпеливую человеческую натуру, жаждущую неоправданно скорых достижений, минуя при этом самое лучшее, божественное в себе? Не мешало

бы человеку подтянуть пояса и задуматься о том, что роднит его и с лосями, и с волками, и с журавлями, и давно уже, втайне, не даёт ему покоя.

Прекрасно понимая в глубине души свою вину, такой «охотник» непременно воскликнет: «легко сказать – бросить охоту!» И сколько же ещё примеров и случаев в его жизни должно произойти, чтобы он осознал, наконец, всю бессмысленность и бессердечность истребления, вобщем-то, дорогих для него животных?!

Несомненно, что находясь в постоянных душевных муках, глубоко скрываемых даже от самого себя, он будет долго убеждать свою совесть в обратном, находя «неопровержимые» доводы в пользу сохранения охоты, якобы, не представляя без неё существования, но всё равно это окажется неправдой, и сердце его всегда будет оставаться не на месте. Так что же человеку делать, как поступиться своими неотъемлемыми «охотничьими принципами», чтобы не чувствовать себя рабом собственных ложных устремлений, и, в конце концов, отказаться от уничтожения живых существ?!

Поражает в охоте на животных вот ещё что: люди привыкают к их смерти, и ценой тому – жизни животных, что умирают со страхом и мольбою в глазах, гибнут зря, без всякой на то нужды! Но человек по-прежнему стреляет, налаживает капканы и ловушки для новых жертв, да только разве возможно привыкнуть к убийству живых существ, если у тебя есть сердце, и ты сумел сохранить в нём цветы жизни?

Мятущиеся глаза зверей – укор для человека, что бесцеремонно уничтожает их, и ведь многие животные, действительно, не погибают сразу, испытывая неописуемые мучения! Разве разумно свыкнуться с подобным несчастьем, воспринимая его как должное, и заявляя вовсеуслышание о любви к природе, возможно ли не иметь к животным чувство сострадания?

Когда охотники, в оправдание своей стрельбы по живому, упоминают восприятие природы как некое удивительное, несравнимое ни с чем переживание, то мне всегда хочется напомнить им, что это самое природное чувство должно оставаться непогрешимым. Оно не должно разниться с непременным принятием человеком своего единства с прекрасным миром природы, его непревзойдённой красотой, ибо и ему самому надлежит быть красивым душой, а душа его при этом не может быть отделена от правды. К пониманию подобного положения вещей обязывает человека его совесть, и лишение жизни любого существа здесь недопустимо.

Так называемая «правда» охотника, преподносимая им как нечто незыблимое и достойное, непременно овеянное поэзией, по сути, есть сущий вздор, что оправдывает обычную первобытную страсть по добыче зверя. Когда-то, давно, она была вполне приемлема, без неё просто невозможно было бы прожить, но сейчас, в наше время, эта страсть абсолютно неуместна, точнее даже будет сказать – она губительна, причём, не только для зверей, а скорее даже для самого человека.

А сколько бессмысленного вранья сопутствует этому вздору, то есть, выдуманной «правды», совершенно не отвечающей истинным душевным

устремлениям людей, когда они в силах обойтись без охоты, поскольку она просто не нужна. Ну, если только в случае уничтожения диких зверей, представляющих опасность для жизнедеятельности человека, что должно быть доверено подготовленным командам профессионалов, помимо всего прочего ответственных за поддержание порядка в лесу, занятых охраной заповедных территорий.

Зачем убивать куницу или норку, когда можно производить красивый искусственный мех, сводить на нет поголовье лосей, кабанов или изюбров, если их с успехом заменит животноводство, стаи же тетеревов, фазанов или куропаток - развитое птицеводство? «Правдолюбивые» охотники резонно, с их точки зрения, возразят, что дело тут не в добывании мяса, а в переживаемой ими красоте при соприкосновении с чудесной природой, ведь её при охоте на зверя и птицу никак не отнять, и кто им запретит такое неподражаемое природное обаяние не переживать? По мнению охотников, они имеют на это полное право!

Но разве человеку, как одному из представителей животного царства, присущи только стадные действия? Нет, всякий человек, как и любое живое существо, должен вести себя сообразно дарованным ему возможностям, а значит – разумно. Конечно, у одного это выходит самым наилучшим образом, по-человечески, а у кого-то и совсем ничего не получается, потому как он не учится понимать жизнь и себя в ней, живёт несознательно.

Кому хоть раз приходилось видеть стремительный полёт тетеревов и стрелять в них из обоих стволов, восторженно заявит какой-нибудь «правдолюб» от охоты, тот уже никогда этого не забудет, и, не переставая, будет желать ощутить это вновь. А как притягательно следить за тем, когда свечой устремляется вверх осенний упитанный вальдшнеп, быть очарованным его внезапным взлётом, напоминающим звук разрываемого шёлка? Все эти птицы созданы, кажется, только для того, чтобы на них охотились, иначе для чего существует такой будоражащий шум их крыльев, что волнует больше, чем любовь?

Оно, конечно, так, и нет предела тому восхищению, ежели вдруг из-под ног вырвется краснобровый тетерев-косач, и ты не в силах удержаться от меткого выстрела по нему, но ведь и то правда, что каждому такому охотнику стоит проникнуться пониманием: убивая живое существо, ты подвергаешь его мучениям, одновременно убивая что-то важное и в себе. Это так легко осознать!

Не может убийство, пусть даже, на первый взгляд, безмозглых селезней, быть оправданным только потому, что это просто утки, в бесчисленном количестве прилетающие к нам по весне на север? А то, что птицы преодолели на этом пути сотни километров, и всё только для того, чтобы оказаться подстреленным каким-то досужим охотником, восхищающимся шелестом их крыльев, не учитывается?!

Нет, охота на птиц и зверей производится, конечно, не потому, что они удивительно красивы, и не по причине восхитительного великолепия нашей

неповторимой русской природы, даже – не из-за страха, а только по неиссякаемой в себе первобытной страсти, побуждающей выслеживать и убивать, что давно бы уже пора в себе преодолеть. Но она, эта страсть, только ещё более подогревается в разнообразной охотничьей литературе и журналах, в обилии производимых промышленностью ружьях, ножах и прочих доспехах, когда охотничье ремесло преподносится, как искусство. Когда-то, давно, оно, действительно, было необходимого для древних людей, но ведь сейчас насильственное убийство бесплодно, и, скорее, есть проявление слабости, когда ты самоутверждаешь себя засчёт красоты и тайны животных, которые безжалостно у них забираешь.

Не лучше ли человеку лишь порадоваться, завидев в небе косяки журавлей, гусей и уток, но не изощряться в их бессмысленном истреблении, с каким-то остервенением, будто от этого зависит существование человека? Когда же человек, наконец, осознает всю тлетворность производимого им варварства, что единство его с чудесным миром природы неслучайно, и укрепить его достойное отношение к жизни должна мысль о единстве его правды и правды любого животного, о существовании того, что порождает волшебную силу неповторимой природы?!

Если ты не способен удержать себя от выстрела из ружья, нажми кнопку фотоаппарата, запечатлев на вечную память этот бесподобный по красоте полёт птицы, что тоже останется жива, и порадует ещё кого-нибудь стремительностью своего чудесного парения! Не бери на себя право лишать её жизни, не ты вдыхал в её крылья эту удивительную силу, а лучше создай нечто такое же удивительное, чего ранее не существовало.

Вот где потребуется твоя ловкость и смекалка, воля и терпение, незаменимое ничем милосердие, когда отдаёшь всего себя во имя божественного существования. Неужели ты, человек, не способен именно на такое достойное поведение, что, несомненно, необычайно интересно и захватывающе?!

Но чаще всего я замечал среди охотников такую черту, как желание, во что бы ни стало, показать себя необыкновенно бывалым человеком в знании повадок зверя и верных способов его добычи, повидавшим виды промысловиком, хотя таковым он на деле и не является. К этому всеми силами стремятся почти все охотники, им непременно нужно продемонстрировать свою власть над природой, то, как они ловко ведут себя в лесу. Без труда умеют быстро разжечь костёр и обустроить на ночь нодью, наладить силки или капкан, безошибочно определить по следу – какой зверь недавно прошёл, самец или самка, нёс ли он в зубах добычу, а если пойти ему в пяту – натолкнёшься ли ты рано или поздно на его нору?

При наблюдении за охотником сразу становится видно – чего он стоит, и если человек ведёт себя сдержанно и скромно, это непременный залог его порядочности и глубокого знания леса. Ему просто незачем выставлять себя непревзойдённым знатоком природы, поскольку он им в действительности и

является, и если вы заметите в своём окружении такого человека, обратите на него внимание, постарайтесь познакомиться с ним поближе.

Что же касается краснобаев, якобы, повидавших виды «лесовиков», то держитесь от них подальше, начинайте своё общение с лесом со знакомства с мудрым и спокойным человеком, он на деле очень редок. Тот же, кто хочет быть в лесу «хозяином», не достоин вашего интереса. Его прельщает в отношениях с природой только личная выгода, иного интереса он не предполагает, и всё самосознание такого охотника сосредоточено лишь на достижении добычи, порой – любыми способами, и ничего доброго он не приносит ни себе, ни лесу. Держитесь подальше от того, кто искренне недоумевает – почему он не имеет права по собственному разумению распоряжаться дарами природы, ведь именно он и считает себя «бывалым», а значит – абсолютно не понимающим суть своего нахождения на земле, ценность взаимоотношения с обитателями леса.

«Хозяин» леса не является, в первую очередь, хозяином для себя самого, и потому проявляет в отношении и птиц, и животных, и растений одну жестокость, и, конечно, он не способен на какое-либо милосердие, истинное внимание к жизни, иначе она не одарит чудесами. Нужно научиться пользоваться богатством леса, умению быть ему другом, открывая и в себе и в нём то, что оказывается истиной. А истина такова, что человек не может быть собой без природы, входя в неё учеником, выходя же – умудрённым опытом человеком, раскрывая тем самым свой личный путь жизни.

Ты и лес неразделимы, только относись к нему с уважением, если хочешь быть ему другом, не представляй себя перед другими и перед собой «бывалым», а не покладая рук учись у леса мудрому отношению к лесу. Слейся с лесной чащей, сосредоточь своё внимание на каждой паутинке, и она тебя спасёт от высокомерия: ты почувствуешь себя среди лесных обитателей своим, нужным им разумным существом, и так, незаметно, получишь в лесу собственное лицо, неотъемлемое от божественной природы. Тот же, кто бахвалится, стремясь выказывать свою «власть над природой», не достоин внимания, он слаб, и ему следует так долго работать над собой, чтобы лес ему поверил.

И всё же, от многих охотников я чаще всего слышу, как они любят природу, но не могут не охотиться на дичь. Без этого их любовь, будто бы, не настоящая, она не имеет права на существование. Если ты весной не стоишь с ружьём на вальдшнепиной тяге, не сидишь в шалаше на тетеревином току, ожидая подлёта краснобровых косачей, не бредёшь ночью по раскисшей дороге к потаённому глухариному токовищу, чтобы добыть великолепного мошника, не загоняешь по первому снегу лесного великана-сохатого – какой же ты охотник?

Не добывая таких прекрасных птиц и зверей, ты, по их мнению, не истинный ценитель леса, и непереносимо как раз не сострадать животным, а именно не выслеживать и не красться, терпеливо выжидая возможность сразить метким выстрелом токующего в рассветных сумерках глухаря. И

ничего при этом, что он провозглашает в своей песне весну и любовь, ожидая подлёта страстной копалухи, ведь птица не может чувствовать, как человек, а вот он, истинный почитатель природы, всё в ней тонко понимает, обладая и проницательностью, и чутьём, и чувством прекрасного… Вам знакомы подобные убеждения?!

Главным аргументом в этих восторженных заверениях служит не терпящее возражений утверждение, что волшебный мир природы необыкновенно прекрасен, и охотник, позабыв обо всём, пытается донести до кого-нибудь, что вот он-то в таинственную лесную страну вхож, как никто другой, и верным залогом служит добытый им трофей – вальдшнеп, глухарь, а лучше - заяц! Этому охотнику ничего не стоит подстрелить и более крупную дичь – барсука или лисицу, а то и медведя, он знает, как это осуществить, ведь умения ему не занимать, и человек начинает верить в своё глубокое видение лесного мира, вовсеуслышание провозглашая его чудеса. Так бывает, когда тобой всецело овладевает животное удовлетворение природного инстинкта, и ты не осознаёшь ни себя, ни происходящего с тобой, будто ещё не минуло твоё первобытное восприятие действительности, и ты, как варвар, готов настигать стрелой бегущего зверя, летящую птицу, или даже ничего не подозревающего звериного детёныша, лишь бы только достичь его, схватить в руки и сьесть.

На этом страсть первобытного человека, вроде бы, кончается, да только до следующей охоты, призванной опять выслеживать и догонять, непременно убивая. Но ведь вы уже давно не первобытный человек, и даже способны на возвышенные чувства, восхваляя красоту природы: так от чего вы убиваете, хвастаетесь перед знакомыми своей добычей, и даже фотографируетесь с поверженным зверем?

На снимке вы выглядите заправским охотником, настоящим первооткрывателем неведомых земель и лесных троп, и тем, кто разглядывает вас на фотокарточке, трудно в это не поверить. Вы же необыкновенно воодушевлены своими охотничьими заслугами, и стремитесь убедить каждого в том, что и ему может быть подвластен этот чудесный лесной мир, стоит лишь обратить к нему свой взор, приобрести ружьё и отправиться на охоту.

И всё же, задумайтесь: зачем существующие чудеса уничтожать? Не проще ли ими просто любоваться, принимая всем сердцем и складывая о них увлекательную историю?

Не помешает при этом увериться и в том, что истинные чудеса в лесу не осознающему себя человеку недоступны, он их просто не увидит в погоне за добычей, и о каком понимании природы тут можно говорить? Ему бы только след приметить – и вот уже всё его внимание устремлено на зверя, когда, по правде говоря, вряд ли разглядишь в лесу что-либо необычное. Уж больно ты захвачен собой, своим неутомимым желанием во чтобы-то ни стало добрать улепётывающего от тебя зайца, взять его на мушку.

И разве увидит охотник в этом зайце самого себя? Нет, не получится у охотника присвоить себе всю природу, если он не понял своей человеческой сути, то, что она - божественна, и не он утвердил это качество в своей душе.

А ниточка, связывающая человека с ОТЦОМ-ЛЕСОМ, тоненькая-тоненькая, никем, кроме него, не приметная, готовая в любой момент оборваться, но и её приходится зарабатывать годами неустанного общения с лесом. Причём, беспрерывно, только тогда неведомые лесные силы начнут хотя бы немного доверять тебе, продолжая при этом постоянно проверять твою преданность лесу, полную отдачу ему твоей энергии.

Это очень трудно, даже профессионально связанным с лесом людям, чаще всего – недостижимо, ибо в твоём стремлении познать лес, его тайны, должна присутствовать абсолютная искренность и отсутствие малейших эгоистических побуждений. Тебе предстоит отказаться от овладения свободой зверя, птицы либо растения засчёт своего умственного преимущества. Ты должен быть нацелен только на познание природы во благо её самой, и никак иначе, в противном случае тебя никуда не допустят и ничего не откроют.

Способен ты на подобную душевную чистоту, неподдельную душевную отдачу лесу, которую он обязательно почувствует? Готов во имя созидания лесного чуда пожертвовать всеми своими удобствами, временем, даже, быть может, жизнью?

Если нет, то все твои хождения в лес окажутся бессмысленными. Мало того, с тебя рано или поздно взыщется, если ты не изменишь своего отношения к природе. И потому задумайся: если ты – истинный искатель, то стоит ли предавать природные энергии, относясь к ним без должного внимания, разрушительно? Не соверши ошибки, человек, иначе она будет стоить тебе очень дорого.

«Какая теперь охота!» - восклицал ещё сто лет назад Михаил Михайлович Пришвин, и, вспоминая его слова, почешешь в затылке, и невольно тоже воскликнешь: «А нам-то что остаётся!»

И действительно, охоты не стало, как и не стало лесов, что, как ни старайся, уже не восстановить. Но охотники, между тем, всё равно снаряжают патроны и ружья в лес, не спят ночами в предощущении скорой поездки туда, и так же, как и сто, и двести лет назад, как это было одинаково во все времена, сердца их замирают в сладкой истоме от одного слова – «охота»!

Вы, дорогой читатель, наверное, совершенно естественно зададитесь вопросом: чего же они никак не уймутся? И я вам отвечу: они до сих пор не в силах укротить в себе первобытного зверя, оправдывая свою неуёмную страсть «любовью» к красотам природы, не понимая, в тоже время, что это слово на самом деле из себя представляет. А представляет оно искреннюю

привязанность ко всему живому, желание с трепетом проникать в суть происходящего в природе, никого при этом, конечно, не убивая.

Человеку нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятном обаянии, а затем быть готовым верно распорядиться приобретённым знанием, великодушно отдавая его другим. Иначе, зачем ты, человек, наделён разумом, отчего, хоть иногда, заглядываешься на звёзды?!

В последнее время часто можно слышать, как многие люди с недоумением задаются вопросом о том, почему человек убивает животных? Они, будто бы, не в силах воспринимать совершаемое против животных зло, как неминуемую данность, и искренне негодуют по этому поводу. Порой даже начинает казаться, что сторонников милосердного отношения к природе гораздо больше, нежели тех, кто совершает надругательство над живыми существами, не испытывая при этом никакого сожаления, а наоборот, получая удовлетворение от выслеживания и добычи зверя, возводя подобное действие в ранг не оценимых никем собственных заслуг.

«Убить», по мнению так называемых «охотников», значит, перехитрить зверя, подчинить его своей воле, а то, что животное страдает при этом – забота не наша. Так, мол, устроена жизнь, убеждённо полагают они, и если тетерева или зайца убить – не душу сгубить. Вроде как, убил охотник птицу: перья остались, а мясо улетело! То, что в таком человеке всякое доброе чувство тоже умирает, на веру им не принимается, как и понимание, что человек ничего не добьётся, если будет ценить животных только за пользу, которую можно получить от них.

Но вот что странно: люди, убивающие зверей, в сравнении с теми, кто ратует за отказ от убийства, как бы это не выглядело несуразно, быстрей достигают истинного понимания в этом вопросе, то есть, гармонии с миром природы, отказываясь от охоты, если не устают искать, не остаются равнодушными к чужой жизни. Почему-то именно им, уже не раз погрешившим против животного мира, надлежит рано или поздно распутать клубок собственных противоречий. Радетели же чаще всего не приближаются к истине вовсе.

Из всего этого следует вывод: когда человек не в силах принять своё незнание, ему всё ещё нравится убивать, так ничего в себе и не осознав, но чтобы преодолеть, наконец, это непонимание, ему необходимо пережить в душе гибель животного, чью жизнь он неумолимо оборвал с помощью капкана, петли или ружейного выстрела. Может быть, с луком и стрелами он выглядел бы более привлекательно, да только изменится ли от этого суть? Это страшно звучит, но пока ты не лишишь живого существа жизни, не прочувствуешь за него всю боль и отчаяние, причём, не раз, а в течение, быть может, многих лет, побывав в разных ситуациях, связанных с охотой, ты не осознаешь правду жизни.

Ты пострадай, помучайся над убиенными тобой зверями, да посмотри со стороны на то, что сотворил так, чтобы проснулась в тебе совесть,

забродила неудовлетворённость от содеянного зла, и прочувствовал бы ты муки животных, как свои. Чтобы дошло, наконец, до твоего сердца простое знание: звери и птицы – твои друзья, и они созданы для того, чтобы человек не забывал о своих возможностях, которые открываются перед ним, когда он чтит родную природу. Ведь последнее слово всегда остаётся за человеком, постепенно вырастающем в своём ребёнке, и больше всего меня беспокоит то, что сами люди не хотят быть такими, какими они могут быть.

И вот опять, как и в начале этой книги, но только с ещё большей убеждённостью, во мне звучат слова о том, что люди мучают и себя, и друг друга, и обитателей леса из-за этой душевной лени, и один Господь ведает, до каких пор это будет продолжаться. И самое главное, люди не развивают себя. А надо-то, всего лишь, заглянуть в свою душу и ответить – кто ты, зачем на этой земле живёшь, и что, только опираясь на свой земной опыт и опыт дорогих тебе зверей и птиц, ты способен преодолеть животные инстинкты, обретая, благодаря своему развитию, простую истину: не убий!

Оглавление

Дорогие звери и птицы 2
Предисловие 2
Вороний суд 8
Косой чёрт 11
Рысь 12
Зимняя картинка 15
Весёлые кабаны 16
Лисичка-сестричка 18
Утёнок 24
Звериная свадьба 25
Кунья мордка 27
Осенняя песня 31
Слитность с лесом 35
Сойка 36
Изобретательная сорока 39
Мой зверь 40
Сорокопут 43
Жаворонки 44
Ёжик 47
Влюблённая глухарка 50
На север 54
Сила жизни 55
Забавный случай 56
Глухариная весна 57
Лесной шум 62
Невидимые волки 63
Визитка глухаря 66
Косач 75
У изголовья зверя 76
Совкин деверь 77
Только однажды 80
Ощущение зверя 83
У полыньи 85
Черный ворон 85
Заячья забава 92
Господин дятел 97
Заячьи свадьбы 108
Лесной архимандрит 111
«Красная горка» 133
Дневник глухаря 139
Журавли 145
Дружные тетерева 154

Ночной гость 163
Весенние шарманки 165
Ночной переполох 174
Почему зайчиху плохой матерью зовут? 179
Спящие лебеди 180
Кукушкины слезы 184
Чувства-птицы 186
Лесные усы 187
Трясогузкины причуды 191
Сердобольная птица 192
Зяблик-интеллигент 200
Трум-трум 209
Птичий гений 218
«Пя-ятъ, пя-ятъ, п-ятъ тетеревей!» 228
Темная звериная душа 244
Милые лоси 245
Отчего волки воют? 253
Серый помещик 254
Еловое облачко 275
Лесная бабочка 295
Необычная сова 299
Незнакомый зайка 301
Берлога 305
Не убий! 334